

**САНДРА
БРАУН**

Алиби

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОКСМО

Сандра Браун

Алиби

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121302

Браун С. Алиби: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-08865-2

Оригинал: SandraBrown, "The Alibi"

Перевод:

Владимир А. Гришиечкин

Аннотация

Новый роман Сандры Браун – это пронзительное повествование о страстном влечении двух зрелых людей друг к другу. Мастерски закрученный сюжет захватывает читателя с первых же страниц.

Помощник прокурора Хэммонд Кросс, ведя дело об убийстве финансового магната, находится в трудной ситуации: женщина, в которую он с первого взгляда влюбился, оказывается главной подозреваемой.

Содержание

Суббота	5
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	51
Глава 5	65
Глава 6	78
Глава 7	95
Воскресенье	113
Глава 8	113
Глава 9	135
Глава 10	158
Глава 11	185
Глава 12	205
Понедельник	223
Глава 13	223
Глава 14	242
Глава 15	271
Глава 16	295
Глава 17	321
Глава 18	344
Вторник	360

Глава 19	360
Глава 20	387
Глава 21	418
Среда	440
Глава 22	440
Глава 23	460
Глава 24	490
Глава 25	510
Глава 26	533
Четверг	551
Глава 27	551
Глава 28	570
Глава 29	592
Глава 30	610
Глава 31	633
Глава 32	655
Глава 33	667
Пятница	691
Глава 34	691
Глава 35	711
Глава 36	726
Глава 37	736
Глава 38	757

Сандра Браун

Алиби

Суббота

Пролог

Отчаянный женский крик нарушил гулкую тишину гостиничного коридора. Из номера «люкс» выбежала растерянная горничная. Она кричала, звала на помощь, всхлипывала, отчаянно колотила в двери соседних номеров.

К несчастью, в это время дня гостиница была практически пустой. Большинство постояльцев наслаждались красотами Чарлстона. Наконец дверь одного из номеров приоткрылась. Мужчина, приехавший из Мичигана, не вынес непривычной жары и вернулся в номер, чтобы немного вздремнуть.

Крики разбудили его, и он сразу понял, что только нечто из ряда вон выходящее могло довести женщину до такого состояния. Мичиганец, так и не разобрав толком, что она бормочет, позвонил портье и сообщил о чрезвычайном происшествии на последнем этаже.

Портье сообщил в полицию, и два полицейских, на чьем участке находился и только что открывшийся отель

«Чарлстон-Плаза», немедленно выехали на вызов. Взволнованный охранник гостиницы провел их в злополучный номер. Именно в этот номер и зашла горничная, чтобы приготовить постель на ночь, но оказалось, что в ее услугах больше нет необходимости. Постоялец лежал в гостиной на полу, мертвый.

Полицейский опустился на колени рядом с трупом.

– Черт побери... Похоже, это...

– Это он, точно, – ответил его напарник таким же преисполненным благоговейного страха голосом. – Ну и каша теперь заварится, верно?

Глава 1

Он заметил ее сразу же, как только она вошла в павильон. Она выделялась даже в толпе женщин, одетых большей частью в весьма легкомысленные летние наряды. И что самое удивительное, незнакомка была одна.

Она остановилась на мгновение, чтобы сориентироваться, ее взгляд задержался на небольшой эстраде, где расположились музыканты. Женщина прошла через танцплощадку к столикам, выбрала свободный и села.

Павильон для танцев, украшенный гирляндами лампочек, был круглым, примерно ярдов тридцать в диаметре. И хотя это было открытое сооружение с конической крышей, поглощавшей шум, грохот стоял невероятный.

Музыкантам явно не хватало таланта, но они возмещали этот недостаток громкостью, находясь во власти заблуждения, что лишние децибелы скроют прозвучавшие не в такт ноты. И все-таки они играли с поразительным энтузиазмом и сумели привлечь к себе внимание, азартно терзая гитару и клавишные. Заплетенная в косички борода играющего на губной гармошке подпрыгивала в такт его движениям. Скрипач, не забывая водить смычком по струнам, еще и отплясывал энергичную джигу, демонстрируя публике желтые ковбойские сапоги. Барабанщик явно знал только одну каденцию, но зато выкладывался полностью.

Толпу не раздражала такая игра. Да и Хэммонду Кроссу это не действовало на нервы. Шум окружной ярмарки странным образом успокаивал. Хэммонд впитывал в себя пьяные вопли, доносившиеся с центральной аллеи, крики подростков, резвившихся на чертовом колесе, плач уставших малышей, звонки, свистки, гудки, крики и смех, неотделимые от массового гулянья.

Хэммонд Кросс вовсе не собирался на ярмарку. Хотя это пошло бы только на пользу его рекламной кампании в прессе и на телевидении, он как-то не придавал этому значения. Хэммонд Кросс совершенно случайно попал на эту ярмарку в полчаса езды от Чарлстона. Он даже сам не понял, что заставило его остановиться. Кросс отнюдь не принадлежал к числу заядлых любителей подобных увеселений. Его родители ни разу не водили его на ярмарку. Они всеми силами избегали таких общедоступных развлечений. Так веселились люди не их сорта.

Хэммонд бы и сам постарался объехать ярмарку стороной. И не потому, что был снобом, не потому, что полностью выкладывался на работе, а потому, что слишком трепетно относился к своему свободному времени и всегда сам выбирал, с кем и как его проводить. Гольф, рыбалка, спокойный ужин в хорошем ресторане – да, но ярмарка за городом? Подобное времяпрепровождение явно не числилось среди его любимых занятий.

Но этим вечером толпа и шум показались ему особенно

притягательными. Если бы Хэммонд остался один, то лишь размышлял бы над своими неприятностями и впал в уныние.

Поэтому, когда на шоссе Хэммонд Кросс случайно попал в череду машин, фургонов и мини-автобусов, направлявшихся на пастбище, превращенное предприимчивым фермером во временную стоянку, он послушно сбросил скорость и не стал сопротивляться.

Хэммонд заплатил пару баксов жующему табак парню и обрадовался, когда ему удалось припарковать машину в тени дерева. Он снял пиджак и галстук, закатал рукава рубашки и только потом вышел из машины. Пока Хэммонд пробирался по полю, осторожно обходя коровьи лепешки, он пожалел, что на нем брюки от костюма и кожаные мокасины, а не джинсы и ковбойские сапоги. Но все равно у него поднялось настроение. Здесь его никто не знал. Ему не нужно было ни с кем говорить, если ему этого не хотелось. Никаких обязательств, никаких назначенных встреч, никаких телефонных звонков. Здесь он не был ни профессионалом, ни чьим-то коллегой, ни сыном. Напряжение, гнев, груз ответственности – вся эта тяжесть свалилась у него с плеч. Хэммонд Кросс ощутил себя свободным.

Территория ярмарки была обозначена пластиковой лентой с разноцветными флажками, неподвижно висевшими в жарком мареве. В воздухе витал опьяняющий аромат еды. На расстоянии музыка не казалась такой плохой. Хэммонд обрадовался, что остановился. Ему нужна была эта... изоля-

ция.

Потому что, несмотря на море народа вокруг, он был и в самом деле в полной изоляции. Его поглотила шумная людская толпа, и это показалось ему куда приятнее, чем одинокий вечер в собственном загородном доме. Хотя сначала Хэммонд Кросс именно так и намеревался провести выходные.

Группа сыграла уже две песни с той минуты, как женщина с золотисто-рыжими волосами вошла в павильон и села за столик по другую сторону танцплощадки. Хэммонд продолжал рассматривать ее и строить предположения. Скорее всего она кого-нибудь ждет, и вероятнее всего, мужа и кучу ребятишек. Женщина была немного моложе Кросса – чуть больше тридцати. Тот самый возраст, когда женщины или работают, или сидят дома, думая исключительно о лучшем отбеливателе и о том, как сохранить цвета яркими. Эти знания Хэммонд Кросс почерпнул из телерекламы, но незнакомка явно не подходила под эту демографическую категорию.

Если не считать того, что она была несколько излишне... излишне... нервной.

Женщина определенно не выглядела как мать маленьких детей, наслаждающаяся минутой покоя, пока папочка катает малыток на карусели. Но у нее не было и того холодного, уверенного вида, которым отличались жены его приятелей, все без исключения состоявшие в престижных дамских клу-

бах. Эти дамы посещали коктейли, устраивали дни рождения для детей и вечера для коллег мужа, играли в гольф или в теннис в загородных клубах дважды в неделю в промежутках между занятиями аэробикой и посещением кружка по изучению Библии.

Да и по фигуре этой женщины никак не скажешь, что она дала жизнь двум или трем детям. Никакой мягкости, расплывчатости линий. Ее тело было поджарым и спортивным. У нее были хорошие – нет, просто великолепные – ноги, мускулистые, изящные, загорелые. Их красоту не демонстрировали, а лишь подчеркивали короткая юбка и босоножки на низких каблуках. Майка без рукавов застегивалась на шее, а кардиган в цвет, до этого прикрывавший плечи, теперь висел на спинке ее стула. Наряд был продуманным и шикарным на фоне толпы в шортах и кроссовках.

Женщина положила на столик сумочку, достаточно вместительную для связки ключей, носового платка и небольшой косметички. Но ее сумка никак не подходила для молодой матери, которой приходится носить с собой бутылочки с водой, памперсы, еду и все необходимое, чтобы провести день с ребенком вне дома даже в случае непредвиденных обстоятельств.

Хэммонд обладал аналитическим складом ума. Дедуктивный метод был его сильной стороной. Поэтому он уверенно пришел к выводу, что эта женщина не может быть матерью.

Но это вовсе не означало, что она не замужем или просто

не связана с мужчиной, которого сейчас и поджидает, кем бы он ни был, чем бы ни занимался и какими бы ни были их отношения. Она могла быть деловой женщиной, думающей только о карьере, женщиной-бизнесменом, преуспевающим менеджером, опытным предпринимателем, брокером на бирже или работать в кредитном учреждении.

Потягивая свое пиво, быстро ставшее на жаре теплым, Хэммонд продолжал с интересом ее разглядывать. И вдруг сообразил, что женщина тоже на него смотрит. Когда их взгляды встретились, его сердце пропустило удар. Возможно, потому, что его застали на месте преступления. Но Хэммонд Кросс все-таки не отвернулся. Не обращая внимания на танцующих, попадавших в поле зрения, они не отрывали друг от друга глаз в течение нескольких секунд.

Женщина первой отвела глаза, словно смутившись из-за того, что выбрала в толпе именно его. Огорченный тем, что незнакомка так по-детски отреагировала на совершенно невинную вещь, Хэммонд встал и освободил свой столик двум парам, стоявшим у него за спиной в ожидании свободного места. Он прошел сквозь плотную толпу к импровизированному бару.

Военные с трех баз, расположенных в округе, плотно облепили стойку. Они были в гражданской одежде, но их легко было вычислить по коротко стриженным волосам. Они пили, высматривали девушек, взвешивали свои шансы на удачу, делали ставки на то, кому повезет, а кому нет, – в общем,

по-мужски развлекались.

Бармены разносили пиво с завидной сноровкой. Но они не успевали удовлетворить всех желающих. Хэммонд несколько раз попытался привлечь к себе внимание, но потом сдался и решил подождать, пока толпа немного не рассосется.

Кросс снова посмотрел на столик, за которым сидела женщина, и расстроился. Теперь свободные места занимали трое мужчин. И широкие плечи одного из сидящих полностью скрывали рыжеволосую женщину от глаз Хэммонда. Все трое были в гражданском, но, судя по очень короткой стрижке и самоуверенности, за столом сидели явно морские пехотинцы.

Что ж, он ничуть не удивился. Расстроился – да, но не удивился.

Женщина была слишком красивой, чтобы в субботу вечером оставаться одной. Она просто ждала, пока появится тот, с кем у нее назначено свидание.

И даже если она приехала на ярмарку одна, то ей недолго оставаться в одиночестве. Только не на этом рынке плоти. У военного в увольнительной инстинкт и решимость акулы. У него только одно на уме – обеспечить себе подружку на вечер. Даже ничего не предпринимая, эта женщина не могла не привлечь к себе внимания.

Не то чтобы он сам собирался к ней подойти. Он был уже не в том возрасте. Но и опускаться до обывательского уровня и плакать навзрыд он тоже не собирается. Да ему это и не

пристало. Не сказать что Хэммонд Кросс с кем-то связан, но и совсем свободным он тоже не был.

Рыжеволосая женщина вдруг встала, подхватила свой кардиган, перебросила через плечо ремешок сумочки и повернулась, чтобы уйти. Мгновенно вся троица, сидевшая с ней за столом, оказалась на ногах. Они окружили ее. Один, словно отлитый из стали, положил руку ей на плечо и низко нагнулся к ее лицу. Хэммонд видел, как шевелились его губы. Его слова заставили его товарищей разразиться хриплым одобрительным хохотом.

Но женщину шутка не развеселила. Она отвернулась, и Хэммонду показалось, что рыжеволосая красавица пытается выпутаться из неловкой ситуации, в которой оказалась, и при этом не устроить сцены. Она взяла морского пехотинца за руку и осторожно сняла ее со своего плеча. Напряженно улыбаясь, она что-то сказала и снова повернулась, чтобы уйти.

Но пехотинец решил не сдаваться. Подбадриваемый приятелями, он пошел за ней, схватил ее за руку и снова развернул к себе. И Хэммонд решился.

Потом он не помнил, как шел через танцплощадку, буквально ввинчиваясь в толпу, ритмично раскачивающуюся в медленном танце. Но уже спустя несколько секунд он отодвинул в сторону одного из накачанных мускулистых ребят и услышал собственный голос:

– Прости меня, милая. Я наткнулся на Норма Бланшара,

а ты знаешь, как он любит поговорить. Как мне повезло, они как раз играют нашу мелодию, – и, обняв женщину за талию, Хэммонд Кросс повел ее на площадку.

* * *

– Вы получили мои инструкции?

– Так точно, сэр. Никого не впускать, никого не выпускать. Мы перекрыли все ходы и выходы.

– Это относится абсолютно ко всем. Никаких исключений. Отдав приказания, детектив Рори Смайлоу кивнул полицейскому и вошел в «Чардстон-Плаза» через главный вход. Лестницу этой гостиницы многие журналы по дизайну интерьера называли архитектурным триумфом. Она уже стала символом нового комплекса. Олицетворяя южное гостеприимство, два широких крыла уходили вверх из вестибюля. Казалось, они обнимали хрустальную люстру и на высоте сорока футов сливались, чтобы образовать галерею второго этажа.

Повсюду в толпе постояльцев и служащих, каждый из которых уже знал о том, что на пятом этаже произошло убийство, мелькали полицейские.

Вокруг сновали обожженные солнцем, вспотевшие, увешанные фотоаппаратами и кинокамерами туристы, задавая всем вопросы, обсуждая происшествие между собой, рассуждая о том, кого убили и почему.

В своем отлично сшитом костюме и французской рубашке с запонками Смайлоу выглядел как-то чересчур одетым. Несмотря на жару на улице, его одежда оставалась свежей. Как-то раз один из его подчиненных в приступе раздражения поинтересовался, потеет ли Смайлоу вообще.

– Нет, черт возьми, – ответил ему коллега. – Все знают, что у пришельцев нет потовых желез.

Смайлоу направился к лифтам. Полицейский, с которым он разговаривал при входе, видимо, сообщил о его приезде, потому что у лифта стоял второй полицейский и держал для него дверь. Не поблагодарив, Смайлоу вошел в кабину.

– Блеск держится, мистер Смайлоу?

Детектив обернулся.

– Да, Смитти, спасибо.

Человек, которого все знали только по имени, держал три кресла для чистки обуви в укромном уголке гостиничного вестибюля. Несколько десятилетий он работал в другом отеле в центре города. Совсем недавно Смитти перебрался в «Чарлстон-Плаза», и его клиентура последовала за ним. Даже от приезжих он получал великолепные чаевые, потому что Смитти лучше портье знал, что делать, куда пойти и где найти то, что вы ищете в Чарлстоне.

Рори Смайлоу был одним из постоянных клиентов Смитти. Обычно он всегда останавливался, чтобы обменяться с ним шутками, но теперь детектив спешил и не хотел, чтобы его задерживали. Он лишь сказал:

– Я подойду к тебе попозже, Смитти. – И двери лифта закрылись.

Он и полицейский молча поднялись наверх. Смайлоу никогда не заводил дружеских отношений с коллегами, даже равными ему по званию, а тем более с нижестоящими. Детектив никогда первым не начинал разговора, если только он не касался дела, которое вел Смайлоу. Те в департаменте, кто бесстрашно пытался с ним поболтать, вскоре поняли, что эти попытки абсолютно бессмысленны. Его поведение не поощряло дружбу. Даже его аккуратная одежда, как колючая проволока, ограждала его от попыток сблизиться.

Смайлоу чувствовал привычное нервное возбуждение. Он множество раз бывал на месте убийств, видел и ничем не примечательные, и отвратительные в своих подробностях случаи. Некоторые быстро забывались. Другие он никогда не сможет забыть. Виной тому становились либо изобретательность убийцы, либо необычное место, где было обнаружено тело; либо странная манера убивать, исключительность оружия, возраст и общественное положение жертвы.

Но первое посещение места преступления всегда заставляло его кровь быстрее бежать по венам, и Смайлоу совершенно этого не стыдился. Он был рожден для этой работы. И получал удовольствие от своей профессии.

Когда он вышел из лифта, полицейские в штатском, сгрудившиеся в коридоре, немедленно замолчали. Из уважения или из страха они отошли в сторону, и детектив прошел к

открытой двери в номер «люкс», где погиб человек.

Смайлоу записал номер комнаты и лишь потом заглянул внутрь. Он обрадовался, увидев, что семь полицейских из группы по осмотру места преступления уже прибыли и каждый из них занимается своим делом.

Удовлетворенный их работой, он повернулся к трем детективам, присланным из отдела по расследованию убийств. Куривший сигарету торопливо загасил ее в пепельнице. Смайлоу уставился на него холодными немигающими глазами.

– Я надеюсь, что в этой пепельнице не было самой главной улики, Коллинз.

Детектив спрятал руки в карман, как первоклашка, которого уличили в том, что он не вымыл руки после посещения туалета.

– Слушайте внимательно, – Смайлоу обратился ко всем сразу. Он никогда не повышал голоса. Ему просто не приходилось этого делать. – Я не потерплю ни единой ошибки. Если я обнаружу, что место преступления испорчено, что процедура хоть как-то нарушена, если из-за чьей-либо небрежности будет пропущена хоть одна улика, пусть виновный не ждет пощады. А теперь пошли.

Прежде чем войти в номер, все надели резиновые перчатки. У каждого из них была своя задача. И каждый занялся только своей работой, не прикасаясь ни к чему, если этого не требовало дело.

Смайлоу подошел к двум полицейским, первыми оказавшимся на месте преступления, и без всякого вступления спросил:

– Вы к нему прикасались?

– Никак нет, сэр.

– Что-нибудь трогали в номере? Дверную ручку?

– Когда мы пришли, дверь была открыта. Горничная, обнаружившая труп, не закрыла ее. Возможно, к ней прикасался сотрудник охраны отеля. Мы его спрашивали, он это отрицает, но... – Полицейский пожал плечами.

– Телефон? – продолжал спрашивать Смайлоу.

– Никак нет, сэр, я пользовался моим сотовым. Но повторюсь, охранник отеля мог им пользоваться еще до нашего прихода.

– С кем вы успели поговорить?

– Только с охранником. Именно он нас и вызвал. Он сказал нам, что горничная нашла тело. – Полицейский указал на труп. – Вот так он и лежал – лицом вниз. Две огнестрельные раны на спине, чуть ниже левой лопатки.

– Вы допросили горничную?

– Пытались. Но она в истерике, и мы не смогли многого от нее добиться. И потом, она иностранка. Не знаю, откуда эта женщина, – добавил полицейский, заметив вопросительно поднятые брови Смайлоу. – Не могу определить по акценту. Она все время повторяет: «Мертвый человек». Напугана до смерти.

– Вы щупали пульс?

Полицейский посмотрел на своего напарника, и тот ответил:

– Я проверял пульс. Только чтобы убедиться, что он мертв.

– Значит, вы все-таки прикасались к нему.

– Получается так, но только чтобы проверить пульс.

– Полагаю, вы его не нашли.

– Пульс? – Полицейский покачал головой. – Нет. Он был мертв. Вне всякого сомнения.

Смайлоу только теперь повернулся к убитому.

– Что слышно от медэксперта?

– Едет.

Мозг Смайлоу зафиксировал ответ, но его глаза не отрывались от тела. Пока он не увидел собственными глазами, он отказывался верить, что жертвой убийства на самом деле стал Лют Петтиджон. Своего рода местная знаменитость, хорошо известный человек, Петтиджон был еще и председателем совета директоров местной строительной компании, которая и превратила старый склад для хлопка в потрясающий новый отель «Чарлстон-Плаза».

И он когда-то был зятем Рори Смайлоу.

Глава 2

Женщина шепнула:

– Спасибо. Вы меня выручили. Ситуация начала выходить из-под контроля.

– Я рад, что моя хитрость сработала, – ответил Хэммонд. – Если бы это не помогло, мне бы не поздоровилось.

– Я одобряю вашу храбрость.

– Или глупость. Они могли надрать мне задницу. Женщина улыбнулась, и Хэммонд еще больше обрадовался тому, что поддался этому совершенно идиотскому порыву и бросился к ней на помощь. Его потянуло к ней с той самой минуты, как он ее увидел. Но разглядывать ее через площадку и танцевать с ней – это были совсем разные вещи. Она избегала его взгляда, разглядывая что-то над его плечом. Женщина была очень выдержанной. В этом не оставалось никаких сомнений.

– А как же ваш друг? – спросила она. – Мистер Бланшар. Норм, так, кажется?

– Ах это, – Хэммонд рассмеялся, – никогда о таком не слышал.

– Вы его выдумали?

– Точно, и я даже не представляю, откуда вдруг всплыло это имя.

– У вас хорошее воображение.

– Мне надо было придумать что-нибудь правдоподобное. Чтобы все выглядело так, будто мы вместе. Что-то такое, что позволило бы вам уйти со мной танцевать.

– Вы могли просто пригласить меня на танец.

– Мог, но это было бы скучно. И у вас был бы шанс мне отказать.

– Что ж, еще раз спасибо.

– И еще раз не за что. – Он ловко избежал столкновения с другой парой. – Вы из этих мест?

– Не совсем.

– Но у вас южный акцент.

– Я выросла в штате Теннесси, недалеко от Нашвилла.

– Приятное место... И музыка неплохая. – «Отличный разговор, Кросс, – мысленно поздравил себя Хэммонд. – Просто блестящий».

На последнее банальное замечание женщина даже не ответила, и он не винил ее. Если он будет продолжать в том же духе, то она уйдет с площадки раньше, чем кончится музыка. Хэммонд снова избежал столкновения с другой парой, выполнявшей сложный поворот, и не нашел ничего лучше, чем спросить:

– Вы часто здесь бываете?

Женщина поняла, что он шутит, и улыбнулась той самой улыбкой, которая могла бы превратить Хэммонда в полного идиота, если он не попытается держать себя в руках.

– Честно говоря, на такой ярмарке я была последний раз

подростком.

– Я тоже. Я помню, что как-то забрел на ярмарку с приятелями. Нам было лет по пятнадцать. Мы еще тогда пытались купить пиво.

– И тогда вы были на ярмарке в последний раз?

– Нет. Я был еще на одной с подружкой. Я специально повел ее в павильон ужасов, чтобы пообниматься с ней.

– И у вас получилось?

– Господь свидетель, я очень старался. Но мне всегда попадались девушки, которые... – Его голос оборвался, он почувствовал, как женщина напряглась. – Наши друзья так легко не сдаются, верно?

И точно – трио морских пехотинцев стояло у края танцплощадки и самым внимательным образом наблюдало за ними, потягивая пиво.

– Что ж, если бы они так легко шли на попятный, наша национальная безопасность оказалась бы в опасности. – Хэммонд улыбнулся молодым людям, прижал женщину покрепче и провальсировал мимо них.

– Вы не обязаны меня защищать, – сказала она. – Я и сама могла бы справиться с ситуацией.

– Я в этом не сомневаюсь. Любая привлекательная женщина должна уметь отваживать нежелательных кавалеров. Но вам очень не хотелось устраивать сцену.

Она подняла на него глаза.

– Вы наблюдательны.

– Что ж, дело уже сделано, так почему бы нам не наслаждаться танцем?

– Вероятно, вы правы.

Она согласилась танцевать, но напряжение не спало. Она не оглядывалась через плечо, но Хэммонд чувствовал, что ей этого очень хочется.

И он задумался над тем, что она станет делать, когда музыка закончится. Кросс ожидал, что его вежливо, но решительно пошлют подальше. К счастью, певец исполнял длинную, слезливую балладу. Голос у него был непрофессиональный и слабенький, но он знал все слова. Что же до Хэммонда, то, с его точки зрения, чем дольше длился танец, тем лучше.

Партнерша отлично ему подходила. Ее макушка была на уровне его подбородка. Кросс сразу почувствовал ту невидимую преграду, которую она установила между ними, как только он обнял ее, хотя ему очень хотелось прижать ее покрепче.

Его рука лежала у нее на пояснице, ее рука – без обручального кольца – оставалась у него на плече. Они двигались в такт медленной музыке.

Их бедра случайно соприкоснулись, и Хэммонд ощутил прилив желаний, но это можно было контролировать. Он бы мог как следует разглядеть ее грудь в низко вырезанном декольте, но он был достаточно джентльменом, чтобы не смотреть. Но его воображение рисовало перед ним заманчивую картину, живое изображение билось в мозгу, словно бабочка

о стекло лампы.

– Они ушли.

Ее голос прервал мечты Хэммонда. Когда он сообразил, что она сказала, то оглянулся и увидел, что морских пехотинцев поблизости нет. Да и песня уже кончилась, музыканты отложили инструменты, и руководитель ансамбля попросил всех не расходиться, пообещав еще музыку и песни после небольшого перерыва. Другие пары направились к столикам или к бару.

Женщина опустила руки, и Хэммонд сообразил, что все еще обнимает ее за талию. Ему ничего не оставалось, как отпустить ее.

– Теперь я никому не позволю говорить, что рыцари перевелись, – заметила она. Хэммонд улыбнулся:

– Но если укрощение драконов снова войдет в моду, забудьте об этом. Женщина улыбнулась и протянула ему руку:

– Я ценю то, что вы для меня сделали.

– Я получил удовольствие. Спасибо вам за танец. – Он пожал ей руку. Женщина повернулась, чтобы уйти. – Э... – Хэммонд бросился за ней в толпу.

Они подошли к выходу, и Хэммонд подал ей руку, чтобы помочь спуститься с деревянного помоста – жест любезный, но совершенно бесполезный, поскольку до земли было совсем близко. Он пошел с ней рядом.

– Я могу угостить вас пивом?

Женщина улыбнулась, но отрицательно покачала головой.

– Тогда, может быть, покатаемся на чертовом колесе? Она не замедлила шаг, но искоса посмотрела на него:

– В павильон ужасов не приглашаете?

– Не хочу рисковать, – с улыбкой ответил Хэммонд, ему показалось, что женщина согласится. Но он рано обрадовался.

– Спасибо, но мне в самом деле пора ехать.

– Вы же только что приехали.

Она резко остановилась и обернулась к нему. Откинув голову назад, она посмотрела на него неодобрительно. Заходящее солнце зажгло золотистые искры в ее зеленых глазах. Она чуть прищурилась, прикрыв глаза темными ресницами. «Потрясающие глаза», – подумал Хэммонд. Прямые, честные и... сексуальные. И в это мгновение удивительно проницательные. В них светился вопрос. Рыжеволосая красавица хотела знать, откуда ему известно, когда именно она приехала.

– Я заметил вас сразу, как только вы вошли в павильон, – признался Хэммонд.

Она долго смотрела ему в глаза, потом опустила голову. Вокруг них толпились люди. Мимо пробежали мальчишки, чуть не сбив их с ног и подняв столб пыли, закрутившийся вокруг них. Малышка в коляске заплакала во весь голос, когда воздушный шарик вырвался из ее крошечных пальчиков и устремился вверх. Девочки-подростки, украшенные татуировкой, прошли мимо, демонстративно смоя сигаре-

ты, громко разговаривая и сквернословя.

Они не обращали ни на кого внимания. Какофония ярмарки, казалось, не проникает в их мир.

– Мне показалось, что вы тоже меня заметили. Словно по волшебству она расслышала его почти шепотом произнесенные слова в шуме и гвалте всеобщего веселья. Женщина не смотрела на него, но Хэммонд увидел, что она улыбается, услышал смущенный смешок.

– Так вы все-таки заметили меня? – Она чуть повела плечом, признаваясь в этом. – Вот и отлично, – с облегчением выдохнул Хэммонд. – В таком случае я не понимаю, почему мы должны ограничиться только одним танцем. Не поймите меня превратно. Я давно не получал от танца такого удовольствия.

Женщина подняла голову и смущенно посмотрела на него.

– Гм, – сообразил Хэммонд. – Я веду себя как петух, верно?

– Совершенно верно.

Он широко улыбнулся только потому, что она была так чертовски привлекательна и се не раздражало, что он с ней флиртует, как не флиртывал даже в двадцать лет.

– Так что вы об этом думаете? Я сегодня вечером в некотором смысле сбился с курса, и я давно уже не был настолько... вне расписания...

– Вы уверены, что правильно выбрали слово?

– Оно подходит.

– Но это банально.

– Я просто пытаюсь убедить вас провести остаток вечера вместе и повеселиться на ярмарке. Если, разумеется, у вас нет планов на вечер...

Женщина покачала головой, давая понять, что не занята.

* * *

Глядя в мертвые глаза Люта Петтиджона, Рори Смайлоу спросил:

– Что послужило причиной смерти?

Медэксперт, худощавый, вдумчивый мужчина с тонким лицом и негромким голосом, завоевал уважение Смайлоу, что было практически невероятно.

Доктор Джон Мэдисон был негром из Южных штатов. Ему удалось заслужить признание и добиться положения именно в этом городе, который являлся воплощением Юга. Смайлоу высоко ценил людей, сумевших добиться чего-то в жизни вопреки явному противодействию.

Мэдисон тщательно осмотрел тело в том положении, в котором оно было найдено – лицом вниз. Контуры тела очертили мелом, потом сфотографировали под разными углами. Он осмотрел пальцы жертвы, особое внимание уделив ногтям. Эксперт проверил степень окоченения по запястьям. Пинцетом Мэдисон снял какую-то пылинку с рукава пиджака.

ка Петтиджона и положил ее в пластиковый пакет.

Только после предварительного осмотра, когда он попросил перевернуть труп на спину, они обнаружили то, о чем не подозревали раньше. На виске покойного у самых волос зияла глубокая рана.

– Как вы думаете, убийца сначала застрелил его? – Смайлоу опустил на колени, чтобы лучше видеть рану. – А рану Петтиджон получил, когда падал?

Мэдисон поправил очки и смущенно сказал:

– Если вам сейчас трудно об этом говорить, мы можем обсудить детали позднее.

– Вы имеете в виду, что он приходился мне зятем? – Когда эксперт кивнул, Смайлоу продолжал:

– Я не смешиваю личную жизнь с работой. Скажите мне, Джон, что вы обо всем этом думаете, и не скрывайте от меня ни одной детали.

– Разумеется, я еще раз как следует осмотрую рану, – Мэдисон больше не касался родственных связей между детективом и жертвой, – но все-таки мое первоначальное мнение таково – Петтиджон получил эту рану еще при жизни. Она могла привести к травме мозга, что, в свою очередь, могло повлечь за собой смерть.

– Но вы так не думаете.

– Честно говоря, Рори, нет. Кровоподтек и отек снаружи, – следовательно, внутри практически нет кровоизлияния. Хотя вскрытие может опровергнуть мое мнение.

Смайлоу оценил нежелание эксперта делать окончательный вывод до вскрытия.

– На данном этапе можем ли мы сказать, что причиной смерти послужили выстрелы в спину? Мэдисон кивнул.

– Но это только предположения. Мне кажется, либо он упал, либо его толкнули, либо он боролся с убийцей.

– За сколько времени до смерти это происходило?

– Точное время будет сложно определить.

Смайлоу быстро оглядел номер. Ковер. Диван. Легкие кресла. Кругом мягкие поверхности, если не считать стеклянной столешницы кофейного столика. Он на корточках перебрался к нему поближе и опустил голову так, чтобы его глаза оказались на одном уровне с поверхностью столика. При осмотре здесь были обнаружены один высокий стакан и бутылка из мини-бара. Полицейские из группы по осмотру места преступления уже упаковали их в пластиковые пакеты, чтобы потом отправить в лабораторию на экспертизу.

Со своего места Смэйлоу видел круги от стакана, теперь уже высохшие. Петтиджон явно ставил его без подставки. Глаза детектива медленно двигались по стеклу, впитывая все детали. Эксперт уже снял отпечатки пальцев с края стола.

Смайлоу встал и попытался мысленно воссоздать картину происшествия. Он отошел к дальнему углу столика, потом двинулся вперед.

– Допустим, Лют собирался взять свой бокал, – начал он рассуждать вслух, – и упал вперед.

– Случайно? – спросил один из детективов. Смайлоу боялись, даже не любили, но никто в отделе по расследованию убийств не оспаривал его таланта по воссозданию картины преступления. Все в комнате замерли и внимательно слушали его.

– Не обязательно, – задумчиво ответил Рори. – Кто-то мог толкнуть его сзади, так что он потерял равновесие и упал.

Он проделал все это сам, стараясь ни до чего не дотрагиваться, особенно до тела.

– Петтиджон попытался удержаться на ногах и схватился за край стола, но, возможно, он слишком сильно ударился головой об пол и потерял сознание. – Смайлоу вопросительно посмотрел на Мэдисона.

– Возможно, – согласился медицинский эксперт.

– Будет правильным сказать, что он был по меньшей мере оглушен, верно? – Смайлоу указал на линии на полу, указывающие положение трупа.

– И тот, кто толкнул его, всадил ему две пули в спину, – добавил один из детективов.

– Его застрелили, когда он уже лежал на полу, – Смайлоу снова обернулся к Мэдисону за подтверждением.

– Судя по всему, так и было, – согласился эксперт. Детектив Майк Коллинз негромко присвистнул.

– Потрясающее хладнокровие. Выстрелить человеку в спину, когда он упал. Кого-то как следует достали.

– Лют прославился своим умением выводить людей из се-

бя, – заметил Смайлоу. – Перед нами простая задача – найти того единственного, кто это сделал.

– Это был кто-то, кого он знал.

Смайлоу посмотрел на сказавшего это детектива и сделал ему знак продолжать.

– Никаких следов взлома. Никаких признаков того, что замок открывали отмычкой. Либо у преступника был ключ, либо Петтиджон сам открыл ему дверь.

– Ключ от двери нашли в кармане убитого, – доложил второй детектив. – Ограбление не было мотивом, если только вору не помешали. Бумажник лежал в нагрудном кармане Петтиджона, под трупом, и его не трогали. Ничего не пропало.

– Хорошо, у нас есть над чем поработать, – заключил Смайлоу. – У нас нет ни оружия, ни подозреваемого. В этом отеле множество служащих и постояльцев. Кто-нибудь наверняка что-то видел. Так что давайте начнем опрашивать людей.

Когда Смайлоу уже подходил к дверям, один из детективов сказал ему вслед:

– Приближается время ужина. Им это не понравится. На что Смайлоу ответил:

– А мне плевать. – И никто из работавших с ним в этом не усомнился. – А что с камерами наблюдения? – спросил он. Все в «Чарлстон-Плаза» было сделано по последнему слову техники. – Где пленки?

– С ними какой-то бардак.

Рори повернулся к детективу, которого еще раньше послали проверить систему безопасности отеля.

– Что еще за бардак?

– Вы сами понимаете, беспорядок. Всеобщая паника. Так что на пленки пока рассчитывать не приходится. Их пока не могут найти.

Смайлоу выругался сквозь зубы.

– Тот, кто за это отвечает, пообещал, что пленки скоро будут у нас. Но вы же знаете... – Детектив пожал плечами, как бы говоря: «Что взять с этих штатских?»

– Сообщите мне немедленно, как только они будут в нашем распоряжении. Я хочу сразу же их просмотреть. – Смайлоу обращался к ним ко всем. – Это преступление привлечет всеобщее внимание. Никто не должен говорить с прессой, кроме меня. Держите рот на замке, вы меня поняли? След преступника остывает с каждой минутой, так что давайте приниматься за работу.

Детективы вышли в коридор и отправились опрашивать гостей и служащих «Чарлстон-Плаза». Люди никогда не любят отвечать на вопросы, потому что чувствуют себя в чем-то виноватыми, так что детективам предстояла неприятная и утомительная работа.

Рори повернулся к доктору Мэдисону:

– Сколько времени вам понадобится?

– Парадней.

– К понедельнику у меня будут результаты?

– То есть мои выходные летят к чертям.

– Мои тоже, – Смайлоу и не думал извиняться, он просто констатировал факт. – Мне нужна и токсикология, и все-все.

– Как всегда, – улыбнулся Мэдисон. – Я сделаю все, что в моих силах.

После того как тело унесли, Смайлоу обратился к эксперту из группы по осмотру места преступления:

– Что у вас?

– Нам повезло, что отель совсем новый. Не так много отпечатков, и вполне вероятно, что большинство из них принадлежит самому Петтиджону.

– Или преступнику.

– Я бы на это не рассчитывал, – нахмурился эксперт. – Такой чистоты мне еще не приходилось видеть.

Когда номер «люкс» опустел, Смайлоу прошелся по нему сам. Он лично проверил все, открыл каждый ящик, осмотрел стеной шкаф и встроенный в стену сейф, заглянул под матрас, под кровать, в ящик с лекарствами в ванной комнате, в бачок унитаза. Он искал любую мелочь, что мог оставить Лют Петтиджон и что указывало бы на личность преступника.

Но Смайлоу нашел только Библию и телефонный справочник Чарлстона. Он не нашел ни одной личной вещи – ни записной книжки, ни счетов, ни билетов, ни нацарапанных наспех записок, ни оберток от еды, ничего.

В мини-баре не хватало двух бутылок шотландского виски, но использован был только один стакан, если только убийца не оказался настолько умен, что прихватил свой стакан с собой. Но Смайлоу поговорил с горничной и выяснил, что в номере всегда было четыре высоких стакана и теперь оставалось три чистых.

Если говорить о месте преступления, то оно было практически стерильно, если не считать пятен крови на ковре в гостиной.

– Детектив?

Смайлоу, задумчиво разглядывавший пятна крови, поднял голову.

На пороге стоял полицейский и большим пальцем указывал в коридор:

– Она хочет войти во что бы то ни стало.

– Она?

– Я. – Женщина отодвинула в сторону полицейского, словно это была надувная игрушка, сняла желтую ленту с проема и вошла внутрь. Быстрые темные глаза обежали комнату. Когда она увидела пятна крови, то разочарованно вздохнула. – Мэдисон уже увез тело? Вот черт! – с отвращением констатировала она.

Смайлоу посмотрел на свои наручные часы и сказал:

– Поздравляю, Стефи. Ты побила личный рекорд скорости.

Глава 3

– Я подумал, что вы ждете мужа и детей.

– Когда?

– Когда вы вошли в павильон.

Женщина не попала на удочку Хэммонда, а лишь продолжала облизывать свое мороженое. Только когда деревянная палочка стала совсем чистой, она произнесла:

– Это вы таким образом пытаетесь выяснить, не замужем ли я? Он придал лицу сокрушенное выражение.

– А мне-то казалось, что я такой хитрый.

– Спасибо за шоколадное мороженое с орехами.

– А вы таким образом не отвечаете на вопрос? Они, смеясь, подошли к деревянным ступенькам, ведущим к пирсу. Он возвышался примерно фута на три над водой. Вода медленно шлепала о столбы внизу под изъеденными непогодой досками. Деревянные скамьи обрамляли пирс по периметру, их спинки служили перилами. Хэммонд повел женщину к одной из скамеек.

На каждом углу стоял фонарь, но лампочки светили неярко и не мешали. Между ними были натянуты гирлянды, такие же, как в павильоне для танцев. Они украшали пейзаж, придавая старому пирсу романтический вид.

Дул мягкий бриз, но его было достаточно, чтобы отогнать moskitov. Внизу, в тине у берега, квакали лягушки. На вет-

вах дубов, с которых свисали ленты испанского мха, распевали цикады.

– Хорошо здесь, – заметил Хэммонд.

– Гм. Странно, что это место никого не привлекло, – Я зарезервировал его только для нас двоих.

Женщина рассмеялась. Последние пару часов они много смеялись, пробуя, не обращая внимания на калории, то, что готовили в палатках, бесцельно переходя от одного продавца к другому. Они полюбовались домашним компотом из персиков и отборной фасолью, поучились обращаться с новинками техники и посидели на мягких сиденьях новых тракторов. Хэммонд выиграл маленького плюшевого мишку, бросая бейсбольный мяч, и подарил ей. А она наотрез отказалась примерить парик, хотя продавщица очень уговаривала ее.

Они прокатились на «чертовом колесе». Когда их кабина остановилась на самом верху и начала раскачиваться, у Хэммонда закружилась голова. Это был один из самых беззаботных моментов в его жизни с...

Он просто не мог вспомнить более беззаботного момента.

Казалось, все нити, крепко привязывающие его к земле – люди, работа, обязанности, – вдруг оборвались. Несколько секунд Хэммонд Кросс свободно парил над землей. Он мог ни о чем не думать, и у него было так легко на душе, как никогда еще не бывало. Он мог радоваться обществу женщины, с которой встретился всего пару часов назад.

Хэммонд вдруг резко обернулся к ней и спросил:

– Так вы замужем?

Она рассмеялась и покачала головой:

– Это уж слишком для хитрости.

– Хитрость – это не для меня.

– Нет. Я не замужем. А вы женаты?

– Нет. Уф, я рад, что мы это выяснили.

Женщина подняла голову и с улыбкой посмотрела на него.

И они больше не улыбались, а только долго смотрели друг на друга. Внешне это были спокойные, тихие минуты, но внутри у них бушевали эмоции.

Для Хэммонда эта минута представлялась одним из тех редких моментов, когда нужно было ловить удачу.

Как можно описать миг, когда вдруг все концы сходятся? Как описать это внезапное прозрение, когда человек вдруг осознает, что его жизнь только начинается, что все, что случилось с ним в прошлом, не может сравниться с настоящим и что больше никогда его жизнь не будет прежней? Уклончивые ответы на вопросы перестали иметь значение, и Хэммонд понял, что именно здесь и именно сейчас он должен узнать правду. В эту самую секунду.

Хэммонд все еще пребывал на самом верху «чертова колеса» и не желал спускаться вниз.

Они заговорили одновременно:

– Вы не потанцуете со мной еще раз?

– Мне в самом деле уже давно пора идти. И эти реплики

они произнесли хором, но Хэммонд все-таки взял верх:

– Потанцуйте со мной еще раз. Я был не в лучшей форме, тем более что морские пехотинцы следили за каждым моим шагом.

Женщина повернула голову и посмотрела на автостоянку в самом дальнем конце ярмарки.

Хэммонд не хотел на нее давить. Любая попытка нажать может привести к тому, что она просто встанет и уйдет от него. Но он не мог ее отпустить. Пока не мог.

– Прошу вас!

На ее лице появилось выражение неуверенности, когда она снова взглянула на него, и все-таки она улыбнулась:

– Хорошо. Только один танец.

Они встали. Женщина направилась к ступенькам, но он взял ее за руку и развернул к себе лицом.

– А чем вам не нравится здесь?

Она задохнулась на мгновение, потом медленно выдохнула и не слишком уверенно ответила:

– Да, в общем, ничем.

Хэммонд не прикасался к ней после их единственного танца, если не считать тех редких случаев, когда он клал руку ей на талию, чтобы миновать пробку в толпе, или подавал ей руку, чтобы войти в кабину «чертова колеса» и выйти из нее. Они сидели совсем близко друг к другу, пока колесо вращалось. Но Хэммонд все время сдерживал себя и не позволял к ней прикоснуться, боясь спугнуть свою спутницу, оскорбить

ее, создать неловкую ситуацию.

И теперь он мягко, но настойчиво привлек ее к себе, положил руку ей на талию и притянул к себе поближе. Ближе, чем раньше. Она замешкалась, но не попыталась вырваться. Женщина положила руку ему на плечо. Он ощутил ее пальцы у своей шеи.

Музыканты уже уехали, и теперь публику развлекал диджей, ставивший записи от Криденс Клиервотер до Барбры Стрейзанд. Дело шло к ночи, настроение публики изменилось, и он старался проигрывать более медленные песни.

Хэммонд узнал мелодию, доносившуюся из павильона, но не смог бы назвать ни имени исполнителя, ни названия песни. Да это и не имело значения. Баллада была сладкой, томительной, романтической. Сначала Хэммонд постарался танцевать так, как его когда-то учили в юности, когда мать заставляла его ходить в танцкласс, но чем дольше он обнимал свою партнершу, тем труднее становилось ему думать о чем-то еще, кроме нее.

Одна песня сменилась другой, но они не остановились, несмотря на ее согласие протанцевать только один танец. Они даже не заметили, как сменилась мелодия. Они смотрели только друг на друга и думали только друг о друге.

Ее рука лежала в его ладони, и он поднес эту руку к груди. Она опустила голову и уперлась лбом в его ключицу. Хэммонд прижался щекой к ее волосам. Он скорее почувствовал, чем услышал, стон желания, так и не вырвавшийся из

ее горла. Его собственное желание откликнулось мощным эхом.

Они двигались все медленнее, пока совсем не остановились. Мужчина и женщина стояли неподвижно, только ее волосы шевелил ветер и щекотал ими лицо Хэммонда. Из каждой точки соприкосновения их тел исходил жар, и казалось, они прикипают друг к другу. Хэммонд нагнул голову. Ему казалось, что поцелуй неизбежен.

– Я должна идти. – Она вырвалась и, резко повернувшись, пошла к скамейке, где оставила свою сумочку и кардиган.

Несколько секунд Хэммонд Кросс стоял не шевелясь, настолько он был изумлен. Женщина собрала свои вещи и торопливо пошла мимо него, говоря на ходу:

– Спасибо за все. Было очень мило. Правда.

– Подождите минуту.

– Я не могу... Не могу этого сделать.

Эти слова она бросила ему через плечо, быстро идя к стоянке. Она шла по краю ярмарки, обходя стороной центральную аллею, павильон, палатки с едой, людей. Некоторые из аттракционов уже закрылись. Участники выставки снимали с прилавков свои экспонаты, убирали палатки. Семьи, нагруженные сувенирами и призами, направлялись к своим машинам. И музыка, доносившаяся из павильона, звучала скорее печально, чем романтично.

Хэммонд не отставал от нее ни на шаг.

– Я не понимаю.

– Чего вы не понимаете? Я же сказала вам, что мне пора ехать. Вот и все.

– Я вам не верю. – В отчаянной надежде удержать ее, Хэммонд взял ее за руку. Женщина остановилась, несколько раз глубоко вздохнула и повернулась к нему лицом. Но она не смотрела ему в глаза.

– Я замечательно провела время. – Она говорила спокойно, с чуть странной интонацией, словно произносила заученное наизусть. – Но теперь вечер подошел к концу, и мне пора уходить. Я ничего не обязана вам объяснять. – Она на мгновение встретилась с ним взглядом и снова отвела глаза. – А теперь прошу вас, не задерживайте меня.

Хэммонд отпустил ее пальцы, сделал шаг назад и примирительно поднял руки.

– Прощайте. – Она повернулась и пошла по утоптанной земле к парковке.

* * *

Стефани Манделл бросила Смайлоу ключи от своей «Акуры».

– Ты веди машину, а я пока переоденусь. – Они вышли из отеля через боковой вход, выходящий на Ист-Бей-стрит, и теперь торопливо шли по тротуару, запруженному не только обычной субботней толпой, но и любопытными, привлеченными к новой гостинице полицейскими машинами, припар-

кованными вдоль улицы.

Они прошли мимо зевак, не привлекая ничего внимания, потому что ни он, ни она не выглядели как официальные лица. Костюм Смайлоу оставался по-прежнему не смятым, манжеты французской рубашки – чистыми.

И никому никогда и в голову бы не пришло, что Стефи – помощник окружного прокурора. На ней были шорты и короткий топик для бега, настолько промокшие от пота, что их не смогли высушить даже кондиционеры отеля. Длинные мускулистые ноги, проступившие сквозь ткань соски привлекали плотоядные мужские взгляды, но женщина не обращала на них никакого внимания. Стефи махнула рукой в сторону своей машины, припаркованной, в нарушение всяких правил, именно там, где была запрещена стоянка.

Смайлоу нажал на кнопку замка, открывающую дверь водителя, но не стал обходить машину и открывать дверцу своей спутнице. Она бы только пренебрежительно отмахнулась, если бы мужчина так поступил. Стефи села на заднее сиденье, Смайлоу уселся за руль. Когда он завел мотор и ждал удобного момента, чтобы влиться в поток машин, Стефи спросила:

– Это правда? То, что ты сказал копам, когда мы вышли?

– На данный момент у нас действительно нет ни явного мотива, ни оружия преступления, ни подозреваемого. – Он приказал полицейским молчать, когда появятся журналисты и станут задавать вопросы. Смайлоу уже назначил пресс-

конференцию на одиннадцать часов вечера. Собирая журналистов в такое время, детектив рассчитал, что местные станции будут вести прямую передачу в последнем выпуске новостей и, следовательно, он довольно долго продержится на экране телевизора.

Смайлоу надоело пережидать сплошной поток машин, и он отъехал от тротуара, заслужив возмущенные сигналы вынужденных пропустить его автомобилей.

Демонстрируя ту же степень нетерпения, Стефи стянула майку через голову.

– Ладно, Смайлоу, теперь тебя никто не подслушивает. Говори. Ведь это же я.

– Я вижу, – он посмотрел на нее в зеркало заднего вида. Ни капельки не смутившись, она вынула небольшое полотенце из спортивной сумки и вытерла подмышки.

– Двое родителей, девять детей, одна ванная. В нашем доме человеку застенчивому или изнеженному пришлось бы ходить грязным и страдать запорами.

Для женщины, не признающей своего скромного происхождения, Стефи часто на него ссылалась, обычно для того, чтобы оправдать свое грубое поведение.

– Что ж, поскорее одевайся. Мы приедем через несколько минут. Хотя тебе вовсе незачем там быть. Я могу все сделать сам, – сказал Смайлоу.

– Я хочу там быть.

– Согласен, но тогда не высовывайся слишком. Я не хочу,

чтобы меня арестовали по дороге.

– Ну, Рори, ты и ханжа, – нарочито кокетливо отозвалась Стефи.

– А ты кровожадное существо. Как ты так быстро учуяла свежее убийство?

– Я бегала. Пробегая мимо отеля, я увидела полицейские машины и спросила одного из парней в форме, что происходит.

– Я приказывал им не раскрывать рта.

– Я умею убеждать, у меня свои приемы. И потом, он меня узнал. Когда полицейский мне сказал, я не поверила своим ушам. Стефи надела лифчик, стянула шорты и полезла в сумку за трусиками.

– Прекрати уводить разговор в сторону. Что у тебя есть?

– Самое чистое место преступления за долгое время. Возможно, самое чистое из всех, что мне доводилось видеть.

– Серьезно? – В голосе Стефи явно послышались нотки разочарования.

– Убийца, кем бы он ни был, знал, что делает.

– Выстрелил в спину, когда Петтиджон лежал на полу. Гм.

Смайлоу снова посмотрел на нее. Стефи застегивала платье без рукавов, но сама думала явно о другом. Она смотрела в одну точку, и детективу казалось, что он видит, как работает ее умная головка.

Стефани Манделл проработала в офисе окружного прокурора чуть меньше двух лет, но уже сумела произвести впе-

чатление – и не всегда хорошее. Некоторые считали ее настоящей стервой. У нее был ядовитый язык, и она охотно этим пользовалась. Стефи никогда не уступала в споре, что делало ее совершенно неотразимой в суде и превращало в головную боль для адвокатов защиты, но это никоим образом не улучшало ее взаимоотношений с коллегами.

Но по меньшей мере половина мужчин и, возможно, некоторые из женщин, работавшие в полицейском управлении и здании окружной прокуратуры, испытывали к ней весьма пылкие чувства. Фантастически непристойные варианты обсуждались во всех смачных подробностях за стаканчиком после работы, но так, чтобы Стефи ничего не слышала. Никому не хотелось стать ответчиком в деле о сексуальном домогательстве, возбужденном Стефани Манделл.

Если она и знала об этом тайном вожделении, то делала вид, что не знает. И не потому, что подобное могло ее беспокоить или она бы почувствовала себя неловко, услышав, какими непристойными эпитетами награждают ее мужчины. Стефани просто считала такие разговоры детской забавой, чем-то настолько глупым и банальным, что на это не стоило тратить время и силы.

Рори тайком посматривал на нее в зеркало. Стефани застегнула на талии кожаный ремень и провела руками по волосам, чтобы привести их в порядок. Его не тянуло к ней в физическом смысле слова. Ее поступки не вызывали в нем яростного, животного желания. Смайлоу только восхищался

ее острым умом и амбициозностью. Эти качества напоминали ему его самого.

– Это было весьма многозначительное «гм», Стефи. О чем ты думаешь?

– Насколько разъяренным был преступник.

– Один из моих детективов тоже так думает. Это было хладнокровное убийство. Эксперт полагает, что Петтиджон мог быть без сознания, когда в него стреляли. В любом случае он не чувствовал никакой угрозы. Убийца очень хотел его смерти.

– Если ты составишь список всех тех, кто хотел смерти Люта Петтиджона...

– У нас не найдется столько бумаги и чернил.

Она встретилась с ним взглядом в зеркале и улыбнулась:

– Верно. И что ты думаешь? Или не хочешь говорить?

– Стефи, ты же знаешь, что я никогда ничего не приношу к тебе в кабинет, пока не чувствую себя готовым к этому.

– Просто пообещай мне...

– Мейсон откроет дело и передаст его одному из помощников, – Смайлоу имел в виду окружного прокурора Монро Мейсона. – Попробуй получить его.

Но, посмотрев на нее в зеркало и увидев, каким огнем горят ее глаза, Смайлоу не сомневался, что именно этим Стефани Манделл и займется в первую очередь. Он остановил машину.

– Вот мы и приехали.

Они стояли напротив особняка Люта Петтиджона. Это грандиозное здание в престижном месте – Саут-Бэттери – сочетало в себе разные архитектурные стили. Изначально это была постройка в георгианском стиле, но после Войны за независимость ее перестроили.

Трехэтажное здание украшали глубокие двойные балконы с высокими колоннами и грациозными арками. Остроконечную крышу венчал купол. За два века здание пережило войны, спады и подъемы экономики и ураганные ветры. Выстоял особняк и в последней битве – в сражении с Лютом Петтиджоном.

Реставрация, затеянная новым хозяином и подтвержденная множеством документов, растянулась на долгие годы. Первый архитектор, наблюдавший за ходом работ, слег с нервным срывом. У второго случился сердечный приступ. Его кардиолог настоял на том, чтобы он отказался от этой работы. Третий довел реставрацию до конца, но его семейная жизнь кончилась крахом.

От изысканной чугунной решетки с выполненными по историческим стандартам фонарями до петель на задних дверях. Лют не пожалел денег ни на что, только бы о его доме говорили все в Чарлстоне.

Этого он добился. Не то чтобы его дом стал наиболее удачно отреставрированным зданием в городе, но зато он стал самым известным.

Лют Петтиджон сражался с Обществом защиты Чарлсто-

на, Историческим фондом Чарлстона и архитектурным советом, чтобы превратить старый, почти разрушенный склад в то, то теперь называлось «Чарлстон-Плаза». Эти организации, в чьи обязанности входило ревностно следить за сохранением неповторимости Чарлстона, контролировать зональность застройки и лимитировать коммерческую застройку, сначала наложили вето на это предложение. Петтиджон не получил разрешения до тех пор, пока не пообещал, что сохранит внешний вид здания из красного кирпича, что его вполне заслуженные шрамы не будут замазаны и что никогда не появятся маркизы или временные вывески, которые указывали бы на то, что это гостиница.

Эти же общества выдвинули подобные требования и к реставрации его собственного дома, хотя они были довольны, что собственность, пребывающая в полуразрушенном состоянии, наконец обретет хозяина, который приведет ее в должный вид.

Петтиджону пришлось следовать этим строгим указаниям, потому что у него не было выбора. Но, по общему мнению, реставрация его дома стала исключительным примером того, насколько вульгарным может быть человек, если у него больше денег, чем вкуса. Тем не менее никто не спорил, что таких садов не найти больше ни у кого в городе.

Смайлоу отметил про себя, насколько хорош сад перед особняком, как за ним отлично ухаживают, и нажал на кнопку интеркома у ворот.

Стефи посмотрела на него:

– Что ты собираешься ей сказать? Дожидаясь, пока на звонок ответят в доме, он задумчиво ответил:

– Поздравляю.

Глава 4

Но даже Рори Смайлоу не мог быть настолько бессердечным и циничным.

Когда Дэви Петтиджон посмотрела с лестницы вниз в холл, детектив стоял, заложив руки за спину, и смотрел то ли на носки своих отлично начищенных ботинок, то ли в пол, выложенный дорогой итальянской плиткой. В любом случае его явно занимало только пространство у его ног.

Дэви в последний раз видела бывшего шурина своего мужа на официальном мероприятии, связанном с охраной порядка в городе. В тот вечер Смайлоу вручили награду. Следуя протоколу, Лют вызвал его, чтобы поздравить. Смайлоу пожал ему руку, но только потому, что Петтиджон буквально вынудил его это сделать. Детектив вел себя вежливо, но Дэви подозревала, что Смайлоу с куда большим удовольствием вцепился бы ее мужу в глотку, а не пожимал ему руку.

Теперь Рори Смайлоу отлично держал себя в руках, как и при последней их встрече. Его манера поведения и одежда были неизменно безупречны. Волосы начали редеть на макушке, но это Дэви заметила только потому, что смотрела на детектива сверху.

А вот женщину она не знала. У Дэви сохранилась давняя привычка оценивать всех женщин, с которыми ее сталкивала судьба, так что она наверняка бы запомнила спутницу Смай-

лоу, если бы встречала ее раньше.

Детектив так и не поднял головы, а вот женщина проявляла явное любопытство. Она все время вертела головой, рассматривая каждый предмет в холле. У нее были быстрые глаза хищника. Дэви она не понравилась с первого взгляда.

Только катастрофа могла привести Смайлоу в особняк Петтиджонов, но Дэви гнала от себя эту мысль, пока только было возможно. Она допила содержимое своего стакана и аккуратно, чтобы не зазвенели кубики льда, поставила его на консоль. Только потом хозяйка дома объявила о своем присутствии:

– Вы хотели меня видеть?

Они одновременно обернулись на звук голоса и увидели Дэви Петтиджон наверху на галерее. Она дождалась, чтобы их взгляды были прикованы к ней, и только тогда начала спускаться вниз. Дэви была босиком, волосы несколько растрепаны, рука не отрывалась от перил, но держалась она так, словно была одета в вечернее платье. Она изображала из себя принцессу бала, окруженную скромными почитателями, обожающими ее и потрясенными ее красотой. Дэви родилась в одной из самых знатных семей Чарлстона. Ее родословная и по материнской, и по отцовской линии признавалась безупречной. И Дэви никогда об этом не забывала сама и никому другому забыть не разрешала.

– Здравствуйте, миссис Петтиджон.

– Зачем такие церемонии, Рори? Это ни к чему. – Дэви

остановилась на небольшом расстоянии от него, склонила голову набок и улыбнулась. – В конце концов, мы почти родственники.

Она протянула детективу руку. Его рука оказалась сухой и теплой, а ее чуть влажной и совершенно холодной. И Дэви подумала, догадался ли Смайлоу о том, что она только что держала стакан с водкой.

Рори отпустил ее руку и представил ей свою спутницу:

– Это Стефани Манделл.

– Стефи, – произнесла женщина и протянула руку Дэви. Она была маленькой, с короткими темными волосами и темными глазами. Жадные глаза. Голодные глаза. Чулок она не надела, хотя на ней и были туфли на высоких каблуках. Для Дэви это было куда более серьезным нарушением правил этикета, чем ее собственные босые ступни.

– Как поживаете? – Дэви пожала Стефани руку, но быстро отпустила. – Вы продаете билеты на полицейский бал или что-то в этом роде?

– Где мы могли бы с вами поговорить? Скрывая свое беспокойство под сияющей улыбкой, она провела их в парадную гостиную. Экономка, впустившая их и сообщившая Дэви, что у нее гости, бесшумно двигалась по комнате, зажигая лампы.

– Спасибо, Сара.

Женщина, такая же огромная и темная, как комод из черного дерева, вышла в боковую дверь.

– Какая красивая комната, – сказала Стефи. – Такой потрясающий цвет.

– Вы так думаете? – Дэви посмотрела по сторонам, словно попала в гостиную впервые. – На самом деле эта комната мне нравится меньше всех остальных в доме. Мой муж настоял на том, чтобы выкрасить стены в такой цвет. Он называется терракотovým. – И, глядя прямо на Стефи и сладко улыбаясь ей, Дэви добавила:

– Моя мама всегда говорила, что оранжевый – это цвет всего плебейского и грубого.

Щеки Стефи залила краска гнева.

– Где вы были сегодня днем, миссис Петтиджон?

– Не ваше собачье дело, – не моргнув глазом, ответила хозяйка дома.

– Дамы, прошу вас, – Смайлоу бросил на Стефи суровый взгляд, призывая ее к молчанию.

– Что происходит, Рори? – требовательно спросила Дэви. – Что вы здесь делаете?

Спокойно, холодно и почтительно он сказал:

– Я предлагаю всем присесть.

Дэви встретилась с ним взглядом и долго не отводила глаз. Потом она презрительно посмотрела на Стефи и резким жестом указала гостям на диван, а сама устроилась в кресле рядом.

– Боюсь, я принес вам плохие новости. Дэви смотрела на него, ожидая продолжения.

– Сегодня днем мы обнаружили труп Люта. В номере «люкс» в «Чарлстон-Плаза». Судя по всему, его убили.

Дэви изо всех сил старалась, чтобы на ее лице ничего не отразилось.

Настоящая леди не показывает своих чувств на публике.

Любой бы научился сдерживать свои чувства в семье, где папочка был бабником, а мамочка – алкоголичкой. Все знали, почему она пьет, но все делали вид, что такой проблемы просто не существует. Только не в их семье.

Максину и Клайва Бертон окружающие считали превосходной парой. Оба принадлежали к элите Чарлстона. Оба были невероятно красивы. Оба посещали привилегированные школы. Их свадьба была стандартной, но все последующие сравнивали именно с ней. Они отлично подходили друг к другу.

Их три очаровательные дочери получили мужские имена. Возможно, потому, что Максина всегда была пьяна, как подходило время родов. Или она просто не понимала, когда ей говорили, кто именно у нее родился. Но вполне вероятно, что она называла их так из желания сделать назло гуляке Клайву. Тот все время мечтал о наследнике и обвинял жену в неспособности родить сына. И нечего там болтать о каких-то игрек-хромосомах.

Итак, маленькие Клэнси, Джерри и Дэви выросли в семье с серьезными проблемами, которые никогда не становились достоянием общественности. Девочки с раннего дет-

ства научились держать свои чувства при себе в любой ситуации, даже в самой неприятной. В доме сложилась ненадежная, странная атмосфера, тем более что оба родителя были людьми легкомысленными и склонными к истерикам. Их разговоры часто кончались бурными ссорами, нарушавшими хрупкое подобие мира и спокойствия. Поэтому у всех сестер остались на душе шрамы.

Клэнси распрощалась со всеми, когда в тридцать лет умерла от рака мозга. Злые языки поговаривали, что ее болезнь стала следствием слишком частых венерических болезней.

Джерри избрала совсем другой путь. Еще на первом курсе колледжа она стала членом фундаменталистской христианской группы. Она посвятила свою жизнь лишениям и воздержанию, отказываясь от всяких удовольствий, особенно от алкоголя и секса. Джерри выращивала корнеплоды и проповедовала Евангелие в индейской резервации в Южной Дакоте.

Только Дэви, самая младшая из сестер, осталась в Чарлстоне, не обращая внимания на слухи и пересуды, даже после того, как Клайв умер от сердечного приступа в постели своей очередной любовницы. А Максину пришлось отправить в лечебное учреждение. Утверждали, что у нее болезнь Альцгеймера, хотя все знали, что ее мозг погубил алкоголь.

Дэви, казавшаяся мягкой и податливой, как растаявшая конфета, на самом деле была крепче гвоздей. Ей хватило му-

жества пережить все это...

– Что ж, – произнесла Дэви Петтиджон, вставая, – вы отказываетесь выпить, а себе я все-таки налью.

Она подошла к столику с напитками, бросила несколько кубиков льда в высокий хрустальный стакан и налила водки. Она выпила почти половину одним глотком, снова наполнила стакан и только потом повернулась к Смайлоу и Стефи.

– Кто она?

– Простите?

– Да ладно вам, Рори. Не надо напускать туман. Если Люта застрелили в роскошном номере его нового отеля, значит, у него была подружка. Я полагаю, что либо она сама, либо ее ревнивый муж его и убили.

– А кто сказал, что его застрелили? – спросила Стефи Манделл.

– Что?

– Смайлоу не говорил, что вашего мужа застрелили. Он сказал, что его убили. Дэви отпила еще водки.

– Я предполагаю, что его застрелили. Разве это не правильная догадка?

– А догадка ли это?

Дэви всплеснула руками, пролив водку на ковер.

– Да кто вы, черт возьми, такая, в конце концов? Стефи встала.

– Я представляю офис окружного прокурора. Может быть, вы не знаете, что это такое?

– Я отлично знаю, что это такое, – парировала Дэви.

– Я буду заниматься делом об убийстве вашего мужа.

Именно поэтому я настояла на том, чтобы приехать вместе со Смайлоу.

– Так-так, понятно. Захотелось посмотреть, как я отреагирую на новости.

– Совершенно верно. Должна признаться, что мне не показалось, будто известие о смерти мужа вас удивило. Итак, я возвращаюсь к своему первому вопросу – где вы были сегодня днем? И не говорите, миссис Петтиджон, что это не мое собачье дело. Дело-то как раз мое.

Дэви справилась со своим гневом, спокойно поднесла стакан к губам и неторопливо обдумала свой ответ.

– Вы хотите знать, есть ли у меня алиби?

– Мы пришли сюда не для того, чтобы допрашивать вас, Дэви, – вмешался Смайлоу.

– Все в порядке, Рори. Мне нечего скрывать. Мне просто кажется, что со стороны этой женщины... – она оглядела Стефи с головы до ног уничтожающим взглядом, – крайне бестактно врываться в мой дом, оскорблять меня и обрушивать на меня шквал вопросов буквально через несколько секунд после того, как мне сообщили об убийстве моего мужа.

– Это моя работа, миссис Петтиджон, и неважно, нравится вам это или нет.

– Что ж, мне это не нравится. – И, отвернувшись от помощника прокурора, как от фигуры, ничего для нее не зна-

чащей, Дэви обратилась к Смайлоу:

- Я отвечу на ваши вопросы. Что вы хотите знать?
- Где вы были сегодня между пятью и шестью часами?
- Здесь.
- Одна?
- Да.
- Кто-нибудь может подтвердить это?

Дэви Петтиджон подошла к столику у дивана и нажала одну кнопку на стоящем там телефоне. Раздался голос экономки:

- Слушаю вас, мисс Дэви?
- Сара, будьте любезны, зайдите сюда. Спасибо.

Все трое ждали молча. Не сводя с помощника прокурора холодного недовольного взгляда, Дэви играла ниткой великолепного жемчуга, украшавшего ее шею. Это был подарок ее отца, которого она любила и ненавидела. Она всегда надевала его, даже с коротенькими шортами и белой хлопковой рубашкой не по размеру, которые были на ней этим вечером.

Экономка перешла к Дэви по наследству от матери. Сара начала работать в семье еще до рождения Клэнси и прошла с ними через все испытания. Войдя в комнату, она бросила на Смайлоу и Стефи неодобрительный взгляд.

Дэви официально представила ее:

– Мисс Сара Берч. А это детектив Смайлоу и представитель из офиса окружного прокурора. Они пришли сообщить мне, что мистера Петтиджона нашли убитым сегодня днем.

По лицу Сары так же ничего невозможно было понять, как и по лицу Дэви.

Дэви между тем продолжала:

– Я сказала им, что была дома сегодня вечером между пятью и шестью часами и что ты можешь это подтвердить. Это верно? Стефи Манделл чуть было не взорвалась от возмущения:

– Вы не имеете права...

– Стефи!

– Но она только что превратила допрос в посмешище! – рывкнула Стефи. Дэви невинными глазами посмотрела на него:

– Мне показалось, Рори, вы говорили, что это не допрос. Смайлоу ответил ей ледяным взглядом. Он повернулся к экономке и вежливо спросил:

– Мисс Берч, вы можете подтвердить, что миссис Петтиджон находилась дома в это время?

– Да, сэр. Она провела почти весь день в спальне. Она отдыхала.

– Ох, черт, – выдохнула Стефи.

Не обращая на нее внимания, Смайлоу поблагодарил экономку. Сара Берч подошла к Дэви и взяла ее руки в свои:

– Мне очень жаль.

– Спасибо, Сара.

– С вами все в порядке, девочка моя? Я могу что-нибудь для вас сделать?

– Не сейчас.

– Если вам что-нибудь понадобится, только дайте мне знать. Дэви улыбнулась ей, и Сара ласково провела рукой по ее спутанным белокурым кудрям и вышла. Дэви допила свой коктейль и теперь недружелюбно посматривала на Стефи поверх стакана. Опустив его, она поинтересовалась:

– Вы удовлетворены?

Стефи кипела от негодования и не стала ей отвечать.

Снова подойдя к столику с напитками, Дэви спросила:

– Где... Куда его отвезли?

– Медэксперт проведет вскрытие.

– Так что с похоронами придется подождать до...

– Пока не выдадут тело, – закончил за нее Смайлоу. Дэви налила себе еще водки, потом вернулась на свое место.

– Как он умер?

– Ему выстрелили в спину. Два раза. Мы полагаем, что смерть наступила мгновенно, и вполне вероятно, он был без сознания, когда в него стреляли.

– Люта нашли в постели?

Разумеется, Смайлоу знал обстоятельства смерти отца Дэви. Все в Чарлстоне смаковали скандальные подробности. Дэви оценила, что Смайлоу выглядел смущенным и недовольным, отвечая на ее вопрос:

– Он лежал на полу в гостиной и был полностью одет. Кроватью никто не пользовался. Мы не нашли никаких следов романтического свидания.

– Хоть какое-то разнообразие. – Миссис Петтиджон залпом осушила стакан.

– Когда вы в последний раз видели мужа?

– Вчера вечером. Или сегодня утром? Я не помню. Мне кажется, что все-таки сегодня утром. – Дэви не обратила внимания на недоверчивое фырканье Стефи. Она не сводила глаз со Смайлоу. – Иногда мы не видим друг друга по несколько дней.

– Вы не спите вместе? – спросила Стефи. Дэви повернулась к ней:

– Вы приехали с Севера. Откуда именно?

– А что?

– Вы невоспитанны и невероятно грубы. Смайлоу снова вмешался:

– Стефи, мы будем интересоваться личной жизнью Петтиджонов, только если в этом появится необходимость. Пока такой необходимости нет. – И он снова повернулся к хозяйке дома:

– Вы не знали о планах Люта на сегодня?

– Ни на сегодня, ни на любой другой день.

– Он не говорил вам, что собирается с кем-то встретиться?

– Едва ли. – Она поставила пустой стакан на кофейный столик, выпрямилась и расправила плечи. – Меня подозревают?

– На данный момент мы подозреваем каждого в Чарлсто-

не.

Дэви встретила со Смайлоу взглядом.

– У многих найдутся причины убить его. – Под ее пристальным взглядом он отвел глаза.

Стефи Манделл сделала шаг вперед, словно желая напомнить Дэви, что она все еще здесь, что она важная персона и что с ней надо считаться.

– Прошу прощения, если я была невежлива с вами, миссис Петтиджон.

Она замолчала, но Дэви не собиралась ее прощать за столь многочисленные нарушения правил приличия. Она даже не пошевелилась.

– Ваш муж был важной фигурой, – продолжала Стефи. – Его бизнес приносил большие доходы городу, округу и штату. Его участие в общественной жизни...

– К чему вы клоните?

Теперь Стефи не понравилось вмешательство Дэви, она продолжала:

– Это убийство затронет все общество. Офис окружного прокурора будет заниматься прежде всего этим делом, пока виновный не будет схвачен, не предстанет перед судом и не будет осужден. Я лично гарантирую вам, что правосудие свершится.

Дэви улыбнулась самой очаровательной своей улыбкой.

– Мисс Манделл, ваши личные гарантии для меня гроша ломаного не стоят. И еще я должна вас огорчить. Вы не бу-

дете заниматься расследованием смерти моего мужа. Я никогда не доверяла вещам с распродажи.

Она оглядела платье Стефи с выражением явного неодобрения. А потом, повернувшись к Смайлоу, объяснила, как будут развиваться события дальше:

– Я хочу, чтобы этим делом занимались только самые лучшие. Проследите за этим, Рори. Или этим займусь я, вдова Люта Петтиджона.

Глава 5

– Ну-ка гони сюда сотню, живо, – мужчина шлепнул ладонью по грязному зеленому сукну, сияя пьяной улыбкой. Бобби Тримбл содрогнулся от омерзения.

Достав бумажник из заднего кармана, Бобби вынул две бумажки по пятьдесят долларов и передал их этому ублюдку.

– Хорошая игра, – лаконично сказал он.

Мужчина спрятал деньги в карман и оживленно потер руки.

– Может, сыграем еще разок?

– Позже. – Он подмигнул, выстрелил из воображаемого пистолета в огромное брюхо своего партнера по бильярду и отошел, унося с собой стакан.

На самом деле ему хотелось отыграться, но у него не было наличных. Последняя серия игр, каждую из которых он проиграл, сделала его беднее на несколько сотен долларов. Пока он не решит проблему с наличными, с игрой придется подождать. И со всем прочим тоже не придется торопиться. Последняя уплывшая из рук сотня особенно действовала ему на нервы. Просто он мог приобрести пару косяков. Или пару «колес». Ну что ж...

Хорошо, что у него еще оставалась поддельная кредитная карточка. Этим он сможет покрыть свои расходы на жизнь, но на все остальное нужны наличные. И с этим немного

сложнее. Но все-таки возможно. Надо только немного потрудиться.

А Бобби хотелось побольше отдыхать, поменьше работать.

– Уже недолго осталось, – утешил он самого себя, улыбаясь своему отражению в стакане. Когда его вложения окупятся, он сможет долгие годы ничего не делать.

Но улыбка быстро сбежала с его лица. Облако неуверенности наползло на его солнечное будущее. К несчастью, успех его схемы добывания денег зависит от партнера, а он уже начал сомневаться в том, что ей можно доверять. Честно говоря, сомнения жгли его изнутри, как дешевое виски, которое он пил весь вечер. На самом деле он вообще не мог доверять ей.

Бобби уселся на табурет в конце стойки и заказал еще виски. Если бы не нужда держаться в тени, Бобби никогда бы не пошел в заведение такого низкого пошиба. Он давно уже не бывал в таких забегах. Бобби начинал с нуля, но смог подняться. Путь вверх. Взлетающая вверх ракета, вот что такое Бобби Тримбл.

Он выработал для себя новый имидж и не собирался с ним расставаться. Если ты родился не в той семье, то с этим ничего не поделаешь. Но если тебе это не нравится, если ты нутром чувствуешь, что создан совсем для другого, лучшего, то почему бы тебе не стряхнуть с себя одну маску и не подыскать себе другую? Именно это Бобби и проделал.

Только его внешность и манеры позволили ему найти ту непыльную работенку в Майами. Хозяину ночного клуба требовался парень с талантом Бобби к перевоплощению в качестве конферансье. Он хорошо выглядел, и дамы потянулись в клуб. Он окунулся в работу, как утка в воду. Клуб увеличил доходы. Очень скоро «Петух и бык» стал самым популярным ночным заведением в Майами, хотя в этом городе трудно кого-то удивить.

Каждую ночь туда приходили дамочки, которые хотели хорошо провести время. «Петух и бык» не извинялся за свое непристойное шоу, адресованное не леди, а женщинам, не боявшимся растрепать прическу. Почти каждую ночь танцоры раздевались догола. Бобби не расставался со своим смокингом, но своими речами доводил женщин до сексуального безумия. Его устные упражнения возбуждали больше, чем движения стриптизеров. Посетительницы обожали его грязные шутки.

Потом как-то ночью одна разошедшаяся не на шутку дамочка вскарабкалась на сцену, упала на колени перед одним из танцоров и стала делать ему минет. Толпа просто обезумела.

Но представителей полиции нравов, работавших под прикрытием, такой оборот событий не устроил.

Они вызвали своих людей, и, прежде чем кто-либо успел сообразить, что, собственно, происходит, в зале было уже полно полицейских. Бобби удалось ускользнуть через зад-

нюю дверь, но он успел прихватить с собой всю наличность из сейфа в кабинете хозяина.

Бобби слишком любил ипподром. Его преследовали неудачи, и он задолжал кругленькую сумму. Итак, имея у себя на хвосте хозяина клуба, полицейских и кредиторов, Бобби сбежал в штат Южная Каролина с десятью тысячами долларов за подкладкой смокинга. Он перекрасил свой «Мерседес» с откидным верхом и поменял на нем номера. Какое-то время Бобби путешествовал вдоль побережья и с наслаждением тратил украденные деньги.

Но это не могло длиться вечно. Бобби пришлось взяться за работу – единственную, которую он знал в совершенстве. Выдавая себя за постояльца роскошного отеля, он пробирался к бассейну и там испытывал свои чары на одиноких туристках. Деньги, которые он у них крал, Бобби считал справедливым вознаграждением за то удовольствие, что он доставлял дамам в постели.

Но как-то вечером, потягивая шампанское и уговаривая одну разведенную особу дать ему свой ключ от номера, он увидел знакомого из Майами. Бобби тут же извинился и сказал, что ему надо на минуту выйти. Расставшись с дамой, он вернулся в отель, быстро собрал вещи, побросал их в «Мерседес» и рванул прочь из города.

Несколько долгих недель он не высовывал носа, воздерживаясь даже от секса. В минуты неудач сомнения в себе проявлялись особенно сильно, но на этот раз к ним присо-

единилось и желание отомстить. Как-то раз он напился в баре и ввязался в драку с другим посетителем.

И, как оказалось, это было лучшее, что могло с ним случиться. Эту драку увидел нужный человек и направил Бобби на верную дорогу. Если все пройдет так, как он спланировал, то он сделает состояние. У него будет столько денег, сколько должен иметь новый, созданный им Бобби Тримбл.

И все-таки его успех зависел от его партнерши. Как он уяснил для себя гораздо раньше, женщинам нельзя доверять уже на том основании, что они женщины. Бобби допил виски и сделал знак бармену:

– Пора долить.

Но бармен не отрывался от экрана телевизора. Изображение было нечетким, но даже со своего места Бобби сумел-таки разглядеть какого-то парня, говорившего в направленный на него микрофон. Бобби его не знал. Какой-то неуклюжий пижон, это точно.

Парень на экране был хладнокровной бестией. Окруженный журналистами, он говорил:

– Тело было обнаружено сегодня вечером вскоре после шести часов. Нам известна личность убитого.

– Что вы скажете о...

– А как насчет орудия убийства?

– Есть ли у вас подозреваемые?

– Мистер Смайлоу, не могли бы вы рассказать нам... Бобби потерял интерес к происходящему и повысил голос:

– Налейте мне еще виски.

– Я слышал, – раздраженно буркнул бармен.

– Неплохо было бы улучшить обслуживание клиентов...

Но жалоба замерла на его губах, когда на экране вместо парня с холодными глазами показалось лицо, хорошо знакомое Бобби. Лют Петтиджон. Бобби выпрямился и стал ловить каждое слово.

– В номере «люкс», который занимал мистер Петтиджон, нет никаких следов взлома. Кража как мотив преступления исключается. На данный момент у нас нет подозреваемых.

Прямой репортаж закончился, и перед зрителями снова появился ведущий одиннадцатичасового выпуска новостей.

Бобби больше не сомневался. Его улыбка сияла от уха до уха. Он поднял стакан, молча приветствуя свою партнершу. Она выполнила работу за него.

– Это все, что я пока могу сообщить вам.

Смайлоу отвернулся от микрофонов.

Детектив проигнорировал прозвучавшие ему вслед вопросы. Журналисты поняли, что больше ничего от него не добьются, и стали расходиться.

Смайлоу делал вид, что ему претит внимание прессы, но правда состояла в том, что он обожал пресс-конференции в прямом эфире. Не из-за камер и юпитеров, ведь он знал, что на фотографиях выглядит ужасно. И не из-за внимания и рекламы, которые они ему обеспечивали. Им дорожили на службе, и ему не требовалось одобрение общественности,

чтобы сохранить свое положение и должность.

Смайлоу обожал ощущение собственной власти, когда его снимали и задавали ему вопросы. Но когда он подошел к детективам, поджидавшим его у стойки дежурного в вестибюле отеля, то проворчал:

– Я рад, что все кончилось. Ну, что у вас есть для меня?

– Ничего, – ответил Коллинз, и все кивнули головами в знак согласия, Заявление детектива застало Смэйлоу врасплох.

– Что вы хотите сказать этим вашим «ничего»?

– Именно то, что сказал. – Майк Коллинз был ветераном. Он не так боялся Смэйлоу, как другие, поэтому по молчаливому согласию он всегда говорил от имени остальных. – Пока мы ничего не нашли. Мы...

– Это невозможно, детектив, – подала голос Стефи. У Коллинза вокруг глаз залегли темные круги – свидетельство того, насколько тяжело ему пришлось этим вечером. Он повернулся к Стефи Манделл, прервавшей его, и посмотрел на нее так, словно с удовольствием придушил бы ее на месте, и, не обращая на нее больше внимания, продолжал докладывать Смэйлоу:

– Как я говорил, мы опросили всех. – Постояльцы и служащие все еще оставались в бальном зале отеля. – Сначала им даже нравилось. Ну вы понимаете. Такое возбуждает. Как в кино. Но новизна ощущений прошла несколько часов назад. Мы ничего не можем от них добиться, их всех интере-

сует одно: когда же им можно будет уйти.

Смайлоу неохотно разрешил постояльцам вернуться в свои номера. Он с детективами устроился в комнате для совещаний в бельэтаже и заказал всем пиццу. Пока они ели, Смайлоу просматривал ту скудную информацию, которую им удалось собрать после изнурительных допросов.

– Петтиджону делали массаж в спортивном комплексе? – спросил он, проглядывая записи.

– Да, – один из детективов проглотил огромный кусок пиццы. – Сразу после того, как он приехал в отель.

– Вы говорили с массажистом? Мужчина кивнул.

– Он сказал, что Петтиджон просил сделать ему массаж-люкс, целых девяносто минут. Петтиджон принял душ там, вот почему ванная в номере осталась сухой.

– Этот парень показался вам подозрительным?

– Я бы этого не сказал, – пробормотал детектив с набитым ртом. – Он переехал сюда из Калифорнии. В Чарлстоне новичок. Петтиджона видел впервые.

Смайлоу просмотрел список постояльцев. Все были вне подозрений. Все утверждали, что не были знакомы с Петтиджоном, хотя кое-кто видел его в новостях несколько месяцев назад, когда отель только открывался.

Большинство из гостей были обычными семейными парами, проводящими отпуск. Три пары приехали в Чарлстон на медовый месяц. Остальные говорили о том же, но явно были тайными любовниками, вырвавшимися на выходные в

романтический город. Эти нервно отвечали на вопросы детективов, но не потому, что были замешаны в убийстве. Они были виновны лишь в супружеской измене.

На четвертом этаже все номера, за исключением трех, были заняты группой школьных преподавательниц из Флориды. Два номера «люкс» занимала баскетбольная команда мальчиков, только что закончивших этой весной последний класс школы и проводящих вместе последние дни перед тем, как разъехаться по разным университетам. Их единственным преступлением было распитие спиртных напитков, так как они еще не достигли совершеннолетия. К явному изумлению своих товарищей, один из них отдал офицеру марихуану в пакетике из фольги.

– А что с пленками камер наблюдения? – требовательно спросил Смайлоу.

– Хотите посмотреть? – уточнил Коллинз.

– А там есть на что смотреть?

Детективы снова зафыркали, давясь от смеха. Но Коллинз предложил, чтобы Смайлоу все-таки взглянул. Он даже пригласил Стефи посмотреть с ними видео.

– Может, какая польза будет, – сказал он ей.

Смайлоу и Стефи прошли за ними через вестибюль бельэтажа к другому залу заседаний, где к монитору уже был подключен готовый к работе видеомэгафон.

Коллинз торжественно вставил кассету.

– Сначала парень, который этим занимается, поведал мне,

что кассета с этого этажа потеряна.

Смайлоу знал по опыту, что камеры наблюдения подключены обычно к таймеру и включаются каждые десять секунд, в зависимости от скромности наблюдателя. Именно поэтому изображение при прокручивании пленки все время немного прыгает. Как правило, на кассете сохраняются записи за несколько предыдущих дней.

– А почему пленка оказалась не в видеомагнитофоне? Разве их не оставляют там и не записывают на них по новой, если нет нужды их просматривать?

– Именно поэтому я сообразил, что он лжет, – ответил Коллинз. – И я от него не отстал. Наконец он выдал мне кассету. Готовы?

Получив утвердительный кивок Смайлоу, Коллинз нажал на кнопку. Даже если бы на пленке не оказалось изображения, услышанные звуки вполне подошли бы для крутого порно. Стоны и вздохи сопровождали зернистое изображение парочки, предающейся любовным утехам.

– Эта сцена продолжается примерно пятнадцать минут, – объяснил Коллинз. – А потом дальше нам показывают двух шлюх в ванной, развлекающих друг друга. А затем следует основная сцена с...

– Я понял, – бросил Смайлоу. – Выключите. – Он проигнорировал недовольный ропот и свист остальных мужчин. – Прости, Стефи.

– Не за что. Маленькая шутка детектива Коллинза только

подтвердила мою теорию о том, что словосочетание «мужская измена» это все равно что «масло масляное».

Остальные рассмеялись, а Коллинз буркнул что-то неразборчивое, выведенный из себя ее замечанием.

– Суть в том, – сказал он, – что весь этот шум, поднятый Петтиджоном по поводу суперсовременной системы охраны, – это просто блеф. Видеокамеры на этажах – липа. Черт бы их побрал.

– Что? – воскликнула Стефи.

– Единственная работающая камера на всю гостиницу находится в бухгалтерии. Петтиджон не желал, чтобы его обкрадывали, но, насколько я понимаю, ему было наплевать, если обворуют или убьют его гостей. Судьба сыграла с ним шутку, верно?

– А почему парень солгал? – поинтересовался Смайлоу.

– Ему так велели. Так приказал сам большой злой Петтиджон. И парень оказался твердым орешком. Он молчал даже после того, как мы ему сообщили, что Петтиджон мертв и что ему надо бояться только одного – обмануть нас. Наконец он сломался. Мы все проверили. Камеры не работают.

– Сколько народу об этом знает?

– Я полагаю, не слишком много.

– Проверьте. Начните с тех, кто занимает управленческие должности.

Обращаясь ко всем остальным, Смайлоу сказал:

– С утра первым делом займемся врагами Петтиджона.

Мы составим список...

– Или мы можем избавить себя от хлопот и просто воспользоваться телефонной книгой, – пошутил один из детективов. – Все, кого я знаю, будут только рады, что этот сукин сын мертв.

Смайлоу кинул на говорящего тяжелый взгляд.

– Ох, простите, – промямлил тот, улыбка его увяла. – Я забыл, что он приходился вам родственником.

– Мы не состояли с ним в родстве. Он был женат на моей сестре. Какое-то время. Думаю, я люблю его еще меньше, чем все остальные. Стефи наклонилась вперед:

– Но ведь не ты же кокнул его, а, Смайлоу?

Все рассмеялись, но ответ Смайлоу «нет, не я» прозвучал так резко, словно он всерьез воспринял вопрос, и смех смолк так же внезапно, как и начался.

– Мистер Смайлоу, простите меня... В дверях стоял Смитти. Рори посмотрел на часы. Было уже за полночь.

– Я думал, что ты торопишься попасть поскорее домой, – сказал он чистильщику.

– Они только что разрешили нам идти домой, мистер Смайлоу.

– Ну да, конечно. – Он забыл, что всех служащих, включая Смитти, долго держали для допроса, хотя сам и приказал это сделать. – Прости.

– Это неважно, мистер Смайлоу. Я только хотел узнать, сказал ли вам кто-нибудь о тех людях, которых вчера увезли

в больницу?

– В больницу?

Глава 6

На приборной панели автомобиля вспыхнула и замигала красная лампочка, и от досады она даже застонала сквозь зубы. Как некстати!.. Останавливаться и заливать в бак бензин ужасно не хотелось, но по опыту она знала, что в этой машине, если зажегся красный сигнал, значит, бензина действительно осталось всего ничего.

На этом участке шоссе, пересекавшем пустынную сельскую местность, заправок было мало, поэтому когда через несколько миль она заметила сначала дорожный знак, а затем и ярко-зеленую неоновую вывеску бензозаправочной станции, то не раздумывая свернула к ней. Остановив машину возле колонки, она выбралась наружу и задумчиво огляделась.

Она привыкла расплачиваться кредитной карточкой, но сегодня ее занесло в такие места, куда цивилизация еще не проникла. На этой заправке платили наличными, а она очень не любила, когда ей приходилось сначала отдавать деньги и только потом получать услугу или товар – слишком уж это походило на платеж авансом, а к авансам она принципиально относилась с недоверием.

Вот почему она не стала спешить к окошечку кассы, а сняла с кронштейна заправочный пистолет и повернула рычаг колонки. Затем отвинтила крышку бака и, положив ее на

бампер, вставила пистолет в горловину и махнула служащему за окошком, давая ему знак включить насос.

Но служащий, который, уткнувшись носом в крошечный экран, смотрел по телевизору боксерский матч, даже не повернулся в ее сторону. Стекло кассы было почти сплошь заклеено плакатами с рекламой пива и объявлениями о розыске пропавших домашних животных, так служащий мог и вообще ее не заметить. Скорее всего, однако, он просто придерживался принципа: сначала деньги, потом – бензин. Особенно в ночное время.

Она неохотно подошла к кассе и опустила двадцатку в захватанный выдвижной лоток под еще более грязным, захватанным окошком.

– На двадцать долларов, мисс? Больше ничего не желаете? – спросил клерк, так и не оторвавшись от экрана телевизора.

– Нет, спасибо.

Бензин едва тек, но в конце концов в недрах колонки что-то заскрежетало, и насос со щелчком выключился. Вытащив из бака заправочный пистолет, она повесила его на кронштейн и потянулась за крышкой, но в этот момент с шоссе свернула на заправку еще одна машина. Лучи фар хлестнули ее по глазам, и она, прищурившись, замерла.

Вторая машина затормозила в нескольких футах от ее заднего бампера. Водитель выключил фары и, не заглушив двигатель, выбрался наружу.

Увидев его, она открыла от удивления рот, однако не двинулась с места и не произнесла ни слова. Она не упрекнула его за то, что он последовал за ней, и не спросила, почему он это сделал. Она даже не потребовала, чтобы он немедленно оставил ее в покое – только смотрела на него и молчала.

Теперь, когда солнце зашло, его волосы казались темнее, чем днем. Глаз его не было видно в темноте, но она помнила, что они у него серо-голубые. Одна бровь была чуть выше и чуть сильнее изогнута, однако эта легкая асимметрия нисколько не портила его – напротив, она делала его лицо необычным, интересным, как и небольшая вертикальная ямочка на подбородке, придававшая ему выражение силы и упрямства. Он был высок ростом и худощав, поэтому тень, которую он отбрасывал, казалась особенно длинной.

Несколько секунд они молча рассматривали друг друга, затем он захлопнул дверцу машины и шагнул к ней. При этом подбородок его чуть-чуть выдвинулся вперед, и она поняла, что характер у него решительный и твердый. Этот человек знал, чего хочет, и не боялся этого добиваться. Он остановился, лишь подойдя к ней почти вплотную. Она ждала, что он заговорит, но вместо этого он заключил ее лицо в свои ладони и, слегка наклонившись, поцеловал.

Его губы были упругими и теплыми, и поцелуй получился чувственным и сладким. И серьезным. Это было столь неожиданно и столь приятно, что ее губы приоткрылись сами собой и она обхватила его обеими руками.

Он тоже обнял ее за плечи одной рукой и привлек к себе, так что тела их теперь соприкасались целиком. Стараясь перевести дух, она слегка откинула голову назад, но он не отпустил ее – он лишь еще больше наклонился к ней, отчего их поцелуй сразу стал более глубоким и пылким. И чем дольше они целовались, тем больше страсти было в их объятиях.

Неожиданно он отстранился, тяжело дыша. Его горячие ладони снова очутились на ее щеках.

– Именно это я и хотел узнать, – сказал он совсем тихо. – Что дело не только во мне...

Она слегка покачала головой, насколько ей позволяли сделать это его руки.

– Нет, – ответила она. – Дело не только в тебе.

– Поедешь со мной?

Она хотела отказаться, но это была бы лишь естественная реакция на такое предложение, поэтому она промолчала.

– У меня есть небольшой домик неподалеку, – добавил он торопливо. – До него всего две или три мили.

– Я... я...

– Только не говори «нет»... – Его прерывистый шепот был хриплым, почти умоляющим. – Только не говори «нет»!

Несколько мгновений она всматривалась в его лицо, затем чуть заметно кивнула. Он сразу выпустил ее и, круто повернувшись, шагнул к своему автомобилю. Она тоже заторопилась, но у нее так сильно дрожали руки, что она едва не выронила крышку от бензобака. Наконец ей удалось навернуть

ее на горловину. Захлопнув лючок, она села за руль и включила мотор.

Он тем временем вырулил на параллельную дорожку и, встав вровень с ее машиной, бросил в ее сторону быстрый взгляд, словно хотел убедиться, что она настроена так же решительно, как и он, а может, он просто боялся, что она рванет с места и исчезнет в ночной тьме.

Именно так ей и следовало поступить. Она знала это, но понимала, что не сделает этого. Во всяком случае, не сейчас.

Хэммонд Кросс перевел дух, лишь когда ее автомобиль остановился на лужайке возле его загородного домика. Выйдя из машины, он открыл дверцу ее «Хонды» и помог гостье выйти.

– Осторожно, не споткнись, – предупредил он и, взяв ее за руку, повел к дому по смутно белевшей в темноте дорожке, засыпанной хрустящим ракушечником. Крошечный фонарик, горевший над крыльцом, был похож на заблудившуюся звездочку и давал ровно столько света, сколько было необходимо, чтобы попасть ключом в замочную скважину хотя бы с третьей попытки. Справившись с замком, Хэммонд широко распахнул дверь и пригласил гостью войти. Одна из местных жительниц приходила сюда три раза в неделю, чтобы прибраться, и он помнил, что она должна была побывать в доме сегодня утром. В самом деле, в прихожей не пахло ни пылью, ни затхлым, застоявшимся воздухом, какой бывает в нежилых помещениях. Напротив, в воздухе витал свежий

аромат, какой издают только что принесенные из прачечной крахмальные простыни и повисевшие на солнце полотенца. Кроме того, в прихожей было прохладно, так как по просьбе Хэммонда кондиционер постоянно оставался включенным.

Когда гостья вошла, он закрыл входную дверь, и они сразу очутились в кромешной темноте, так как теперь в прихожую не проникал даже слабый свет фонаря над крыльцом, и эта внезапная темнота сыграла с ним злую шутку. Еще по пути сюда Хэммонд твердо решил вести себя как джентльмен и радушный хозяин. Он собирался показать гостье дом, угостить кофе или вином и рассказать что-нибудь о себе, чтобы она успела хоть немного привыкнуть к его обществу. Вместо этого он снова всем телом потянулся к ней.

Она ответила на его порыв с такой готовностью и желанием, словно уже давно ждала его поцелуя и тосковала о нем. Ее теплые и мягкие губы легко раздвинулись, уступая напору его языка, который гладил, пробовал на вкус и ласкал ее небо. Это продолжалось, казалось, целую вечность, пока, почувствовав, что еще немного, и он задохнется, Хэммонд не оторвался от ее губ, чтобы глотнуть воздуха. Но из своих объятий он ее не выпустил. Наклонив голову, Хэммонд уткнулся лицом в ее шею, а она сплела пальцы у него на затылке.

Он поцеловал ее сначала в ямочку у ключиц, потом поднялся к прятавшемуся под завитками волос уху.

– Это безумие, – прошептал он.

– Да.

– Ты не боишься?

– Немного.

– Меня?

– Нет.

– Напрасно.

– Я знаю. И все равно тебя я не боюсь. Его губы снова скользнули по ее губам.

– Тогда чего же?

– Всего. Всей ситуации.

Теперь уже ее губы нашли его рот и долго не отпускали.

– Все произошло так стремительно, и мы оба вели себя так...

– Глупо?..

– Безответственно. Он вздохнул.

– Я ничего не мог с собой поделать.

– Я тоже.

– Мне ужасно хотелось...

– Я тоже хотела тебя, – вздохнула она, когда его руки скользнули ей под блузку, и откинула голову, подставляя шею для поцелуев.

Этого оказалось достаточно, чтобы рассеялись его последние сомнения. Хэммонд слышал, как у нее перехватило дыхание, когда он замешкался, расстегивая застёжку лифчика, однако, как только его пальцы коснулись теплой и мягкой кожи ее груди, с ее губ сорвался облегченный вздох.

Потом Хэммонд почувствовал, как ее руки легли ему на спину. Проворные пальцы пробежали вдоль позвоночника, исследуя, ощупывая каждый мускул, каждое ребро, и, опустившись ниже поясного ремня, слегка надавили, отчего кровь буквально вскипела в его жилах.

Они снова поцеловались глубоко и страстно, потом Хэммонд взял ее за руку и, ощупью находя дорогу в темноте, почти потащил через гостиную в спальню.

Его летний домик нельзя было назвать особенно просторным, однако, не чуждый удобств, Хэммонд умудрился втиснуть в крошечную спальню широкую двуспальную кровать. Именно на эту кровать они в конце концов и упали, обнимая и лаская друг друга со страстью и пылом двух юных влюбленных.

* * *

Она лежала на боку, повернувшись к нему спиной.

Хэммонду хотелось что-то сказать ей, однако, перебирая в уме возможные варианты, он забраковывал их один за другим. Все, что приходило на ум, казалось ему банальным, глупым или и тем и другим вместе.

На мгновение он даже задумался о том, чтобы сказать ей правду.

Боже мой, это было чудесно!

Ты прекрасна!

Я еще никогда не испытывал ничего подобного.

Я хотел бы, чтобы это никогда не кончалось...

Но он понимал, что она все равно не поверит ни одному слову, поэтому продолжал молчать. Неловкая пауза становилась все напряженнее. Наконец он повернулся на бок и включил стоявший на ночном столике ночник. Когда вспыхнул свет, она подтянула колени к груди, сразу сделавшись недоступной и отчужденной.

Слегка обескураженный подобной реакцией, Хэммонд сел на кровати. Его рубашка была измята, брюки расстегнуты, однако за исключением ботинок и галстука он так и не расстался ни с одной деталью своего туалета. Это заставило его испытать чувство неловкости, и он поспешно разделся, сняв с себя все, кроме трусов.

Обернувшись, Хэммонд увидел, что она лежит на спине и наблюдает за ним.

– О чем ты думаешь? – Она облизнула губы и отвернулась. – Не о том ли, как половчее от меня избавиться?

– Что?! – негромко воскликнул он. – Нет, конечно, нет! Он сел на край кровати и протянул руку, чтобы коснуться ее волос, но тут же отдернул, словно испугавшись чего-то.

– Разумеется, нет, – добавил он спокойнее. – Я думал о том, как бы уговорить тебя остаться до утра и при этом не выставить себя полным дураком.

Она была довольна его словами. Хэммонд почувствовал это еще до того, как она снова повернулась к нему. После

недавней близости ее глаза все еще слегка поблескивали, грудь вздымалась, губы припухли от поцелуев, а спутанные волосы падали на лицо. Ее одежда была в еще большем беспорядке, чем его, однако благодаря этому она выглядела особенно соблазнительно, и Хэммонд снова почувствовал нарастающее возбуждение.

Перехватив его взгляд, она полусознательным движением одернула юбку на бедрах. Ее трусики лежали на смятом покрывале в ногах кровати, но она этого даже не замечала.

– Можно воспользоваться твоей ванной?

– Пожалуйста. Вон та дверь... – Он снова встал, собираясь выйти, чтобы не стеснять ее. – Пойду налью нам обоим что-нибудь выпить. Кстати, ты не проголодалась?

– Нет. Мне еще долго будут сниться пирожки и мороженое, которые мы пробовали на ярмарке. Он улыбнулся в ответ на ее улыбку.

– Может быть, хочешь воды? Или сока? Или кофе? В холодильнике наверняка найдется и пиво.

– Нет, лучше воды.

Он кивнул головой в сторону ванной комнаты.

– Если что-нибудь понадобится – только скажи.

– Спасибо.

Она, похоже, немного стеснялась, поэтому он еще раз улыбнулся и оставил ее одну.

К счастью, женщина, прибиравшаяся в коттедже, не поленилась наполнить холодильник продуктами и самыми раз-

ными напитками, включая воду. Присев на корточки, Хэммонд откупорил бутылку пива и, прихлебывая из горлышка, исследовал содержимое полка. Полдюжины яиц. Фунт бекона. Замороженные оладьи. Свиные отбивные. Апельсиновый сок. А где же сливки? Сливки в холодильнике не оказалось, и ему оставалось надеяться, что его гостя пьет кофе без сливок и без сахара, которого он вообще никогда не держал.

Сам он почти никогда не завтракал, если не считать ранних деловых встреч и официальных завтраков с коллегами. Лишь приезжая на уик-энд в свой загородный домик, где утра казались долгими, почти бесконечными, Хэммонд позволял себе плотный, сытный завтрак. Он неплохо готовил; в особенности же ему удавались такие простые вещи, как яичница с беконом, которую он украшал ломтиками помидоров и листьями салата, но сейчас Хэммонд позволил себе помечтать о том, как они приготовят завтрак вместе, а потом будут есть его на крыльце или на террасе, то и дело прерываясь, чтобы поцеловаться.

Но все это будет только завтра утром, напомнил он себе. Вернее, сегодня утром, поправился Хэммонд, бросив быстрый взгляд на часы, показывавшие начало третьего ночи.

Вчерашний день был для него не самым легким. Во всяком случае, из Чарлстона он уезжал чуть ли не в смятении. Казалось, все в его жизни идет не так, как надо, и он ни за что бы не поверил, что такой отвратительный день закончится близостью с прекраснейшей из женщин, какую он ко-

гда-либо встречал. С женщиной, о существовании которой еще вчера он даже не подозревал. С женщиной, с которой он познакомился всего несколько часов назад...

Он все еще дивился странному капризу судьбы, когда услышал, что вода в ванной перестала течь. На всякий случай Хэммонд выждал еще пару минут, боясь вернуться слишком рано и смутить гостью, потом взял из холодильника две бутылки минеральной воды и отправился в спальню.

– Кстати, – громко сказал он, широко распахивая дверь, – мне кажется, нам пора наконец познакомиться как следует...

Он осекся, увидев, что она стоит возле туалетного столика и прижимает к уху телефонную трубку. Увидев его, она на мгновение замерла, потом поспешно опустила трубку на аппарат и пробормотала:

– Надеюсь, ты не возражаешь?

– О нет, нисколько, – ответил Хэммонд, хотя на самом деле он возражал. И еще как!.. Дело было вовсе не в том, что она воспользовалась телефонным аппаратом без разрешения. Просто Хэммонд не представлял, кому его гостья может звонить в столь поздний час, через считанные минуты после того, как они занимались любовью. Неужели в ее жизни есть человек, который значит для нее так много?

Он стиснул зубы. Пока он торчал в кухне, мечтая о завтраке на крыльце и считая минуты, когда ему можно будет вернуться в спальню, она кому-то звонила. И вот теперь он стоит на пороге с глупым выражением лица и не знает, что

сказать.

Хэммонд поставил бутылки с водой на ночной столик и от неловкости переступил с ноги на ногу. Да, он чувствовал себя неловким и смешным, что было ему несвойственно. Обычно Хэммонд был способен справиться с любой ситуацией, но сейчас он элементарно растерялся, и это ему очень не нравилось.

Что тут приятного, если чувствуешь себя ослом?

– Я помешал? – спросил он чужим голосом.

– Нет-нет, ничего страшного. – Она нервным движением поправила трубку на аппарате. – Я не дозвонилась. Никто не подходит.

– Тогда позвони еще раз.

– Ничего, это может подождать...

«Если это может подождать, тогда какого черта тебе вообще вздумалось звонить куда-то посреди ночи?» – подумал он.

– Ничего, что я надела это?

– Что ты сказала? – рассеянно переспросил он. Она провела рукой по вылинявшей майке, в которой Хэммонд узнал свою старую студенческую футболку с эмблемой колледжа. Футболка доставала ей до середины бедер.

– Я нашла ее на полке в ванной. Нет, я не шарила по твоим шкафам, я просто...

– Пустое. – Его тон, однако, был гораздо красноречивее слов, и ее руки непроизвольно сжались в кулаки, но тотчас

же снова расслабились.

– Знаешь, – сказала она, – пожалуй, мне лучше уйти. Нас обоих слегка занесло, и теперь... – Она улыбнулась. – Должно быть, это катание на «чертовом колесе» вскружило нам головы.

Она пыталась шутить, но он никак не отреагировал на ее слова. Кровать со смятыми простынями, на которую они посмотрели почти одновременно, была слишком очевидным напоминанием о том, что происходило здесь каких-нибудь полчаса назад. О том, какой сладостной, головокружительно-пьянящей была их близость. Казалось, в спальне все еще звучит эхо тех слов, которые они в исступлении страсти шептали друг другу.

После ванной ее кожа пахла свежестью и чистотой. Но он не принимал душ, и от него по-прежнему пахло сексом – его и ее потом, семенем, жарким теплом лихорадочных и торопливых объятий. Воспоминания о том, что произошло, были еще слишком свежи в его памяти, и Хэммонд просто не мог ее отпустить.

Именно поэтому, когда она сказала, что хочет переодеться и ехать, он удержал ее. Удержал физически, ибо она уже готова была проскользнуть мимо него обратно в ванную, где оставалась ее одежда. Когда его рука легла ей на талию, она остановилась, но не повернулась к нему, продолжая глядеть прямо перед собой.

– Ты можешь думать обо мне все, что угодно, – прогово-

рила она, – но я хочу, чтобы ты знал... То, что было, я сделала не от скуки и не потому, что для меня в порядке вещей спать с незнакомцами...

– Это неважно, – ответил он негромко.

Тогда она повернула голову и посмотрела на него.

– Это важно для меня. Я хочу, чтобы ты знал... Он осторожно опустил руки ей на плечи и развернул лицом к себе.

– Ты действительно считаешь, что во всем виновато именно катание на «чертовом колесе»?

Она закусила губу, словно боясь, что она задрожит и выдаст ее чувства.

– Нет.

Она покачала головой, и Хэммонд привлек ее к себе. Просто привлек к себе и долго не отпускал, положив щеку на ее теплую макушку. Босиком, в не по размеру большой футболке, она казалась особенно хрупкой и уязвимой, и, обнимая ее так, он чувствовал себя мужественным покровителем и защитником.

При мысли об этом Хэммонд невольно улыбнулся. Она почувствовала это и подняла голову.

– Что?..

– Так, ничего... Просто я подумал, как мне хорошо с тобой. А ты чувствуешь это?

Она задумчиво склонила голову.

– Не знаю.

– Я имел в виду... Ну, со мной?..

– Мне тоже было хорошо. И... спасибо.

– За что?

– За то, что подумал обо мне.

Хэммонд невольно улыбнулся. Упаковку презервативов он держал в ящике ночного столика, и теперь, при воспоминании о том, как он, торопясь, разрывал зубами пластиковый пакетик и натягивал тонкую резиновую кишку, ему стало смешно. Вместе с тем он почувствовал и смущение, поскольку считал, что сделал только то, что был должен.

– Я просто хотел произвести приятное впечатление, – пробормотал он, пытаясь свести все к шутке.

Она неожиданно погладила его по груди, застав Хэммонда врасплох.

– Спасибо тебе за это и... за все остальное, – сказала она чуть слышно.

В ответ он бережно взял ее за подбородок и, заставив приподнять голову, снова поцеловал. Желание, которое вновь пробудилось в нем, заставило его негромко застонать, и в ответ с ее губ тоже сорвался тихий стон.

Одной искры было достаточно, чтобы их страсть снова вспыхнула еще ярче, еще горячее. Они не говорили, а почти шептали, но это лишь усиливало ощущение близости между ними.

– Тебе нравится?..

– Да.

– Я не слишком тороплюсь?

- Нет.
- Я просто не знал...
- И я тоже не знала.
- Извини.
- Неважно.
- Если я сделал тебе больно...
- Нет. Ты бы не сделал.
- Ты не против, если...
- Нет. Конечно – нет.
- Господи... Как ты прекрасна! О-о-о, ты уже...
- Да.
- ..Готова.
- Мне так жаль...
- Жаль? Чего?
- Ну, я имела в виду. Ты... Я...
- Не жалею ни о чем, ладно?
- Ладно. Позволь мне прикоснуться к тебе.
- Нет, это ты позволь мне прикоснуться к тебе...

Глава 7

За рулем сидела Стефи, поэтому до больницы Руперта они со Смайлоу добрались в рекордно короткое время, нарушив по дороге почти все существующие правила дорожного движения.

– Сколько человек попало в больницу? – уточнила Стефи, пока они быстрым шагом пересекали стоянку, направляясь к дверям приемного покоя. Она пропустила некоторые подробности, так как бросилась за своей машиной сразу после того, как Смитти объяснил полицейским, как было дело.

– Шестнадцать. Семеро взрослых и девять детей, – ответил Смайлоу. – Все – члены церковного хора из Мейкона, штат Джорджия, которые отправились в туристическую поездку. Сегодня утром они позавтракали в ресторане отеля, после чего отправились на экскурсию по Чарлстону. Там их и прихватило.

– Что именно? Рвота? Понос? Желудочные колики?

– Все вместе.

Стефи покачала головой.

– В данном случае во всем виновата острая подлива с томатом. Она попала и в пиццу, которую ели дети, и в макароны, которые подавали взрослым.

В приемный покой они почти вбежали. Здесь было относительно пусто – врачебного осмотра дожидалось все-

го несколько пациентов, среди которых выделялся худой мужчина в наручниках, которого сопровождал полицейский в форме. Голова мужчины была, как тюрбаном, обмотана окровавленным полотенцем. Закрыв глаза, он негромко сто-нал и раскачивался из стороны в сторону, пока какая-то жен-щина, очевидно жена, терпеливо отвечала на вопросы запол-нявшей историю болезни медсестры. Молодая мать тщетно пыталась успокоить плачущего младенца. Сидевший особ-няком пожилой мужчина негромко всхлипывал в платок. Женщина средних лет согнулась в кресле почти пополам, так что ее голова практически лежала на коленях, и, похоже, спала.

Смайлоу и Стефи направились прямо к дежурной сестре. Там Смэйлоу представился и, предъявив значок, поинтере-совался, где сейчас находятся больные, поступившие из оте-ля «Чарлстон-Плаза».

– Скажите, мисс, они еще в приемном отделении или их уже перевели в палаты?

– Они все еще здесь, – ответила сестра.

– Мне необходимо срочно допросить их в связи с... одним важным делом.

– Извините, но... Впрочем, я сейчас свяжусь с лечащим врачом. Подождите, пожалуйста.

Она указала им на стулья, но ни тот, ни другая не присе-ли. Смэйлоу остался стоять у стойки, Стефи принялась рас-хаживать по комнате.

– Не понимаю, как твои люди не обратили внимания на то, что в конференц-зале собрались не все проживающие в отеле, – сказала она, внезапно останавливаясь перед ним. – Неужели никому не пришло в голову сопоставить число зарегистрировавшихся постояльцев с числом допрошенных?

– Будь к нам снисходительна, Стефи. – Смайлоу усмехнулся. – Во-первых, не все постояльцы были в своих номерах, они возвращались в отель по одному, по двое на протяжении нескольких часов. Нам еще повезло, что сегодня никто не выписался и не уехал. Кроме того, опросить столько народу, включая сотрудников отеля из ночной и дневной смены, тоже непросто. В этих условиях вряд ли возможно сосчитать всех.

– Я это прекрасно понимаю, – нетерпеливо бросила Стефи. – Но ведь скоро полночь, и абсолютное большинство постояльцев должны были вернуться в свои номера. Кто-то ведь должен был еще раз пересчитать всех и заметить разницу в... Сколько ты говоришь, их было? Шестнадцать? Ведь это не один-два человека, Рори! Или твои люди слишком увлеклись этим фильмом?

– Все мои люди были заняты делом, – ответил он.

– Да, только каким? Онанировали перед телевизором? Смайлоу нахмурился. Он не знал ни жалости, ни снисхождения, если полицейский, расследовавший убийство, допускал промах, однако в данном случае критика исходила от постороннего лица, а этого он стерпеть не мог. Губы его сжались

и побелели от сдерживаемого гнева.

– Извини, – сказала Стефи примирительным тоном. – Я не хотела никого задеть...

– Черта с два ты не хотела, – прошипел он. – Не лезь не в свое дело, ладно? Собирать улики – это моя обязанность. Моя, а не твоя.

Стефи промолчала. Не стоило перегибать палку и ссориться со Смайлоу. Кроме того, вопреки недвусмысленным образом высказанному пожеланию свежеиспеченной вдовы она собиралась просить прокурора округа, чтобы он назначил именно ее главным дознавателем по делу об убийстве Люта Петтиджона. А для этого – и после этого – ей была необходима поддержка полиции, поддержка Смайлоу.

Поэтому она дала ему остыть и, когда Смайлоу немного успокоился, сказала:

– Боюсь, эти люди ничем нам не помогут. Насколько я поняла, их доставили в больницу еще до того, как произошло убийство.

– Да нет, их прихватило не всех сразу, – возразил Смайлоу. – Управляющий отелем признался, что последних из них он тайком выводил через черный ход и сажал в «Скорую» уже около восьми вечера.

– Почему же он сразу не сказал тебе об этом?

– Дирекция отеля как огня боится огласки этого случая. По-моему, даже убийство беспокоило управляющего гораздо меньше, чем случай массового отравления постояльцев.

В конце концов, насильственную смерть можно сравнить со стихийным бедствием, к которому гостиница не имеет никакого отношения, а вот отравление некачественной пищей... Представь, что написали бы об этом газетчики! «Администрация отеля „Чарлстон-Плаза“ едва не прибавила к трупам Люта Петтиджона еще шестнадцать тел!» После такого скандала на отеле можно ставить крест.

– Это вы хотели меня видеть?

Смайлоу и Стефи обернулись. Врач был молод – его вполне можно было принять за недавнего выпускника колледжа, и только глаза за стеклами очков в тонкой металлической оправе были бесконечно усталыми, покрасневшими от постоянного недосыпа. Халат и шапочка врача были измяты, а кое-где на них проступили пятна пота. Удостоверение с фотографией, небрежно прикрепленное к нагрудному карману, гласило, что врача зовут Родни С. Арнольд.

Смайлоу вновь предъявил свой полицейский значок.

– Мне необходимо опросить некоторых ваших пациентов, доставленных сегодня из отеля «Чарлстон-Плаза» с пищевым отравлением, – сказал он.

– Опросить в связи с чем?

– Среди них может оказаться свидетель убийства, которое произошло в отеле сегодня во второй половине дня.

– В новом отеле? Вы что, шутите?

– Увы, нет.

– Вы сказали, во второй половине дня... Но это не со-

всем...

– Точного времени, когда это случилось, мы пока не знаем. Экспертиза даст более определенный ответ, но, по предварительным оценкам, убийство произошло где-то между четырьмя и шестью пополудни.

Врач невесело улыбнулся.

– Как раз в это время все эти люди мучились либо жестоким поносом, либо рвотой, а то и тем, и другим одновременно. Вряд ли кто-нибудь из них смог бы выйти из туалета хотя бы на минуту, так что видеть они ничего не могли.

– Я понимаю, что они были больны, но...

– Не «были», детектив... Им все еще очень плохо.

– Послушайте, доктор Арнольд, – вмешалась Стефи, делая шаг вперед, – мне кажется, вы не совсем понимаете, как важно для нас допросить этих людей. Некоторые занимали комнаты на пятом этаже рядом с «люксом» убитого. Кто-то из них мог видеть что-то важное, даже не отдавая себе в этом отчета...

– Хорошо. – Врач пожал плечами. – Позвоните в регистратуру завтра утром. Надеюсь, к этому времени кого-нибудь переведем в общее отделение.

Он повернулся, чтобы уйти, но Стефи остановила его.

– Минуточку, доктор, – сказала она, – вы не поняли. Нам необходимо опросить этих людей сейчас.

– Сейчас?! – Доктор Арнольд удивленно посмотрел сначала на нее, потом на Смайлоу. – Извините, но я не могу

этого разрешить. Эти больные еще лежат под капельницами, а те, кому повезло больше, приходят в себя. Возвращайтесь завтра утром, а лучше – вечером. Тогда...

– Но информация, которую они могут сообщить, необходима нам сегодня!

– Сейчас эти люди все равно не смогут ничего вам сообщить. – Врач нахмурился. – Я не позволю тревожить их никому, будь это генеральный прокурор штата или сам господь бог. А теперь прошу извинить – меня ждут больные.

– Проклятье! – выругалась Стефи и повернулась к Смайлоу. – Что ты молчишь? Неужели ты ничего не предпримешь?

– Не могу же я взять больницу штурмом и перевезти больных в участок, – ухмыльнулся тот. – К тому же больных, страдающих острым расстройством... Для прессы это будет новость похлеще, чем известие о том, что в новом – и лучшем – отеле города гостей травят гнилыми томатами.

Смайлоу еще раз ухмыльнулся и, вернувшись к стойке регистрации, попросил дежурную сестру передать доктору Арнольду свою визитку.

– Пусть он сразу мне перезвонит, если кто-то из пациентов почувствует себя лучше, – сказал он. – В любое время.

– Мне показалось, что мистер Арнольд отнюдь не горит желанием помогать нам, – заметила Стефи.

– Ему слишком нравится быть полновластным владыкой в своем крошечном королевстве.

– Можно подумать, что ты на его месте вел бы себя иначе, – поддела Смайлоу Стефи.

– А ты? Думаешь, я не знаю, почему тебе так хочется прибраться к рукам это дело? – парировал он.

Смайлоу был отличным детективом, но главным его достоинством была поистине феноменальная интуиция. Из-за этой интуиции работать в тесном контакте с ним было не всегда приятно.

– Если эти люди действительно так больны, – сказала Стефи, – то, возможно, врач прав и мы ничего от них не добьемся. Когда тебе хочется в туалет, тут не до наблюдений за окрестностями. Эти бедолаги думали только о том, как бы поскорее добраться до унитаза, и, насколько я поняла, некоторым из них это не удалось. В общем, не будет ничего страшного, если мы подождем с вопросами до завтра. Я почти на сто процентов уверена, что это –дохлый номер.

– Может быть. – Смайлоу пожал плечами и опустил на свободный стул. – Уж ты-то должна знать... – сказал он, в задумчивости побарабанив по щеке пальцами. – У каждого преступления обязательно есть свидетель – это закон.

– Ты считаешь, кто-то из опрошенных нами людей может что-то скрывать?

– Нет. Дело в том, что иногда люди просто не отдают себе отчета в том, насколько важно то, что они видели.

Несколько минут оба молчали. Наконец Стефи спросила:

– Как ты думаешь, что все-таки произошло в «люксе»»

Петтиджона?

– Не знаю. Вернее, стараюсь не строить никаких предположений, по крайней мере пока. Это может исказить объективную картину. Если у меня будет готовая теория, я непроизвольно буду отбирать только те улики, которые ее подтверждают, и отбрасывать все, что идет с ней вразрез.

– Я всегда думала, что копы полагаются в основном на интуицию.

– Разумеется, в большинстве случаев именно так и происходит. Или, точнее, так это выглядит со стороны. На самом деле любое, как ты выразилась, «озарение», основывается на собранных уликах. – Смайлоу откинулся на спинку стула и устало вздохнул. – На данный момент, – добавил он, – я могу со всей определенностью сказать только одно: это убийство совершил человек, у которого были все основания желать Люту смерти.

– Таких людей много, – серьезно сказала Стефи. – И ты – один из них.

Его взгляд сделался жестким.

– Я бы солгал, если бы это отрицал. Я ненавижу этого подонка и никогда не делал из этого секрета. Но ведь и у тебя могли быть свои мотивы...

– У меня?!

– Петтиджон обладал огромным влиянием среди местной политической элиты, и офис прокурора округа – не исключение. Ваш Мейсон вот-вот уйдет в отставку.

– Считается, что об этом пока никому не известно.

– Пока не известно, но скоро об этом будут трубить на каждом углу. Предположим, Мейсон откажется баллотироваться на новый срок. Его первый заместитель тяжело болен...

– Врачи говорят, что Уоллесу осталось жить не больше полутора месяцев, – вставила Стефи.

– Значит, – жестко заключил Смайлоу, – где-то к середине ноября прокуратура округа останется без руководства. И вот тут-то наступает подходящий момент для решительного и энергичного наступления. Это и есть та самая морковка, которую Петтиджон мог держать перед носом некоторых честолюбивых, но не слишком чистоплотных претендентов на эту должность, а я почему-то уверен, что такому пройдохе и мошеннику, как он, очень хотелось бы видеть в прокурорском кресле такую молоденькую, сладенькую штучку, как ты.

– Я не «сладенькая», – отрезала Стефи. – К тому же не такая уж я и молоденькая – мне уже почти сорок.

– Против эпитетов «честолюбивая» и «нечистоплотная» ты не возражаешь.

– Честолюбивая – да, нечистоплотная – нет. Кроме того, зачем мне убивать Петтиджона, если, по твоим словам, он сам готов был сделать все, чтобы посадить меня в это кресло?

– Хороший вопрос, – проговорил Смайлоу и прищурился.

– Ты просто дерьмом набит, Смайлоу! – выпалила Стефи

и покачала головой. – Впрочем, я понимаю, к чему ты kloнишь. Учитывая все, в чем замешан Петтиджон, список подозреваемых может быть бесконечным.

– И это отнюдь не упрощает моей задачи.

– Может быть, ты смотришь на вещи слишком широко? – Она отпила глоток из банки. – Какие мотивы убийства встречаются чаще всего?

Смайлоу знал ответ на этот вопрос, и он указывал только на одного человека.

– Ты имеешь в виду миссис Петтиджон?

– Разве она не может быть убийцей? Хотя бы чисто теоретически? – Стефи стала перечислять:

– Во-первых, его измены могли довести до ручки кого угодно. Даже если она не любила Люта, его любовные похождения и романы на стороне, которые он даже не считал нужным скрывать, могли быть ей неприятны. Если ты не в курсе, Смайлоу, то подобное отношение всегда унижает женщину, и мадам Петтиджон могла отомстить своему мужу-бабнику. Во-вторых...

– Для Дэви в этом не было ничего нового, – перебил Смайлоу. – Ее собственный отец обращался с ее матерью точно так же. Точно так же или даже хуже.

– Это только объясняет, почему убийца стрелял дважды, – отмахнулась Стефи. – Во-вторых, – продолжила она, – после смерти Люта, миссис Петтиджон становится наследницей приличного состояния. Итак, ревность и деньги – вот

уже два мотива для убийства, хотя и одного вполне достаточно. – Она пожала плечами с таким видом, словно для изображения преступника ничего больше не требовалось.

Смайлоу нахмурился. После недолгого размышления он сказал:

– Так-то оно так, но... Все это слишком очевидно, слишком лежит на поверхности. Кроме того, у Дэви есть алиби. Стефи фыркнула.

– И это ты называешь алиби? Показания черной служанки, которая предана своей хозяйке душой и телом? «Да, мисс Скарлетт. Нет, мисс Скарлетт. Почему бы вам не ударить меня еще разок, мисс Скарлетт?»

– Сарказм тебе не идет, Стефи.

– Это не сарказм, Рори. По-моему, отношение служанки – типичный образец преданности своей хозяйке.

– Но только не для Сары Берч. Эти двое преданы друг другу по-настоящему.

– Об этом я и говорила. Миссис Петтиджен – хозяйка, а Сара – слуга. Он покачал головой:

– Ты не понимаешь. Чтобы разобраться в этом, нужно родиться и вырасти в этих краях.

– Слава богу, что я выросла не здесь, – отрезала Стефи. – У нас на Среднем Западе...

–..Где люди более современные, самоуверенны и снисходительны к своим неразумным братьям. – Он ухмыльнулся. – Зачем же ты приехала на Юг, если наши патриархальные тра-

диции вызывают у тебя только насмешку? Или, может быть, наш образ жизни вызывает в тебе зависть? – то ли в шутку, то ли всерьез продолжал допытываться Смайлоу. – Ты уверена, что не завидуешь Дэви Петтиджон?

«Пошел к черту, Смайлоу!» – беззвучно произнесли ее губы. Потом Стефи допила свое пиво и выбросила опустевшую жестянку в урну для металлических отходов. Жестянка загремела так громко, что все, кто находился в приемном отделении, вздрогнули. Одна только спящая женщина не шевельнулась.

– Я не выношу таких женщин, как Дэви Петтиджон, – сказала Стефи. – Эти ее ужимки южной красавицы... Меня от них выворачивает наизнанку.

Смайлоу легко поднялся и молча двинулся к выходу из приемного покоя. Стефи последовала за ним, и они вместе вышли в теплую, влажную ночь.

– Пожалуй, в чем-то ты права, – промолвил Смайлоу. – То, что ты назвала «ужимками южной красавицы», Дэви Петтиджон считает искусством.

– Вопрос в том, достаточно ли она искусна, чтобы с их помощью отвертеться от наказания за убийство.

– У тебя холодное сердце, Стефи.

– С тобой иногда бывает приятно разговаривать, – заметила она. – Во всяком случае, комплименты говорить ты умеешь. Позволь ответить тебе тем же, Смайлоу... Я уверена, что, если бы ты был индейцем, тебя, несомненно, прозвали

бы Мороженым Окунем, потому что у тебя в жилах вместо крови течет жидкий азот.

– Возможно, – согласился Смайлоу, нисколько не обидевшись. – Но вот насчет тебя я не уверен.

Стефи остановилась возле своей машины и открыла дверцу, но садиться за руль не спешила. Посмотрев на него, она спросила:

– Так что там насчет меня?..

– Я знаю, что честолюбия тебе не занимать, – ответил он спокойно. – Но, насколько я слышал, в последнее время твою кровь согревает не только работа.

– Что ты слышал? – требовательно спросила она. Смайлоу с деланным равнодушием пожал плечами:

– Так, всякие слухи.

– Какие слухи?

Он холодно улыбнулся:

– Просто слухи, Стефи.

* * *

Подняв голову, Лоретта Бут следила за тем, как Рори Смайлоу и Стефани Манделл идут через темную стоянку к машине. Возле нее они ненадолго остановились и, обменявшись несколькими фразами, забрались внутрь и уехали.

Потом Лоретта вспомнила, как эти двое приехали сюда сорок минут назад. Их лица дышали энергией и целеустрем-

ленностью, которых, как она знала, у обоих было в избытке. Казалось, их легкие высасывают из атмосферы весь кислород, не оставляя ничего тем, кто был слабее.

Лоретта недолюбливала обоих, но по разным причинам. С Рори Смайлоу у нее были давние счеты. Что касалось Стефани Манделл, то ее она знала только понаслышке, однако этого ей было вполне достаточно. Помощник окружного прокурора пользовалась репутацией отъявленной стервы.

Лоретта не знала, почему она не заговорила с ними и не обнаружила своего присутствия. Какая-то не до конца оформившаяся мысль или, может быть, предчувствие заставили ее сидеть, опустив голову к самым коленям, притворяясь спящей. Рассчитывать на то, что Смайлоу или Стефи ей помогут, не приходилось. Детектив наверняка посмотрел бы на нее с презрением и брезгливостью, Стефи же вообще вряд ли бы ее узнала, а если бы и узнала, то не вспомнила бы ее имени. Скорее всего, оба отделались бы ничего не значащими фразами и постарались поскорее от нее избавиться.

И все же отчего она не обнаружила себя? Пожалуй, все дело было в чувстве превосходства, которое посетило ее, пока, незамеченная и неузнанная, она подслушивала их разговоры сначала с врачом, а затем и друг с другом.

Сегодня вечером, еще до того, как поехать в больницу, Лоретта слышала по телевизору сообщение об убийстве Люта Петтиджона и посмотрела пресс-конференцию Смайлоу. Детектив провел ее в своей обычной манере: он держался

уверенно и невозмутимо, не давая корреспондентам вывести себя из равновесия провокационными вопросами, однако ничего конкретного так и не сказал. Телевидение показало и Стефи Манделл, которая сидела рядом с ним, однако Лоретту это не удивило – эта маленькая сучка славилась способностью без мыла влезть в любую щель и обожала совать свой нос в дела, которые ее не касались.

Подумав об этом, Лоретта усмехнулась. Ей доставляло удовольствие наблюдать за тем, как эти двое лихорадочно пытаются что-то предпринять, как они разыскивают улики, но то и дело оказываются в тупике. Да разве можно всерьез говорить о каком-то расследовании, если единственные свидетели убийства – люди, которые из-за своего отравления не замечали ничего вокруг? Лоретте было ясно, что у Смайлоу нет на примете ни одной мало-мальски надежной версии, иначе бы он не примчался среди ночи в больницу допрашивать несчастных, многие из которых все еще не могли прийти в себя.

Лоретта посмотрела на часы на стене. Она ждала уже больше двух часов, и с каждой минутой ей становилось все хуже и хуже. Оставалось только надеяться, что из ее затеи что-нибудь выйдет...

– Что ты тут делаешь?

Услышав голос дочери, Лоретта вздрогнула и повернулась. Бев стояла возле ее стула, сердито сдвинув брови и упершись кулаками в бока. Лоретта попыталась улыбнуться,

но улыбка у нее вышла заискивающей и жалкой.

– Здравствуй, Бев. Я... ждала тебя. Разве тебе не передали, что я здесь?

– Передали, просто я не могла отойти.

Бев работала сестрой в отделении интенсивной терапии, но Лоретта хорошо понимала, что дочь могла бы попросить кого-то подменить ее.

Она нервно облизнула пересохшие, потрескавшиеся губы.

– Мне захотелось повидаться тобой, и вот... решила захватить. Может быть, позавтракаем вместе?

– Моя смена заканчивается в семь, но сегодня я заменяю заболевшую сестру и освобожусь только в двенадцать. Так что отсюда я сразу поеду домой – спать.

– О-о-о... – Все оказалось гораздо сложнее, чем Лоретта рассчитывала. Впрочем, она с самого начала знала, что без проблем не обойдется. Опустив глаза, она принялась тереть пуговицы своей несвежей блузки.

– Ты ведь приехала не за тем, чтобы пригласить меня позавтракать, не так ли? – Голос Бев прозвучал грозно, и Лоретта непроизвольно втянула голову в плечи.

– Видишь ли, я... у меня...

– У тебя кончились деньги, тебе не на что купить виски, и ты явилась выпрашивать подачку у меня, так?

– Я не пила уже несколько дней, Бев. Клянусь, ни единой капли!

– Да от тебя же несет, как от пивной бочки!

– Мне плохо, Бев, правда. Наверное, я заболела. Мне...

– Оставь это для других. – Бев достала из записной книжки десятидолларовую банкноту, но не отдала ее сразу, а заставила мать тянуться за ней. – И не смей больше являться ко мне на работу, – добавила она чуть тише, заметив, что сестра за стойкой регистрации с любопытством поглядывает в их сторону. – Если я еще раз увижу тебя здесь, я позвоню в нашу службу безопасности и тебя вышвырнут, ясно?

Проглотив оскорбление, Лоретта кивнула. Она привыкла к такому обращению.

Бев ничего больше не сказала. Повернувшись так резко, что подошвы ее мягких теннисных туфель противно скрипнули по кафельному полу, она быстро пошла прочь. Когда она была уже у лифта, Лоретта снова подняла голову.

– Бев, не надо на меня сердиться, ладно? Я...

Она не договорила. Двери лифта закрылись, но Лоретта успела увидеть, что Бев стоит, разглядывая что-то на потолке кабины, словно даже смотреть на родную мать ей было неприятно.

Воскресенье

Глава 8

Это было просто невероятно, невозможно!

Неожиданно, прямо среди бела дня, ты встречаешь кого-то и вдруг чувствуешь себя так, словно получил нежданный подарок. Влечение становится неодолимым. Вы наслаждаетесь каждой минутой, проведенной вместе, вы смеетесь, танцуете, едите пирожки, мороженое и воздушную кукурузу, занимаетесь любовью в темной спальне и в конце концов засыпаете в объятиях друг друга, чувствуя, что ничего более удивительного и волшебного с вами еще никогда не происходило.

А потом ты просыпаешься один.

Она исчезла. Просто исчезла, испарилась, не сказав ни «до свидания», ни «прощай», не оставив даже простого послания, выведенного губной помадой на холодильнике или на зеркале в ванной.

Хэммонд ударил обеими ладонями по рулю своего автомобиля, досадуя и на нее, и на себя за то, что происшедшее оказалось ему настолько небезразлично. Почему, в десятый раз спрашивал он себя, его так задело, что она сбежала?

В конце концов, они провели вместе действительно вол-

шебную ночь. Он занимался сексом с роскошной незнакомкой, которая доставила ему сказочное наслаждение. Будь на ее месте любая другая женщина, он бы только порадовался, что она исчезла из коттеджа – и из его жизни – так быстро и бесследно, но сейчас ему было паршиво. В самом деле, ведь не приснилось же ему все это?

«Прими все как есть, кретин! – мысленно приказал он себе. – Тебе только кажется, что все, что между вами произошло, было таким замечательным. На самом деле все было как всегда, просто у тебя разыгралось воображение».

Но Хэммонд знал, что воображение здесь ни при чем. Их знакомство действительно было необычным – и не только в плане физической близости.

Он громко выругался вслух и обогнал водителя, который, по его мнению, тащился слишком медленно. Впрочем, сегодня Хэммонда раздражало буквально все. С самого утра он чувствовал себя как на иголках и вымещал свою досаду на всем, что попадалось под руку. Сначала досталось бюро, о которое он ушиб большой палец ноги, когда – вообразив, будто с кухни доносится какой-то звук, – опрометью бросился туда в надежде увидеть свою вчерашнюю гостью, раскладывающую по тарелкам свежеприготовленную овсянку. Но ее там не было, как не было ее ни в гостиной, ни на крыльце, ни на веранде, и Хэммонд почувствовал такое сильное разочарование, какого давно не испытывал.

Ее не было нигде. Кухня была пуста, ее машина исчезла,

а единственным живым существом на веранде был крошечный паучок, который торопливо заплетал паутиной укромный уголок между спинкой и сиденьем стоявшего там кресла-качалки.

Позабыв о собственной наготе, Хэммонд смахнул паука и плюхнулся в кресло, нервно ероша волосы пальцами. Со стороны он был похож на человека, который находится на грани отчаяния, но сам он даже не отдавал себе в этом отчета. Мысли его были заняты совсем другим...

Во сколько она уехала? Почему не разбудила его? Как долго она отсутствует? Может быть, она еще вернется, подумал он со слабой надеждой.

На протяжении получаса Хэммонд тешил себя мыслью о том, что она, быть может, уехала на поиски свежих бисквитов, печенья или сливок для кофе. Может быть, ей просто понадобилась воскресная газета или какая-нибудь другая мелочь. Но время шло, и Хэммонд понял, что его гостя не вернется.

Наконец он поднялся с кресла и направился в дом, чтобы приготовить кофе, но рассыпал зерна по столу. Кое-как собрав и смолов их, он попытался включить кофеварку, но задел локтем провод. Кофеварка упала на пол и треснула, но Хэммонд только наподдал ее ногой и отправился в комнаты, чтобы найти...

Что?.. Он и сам не знал. Он все еще надеялся, что она, возможно, оставила где-нибудь свою визитку или, еще луч-

ше, записку, но ничего не нашел. В ванной он заглянул в мусорную корзину под раковиной, но обнаружил только пустой пластиковый футляр от косметического карандаша. Выпрямляясь, Хэммонд ударился головой об открытую дверцу шкафчика для белья и со злобой захлопнул ее, больно прищемив палец.

Определенно, день начинался не лучшим образом.

В конце концов он вернулся в спальню, хотя именно там находилась кровать, на которую ему было больно смотреть – слишком живо она напоминала ему о прошедшей ночи. Бросившись на постель, Хэммонд прикрыл глаза ладонью и попытался успокоиться.

Что, черт возьми, такое с ним творится? Ни один из его близких знакомых не смог бы узнать его в это утро. Время близилось к полудню, а он так и не оделся и расхаживал по дому голый, небритый, растрепанный, с дико блуждающим взглядом, напоминая скорее неандертальца, чем человека цивилизованного, каким был еще вчера. Хэммонд Кросс, воплощенная респектабельность и спокойствие, вел себя как лунатик, как обезумевший от любви телок на выгоне! Неужто это тот самый Хэммонд Кросс, наш уважаемый Хэммонд Кросс? Нет, это совершенно невозможно!..

Позвольте, позвольте, как вы сказали? Обезумевший от любви? Значит ли это, что он влюблен?

Хэммонд убрал от глаз руку и повернулся на бок, глядя на соседнюю подушку, на которой еще угадывалась вмятина,

оставленная ее головой. Сначала он осторожно Дотронулся до нее кончиками пальцев, потом прижал подушку к груди и зарылся в нее лицом, вдыхая исходивший от наволочки легкий запах ее волос.

Желание вновь охватило его, но оно не имело никакого отношения к сексу.

Никакого или почти никакого.

Потому что это его желание не было обыкновенной похотью, которую он испытывал, наверное, сотни раз. Это было нечто другое, гораздо более глубокое и гораздо более сильное. Любовное томление или тоска – вот как это можно было назвать.

– Черт!.. – выругался Хэммонд. – Любовное томление!.. Кто бы слышал!

Потом он снова перекатился на спину и долго смотрел в потолок. Нет, у него не было подходящего названия для того, что он сейчас испытывал. Это чувство было совершенно незнакомым, странным, не сравнимым ни с чем. Он еще никогда не испытывал такого, хотя в его жизни было немало красивых, страстных, сексуальных подружек на одну или на несколько ночей.

Вспоминая историю своих отношений с женщинами, Хэммонд не мог не спроецировать ее на вчерашнюю таинственную гостью. А она?.. Сколько мужчин было у нее? Какое место занял он среди тех, с кем она когда-либо встречалась и делила ложе? Был ли он для нее просто случайным

капризом или ему удалось зажечь в ней ответный огонь?

Размышляя обо всем этом, Хэммонд вспомнил о телефонном звонке, который она пыталась сделать через считанные минуты после их близости. Нахмурившись, он некоторое время смотрел на телефон, стоявший на туалетном столике. Когда он неожиданно вошел в спальню, застав ее с трубкой в руке, лицо у нее сделалось виноватым и испуганным, но почему? Кому она могла звонить?

Потом новая мысль пришла ему в голову. Вскочив с кровати, Хэммонд склонился над аппаратом. Он совсем забыл, что у этой модели есть память для автодозвона. Что ж, можно попытаться...

Он нажал соответствующую кнопку на панели. Послышались короткие сигналы автоматического набора, на экране стали появляться светящиеся цифры, и Хэммонд поспешно схватил карандаш и подвернувшийся под руку журнал, на обложке которого он нацарапал возникший на экране номер.

– Оператор телефонной связи к вашим услугам. Это номер доктора Кэрти, – сказал в трубке хорошо поставленный женский голос.

Хэммонд и сам не знал толком, чего он ожидал от этого звонка, поэтому в первое мгновение растерялся и не знал, что отвечать.

– Чей-чей? – переспросил наконец он.

– Доктора Кэрти. Вы хотите оставить сообщение?

– Я, наверное, не правильно набрал номер. – Хэммонд

продиктовал только что записанные цифры.

– Номер правильный, – сказала женщина. – Вы хотели оставить сообщение или записаться на прием?

– Нет, то есть да... То есть я не уверен, – замялся Хэммонд.

– Будьте добры, назовите ваше имя и номер телефона, по которому с вами можно связаться.

– Знаете, пожалуй, я лучше перезвоню в приемные часы, – торопливо сказал он и положил трубку.

Еще долго после этого Хэммонд сидел на краю кровати, размышляя о том, кто такой этот доктор Кэрти и зачем его гостя звонила ему посреди ночи. Он перебирал в памяти всех своих знакомых медиков, с которыми ему приходилось встречаться довольно часто – Хэммонд состоял членом двух закрытых загородных клубов, в которых было полным-полно врачей самых разных специальностей, – однако он был уверен: с доктором Кэрти он не только не сталкивался, но даже не слышал этого имени.

Может быть, он встретился и переспал с миссис Кэрти?

Это соображение представлялось ему наиболее близким к истине, и Хэммонд испытал новый приступ гнева. Он, однако, сумел справиться с собой и даже заставил себя подняться и принять душ. Стоя под струйками воды, он яростно терся мочалкой, словно смывая с себя незримую грязь вины, хотя логика подсказывала ему, что винить себя ему не в чем. Если его гостя была замужем и солгала ему, значит, он ни при

чем, не так ли?

И все же на душе у него, что называется, кошки скребли. Ощущение подавленности не оставило Хэммонда даже после того, как он оделся и вышел на кухню, чтобы приготовить себе растворимого кофе. Ему удалось даже проглотить несколько размороженных в микроволновке оладий, однако жевал он чисто механически, не чувствуя никакого вкуса.

Как он мог поверить, что она не замужем, если она даже не захотела назвать своего имени?

Нет, кое-что о себе она все же ему сообщила. Так он узнал, что обычно она не ложится в постель с мужчинами, с которыми познакомилась всего несколько часов назад. Что, если и в этом она солгала?

Может быть, его гостя вообще была шлюхой, извращенной нимфоманкой, которая коллекционировала мужчин, как бабочек, пока ее муж – бедный, затюканный неудачник с медицинским дипломом – терпеливо дожидался ее дома, веря каждому слову о спустившем в дороге колесе или о заболевшей подруге. Пожалуй, бедный доктор Кэрти уже успел привыкнуть к тому, что его распутная жена звонит ему посреди ночи, чтобы сообщить очередную ложь.

Чем больше Хэммонд размышлял об этом, тем хуже ему становилось.

Кое-как прибравшись на кухне, он бросил взгляд на часы на стене и снова удивился, как он мог так долго спать. Ничего удивительного, однако, в этом не было. Он проспал, пото-

му что они занимались любовью всю ночь напролет и, утомленные и счастливые, заснули только около шести утра.

Утомленные и счастливые... Не так он чувствовал себя сейчас!

Хэммонд ненадолго присел на табурет возле стола и подпер голову рукой. В его планы не входило возвращаться в Чарлстон так скоро. Вчера, еще до встречи с этой миссис Кэрти, он собирался отдохнуть в своем загородном домике – порыбачить или просто посидеть на веранде в старой плетеной качалке, любуясь природой, ничего не делая и ни о чем не думая.

Но ему было ясно, что не думать ни о чем он просто не сможет, да и оставаться в этом доме ему теперь не хотелось. В конце концов Хэммонд снова запер дверь и отправился в город, хотя до вечера было еще далеко. У самого въезда в Чарлстон, на Мемориальном мосту, он снова подумал о том, была ли его гостья местной жительницей и возвращалась ли она домой той же дорогой или избрала другой путь.

Что, если однажды они столкнутся с ней на какой-нибудь вечеринке или приеме? Поприветствуют ли они друг друга как старые знакомые, признав тем самым то, что между ними произошло, или, притворившись, будто никогда не встречались, поздороваются как двое совершенно незнакомых людей?

Вероятно, подумалось Хэммонду, все будет зависеть от того, с кем она придет на вечеринку. Если она будет одна,

тогда, возможно, ему удастся поговорить с ней откровенно и задать вопросы, которые все утро не давали ему покоя. Если же нет... Интересно, что он будет чувствовать, если его представят счастливой супружеской паре – мистеру и миссис Кэрти? Как он сможет смотреть в глаза ее мужу, пожимать ему руку, говорить светские банальности и делать вид, будто у него никогда не было восхитительной близости с женщиной, которая стоит рядом с ним?

Сталкиваясь с какой-нибудь проблемой морального свойства, Хэммонд всегда старался поступать по совести. Разумеется, придерживаться правды при любых обстоятельствах было нелегко. Развитое чувство справедливости и почти идеалистические взгляды Хэммонда на хорошее и дурное нередко служили причиной размолвок и конфликтов с друзьями, коллегами и даже с родителями. В особенности – с отцом, который придерживался диаметрально противоположных жизненных принципов. Так, например, если бы Хэммонд рассказал ему о своем странном приключении. Простой Кросс только посмеялся бы над ним.

Сворачивая к кварталу, в котором он жил, Хэммонд подумал о том, как бы он себя чувствовал, если бы вошел в спальню несколькими мгновениями раньше и услышал, как его гостя произносит в трубку что-то вроде: «Дорогой-прости-меня-уже-очень-поздно-и-я-решила-остаться-у-по-други-такой-то-если ты-не-возражаешь-целую-пока».

Когда автоматические ворота наконец открылись, Хэммонд медленно въехал в свой гараж и выключил двигатель. Но даже после того, как в салоне наступила тишина, нарушаемая лишь негромкими щелчками остывающего мотора, он еще долго сидел молча и, глядя прямо перед собой, гадал, что он сделал бы в этом случае.

В конце концов, злясь на себя за то, что позволил себе подобные пустые размышления, которые ни к чему не могли привести, Хэммонд выбрался из машины и прошел в свой городской коттедж через дверь, соединявшую гараж с кухней. Первым делом он по привычке шагнул к телефону, чтобы проверить оставленные сообщения, но передумал. Хэммонд не сомневался, что его ожидает по крайней мере одно послание от отца, а он был не в том настроении, чтобы заново переживать вчерашнюю ссору с ним. Ему вообще не хотелось ни с кем разговаривать.

Пожалуй, подумал Хэммонд, сейчас ему лучше всего воспользоваться несколькими оставшимися часами и спуститься к заливу, чтобы немного походить под парусом. Небольшая пятнадцатиметровая яхта, которую родители подарили Хэммонду, когда он получил диплом юриста, стояла у причала буквально через улицу. Именно поэтому он в свое время и купил коттедж в этом районе – отсюда до городской пристани было рукой подать.

Приняв решение, он не стал мешкать. Переодеваться не было необходимости, поэтому сразу из кухни Хэммонд на-

правился в прихожую, чтобы выйти через парадную дверь. Там он задержался, чтобы достать из кладовки рыболовные снасти на случай, если ему придет в голову порыбачить, и вдруг услышал, что кто-то пытается отпереть дверь снаружи.

Не успел он двинуться с места, как дверь отворилась, и в коттедж вошла Стефи Манделл, прижимавшая к уху сотовый телефон.

– Не могу поверить, что они так упрямы, – говорила она на ходу, – или глупы...

Увидев его, Стефи поставила на пол кейс, сбросила с плеча сумку, швырнула ключи на столик под зеркало и, переложив телефон в левую руку, помахала в воздухе ладонью в знак приветствия.

– Нет, – продолжала она убеждать своего невидимого собеседника. – Ни в коем случае! В конце концов, пищевое отравление – это не саркома и не рак костного мозга. Они обязаны... Хорошо, дай мне знать. Я знаю, что мое присутствие не обязательно, но я хочу там быть. У тебя есть номер моего сотового телефона? Отлично, пока.

Она выключила телефон и с укором посмотрела на Хэммонда.

– Где, черт возьми, тебя носит?

– А куда подевалось «здравствуй»? – поинтересовался он. Насколько ему было известно, Стефи Манделл никогда не переставала работать. В ее большом мужском кейсе, который она всюду таскала с собой, было столько бумаг, ру-

чек, фломастеров и прочих приспособлений, что хватило бы на небольшой офис. Поступив на работу в прокуратуру Чарлстона, она установила в машине радиосканер, прослушивавший полицейские частоты, что позволяло ей быть в курсе всего происходящего в городе. Коллеги говорили, что она слушает служебные переговоры патрульных машин с таким же интересом, с каким другие водители слушают музыку или радиопостановки.

Сбросив с ног туфли на высоких каблуках, Стефи выдернула блузку из-за пояса юбки и принялась обмахиваться ее полами.

– Господи, ну и жара!.. – простонала она. – Я едва не сварились вкрутую. Так почему ты не отвечал на мои звонки?

– Я же говорил тебе, что собираюсь в свой загородный домик.

– Я звонила туда, наверное, раз сто.

– Я отключил звонок.

– Почему?

«Потому что я был с женщиной и не хотел, чтобы меня беспокоили», – подумал он, а вслух сказал:

– У тебя радар, как у летучей мыши. Я только что вернулся. Как ты узнала, что я дома?

– Я не знала, что ты дома, просто ты живешь ближе к полицейскому управлению, чем я. Я решила, что ты не будешь возражать, если я посижу у тебя, пока не услышу какие-нибудь новости.

– Новости о чем? Что такого важного случилось в городе за время моего отсутствия?

– Ты спрашиваешь, что такого? – Она повернулась к нему, уперла руки в бока и прищурилась. – Да что с тобой, Хэммонд?

– Со мной ничего, – ответил он, – а вот что с тобой? Может, ты и в самом деле перегрелась? Ее глаза округлились.

– Боже, ведь ты и в самом деле ничего не знаешь! – воскликнула Стефи изумленно.

– Я и в самом деле ничего не знаю, – сказал он как мог спокойно. Впрочем, Хэммонд действительно не волновался – Стефи обожала драматические эффекты и умела преподнести самые пустячные новости как главную сенсацию месяца. Одно ему было ясно – из его намерения покататься на яхте, скорее всего, ничего не выйдет. Приглашать же с собой Стефи он не собирался, а отделаться от нее – особенно когда она пребывала в таком возбуждении – не представлялось возможным.

Почему-то Хэммонд вдруг почувствовал себя смертельно уставшим.

– Слушай, мне что-то захотелось выпить. Ты что-нибудь будешь?

Она задумалась, и Хэммонд воспользовался этим, чтобы вернуться в кухню.

– Пива? Минеральной воды? – крикнул он оттуда. Шлепая по паркету босыми ногами, Стефи прибрела в кухню и

заглянула в холодильник через его плечо.

– Я не верю тебе, Хэммонд, – заявила она. – Но, похоже, ты действительно ничего не знаешь. Где находится этот твой летний домик? В Сибири? В степях Монголии? Неужели там нет даже телевизора?

– Значит, пиво, – хладнокровно заметил он и, достав из холодильника две бутылки, откупорил одну и протянул Стефи. Она взяла пиво, но продолжала смотреть на него таким взглядом, словно у него вдруг выросла борода до пояса.

Хэммонд открыл вторую бутылку и поднес горлышко к губам.

– Твое молчание убивает меня, – сказал он, сделав глоток. – Что случилось?

– Вчера во второй половине дня кто-то прикончил Люта Петтиджона в номере его собственного отеля «Чарлстон-Плаза», – отчеканила она.

Хэммонд медленно опустил бутылку, и лицо его вытянулось. Секунды шли, но он стоял неподвижно, не в силах пошевелиться – так потрясла его эта новость.

– Это невозможно, – сказал он наконец.

– Это правда.

– Не может быть...

– С чего бы мне лгать?

Хэммонд поднял руку и машинально потер напряженную шею. Потом не глядя поставил бутылку на стол и, придвинув ногой табурет, тяжело опустился на обитое кожей си-

денье. Стефи села напротив, но Хэммонду потребовалось некоторое время, прежде чем он сумел сфокусировать на ней взгляд.

– Ты сказала – «прикончил»... Значит, его убили?

– Да.

– Как? – спросил он неожиданно хриплым голосом. – Как это произошло?

Стефи прищурилась.

– Эй, с тобой все в порядке?

Он посмотрел на нее так, словно вдруг разучился говорить, потом кивнул:

– Да, со мной все в порядке. Я просто... – Он развел руками.

– Потерял дар речи.

– Просто поражен. Это известие для меня... как гром с ясного неба. – Хэммонд откашлялся. – Так как же это все-таки произошло?

– Его застрелили. Кто-то всадил ему две пули в спину. Некоторое время Хэммонд пристально следил за тем, как собравшиеся на холодной бутылке капли конденсата одна за другой сбегают на гранитную столешницу, собираясь вокруг доньшка в небольшую лужу.

– А... когда? В какое время его убили?

– Горничная нашла тело в начале седьмого.

Он внимательно выслушал рассказ Стефи о том, как горничная пришла убираться в номер и обнаружила Петтиджо-

на лежащим на полу.

– Этот... эта шишка у него на голове... – сказал он наконец. – Откуда она?

– Возможно, кто-то ударил его. На первый взгляд ушиб довольно серьезный. Но Мэдисон считает, что причиной смерти Петтиджона были пулевые ранения. Разумеется, окончательный ответ будет известен только после вскрытия.

– Ты сама разговаривала с медицинскими экспертами?

– Нет, Смайлоу более или менее ввел меня в курс дела.

– Значит, этим делом будет заниматься и Смайлоу? Она посмотрела на него квадратными глазами.

– Ты это серьезно, Хэммонд?

– Ну конечно же, Смайлоу, больше некому, – пробормотал он. – Ну и что, по его мнению, там произошло?

На протяжении еще примерно пяти минут Хэммонд слушал, как Стефи перечисляет известные ей подробности дела.

– Мне с самого начала казалось, что это расследование будет передано прокуратуре, – сказала она, – поэтому эту ночь я провела со Смайлоу. Не в буквальном смысле, конечно... Или наоборот – в буквальном. – Озорная ее улыбка выглядела довольно неуместно, но Стефи это не смутило. – Как бы там ни было, я была рядом, пока он пытался потянуть за некоторые ниточки. Не сказать чтобы их было слишком много, и все же...

– А что по этому поводу думает служба безопасности отеля?

– Ничего. Петтиджон умер, не успев позвать на помощь. Замок его двери не был взломан, в номере – никаких следов борьбы. Система видеонаблюдения тоже себя не оправдала – на единственной кассете, которая попала в наши руки, нет ничего, кроме какого-то парня из obsługi, который тискает горничную в холле.

– Что-что?

– Что слышал! – неожиданно огрызнулась она. – Все эти видеокамеры, развешанные в коридорах, – липа! Ни одна из них не работает.

– О господи!.. – покачал головой Хэммонд. – Лют столько кричал о своей системе безопасности и о том, во сколько она ему обошлась, и вот, на тебе!..

Хэммонд в отличие от большинства сотрудников прокуратуры и полиции был не просто наслышан о махинациях Люта Петтиджона. На протяжении нескольких месяцев он по поручению генерального прокурора штата вел тайное расследование его деятельности, и чем больше он узнавал, тем меньше ему нравился этот человек.

– Свидетели? – спросил он отрывисто.

– Пока мы не нашли никого, кто мог бы быть нам полезен. Единственным, кто непосредственно контактировал с покойным в тот день, оказался массажист из фитнес-зала отеля. Мы поговорили с ним, но он ничего не знает.

Потом Стефи рассказала Хэммонду о случае массового пищевого отравления.

– Если не считать детей, в больнице сейчас находится семеро взрослых, которых Смайлоу собирается допросить, но ни он, ни я не особенно надеемся, что из этого выйдет что-нибудь путное. Впрочем, Смайлоу обещал позвонить мне, как только врач даст ему «добро» на посещение больных. Я хочу поехать туда с ним.

– Тебе не кажется, что это уже чересчур? В конце концов, ты не обязана...

– Почему? – Стефи спокойно посмотрела на него. – Это будет большое дело, Хэммонд. Громкое дело.

Эти слова, хотя и сказанные совершенно спокойным тоном, прозвучали как вызов. В профессиональных вопросах Хэммонд и Стефи были самыми настоящими соперниками, и, хотя по молчаливому согласию оба предпочитали избегать всякого упоминания об этом, их соперничество не становилось от этого менее острым. Хэммонд, во всяком случае, помнил о нем постоянно.

В этой молчаливой борьбе у него, однако, было одно важное преимущество. Нет, он никогда не считал себя умнее или опытнее Стефи. Напротив, в юридическом колледже он был вторым по успеваемости, в то время как Стефи всегда и во всем была первой. Друг от друга их отличал вовсе не уровень подготовки, а особенности характера, и Хэммонд твердо знал, что его характер ему скорее помогает, в то время как характер Стефи работает против нее. Люди, как он быстро понял, обычно реагируют крайне негативно на жесткость,

агрессивность и бесцеремонность, а именно таков был стиль работы Стефи Манделл.

Именно в силу этой разницы характеров прокурор округа Монро Мейсон всегда отдавал предпочтение ему, а не Стефи, и не скрывал этого. Оба были одинаково подготовлены, одинаково компетентны, однако когда речь заходила о продвижении по службе, то Хэммонд всегда получал повышение первым. Даже сейчас Стефи была просто помощником окружного прокурора, в то время как его должность официально именовалась «специальный помощник по особым поручениям».

Когда он получил это назначение, разочарование Стефи было более чем очевидным, хотя она и старалась делать вид, будто ее нисколько не задевает то, что ее обошли. Она никогда не считала себя неудачницей, не предавалась унынию и всегда боролась до последнего. И, главное, она не таила обиды лично против него (все, что она думала, Стефи не стеснялась сказать и в лицо). Их рабочие отношения оставались по-настоящему товарищескими, и Хэммонд совершенно искренне считал, что может в трудную минуту обратиться к ней за помощью.

И все же время от времени то один, то другой ощущал некий безмолвный вызов, на который пока никто из них не решался ответить.

Хэммонд решил сменить тему.

– А как насчет Дэви Петтиджон? – спросил он.

– Тебя интересует, включили ли ее в число подозреваемых?

– Подозреваемых?.. – удивленно повторил Хэммонд. – А что, кто-то считает, что она могла убить Люта?

– Я считаю. – Стефи вкратце рассказала о поездке к вдове, упомянув и о причинах, которые заставили ее заподозрить Дэви Петтиджон в причастности к убийству мужа. Но Хэммонд только покачал головой.

– Прежде всего, деньги Люта ей не нужны и никогда не были нужны. У нее и своих достаточно. Семья Дэви...

– Я знаю. Бертоны гребли деньги лопатой.

Ее язвительный тон не ускользнул от его внимания.

– Что тебя так задело? – спросил он напрямик.

– Ничего, – отрезала Стефи.

Он продолжал смотреть на нее, и Стефи, набрав в грудь побольше воздуха, процедила сквозь стиснутые зубы:

– Хорошо, может быть, я и злюсь на нее. Я всегда злюсь, когда взрослые мужчины, которых почему-то считают профессионалами в своем деле, сразу размякают, стоит только им оказаться рядом с такой женщиной, как она.

– С какой это «такой» женщиной? Что такого особенного в Дэви?

– Только не надо, Хэммонд!.. – Она презрительно сморщилась. – Не надо притворяться, будто ты не понимаешь. Этакая пушистая кошечка снаружи и пантера внутри – вот что такое эта твоя Дэви Петтиджон.

– И ты поняла это после одной-единственной встречи?

– Ага, вот уже и ты ее защищаешь!

– Я никого не защищаю.

– Нет, защищаешь. Сначала Смайлоу принялся расшаркиваться перед этой расфуфыренной курицей, а теперь и ты пускаешь слюни.

– Я вовсе не «пускаю слюни», как ты выразилась. Я просто не понимаю, как ты успела разобраться в характере Дэви после нескольких минут разговора...

– Ладно, оставим это, – нетерпеливо бросила Стефи. – Я не хочу больше говорить ни о Люте Петтиджоне, ни о его убийстве, ни о мотивах. Я почти сутки пыталась в этом разобраться, и теперь мне необходим перерыв...

Она поднялась со стула и, уперев кулачки в поясницу, сладко потянулась, потом обошла стол и опустилась к Хэммонду на колени. Обняв его обеими руками за шею, Стефи поцеловала его в губы.

Глава 9

После нескольких быстрых поцелуев Стефи слегка отстранилась и, подняв руку, взъерошила ему волосы.

– Я забыла спросить, как ты провел выходные?

– Отлично, – честно ответил Хэммонд.

– А чем ты занимался? Чем-нибудь особенным? Особенным? Да, пожалуй. Даже их глупые разговоры казались ему теперь необычными.

– Знаешь, я играл в футбол в Национальной лиге...

– Правда?

– Да, но после того как мы во второй раз выиграли Суперкубок, я перешел на работу в ЦРУ.

– О, это, наверное, была очень опасная работа!

– Ничего опасного. Обычные шпионские штучки.

– Ухты!..

– Да нет, на самом деле это было довольно скучно, так что вскоре я записался в Корпус мира.

– Как романтично!.

– Мне действительно там нравилось, но только в самом начале. Но когда мне присудили Нобелевскую премию мира за то, что я накормил всех голодающих детей в Азии и Африке, я решил подыскать для себя что-нибудь еще.

– Что-нибудь более захватывающее?

– Да, более захватывающее и более трудное. Собственно

говоря, выбор у меня был невелик: я мог либо стать президентом Соединенных Штатов, либо найти лекарство против рака.

– «Самопожертвование!» – вот что должно быть начертано на твоём фамильном гербе. В крайнем случае, ты мог бы взять это слово в качестве второго имени.

– Второе имя у меня уже есть.

– Какое?

Он усмехнулся.

– Гриэр.

– Мне нравится.

– Знаешь, ведь я тебе наврал!

– Твое второе имя – не Гриэр?

– Нет, это-то как раз правда. Но все остальное – вранье.

– Не может быть!

– Честное благородное слово. Мне хотелось произвести на тебя впечатление. Она задумалась.

– Знаешь что?.. – сказала она медленно.

– Что?

– Тебе это удалось.

Хэммонд вспомнил прикосновение ее руки и почувствовал нарастающую тяжесть в чреслах.

– Гм-м... – промурлыкала Стефи, – я так и думала. Ты по мне соскучился!

Он действительно возбудился, но женщина, которая сидела у него на коленях, была здесь ни при чем; Хэммонд даже

посмотрел на нее с легким удивлением, словно только что заметил. Стефи ласкала его сквозь брюки, но он оттолкнул ее руку.

– Послушай, Стефи...

Она нагнулась вперед и впиалась ему в губы жадным поцелуем. Потом, задрав юбку, она уселась на него верхом и, продолжая целовать, попыталась расстегнуть пряжку его ремня.

– Терпеть не могу торопиться, – проговорила она слегка задыхающимся голосом, – но, когда Смайлоу позвонит, мне надо будет бежать. Боюсь, нам придется поспешить, Хэммонд.

Хэммонд сжал ее ладони руками.

– Погоди, Стефи, нам нужно...

– Подняться наверх? Отлично, только скорее. Возбужденная и слегка покрасневшая, она соскочила с него и шагнула к двери, на ходу расстегивая блузку.

– Стефи!

Она обернулась. Хэммонд застегивал брюки, и ее брови недоуменно приподнялись.

– Вообще-то я не против извращений, – сказала она, – но, если ты не вытащишь свою штуку из брюк, нам будет не особенно удобно.

Хэммонд отошел в другой конец кухни и остановился, опершись обеими руками о крышку рабочего стола. Некоторое время он разглядывал безупречно чистую мойку и только потом поднял голову и снова посмотрел на Стефи.

– Я хотел сказать тебе... Все кончилось.

Произнеся эти слова, он почувствовал невероятное облегчение. Когда вчера вечером Хэммонд уезжал из города, его обременяло множество проблем, и одной из них был роман со Стефи Манделл. Он чувствовал, что должен положить этому конец, но не знал, хочет ли он этого или нет. Их отношения были невероятно удобными – по крайней мере, они не давали друг другу никаких клятв, никаких обещаний. Никакие «высшие соображения» не омрачали их близости: у них были общие интересы, они удовлетворяли друг друга, и этого было достаточно для обоих.

Особенно Хэммонд был рад тому обстоятельству, что они никогда не заговаривали о том, чтобы жить вместе, хотя бы и не зарегистрировав свой брак официально. Если бы это случилось, ему пришлось бы изобретать тысячу и один предлог, по которым жизнь в одной квартире не представлялась возможной. Правда же заключалась в том, что он не мог долго выносить присутствия Стефи – слишком уж энергичной и напористой она была. Что касалось самой Стефи, то и она, похоже, вовсе не стремилась к тому, чтобы он постоянно находился рядом. Гораздо больше ее устраивали их встречи, происходившие только тогда, когда они оба того хотели.

Иными словами, их отношения были настолько близки к идеалу, насколько этого только можно желать, и на протяжении целого года сложившееся положение их удовлетворяло. Лишь в последнее время Хэммонду начало казаться, что в их

отношениях не все так замечательно. Главным, по-видимому, было то, что об их романе никто не знал, а Хэммонд всегда считал, что там, где речь идет о личных отношениях, не должно быть места скрытности и уловкам. Все должно быть открыто и честно, считал он, в особенности если речь идет о серьезных намерениях.

Степень их близости тоже перестала его удовлетворять. Собственно говоря, никакой особой близости, если не считать близости чисто физической, между ними не было. Да, Стефи была пылкой и страстной, но только в постели; что касалось духовного общения, то они по-прежнему были так же далеки друг от друга, как и в тот первый день, когда она впервые пригласила его на ужин к себе домой.

Взвесив все плюсы и минусы, Хэммонд в конце концов пришел к выводу, что их отношения зашли в тупик и перестали развиваться. Ему же хотелось чего-то большего, но он пока не знал – чего. Их встречи начали тяготить его. Он не спешил отвечать на ее телефонные звонки и даже в постели, когда они занимались любовью, часто ловил себя на том, что, хотя тело его реагирует на ее поцелуи и ласки в полном соответствии с законами матери-природы, сам он в это время раздумывает о чем-то совершенно постороннем.

Наверное, самым разумным в этой ситуации было положить конец их отношениям, а не дожидаться, пока безразличие перерастет в неприязнь.

Впрочем, Хэммонд пока и сам не знал, что же он, соб-

ственно, ждет от отношений между мужчиной и женщиной. От серьезных отношений. Единственное, в чем он был уверен, так это в том, что не найдет этого в Стефани Манделл. Уверенность эта явилась к нему прошлой ночью, когда он держал в объятиях женщину, о которой не знал ничего – даже ее имени. У него словно открылись глаза, и он окончательно убедился, что должен положить конец встречам со Стефи.

Но принять такое решение было значительно проще, чем привести его в исполнение. Хэммонду не хотелось скандала. Но ждать от Стефи слов «Да, дорогой, я все понимаю и вполне с тобой согласна», – было все равно что поднести факел к бочке с порохом и рассчитывать, что она не взорвется. Единственное, на что он осмеливался надеяться, это на то, что, завершаясь, их роман даст больше дыма, чем огня.

Но вероятность этого была ничтожно мала. Хэммонду предстояло пережить бурный скандал, которого он по-настоящему боялся, но предотвратить не мог.

Обо всем этом он успел подумать в те несколько секунд, которые понадобились Стефи, чтобы вникнуть в смысл его слов. Когда же до нее наконец дошло, она гневно выпрямилась и скрестила руки на груди, но тут же снова опустила их.

– Ты говоришь: «Все кончилось». Ты имеешь в виду...

– Да, я имею в виду нас.

– Ото!

Она слегка наклонила голову и взглянула на него с на-

смешкой. Ее брови слегка приподнялись, и Хэммонд невольно подумал о том, что такое выражение на ее лице появлялось каждый раз, когда Стефи казалось, будто ею пренебрегают. Тогда она готова была вцепиться в глотку обидчику, будь то секретарь, позабывший приготовить для нее очередную сводку, полицейский, не включивший в свой рапорт какие-то существенные подробности, или вышестоящий начальник, поручивший ей задание, не соответствующее ее высокой квалификации. Судьба тех, кто пытался помешать ей получить желаемое, обычно была незавидной.

– И когда ты это понял?

– В общем-то, недавно. Или давно – с какой стороны посмотреть. В общем, я уже некоторое время чувствую, что мы отдаляемся друг от друга.

Она улыбнулась и пожала плечами.

– В последнее время мы действительно не были особенно внимательны друг к другу, но это легко поправить. У нас достаточно много общего, чтобы решить...

Он покачал головой:

– Ты не поняла, Стефи. С некоторых пор мы движемся не просто в разных направлениях. В противоположных. В ее глазах промелькнула тень раздражения.

– Не мог бы ты перестать говорить иносказательно?

– О'кей. – Хэммонд говорил нарочито спокойно, хотя ее тон был ему неприятен. – Дело вот в чем: рано или поздно я собираюсь жениться, завести детей, а ты уже несколько раз

намекала мне, что не хочешь иметь семью.

– Удивительно, что ты этого хочешь. Он сухо усмехнулся.

– Откровенно говоря, я и сам удивлен.

– Я помню, как ты говорил, что ни одному ни в чем не повинному ребенку ты не хотел бы стать тем, чем был для тебя собственный отец.

– Это верно, – согласился Хэммонд.

– И давно ты передумал?

– Я не передумал. Просто я понял, что смогу быть нормальным мужем и отцом. В чем-то ты права, это действительно произошло недавно, но это не минутный каприз. Все гораздо серьезнее. Что касается наших отношений, Стефи, то до последнего времени они казались мне почти идеальными. Но теперь...

– Теперь тебе все приелось и захотелось чего-нибудь новенького?

– Нет.

– Тогда в чем же дело? Я тебя больше не волную? Близкие отношения с молодой перспективной помощницей окружного прокурора потеряли свою привлекательность? Тебе надоело быть тайным любовником Стефи Манделл?

Он опустил голову и отрицательно покачал ею.

– Пожалуйста, Стефи, не говори так!

– Почему? – Ее голос стал пронзительным, и в нем появились визгливые нотки. – Ты сам начал этот разговор, Хэммонд Кросс! – Темные глаза Стефи угрожающе сузились. –

Ты хоть представляешь, сколько мужчин готовы отдать свое правое яйцо за одну ночь со мной?

– Да, представляю, – ответил он, в свою очередь повышая голос. – В мужской раздевалке только о тебе и говорят.

– Когда-то тебе нравилось, как твои коллеги гадают: кто же этот таинственный половой гигант, с которым спит Стефи Манделл. В свое время нас с тобой это очень веселило.

– Больше не веселит. По, крайней мере, меня. Стефи не нашлась что ответить. Некоторое время она молчала, сурово сдвинув брови, очевидно, о чем-то размышляя.

– В эти выходные я специально поехал за город, чтобы как следует подумать о наших отношениях, – продолжил Хэммонд чуть тише. – Но...

– Не поговорив предварительно со мной? – Стефи вскинула подбородок. – Тебе не пришло в голову взять меня с собой, чтобы вместе все решить?

– Я не видел в этом особенного смысла.

– Иными словами, ты все решил еще до того, как поехал за город, чтобы все обдумать, – прошипела она.

– Нет, Стефи. Я еще ничего не решил тогда, – ответил он, слегка выделив голосом последнее слово. – Но, проведя несколько часов в одиночестве... – Здесь он слегка запнулся, так как ложь была противна его характеру, однако в конце концов Хэммонд решил, что Стефи поймет его правильно. Для нее это «в одиночестве» означало – «без тебя».

–..Проведя несколько часов один, – продолжил он, – я все

обдумал, но, с какой бы стороны я ни подходил к этому вопросу, результат всегда был тот же.

– А именно тот, что я тебе надоела и ты хочешь меня бросить?

– Нет, Стефи, нет!..

– Что же тогда? Какое слово ты выберешь вместо «бросить»? Хэммонд тяжело вздохнул.

– Я надеялся избежать сцен, – сказал он, в упор глядя на нее. – Я заранее знал, что ты станешь спорить... Нет, не спорить – ты будешь биться насмерть, словно на судебном заседании, когда ты добиваешься обвинительного приговора по какому-нибудь делу. Я знал, что ты будешь отметать любые мои аргументы просто из принципа. Ты не уступишь просто потому, что ты так устроена. Ты готова приложить все силы, лишь бы было по-твоему, но, Стефи, это ведь не состязание и не суд. Это наша жизнь, твоя и моя...

– Избавь меня от своих дурацких сравнений! Совершенно незачем драматизировать то, что происходит между нами. Хэммонд слегка усмехнулся.

– Именно это я и имел в виду. Ты не приемлешь мелодрамы, а мне она необходима. Быть может, ты этого не заметила, но наши отношения напрочь лишены сильных эмоций.

– Хэммонд! – перебила Стефи. – О чем ты, черт побери, толкуешь?!

– То, что происходит в человеческой жизни, нельзя втиснуть в короткие строки судебного отчета. А в законах и ко-

дексах нельзя найти ответы на все вопросы... – Он негромко выругался, чувствуя свою неспособность облечь в слова то, что чувствовал. – Нет, Стефи, ты блестящий юрист, но твоя беда в том, что ты не можешь остановиться. И на работе, и в жизни тебе нужно только одно: блистать, спорить, добиваться своего, одерживать победы... Я вовсе не хочу сказать, что это дурно, просто ты не можешь ни на минуту расслабиться...

– Извини, Хэммонд, я не знала, что быть со мной – такое тяжкое испытание для твоей тонкой и сентиментальной натуры.

– Послушай, давай договоримся... Я не стану драматизировать, если ты перестанешь разыгрывать из себя пострадавшую сторону. Ты разозлилась, это верно, но я не верю, что мои слова ранили тебя сколько-нибудь глубоко.

– Может быть, ты перестанешь говорить от моего имени? По-моему, я и сама способна понять, что я чувствую и что думаю. И получше тебя!

– Я уверен: то, что ты чувствуешь, – не любовь. Ты не любишь меня. Скажи честно – ведь не любишь? Нет, лучше так: если бы тебе пришлось выбирать между мной и карьерой, что бы ты предпочла?

– Что-о?! – почти выкрикнула Стефи. – Что за детский ультиматум, Хэммонд?! И почему я вообще должна выбирать? Почему я не могу получить и карьеру, и тебя?

– Вообще-то можешь. Но для того, чтобы из этого что-то

получилось, необходимо, как минимум, чтобы одного и того же хотели двое, чтобы они были готовы идти на уступки, на жертвы. Когда двое любят, они преданы друг другу и своей любви и не колеблясь сделают все для счастья партнера. Наши отношения – не любовь, Стефи. – Хэммонд кивком головы указал на потолок, где находилась спальня. – Это просто отдых вдвоем.

– Что ж, если это и отдых, то активный, – невесело пошутила она. – Если хочешь знать мое мнение, то нам вполне удавалось доставить друг другу удовольствие, и я не вижу причин...

– Я не могу этого отрицать. Но, как ты сказала, это было именно удовольствие и ничего больше...

– Но мы так хорошо ладили, – ответила Стефи почти жалобно.

– Да, мы неплохо ладили, – сказал он с уверенностью, которой не чувствовал. – Мы провели вместе немало прекрасных часов, и в том, что случилось, никто из нас не виноват. В этой ситуации вообще не может быть правых и виноватых. Все дело в том, что мы с тобой видим свое будущее по-разному.

Стефи ненадолго задумалась.

– Я не делала секрета из своих желаний, Хэммонд, – промолвила она после небольшой паузы. – Если бы я хотела завести дом и семью, я бы осталась в своем родном городе и вышла замуж сразу по окончании школы, как и хотел мой

отец и как поступили мои сестры. Я бы нарожала кучу детей, превратилась в образцовую домашнюю хозяйку и избавила бы себя от насмешек и упреков родни. Я бы пальцем о палец не ударила, чтобы добиться того, что у меня есть сейчас. Но у меня с самого начала была цель, и мне предстоит еще долгий путь... Я никогда не скрывала этого, Хэммонд. С самого начала ты знал, чего я хочу в этой жизни.

– Я восхищаюсь твоей целеустремленностью и энергией, но...

– Поправочка, Хэммонд. У меня есть цель, и я своего добьюсь.

– Надеюсь, ты добьешься всего, чего тебе хочется. Я говорю это совершенно искренне. Но, к сожалению, твоя цель не оставляет места ни для чего другого. И это плохо сочетается с моими представлениями о спутнице жизни.

– Тебе действительно нужна жена-домохозяйка?

– Господи, ну конечно – нет! – со смехом воскликнул Хэммонд. – Я и сам не знаю, кто мне нужен.

– Но ты абсолютно уверен, что я тебе не нужна. И снова он почувствовал, что Стефи скорее злится на него, чем действительно чувствует боль. Впрочем, тут же подумал он в ее оправдание, ни одной женщине не понравится, когда ее отвергают.

– Дело не в тебе, Стефи, – сказал Хэммонд, тщательно подбирая слова. Он достаточно уважал ее, чтобы постараться не слишком задеть ее самолюбие. – Дело во мне. Мне нуж-

на такая женщина, которая готова пойти мне навстречу.

– Терпеть не могу компромиссов.

– Роковая оговорка, Стефи, – заметил он негромко. – Ты только что «сдала» дело, которое так решительно защищала.

– Считай, что я пошла тебе навстречу.

– Спасибо.

Тут они улыбнулись друг другу, потому что на самом деле их соединяло не только физическое влечение, но и уважение к уму и интеллекту друг друга.

– Ты – парень не промах, Хэммонд, – сказала Стефи. – Люблю умных и хитрых мужчин. Ты умеешь твердо стоять на своем, когда это необходимо, а иногда ты просто излучаешь угрозу, а я от этого просто торчу. Ну и, конечно, ты очень хорош собой. По-мужски, конечно...

– Пожалуйста, не надо, иначе я покраснею.

– Черта с два ты покраснеешь. Ты и сам прекрасно знаешь: стоит тебе улыбнуться или посмотреть вот так, по-особенному... – она выпятила челюсть и скосила глаза к переносице, – и девчонки начинают выпрыгивать из трусиков.

– Спасибо за комплимент. – Хэммонд не сдержал улыбки.

– Это не комплимент, это объективная реальность. А субъективная реальность состоит в том, что в постели ты умеешь быть заботливым и щедрым и никогда не берешь больше того, что даешь сам. Короче говоря, ты настолько близок к моему идеалу мужчины, насколько это вообще возможно.

Хэммонд галантно приложил руку к груди.

– Мне потребуется слишком много времени, чтобы перечислить все твои достоинства, поэтому я надеюсь, что ты простишь мне мое восхищенное молчание.

– Если ты думаешь, что я напрашиваюсь на комплименты, то это не так. Эту бабскую чушь я оставляю для женщин типа Дэви Петтиджон. Хэммонд усмехнулся.

– Я, собственно, не это собиралась сказать... – Стефи коротко вздохнула. – Ты, вероятно, хотел бы продолжать наши отношения, пока не...

Он решительно покачал головой:

– Это было бы не правильно и не принесло бы пользы ни тебе, ни мне.

– И какой из этого вывод?

– Вывод? – Он задумался на минуту. – Разойтись спокойно и без скандала, как полагается цивилизованным людям.

Стефи кисло улыбнулась.

– Тебе не кажется, что теперь уже слишком поздно спрашивать мое мнение? Но, в общем, если ты так считаешь, то... Короче, я не хотела бы, чтобы ты спал со мной из жалости.

На этот раз Хэммонд расхохотался от души.

– Я и не подумаю жалеть тебя, Стефи! Ты для этого просто не годишься.

– Имей в виду, тебе будет здорово меня не хватать, – сказала она, заметно успокаиваясь.

– Конечно. Никогда в этом не сомневался.

Прижав верхнюю губу кончиком языка, Стефи задумчиво посмотрела на него. Потом она одним быстрым движением распахнула блузку. Ее соски были темными, как два внимательных глаза, и острыми, как нацеленные вперед две маленькие пики, но это не удивило Хэммонда. Спор возбуждал Стефи сильнее самых изысканных ласк, и ничто не стимулировало ее так, как ожесточенная перебранка. Самые бурные, самые сладостные ночи они проводили после того, как им случалось не сойтись во мнениях по тому или иному вопросу, что, учитывая разницу в их характерах и мировоззрении, случалось достаточно часто. Но только теперь Хэммонд осознал, что в любом споре она неизменно одерживала верх, даже его оргазм был ее победой. И это помогло ему еще больше утвердиться в принятом решении. Стефи озорно улыбнулась.

– Как насчет того, чтобы трахнуть в последний раз, Хэммонд? В самый, самый последний, но так, чтобы дым коромыслом? В память о том хорошем, что между нами было... Или твои высокие моральные принципы не позволяют тебе трахнуть женщину, которую ты только что бросил?

– Какое романтическое вступление!

– Значит, теперь тебе захотелось не только мелодрамы, но и романтики? Что это на тебя нашло, Хэммонд?

Хэммонд задумался. На самом деле он был почти готов согласиться на ее предложение, и не потому, что хотел Стефи, а потому, что надеялся, что близость с ней поможет за-

быть прошлую ночь и облегчит острое чувство потери, которое не давало ему покоя с тех самых пор, как он проснулся в своем загородном доме и обнаружил, что его гостя исчезла.

Пока он размышлял об этом, на столе зазвонил телефон.

– Тебе повезло, Хэммонд. – Стефи невесело рассмеялась. – Считай, что фортуна тебе улыбнулась. Этот звонок спас тебя от зверского изнасилования.

С этими словами она повернулась и вышла в прихожую, где остались ее вещи, а Хэммонд потянулся к трубке.

– Алло?

– Привет, Хэммонд. Это Монро.

Впрочем, прокурору округа не было необходимости называть себя. У него был такой громкий голос, что не узнать его было просто невозможно. Казалось, он постоянно разговаривает с помощью мегафона, и Хэммонд, невольно поморщившись, потянулся к регулятору громкости, чтобы не повредить барабанные перепонки.

– Что скажете, Монро? Стоило мне на одну ночь уехать из города, как здесь начало твориться черт знает что!

– Так ты в курсе?

– Да, Стефи мне рассказала.

– О, она обожает быть в центре событий.

Хэммонд опасливо покосился в направлении прихожей, где Стефи, приплясывая на одной ноге, сражалась с ремешками босоножек на шпильках, и, повернувшись к двери спальни, слегка понизил голос:

– Похоже, она уверена, что это дело поручат ей.

– Ты хочешь, чтобы это дело досталось Стефи?

Хэммонд неожиданно почувствовал, как неприятно липнет к телу его мокрая от пота рубашка. Когда же он успел так вспотеть? В задумчивости Хэммонд потер лоб и обнаружил, что он тоже покрыт испариной. И он знал причину. Вчера днем он сам встречался с Лютом Петтиджоном в отеле «Чарлстон-Плаза».

Монро Мейсон должен был непременно об этом знать. И сейчас настал самый подходящий момент, чтобы сказать ему все.

Но, тут же подумал Хэммонд, к чему торопиться? И почему, собственно, он должен рассказывать прокурору о своей встрече с Петтиджоном? Ведь это не имеет никакого отношения к убийству, к тому же их встреча была короткой. Хэммонд приходил к Петтиджону задолго до предполагаемого часа смерти последнего и ушел, оставив его в добром здравии.

Никаких особых причин рассказывать об этом Мейсону Хэммонд не видел. Ни Мейсону, ни Стефи. Сообщив им об этом случайном совпадении, он ничего не выигрывал, а потерять мог многое.

Вытерев лоб рукавом рубашки, он сказал:

– Я хочу сам заниматься этим делом. Его наставник гулко хмыкнул в трубку.

– Считай, оно у тебя в кармане.

– Спасибо, босс.

– Не благодари меня, сынок. Я решил поручить это дело тебе еще до того, как ты меня об этом попросил.

– Я высоко ценю ваше доверие, сэр...

– Перестань подлизываться ко мне, парень, – рассердился Мейсон. – В конце концов, я принял это решение не только потому, что мне так захотелось. Ты получил это дело еще и потому, что об этом просила меня вдова Петтиджона. Ты не поверишь, но она звонила мне каждые полчаса.

– Зачем?

– Я же сказал!.. Она просила или, лучше сказать, требовала, чтобы именно ты отправил в тюрьму убийцу ее мужа.

– Я весьма признателен миссис Петтиджон за оказанное доверие.

– Хватит молоть чепуху, Хэммонд! – снова одернул его Мейсон. – Эти твои вежливые слова – сплошная липа, а липу я чувствую за версту. Я так стар, что мне иногда кажется, будто я сам ее изобрел... Так на чем я остановился?

– На вдове.

– Ах да, верно... Так вот, Лют погиб, но Дэви, похоже, вполне достойна своего муженька. Во всяком случае, в умении оказывать давление ей не откажешь. Она способна устроить серьезную бучу, по крайней мере в масштабах округа, поэтому, чтобы избавить прокуратуру от скандальной известности и плохой прессы, я пообещал, что поручу это дело тебе...

Хэммонд машинально кивнул, думая о том, что это громкое дело может оказаться чертовски важным для его карьеры. В прокуратуре такие дела называли «паровозами», однако трагическая смерть Петтиджона была скорее космической ракетой, способной вознести его на небывало высокую ступень карьеры. В самом деле, ведь речь шла не о рядовом убийстве никому не известного лица. В округе, да и во всем штате, пожалуй, не было такого человека, который бы не слышал имени Петтиджона, хотя его известность была весьма и весьма сомнительного свойства. Делец, политик, финансовый воротила, просто очень влиятельный человек, он был своего рода местной знаменитостью, и любой работник прокуратуры мог только мечтать о таком деле. Разумеется, Хэммонд чувствовал бы себя еще лучше, если бы Мейсон позабыл упомянуть о неожиданном заступничестве Дэви Петтиджон, однако это были такие мелочи, из-за которых и расстраиваться-то не стоило. Каким бы путем он ни получил это дело, теперь оно принадлежало ему.

Хэммонд давно нуждался в чем-то подобном, и у него не было ни малейшего сомнения в том, что он идеально подходит для этого задания. За время своей службы в прокуратуре он расследовал уже пять убийств и во всех случаях добился самого сурового приговора, за исключением одного дела, когда обвиняемому удалось уйти от ответственности, сознавшись в наименее тяжком из вмененных ему преступлений. Чуть не с того самого дня, когда он сделал решительный

выбор между защитой и обвинением, Хэммонд готовил себя именно для такого масштабного и громкого дела и теперь был вооружен не только желанием довести его до победы, но и соответствующими знаниями, опытом, подготовкой.

Суд над убийцей Люта Петтиджона фактически гарантировал ему кресло прокурора округа.

Итак, дело было у него в кармане. Мейсон был на его стороне, вдова тоже поддержала его кандидатуру, и Хэммонд снова подумал о том, сказать или не сказать боссу о его субботней встрече с Петтиджоном. Этот пустяк мог все испортить. А как будет обидно, если правда всплывет, когда он будет в двух шагах от победы!

– Послушайте, Монро...

– Не благодари меня, сынок. У тебя впереди немало бессонных ночей.

– Да нет, я не это хотел сказать, хотя и это тоже. Просто...

– Что?

Хэммонд заколебался.

– Нет, ничего, – промолвил он наконец. – Мне не терпится как можно скорее начать...

– Что ж, я рад за тебя, – сказал прокурор. – Впрочем, есть одно обстоятельство, которое несколько умерит твой пыл. Тебе придется работать вместе с Рори Смайлоу. Ты не имеешь ничего против?

– Нет.

– Врешь.

– Я не собираюсь ни брататься с ним, ни выяснять с ним отношения. Единственное, что мне необходимо, – это гарантия того, что он готов сотрудничать.

– Вообще-то он уже начал враждебные действия...

– Что это значит?

– Сегодня днем мне звонил начальник полиции Крейн. Смайлоу настаивал, чтобы надзор за этим делом поручили Стефи Манделл. Но я сослался на желание вдовы.

Политические интриги всегда доставляли Мейсону удовольствия гораздо больше, чем собственно служение закону. Хэммонду это не особенно нравилось, однако он отдавал себе отчет, что человек, занимающий должность окружного прокурора, просто не может не быть дипломатом, так как улаживать проблемы с казначейством, администрацией округа и правительством штата приходится именно ему. Политика и правосудие были частью работы Мейсона, и никто не был виноват в том, что с годами первое стало нравиться ему гораздо больше, чем последнее.

– Наша Дэви Петтиджон не теряла времени даром и позвонила не только мне, но и Крейну. Она потребовала, чтобы Смайлоу нашел убийцу, а ты упрятал его за решетку. Вот каким путем это дело попало к тебе.

Хэммонд невольно поморщился. Он чувствовал себя как на приеме у зубного врача, который только что вкатил ему порцию обезболивающего.

– Так вот, – жестко закончил Мейсон, – вам со Смайлоу

придется забыть о ваших разногласиях до тех пор, пока это дело не будет закрыто. Ты понял?

– Мы оба – профессионалы. – Хэммонд избегал обещать что-либо, если дело касалось Рори Смайлоу, однако ему представлялось, что их личные отношения действительно никак не скажутся на результатах расследования.

И тут Монро Мейсон выложил еще одну новость.

– Стефи, – сказал он, – тоже будет участвовать в расследовании. Я хочу, чтобы в этом деле она выступила в качестве, гм-м... рефери на ринге.

– Что-о?.. – У Хэммонда невольно вытянулось лицо, но он постарался скрыть свой гнев и досаду. – По-моему, это ни к чему, босс. Мне не нужен надсмотрщик.

– Я так хочу, – отрезал прокурор. – Так мне будет спокойнее. Хэммонд слышал, как Стефи в коридоре разговаривает с кем-то по своему сотовому телефону.

– Вы еще не говорили ей об этом? – поинтересовался он.

– Завтра утром скажу. Так ты все понял, сынок?

– Я все понял, сэр, – ответил Хэммонд сквозь стиснутые зубы, но Мейсон Монро все равно прокричал ему в ухо:

– Нравится тебе это или нет, но Стефи будет помогать тебе в расследовании и служить буфером между тобой и Смайлоу. Надеюсь, она не даст вам вцепиться друг другу в глотку, по крайней мере пока мы не найдем убийцу Люта Петтиджона.

Глава 10

Ее легкие были готовы разорваться от напряжения. Мышцы стонали. Суставы молили о снисхождении, но вместо того, чтобы остановиться, она все ускоряла свой бег, двигаясь быстрее, чем обычно. Об обычном оздоровительном беге трусцой не было и речи. Она мчалась так, словно спасала свою жизнь.

«Мне нужно сжечь несколько тысяч калорий, которые попали в мой организм вместе с мороженым, хот-догами и прочей ярмарочной пищей», – убеждала она себя.

Но в глубине души она понимала, что бежит от самой себя, от чувства вины, холодной змеей свернувшегося где-то под сердцем.

Пот заливал ей глаза, отчего все окружающее начинало расплываться и дрожать. Ее дыхание было громким и хриплым, а во рту пересохло. Сердце стучало как бешеное. Порой ей казалось, что она не сможет больше сделать ни одного шага, но, стиснув зубы, она заставляла себя мчаться дальше.

Пожалуй, еще никогда она не бегала так быстро, на пределе всех своих сил, но убежать от того, что произошло с ней прошлой ночью, не могла.

Бег был ее любимым видом спорта, с помощью которого она поддерживала физическую форму. Она выходила на беговую дорожку парка несколько раз в неделю. Каждый месяц

она участвовала в любительских забегах и даже помогла организовать любительский марафон, чтобы собрать средства для программы по борьбе с раком груди.

Но сегодня она бежала не ради удовольствия, не ради стройных бедер и ягодич и не ради того, чтобы сбросить напряжение прошедшего дня.

Сегодняшняя пробежка была чем-то вроде наказания, которое она наложила на себя за то, что совершила.

Разумеется, наивно было рассчитывать, что это самоистязание может в какой-то мере искупить ее вчерашний проступок. Утешение, которого она так ждала, могло прийти только к тому, кто глубоко и искренне раскаивается в содеянном. Но она-то как раз не испытывала ни малейшего раскаяния. Да, их встреча не была случайной, как он полагал; она была хорошо рассчитана и подготовлена, и, хотя совесть подсказывала ей, что лучше всего будет не доводить дело до постели, она несколько не жалела, что вчера все закончилось именно так, как закончилось.

Решив, что пора возвращаться, она повернула назад и немного сбросила темп. Но каждый шаг по-прежнему отдавался в бедрах и пояснице, но эта боль была вполне терпимой. Легкие все еще работали с предельным напряжением, но ощущение разливающегося по мышцам огня отступило. Только совесть не желала успокаиваться. Воспоминания о нем и о проведенной вместе ночи преследовали ее на протяжении всего сегодняшнего дня. Она старалась гнать их от

себя, но они возвращались снова и снова, и она сдалась, стараясь по крайней мере не наслаждаться ими.

Но и это ей не удалось. Едва она вышла на беговую дорожку, как воспоминания нахлынули на нее снова. Она чувствовала на языке вкус сладостей, которые они покупали на ярмарке, улыбалась, вспоминая его шутки, ощущала тепло его дыхания на лице и прикосновения его пальцев к коже.

Он спал так крепко, что даже не проснулся, когда она выскользнула из постели и стала одеваться. У двери спальни она ненадолго задержалась, чтобы посмотреть на него. Он лежал на спине, накрытый до пояса простыней.

У него были удивительные, по-настоящему волшебные руки. Сейчас одна его рука свободно лежала на простыне, вторая покоилась на соседней подушке, и пальцы ее были чуть сжаты.

Всего несколько минут назад эти пальцы зарывались в ее волосы.

Глядя, как его грудь поднимается и опускается в такт мерному, глубокому дыханию, она испытала непреодолимо сильное желание разбудить его и признаться во всем. Но понял бы он ее? Поблагодарил бы за откровенность? Возможно, он даже сказал бы, что все это пустяки, и снова прижал ее к себе и поцеловал со всем пылом вновь проснувшейся страсти. Хуже или лучше стал бы он думать о ней, если бы она рассказала ему обо всем, что она наделала?

Но что он подумал на самом деле, когда проснулся и об-

наружил, что ее нет?

Сначала он наверняка испугался, решив, что его обокрали. Первым делом он наверняка бросился проверять бумажник, который оставил на крышке бюро. Наверное, он достал оттуда все свои кредитные карточки и, держа их веером, поднес к лампе, чтобы убедиться, что ни одна не пропала. Удивился ли он, когда увидел, что все кредитки и наличные деньги на месте? Испытал ли он облегчение?

Бесспорно, испытал, но что он почувствовал потом? Удивился ли он ее исчезновению? Или рассердился? Он мог даже расценить ее уход как личное оскорбление.

Что ж, она надеялась по крайней мере, что, проснувшись и обнаружив ее отсутствие, он не пожал плечами и не перевернулся на другой бок, чтобы спокойно спать дальше. Этот вариант почему-то огорчал ее больше всего, и она старалась не думать о нем. Но все-таки казалось, что он не мог не вспоминать о том, что произошло между ними, не прокручивать в памяти все события вчерашнего вечера и ночи, начиная с того момента, когда их глаза впервые встретились в зале ресторана.

Он покрывал ее лицо легкими поцелуями, похожими на касание крыльев бабочки.

– Почему мне так хорошо? – прошептал он.

– Это и должно быть хорошо, не правда ли? – так же шепотом ответила она.

– Да, но не настолько... Не настолько хорошо.

– Наверно, все дело в...

– В чем? – Он ненадолго приподнял голову и заглянул ей в глаза.

– Нив чем. Просто мне тоже нравится...

– Нравится лежать неподвижно и ничего не делать? Вместо ответа она обвила его бедра ногами и прижала так крепко, словно не собиралась отпустить.

– Мне просто нравится быть с тобой.

– Гм-м-м... – Он снова опустил голову и прижался лицом к ее шее. – Прости, – простонал он некоторое время спустя, – но я не могу так долго ничего не делать...

– И я... – ответила она, подаваясь ему навстречу.

Она неожиданно остановилась и, согнувшись почти пополам, уперлась руками в колени, часто и тяжело дыша. Горячий пот продолжал стекать по лбу, попадая в глаза, и она часто-часто моргала, стараясь стряхнуть соленые капли.

Она должна перестать думать об этом, приказала она себе. Их вечер и ночь вдвоем, какими бы романтичными и волшебными они ей ни казались, для него, скорее всего, были делом обычным, хуже того – обыденным. Конечно, он наговорил ей много поэтической чуши, но это ровным счетом ничего не значило. Просто у него хорошо подвешен язык, что при его профессии просто необходимо.

«Как бы ни обстояли дела в действительности, – напомнила она себе, – тебе должно быть безразлично». В конце концов, вполне возможно, что они больше никогда не встре-

тятся.

Почувствовав, что дыхание и пульс вернулись в норму, она медленной трусцой спустилась по ступенькам дамбы. Она чувствовала себя выжатой, как лимон, и виновата в этом была вовсе не изнурительная тренировка, а внезапно поразившая ее мысль, что она может никогда не увидеть его.

Но пройти пешком небольшое расстояние неожиданно оказалось труднее, чем пробежать по парку еще несколько миль. Отпирая кованые железные ворота, ведущие в сад перед ее небольшим особняком, она все еще была погружена в свои невеселые раздумья, и раздавшийся прямо позади нее автомобильный гудок заставил ее вздрогнуть. Обернувшись, она увидела «Мерседес» с откидным верхом, который как раз тормозил у тротуара. Водитель за рулем «Мерседеса» сдвинул на кончик носа солнцезащитные очки и посмотрел на нее поверх них.

– Привет, крошка, – протянул Бобби Тримбл. – Я звонил тебе весь день, но тебя не было, и я почти отчаялся. Где тебя носило?

– Что тебе здесь надо? – От его насмешливой улыбки по ее коже побежали мурашки. – Убирайся от моего дома, и вообще – оставь меня в покое.

– Нехорошо так обращаться со старыми друзьями, – снова ослабилась она. – Особенно в твоем положении. Так где ты была?

Но она не собиралась отвечать на его вопрос, и Бобби ух-

мыльнулся в третий раз.

– Ладно, не хочешь говорить – не надо. Запрыгивай... – Он наклонился вперед, чтобы распахнуть для нее пассажирскую дверцу, и ей пришлось отпрыгнуть, чтобы он не задел ее по ноге.

– Если ты думаешь, что я куда-то поеду с тобой, то ты просто дурак! – сказала она сердито.

Он потянулся за ключами от зажигания.

– Отлично, значит, я сам зайду к тебе.

– Нет!

– Нет? – Бобби хихикнул и похлопал рукой по кожаному сиденью рядом с собой. – Тогда садись. Ну?..

Она знала, что Бобби не сдастся, даже если сейчас ей удастся его прогнать. Он все равно появится снова, поэтому чем скорее она от него отделается, тем лучше.

Она села в машину и с силой захлопнула за собой дверцу.

– Что тебе надо, Бобби? – повторила она.

– Ты сама знаешь, – ответил он, трогая «Мерседес» с места.

* * *

Хэммонд решил не откладывать дела в долгий ящик и как можно скорее навестить вдову, чтобы принести свои соболезнования. Поэтому, закончив разговор с Мейсоном и выпроводив Стефи, он быстро принял душ и переоделся. Уже

через пятнадцать минут он ехал к особняку Петтиджонов.

Ожидая у дверей, пока ему откроют, он машинально рассматривал людей, пришедших в этот воскресный вечер в парк у Батареи. Как всегда по выходным, в парке было многолюдно. Двое туристов на противоположной стороне улицы фотографировали затейливую ограду и особняк Петтиджонов, не смущаясь даже его присутствия на переднем плане. Силуэты пешеходов и бегунов, двигавшихся по дамбе, казались вырезанными из черного картона.

Двери ему открыла Сара Берч. Пригласив Хэммонда в прихожую, она попросила подождать, пока она доложит о нем хозяйке. Меньше чем через минуту она вернулась и объявила торжественно:

– Мисс Дэви ждет вас, мистер Кросс.

«Уже „мисс“», – отметил про себя Хэммонд, поднимаясь за служанкой по массивной внутренней лестнице и шагая по длинной галерее над залом для приемов.

Дэви Петтиджон приняла его не где-нибудь, а в ванной комнате. Едва шагнув через порог, Хэммонд остановился, пораженный, – ничего подобного он никогда прежде не видел. В просторной, светлой комнате с потолком из матового стекла находилась утопленная в пол ванна с гидромассажем – такая большая, что в ней впору было проводить матчи по водному поло. Ванна была наполнена водой, но массажное устройство было выключено, и на спокойной поверхности покачивались цветки магнолии размером с чайное блюдеч-

ко. Зеркальные стены отражали множество бронзовых подсвечников, в которых горели десятки ароматизированных свечей. Возле одной из стен стоял удобный, обитый шелком диван. Позолоченный умывальник размерами мог соперничать с ванной в квартире Хэммонда. Рукоятки горячей и холодной воды были выполнены из граненого стекла, на полке рядом стояли разнокалиберные хрустальные флакончики с косметическими средствами и притираниями.

Разглядывая все это великолепие, Хэммонд осознал, что все слухи и разговоры о том, сколько денег потратил Петтиджон на переоборудование особняка, даже не приближались к действительности. Реальная сумма была, скорее всего, на несколько порядков больше. Правда, ему уже приходилось бывать в этом особняке, но только на первом этаже; на второй же он попал впервые и был поражен его роскошью.

Не ожидал он и того, что вдова встретит его обнаженной. Лежа на высокой кушетке, Дэви Петтиджон только не мурлыкала от удовольствия, пока здоровяк-массажист с огромными руками трудился над ее бедрами.

– Ты ведь не против, да, Хэммонд? – проворковала Дэви Петтиджон, когда массажист прикрыл ей спину и плечи простыней. Хэммонд вежливо пожал протянутые ему пальцы.

– Нет, если ты не против. Дэви лукаво улыбнулась.

– Ты ведь меня знаешь, Хэммонд. Я никогда не была скромницей. Этот недостаток сводил с ума мою бедную мамочку. Впрочем, она и так была трехнутой.

Подперев руками точеный подбородок, Дэви протяжно вздохнула, когда массажист принялся за ее ягодицы.

– У меня сегодня полуторачасовой сеанс массажа, а ты явился в самой середине, – пояснила она. – Это божественно, Хэммонд! Я не смогла прерваться даже ради тебя – у меня просто не хватило силы воли сказать Сандро «стоп».

– Ничего страшного, я на тебя ничуть не в обиде. Впрочем, странно...

– Что – странно?

– Вчера Лют тоже побывал у массажиста.

– Это случилось до того, как его убили, или после? Хэммонд нахмурился, а Дэви заодно рассмеялась.

– Шутка, – сказала она. – Кстати, как насчет шампанского? Небрежным движением руки она указала на стоявшее возле кушетки серебряное ведерко со льдом, из которого выглядывало горлышко уже откупоренной бутылки шампанского. Рядом на подносе поблескивали два высоких бокала из нежно-голубого богемского стекла, и Хэммонду показалось, что Дэви ждала его. Ждала и готовилась. От этой мысли ему стало не по себе, но он справился с собой.

– Спасибо за предложение. Но я, пожалуй, воздержусь.

– Фу, какой ты нудный! – Дэви наморщила носик. – Ну ладно, Хэммонд, брось ломаться. Ведь мы с тобой знаем друг друга уже чертову уйму лет, зачем же делать вид, будто мы только что познакомились? – Она слегка тряхнула головой, словно досадуя на него. – Кроме того, – добавила она, – мне

кажется, что, когда твоего мужа убивают в пентхаусе его собственного драного отеля, нужно пить только шампанское. Так что не валяй дурака, Хэммонд, налей нам по бокалу, и выпьем за светлую память моего безвременно почившего...

Хэммонд хорошо знал, что спорить с Дэви практически бесполезно, поэтому достал из ведерка бутылку и налил полный бокал шампанского. Протянув его Дэви, он налил полбокала себе.

– За похороны и прочие развлечения! – объявила Дэви и чокнулась с ним.

– Не могу сказать, чтобы я полностью разделял твои чувства, – заметил Хэммонд, отпивая из своего бокала крошечный глоток. Дэви облизнула губы, смакуя вкус напитка.

– Может быть, ты и прав, и шампанское больше уместно на свадьбах.

Хэммонд поднял на нее взгляд и почувствовал, что краснеет, а Дэви, разгадав его мысли, весело рассмеялась.

Это был тот самый озорной и бесшабашный смех, каким Дэви смеялась в ту давнюю июльскую ночь, когда они оба оказались приглашены на свадьбу общих друзей в качестве товарища жениха и подружки невесты. Торжество проходило в саду дома невесты, украшенном гардениями, пионами, белыми лилиями и прочими экзотическими цветами, источавшими сладкий, дурманящий аромат. Этот запах был густым и навязчивым и пьянил не хуже шампанского, которое Хэммонд пил бокал за бокалом в тщетной надежде осве-

житься, ибо в смокинге, который он на себя напялил, было невыносимо жарко. Подружки невесты – числом восемь, все, как на подбор, стройные, длинноногие блондинки – чувствовали себя немногим лучше, хотя их кружевные, глубоко декольтированные платья казались тонкими, как паутина, и холодное шампанское лилось рекой.

– Ты выглядишь просто потрясающе, так бы тебя и съел, – пошутил Хэммонд, столкнувшись с Дэви возле церкви накануне венчания. – Или выпил. В этом платье ты выглядишь как классный коктейль, не хватает только маслинки и бумажного зонтика за шиворотом.

– Бумажный зонтик – это как раз то, чего не хватает моему наряду, чтобы быть по-настоящему пошлым, – рассмеялась Дэви.

– Тебе не нравится твое платье? – удивился Хэммонд. Она не ответила, только подмигнула и погрозила ему пальцем. После венчания, когда прием – или, вернее, пьянка – был уже в самом разгаре, они снова сошлись вместе. Дэви только что танцевала и теперь обмахивалась бумажным веером.

– Это платье не просто пошлое, в нем еще и чертовски жарко, – пожаловалась она, одним глотком осушая очередной бокал шампанского.

– Так сними его, – шутливо предложил Хэммонд, но Дэви посмотрела на него неожиданно внимательно и серьезно.

Семейства Кросс и Бертон дружили между собой еще до того, как родились Дэви и Хэммонд. И сколько он себя пом-

нил, Дэви всегда была рядом с ним – рядом или в соседнем дворе, и стоило только крикнуть, чтобы она примчалась на зов. Они встречались на пикниках, детских утренниках и рождественских праздниках.

С самого детства они были близки, как брат и сестра, и разговаривали друг с другом, не стесняясь и называя вещи своими именами. Но их отношения оставались чисто платоническими, хотя время от времени они и делали вид, будто влюблены друг в друга.

Но тому июльскому вечеру предшествовала длительная разлука, связанная с тем, что Хэммонд и Дэви уехали учиться в разные университеты, он – в Клемсон, а она – в университет Вандербилда. Кроме того, оба были изрядно пьяны и захвачены общей атмосферой свадьбы. Именно поэтому, когда Хэммонд предложил ей снять платье, Дэви не послала его куда подальше, а посмотрела на него мечтательным взглядом.

– Я подумаю над этим предложением, – сказала она медленно, и у Хэммонда отчего-то перехватило дыхание.

И вот, воспользовавшись тем, что большинство гостей из тех, кто еще держался на ногах, сгрудилось возле самого большого стола, чтобы посмотреть, как будут резать свадебный пирог, Хэммонд похитил из одного из баров бутылку шампанского и, схватив Дэви за руку, увлек ее к живой изгороди, за которой располагался задний двор соседней усадьбы. Эти соседи тоже были приглашены на свадьбу, поэто-

му на чужой территории они могли чувствовать себя относительно спокойно, к тому же густая живая изгородь, которую на протяжении нескольких десятилетий из года в год аккуратно подстригали, надежно скрывала их от случайных взглядов.

Оказавшись на соседской лужайке, Хэммонд первым делом открыл шампанское. Пробка с шумом вылетела из бутылки, и это почему-то безумно развеселило обоих. Потом Хэммонд разлил вино по предусмотрительно захваченным с собой бокалам, которые они тут же осушили.

Когда – всего через десять минут – они пили по третьему бокалу, Дэви неожиданно попросила Хэммонда помочь ей справиться с застёжкой на спине ее воздушно-розового платья. Хэммонд с готовностью пришел Дэви на выручку, и вскоре платье уже упало к ее ногам вместе с лифчиком и чулочным поясом.

Лишь взявшись за резинку трусиков, Дэви слегка замешкалась, но Хэммонд шепнул ей: «Что, слабо?» – и это придало ей решимости. Против этой «волшебной» фразы Дэви Бертон никогда не могла устоять, и та ночь не стала исключением.

Стянув трусики, она на несколько мгновений замерла, позволив ему насладиться видом своего обнаженного тела, потом попятилась и по ступенькам спустилась в прохладную воду бассейна.

Хэммонд не стал колебаться. За считанные секунды осво-

бодившись от смокинга и брюк (накануне свадьбы он потратил не менее получаса, чтобы надеть их), он тоже шагнул к бассейну, и у Дэви вырвался невольный вздох восхищения.

– Ты здорово вырос с тех пор, как мы в последний раз играли в «доктора», – заметила она, глядя на него широко раскрытыми глазами.

Хэммонд прыгнул в воду.

Они еще никогда не целовались, если не считать нескольких, носивших чисто познавательный характер поцелуев и объятий, которыми они обменялись, когда были подростками. Не целовались они и в ту ночь, по обоюдному молчаливому согласию решив не тратить на это время. Опасность быть застигнутыми на месте преступления, какой бы сомнительной ни была такая возможность, возбудила их настолько, что в предварительных ласках не было нужды. Едва оказавшись в воде, Хэммонд прижался к Дэви, а она широко развела ноги ему навстречу.

Они были пьяны, и они все время смеялись. На все про все им понадобилось едва ли пять минут.

После этого они не встречались почти два года. Когда же встреча наконец произошла, Хэммонд притворился, будто ни шампанского, ни плавательного бассейна не было вовсе, и Дэви поступила точно так же. Ни один из них не хотел, чтобы этот случайный эксперимент омрачил многолетнюю дружбу.

– А здорово нам было когда-то вместе, верно? – спросила Дэви чуть печально, и у Хэммонда снова появилось ошуще-

ние, что она читает его мысли.

– Да, – кивнул он и надолго замолчал. Дэви тоже не говорила ни слова, рассматривая пузырьки в своем бокале, которые – словно нити голубого жемчуга – тянулись от дна к поверхности. Наконец она поднесла бокал к губам и, сделав большой глоток, вздохнула.

– К сожалению, мы выросли и поняли, что в жизни праздников меньше, чем будней.

Ее рука безжизненно упала, свесившись с края кушетки, и Хэммонд едва успел подхватить готовый выпасть из ее пальцев бокал.

– Я пришел, чтобы принести тебе свои соболезнования, Дэви. То, что случилось, – ужасно. Думаю, мои родители тоже навесят тебя.

– О, завтра здесь будет полно сочувствующих и соболезнующих. Сегодня я решила никого не принимать, но завтра... – Она снова вздохнула. – Боюсь, от этой обязанности мне не отвертеться. Они явятся сюда толпой, явятся со своими пирогами, сладкими булочками и фальшивыми словами утешения, но на самом деле они придут поглазеть, как я воспринимаю смерть мужа.

– И как ты ее воспринимаешь?

Уловив в его голосе новые нотки, Дэви повернулась на бок и, прижимая к груди край простыни, села на кушетке, свесив босые ноги.

– Ты спрашиваешь как друг или как самый очевидный

претендент на кресло окружного прокурора? – спросила она.

– Я мог бы оспорить последнее, но не вижу в этом смысла, – ответил он. – Я пришел как друг. Она глубоко вздохнула.

– В таком случае я честно скажу, что не собираюсь надевать власяницу и посыпать голову пеплом. Я даже не собираюсь отрезать себе палец, словно вдова индейского воина в низкопробном вестерне. Нет, я буду вести себя подобающим образом. Ни шумного празднества, ни персидских плясок не будет хотя бы потому, что в них нет никакой особой необходимости: благодаря Люту обо мне все равно будут говорить так, словно я исполняла канкан на костях мужа. – Она фыркнула. – Так что вовсе незачем показывать людям, что я чувствую на самом деле.

– А что ты чувствуешь на самом деле?

Она улыбнулась так радостно и светло, что Хэммонд невольно вспомнил ее выпускной бал. Точно так же она улыбалась, когда он пригласил ее танцевать.

– Я рада, что этот сукин сын сдох, – сказала Дэви, и ее золотисто-карие глаза сверкнули. «Только попробуй что-нибудь сказать мне на это!» – предупреждал этот взгляд. Хэммонд промолчал, и Дэви, рассмеявшись, повернулась к массажисту:

– Сандро, будь добр, разомни мне плечи и шею. С того самого момента, когда она села на кушетке, названный Сандро неподвижно стоял у зеркальной стены, сложив мощные

руки на необъятной груди.

Услышав просьбу Дэви, Сандро шагнул вперед и опустил руки на ее обнаженные плечи, но его глаза были по-прежнему устремлены на Хэммонда. Несомненно, он видел в нем соперника, и Хэммонд догадался, что услуги, которые Сандро оказывает Дэви, не ограничиваются одним массажем. Ему захотелось сказать парню, что он может расслабиться и что они с Дэви – просто друзья детства, но промолчал. Во-первых, Сандро вряд ли бы ему поверил, а во-вторых, это не казалось Хэммонду важным. Гораздо важнее было предупредить Дэви, что сейчас ей следует вести себя с максимальной осторожностью. В ее положении любой вызов общественной нравственности мог привести к самым непредсказуемым последствиям, в особенности учитывая настойчивое желание Стефи внести Дэви под номером один в список подозреваемых.

– Я восхищаюсь твоей прямоотой, Дэви, но...

– К чему лгать и притворяться? Разве тебе Лют нравился?

– Совсем нет, – честно ответил Хэммонд. – Он был мошенником, проходимцем, нечистоплотным дельцом, который никогда не был особенно разборчив в выборе средств к достижению своей цели. Он без колебаний делал больно тем, кто позволял ему это, и использовал тех, кто был сильнее.

– Я тоже ценю твою откровенность, Хэммонд, – промолвила Дэви. – Большинство людей думают так же, но не всем хватает мужества высказать это вслух. Особенно в такой

день... – Она хмыкнула. – Он многим насолил при жизни, и я не одинока в своем отношении к нему. Это отратно.

– Люта многие ненавидели, – согласился Хэммонд, – но ты – его вдова.

– Я не только его вдова. – Дэви криво улыбнулась. – Я – его наследница и так далее, и так далее. Но я не лицемерка, и я не собираюсь горевать из-за того, что он наконец сыграл в ящик. Ни горевать, ни делать вид, будто я горюю.

– Если кто-нибудь услышит, как ты говоришь подобные вещи, ты попадешь в беду, – предупредил Хэммонд.

– Ты имеешь в виду Рори Смайлоу и ту суку, которая приезжала с ним ко мне вчера вечером? Эта штучка Стефи... Кажется, она работает с тобой?

Он кивнул.

– Знаешь, она просто ужасна, – пожаловалась Дэви.

– Действительно, многие ее недолюбливают, – согласился Хэммонд, – Стефи очень честолюбива. К тому же ей все равно, какие чувства других людей она задевает, а это не всем нравится. Словом, Стефи вряд ли когда-нибудь завоюет титул «Мисс Обаяние».

– Да что уж там, она просто злобная маленькая сучка!

– Она не такая плохая, если узнать ее поближе.

– Я не собираюсь узнавать ее поближе, Хэммонд. Она вызывает у меня желание придавить ее на месте, словно гадкое, кусачее насекомое.

– Ты несправедлива, Дэви. Ведь ты не знаешь, откуда, из

каких...

– Она родом со Среднего Запада, она сама сказала.

– Я имел в виду не географию, Дэви. Я имел в виду ее прошлое. Что, так сказать, заставляет часы тикать. У нее были свои проблемы, свои разочарования, в том числе и карьерные. Теперь Стефи пытается компенсировать себе свои неудачи и порой действует излишне жестко, излишне напористо.

– Если ты не перестанешь защищать ее, я рассержусь. С этими словами она закинула руку за голову и приподняла волосы, чтобы Сандро было удобнее массировать ей шею. Эта поза была откровенно провокационной, и Хэммонду показалось, что Дэви пытается таким образом рассеять его внимание.

– Ты действительно считаешь, что они могут заподозрить в убийстве меня?

– Это не исключено, – уклончиво ответил он. – В конце концов, Стефи действует по шаблону – «ищи, кому это было выгодно», а ты самый подходящий кандидат. Как ты сама сказала, ты унаследуешь все его деньги.

– Вообще-то ты прав, – произнесла Дэви задумчиво. – Кроме того, все знают, что мой покойный супруг не пропустил ни одной юбки. Он как будто задался целью трахнуть как можно больше моих подруг. Я не знаю, действительно ли Лют решил переспать с каждой из женщин, с которыми я общалась, хотя я его понимаю: меня всегда окружали са-

мые известные красавицы Чарлстона. Или, может быть, они возбуждали его аппетит именно потому, что были моими подругами. Скорее всего – последнее, поскольку, к примеру, у Глории Арендейл такая большая задница, что нормальному мужчине понадобится не меньше недели, чтобы общупать ее всю. Впрочем, именно на неделю Лют и вывез ее на пляж в Киова.

А Эмили Сазерленд? У нее комплекция страдающего ожирением слона; и все равно Лют трахнул ее несколько раз. Я даже знаю, где это произошло: в этом ее липовом «Пороховом погребе», где, как она утверждает, хранили оружие ее предки-южане.

Хэммонд от души рассмеялся, хотя Дэви отнюдь не шутила.

– А ты, конечно, все это время была верна своему развратнику-мужу?

– Разумеется. – Дэви позволила простыне опуститься на дюйм или два, так что Хэммонду стала видна большая часть ее груди. Хэммонд с сомнением покачал головой.

– Ваш брак определенно был не из тех, что заключаются на небесах.

– Я никогда не говорила, что люблю Люта. И он знал, что я не люблю его, однако у нашего брака были свои выгодные стороны. Я была нужна ему, чтобы хвастаться... В конце концов, он оказался единственным в Чарлстоне мужчиной, который смог захомутать Дэви Бертон. А я... – Она нена-

долго замолчала, и лицо ее стало неподдельно печальным. – Короче говоря, у меня были свои резоны, чтобы выйти за него замуж. И меньше всего я ожидала, что он сделает меня счастливой.

Она опустила руку и тряхнула головой, отчего ее волосы рассыпались по плечам. Сандро переключился на ее позвоночник.

– Ты морщишься, Хэммонд. Тебя что-нибудь не устраивает?

– Меня не устраивает все, Дэви. Все, что ты говоришь, может служить достаточным мотивом для совершения убийства.

Она насмешливо рассмеялась.

– Если бы я решила убить Люта, я бы ни в коем случае не действовала подобным образом. И ни за какие коврижки я бы не поперлась в центр города жарким субботним полднем, когда Чарлстон буквально кишит этими потными, вонючими янки. И уж тем более я бы не стала стрелять ему в спину, как какая-нибудь белая рвань.

– Думаю, тебе хотелось бы, чтобы так считал и Смайлоу, правда?

– Реверсивная психология? Я умна, конечно, но не настолько же!

Он посмотрел на нее таким взглядом, который как будто говорил: «Ты гораздо умнее, чем хочешь казаться!»

– О'кей, – вздохнула Дэви, прочтя его мысли. – Я далеко

не дура. Но чтобы совершить это преступление, мне, кроме ума, понадобилось бы трудолюбие, а даже мои враги не могут не признать, что я ленива, как сто тысяч чертей.

– При чем здесь трудолюбие?

– При том. Чтобы совершить преступление, необходимы не только ненависть и желание, но и готовность предпринять определенные усилия, чтобы сначала совершить то, что задумал, а потом – скрыть следы. А я всегда предпочитала фантазии действиям. Можешь мне поверить, в мечтах я убивала Люта тысячу раз, но в действительности... – Она покачала головой. – Я бы и пальцем не пошевелила, чтобы устранить его, даже если бы мне пообещали полную конфиденциальность, безопасность и миллион долларов в придачу.

– Я верю тебе, – кивнул Хэммонд. – Но, боюсь, в истории юриспруденции еще не было случая, чтобы подозреваемого оправдали на основании того, что он-де был слишком ленив.

– Ты действительно считаешь, что дело дойдет до этого? – Эту фразу она произнесла с оттенком презрения. – Неужто детектив Смайлоу действительно меня подозревает? Я была лучшего мнения о его умственных способностях! – воскликнула она. – Что касается мотивов, то у него было куда больше оснований убить Люта, чем у меня. Ведь он так и не простил ему того, что случилось с его сестрой.

Хэммонд нахмурился:

– Я не понимаю...

– Неужели не помнишь? Сестра Смайлоу Маргарет была

первой женой Люта. Она покончила с собой. Возможно, она с самого начала была психопаткой. Такие вещи, как маниакально-депрессивный синдром, трудно диагностируются, но брак с Лютом, несомненно, привел к обострению болезни. В один прекрасный день она дошла до ручки и съела на ужин целый флакончик снотворных таблеток. Смайлоу обвинил в ее смерти Люта. На похоронах Маргарет они едва не схватились врукопашную, и их с трудом растащили... Об этом еще долго говорили...

– Теперь, когда ты напомнила, что-то такое всплывает в памяти... Действительно, скандал вышел довольно громким.

– С тех пор Смайлоу возненавидел Люта, поэтому его я не боюсь. Если он обвинит меня в убийстве мужа, я напомню ему, что он сам угрожал разделаться с ним.

– Я готов заплатить большие деньги, чтобы увидеть, какое у него при этом будет лицо, – заметил Хэммонд. Дэви улыбнулась.

– Можешь мне поверить, вид у него будет бледный. Я кое-что знаю...

– Что?

Она улыбнулась загадочно.

– Я вижу, ты допил шампанское. Хочешь еще?

– Нет, спасибо.

– А я, пожалуй, выпью... Монро Мейсон, наверное, уже звонил тебе? – спросила она, пока Хэммонд наливал ей вино. – Я рада, что ты будешь представлять обвинение, когда

убийцу поймают.

– Думаю, так и будет, если не случится чего-нибудь из ряда вон выходящего. Кстати, спасибо, что замолвила за меня словечко.

Дэви поднесла к губам бокал и сделала большой глоток.

– Я умею быть верным другом, Хэммонд. Это одно из моих достоинств.

Хэммонду стало неловко. Прокурор округа Мейсон уже давно объявил о своей грядущей отставке. Его первый заместитель Уоллес был серьезно болен и не собирался выставить свою кандидатуру на ноябрьских выборах. Хэммонд, в качестве заместителя по особым поручениям, был третьим на иерархической лестнице, и Мейсон не скрывал, что хотел бы видеть его своим преемником.

То, что Дэви говорила о нем с Мейсоном, заставило его испытать даже некоторую досаду. Он искренне ценил ее дружеский порыв, однако ему было ясно, что, если Дэви попадет на скамью подсудимых, он сам окажется в двусмысленном положении.

– Прослушай, Дэви... Я обязан спросить: насколько надежно твое алиби?

Она улыбнулась.

– Кажется, в таких случаях говорят «железное». – Откинув голову назад, она звонко расхохоталась. – Хэммонд, дорогой, ты просто прелесть! Ты что, действительно боишься, что тебе придется предъявить мне обвинение в убийстве му-

жа?

Соскочив с кушетки, она шагнула к нему, придерживая у груди волочившуюся по полу простыню. Привстав на цыпочки, она поцеловала его в щеку и сказала:

– Можешь не беспокоиться, дорогой. Если бы я захотела убить Люта, я не стала бы стрелять ему в спину. Что за радость убивать человека, который об этом не подозревает? Нет, нажимая на курок, я хотела бы смотреть ему в глаза!

– Этот аргумент немногим лучше заявления, что тебе, дескать, неохота было убивать его в такую жару.

– Я вообще не собираюсь оправдываться, – возмутилась Дэви. – Я даю слово, что не убивала его! – Она быстро перекрестилась. – Ни его, ни кого-нибудь другого, хотя – видит бог! – мне ужасно хотелось это сделать.

Хэммонд был рад слышать, что она отрицает свою вину с такой искренней горячностью, но Дэви все испортила, добавив:

–..Эти тюремные роботы – они такие ужасные!

Закрыв глаза, Дэви откинулась на спину, чувствуя во всем теле приятное тепло после массажа и последовавшего секса с Сандро – секса, который не требовал с ее стороны никаких усилий. Она просто лежала, позволяя ему проделывать с собой разные приятные вещи, которые разрешились бурным и продолжительным оргазмом.

Сандро все еще был возбужден, но Дэви больше не обращала на него внимания. Поудобнее устроившись на подуш-

ке, она собиралась задремать, когда Сандро неожиданно пошевелился.

– Странно... – пробормотал он.

– Что? – Дэви приоткрыла один глаз.

– Твой друг все ходил вокруг да около, но ни разу не спросил прямо, убила ты своего мужа или нет. Приподнявшись на локте, Дэви посмотрела на него.

– Что ты хочешь этим сказать? Сандро пожал плечами:

– Он твой друг. Может быть, ему просто не хочется знать ответ на этот вопрос.

Дэви долго молчала. Потом, глядя в пространство, она невольно высказала вслух то, о чем думала:

– Или, может быть, он уверен в том, что я этого не делала.

Глава 11

Отъезжая от особняка Петтиджонов, Хэммонд думал о том, что не хотел бы ни видеть Дэви в суде, ни подвергать ее перекрестному допросу. И для этого у него были причины. Во-первых, они были близкими друзьями. Дэви ему искренне нравилась, и, хотя ее вряд ли можно было назвать столпом добродетели, она никогда не притворялась и не старалась казаться лучше, чем была.

Множество женщин сплетничали и злословили по ее адресу, хотя сами вели себя несколько не лучше. Вся разница заключалась в том, то они грешили потихоньку, втайне, Дэви же, казалось, специально выставляла свои проделки на показ. Ее выходки, заставлявшие общественное мнение бурлить от возмущения, были сознательным эпатажем. Истина же заключалась в том, что никто или почти никто из критиков и судей не догадывался о том, какова Дэви на самом деле. Хорошие же стороны своей природы Дэви тщательно скрывала.

Хэммонд давно понял, что Дэви просто пыталась защитить себя таким оригинальным способом. Чтобы не дать окружающим ранить себя, она спешила нанести упреждающий удар, не подпуская к себе тех, кто мог сделать ей больно. И, учитывая, каким было ее детство, подобное поведение было вполне объяснимо. Насколько Хэммонд мог судить, Мак-

сина Бертон была скверной матерью. Дэви и ее сестры росли как трава, не зная ни тепла, ни материнской заботы. Несмотря на это, Дэви продолжала регулярно навещать мать в элитном доме для престарелых, куда она ездила каждую неделю. Она не только оплачивала ее содержание, но и сама исполняла личные просьбы и пожелания матери, и Хэммонд был, наверное, единственным, кто знал об этом. Дэви, впрочем, ничего ему не рассказывала, и он, наверное, так и остался бы в неведении, если бы однажды Сара Берч не проболталась ему об этой тайне своей хозяйки.

Второй причиной, по которой ему не хотелось бы допрашивать Дэви, была ее способность лгать – лгать вдохновенно и правдоподобно. Слушать ее было так приятно, что легко было потерять осторожность и попасться.

Впрочем, он знал, что присяжные часто относятся к таким людям, как Дэви, довольно благосклонно. Хэммонд почти не сомневался, что, если ее вызовут в суд для дачи показаний, она наверняка оденется так, что не заметить ее будет просто невозможно. И если во время заслушивания обычных свидетелей присяжные иногда позволяли себе дремать, то с Дэви этот номер не пройдет.

Хэммонд очень хорошо представлял себе, что может сказать Дэви, поднявшись на возвышение для свидетелей. Если она заявит, что не убивала Люта Петтиджона, но тем не менее ничуть не сожалеет о его смерти, поскольку он был неверным мужем, обманывавшим ее при каждом удобном и

неудобном случае, если она скажет, что он заслуживал смерти, поскольку был лживым, жестоким негодяем, присяжные скорее всего согласятся с ней.

Нет, он не хотел бы допрашивать Дэви в связи с убийством Петтиджона. Но если до этого дойдет, ему придется... Да, придется, потому что это дело было лучшим в его карьере. Хэммонд надеялся только, что Смайлоу и его люди сумеют собрать достаточно улик, чтобы обвиняемый не сумел уйти от наказания под каким-нибудь формальным предлогом.

Впрочем, и ему тоже предстояло постараться. Вряд ли это дело будет простым, рассуждал Хэммонд, слишком уж заметной фигурой был Лют Петтиджон, чтобы его смерть не задела интересы многих и многих высокопоставленных политиков и дельцов. Ему придется быть предельно внимательным и осторожным, чтобы не ошибиться и не испортить все, но только так Хэммонд мог узнать, чего стоит он сам. Только получив реальные доказательства своей компетентности и способности противостоять нажиму сильных мира сего, он сможет принять участие в ноябрьских выборах прокурора округа. А ему очень хотелось не только принять в них участие, но и победить. Победить заслуженно, а не потому, что он будет фотогеничнее других кандидатов, или потому, что у него будет более мощная финансовая поддержка.

Дела, требующие напряжения всех сил – такие, как убийство Люта Петтиджона, – попадались действительно редко. Именно поэтому Хэммонд буквально набросился на пред-

ставившуюся ему возможность. Именно поэтому он так и не сказал Монро Мейсону о том, что встречался с Петтиджоном в день смерти последнего. Он просто должен был получить это дело, получить во что бы то ни стало и добиться обвинительного приговора. Только такое громкое дело, как это, могло помочь ему заработать своего рода политический капитал перед ноябрьскими выборами.

Кроме того, дело Люта Петтиджона было для Хэммонда прекрасным средством досадить собственному отцу.

И для него это была едва ли не самая убедительная причина желать этого дела. Много лет назад, когда Хэммонд принял решение стать прокурором, а не адвокатом, его отец, Престон Кросс, резко возражал против этого. Его главным аргументом была разница в доходах адвоката и прокурора, и он едко высмеивал желание сына стать слугой общества и получать за это жалкие гроши. Но совсем недавно Хэммонд узнал, что дело было вовсе не в деньгах.

На самом деле его решение развело их с отцом по разные стороны баррикады, поскольку Престон Кросс был тесно связан с Лютом Петтиджоном и участвовал в некоторых его неблагоприятных аферах. И больше всего он боялся, что судить его будет собственный сын. Хэммонд пытался поговорить с отцом, но не достиг понимания, а лишь усилил враждебность в отношениях между ними.

Но думать об этом сейчас он не хотел. Каждый раз, когда Хэммонд вспоминал об отце, он неизменно оказывался в та-

ком глубоком эмоциональном ступоре, что у него буквально опускались руки. Анализировать их отношения ему было тяжело физически, к тому же ни малейшей надежды на примирение он не видел.

И он решил отложить этот вопрос на потом.

Вначале он, однако, подумал не о самом деле, а об обстоятельствах, не имевших к нему непосредственного отношения, но тем не менее важных. Хэммонд был рад, что не был теперь связан со Стефи. Бремя близких отношений с ней только мешало бы ему, отвлекая и рассеивая внимание. Разумеется, Стефи будет крайне недовольна, когда узнает, что в расследовании ей отведена второстепенная роль, но Хэммонд надеялся как-нибудь это уладить. Уже давно он не испытывал такого прилива сил.

Хэммонд снял одну руку с руля автомобиля и, достав из нагрудного кармана сложенный листок бумаги, еще раз перечитал записанный на нем адрес.

* * *

Слегка запыхавшись, Стефи ворвалась в больничную палату.

– Я приехала сразу, как только смогла, – заявила она еще с порога. – Я пропустила что-нибудь интересное?

Смайлоу дозвонился до нее незадолго до того, как Стефи уехала от Хэммонда, и сообщил, что дежурный врач разре-

шил ему допросить находящихся в больнице свидетелей.

Хэммонд жил недалеко от больницы, однако это не помешало Стефи несколько раз нарушить правила дорожного движения – так она торопилась.

Когда она приехала в больницу, Смайлоу уже допрашивал мужчину лет пятидесяти, который лежал на кровати, натянув одеяло до самого подбородка. Несмотря на это, Стефи заметила, что лицо у него было нездорового серого цвета, а глубоко запавшие глаза обведены темными кругами. Правая рука лежала поверх одеяла, и к ней была подсоединена капельница.

На стуле возле кровати сидела женщина, очевидно жена.

Смайлоу, стоявший в ногах кровати, представил Стефи больному.

– Это мисс Манделл, она работает в окружной прокуратуре и имеет к этому расследованию самое непосредственное отношение. А это мистер и миссис Дэниэлс.

– Здравствуйте, мистер Дэниэлс, – приветливо поздоровалась Стефи.

– Здравствуйте. – Голос мужчины был слабым.

– Как вы себя чувствуете? Надеюсь, вам лучше?

– Не знаю. Во всяком случае, я перестал молиться, чтобы бог забрал меня к себе.

– Что ж, это тоже прогресс. – Стефи вопросительно покосилась на миссис Дэниэлс. – А вы, мэм? Вы не заболели? Она слабо улыбнулась.

– Я ела только суп из креветок.

– Мистер и миссис Дэниэлс – последние, кого я еще не опросил, – вступил Смайлоу. – Остальные уже рассказали мне все, что знают. К сожалению, знают они немного. Никто из них ничего не видел.

– А мистер Дэниэлс?

– Может быть.

– Да, – смущенно подтвердил мистер Дэниэлс. – Я, кажется, кое-кого видел.

– Так видели вы или нет? – тотчас же повернулась к нему Стефи, не в силах совладать со своим нетерпением. Миссис Дэниэлс резко поднялась со стула.

– Мой муж очень устал, мисс Манделл. Он все еще плохо себя чувствует, и ему трудно отвечать на вопросы. Неужели вы не можете подождать до завтра, пока он немного окрепнет?

Осознав свою ошибку, Стефи поспешила исправить ее:

– Я прошу прощения у мистера Дэниэлса. Боюсь, после общения с разного рода преступниками мои манеры оставляют желать лучшего. Поверьте, меньше всего мне хотелось затруднять вас, но у меня нет другого выхода.

Произнося эту маленькую речь, Стефи смотрела прямо перед собой, не осмеливаясь бросить взгляд в сторону Смайлоу, зная, что прочтет в его глазах неодобрение и насмешку.

Миссис Дэниэлс поджала нижнюю губу и повернулась к мужу:

– Как ты думаешь, дорогой, ты в состоянии ответить на один-два их вопроса?

Мистер Дэниэлс кивнул, и она повернулась к Стефи:

– Спрашивайте, только поскорее.

– Разумеется, мистер Дэниэлс, если вы еще не совсем оправились, мы могли бы прийти завтра. Но поймите и нас тоже: кто-то хладнокровно расправился среди бела дня с одним из видных членов нашего общества. Кто-то застрелил его без всякой видимой причины... – Она выждала несколько мгновений, давая им переварить эту информацию, и добавила, намеренно драматизируя ситуацию:

– Мы должны схватить преступника, пока он еще кого-нибудь не убил. Дорога каждая минута, и только вы можете нам помочь.

– Боюсь, я не смогу вам помочь, мисс, э-э-э... Манделл. Это неожиданное заявление мистера Дэниэлса застало Стефи врасплох.

– Почему вы так решили, сэр?

– Потому что вы говорили о преступнике. А я видел женщину...

Стефи и Смайлоу переглянулись.

– Я говорила о преступнике вообще, – пояснила Стефи, справившись с секундным замешательством. – А не о преступнике или преступнице.

– А-а, тогда понятно. В общем, я видел женщину, – повторил Дэниэлс. – Впрочем, она не была похожа на убийцу.

– Не могли бы вы рассказать об этом поподробнее? – встала Стефи.

– Вы хотите, чтобы я ее описал?

– Начните, пожалуйста, с самого начала, – осторожно попросил Смайлоу.

– Хорошо. – Мистер Дэниэлс чуть приподнялся на подушке. – Мы... то есть наша группа, мы уехали их отеля сразу после обеда. Примерно через полтора часа после начала экскурсии я почувствовал себя плохо. Сначала я решил, что во всем виновата жара, однако двое детишек из нашей группы уже... В общем, у них схватило животы, поэтому я сразу подумал, что, наверное, съел что-то не то за обедом. В самом деле, с каждой минутой я чувствовал себя все хуже и сказал жене, что я, пожалуй, вернусь в отель, приму что-нибудь от желудка и присоединюсь к экскурсии позже...

Миссис Дэниэлс подтвердила слова мужа величественным кивком.

– К тому времени, когда я вернулся в отель... В общем, мне было очень скверно, и я даже боялся, что не успею подняться к себе в номер.

– А где вы видели эту женщину? – перебила Стефи, которой очень хотелось, чтобы Дэниэлс перестал разглагольствовать и перешел к делу.

– Когда подошел к дверям своего номера.

– Который находится на пятом этаже, – вставил Смайлоу.

– Да, номер 5-06, – подтвердил мистер Дэниэлс. – Так вот,

пока я искал ключ, я заметил, что в коридоре кто-то стоит. Это была незнакомая мне женщина...

– Что она делала? – быстро спросил Смайлоу.

– Н-ничего... Она просто стояла лицом к двери, словно только что постучала и ждала, пока ей откроют.

– Как далеко от вас находилась эта женщина?

– Гм-м, не очень далеко. Или нет... довольно далеко. Я об этом не задумывался. Знаете, всегда чувствуешь себя очень неловко, когда вдруг встречаешься взглядом с незнакомым человеком, к тому же я чувствовал себя... Ну, сами понимаете.

– Вы не заговорили с ней?

Мистер Дэниэлс беспокойно пошевелился.

– Нет, конечно, нет. Я просто глянул на нее разок. Честно говоря, тогда я думал главным образом о том, как бы поскорее попасть в туалет...

– Но вы хорошо ее разглядели? Могли бы вы сказать, сколько ей было лет?

– Ну, она была не старая, но и не молоденькая. Примерно вашего возраста, мэм. – Он посмотрел на Стефи.

– Она была темнокожей или, может быть, азиаткой?

– Нет, мэм, нет.

– Высокая, низкая?

Мистер Дэниэлс покачал головой.

– Знаете, я как-то не обратил внимания. Впрочем, она не была ни особенно высокой, ни коротышкой, иначе бы я за-

помнил... Наверное, у нее был средний рост.

– Какого цвета были у нее волосы? – снова вступила в разговор Стефи. – Она была блондинкой?

– Не особенно.

– Не особенно? – удивился Смайлоу.

– Ну да... То есть она не была такой, как Мэрилин Монро, если вы понимаете, что я имею в виду... Но и не брюнеткой. В общем, у нее были такие волосы... обычные.

– А телосложение? Могли бы вы описать, как она была сложена?

– Она была, в общем, довольно стройной, но... Я, видите ли, не очень ее рассматривал. У меня так сильно схватило живот, что я боялся, как бы со мной не случилась авария.

– Думаю, мой муж больше ничем не может быть вам полезен, – вмешалась миссис Дэниэлс. – А если у вас появятся еще вопросы, приходите лучше завтра.

– Последний вопрос, если позволите, – остановил ее Смайлоу. – Скажите, мистер Дэниэлс, вы видели, как эта женщина вошла в номер мистера Петтиджона?

– Нет, я не видел. Я постарался как можно скорее отпереть дверь этой похожей на кредитную карточку штукой, которую нам выдали вместо ключей, и вошел к себе. – Он с беспокойством потер заросший щетиной подбородок. – Я даже не могу вам точно сказать, стучалась ли она в номер, где жил тот человек, которого убили, или в другой.

– Может быть, все-таки припомните? Мистер Петтиджон

проживал в номере «люкс», а у всех «люксов» двери слегка утоплены в стену, – сказала Стефи. – Или давайте сделаем так: мы покажем вам номер мистера Петтиджона, а вы скажете нам, та это дверь или не та.

– Я не знаю, смогу ли... Я ведь только глянул в ту сторону и сразу же отвернулся. Мне запомнилось только, что эта женщина стояла в коридоре с таким видом, словно ожидала, пока ей откроют. Вот и все...

– Вы уверены, что она собиралась войти? Может, она только что вышла?

– Может быть, так, а может быть, и эдак... Я не уверен, понимаете? – Мистер Дэниэлс явно нервничал. – Но у меня сложилось впечатление, что она хотела войти. Я мало что запомнил, потому что ничего необычного в этом не было, к тому же мне было очень плохо. Честно говоря, если бы вы не спросили, я бы, наверное, и не вспомнил, что встретил кого-то в коридоре.

Он хотел добавить что-то еще, но миссис Дэниэлс снова вмешалась, – на этот раз гораздо более решительно, – и Стефи со Смайлоу, извинившись и пожелав ее супругу скорейшего выздоровления, покинули палату.

– Потрясающе, – мрачно заметил Смайлоу, едва только они оказались в коридоре. – Теперь убийца в наших руках. Главное, найти эту женщину – не худую и не толстую, не блондинку и не брюнетку, не старую и не молодую, которая то ли входила в номер Петтиджона, то ли выходила из него.

– Я разочарована, но ничуть не удивлена, – хладнокровно ответила Стефи. – Вряд ли он был в состоянии запомнить что-либо важное, в то время как его беспокоила совсем другая проблема...

Они посмотрели друг на друга и вдруг расхохотались. В эту минуту из палаты вышла миссис Дэниэлс. Она вызвала лифт и повернулась к ним.

– Вы поедете? – спросила она, когда кабина подошла.

– Нет, пока нет, – ответила Стефи. – Нам с детективом Смайлоу необходимо обсудить кое-какие вопросы.

Она уехала, а Стефи поманила Смайлоу в холл, где они уселись в стоящие друг напротив друга кресла. Убедившись, что их никто не слышит, Смайлоу без обиняков сообщил Стефи, что делом об убийстве Петтиджона будет заниматься Хэммонд Кросс.

– Мейсон поручил расследование нашему «золотому мальчику», – сказал он, испытующе глядя на нее.

Но Стефи, даже не пытаясь скрыть своего разочарования, только спросила у него, когда он об этом узнал.

– Несколько часов назад. Шеф полиции Крейн позвонил мне и сообщил эту новость.

– Почему он это сделал?

– Крейн? Видишь ли, я просил его поговорить с Мейсоном, чтобы это дело поручили тебе.

– Спасибо, Смайлоу. – Она с горечью покачала головой. – Правда, из этого ничего не вышло, но все равно – спасибо.

Кстати, когда об этом планировалось известить меня?

– Думаю, не раньше завтрашнего утра.

Стефи задумалась. Хэммонд узнал об убийстве только от нее. Следовательно, звонок, раздавшийся, пока она была у него, был от Мейсона, сообщавшего своему любимцу, что он получит этот лакомый кусочек...

Она вздохнула. Узнать о том, что Хэммонд снова обошел ее на повороте, ей было особенно обидно еще и потому, что произошло это вскоре после их разрыва. Она потерпела двойное поражение, и теперь ей предстояло начинать все сначала.

– Дэви Петтиджон замолвила за него словечко, – заметил Смайлоу, внимательно наблюдавший за выражением ее лица.

– Как она и обещала.

– Она сказала, что ее устраивает только самое лучшее. Очевидно, она считает тебя работником второго сорта.

– Дело не в этом. Вернее – не только в этом. Дэви в любом случае предпочла бы, чтобы ее интересы представлял мужчина, а не другая женщина, каким бы блестящим юристом она ни была.

– Возможно, ты права. Дэви, несомненно, будет гораздо проще управлять мужчиной, а не женщиной. Кроме того, семьи ее и Кросса когда-то были очень дружны.

– Значит, важнее, не что ты знаешь, а кого ты знаешь. – Стефи немного подумала, потом встала с кресла и закинула

на плечо ремень своей увесистой сумки. – Что ж, если все это меня больше не касается, я, пожалуй, пойду.

– погоди! – Смайлоу нетерпеливо махнул рукой, приглашая ее снова сесть. – Мейсон бросил тебе косточку. Не забудь удивиться, когда он официально известит тебя обо всем завтра утром.

– Какую кость? – с подозрением осведомилась Стефи.

– Ты будешь помогать Хэммонду.

– Это логично. – Стефи сбросила с плеча сумку и села. – Одна голова хорошо, а две лучше, особенно в таком сложном деле. Ты только это хотел мне сказать? – спросила она, перехватив взгляд Смайлоу.

– Нет. По-видимому, твоя основная обязанность будет состоять в том, чтобы служить своего рода барьером между мной и Хэммондом и смягчать разного рода трения. Если тебе это не удастся, ты по крайней мере можешь попытаться предотвратить кровопролитие. Во всяком случае, Мейсон на это рассчитывает.

Стефи нахмурилась.

– Это его собственные слова?

– Я, конечно, передаю только общий смысл, поскольку Мейсон говорил не со мной, а с начальником полиции, но суть от этого не меняется. Впрочем, можешь не беспокоиться: до кровопролития дело вряд ли дойдет.

– Я в этом не уверена. Слишком часто вы оба были на грани того, чтобы вцепиться друг другу в глотку. Кстати, какая

кошка между вами пробежала?

– Никакая. Просто мы терпеть друг друга не можем.

– И все-таки? В чем причина столь горячей «любви» между вами?

– Это долгая история.

Стефи разочарованно вздохнула. На самом деле ей давно хотелось узнать причины их вражды. Разумеется, Хэммонд и Смайлоу были совершенно разными людьми. Холодность и замкнутость последнего отталкивали от него людей, и Стефи порой казалось, что именно этого он и добивался. Хэммонд, напротив, был обаятелен и открыт. Правда, близкую дружбу с ним было непросто заслужить, но сделаться его приятелем не составляло особого труда. Смайлоу тщательно следил за собой и был привередлив до брезгливости; обаяние же Хэммонда было врожденным и естественным. Оба закончили колледж с отличием, но если отношение сокурсников к Смайлоу всегда было ревниво-завистливым, то Хэммонда все любили и единодушно считали признанным лидером. И тот и другой относились к себе с требовательностью и стремились добиться своего во что бы то ни стало, но если к Хэммонду успех приходил легко, то Смайлоу приходилось немало потрудиться, чтобы достичь цели.

Себя Стефи всегда считала больше похожей на Смайлоу. Она понимала и разделяла его ревность к Хэммонду, не в последнюю очередь подпитывавшуюся легкомысленным отношением последнего к собственным преимуществам. Хэм-

монд никогда или почти никогда не злоупотреблял ими, больше того – откровенно подтрунивал над ними. Так он не пользовался средствами из своего наследственного фонда и жил на то, что зарабатывал. Его коттедж был отнюдь не дешевым, но на самом деле Хэммонд мог позволить себе гораздо более комфортабельное и дорогое жилище. Единственной роскошью, которую он имел в своем распоряжении, были яхта и загородный дом, однако он никогда не хвастался ни тем, ни другим.

О, насколько легче было бы питать к нему неприязнь, если бы он кичился своими талантами и своим богатством!

Вот почему знать причины столь сильной антипатии между Хэммондом и Смайлоу было не только интересно, но и полезно. Они оба представляли один и тот же Закон и часто работали ради одной и той же цели, и все же сходства между ними было гораздо меньше, чем можно было ожидать.

– Должно быть, это очень нелегко... – промолвил Смайлоу, прерывая цепь ее размышлений.

– Что именно? – удивилась Стефи.

– Постоянно соперничать с Хэммондом на профессиональном поприще и одновременно спать с ним. Или борьба за кресло Мейсона придает вашей интрижке особую остроту?

Слова Смайлоу застали Стефи врасплох, и она уставилась на детектива в немом изумлении.

– Ты хочешь спросить, как я узнал? – Смайлоу улыбнулся.

ся такой ледяной улыбкой, что ее обдало холодом. – Метод исключения, моя дорогая Стефи. Хэммонд – единственный мужчина в прокуратуре, который еще ни разу не похвастался, что сумел забраться к тебе в трусики. Я сложил два и два и получил ответ на интересующий меня вопрос. И, судя по твоему вытянувшемуся лицу, я попал в «яблочко».

Его самодовольство было поистине непереносимо, но Стефи не собиралась доставлять ему удовольствие и показывать, насколько она разозлилась и расстроилась. Вместо этого она постаралась сохранить непроницаемое выражение лица.

– Почему тебя так интересует моя личная жизнь, Смайлоу? – спросила она спокойно. – Ты что, ревнуешь? Он едва не расхохотался ей в лицо.

– Не льсти себе, Стефи.

– Пошел к черту!

– Дедукция – это мой хлеб, – продолжил он, нимало не смутившись. – И надо сказать, что, осваивая метод мистера Шерлока Холмса, я достиг заметных успехов.

– И что ты собираешься делать с этой ценной информацией дальше?

– Ничего, – ответил он, небрежно пожимая плечами. – Просто меня забавляет, что наш «золотой мальчик» не выдержал и нарушил профессиональную этику. Значит ли это, что его блестящие доспехи начинают понемногу покрываться ржавчиной?

– Ну, за то, что спишь с коллегой по работе, у нас пока не вешают, – заметила Стефи. – Но по рукам дать могут.

– Верно. Но для Хэммонда Кросса это почти смертный грех. Иначе зачем делать из этого тайну?

– Можешь успокоиться, Смайлоу, тайны больше не существует – мы расстались. Честное слово, – добавила она, перехватив его недоверчивый взгляд.

– И как давно?

Она посмотрела на часы.

– Уже два часа и двадцать минут.

– В самом деле? А когда это произошло – до того, как Мейсон поручил ему дело Петтиджона, или после?

– Одно никак не связано с другим, – парировала она. Уголок его тонких губ чуть дрогнул, но Стефи так и не поняла, была ли это улыбка или нечто другое.

– Ты в этом уверена?

– Абсолютно. Если тебя интересуют подробности, я могу добавить только, что это Хэммонд бросил меня.

– Почему?

– Он много чего говорил, но в принципе это все то же старое доброе «мы слишком разные люди», что в переводе на нормальный человеческий язык означает «ты мне надоела, мне хочется попробовать что-нибудь новенькое».

– Гм-м... И ты знаешь, кого он собирается попробовать?

– Пока нет, хотя женщины обычно прекрасно чувствуют такие вещи.

– Мужчины иногда тоже.

В этих его словах скрывалось нечто большее, чем могло показаться на первый взгляд, и Стефи пристально взглянула на детектива.

– Что-о? Уж не хочешь ли ты сказать, что наш мистер Чистые Руки влюбился? И ты знаешь – в кого?

– Простите, что прерываю вас... – раздался рядом с ними чей-то голос, и оба вздрогнули. Они так увлеклись разговором, что не заметили, как к ним подошла сиделка.

– Что вы хотели? – не особенно любезно откликнулся Смайлоу.

– Этот мужчина... – сиделка указала пальцем куда-то себе за спину, – ну, мистер Дэниэлс... Он просил посмотреть, не ушли ли вы. Когда я сказала, что вы еще здесь, он попросил позвать вас. Он говорит, что вспомнил что-то, что может вас заинтересовать...

Прежде чем она успела договорить, Смайлоу и Стефи уже бросились в палату.

Глава 12

Хэммонд еще раз заглянул в бумажку, где был записан адрес, который ему удалось выяснить еще накануне визита к Дэви.

На желтых страницах городского телефонного справочника Хэммонд обнаружил телефон доктора Ю.Э. Кэрти. Телефон совпал с номером, который он записал на обложке «Спорте иллюстрейтид», и, заглянув в справочник абонентов, Хэммонд легко установил адрес.

Откладывая справочники в сторону, он не сдержал вздоха облегчения. Таинственный доктор Кэрти был единственной ниточкой, связывавшей его с ночной гостьей. Разумеется, о том, чтобы без обиняков выяснить у доктора имя и фамилию его пациентки, не могло быть и речи, поэтому Хэммонд решил начать с разведки местности. Он поедет к дому врача, увидит все своими глазами, и, может быть, тогда ему в голову придет какая-нибудь плодотворная идея.

Несмотря на разрыв со Стефи, разговор с Дэви и убийство Петтиджона, воспоминания о женщине, с которой он встретился на ярмарке, не оставляли его ни на минуту. Прогнать их от себя Хэммонд даже не пытался – это было бесполезно. По самому складу своего характера он не терпел вопросов, на которые не знал ответов. Даже в детстве Хэммонд долго не успокаивался и тербил родителей, пока они не давали

ему удовлетворительного объяснения тому или иному явлению или факту. Эта привычка сохранилась у него и в зрелом возрасте, с той лишь разницей, что теперь ему приходилось отыскивать все ответы самому. Хэммонд не успокаивался, пока не докапывался до истины, порой – к немалому разочарованию и досаде коллег, а иногда результаты поисков огорчали и его самого.

В том, что воспоминания о таинственной незнакомке не дадут ему покоя, сомневаться не приходилось. Кто она, почему пошла с ним, какие причины побудили ее исчезнуть сразу после проведенной вместе сказочной ночи – все эти вопросы продолжали терзать его. И Хэммонд решил непременно разыскать доктора Кэрти, надеясь через него узнать хоть что-нибудь о таинственной незнакомке. Главным же образом он надеялся выяснить, не носит ли его гостья ту же фамилию, что и доктор, или, иными словами, не переспал ли он с миссис Кэрти. В этом случае, как твердо пообещал себе Хэммонд, он оставит ее в покое и не станет искать с ней встречи. Если же она – его пациентка, если она не замужем и если ему удастся выяснить ее имя и адрес...

Эти многочисленные «если» он не позволил себе даже перечислить, не говоря уже о том, чтобы мечтать на эту тему.

Приемная доктора Кэрти находилась на улице всего в нескольких кварталах от особняка Дэви, так что уже через несколько минут Хэммонд был на месте.

Этот квартал считался престижным. В городе его так и

называли – Южный Брод, и то, что доктор Кэрти открыл практику именно здесь, Хэммонда не удивило. Многие врачи, особенно специалисты, часто превращали свои дома в приемные и смотровые кабинеты, оставаясь жить в верхних этажах. Делалось это не из экономии, а потому, что такова была традиция, насчитывавшая уже больше двух веков.

Припарковав машину на улице неподалеку, Хэммонд пошел дальше пешком. Начинало темнеть. В переулке, вымощенном стершейся от времени серой брусчаткой, не было больше ни одного пешехода, и его шаги гулко отдавались в неподвижном воздухе. Несмотря на это, переулок не выглядел ни пустынным, ни зловещим; из частично скрытых листвой окон лился мягкий свет, доносились голоса и звук работающих телевизионных приемников. Все без исключения дома выглядели отремонтированными и ухоженными, и Хэммонд подумал, что доктор Кэрти должен, наверное, неплохо зарабатывать, чтобы жить в подобном окружении.

Постояв секунду, Хэммонд медленно двинулся дальше, на ходу раздумывая о том, под каким предлогом ему лучше всего обратиться к доктору. Что, если он просто подойдет к двери и позвонит? Если доктор откроет ему сам, он может притвориться, что ошибся адресом, и, извинившись, уйти.

Но если дверь откроет она... Что ему делать тогда? Наверное, тоже повернуться и уйти, чтобы никогда не возвращаться, поскольку ответ на самый главный свой вопрос он получит.

Оба этих варианта, однако, основывались на предположении, что его гостя – супруга доктора Кэрти. Только так Хэммонд мог объяснить ее поздний звонок, иначе зачем ей понадобилось звонить врачу среди ночи?!

Но когда Хэммонд нашел нужный ему номер дома и посмотрел на табличку на воротах, он изменил свое мнение. Доктор Ю.Э. Кэрти был психоаналитиком.

Значит, она все-таки могла быть его пациенткой?..

Хэммонд даже остановился, такой неожиданной и тревожной была мысль, пришедшая ему в голову. Неужели он переспал с неуравновешенной, психически больной женщиной, которая нуждалась в консультации своего психоаналитика сразу после того, как выбиралась из чьей-нибудь постели? Но ведь он не заметил никаких странностей в ее поведении! Кроме того, успокаивал себя Хэммонд, сейчас модно иметь собственного психоаналитика, и многие – не обязательно больные, а просто мнительные люди – любят обращаться к своим врачам по самому ничтожному поводу. В конце двадцатого столетия психотерапевты почти повсеместно вытеснили старших родственников, духовников и даже близких друзей. У самого Хэммонда было несколько близких знакомых, которые посещали психоаналитика каждую неделю, видя в этом единственный способ борьбы со стрессом, и он, хотя и не считал подобное положение естественным, все же не видел в этом ничего постыдного.

Хэммонд помрачнел. Он уже решил, что с миссис Кэрти

связываться не станет, следовательно, ему оставалось надеяться, что его гостыя только лечилась у доктора. Но в таком случае ему вряд ли удастся узнать что-либо о ней от ее врача. Да и как требовать у доктора информацию, если он даже не знает имени своей гостыи?

Остановившись на противоположной стороне улицы, Хэммонд обдумывал эту дилемму, внимательно разглядывая аккуратный кирпичный особняк доктора с небольшим палисадником перед ним.

В окнах было темно.

Хэммонд как раз собирался сойти с тротуара, чтобы пересечь улицу и взглянуть на дом врача с близкого расстояния, как вдруг дверь дома позади него распахнулась, и оттуда выскочила громадная собака. Она скачками понеслась к калитке, таща за собой на поводке молодого мужчину.

– Уинтроп, стой! Стоять!

Но сдержать Уинтропа было не легче, чем остановить голыми руками разогнавшийся товарный поезд. В три прыжка достигнув ограды, громадный пес поднялся на задние лапы и с силой ударил передними в калитку. Легкая ограда содрогнулась, и Хэммонд невольно попятился. Хозяин Уинтропа рассмеялся и отпер калитку.

– Извините, – сказал он, – надеюсь, старина Уинт не очень вас напугал. Вообще-то он не кусается, но если дать ему такую возможность, может зализать до смерти. С вами все в порядке, сэр? Может, вам чем-нибудь помочь?

– Я искал приемную доктора Кэрти, – пояснил Хэммонд. – Скажите, я туда попал?

– О да. – Молодой человек кивком головы указал на противоположную сторону улицы. – Вы попали именно туда.

– Понятно...

Молодой человек внимательно посмотрел на него.

– Я, видите ли, продаю бланки медицинских справок и рецептов, – поспешил объясниться Хэммонд. – Но на вывеске не написано, в какие часы принимает доктор Кэрти.

– Насколько я знаю, прием начинается с десяти часов. Впрочем, вы всегда можете позвонить и уточнить.

– Да, конечно. Наверное, мне вообще следовало сначала позвонить, прежде чем являться сюда, но я, знаете ли, понадеялся... – Хэммонд не договорил. Уинтроп принялся обнюхивать его брючину, и он отступил на шаг.

Молодой человек дернул за поводок.

– Благодарю вас. – Хэммонд вежливо поклонился. – Всего хорошего, Уинтроп.

От души надеясь, что молодой человек не узнает в нем заместителя окружного прокурора, достаточно часто обращавшегося к согражданам по телевидению, чтобы быть признанным, Хэммонд не без опаски погладил Уинтропа по голове. Потом он кивнул молодому человеку и уже собирался уйти, когда хозяин овчарки снова заговорил:

– Вообще-то она только что уехала. Вы разминувшись с ней всего на несколько минут. Хэммонд обернулся так резко,

словно его ударили хлыстом.

– «С ней»? Вы сказали – «с ней»?!

* * *

Мистер Дэниэлс избегал смотреть в глаза Стефи и Смайлоу, которые, вернувшись в палату, сели на стулья по обеим сторонам его койки. Теперь он нервничал значительно больше, чем пятнадцать минут назад, и Смайлоу догадался, что болезнь здесь ни при чем. Похоже, мистера Дэниэлса беспокоил не больной живот, а больная совесть.

– Сиделка сказала, что вы вспомнили что-то такое, что может помочь нашему расследованию, – сказал он самым нейтральным тоном.

– Может быть... – Глаза мистера Дэниэлса забежали из стороны в сторону. – Дело, видите ли, в том, что, когда я сбился с пути...

– Сбились с пути?

– Да, если можно так выразиться... – Мистер Дэниэлс затравленно покосился на Стефи. – Я имею в виду мой брак. В свое время у нас с женой возникли некоторые проблемы...

– У вас была любовница?

Смайлоу недовольно заерзал на сиденье. Он уже раскаивался, что позволил Стефи перехватить инициативу. Слова «такт» в ее словаре попросту не было, а сейчас, насколько он понимал, от них требовалась особая деликатность.

– В общем, да, – с несчастным видом пробормотал мистер Дэниэлс. – У меня была женщина... там, где я работал. Но это продолжалось недолго, совсем недолго. Я увидел, что заблуждаюсь. Вы ведь знаете, как это бывает? Это просто случается с вами, и все. А потом вы просыпаетесь однажды утром и спрашиваете себя, что, ради всего святого, с вами творится? Зачем вы это делаете? Я, например, никак не мог этого понять, ведь я любил свою жену.

Смайлоу мысленно проклинал болтливую мистера Дэниэлса, который начал свое признание так издалека. Тем не менее суровый взгляд, брошенный им на Стефи, означал, что она не должна торопиться и давить на свидетеля.

Дэниэлс как будто что-то понял из их беззвучного разговора и заторопился.

– Почему я вам это рассказываю? – промямлил он. – Дело в том, что с тех пор Лавиния очень нервничает, если я хотя бы посмотрю на другую женщину. Она или сердится, или плачет и говорит мне, что она, должно быть, мне не подходит, и все такое. Вот почему я не смог описать ту женщину подробно, пока моя жена была здесь, – продолжал мистер Дэниэлс. – Я не хотел ее расстраивать, к тому же в последнее время мы прекрасно ладим. Лавиния даже взяла в эту поездку кое-какие, гм-м... сексуальные приспособления, чтобы нам было приятнее оставаться наедине. Она, знаете ли, смотрит на эту поездку как на второй медовый месяц. В автобусе, в котором нас везде возят, конечно, не поразвлека-

ешься, но зато каждый раз, когда мы останавливаемся в гостинице, мы...

– Вы хотели рассказать нам о женщине, которую видели в коридоре отеля, – не выдержала Стефи, и улыбка, появившаяся было на лице мистера Дэниэлса, потухла.

– Если бы моя супруга узнала, что я обратил внимание и на ноги, и на фигуру этой молодой леди, – опять заторопился он, – она могла бы подумать, что я снова поглядываю на сторону. И мне пришлось бы снова расплачиваться ни за что.

– Мы прекрасно вас понимаем, – уверил его Смайлоу, натянуто улыбнувшись. – Вы поступили весьма, гм-м... разумно. Как я понял, вы все-таки можете описать ту молодую женщину, которую в субботу вечером видели в коридоре отеля?

Мистер Дэниэлс самодовольно улыбнулся.

– У вас есть где записать?..

* * *

Действуя медленно и осторожно, он помог ей снять свою старую майку с эмблемой колледжа. До этого он прикасался к ней только в темноте. Он знал, какова на ощупь ее кожа, но ему ужасно хотелось видеть, к чему он прикасается.

Ион не был разочарован. Она была обворожительна. Ему нравилось видеть, как его руки прикасаются к ее телу и как оно реагирует на его ласки. Ему нравилось, как она чуть

слышно постанывает от удовольствия, когда он целует ее.

– Тебе нравится?

– Да, очень.

Он захватил губами ее сосок и втянул в себя. Она обхватила его голову и застонала почти в полный голос.

– Больно?

– Нет, нисколько.

Но Хэммонд все равно забеспокоился, заметив красные пятна в тех местах, где он исколол ее щетиной.

– Прости, я не подумал... – Он погладил ее покрасневшую кожу кончиками пальцев.

Она опустила глаза, чтобы посмотреть, потом поднесла его пальцы к губам, поцеловала.

– Я даже не заметила.

– Прости, – повторил он.

– Это неважно.

– Но если я причинил тебе боль...

– Нет. Не причинил. Ты не стал бы... – Она обхватила его за затылок и попыталась заставить снова наклониться. Но он не поддался.

– Ты не возражаешь, если мы... – Он кивнул в направлении кровати.

– Нет.

Они легли на кровать, даже не поправив смятые простыни. Он наклонился над ней и, сжав ее лицо в ладонях, поцеловал столь страстно, что ее тело выгнулось навстречу ему.

Лотом его рука скользнула по ее груди вниз и легла на мягкий живот.

– Господи, как ты прекрасна! – выдохнул он и опустил руку еще ниже. – Ты готова?

– Да!

– Как скоро!

– О-о-о! – ахнула она.

Он приподнялся на руках, чтобы поцеловать ее снова. Это был мягкий, эротичный поцелуй, который закончился, лишь когда она, задохнувшись, отняла губы и посмотрела на него снизу вверх.

Хэммонд улыбнулся.

– Что?

– Мне так жаль... О, прости, прости меня!

– За что?

– За то, что я... За то, что ты...

Его губы снова коснулись ее рта. Совсем легко. Его шепот был тихим, но горячим:

– Не жалею, не надо.

Она уткнулась лицом в его грудь. Она целовала его и слегка покусывала зубами его кожу. Каждое прикосновение обжигало его, как расплавленный свинец, и в конце концов – сам того не замечая – он стал отзываться на ее ласки короткими стонами, исполненными наслаждения. Это и в самом деле было восхитительно и волшебно.

– Я хочу тебя, – услышал он ее страстный шепот.

– Нет, это я хочу тебя... – ответил Хэммонд, закрывая глаза.

* * *

Телефонный звонок, раздавшийся, казалось, над самым ухом, заставил Хэммонда очнуться от грез наяву. Хватая трубку, он не без смущения заметил, что возбуждился. Сколько времени заняло это путешествие в позавчера?

Хэммонд бросил взгляд на часы на приборной доске. Часы показывали, что прошло двадцать минут.

– Куда ты, черт тебя возьми, пропал?

– Сегодня ты спрашиваешь меня об этом уже во второй раз, – раздраженно бросил он. – И оба раза – одним и тем же тоном. Мне это начинает надоедать.

– Извини, но я уже несколько раз звонила тебе домой и оставила целую кучу сообщений. В конце концов мне пришлось в голову позвонить тебе на сотовый телефон. Ты в машине?

– Разумеется.

– Тогда почему не сразу ответил? Ты выходил?

– Да. – Хэммонд был уверен, что взял трубку на первом же звонке, но, очевидно, это было не так. Неужели он не слышал сигнала? – Мне надо было выпить кофе и перекусить.

– О-о-о, прости, если отрываю тебя от еды. Честно говоря, я не думала, что сегодня вечером ты куда-то поедешь.

Намек был довольно прозрачным. Стефи хотела знать, куда и зачем он отправился, но Хэммонд не собирался ей этого говорить. Времена, когда он отчитывался перед ней за каждый свой шаг, были теперь в прошлом, как и их роман.

Стефи не могла этого не понимать, но ее, вероятно, весьма уязвляло, что через считанные часы после их разрыва он сорвался с места и куда-то укатил, вместо того чтобы остаться дома и предаваться печали в одиночестве. Интересно, как бы она отреагировала, если бы узнала, что он, словно какой-нибудь маньяк, сидит в машине на темной улице и, обливаясь потом от возбуждения, грезит о другой?

Хэммонд ждал возвращения доктора Ю.Э. Кэрти. Он хотел убедиться, что она – та самая женщина, с которой он провел незабываемую ночь в своем загородном доме. Ему даже захотелось сказать об этом Стефи, но он поборол в себе это желание. Это было бы не по-мужски.

– В чем дело, Стефи? – Он вытер покрытый испариной лоб рукавом рубашки.

– Сначала ответь, почему ты не сказал мне, что Мейсон поручил тебе дело?

– Сообщать подобные вещи не входит в круг моих служебных обязанностей, Стефи.

– Это не ответ, Хэммонд.

– Спасибо тебе, Смайлоу... – вполголоса пробормотал Хэммонд, словно обращаясь к самому себе.

– Он предупредил меня как друг.

– Черта с два. Он предупредил тебя потому, что он мой враг. А теперь, может быть, ты все-таки скажешь, зачем я тебе понадобился?

– Не подозревая о том, что мне предстоит играть в этом расследовании второстепенную роль, – сказала Стефи самым сладким голосом, на какой только была способна, – я поехала со Смайлоу в больницу Руперта. И нам повезло.

– Что ты имеешь в виду?

– Один из тех, кого доставили в больницу с пищевым отравлением, кое-что вспомнил.

Впереди сверкнули фары. Какая-то машина сворачивала в переулок, где притаился в засаде Хэммонд. Он тоже завел мотор.

– Эй, Хэммонд, куда ты подевался? – раздался у него в ухе нетерпеливый голос Стефи. – Тебе что, неинтересно?

– Интересно, интересно. Говори, я слушаю... – Он выпрямился на сиденье и напряг зрение, стараясь рассмотреть приближающуюся машину.

– Он видел женщину около дверей номера Петтиджона. Собственно говоря, он не совсем уверен, был ли это тот самый «люкс», но это легко проверить. Главное...

Неизвестный автомобиль остановился напротив дома доктора Кэрти. «Она уехала с каким-то парнем в „Мерседесе“ с откидным верхом», – сказал Хэммонду хозяин Уинтропа. Эта машина тоже была открытой. Кроме водителя, на переднем сиденье был еще и пассажир.

–..Главное, – продолжала тем временем Стефи, – что после долгого рассказа о своих собственных любовных похождениях...

Хэммонд тронул машину с места и медленно поехал вперед. В переулке было так темно, что он никак не мог рассмотреть, кто сидит рядом с водителем.

–..Мистер Дэниэлс описал эту таинственную незнакомку гораздо подробнее, чем в первый раз, когда рядом с ним сидела его собственная жена.

Когда она произнесла слова «таинственная незнакомка», Хэммонд невольно вздрогнул, но постарался взять себя в руки.

– При чем тут его жена? – раздраженно спросил он. Теперь фары неизвестной машины били ему прямо в глаза, и он вообще ничего не видел. – Этот ваш мистер Дэниэлс... Он что, встретил в отеле свою прежнюю любовницу?

– Нет, ты не понял. Впрочем, я потом расскажу тебе все подробно. Главное, что он дал довольно точное описание...

Хэммонд поравнялся с неизвестной машиной. Это действительно оказался «Мерседес» с откидным верхом. За рулем сидел мужчина, которого он никогда прежде не видел. Пассажирка... Это была она, его ночная гостья! Несмотря на темноту, никаких сомнений у Хэммонда не возникло.

– Мистер Дэниэлс очень хорошо запомнил, как она выглядела: рост, фигура, цвет волос и так далее...

Но Хэммонд ее уже не слышал. Проехав на малой ско-

рости мимо стоящего у тротуара «Мерседеса», он впился взглядом в боковое зеркало заднего вида и увидел, как мужчина опустил руку на плечи пассажирке и заставил повернуться к себе. Их губы почти соприкасались...

Хэммонд так резко нажал на газ, что покрышки протестующе взвизгнули. В следующее мгновение он резко свернул за угол, едва не протаранив ехавший по соседней улице джип.

То, что он только что совершил, было глупой, мальчишеской выходкой, но что-то в этом роде ему было необходимо. Хэммонд должен был разрядиться. Лучше всего, конечно, было бы что-нибудь сломать, как вариант – можно было обругать последними ми словами Стефи, которая, захлебываясь от восторга, продолжала что-то вещать ему прямо в ухо.

– Так и сделай, – неожиданно сказал он, прервав ее на середине фразы.

– Сделать – что? – удивилась Стефи.

Хэммонд не знал, что ответить. Он не слышал ее последних слов, но признаваться в этом ему не хотелось. Хэммонд так резко нажал на газ, что покрышки протестующе взвизгнули. Ее голос заглушил шум крови, бросившейся ему в голову. Часть ее слов все же достигла сознания Хэммонда, в то время как остальные утонули в могучем первобытном желании выскочить из машины и задушить водителя «Мерседеса» на месте.

Теперь ему необходимо было что-то сделать, совершить какой-то решительный поступок, чтобы вернуть себе уве-

ренность в том, что он все еще способен контролировать ход событий. Иначе он просто взорвется. И Хэммонд сказал резко:

– Я хочу, чтобы завтра утром вы пригласили к этому человеку художника. Нашего полицейского художника. Пусть сделает со слов свидетеля несколько набросков и попробует составить фоторобот. Это необходимо сделать как можно скорее...

– Но, Хэммонд, уже поздно. Мы сможем связаться с полицейским художником только завтра утром, когда он придет на службу...

Хэммонд машинально посмотрел на часы. Он просидел в своем автомобиле почти четыре часа, подстерегая доктора Кэрти и предаваясь сексуальным фантазиям. Но доктор Кэрти вернулась домой в обществе другого мужчины.

– Я знаю, сколько сейчас времени, – ответил он. – Но экстренные обстоятельства позволяют...

– Ну, не знаю, – с сомнением произнесла Стефи. – Дело в том, что...

– В какой палате лежит этот... свидетель? – перебил ее Хэммонд.

– Мистер Дэниэлс? Зачем тебе?

– Я хочу сам поговорить с ним.

– В этом нет никакой необходимости. Мы со Смайлоу допрашивали его достаточно долго. Кроме того, завтра утром мистер Дэниэлс выписывается...

– Тем более нужно торопиться. Встретимся в больнице завтра в семь тридцать утра. И захватите с собой полицейского художника, пусть для этого его даже придется разбудить.

Понедельник

Глава 13

На следующий день в семь тридцать утра Хэммонд входил в больницу, держа в одной руке кейс, а в другой – утренний выпуск «Пост энд курьер». Остановившись у стойки регистрации, он уточнил номер палаты Джона Дэниэлса, который так и не получил от Стефи. Кроме того, он задержался у торгового автомата, чтобы купить чашку кофе. Памятуя о том, что на сегодня была обещана очень жаркая погода, Хэммонд оставил пиджак в машине, оставшись в галстуке и строгой белой сорочке с короткими рукавами. Держался он по-военному прямо, а лицо его было мрачным, как грозовая туча.

Когда он поднялся в палату, остальные уже были там, и Хэммонд сдержанно кивнул с порога сначала Смайлоу и Стефи, потом лежащему в кровати пожилому мужчине и еще одной женщине в полицейской форме.

Он сразу заметил, что глаза у Стефи припухли и покраснели, словно она совсем не спала. Тем не менее именно она взялась представить ему сначала свидетеля, потом – женщину-капрала Мэри Эндикотт.

– Ты должен ее помнить, Хэммонд, – добавила Стефи. – Когда-то мы с ней уже работали.

Хэммонд поставил на стул кейс, пожал руку полицейской художнице и повернулся к Джону Дэниэлсу, который, лежа в постели,пил жиденький чай и отщипывал крошечные кусочки от лежавшей на подносе булки, – Мне очень жаль, – начал Хэммонд, – что ваш визит в наш город оказался омрачен столь печальным инцидентом. Надеюсь, сегодня вам уже лучше?

Джон Дэниэлс кивнул.

– Намного лучше, э-э-э... мистер Кросс. По крайней мере, я чувствую себя в состоянии выбраться отсюда. Врач обещал выписать меня сегодня, так что, если возможно, давайте покончим с этим делом до того, как за мной приедет жена.

– Ну, насколько быстро мы справимся с этим делом, будет зависеть от вас. – Хэммонд улыбнулся профессиональной улыбкой. – Капрал Эндикотт – отличный специалист. Вам нужно только поточнее описать женщину, которую вы видели в тот день в коридоре. По вашему описанию мы попробуем составить ее портрет.

Дэниэлс беспокойно пошевелился.

– Скажите, мистер Кросс, мне придется давать показания в суде? Я имею в виду, если вы поймаете ту молодую леди и она окажется убийцей... Должен ли я буду подтвердить свои показания под присягой?

– Эта возможность не исключена, – ответил Хэммонд, слегка наклонив голову. Джон Дэниэлс с несчастным видом вздохнул.

– Что ж, если до этого дойдет, я исполню свой гражданский долг. – Он пожал плечами. – Может быть, начнем?

– Сначала я хотел бы выслушать ваш рассказ, – возразил Хэммонд.

– Мистер Дэниэлс пересказывал нам свою историю уже несколько раз, – вмешался Смайлоу. – Я не думаю, что вам удастся узнать что-нибудь новое.

До этого момента Смайлоу, открывший рот только для того, чтобы ответить Хэммонду на его «доброе утро», был молчалив и неподвижен, словно игуана, греющаяся на солнце-пеке. Сама его поза свидетельствовала о полной погруженности в благодушную дремоту, однако и в этом спокойствии Хэммонду чудилась затаенная угроза. Смайлоу как будто подстерегал добычу.

Впрочем, Хэммонд тут же подумал, что пришедшее ему на ум сравнение с ящерицей объяснялось скорее всего сильнейшей антипатией, которую он испытывал к этому человеку. Кроме того, этим он, пожалуй, оскорбил безобидных рептилий. Уж если сравнивать Смайлоу с кем-нибудь из них, то, пожалуй, гораздо более точной была бы аналогия с затаившейся в засаде змеей.

Сегодня Смайлоу тоже оделся как на парад. На дорогом сером костюме не было ни единой складки, сорочка накрахмалена до такой степени, что об нее можно было играть в пристенок, узел галстука туго завязан. Взгляд его был ясным, лицо – умытым и свежим, и Хэммонд, который полночи во-

рочался с боку на бок, невольно позавидовал его цветущему внешнему виду.

– Как скажете, детектив, – кивнул он. – Это ваше расследование.

– Вот именно.

– И все же в качестве любезности...

– Вы сами не проявили достаточной готовности к сотрудничеству, когда организовали сегодняшнюю встречу, не проконсультировавшись со мной, – отрезал Смайлоу. – Вы говорите, что это мое расследование, но ведете себя так, словно оно находится целиком в вашей компетенции. Ваши слова расходятся с делами. Кросс.

Смайлоу явно нарывался на ссору, но Хэммонд не соби-рался ему отвечать, хотя в это утро он и сам был настроен не слишком миролюбиво.

– В тот день, когда был убит Петтиджон, я уезжал из города, поэтому сейчас мне необходимо наверстывать упущенное, – сказал он, сдержав резкие слова, вертевшиеся у него на языке. – Разумеется, я прочел газетные отчеты, но, насколько я вас знаю, детектив, вы никогда не выкладываете журналистам все детали. Их-то мне и хотелось узнать.

– Со временем я введу вас в курс дела.

– Почему не сейчас?

– О'кей, достаточно. Брек! – вмешалась Стефи, втискиваясь между ними. – Не так уж и важно, кто организовал сегодняшнюю встречу, не так ли? На самом деле, Хэммонд, ко-

гда вчера вечером я дозвонилась до Смайлоу, он уже вызвал капрала Эндикотт. Не так ли, Мэри?

Женщина-полицейский подтвердила эти слова кивком головы.

– Видите, вы зря спорите! – с торжеством объявила Стефи. – Формально инициатива принадлежит детективу Смайлоу, но, в конце концов, это действительно его расследование. И оно останется таковым до тех пор, пока не настанет пора передать дело прокуратуре, верно? Ну а то, что Хэммонд тоже подумал о необходимости пригласить к свидетелю художника, говорит лишь о том, что вы оба – настоящие профессионалы. Дилетанту с этим делом, да еще в одиночку, не справиться.

– Что ты предлагаешь? – с иронией осведомился Смайлоу.

– Я предлагаю перестать препираться и поскорее начать, чтобы не задерживать нашего свидетеля дольше, чем необходимо. Мистер Дэниэлс уже сказал нам, что торопится, так что давайте работать. Что касается меня, то я совсем не против выслушать его показания еще раз.

Смайлоу неохотно кивнул, и Джон Дэниэлс снова рассказал, как в субботу вечером он почувствовал себя плохо и, вернувшись в отель, заметил в коридоре незнакомую, но весьма привлекательную женщину.

Когда он закончил, Хэммонд поинтересовался, не видел ли он в коридоре кого-нибудь еще.

– В коридоре пятого этажа? – уточнил Дэниэлс. – Нет, сэр,

не видел. В коридоре были только я и та леди. Впрочем, мне понадобилось всего секунд пятнадцать-двадцать, чтобы дойти от лифта до номера и открыть дверь.

– А в лифте вы поднимались один?

– Да, сэр.

– Благодарю вас, мистер Дэниэлс. Я весьма признателен вам за то, что вы повторили ваши показания ради меня.

Не обращая внимания на насмешливый взгляд Смайлоу, Хэммонд отошел к окну со своим чуть теплым кофе, уступая место Мэри Эндикотт. Смайлоу вышел с сотовым телефоном в коридор, чтобы сделать несколько звонков. Лишь Стефи, перегнувшись через плечо полицейской художницы, внимательно следила за вопросами и ответами свидетеля. В конце концов она подошла к Хэммонду.

– Любуешься? – спросила она, поглядев за окно на ясное голубое небо и освещенные солнцем кроны деревьев. Хэммонд кивнул.

– Ты сегодня что-то не очень разговорчив.

– Я почти не спал. Никак не мог уснуть.

– Любопытно, почему?

В ее вопросе скрывался вполне конкретный подтекст, и Хэммонд пожал плечами:

– Просто так.

– Бесчувственный чурбан! Пришел его черед удивляться.

– Почему? – не понял Хэммонд.

– А так!.. После того, что произошло между нами, ты мог

бы по крайней мере напиться с горя. Может быть, после пятой рюмки ты бы и передумал...

Хэммонд улыбнулся, но взгляд его остался серьезным.

– У нас не было другого выхода, Стефи. Ты знаешь это так же хорошо, как и я.

– В особенности в свете решения, которое принял Мейсон.

– Это было его решение, а не мое.

– Я знаю, что у меня не было ни полшанса получить это дело. Мейсон всегда благоволил к тебе. Это ни для кого не тайна.

– Это важное дело, а я старше тебя по должности. Из коридора вернулся Смайлоу.

– Любопытно, – сказал он. – Я только что звонил одному из моих сотрудников. Я поручил ему разузнать, не слышал ли кто из постояльцев соседних номеров, чтобы Петтиджон с кем-нибудь ссорился. Никто не заметил ничего подозрительного...

– Но есть одно «но»... – пробормотала Стефи, внимательно поглядев на него. – Ведь есть, а, Смайлоу? Он кивнул.

– Есть. В субботу во второй половине дня Сара Берч ездила за продуктами в торговый центр. Она просила мясника нарубить ей свиных отбивных для воскресного ужина, но тот был занят, и вместо того, чтобы подождать, Сара ушла, пообещав вернуться позднее. По словам мясника, ее не было что-то около часа и вернулась она нагруженная другими про-

дуктами. Следовательно, все это время она провела в торговых рядах и домой не заезжала. А это, в свою очередь, означает, что она солгала, когда сказала, что всю вторую половину дня провела в особняке.

– Если она скрыла от нас такую мелочь, как поездку в торговый центр, значит, у нее были на то причины. Уж не кроется ли здесь что-то более важное?

– Эта поездка за продуктами вовсе не мелочь, – жестко сказал Смайлоу. – Все дело во времени. Мясник хорошо помнит, что за отбивными Сара Берч явилась незадолго до окончания его рабочей смены, между шестью и шестью тридцатью.

– А это, в свою очередь, означает, что на рынок Сара приехала около пяти, – принялась раздумывать вслух Стефи. – Именно в это время кто-то замочил Петтиджона. А ведь супермаркет находится всего в двух кварталах от отеля! Проклятье! Неужели все так просто?

– Нет, – неохотно сказал Смайлоу. – Ведь мистер Дэниэлс показывает, что женщина, которую он видел в коридоре, не была цветной. В отличие от Сары Берч.

– Но она может просто выгораживать хозяйку! – не сдавалась Стефи.

– Женщина, которую мистер Дэниэлс видел в коридоре, не была блондинкой, – напомнил Смайлоу. – А Дэви Петтиджон – яркая блондинка, по крайней мере – в нынешнем образе.

Предположение, что Сара Берч готова солгать ради сво-

ей хозяйки, не удивило Хэммонда и не вызвало у него внутреннего протеста. Что ему не понравилось, так это злобный комментарий Стефи. Кроме того, он был серьезно обеспокоен тем, что алиби Дэви оказалось не таким уж «железным», как она пыталась его уверить.

– Дэви не стала бы убивать Люта, – неожиданно громко заявил он, и Смайлоу и Стефи дружно повернулись в его сторону.

– Да, не стала бы, – повторил он, твердо встретив их удивленные взгляды. – У нее нет для этого причин.

– Ревность и деньги... – пробормотала Стефи. – Разве этого недостаточно? Хэммонд отрицательно покачал головой.

– У нее тоже были любовники, так что ревновать Люта она бы не стала. Что касается денег, то их у нее едва ли не больше, чем у Люта.

– Денег никогда не бывает слишком много, – возразила Стефи. – Нет, Хэммонд, что бы ты ни говорил, я не могу просто так взять и вычеркнуть нашу веселую вдову из списка подозреваемых. Слишком уж много тут совпадений. Мотивы преступления налицо, возможность совершить его – тоже...

Хэммонд снова покачал головой и, не ответив на последнюю реплику Стефи, подошел к койке мистера Дэниэлса. На одеяле и на стуле рядом лежало несколько раскрытых альбомов со множеством глаз, ртов, носов и ушей, но, бросив взгляд на блокнот, он увидел, что они никак не могут разобраться с формой лица.

Капрал Эндикотт быстро перелистывала страницы, но Дэниэлс качал головой.

– Не то, не то... Вот, это уже похоже... Когда они наконец добрались до глаз и бровей, Хэммонд вернулся к Стефи и Смайлоу.

– А как насчет бывших компаньонов Петтиджона? – спросил он у детектива.

– Разумеется, мы их опросили, – с холодной вежливостью ответил Смайлоу. – Конечно, я имею в виду не тех, кто сидит в тюрьме и, следовательно, имеет неопровержимое алиби.

Хэммонд кивнул. В свое время он сам помогал отправить некоторых из этих дельцов за решетку. Лют Петтиджон слишком часто нарушал правила, подходя порой вплотную к той границе, за которой его ожидал арест, но никогда ее не пересекал. Для него, как подозревал Хэммонд, это была своего рода игра, но если играть в «кошки-мышки» с законом было относительно безопасно, то с некоторыми из его компаньонов подобные штуки не проходили. «Уж не попытался ли Лют за то, что попытался вырвать жирный кусок из пасти одной из тех акул, которые почти никогда не поднимаются на поверхность?» – подумал он с беспокойством.

– Один из последних проектов Петтиджона имел отношение к острову неподалеку от побережья, – сообщил тем временем Смайлоу, многозначительно поглядев на Хэммонда.

Стефи фыркнула.

– И что в этом такого особенного?

– Много чего. Остров Спарккл расположен всего в полутора милях от берега, но, по странному стечению обстоятельств, до сих пор не приобщился, так сказать, к цивилизации. В настоящее время там проживает несколько десятков негритянских семей, которые мирно возделывают свои сады и огороды. Формально остров входит в состав города, но фактически это просто заброшенный негритянский поселок. Почти деревня. И прямо напротив делового центра Чарлстона.

Стефи присвистнула.

– Этого достаточно, чтобы Петтиджон начал рыть землю. В прямом и в переносном смысле.

Смайлоу кивнул.

– Он действительно предпринял целый ряд довольно рискованных шагов и в конце концов создал акционерную компанию по благоустройству и эксплуатации острова, хотя ни на одном из учредительных документов вы его имени не найдете. Не исключено, что какие-то договора все же существуют, и мы постараемся их раскопать. Очень постараемся, – с нажимом повторил он, глядя на Хэммонда.

Хэммонд почувствовал, как у него упало сердце. Смэйлоу не сообщил ему ничего нового; о проекте Петтиджона он знал гораздо больше, чем ему хотелось знать.

Примерно полгода назад генеральный прокурор Южной Каролины поручил ему произвести тайное расследование той бурной деятельности, которую Петтиджон развил в связи

с опубликованными в печати планами благоустройства острова Спаркл (а может быть, сами эти планы явились результатом его деятельности – тогда это было не известно никому из официальных лиц). Занимаясь этим делом, Хэммонд сделал несколько открытий, которые сильно его встревожили, но главным, что повергло его в состояние, близкое к самому настоящему ужасу, было то, что в списке компаньонов фирмы Петтиджона он обнаружил имя своего отца. Сообщать об этом Смайлоу он не собирался, по крайней мере, до тех пор, пока не будет выявлена какая-либо связь между убийством Петтиджона и его намерением прибрать к рукам остров Спаркл, но детектив, похоже, обладал собственными источниками информации. Или был очень близок к этому.

– Ты думаешь, кто-то из компаньонов Петтиджона мог за что-то ему отомстить? – уточнила Стефи.

– Не исключено, – кивнул Смайлоу. – Трудность, однако, в том, что круг повседневного общения Петтиджона составляли очень влиятельные лица: финансисты, промышленники, государственные чиновники всех уровней и всех рангов. Это обстоятельство существенно ограничивает мою свободу маневра, но я буду продолжать копать, чего бы это ни стоило.

Услышав эти слова, Хэммонд снова почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Что-то, а «копать» Смайлоу умел, поэтому можно было не сомневаться, что рано или поздно он наткнется на имя Престона Кросса, которое лежало в земле, словно зарытое пиратами сокровище. И тогда...

Мысленно Хэммонд проклял отца за то, что он поставил его в такое положение, понимая, что очень скоро ему, возможно, придется выбирать между лояльностью семье и долгом. Грязные делишки Кросса-старшего уже сейчас могли стоить ему карьеры: Хэммонд знал, что если у него отнимут дело Петтиджона, то с надеждой выиграть выборы и сесть в прокурорское кресло ему придется распрощаться. Отец подвел его, и Хэммонд боялся, что никогда не сможет простить ему этого.

Не зная, куда себя девать от беспокойства, Хэммонд бросил еще один взгляд в сторону свидетеля. Похоже, дела у Мэри Эндикотт потихоньку двигались.

– Какие у нее были волосы? – спрашивала художница. – Короткие? Длинные?

– Примерно такие, – отвечал Джон Дэниэлс, показывая на свое плечо.

– Очень хорошо. Не заметили ли вы у нее челки?

– На лбу, вы хотите сказать? Нет. По-моему, она зачесывала волосы назад.

– Прекрасно. Волосы прямые или волнистые?

– Скорее волнистые. Они были такие... пушистые.

– То есть волосы были распущены?

– Пожалуй, да. Я, знаете ли, не очень разбираюсь в прическах.

– Пролистайте этот каталог. Есть здесь похожая прическа? Джон Дэниэлс нахмурился и бросил незаметный взгляд на

часы, но все же взял в руки журнал модных причесок и стал переворачивать страницы.

– Какого цвета они были? – допытывалась тем временем Эндикотт.

– Такие... рыжеватые. Ну, не как морковка, конечно... Скорее, коричневатые с красноватым отливом.

При этих словах Дэниэлса Хэммонд почувствовал, как какая-то сила буквально потянула его к кровати.

– Золотисто-каштановые?

– Точно! – обрадовался свидетель и прищелкнул пальцами. – Именно! Я знал, что этот оттенок имеет свое название, но оно как-то выскочило у меня из головы.

Быстро двигая карандашом по бумаге, капрал Эндикотт набрасывала в своем блокноте лицо за лицом. Ширк, ширк, ширк – шуршал по бумаге грифель.

– Ну-ка, взгляните на это, – предложила она, протягивая Дэниэлсу свою работу.

– Ого, здорово! – восхитился тот. – Очень похоже, мэм, только у той леди были такие локоны вокруг лица.

– Такие?

– Точно! У нее была именно такая прическа.

– Превосходно. Теперь займемся губами. – Отложив в сторону журнал с прическами, художница взяла со стула каталог с изображением самых разных женских ртов. – Что вы можете сказать о ее губах, мистер Дэниэлс?

– Что она пользовалась помадой! – выпалил свидетель, и

Эндикотт улыбнулась.

– Значит, вы обратили внимание на ее губы? – уточнила она, и Дэниэлс метнул на дверь затравленный взгляд, словно боялся увидеть там жену с кочергой в руке.

– Да. Они были примерно такими. – Он указал на один из стандартных рисунков. – Только нижняя губа была чуточку полнее.

Эндикотт взглянула на рисунок и быстро воспроизвела его в своем блокноте.

– Когда она смотрела на меня, мне показалось, что она улыбается, – добавил Дэниэлс, внимательно следивший за движениями ее карандаша.

– Вы видели ее зубы? – быстро спросила Эндикотт.

– Нет, она улыбалась, как улыбаются хорошо воспитанные люди. К примеру, когда оказываются вдвоем в лифте...

«Или когда их глаза внезапно встречаются в полутемном ресторане...» – пронеслось в мозгу Хэммонда, который никак не мог собраться с силами и взглянуть на лицо в блокноте Эндикотт, постепенно обретавшее индивидуальные и так хорошо знакомые ему черты. Он хотел даже закрыть глаза, хотя и знал, что это вряд ли поможет. Это лицо стояло перед его мысленным взором постоянно.

– Вот так? – Капрал Эндикотт развернула блокнот таким образом, чтобы Дэниэлсу было удобнее смотреть.

– Будь я проклят! – выдохнул член церковного хора. – Это она!..

Быстрый взгляд убедил Хэммонда, что Дэниэлс не ошибся. Это действительно была она.

К счастью для него, Смайлоу и Стефи были увлечены разговором и не заметили, как изменилось его лицо. Впрочем, Хэммонд постарался как можно скорее справиться с собой, поскольку негромкое восклицание свидетеля все же привлекло к себе их внимание. Они приблизились к койке, и Хэммонд слегка посторонился, давая Стефи место.

– Это не совсем точный портрет, но очень похоже, – уверил их Дэниэлс.

– Вы не заметили никаких особых примет, скажем, шрамов или пигментных пятен? «У нее была родинка на щеке», – вспомнил Хэммонд.

– Кажется, у нее на щеке было что-то вроде небольшой родинки, но это совсем ее не портило, – ответил Дэниэлс. – На щеке, прямо под глазом.

– Не припомните... – начала Стефи.

–..Под каким глазом? – закончил за нее Смайлоу. «Под правым».

– Под левым... Нет, дайте-ка сообразить. Она стояла лицом ко мне, значит... Под правым. Точно – под правым! – Дэниэлс улыбнулся, явно гордясь собой.

– Вы не обратили внимания на ее глаза? Какого они были цвета?

– Нет. Боюсь, что нет.

«Темно-зеленые с желтовато-коричневыми крапинками.

Широко расставленные. Ресницы густые, темные...»

– Вы говорили, что она была достаточно высокой. Не могли бы вы сказать поточнее?

«Примерно пять футов и шесть дюймов», – припомнил Хэммонд.

Дэниэлс покачал головой.

– Она была повыше вас, мэм, – сказал он, глядя на Стефи. – Но ниже, чем мистер Смайлоу.

– Во мне пять футов и десять дюймов, – подсказал тот.

– Значит, примерно пять футов и шесть-семь дюймов, – заключила Стефи.

– Да, пожалуй, – согласился Дэниэлс.

– А вес?

«Сто пятнадцать фунтов».

– Не знаю, она показалась мне довольно худой.

– Сто тридцать? – наугад предположил Смайлоу.

– Пожалуй, даже меньше. Сто двадцать, я бы сказал.

– Вы не помните, во что она была одета? – снова вступила Стефи. – В платье? «В юбку».

– Либо в короткую юбку, либо в шорты, – сказал свидетель. – Я уверен, потому что я, знаете ли, обратил внимание на ее ноги. – Дэниэлс неловко усмехнулся. – Ну и какая-то майка, что ли... Этого я не запомнил.

«Белая короткая юбка. Коричневый трикотажный топик и такой же кардиган. Коричневые сандалии на ремешках. Бежевый кружевной лифчик с передней застежкой и такие же

трусики».

Эндикотт начала собирать свои блокноты и прочие принадлежности, запихивая их как попало в большую кожаную сумку. Готовый портрет она отдала Смайлоу, который быстро глянул на него и наклонился, чтобы пожать руку мистеру Дэниэлсу.

– Большое спасибо, сэр, – сказал он. – У нас есть ваш мейконский телефон, так что в случае необходимости мы свяжемся с вами там. Впрочем, надеюсь, что этого не понадобится. Еще раз спасибо.

– Я присоединяюсь к моему коллеге, – добавила Стефи и, улыбнувшись свидетелю, тоже направилась к выходу. Хэммонд же не нашел в себе сил что-либо сказать, поэтому просто кивнул мистеру Дэниэлсу на прощание.

В коридоре Стефи и Смайлоу поблагодарили капрала Эндикотт за отличную работу, а когда она уехала на лифте, прошли в холл, чтобы как следует рассмотреть составленный со слов свидетеля портрет и поздравить друг друга с удачей.

– Значит, вот она какая – наша таинственная незнакомка, – проговорил Смайлоу. – Она не похожа на убийцу.

– А как выглядят убийцы? – парировала Стефи.

– Хорошее замечание, Стефи. Очко в твою пользу. Стефи усмехнулась.

– Теперь я по крайней мере понимаю, почему наш мистер Дэниэлс не захотел описывать ее в присутствии жены. Несмотря на расстройство желудка, он, несомненно, в глу-

бине души все же хотел ее. Разве иначе он припомнил бы столько мелких деталей, включая родинку под правым глазом?

– Согласись все же, что лицо у этой леди весьма и весьма неординарное.

– Это ничего не значит, – сказала Стефи с неожиданной резкостью в голосе. – Я видела честных людей с неприятными, даже отталкивающими физиономиями, и убийц с лицами ангелов. Ее будут судить за то, что она сделала или не сделала, а не за то, что у нее запоминающееся лицо. Смазливая мордашка не означает, что она не могла нажать на спусковой крючок. Не правда ли, Хэммонд? – Стефи повернулась к нему. – Господи, Хэм, что это с тобой?!

Хэммонд вздрогнул. Он чувствовал себя чуть ли не на грани обморока и, должно быть, выглядел соответственно, если Стефи это заметила.

– Здесь паршивый кофе, – нашелся он и виновато улыбнулся. По-видимому, такой ответ удовлетворил Стефи, поскольку она снова повернулась к детективу:

– Отлично, Смайлоу, тебе остается только разыскать эту красотку. Жаль, что мы не знаем ее имени. «Ее зовут доктор Ю. Э. Кэрти...»

Глава 14

Временная штаб-квартира прокурорской службы располагалась в Северном Чарлстоне. Это было неказистое двухэтажное здание, со всех сторон окруженное складами, мелкооптовыми магазинчиками и ремонтными мастерскими. Прежнее здание прокуратуры в деловом центре Чарлстона все еще ремонтировалось. Оно и так было довольно старым, а ураган Хьюго совершенно его доконал, сделав не только непригодным для эксплуатации, но и небезопасным.

Из центра города до новой штаб-квартиры можно было добраться за десять минут, но Хэммонду показалось, что он преодолел это расстояние за считанные секунды. Погруженный в собственные мысли, он вел машину совершенно автоматически и очнулся только на служебной стоянке напротив пекарни.

Выйдя из машины, он вошел в подъезд и, миновав охранника у рамки металлоискателя, поднялся на второй этаж, где находилась прокуратура округа. Прежде чем войти в свой кабинет, он велел секретарше ни с кем его не соединять и никого к нему не пускать.

– Но, мистер Кросс... – начала было секретарша, но он отмахнулся.

– Я все утрясу потом, – сказал он быстро. – А пока пусть меня не беспокоят.

Войдя в кабинет, он захлопнул дверь и, швырнув кейс и пиджак на стол, где дожидалась его очередная куча бумаг, с размаху бросился в свое высокое кожаное кресло.

Этого просто не может быть, думал он, прижимая кончики пальцев к вискам. Должно быть, он спит и видит дурной сон, но скоро он проснется на мокрых от пота простынях и, прислушиваясь к сумасшедшему стуку сердца, поймет, что спал и что теперь кошмар кончился.

Но кошмар продолжался. И он оказался в самом его центре. Никаких сомнений у него не оставалось – капрал Эндикотт нарисовала именно его незнакомку, если только у нее не было сестры-близнеца, что было весьма маловероятно.

Чтобы успокоиться, он стал перебирать в уме известные ему факты, но факты были неутешительными. Именно эта женщина провела ночь в его постели, и это случилось через несколько часов после того, как ее видели в непосредственной близости от места преступления. Первой его мыслью было, что это простое совпадение, но Хэммонд слишком давно работал в прокуратуре, чтобы знать: таких совпадений не бывает, во всяком случае на практике, хотя теория их и допускала. Следовательно, она была каким-то образом связана с Лютом Петтиджоном.

Но что это могла быть за связь, он не знал. Больше того, Хэммонду вовсе не хотелось этого знать.

Он с силой потер лицо ладонями, потом подпер подбородок кулаками и, глядя в пространство перед собой, попытал-

ся привести свои мысли в некоторое подобие порядка, но ему мешало сделать это нарисованное капралом Эндикотт лицо, которое стояло перед ним, как живое.

Несомненно, это была та самая женщина, с которой он провел ночь с субботы на воскресенье. Хэммонд не сомневался в этом – он просто не мог забыть ее лицо так скоро. С самого начала оно поразило его своей неординарной красотой, и впоследствии он провел несколько часов, разглядывая его, любуясь им, целуя его.

– Откуда это у тебя? – спросил он, касаясь кончиком пальца небольшой выпуклой родинки у нее под глазом.

– Ты имеешь в виду мою бородавку?

– Родинку, – поправил он. – Она тебя только украшает.

– Спасибо.

– Не за что.

– Когда я была моложе, я ее просто ненавидела. Но теперь, должна признаться, она мне нравится.

– Я тебя понимаю. Если бы ты знала, как она нравится мне. Он поцеловал ее в щеку, коснувшись родинки кончиком языка.

– Гм-м... как жаль...

– Жаль чего?

– Что у меня больше нет родинок.

Ее лицо он знал теперь как свое. Даже лучше, чем свое. Несмотря на очевидное сходство, портрет, нарисованный полицейской художницей, был лишь плоским, черно-белым

рисунком, ни в малейшей степени не отражавшим ни характера, ни души этой женщины. И все же даже это двухмерное изображение не оставляло никаких сомнений в том, что доктор Кэрти побывала возле номера убитого – если не в нем самом – незадолго до того, как в ресторане ее «подцепил» некий незнакомец, по странному стечению обстоятельств оказавшийся специальным помощником окружного прокурора, который по случайности еще более странной сам побывал у Петтиджона в день убийства.

Спрашивается, кто кого «подцепил»?

Хэммонд нервно провел рукой по волосам, почти готовый уступить отчаянию и растерянности, которые вдруг навалились на него. Что ему теперь делать? Как быть?

Больше всего на свете ему хотелось потихоньку выйти из кабинета, сесть в машину и уехать из Чарлстона – спрятаться, затаиться, пока этот кошмарный узел проблем не разрешится сам собой. Все, что угодно, лишь бы избавиться от скандала, от лавины домыслов и необоснованных обвинений, которая накроет его с головой, как только станет известна правда.

Что и говорить, соблазн был велик, и какой-нибудь слабый человек на его месте давно бы так и поступил, но Хэммонд всегда считал себя слепленным из другого теста. Он не был бесчувственным истуканом, которому все до лампочки, и воспринимал боль, стыд, неловкость так же остро, как и обычные люди, но врожденное чувство ответственности не

позволяло Хэммонду сдаться так легко. Сбежать он не мог, как не мог обрести крылья.

Поэтому, взяв себя в руки, он попытался продолжить анализ ситуации. Установив для себя тот факт, что его гостья имеет отношение к смерти Люта Петтиджона, Хэммонд подумал о причинах, заставивших ее скрыть от него свое имя. Несомненно, кокетство здесь было ни при чем, хотя поначалу он именно так и подумал.

– Имена не имеют никакого особенного значения, не так ли? Во всяком случае, когда встречаются два приятных друг другу человека, – сказала она, и Хэммонд с ней согласился. Он даже процитировал несколько строк из «Ромео и Джульетты», которые помнил еще со времен учебы в старшем классе.

– «Что в имени тебе моем?..» – начал он с пафосом, принимая приличествующую случаю театральную позу. Она внимательно выслушала его и сказала:

– Неплохо, неплохо... Ты никогда не думал о том, чтобы это опубликовать?

– Думал, – вздохнул он. – Но сомневаюсь, что это можно будет продать.

Они еще несколько раз шутили подобным образом: он спрашивал ее имя, а она, смеясь, отказывалась отвечать, но все это было не всерьез. Имена им действительно были не нужны. Анонимность была приманкой, еще одним дополнительным соблазном, возбуждавшим их фантазию и прида-

вавшим приключению дополнительную остроту. Хэммонд, во всяком случае, не видел в этом ничего дурного.

Но как теперь выяснилось, Юджин Кэрти знала его имя, знала с самого начала. И встреча их была неслучайной. Юджин зашла в этот ресторан вовсе не потому, что ей захотелось потанцевать. Все было запланировано таким образом, чтобы наверняка скомпрометировать либо самого Хэммонда, либо прокуратуру в целом.

Как будут развиваться события дальше, он даже представить себе не мог. Одно было ясно: того, что он уже совершил, более чем достаточно, чтобы погубить его карьеру. Любой, даже слабый намек на скандал, и он может попрощаться и с делом Петтиджона, и с надеждой в ближайшее время занять кресло прокурора округа.

Склонившись к столу, Хэммонд снова закрыл лицо руками. «Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой», – подумалось ему. Расхожее клише, однако оно подходило к случаю как нельзя лучше. Фантастический вечер с самой прекрасной женщиной, какую он когда-либо встречал, обернулся ловушкой, и теперь он барахтался в силках, петли которых затягивались все туже и туже.

Каким же он был идиотом, что не заметил подвоха! Не было никакого смысла обвинять во всем Юджин или Петтиджона, если, паче чаяния, доктор Кэрти была его союзницей. Это его собственная глупость и неосторожность привели к тому, что он угодил в капкан обеими ногами. И ведь улов-

ка-то была самая старая и самая примитивная из всех, которые человечество когда-либо знало – нужно было ослепнуть, чтобы ее не заметить.

Однако справедливости ради стоило признать, что ловушка, в которую он попал, была, при всем прочем, одной из самых надежных. На протяжении всей истории похоть не раз разрушала империи и ниспровергала богов. Секс был приманкой эффективной и безотказной, и, как теперь выяснилось, Хэммонд оказался ничем не лучше королей и героев, готовых отдать все царство или последнюю кольчугу за одну ночь с приглянувшейся красавицей.

Ах, если бы дело было только в глупости! Но ведь если воспользоваться сухим языком юридических уложений, речь шла, как минимум, о «препятствованию правосудию». И Хэммонд понимал это, как никто другой.

Тогда почему он не признался Смайлоу и Стефи, что знает женщину, которую Эндикотт нарисовала в своем блокноте?

Потому, объяснил он себе сейчас, что Юджин Кэрти могла быть ни в чем не виновата. Кроме того, этот Джон Дэниэлс мог ошибиться, например – после близкого знакомства с «Джеком Дэниэлсом». Даже если он действительно видел Юджин в отеле, вопрос времени оставался решающим. Хэммонд точно знал, во сколько она появилась в ресторане. Учитывая расстояние, которое ей необходимо было преодолеть, чтобы попасть туда, – плюс неизбежные в это время суток пробки на улицах, – получалось, что она должна была вый-

ти из отеля не позднее семнадцати пятнадцати. И если коронер установит, что смерть Петтиджона наступила после этого срока, у Юджин будет алиби.

«Неплохая мысль, Кросс, – подумал он. – Жаль, она не пришла тебе в голову раньше».

И все же Хэммонд знал, что ни при каких обстоятельствах не назвал бы Смайлоу имени Юджин Кэрти.

Он понял это, еще когда, бросив взгляд на незаконченный портрет в блокноте Мэри Эндикотт, с замиранием сердца узнал свою таинственную гостью. Одного воспоминания об этом бесконечно прекрасном лице, которое он видел так близко, на соседней подушке, оказалось достаточно, чтобы принять решение. Он не опознает ее и не назовет ее имени, пока... Пока что? Хэммонд и сам этого не знал, как не знал в точности, зачем и почему он это делает, ради чего нарушает все правила и принципы, которые прежде считал фундаментом своего бытия. Больше всего его, однако, пугало, что это нарушение было вполне сознательным. Он преднамеренно скрыл важную информацию, имевшую непосредственное отношение к расследованию убийства, и последствия подобного поступка могли быть более чем серьезными.

И тем не менее он вовсе не собирался бежать к Смайлоу или Стефи с саморазоблачением.

Кто-то громко постучал в дверь кабинета. Прежде чем Хэммонд успел поднять голову, дверь отворилась, в кабинет вошел – почти ворвался – его отец, и гневные слова замерли

на кончике языка Хэммонда.

– Доброе утро, Хэммонд!

«Проклятье! – подумал он. – Его мне только не хватало!»

Каждый раз в присутствии отца Хэммонд невольно старался подтянуться, мысленно производя своего рода полную инспекцию собственной боеготовности. Как он выглядит? Достаточно ли он собран и внимателен? Соответствует ли его внешний облик той высокой должности, которую он занимает? Впрочем, он надеялся, что сегодня отец не станет рассматривать его слишком пристально.

– Привет, па. – Хэммонд встал, и они пожали друг другу руки через стол. Если Престон когда-то и обнимал его, то это было так давно, что он этого не помнил.

Хэммонд взял со стола пиджак и повесил его в стенной шкаф. Поставив кейс на пол, он пригласил отца сесть в единственное во всей комнате гостевое кресло.

Престон Кросс был значительно более низким и коренастым, чем сын, однако недостаток роста несколько не влиял на впечатление, какое он обычно производил на людей, как в толпе, так и при встрече один на один. Его от природы слегка красноватое лицо выглядело обветренным и загорелым благодаря регулярному пребыванию на открытом воздухе, ибо Кросс-старший любил гольф, теннис и парусный спорт. Когда ему исполнилось пятьдесят, его волосы поседели все сразу, словно по команде, что также добавило ему импозантности. От природы энергичный и деятельный, он никогда не

позволял себе выглядеть суевливым, и это, как правило, тоже производило благоприятное впечатление на тех, с кем он общался.

Насколько было известно Хэммонду, за всю свою жизнь его отец не болел ни дня, считая это проявлением слабости. Курить он бросил лет пятнадцать назад, но до сих пор его иногда можно было видеть с сигарой в зубах, что было чистой декорацией. Забота о собственном здоровье, однако, не мешала Кроссу-старшему выпивать по три бурбона ежедневно; кроме того, он не садился обедать без бокала аперитива, что, по его глубокому убеждению, способствовало лучшему пищеварению. На сон грядущий Простой тоже выпивал пару рюмок бренди, однако алкоголиком он не был. Кажется, его кипучая энергия способна справиться со всеми разрушениями, которые производил алкоголь в его организме. В свои шестьдесят с лишним он действительно был значительно здоровее и крепче, чем большинство тридцатилетних мужчин. Женщины до сих пор были от него без ума, мужчин же он покорял силой своего характера и напором.

И в профессиональной деятельности, и в личной жизни Престон Кросс был человеком решительным, и возражать ему осмеливались немногие. Тридцать лет назад он объединил три мелкие фирмы, занимавшиеся медицинским страхованием, в одну большую. Под энергичным руководством Престона Кросса новообразованная компания росла как на дрожжах и теперь могла похвастаться двумя дюжинами фи-

лиалов как на территории штата, так и за его пределами. Официально Престон Кросс давно ушел в отставку, однако должность почетного председателя совета директоров основанной им фирмы была отнюдь не формальной. До сих пор он внимательно следил за всеми делами вплоть до цены закупавшихся для клерков шариковых ручек, и ни одна мелочь не ускользала от его внимания.

Кроме этого, Престон Кросс участвовал в работе множества общественных комитетов и комиссий. Он и миссис Кросс возглавляли списки приглашенных, даже когда речь шла о простом благотворительном приеме, что, разумеется, обходилось ежегодно в кругленькую сумму, зато Престон Кросс лично знал большинство людей, обладавших хотя бы мало-мальским влиянием и властью.

Хэммонду хотелось бы любить своего отца, восхищаться и уважать, но для этого он слишком хорошо знал, на какие темные дела употребляет свои таланты Кросс-старший.

Свой визит отец Хэммонда начал со слов: «Я помчался к тебе, как только освободился», – и Хэммонд облился холодным потом. Как мог его отец так быстро пронюхать о том, как он прокололся с Юджин Кэрти?

– Что ты имеешь в виду? – осторожно спросил он.

– Как – что?! – удивился Престон. – Разумеется, то, что ты будешь вести дело об убийстве Люта Петтиджона! Хэммонд постарался скрыть испытанное им облегчение.

– Это действительно так, – согласился он.

– Мне было бы приятнее услышать эти новости от тебя, – упрекнул его отец.

– Я просто не успел, па, – возразил Хэммонд – Мейсон объявит мне об этом только вчера вечером. Но отец его не слышал.

– Да, от тебя, – повторил он. – Но мне рассказал об этом близкий друг, который завтракал с Мейсоном сегодня утром. Он упомянул об этом вскользь, полагая, что мне уже все известно. Ты понимаешь, в какое положение ты меня поставил?

– На выходные я уезжал в мой загородный дом, – терпеливо пояснил Хэммонд. – Об убийстве Петтиджона я узнал только вчера вечером, когда вернулся. А потом... потом произошло еще – много всего, я просто закрутился. Извини...

Престон Кросс стряхнул невидимую пылинку со своих безупречно отглаженных брюк.

– Надеюсь, ты понимаешь, что это для тебя значит? Суд привлечет всеобщее внимание. Ты должен использовать это, Хэммонд! – Престон нацелился на него своим коротким и толстым указательным пальцем, потом поднял руку вверх и совершил ею хватательное движение, словно поймал на лету муху. – Используй прессу на всю катушку, сынок. Пусть твое имя звучит по всем каналам. Пусть избиратели узнают, кто ты такой и что собой представляешь. Я называю это саморекламой, но в этом нет ничего стыдного или недостойного. Это твой шанс, Хэммонд!

– Мой шанс заключается в том, чтобы добиться осуждения преступника. Моя речь в суде должна говорить сама за себя – в этом случае мне не понадобится помощь газет и телевидения.

Престон Кросс нетерпеливо взмахнул рукой.

– Большинству совершенно наплевать, как ты справишься с расследованием, – сказал он. – Людям все равно, отправится ли преступник в тюрьму, получит ли смертельный укол или выйдет на свободу.

– Зато мне не все равно, – с горячностью возразил Хэммонд. – И людям тоже должно быть не все равно. Престон рассмеялся.

– Я помню, было такое время, когда общественность очень интересовалась тем, насколько хорошо справляются со своими обязанностями представители власти. Но теперь людей больше волнует, как выглядят их избранники на экране телевизора. Я уверен, что большинство жителей округа имеет самое приблизительное представление о том, чем занимается окружная прокуратура.

– Возможно, ты в чем-то прав. Но когда преступность начинает расти, тем же самым людям становится не все равно, насколько эффективно справляются со своими обязанностями полиция, прокуратура и суды.

– Это ты хорошо сказал! – восхитился Престон. – Не забудь произнести эту фразу, когда тебя позовут выступать на телевидение. Очень важно заранее приготовить несколь-

ко способных успокоить общественное мнение лозунгов и убойных цитат, которые подхватят все газеты. – Он откинулся на спинку кресла. – Навешай репортерам побольше лапши на уши, сынок, пообещай им несколько сенсационных разоблачений, и они – твои. Когда они просят сделать заявление, не ленись – скажи им хотя бы пару слов, пусть это даже будет совершеннейшая глупость.

Ты и сам удивишься, когда увидишь, что в самых банальных словах репортеры способны отыскать смысл, который они будут использовать до тех пор, пока ты не бросишь им еще одну кость. Очень скоро ты будешь выступать в прямом эфире, Хэммонд. Не теряйся, пользуйся этим, пока есть возможность. – Он подмигнул. – Пусть тебя сначала выберут, а уж потом ты будешь делать все, что твоей душеньке угодно.

– Что, если меня не выберут?

– А что может этому помешать?

– Остров Спаркл.

Название острова должно было произвести эффект разорвавшейся бомбы, но Престон даже глазом не моргнул.

– Где это? – спросил он с показным недоумением.

– Ты отлично знаешь, о чем я, – парировал Хэммонд, даже не пытаясь скрыть свой гнев. – Ты можешь и дальше отрицать это – у тебя, кстати, это прекрасно получается, – но я знаю, что ты просто-напросто лжешь.

– Выбирай выражения, Хэммонд! Ты все-таки разговариваешь не с кем-нибудь, а со своим отцом.

– С отцом?! – Хэммонд выскочил из-за стола и, засунув руки в карманы, прошелся по кабинету из угла в угол. – Я не ребенок, отец. Я – заместитель прокурора округа по особым поручениям, и я отлично знаю, что ты – мошенник.

Красное от загара и виски лицо Кросса-старшего сделалось багровым.

– Интересно, что такого вы знаете, мистер Умник?

– Я знаю, что, если детектив Смайлоу или кто-нибудь еще пронюхает о твоей причастности к проекту Петтиджона, это обойдется тебе в кругленькую сумму. Возможно, ты даже окажешься в тюрьме. Для меня же это будет означать конец карьеры, если только я не соглашусь стать обвинителем собственного отца. Надеюсь, теперь тебе понятно, в какое положение поставили меня ваши с Петтиджоном дела?

– Расслабься, Хэммонд. Тебе совершенно не о чем беспокоиться. Я не имею никакого отношения к острову Спаркл.

Хэммонд с сомнением покачал головой, не зная, верить отцу или нет. Лицо Престона Кросса было спокойным, и даже взгляд не выдавал ни тревоги, ни страха, однако это ровным счетом ничего не значило. В случае необходимости его отец превращался в гениального актера, если только это было ему выгодно.

– С каких это пор? – спросил он наконец.

– Уже несколько недель.

– А почему Петтиджон об этом не знал?

– Разумеется, он знал и даже уговаривал меня не уходить

из проекта. Но я все же ушел и, естественно, отозвал все свои капиталы. По-моему, это его серьезно разозлило.

Хэммонд почувствовал, как от стыда его лицо покрывается краской. Когда в субботу он приехал к Петтиджону для серьезного разговора, тот сказал, что его отец увяз в этом проекте по уши. И не просто сказал, но и показал подписанные Престоном Кроссом документы, из которых следовало, что он является едва ли не самым крупным акционером новообразованной компании. Но, может быть, Петтиджон затеял какую-то свою игру?

– Один из вас врет, – процедил Хэммонд сквозь зубы.

– Когда ты разговаривал с Лютом? – уточнил Престон, но Хэммонд пропустил этот вопрос мимо ушей. Ответить честно он все равно не мог, а лгать ему не хотелось.

– Выйдя из предприятия, ты продал свою долю с прибылью? – поинтересовался он холодно.

– Я был бы глупцом, если бы не сделал этого. Нашелся один покупатель, который очень хотел влезть в это предприятие и готов был заплатить столько, сколько я просил. Удалили по рукам, и я передал ему свои акции.

Хэммонд почувствовал приступ дурноты.

– Не так уж важно, участвуешь ты в этом проекте или уже нет. Достаточно того, что ты был к нему причастен. Этим ты запятнал и себя, и меня.

– По-моему, ты слишком волнуешься, Хэммонд. Уверю тебя, все не так страшно, как тебе кажется.

– Если когда-нибудь правда выплывет наружу... Престон пожал плечами.

– Что ж, тогда я расскажу, как все было. Расскажу честно и откровенно.

– Что именно ты расскажешь?

– Что я понятия не имел, какую аферу затеял Лют. Когда я догадался, в чем дело, я вышел из дела.

– Ты, я вижу, давно все обдумал.

– Это верно. Ты же меня знаешь, сын, – у меня на все ситуации жизни есть несколько резервных вариантов.

Хэммонд мрачно посмотрел на отца. Тот как будто специально дразнил его, но поддаваться на эту провокацию он не собирался. Престон всегда оставлял себе несколько путей для отступления, и Петтиджон наверняка об этом знал. И все равно Престон был нужен ему – нужен не как крупный инвестор, а как отец помощника окружного прокурора.

Несомненно, Петтиджон рассчитывал манипулировать им через отца.

– Мой тебе совет, Хэммонд, – говорил тем временем Престон Кросс, развалясь в кресле, – не горячись и не спеши говорить ни «да», ни «нет». Первым делом позаботься о том, чтобы подготовить пути для отхода, и тогда ты сможешь выйти чистеньким из любой передраги. Это я тебе говорю, сынок, а мне ты можешь доверять.

– И это – твой совет своему единственному сыну? Наплевать на принципы и заниматься только собой?

– Принципами сыт не будешь, – отрезал Престон. – Ты знаешь правила игры, Хэммонд. Не я их устанавливал, но, даже если они тебе не нравятся, тебе придется им следовать, иначе будешь вечно плестись в хвосте и глотать пыль из-под копыт тех, кто не так кичится своей неподкупностью и честностью.

Хэммонд вздохнул. Эту песню он слышал уже не один раз. Когда он достаточно подрос, чтобы усомниться в непогрешимости отца и решиться обсуждать некоторые моральные принципы, которые исповедовал Кросс-старший, выяснилось, что их взгляды на хорошее и плохое существенно разнятся. Это развело их окончательно, и с тех пор их споры оканчивались вничью, ибо ни один не хотел уступить другому.

Теперь, когда Хэммонд своими глазами видел письменные доказательства участия отца в грязных аферах Петтиджона, он еще лучше понимал, насколько сильно различаются их взгляды. Что бы ни говорил ему теперь Престон, он не мог не догадываться, что затевается на острове, но муки совести не имели никакого отношения к его решению продать свою долю. Просто он увидел отличную возможность заработать неплохой процент на вложенный капитал и поспешил ею воспользоваться.

Что ж, похоже, за прошедшие годы пропасть между ними стала еще шире, и Хэммонд не видел никакого способа перекинуть через нее хотя бы самый узкий и шаткий мост.

– Извини, па, у меня через пять минут важная встреча, – солгал он, выходя из-за стола. – Поцелуй от меня маму, а я постараюсь позвонить ей вечером.

– Вечером она и еще несколько друзей будут у Дэви, – напомнил Престон.

– Я уверен, Дэви оценит этот знак внимания, – заметил Хэммонд, вспоминая, с какой насмешкой Дэви Петтиджон говорила о толпах сочувствующих и готовых разделить с ней горе.

У дверей кабинета Престон обернулся.

– Я никогда не скрывал, что я чувствовал, когда ты ушел из адвокатской фирмы, – сказал он.

– Напротив, ты ясно дал мне понять, что я совершаю ошибку, – отозвался Хэммонд. – Но я буду стоять на своем, па. Мне нравится моя работа, к тому же я с ней неплохо справляюсь.

– Да, при поддержке Монро Мейсона ты сделал блестящую карьеру.

– Спасибо, па.

Но его благодарность не была искренней. Отцовский комплимент не согрел Хэммонду сердца, поскольку он уже давно не дорожил его мнением, к тому же каждую похвалу Престон дополнял обесценивавшим ее комментарием.

«Мне нравятся эти пятерки в твоём табеле, Хэммонд. Но четверку с плюсом по химии ты должен исправить».

«Лошадь, на которую ты поставил в этом забеге, выиграла.

Жаль, тебе не хватило пороху сыграть „тройной экспресс“ – мог бы заработать в десять раз больше».

«Ты второй по успеваемости на курсе, сын? Это отличная новость, но было бы еще лучше, если бы ты стал первым!»

И это продолжалось на протяжении всей его жизни. Всегда находилось какое-то «но», которое портило все удовольствие от достигнутого, и сегодня Престон тоже не изменил своему обычаю.

– Я уважаю твое решение, Хэммонд, но тебе еще предстоит доказать его правильность. Стань боссом, и я соглашусь, что ты не зря оставил работу в преуспевающей адвокатской конторе.

Кросс-старший похлопал сына по плечу, но это фальшивое проявление отцовской привязанности лишь еще сильнее огорчило Хэммонда. Он уже забыл или, по крайней мере, старался забыть об их споре, но Престон ему напомнил.

– Это дело поможет тебе подняться на высшую ступеньку карьеры, сын, – сказал он. – Если ты с ним справишься, перед тобой будут открыты все двери.

– Что, если из-за твоих проделок я пролечу на выборах прокурора округа?

– Этого не случится, Хэммонд, можешь быть спокоен.

– Но если все-таки случится, – заметил Хэммонд, – вот смешно-то будет!..

По понедельникам доктор Юджин Кэрти не принимала пациентов.

Свободное время она обычно использовала на то, чтобы привести в порядок свои записи и личные дела. Но сегодняшний понедельник был особенным. Сегодня ей предстояло расплатиться с Бобби Тримблом и наконец избавиться от него, как она надеялась – навсегда. Так они договорились вчера. Она даст ему, что он просит, а он исчезнет из ее жизни.

Впрочем, Юджин по опыту знала, что полагаться на слово Бобби не стоит. Открывая дверь своего кабинета, она невольно задумалась о том, сколько еще раз ей придется доставать из сейфа наличные. Юджин подозревала, что много, и эта перспектива не казалась ей привлекательной, несмотря на всю свою реальность. Теперь, когда Бобби разыскал ее, он вряд ли оставит ее в покое.

Но вид прекрасно обставленной комнаты напомнил Юджин о том, что она потеряет, если Бобби разоблачит ее.

Сдвинув в сторону морской пейзаж, загораживавший встроенный в стену сейф, Юджин быстро набрала цифровой код и, услышав щелчок, нажала на ручку и отворила тяжелую дверцу. На верхней полке сейфа лежало несколько пачек банкнот, рассортированных по номиналу. Хранить деньги

дома было не особенно благоразумно, однако Юджин, зная в детстве и голод, и нужду, любила держать наличные под рукой. Так ей было спокойнее, хотя она и понимала, что эта привычка – глупая и небезопасная.

Впрочем, сейчас Юджин была рада, что деньги оказались здесь, а не в банке. «Все-таки, – подумала она, – на случай чрезвычайных обстоятельств полезно иметь дома наличные».

Отсчитав заранее оговоренную сумму, она уложила деньги в небольшую визитку на «молнии» и заперла сейф. Потом взвесила визитку в руке. Она показалась Юджин очень тяжелой, и не потому, что там было много денег (хотя и поэтому тоже), а потому, что в этой сумке воплотилось для нее слишком многое.

Нахлынувшая ненависть к Бобби Тримблу даже испугала Юджин. И дело было не в том, что ей предстояло расстаться со значительной суммой честно заработанных денег. Юджин с радостью заплатила бы ему вдвое, втрое больше, если бы это означало, что она никогда больше его не увидит. Не деньги беспокоили Юджин, а бесцеремонное вмешательство в ее жизнь, которую она сама для себя создала и в которую допускала немногих.

Всего две недели минуло с тех пор, как Бобби неожиданно – как чертик из табакерки – материализовался на пороге ее дома. Не подозревая, что ее ждет, она открыла дверь и увидела его.

Юджин узнала его не сразу. И Бобби действительно сильно изменился, во всяком случае – внешне. Вместо вульгарных тряпок, в которые он обожал одеваться, на нем был теперь дорогой костюм. На висках серебрилась легкая седина, которая только украсила бы любого другого мужчину, но Бобби она почему-то придавала зловещий вид, словно из мелкого мерзавца он вырос в большого негодяя.

Бобби сардонически улыбался, и эта знакомая ухмылка помогла ей узнать его. Юджин потратила несколько лет, пытаясь забыть этот злорадный, торжествующий оскал, но не смогла. Ей не помогли ни пролитые ею в одиночестве реки слез, ни бесчисленные сеансы психотерапии, ни аутотренинг. В отчаянии она молила бога помочь ей, и лишь в последнее время ухмыляющееся лицо Бобби стало являться ей реже, чем прежде, – во всяком случае, уже почти год она не просыпалась по ночам, дрожа от отвращения и ужаса.

– Откуда ты взялся? – Собственный голос неожиданно отозвался в голове Юджин погребальным звоном. Неожиданное появление Бобби не предвещало ничего хорошего. Он никогда не приносил ей ничего, кроме неприятностей, а теперь – если учесть все происшедшие в его внешности перемены – Юджин ждала настоящая катастрофа.

– Ты, похоже, совсем не рада видеть меня. – Ухмылка Бобби стала еще шире.

– Как ты меня нашел?

– Ты права, это действительно было нелегко, – ответил

он с самодовольным смешком, и Юджин подумала, что его голос тоже изменился. Он стал более спокойным, звучным, и в нем больше не прорывался гнусавый южный выговор. – Если бы я не знал тебя как следует, я бы мог подумать, что ты специально пряталась от меня все эти годы. Мне удалось напасть на твой след чисто случайно.

Юджин не знала, верить ему или нет. Возможно, он действительно нашел ее чисто случайно, но могло быть и наоборот. Бобби был хитер, изобретателен и упрям, он мог выслеживать ее без усталости буквально годами. Впрочем, подумалось ей, сейчас уже неважно, как он ее нашел. Главное, он был здесь, у дверей ее дома, и одного этого было достаточно, чтобы в ее душе с новой силой ожили самые мрачные воспоминания и худшие страхи.

– Я не желаю иметь с тобой никаких дел. Бобби театральным жестом прижал обе ладони к сердцу, притворяясь, что ее слова больно его ранили.

– О, как ты жестока! – простонал он. – И ты говоришь это после всего, что мы друг для друга сделали?

– Именно поэтому, Бобби.

Его лицо потемнело от гнева. Очевидно, Юджин вела себя не совсем так, как он рассчитывал. В юности она действительно не смела ему возразить, но теперь... Теперь она обязана бороться.

– Кто старое помянет, тому глаз вон, так, что ли? – быстро сказал он. – Разве ты не знаешь, что у этой поговорки есть

продолжение? Кто старое забудет, тому оба вон. Значит, ты хочешь посчитаться, кто кому что сделал? Неужели ты не помнишь, что именно я...

– Что тебе надо? – перебила Юджин. – Кроме денег, разумеется. Я знаю, что тебе нужны деньги.

– Не спешите с выводами, доктор Кэрти. Не вы одна преуспели в жизни. С тех пор, как мы виделись в последний раз, я тоже кое-чего достиг.

Он принялся рассказывать ей о своей карьере конференсье в ночном клубе. Очень скоро Юджин поняла, что не в состоянии больше слушать его похвальбу.

– Через пятнадцать минут ко мне должен приехать пациент, – сказала она, воспользовавшись тем, что Бобби остановился, чтобы перевести дух. – Говори, что тебе надо, и убирайся.

Она надеялась, что ей удастся откупиться от него, но Бобби, похоже, всерьез вознамерился собрать на руках «большой флеш». Отмахнувшись от нее, он с гордостью поведал ей об «одном любопытном дельце», которое привело его в Чарлстон.

– Ты спятил, – без обиняков заявила Юджин, когда он закончил.

– Берегись, Юджин, – ответил он с пугающей мягкостью в голосе. – Я уже не тот симпатичный парень, каким был когда-то. За эти годы я здорово поумнел.

– Тогда ты должен понимать, что я тебе не нужна, – ска-

зала она, с трудом обуздывая страх. Но в его плане для нее тоже нашлась важная роль.

– От тебя зависит успех всего предприятия, – сказал он. Когда Бобби рассказал ей, что она должна сделать, Юджин ответила:

– Ты бредишь, Бобби. И вообще, если ты считаешь, что я готова посвятить тебе весь день, ты глубоко ошибаешься. Уходи. Уходи и не возвращайся больше.

Но он вернулся. Вернулся на следующий же день. И еще через день. На протяжении недели он появлялся у нее на пороге, мешая ей работать с пациентами и оставляя для нее длиннейшие послания, которые раз от раза становились все более угрожающими. Очень скоро Юджин стало ясно, что Бобби снова присосался к ней наподобие червя-паразита, каким он был всегда.

В конце концов она согласилась встретиться с ним. Бобби решил, что она сдалась, поэтому, когда она снова отказалась участвовать в его афере, пришел в настоящую ярость.

Выслушав его, Юджин сказала, изо всех сил стараясь сохранить самообладание:

– А ты нисколько не изменился, Бобби. Ты стал лучше одеваться, ты говоришь почти без акцента, но на самом деле ты как был мелкой уличной шпаной, такой шпаной и остался. Под этим внешним лоском скрывается все тот же Бобби Тримбл.

Это разъярило его еще больше; в приступе гнева Бобби

сорвал со стены один из ее дипломов в деревянной рамочке и с такой силой бросил об пол, что стекло разлетелось в пыль.

– Слушай, ты!.. – прошипел он своим мерзким голосом. – Я даю тебе еще один шанс. Либо ты передумаешь и окажешь мне эту маленькую услугу, о которой я тебя прошу, либо ты очень и очень пожалеешь. Я сломаю тебе жизнь. Ты лишишься всего, что у тебя есть. Ты снова окажешься по уши в грязи, и рядом с тобой уже не будет Бобби, чтобы вытащить тебя оттуда.

И Юджин поняла, что он может это сделать. На самом деле может. Значит, она ошиблась, и Бобби уже не был мелкой шпаной. Он был по-настоящему опасен, во всяком случае – для нее.

Через день она согласилась. Согласилась сыграть свою роль в его «маленьком спектакле», но только потому, что ей удалось изобрести действенный и безопасный способ расстроить его планы.

Она упустила из виду только одно. То, что у Бобби никогда ничего не получалось так, как он задумывал. Этот раз тоже не стал исключением, хотя он и утверждал, что «поумнел». С самого начала все пошло наперекосяк.

Даже не пошло – полетело под откос, кувырком, все быстрее и быстрее, и ей так и не удалось применить свой собственный план. В результате ей осталось только одно – развязаться с Бобби, сделать так, чтобы никто и никогда не видел их вместе, чтобы никто никогда не связал ее с ним.

За это она готова была заплатить ему столько денег, сколько он просит. Это была просто пустячная жертва по сравнению с тем, что она теряла, если бы кто-то узнал правду о ней и Бобби.

Убедив себя, что ее решение оправданно и что иного выхода у нее нет, Юджин вышла из приемной, тщательно заперев за собой дверь. В ту же секунду в дверь позвонили, и она с отвращением подумала, что Бобби тут как тут. Сунув визитку с деньгами в щель между стоявшим в прихожей массивным зеркалом и вешалкой для платья, она вышла на веранду и отворила входную дверь.

Но это оказался вовсе не Бобби. На крыльце стояли двое полицейских в форме и мужчина в штатском с холодными глазами и тонким, не улыбающимся ртом. Встретив взгляд этих странных глаз, Юджин внутренне затрепетала. Она-то знала, что привело к ней копов. Ее жизнь снова шла псу под хвост.

– Чем могу быть полезна? – спросила она, стараясь за любовью скрыть свою тревогу.

– Это вы – доктор Кэрти?

– Да.

– Я – детектив-сержант Рори Смайлоу из управления полиции Чарлстона. Я хотел бы побеседовать с вами по поводу убийства мистера Люта Петтиджона.

– Люта Пет...? Боюсь, я не знаю, кто это такой.

– В день, когда его убили, вас видели в коридоре гости-

ницы напротив его номера. Поэтому, доктор Кэрти, не стоит зря тратить время и притворяться, будто вы не понимаете, о чем я говорю.

Юджин и Смайлоу обменялись оценивающими взглядами. Юджин не выдержала первой и опустила глаза.

– Проходите, – сказала она, отступая в сторону.

– Я надеялся, что вы согласитесь проехать с нами. Юджин нервно сглотнула, хотя во рту у ней было сухо.

– Я хочу позвонить моему адвокату.

– В этом нет необходимости. Вас не арестовывают, а приглашают для беседы.

Юджин выразительно поглядела на двух сопровождавших детектива полицейских в форме:

– Да?

Губы Смайлоу чуть заметно дрогнули.

– Вам придется очень потрудиться, чтобы убедить меня в своей непричастности к этому делу, если даже для простой беседы вам необходим адвокат.

– Я вам не верю, детектив Смайлоу, – парировала Юджин, и Смайлоу слегка попятился, застигнутый врасплох ее прямотой. – Я поеду с вами, как только свяжусь с адвокатом.

Глава 15

В своем кабинете в полицейском управлении Рори Смайлоу сразу сел на угол своего рабочего стола, который – в отличие от большинства столов в отделе по расследованию убийств – был аккуратнейшим образом прибран. Папки с подшитыми в них текущими бумагами были сложены в стопку, из стакана торчало несколько остро заточенных карандашей, пустые бланки были убраны в ящики и заперты на ключ. Ботинки, которые Смайлоу еще утром начистил у Смитти, отражали свет ламп дневного света. Несмотря на жару, детектив остался в пиджаке, на лбу его не было заметно ни малейших признаков испарины. Юджин Кэрти сидела у стола, сложив руки на коленях и изящно скрестив ноги, и Смайлоу невольно подумал, что она держится на редкость спокойно для человека, который ни в чем не виноват.

Вот уже полчаса они ждали адвоката Юджин, который обещал приехать как можно скорее. Все это время Смайлоу внимательно следил за Юджин, но это беззастенчивое разглядывание, казалось, не производило на нее ни малейшего впечатления. Она не проявляла ни нетерпения, ни нервозности, ни страха, что было достаточно необычно само по себе, поскольку, как считал Смайлоу, оказавшись в полиции, тряситься и потеть начинают даже святые. Она же лишь терпеливо сносила неудобства и даже не пыталась протестовать,

хотя у практикующего врача-психотерапевта вряд ли могло быть много свободного времени.

Наконец явился адвокат. Фрэнк Перкинс был одет как для гольфа, только вместо шиповок на нем были лаковые туфли. Он выглядел запыхавшимся и слегка взъерошенным, и лицо у него было виноватым. Прямо с порога он начал извиняться:

– Прошу прощения за опоздание, Юджин, но, когда ты позвонила, я был на десятой лунке. Пришлось все бросить и лететь... – Он повернулся к Смайлоу:

– Какие у полиции претензии к моей клиентке, Рори?

Смайлоу слегка наклонил голову. Фрэнк Перкинс был блестящим адвокатом, выигравшим несколько крупных дел. Кроме того, он пользовался репутацией честного и порядочного человека, что, строго говоря, являлось для успешного адвоката весьма редким качеством.

Глядя на него, Смайлоу невольно задумался, случайно или нет Юджин Кэрти заручилась поддержкой столь опытного юриста, услуги которого, вероятно, обходились ей недешево.

С этого он и начал беседу, поинтересовавшись, какие услуги Фрэнк Перкинс оказывал ей в прошлом. Вопрос прозвучал откровенно двусмысленно, и Перкинс мгновенно отреагировал:

– Можешь не отвечать, Юджин. Но если ты не против, я могу ответить сам.

– Я не возражаю, – кивнула Юджин.

– До сегодняшнего дня, – отчеканил адвокат, повернувшись к Смайлоу, – я и мисс Кэрти были просто хорошими знакомыми. Мы познакомились несколько лет назад, когда мисс Кэрти и моя жена вместе работали в общественном комитете по подготовке фестиваля искусств. Впоследствии я предложил ей обращаться ко мне, если у нее возникнет нужда в юридической помощи, и мисс Кэрти согласилась.

– Следовательно, вам неизвестно, были ли у мисс Кэрти столкновения с законом раньше? – уточнил Смайлоу.

– Держитесь ближе к делу, Смайлоу, – ответил адвокат сухим, профессиональным тоном, который был так хорошо известен судьям и прокурорам. – Что вы хотели узнать у моей клиентки?

– Я хотел допросить мисс Кэрти в связи с убийством Люта Петтиджона. Фрэнка Перкинса трудно было заставить врасплох, но сейчас у него откровенно отвисла челюсть.

– Ты что, шутишь?! – воскликнул он, позабыв свое профессиональное «вы».

– К несчастью, нет, – ответила вместо Смайлоу Юджин. – Детектив не шутит, поэтому, Фрэнк, я весьма благодарна тебе за то, что ты приехал. Мне очень жаль, что из-за меня тебе пришлось прервать партию в гольф, но, как видишь, дело действительно важное. Кстати, ты выигрывал?

– Более или менее, – отозвался адвокат, который никак не мог оправиться от неожиданности.

– Тогда прости еще раз. – Она бросила быстрый взгляд в

сторону Смайлоу и добавила:

– Все это так нелепо и глупо... Мы все зря тратим здесь время, поэтому я хотела бы поскорее покончить с этой формальностью.

С этими словами Юджин кивнула Смайлоу, словно давая ему сигнал начинать. Детектив тотчас включил диктофон и, назвав время, дату и имена присутствующих, задал первый вопрос:

– Доктор Кэрти, служащий муниципальной автостоянки на Ист-Бей-стрит опознал вас по фотороботу, сделанному полицейским художником. Поскольку стоянка не оборудована автоматическим счетчиком, служащий записывает номер каждой машины и время, когда она прибыла на стоянку...

К несчастью для Смайлоу, время, когда машина покидала стоянку, никак не фиксировалось, а плата взималась сразу по въезде. Чтобы поставить машину на стоянку на время не свыше двух часов, владелец автомобиля платил служащему пять долларов. Дополнительная плата начислялась по истечении первых ста двадцати минут. В случае с доктором Кэрти служащий отметил только, что взял с нее эти дополнительные деньги. Что касалось точного времени, когда она выехала со стоянки, то назвать его он не мог.

– Мы нашли вас по номеру вашей машины, – продолжал Смайлоу. – В субботу во второй половине дня она простояла на муниципальной стоянке больше двух часов.

Перкинс, который внимательно слушал, рассмеялся.

– Это и есть ваше потрясающее открытие, Смайлоу? Немного же вы узнали!

– Не спешите, Фрэнк, это только начало.

– Издалека же вы начинаете. Какое отношение имеет оставленная на стоянке машина к убийству Петтиджона?

– Я дала на чай... – вступила Юджин.

Перкинс предостерегающе поднял руку, но она отмахнулась от него.

– Не волнуйтесь, Фрэнк, в этом нет никакого криминала. – Юджин улыбнулась. – Я дала молодому человеку на стоянке десятидолларовую купюру, потому что мелких денег у меня с собой не было. Эта сумма включала пять долларов чаевых. Думаю, именно поэтому он запомнил меня достаточно хорошо, чтобы описать меня вашему художнику.

– Полицейский художник работал вовсе не с парковщиком, – возразил Смайлоу. – Наш главный свидетель – мистер Дэниэлс из Мейкона, штат Джорджия, который снимал номер в отеле «Чарлстон-Плаза» рядом с «люксом» Петтиджона. Вы знали его, мисс Кэрти?

– Можете не отвечать, Юджин, – быстро сказал адвокат. – Я вообще советовал бы вам воздержаться от любых ответов на вопросы, пока нам не предоставят возможность побеседовать наедине.

– Да нет, я могу ответить, – усмехнулась Юджин. – Я никогда не слышала о мистере Дэниэлсе из Мейкона.

«Она не только спокойна, но и умна», – подумал Смайлоу,

а вслух сказал:

– Я имел в виду не мистера Дэниэлса, а мистера Петтиджона. Вы были знакомы?

– В Чарлстоне, наверное, нет человека, который бы не слышал этого имени, – ответила она спокойно. – О Петтиджоне постоянно писали в газетах и говорили по телевидению.

– Значит, вы знаете о том, что он убит?

– Конечно.

– Вы узнали об этом из программы теленовостей?

– Да, но не сразу. На выходные я уезжала из Чарлстона и услышала об этом, когда вернулась.

– Вы не были знакомы с Петтиджоном лично?

– Нет.

– Тогда как получилось, что вас видели у дверей его номера примерно в то самое время, когда, по нашим сведениям, его убили?

– Меня там не было.

– Юджин, пожалуйста, не говорите больше ничего! – вмешался адвокат и, взяв ее под локоть, показал головой на дверь. – Мы уходим отсюда немедленно.

– Боюсь, если вы сейчас уйдете, вы совершите ошибку, – заметил Смайлоу.

– Это вы совершите ошибку, если немедленно не извинитесь перед доктором Кэрти, – парировал адвокат.

– Но я хочу ответить на вопросы детектива, – сказала Юд-

жин. – Если, конечно, это поможет нам раз и навсегда покончить с этим небольшим недоразумением.

Фрэнк Перкинс нахмурился. Он явно не одобрял это решение и уступил лишь с большой неохотой.

– Хорошо, – сказал он, – но я настаиваю на том, чтобы мне дали возможность проконсультироваться с моей клиенткой прежде, чем мы продолжим.

– Отлично, – кивнул Смайлоу. – Я оставлю вас одних.

– И не забудьте выключить магнитофон, – напомнил адвокат.

– Разумеется, Фрэнк, разумеется. – Смайлоу улыбнулся. – Я собираюсь скрупулезно соблюдать все инструкции. Потому что мне вовсе не хочется, чтобы убийцу отпустили из-за ошибок следствия.

И, бросив на Юджин еще один пристальный взгляд, Смайлоу выключил диктофон и вышел из кабинета.

– Кто бы мог подумать!.. – воскликнула Стефи Манделл, которая, стоя в коридоре, следила за происходящим в кабинете Смайлоу сквозь стеклянную стенку. – Эндикотт угодила прямо в «яблочко»! Какое у тебя впечатление от этой Кэрти?

– Разве у тебя нет других дел, Стефи? – поинтересовался Смайлоу. – Мне казалось, что все помощники прокурора по уши завалены работой, за которую они получают гроши. Во всяком случае, с твоих слов у меня составилось именно такое мнение.

Стефи ухмыльнулась.

– Вообще-то так оно и есть, просто Мейсон был так любезен, что освободил меня от текучки, чтобы я могла сосредоточиться на деле Петтиджона. Он хочет, чтобы я всячески помогала Хэммонду.

– Кстати, где наш вундеркинд? – поинтересовался Смайлоу, глядя на Юджин Кэрти.

– Забаррикадировался у себя в кабинете и никого не принимает, – ответила Стефи. – Я не видела его с самого утра, с тех пор как мы трое побывали в больнице у мистера Дэниэлса. Секретарша в прокуратуре сказала, что Хэммонд не велел никого с ним соединять, поэтому я оставила ему сообщение, что заеду к тебе взглянуть на подозреваемую. Кстати, поздравляю, ты отлично сработал. Разыскать эту Кэрти за несколько часов в таком городе, как Чарлстон, было, наверное, непросто.

– Плевое дело. Как ты думаешь, Хэммонд приедет сюда?

– А ты что, против? Смайлоу пожал плечами.

– Хотелось бы взглянуть на его реакцию.

– Реакцию на что?

– На Юджин Кэрти. Интересно, сможет ли Святой Непорочимый Хэммонд потребовать смертной казни для столь привлекательной женщины.

Стефи вздрогнула.

– Ты считаешь ее привлекательной?

Прежде чем Смайлоу успел ответить, Фрэнк Перкинс распахнул дверь кабинета и, приветствовав Стефи взмахом ру-

ки, пригласил обоих войти.

* * *

Бобби Тримбл никак не мог успокоиться. Когда он увидел полицию у дверей дома Юджин, его едва не хватил удар. Сердце забилося так сильно, словно готово было выскочить из груди, а дыхание сделалось частым и хриплым.

Ничего хуже этого он и представить себе не мог. Сами ли копы пронюхали о его плане или же это Юджин обратилась в полицию и сдала его, чтобы спасти себя, – и в том, и в другом случае ему грозили крупные неприятности.

Увидев копов, он проехал мимо ее дома, не прибавляя скорости и старательно сохраняя безразличное выражение лица, хотя поджилки у него тряслись. Два полицейских в форме, детектив в штатском и женщина, которая не скрывала своей неприязни к нему, – это было серьезно. Так серьезно, что он почти уверовал в неминуемую катастрофу.

Единственное, что слегка подбодрило Бобби, – это то, что Юджин не указала на него копам и не закричала: «Держи его!» – но он не знал, что это могло означать. Возможно, она просто не заметила проезжавший по улице знакомый «Мерседес».

Обдумывая свой следующий шаг, Бобби бесцельно разъезжал туда и сюда по центральным улицам Чарлстона. Еще вчера он был совершенно уверен в успехе. Ему пришлось

долго давить на Юджин, но в конце концов она все же согласилась отдать ему деньги.

«Только не думай, что можешь украсть мою идею и использовать ее в своих целях, – предупредил он ее. – Если ты это сделаешь, то очень пожалеешь!»

Говоря это, он так нервничал, что перестал следить за собой, и в его голосе снова прорезался гнусавый акцент уроженца глубокого захолустья. Это неприятно удивило его самого, и Бобби даже замолчал ненадолго, стараясь совладать с волнением и взять себя в руки.

«Не вздумай обмануть меня, – добавил он чуть более тихим, но исполненным угрозы голосом. – Эти деньги – мои, и они нужны мне».

За годы, что они не виделись, Юджин тоже изменилась. Она говорила чище и правильнее. Одевалась модно и со вкусом. Жила в дорогом доме в престижном квартале Чарлстона. И все же Бобби был уверен, что внутренне она осталась такой же, как была. Он действительно знал ее довольно хорошо и не допускал мысли, что Юджин могла измениться сильнее, чем он. И, разумеется, он был уверен, что обвести его вокруг пальца она не сможет. Бобби догадывался, что она задумала. Воспользоваться его идеей и лишиться его законной доли добычи? Шалишь, красавица! Ничего у тебя не выйдет...

Но когда он обвинил ее в этом, она сказала: «Говорю тебе в последний раз, Бобби: у меня нет для тебя никаких денег.

Оставь меня в покое!»

«Ничего не выйдет, Юджин, – возразил он. – Я никуда не исчезну до тех пор, пока не получу все, что мне причитается. За этим я и приехал. Если хочешь, чтобы я оставил тебя в покое, – плати».

Ее усталый вздох отозвался в его душе громом победных литавр. Или, точнее, звоном монет.

«Хорошо, Бобби, жду тебя завтра в полдень».

И вот он приехал, и что же ждало его там? Какой сюрприз? Даже в страшном сне ему не могло присниться, что Юджин обратится в полицию. А что, если окружная прокуратура уже выписала ордер на его арест?

Впрочем, может быть, и нет, подумал он, усилием воли заставив себя немного успокоиться. Если полиция приготовила для него ловушку, тогда почему патрульная машина стояла на самом виду? Кроме того, как могла Юджин сдать его, полностью выгородив себя? Конечно, явка с повинной гарантировала ей снисхождение суда, однако, даже если бы ее отпустили, скандал, которым, несомненно, сопровождался бы процесс, был нужен ей как собаке – пятая нога. Любая огласка могла погубить ее частную практику, и тогда доктору Кэрти пришлось бы начинать все сначала.

Но, подумал Бобби немного погодя, в любом случае пороть горячку не стоит. Ему придется лечь на дно, по крайней мере до тех пор, пока он не будет знать точно, что происходит.

Остановившись на красный сигнал светофора, Бобби сложил руки на руле и попытался представить себе свое ближайшее будущее. Боковым зрением он заметил еще один автомобиль с откидным верхом, остановившийся рядом. Заинтересовавшись, Бобби повернул голову.

Лица двух девушек, сидевших во второй машине, были частично скрыты большими солнечными очками с желтыми стеклами, но он все же понял, что обе они молоды и хороши собой. Их улыбки были дерзкими и почти вызывающими. Избалованные, испорченные, богатенькие папины дочери, ищущие приключений, определил Бобби наметанным глазом и добавил мысленно: «На свои задницы...»

Иными словами, перед ним была добыча.

Красный свет сменился зеленым, и второй автомобиль, взвизгнув покрывками, унесся вперед. На следующем перекрестке он свернул направо, и Бобби, перестроившись, сделал то же. Девушки заметили его маневр, и он увидел, что они смеются, оглядываясь на него через плечо.

Они остановились на парковке возле модного ресторана. Бобби тоже затормозил и, не выходя из машины, смотрел, как они поднимаются по ступенькам к дверям. Обе были одеты в шорты – такие короткие, что из-под них виднелось дьюма полтора соблазнительных ягодич. Ноги у обеих были длинной не меньше мили, а обтягивающие топики не оставляли никакой пищи самому богатому воображению. Эти две дурочки – ходячие, хихикающие подстилки – сразу напомнили

Бобби о том, в чем он не знал себе равных.

Не торопясь, он свернул на ту же стоянку и, выбравшись из «Мерседеса», тоже поднялся по ступенькам в ресторан. Девушек он обнаружил почти сразу – они сидели на открытой веранде под ярким зонтиком и заказывали официантке выпивку. Когда та отошла, Бобби плюхнулся на свободный стул за их столиком.

Губы у девушек были пухлыми и розовыми, зубы – белыми, в ушах поблескивали бриллиантовые «гвоздики». От обеих пахло дорогими духами.

– Я из полиции, – растягивая слова, объявил Бобби самым сексуальным голосом, на какой только был способен. – Скажите, юные леди, вы уже достаточно взрослые, чтобы заказывать спиртное?

Обе захихикали, как сумасшедшие.

– Не беспокойтесь, офицер, с нами все в порядке, – сказала одна.

– Мы уже давно совершеннолетние и можем не только вступать в брак, но и заказывать виски, – поддакнула другая.

– И с чего вы хотите начать?

– Мы приехали сюда развлекаться и открыты для любых предложений.

– Что значит – «для любых»?

– Для любых, способных доставить нам удовольствие.

– Отлично, а то я было подумал, что вы странствующие монашки из католической миссии.

Это замечание вызвало новый взрыв смеха. Девушки хихикали до тех пор, пока не вернулась официантка с напитками. Поглядев на два высоких бокала, Бобби откинулся на спинку кресла.

– Вы знаете, что такое коктейль «Скарлетт», красавицы? – спросил он небрежно. – Берутся две девушки, один мужчина и ведро лучшего шампанского...

* * *

Секретарша наконец отважилась побеспокоить Хэммонда, который по-прежнему сидел в своем кабинете, не желая никого принимать.

– Важное сообщение, сэр, – сказала она по внутренней связи. – Женщина, на которую со слов свидетеля был составлен фоторобот, была опознана как доктор Юджин Кэрти и доставлена в управление полиции к детективу Смайлоу. В настоящее время детектив ведет допрос.

Хэммонд облился холодным потом.

– Она арестована? – спросил он неожиданно хриплым голосом.

– По словам мисс Манделл, доктор Кэрти согласилась прибыть в управление добровольно, однако предварительно она вызвала своего адвоката. Вы поедете туда?

– Не знаю. Может быть, позже.

– Какие-нибудь указания, сэр?

– Нет.

Секретарша отключилась, но, словно эхо ее слов, на Хэммонда нахлынули вызванные новостями мрачные предчувствия. В том, что Юджин рано или поздно отыщут, он не сомневался, но не ожидал, что это произойдет так скоро. Смайлоу был жестким и напористым следователем, он был способен вырвать признание даже у Матери Терезы, и Хэммонд с трудом представлял, как будет реагировать Юджин на его вопросы. Станет ли она молчать, или, напротив, расскажет все, что знает? Признается ли она в чем-либо, и если да, то в чем? Как она поведет себя, когда увидит его снова? Расскажет ли она Смайлоу о ночи, которую – по чистой случайности, разумеется, – она провела в постели заместителя окружного прокурора?

Сам Хэммонд предпочел бы откладывать встречу с Юджином как можно дольше. Он хотел сначала узнать о ней все, что только будет возможно, и в первую очередь – о ее отношениях с Петтиджоном, и только потом предпринимать какие-то шаги. До тех пор ему следовало держаться как можно дальше и от Юджина, и от самого расследования.

И это было вполне осуществимо, во всяком случае – при обычных обстоятельствах. Как правило, прокуратура не вмешивалась в полицейское расследование и подключалась лишь на его завершающем этапе, когда детективы считали, что собрали достаточно улик и свидетельских показаний для предъявления официального обвинения или для передачи

дела большому жюри.¹ В отличие от Стефи, которая никогда не отличалась терпением и имела довольно смутное представление о профессиональной этике, Хэммонд никогда не торопил события и не вмешивался в работу полицейского управления, предоставляя копам спокойно заниматься своим делом, пока не наставал его черед засучить рукава.

Но дело Петтиджона было одним из немногих исключений из общего правила. Участие Хэммонда в расследовании было необходимо прежде всего по политическим соображениям. Должностные лица в администрации округа и штата, среди которых были как близкие друзья и сторонники Петтиджона, так и его заклятые враги, стремились использовать это убийство в качестве трамплина, в качестве основы для собственной политической платформы и требовали – устно и в печати – скорейшего ареста и суда над убийцей.

Редакционная статья в утренней газете тоже подогревала общественный интерес к расследованию, хотя и содержала лишь общие рассуждения на тему о насилии, от которого не может чувствовать себя защищенным ни простой налогоплательщик, ни столь заметный общественный деятель, как Лют Петтиджон. В дневном выпуске теленовостей, который Хэммонду удалось посмотреть сразу после ухода отца, расска-

---

¹ Большое жюри – расширенная коллегия присяжных, решающая вопрос о предании обвиняемого суду и предъявлении ему официального обвинения. Действует только в отношении преступлений, караемых смертью, или иных тяжких преступлений. После предъявления обвинения большое жюри распускается. В самом судебном процессе участвует малое жюри присяжных.

зывалось о своеобразном социологическом опросе, который провел на улицах города корреспондент одной из городских телевизионных студий. «Уверены ли вы в том, что убийца Люта Петтиджона будет схвачен и предстанет перед судом?» – таков был единственный вопрос, который он задавал прохожим. В новостях утверждалось, что отрицательные и положительные ответы разделились примерно поровну, и хотя Хэммонд сомневался, что дело обстояло именно так, все же симптом был очень тревожным. Пресса начинала нагнетать обстановку. Именно этого очень хотелось отцу Хэммонда, но сам он предпочел бы работать в более спокойных условиях.

Впрочем, какое, к черту, может быть спокойствие, когда он сам балансировал на краю пропасти?

И все же ему не хватило мужества сделать шаг навстречу неизбежному, поэтому, вместо того чтобы отправиться в полицейское управление, Хэммонд оставался в кабинете еще минут сорок, безуспешно пытаясь заниматься текущими делами.

Монро Мейсон зашел к нему, как только вернулся с обеда.

– Я слышал, – прогрохотал он с порога, – что у Смайлоу есть подозреваемый! Хэммонд невольно поморщился.

– Новости распространяются быстро, – заметил он мрачно.

– Значит, это правда?

– По-видимому. Я сам узнал об этом только недавно.

– Расскажи-ка вкратце, в чем там суть. Хэммонд быст-

ро пересказал прокурору все, что знал о свидетеле, которого Смайлоу обнаружил в больнице, о фотороботе, составленном полицейским художником на основе его показаний, и о том, как работник муниципальной автостоянки неподалеку от отеля «Чарлстон-Плаза» опознал на портрете доктора Юджин Кэрти.

– Очевидно, эта Юджин Кэрти – известный психотерапевт, – проговорил прокурор.

– Говорят, что да.

– Ты когда-нибудь слышал о ней?

– Нет, никогда.

– Я тоже. Впрочем, моя жена, возможно, что-то знает. Она вообще знакома с половиной города. – Мейсон немного помолчал. – Ты считаешь, что Петтиджон мог быть ее пациентом? – спросил он наконец.

– На данном этапе, босс, я знаю не больше вашего.

– Что ж, посмотрим, что тебе удастся выяснить.

– Я буду каждый день докладывать вам, как идут дела.

– Ты не понял. Я имел в виду сегодня. Отправляйся-ка в полицейское управление.

– Но Смайлоу терпеть не может, когда кто-то начинает совать нос в его дела, – возразил Хэммонд. – В особенности если это делаю я. Насколько мне известно, Стефи уже там, а если еще я подъеду, Смайлоу может решить, что мы ему не доверяем. И поднимет бучу.

– Если он начнет возражать, Стефи его как-нибудь успо-

коит – для этого она там и находится. А мне... мне надо что-то отвечать репортерам, которые звонят мне через каждые десять минут.

– Но прессе пока нельзя сообщать, что доктор Кэрти подозревается в убийстве. Мы пока не знаем этого. С ней пока только беседуют!

– И тем не менее она притащила с собой Фрэнка Перкинса.

– Фрэнк – ее адвокат? – удивился Хэммонд. Он хорошо знал Перкинса и уважал его как человека и как грамотного, профессионального юриста. Сражаться с ним в суде всегда было очень непросто, и лучшего адвоката Юджин, пожалуй, было не найти. – Любой разумный человек, отправляясь на беседу в полицию, обязательно пригласил бы с собой адвоката, – заметил он, подумав. – Это еще ни о чем не говорит.

Но Мейсона трудно было заставить изменить свое решение.

– В общем, выясни, что там да как, и доложи мне, – пробасил он и ушел, не оставив Хэммонду никакого выбора.

Добравшись до управления полиции Чарлстона, Хэммонд миновал дежурную часть, поднялся на второй этаж и нажал на звонок у дверей отдела по расследованию убийств. Ему открыл один из детективов отдела. Узнав Хэммонда, детектив направил его в кабинет Смайлоу.

– Разве они не в комнате для допросов? – прикинулся удивленным Хэммонд, у которого слегка отлегло от сердца.

Ему было бы невыносимо видеть Юджин в камере для допросов – в пустой комнате с решетками на окнах, насквозь провонявшей табачным дымом, запахами пота и страха множества убийц и насильников.

– По-моему, комната для допросов занята, – пожал плечами детектив. – Кроме того, прокурор Манделл хотела наблюдать за беседой через стекло.

Потом он отправился по своим делам, а Хэммонд свернул в короткий коридор, где находились кабинеты детективов, занимавшихся расследованием убийств. В глубине души он надеялся, что к тому моменту, когда он доберется до управления, беседа закончится и Юджин успеет уехать, но ему не повезло. В коридоре он сразу увидел Стефи и Смайлоу, которые заглядывали в комнату сквозь стеклянную стену. У обоих был вид стервятников, которые ждут, пока их жертва испустит последний вздох.

– Она лжет, – услышал он уверенный голос Стефи.

– Разумеется, – согласился Смайлоу. – Только я пока не знаю, в чем.

Они были так поглощены своими наблюдениями, что заметили Хэммонда только тогда, когда он подошел к ним вплотную и заговорил.

– Ну, как тут дела? – спросил он как можно равнодушнее.

– А, это ты... Наконец-то... – рассеянно протянула Стефи, обернувшись к нему. – Ты что, не получил мои сообщения?

– Просто не мог вырваться, – коротко ответил он. – А почему вы решили, что она лжет? – добавил он, кивая в сторону стеклянной стены.

– Нормальный человек ведет себя в полиции по-другому, – отозвался Смайлоу. – Он нервничает, даже если ни в чем не виноват.

– А наша мисс доктор даже глазом не моргнет, – поддержала его Стефи. – Не мямлит, не откашливается, не сучит ножками. И отвечает на каждый вопрос подробно и обстоятельно.

– Удивительно, как адвокат ей позволяет, – заметил Хэммонд. – Насколько я знаю Фрэнка, он...

– Он и не позволяет, но мисс Кэрти настаивает. Очевидно, у нее есть для этого свои основания.

Проследив за задумчивым взглядом Смайлоу, Хэммонд наконец заглянул в комнату. Сделать это раньше у него не хватило мужества. С того места, где он стоял, была видна только часть профиля Юджин, но для него этого было более чем достаточно.

Глядя на нее, Хэммонд испытал непреодолимо сильное желание протянуть руку и поправить упавшую на щеку прядь, но уже в следующее мгновение ему захотелось схватить Юджин за плечи и, как следует встряхнув, спросить, что, черт побери, она задумала и зачем ей понадобилось втягивать его в эту историю.

К счастью для него, ни то, ни другое было невозможно,

однако он все же убрал руки в карманы от греха подальше и спросил как ни в чем не бывало:

– Что мы о ней знаем?

Смайлоу быстро перечислил все научные достижения и дипломы Кэрти, причем Хэммонду показалось, что в голосе детектива прозвучало невольное уважение.

–..Она дважды публиковалась в сборнике «Современная психология», кроме того, ее часто приглашают читать лекции, в особенности – о природе панического поведения, что является чем-то вроде ее специализации. Да, несколько месяцев назад ей удалось остановить самоубийцу, который собирался спрыгнуть с крыши.

– Я помню этот случай, – вставил Хэммонд.

– Да, об этом писали в газетах. Жена этого психа благодарил доктор Кэрти за то, что она спасла жизнь ее мужу. – Смайлоу убрал в карман блокнот, в который время от времени заглядывал. – О ее личной жизни мало что известно. Доктор Кэрти не замужем, детей тоже нет. – Он вздохнул. – Фрэнк считает, что мы ошиблись. Он убежден, что его подопечная – совсем не тот человек, который нам нужен.

– Мало ли что он считает! – с насмешкой сказала Стефи.

– Вообще-то мисс Кэрти действительно производит впечатление человека, который знает, чего хочет, – проговорил Хэммонд, стараясь не выдать волнения.

– Это точно, – кивнула Стефи. – Готова спорить, если она сядет задницей на снег, он не растает. Вот поговори с ней,

сам увидишь. Можно подумать, что она сделана из льда, а не из плоти и крови.

«Как же ты ошибаешься, Стефи!» – подумал Хэммонд.

– Ну что, идем, что ли? – Она и Смайлоу повернулись к дверям, и Хэммонд неохотно двинулся следом.

– Вы действительно хотите, чтобы я тоже принял участие в этой беседе? – спросил он.

Смайлоу и Стефи удивленно обернулись.

– Я думала, тебе не терпится самому допросить убийцу Петтиджона! – сказала Стефи.

– Убила она его или нет – это еще неизвестно, – возразил он. – Но дело не в этом. Боюсь, что двух представителей прокуратуры на одного Смайлоу будет многовато. Мне бы не хотелось, чтобы детектив думал, будто мы его контролируем.

– Вообще-то ты можешь обращаться прямо ко мне, – заметил Смайлоу. – Я не кусаюсь.

– Хорошо. – Хэммонд посмотрел на детектива. – Так вот, чтобы предупредить возможные вопросы, я считаю необходимым заявить, что я приехал сюда не по собственной инициативе, а по прямому указанию прокурора Мейсона.

– Не волнуйся так, Хэммонд, начальник полиции Крейн прочел мне целую лекцию об основных принципах мирного сосуществования между прокуратурой и полицией. – Смайлоу усмехнулся. – Я способен мириться с твоим присутствием, покуда ты готов терпеть мое.

– Согласен.

Стефи с шумом выдохнула воздух.

– Конец первого раунда, – объявила она. – А теперь займемся делом?

Смайлоу открыл дверь кабинета и придержал ее для них, а Хэммонд в свою очередь пропустил вперед Стефи. В маленьком кабинете сразу стало очень тесно, и Смайлоу, вошедшему последним, пришлось протискиваться между Хэммондом и стеной, чтобы добраться до своего стола.

– Не хотите ли выпить кофе или воды, мисс Кэрти?

– Нет, детектив, благодарю вас.

Хэммонду было странно вновь слышать ее голос, да еще в таких обстоятельствах, и все же он произвел на него действие почти такое же сильное, как ее прикосновение. Он почти физически ощутил ее дыхание на своих щеках. Сердце его стучало так громко, что на мгновение ему даже стало страшно, что его могут услышать Смайлоу и Стефи. Он едва мог дышать.

Тем временем Смайлоу представил его.

– Доктор Кэрти, это – специальный помощник окружного прокурора мистер Кросс. А это – доктор Юджин Кэрти. Она повернулась в его сторону. Хэммонд задержал дыхание.

Глава 16

«Специальный помощник Кросс может рассказать вам, где я была и что делала в субботу вечером. Не так ли, мистер Кросс?»

«Я никого не убивала вечером в субботу, но если бы и убила, то это была бы чистая самозащита. Видите ли, детектив Смайлоу, этот ваш специальный помощник прокурора обманом затащил меня в свой загородный дом и зверски изнасиловал».

«О, мистер Кросс, как я рада снова встретиться с вами! Когда же мы виделись в последний раз? Ах да, в субботу!.. Неплохо трахнулись, верно?»

Ничего подобного Юджин Кэрти не сказала, хотя Хэммонд почти всерьез этого опасался. Она не стала выкрикивать оскорбления и разоблачать его перед коллегами. Она не подмигнула ему. Она вообще ничем не показала, что узнает его.

Но когда она повернулась к нему и их глаза встретились, Хэммонду вдруг показалось, что и кабинет Смайлоу, и само здание полицейского управления вместе со всеми находящимися в нем людьми перестали существовать. Осталась только она. Их глаза встретились лишь на мгновение, но за этот краткий миг они успели сказать друг другу множество исполненных глубочайшего смысла вещей.

«Что ты со мной сделала?» – спрашивал Хэммонд, имея в виду не свое нынешнее дурацкое положение, а всю свою жизнь, не больше и не меньше. Всю жизнь и судьбу, которые изменились окончательно и бесповоротно вечером прошедшей субботы. Он думал и даже надеялся, что, когда увидит ее в далеко не романтической обстановке кабинета Смайлоу, она не сможет воздействовать на него так сильно. Но получилось все наоборот. Желание дотронуться до нее было таким сильным, что Хэммонд ощущал его как физическую боль.

Все это мгновенно пронеслось у него в голове. Надеясь, что голос не выдаст его, Хэммонд произнес формальную фразу, которой от него ждали:

– Рад познакомиться, доктор Кэрти.

– Как поживаете, мистер Кросс?

Вот и все. Она отвернулась, и в душе Хэммонда погасла последняя надежда, что их встреча на ярмарке действительно была случайной. Ее глаза не расширились от удивления, а с губ не сорвалось потрясенное: «Это вы?! Вот не ожидала встретить вас здесь!» Юджин вообще не выказала ни удивления, ни даже праздного интереса. Казалось, она знала, кого увидит, еще до того, как повернулась к нему после представления Смайлоу.

И даже еще раньше. Похоже, она приготовилась к этой встрече, еще когда Смайлоу вез ее в управление. Как, впрочем, и сам Хэммонд.

Пожалуй, притворяясь равнодушной, она даже чуть пере-

играла и отвернулась быстрее, чем этого требовали приличия.

Никаких сомнений больше не оставалось. Их ярмарочное знакомство не было случайностью, но по причинам, которые ему никак не удалось постичь, тот факт, что они провели вместе ночь, в равной степени компрометировал и его, и ее.

– Послушай, Хэммонд, – обратился к нему Перкинс, – что здесь происходит? Эти двое только зря тратят время моей клиентки и свое.

– Очень может быть, Фрэнк, очень может быть, – отозвался Хэммонд. – Но я хотел бы сам в этом убедиться. Детектив Смайлоу, похоже, считает, что мне необходимо выслушать то, что имеет сообщить следствию доктор Кэрти.

Адвокат повернулся к Юджин:

– Вы намерены продолжать? Должен сообщить вам, что, если вы сейчас встанете и уйдете, это не будет иметь для вас никаких правовых последствий, – сказал он.

– Я намерена продолжать, если это означает, что меня больше не потревожат, – твердо ответила Юджин.

– Этого мы не можем обещать.

Это сказала Стефи, и Хэммонду захотелось ударить ее. Совладав с собой, он кивнул Смайлоу, давая ему знак продолжать, а сам привалился спиной к закрытой двери и скрестил руки на груди.

Смайлоу снова включил магнитофон и объявил в микрофон о появлении среди участников беседы «специального

помощника прокурора Кросса». Потом он повернулся к Юджин:

– Скажите, доктор Кэрти, вы были лично знакомы с Лютом Петтиджоном?

Она вздохнула с таким видом, словно отвечала на этот вопрос уже в десятый раз. Впрочем, возможно, так оно и было – Хэммонд знал методы Смайлоу, который брал подозреваемых измором, если те предпочитали запираяться вопреки фактам.

– Нет, детектив, мы не были знакомы.

– Что вы делали в центре города во вторую половину дня субботы?

– Я могла бы сказать, что живу в центре, но я отвечу на ваш вопрос. Я отправилась прошвырнуться по магазинам и поглазеть на витрины.

– Вы что-нибудь купили?

– Нет.

– Заходили ли вы в какие-нибудь магазины?

– Тоже нет.

– То есть вы не заходили ни в какие магазины и не разговаривали ни с кем из продавцов, кто мог бы подтвердить, что вы действительно там были и намеревались совершить покупку?

– К несчастью, нет. Мне просто ничего не приглянулось.

– Иными словами, вы оставили машину на стоянке и отправились бродить по улицам?

– Совершенно точно, детектив.

– Не был ли тот день слишком жарким для прогулки?

– Возможно, но только не для меня. Я не особенно чувствительна к жаре.

Ее глаза метнулись в сторону Хэммонда, но его память не нуждалась в подобном подстегивании, чтобы вспомнить...

– Теперь, когда солнце село, будет не так жарко. Она улыбнулась ему, и в ее глазах отразились огни вращающихся каруселей.

– Вообще-то я люблю жару...

Хэммонд мигнул и сфокусировал свой взгляд на Смайлоу.

– Заходили ли вы в отель «Чарлстон-Плаза»?

– Да, заходила. Около пяти часов. Мне захотелось промочить горло, и я выпила в отеле чаю со льдом. Должно быть, именно тогда меня и видел ваш мистер Дэниэлс, потому что на пятый этаж я не поднималась.

– Но свидетель отчетливо помнит, что видел вас именно на пятом этаже, где вы стояли у дверей «люкса» Люта Петтиджона.

– Он ошибается.

– Вы пили чай в одном из баров?

– Да, в том, который расположен ближе всего к вестибюлю. Стефи наклонилась к Хэммонду и прошептала:

– Официантка это подтверждает. Но на самом деле это означает только, что в отеле она действительно была.

Хэммонд кивнул, но ничего не сказал, поскольку Смайлоу

задал следующий вопрос, и ему было интересно, что ответит Юджин.

– Что вы сделали после того, как выпили чай?

– Вернулась на стоянку, где оставила машину.

– Во сколько это было?

– Примерно в четверть шестого. Не позднее пяти тридцати. Хэммонд испытал такое облегчение, что у него едва не подогнулись колени. Патологоанатом считал, что смерть Люта Петтиджона наступила позднее того времени, что назвала Юджин, и, следовательно, он правильно сделал, что промолчал. Или, вернее, почти правильно. Если Юджин невиновна, если Джон Дэниэлс, страдавший острейшим пищевым отравлением, действительно все перепутал, тогда почему она никак не отреагировала, когда он вошел? Почему она сделала вид, будто они никогда не встречались? У него были причины скрывать их знакомство, очевидно, свои резоны были и у нее.

– Я дала служащему на парковке десять долларов, – говорила тем временем Юджин. – Это была самая маленькая банкнота, какая у меня нашлась.

– Пять долларов на чай – не слишком ли это щедро, доктор Кэрти? Она чуть заметно улыбнулась.

– Мне не хотелось показаться мелочной, поэтому я не стала дожидаться сдачи. Кроме того, на стоянке было очень много машин, и этот молодой человек был ужасно занят, однако, несмотря на это, он держался очень предупредительно.

– Что вы сделали после того, как сели в машину?

– Я уехала из города.

– И куда вы направились?

– В курортную зону Хилтон-Хед.

Хэммонд неожиданно громко сглотнул. Почему Юджин лжет? Кого она выгораживает, его или себя?

– Значит, в Хилтон-Хед?

– Да.

– Не припомните, по дороге вы где-нибудь останавливались?

– Да, останавливалась. Мне нужно было заправить машину. – Она опустила взгляд, но очень ненадолго, так что никто, кроме Хэммонда, этого не заметил.

Его сердце снова билось с силой парового молота. Хэммонд очень хорошо помнил их поцелуй. Тот самый поцелуй, который он не забудет, наверное, до самой смерти. Еще никогда, целуя женщину, он не чувствовал себя так хорошо.

Теперь этот поцелуй мог погубить не только его карьеру, но и его жизнь. Фактически он сам приговорил себя там, на полутемной бензозаправке, когда заключил ее в свои объятия.

– Вы помните, как называлось то место?

– Нет.

– Какой фирме принадлежала заправка? «Тексако»? «Экссон»? Она пожала плечами и покачала головой.

– Где находилась эта заправка?

– Где-то по дороге, я не помню точно, – ответила Юджин нетерпеливо. – Во всяком случае, я уже выехала из города. Мне пришлось самой заливать бензин. Единственный служащий был ужасно занят – он смотрел по телевизору боксерский матч. Вот все, что я помню.

– Вы расплатились кредитной карточкой?

– Нет, наличными.

– Понятно. Вы, несомненно, заплатили одной из тех крупных купюр, что были у вас с собой?

Хэммонд невольно насторожился, почуяв ловушку. После наступления темноты большинство расположенных за чертой города заправок переставали принимать купюры достоинством свыше двадцати долларов.

– Я заплатила за бензин двадцатидолларовой купюрой, мистер Смайлоу, – ответила Юджин с улыбкой. – И залила топлива ровно на эту сумму.

– Умно, очень умно...

Эти слова Стефи произнесла тихим шепотом, но Юджин все равно услышала ее. Она бросила быстрый взгляд сначала на Стефи, потом на Хэммонда, и он отчетливо вспомнил, как держал это лицо в ладонях и целовал теплые губы.

«Только не говори „нет“. Не говори „нет“...» – вспомнил он. Смайлоу задал следующий вопрос, и Юджин снова повернулась к нему.

– Во сколько вы приехали в Хилтон-Хед?

– Послушайте, детектив, был чудесный вечер, у меня не

было никаких планов, и я никуда не торопилась. Я не смотрела на часы и ехала не самым коротким путем, поэтому я не могу сказать точно, во сколько я приехала в Хилтон-Хед.

– Скажите хотя бы приблизительно.

– Приблизительно... часов около девяти.

Примерно в девять часов они ели жареные в масле кукурузные початки, и их губы блестели от жира. Они смеялись над тем, какие они грязнули, и – по обоюдному согласию, отставив в сторону правила приличия, – без стеснения облизывали пальцы языком.

– Что вы делали в Хилтон-Хед?

– Я проехала через всю курортную зону до Харбор-Тауна, немного погуляла по набережной, послушала музыку возле танц-веранды. Потом смотрела детское представление, которое устроили под старым дубом какие-то молодые люди, и снова вернулась на набережную.

– Вы с кем-нибудь разговаривали?

– Нет.

– Заходили в кафе или рестораны?

– Тоже нет.

– Разве вы не испытывали голода?

– По-видимому, нет, детектив.

– Это неслыханно, Смайлоу! – вмешался адвокат. – Мисс Кэрти признала, что заходила в отель в субботу, но ведь, кроме нее, там находились и сотни других людей! Моя клиентка – привлекательная женщина, и любой мужчина – в том числе

и этот ваш мистер Дэниэлс – наверняка выделил бы ее даже в толпе.

Хэммонд продолжал смотреть на Юджин. Неожиданно она повернулась к нему, он испытал что-то подобное тому, что пережил в ресторане на ярмарке, когда их взгляды встретились впервые. И снова, как тогда, Хэммонд почувствовал, что в душе его что-то дрогнуло.

– Мисс Кэрти утверждает, что не подходила к номеру мистера Петтиджона, – продолжал развивать свою мысль Перкинс. – И вы не можете доказать противное. У вас нет ничего, кроме показаний единственного свидетеля, который мог и ошибиться. И хотя я искренне восхищаюсь вашей способностью быстро найти подходящего подозреваемого, я не могу допустить, чтобы моя клиентка стала жертвой следственной ошибки.

– У меня осталось еще несколько вопросов, Фрэнк, – сказал Смайлоу. Голос его звучал миролюбиво и почти фамильярно. – Позволь мне все-таки закончить.

– Пожалуйста, только покороче, – раздраженно ответил адвокат.

Смайлоу пристально посмотрел на Юджин.

– Мне хотелось узнать, доктор Кэрти, где вы провели ночь на воскресенье.

– Дома.

Ее ответ, казалось, удивил Смайлоу.

– У себя дома?

– Я не зарезервировала номер в Хилтон-Хед заранее. Когда я туда приехала, мотели и гостиницы оказались переполнены. Я звонила в несколько мест, но нигде не было свободной комнаты, так что в конце концов мне пришлось вернуться в Чарлстон.

– И вы не побоялись ехать одна, ведь было, наверное, уже очень поздно?

– Я не боюсь ездить по ночам.

– Следовательно, вы провели ту ночь в своей постели... Одна? Юджин холодно посмотрела на него, а Перкинс вскочил на ноги.

– Пошлите их к черту, мисс Кэрти!

– Вы слышали, что сказал мой адвокат, детектив?

Губы Смайлоу слегка изогнулись в легком подобии улыбки.

– Вы разговаривали с кем-нибудь в Харбор-Тауне?

– Я заходила в одну из картинных галерей, но ни с кем не разговаривала. Я также купила мороженое в кафе возле маяка, но там было так много народа и официантки были так заняты, что я едва дождалась, пока меня обслужат. У женщины, которая принесла мне заказ, было так много клиентов, что я сомневаюсь, вспомнит ли она меня. Лично я совсем ее не запомнила.

– Следовательно, ни один человек не может подтвердить, что вы там были?

– Боюсь, что нет.

– И оттуда вы поехали домой, нигде не останавливаясь и никуда не заезжая?

– Нет.

– Во сколько вы вернулись домой?

– Очень поздно, но время я не запомнила. Я устала и хотела спать.

– Все, достаточно, – заявил Фрэнк Перкинс, вставая и помогая подняться Юджин. Его тон был достаточно вежливым, но в движениях было что-то такое, что ни Смайлоу, ни сама Юджин не осмелились возразить. – Я считаю, что вы должны извиниться перед мисс Кэрти, – добавил адвокат. – И еще: если в разговоре с журналистами вы случайно упомянете имя моей клиентки в связи с этим делом, у вас на руках будет не только нераскрытое убийство, но и многомиллионный судебный иск. Надеюсь, я ясно выражаюсь?

Ответа не последовало, и адвокат слегка подтолкнул Юджин к выходу. В эту минуту дверь кабинета отворилась и внутрь заглянул еще один детектив. В руке он держал тонкую картонную папку.

– Эй, Смайлоу, ты просил, чтобы тебе доставили это как можно скорее, – сказал он.

– Спасибо. – Смайлоу протянул руку, и Хэммонд передал ему папку. – Как все прошло?

– Как обычно. Ты же знаешь Мэдисона – он работает тщательно, методично и чертовски медленно. Впрочем, он извинялся, что затратил больше времени, чем рассчитывал.

– Лишь бы он ничего не пропустил.

– Он говорит, что здесь все.

Детектив ушел, и Смайлоу пояснил для присутствующих:

– Этот детектив присутствовал при вскрытии. В этой папке – результаты судебно-медицинской экспертизы по делу Петтиджона.

Стефи придвинулась поближе к Смайлоу, рассматривая через его плечо документы и фотографии, которые он доставал из папки.

– Доктор Кэрти, у вас есть оружие? – неожиданно спросил Смайлоу, не отрываясь от бумаг, которые держал в руке.

– В качестве оружия могут быть использованы разные предметы, не так ли?

– Я спрашиваю не из праздного любопытства, доктор Кэрти... – Смайлоу наконец поднял на нее глаза. – Дело в том, что мы только что получили подтверждение тому, о чем догадывались с самого начала. Лют Петтиджон умер не от удара по голове. Его застрелили.

– Как застрелили?! – непроизвольно ахнула Юджин.

–..Я думаю, ее удивление было искренним, – сказал Хэммонд.

Стефи выдавши лимон в бокал, который поставила перед ней официантка.

– Давай, давай, расскажи нам, что ты думаешь, – пробормотала она.

– Насколько мне показалось, это был первый и единствен-

ный раз, когда мисс Кэрти как-то проявила свои чувства, – продолжал упорствовать он. – До этого момента она даже не знала, как умер Петтиджон.

– Странно... очень странно.

– Что?

– Что незадолго до смерти с ним случился удар. Этот факт действительно удивил всех троих, но выводы судебно-медицинской экспертизы были совершенно однозначны: у Люта Петтиджона было обширное кровоизлияние в мозг. Оно его не убило, однако Петтиджон упал и ударился головой об угол стола. В своем отчете Мэдисон также указывал, что если бы его не застрелили, то он вряд ли оправился бы. В лучшем случае Петтиджон до конца жизни страдал бы параличом, потерей памяти и способности говорить. Впрочем, об этом они узнали только после ухода Перкинса и доктора Кэрти, когда перечитали заключение судебно-медицинской экспертизы еще раз.

– Удар спровоцировало какое-то событие или же он был следствием общего неудовлетворительного состояния здоровья Петтиджона? – спросила Стефи.

– Надо выяснить, когда он в последний раз обращался к врачу и какие принимал лекарства, – сказал Смайлоу, подкладывая салфетку под стакан виски с содовой. – Впрочем, это не так уж важно. Кровоизлияние в мозг не было смертельным. Петтиджона застрелили. Именно пулевые ранения стали причиной смерти.

– Юджин Кэрти этого не знала, – вставил Хэммонд. – Во всяком случае, до тех пор, пока не услышала это от нас.

Стефи задумчиво потягивала свой джин с тоником. Неожиданно она решительно покачала головой и самоуверенно улыбнулась.

– Нет, она только изобразила удивление. Женщины вообще хорошие актрисы, потому что им слишком часто приходится симулировать оргазм.

Этот выпад был направлен против него, но Хэммонд почему-то не почувствовал себя оскорбленным.

– Как ни прискорбно, но я согласен с Хэммондом, – заметил Смайлоу, – удивление мисс Кэрти было неподдельным.

– Ты соглашаешься с Хэммондом? Невероятно! – воскликнула Стефи. – Почти так же невероятно, как и то, что вы двое сидите за одним столом.

Бар в вестибюле отеля «Чарлстон-Плаза» был переполнен. Наступил «счастливый час», когда цены на алкогольные напитки существенно снижались, однако они все-таки пришли именно сюда, чтобы обсудить результаты допроса Юджин Кэрти, так как отель находился через улицу от здания управления полиции Чарлстона. По вестибюлю бродили постояльцы и туристы, фотографировавшие массивную мраморную лестницу, затейливые светильники в виде подсвечников и друг друга.

Но Хэммонд даже не замечал ничего вокруг. С тех пор как они покинули кабинет Смайлоу, Хэммонд думал о Юджин

Кэрти и о том, как странно она отреагировала, когда узнала, что Петтиджон был застрелен. Ему показалось, что она была искренне потрясена, и он позволил себе надеяться, что Джон Дэниэлс действительно ошибся, когда утверждал, что видел ее в коридоре пятого этажа. Теперь, получив неожиданную поддержку Смайлоу, он поспешил укрепиться в своих надеждах. Наклонившись вперед и опираясь на стол руками, Хэммонд спросил:

– Ты говоришь, что согласен со мной. Почему?

– Я думаю, что мисс Кэрти достаточно умна, чтобы пытаться имитировать удивление и надеяться, что мы не разгадаем ее игру, – ответил Смайлоу. – Впрочем, меня беспокоит не столько ее заключительная реакция, сколько вся ее история.

– Мы слушаем. – Стефи посмотрела на него.

– Если она прикончила Петтиджона, то в данной ситуации самым разумным для нее было бы как можно скорее покинуть отель и организовать себе алиби.

– Интересно... – Стараясь придать своему тону естественность, Хэммонд отпил глоток бурбона из своего стакана. – Не хочешь объяснить поподробнее?

– Судебно-медицинской экспертизе удалось установить время наступления смерти довольно точно... Хэммонд кивнул.

– Если не ошибаюсь, Мэдисон называет промежуток между пятью сорока пятью и шестью часами. Доктор Кэрти

утверждает, что вышла из отеля не позднее половины шестого, – сказал он.

Увидев эти цифры в отчете, Хэммонд испытал такое сильное облегчение, что едва не выдал себя. Юджин не могла быть убийцей Петтиджона, потому что ни один человек не мог быть в двух местах одновременно.

– И все равно, это слишком близко, – вздохнул Смайлоу. – Конечно, даже при тех довольно точных методах, которые использует современная судебная медицина, допустимая ошибка при определении момента наступления смерти даже в летний период составляет не менее получаса, поэтому хороший прокурор – такой, как ты, Хэммонд, – вполне способен убедить присяжных, что мисс Кэрти могла быть убийцей. К сожалению, мы не знаем точно, во сколько она уехала со стоянки, и Фрэнк Перкинс обязательно за это уцепится. Он попытается поколебать присяжных, а сомнение всегда толкуется в пользу обвиняемого, особенно в таких серьезных делах, как убийство. Но его тактика сработает наверняка только в одном случае...

– Я, кажется, начинаю понимать, куда ты клонишь, – встала Стефи.

– Только в том случае, если у мисс Кэрти будет внушающее доверие...

–..Алиби.

Пока они подобным образом разговаривали друг с другом, Хэммонд сделал еще один глоток. Виски обожгло ему

горло, и он сказал сипло:

– Пожалуй, это имеет смысл. Смайлоу нахмурился.

– Но из ответов мисс Кэрти следует, что у нее нет алиби. В том-то и проблема. Она же сказала, что поехала в Хилтон-Хед и там ни с кем не разговаривала. Ни с кем, кто мог бы подтвердить ее показания.

– Странно, – сказала Стефи. – Не думаешь ли ты, что она специально не позаботилась об алиби, чтобы выглядеть еще более невинной в наших глазах?

Детектив бросил на нее быстрый взгляд.

– Не совсем так. У меня создалось такое впечатление, что алиби у нее есть, просто она решила сначала посмотреть, как глубоко мы копаем. Ну а когда станет слишком «горячо», тогда она и предъявит нам его, словно козырного туза.

Хэммонд, внимательно следивший за тем, как они, сами того не подозревая, озвучивают его страхи, счел нужным вмешаться:

– Почему тебе кажется, что у Кэрти в запасе есть алиби?

– Хочешь заключить пари? – усмехнулась Стефи, но он только отмахнулся. Ему очень хотелось знать, что думает Смайлоу.

– Я же уже говорил... – Смайлоу слегка поморщился. – Мисс Кэрти не испытывает никакой нервозности. С той минуты, когда она увидела меня на своем крыльце, и кончая моментом, когда Перкинс увез ее домой, она ни разу не запнулась и держалась слишком спокойно для человека, который

абсолютно ни в чем не виноват. Невинные люди, – добавил он, – обычно очень боятся, что им не поверят, и стремятся убедить всех в том, что они говорят правду. Они торопятся, заикаются, повторяют одно и то же по несколько раз, причем – часто неосознанно – добавляют к своей версии все новые и новые подробности, как реальные, так и выдуманные. Зачастую они рассказывают даже больше, чем у них спрашивают. А записные лжецы придерживаются одной заученной версии, каждый раз они повторяют ее слово в слово, а самые способные из них еще ухитряются при этом не краснеть.

– Эта версия заслуживает внимания, – неохотно согласился Хэммонд. – Но и она не без изъяна. Ведь доктор Кэрти – психолог, так почему бы ей не владеть собой лучше, чем обычный, средний человек? Когда она лечит своих пациентов, ей наверняка приходится выслушивать самые шокирующие признания, и со временем она, несомненно, научилась скрывать свои подлинные чувства.

– Возможно, – сказал Смайлоу, но Хэммонду очень не понравилась его улыбка. Через секунду он узнал – почему.

– Возможно, – повторил Смайлоу, – но дело в том, что я знаю, что мисс Кэрти лжет.

Стефи подалась вперед так резко, что едва не опрокинула свой стакан.

– Знаешь? Откуда?!

Смайлоу наклонился и достал из кейса сложенную газету.

– Должно быть, она пропустила эту статью в сегодняшнем

утреннем выпуске.

Статья в газете, о которой он говорил, была обведена красным карандашом. В ней было всего четыре абзаца, но Хэммонд почувствовал, как его надежды тают на глазах.

– «Харбор-Таун эвакуирован», – громко прочла Стефи.

– Суть в том, – начал Смайлоу, – что в субботу вечером на борту одной из яхт, стоявших у причала за маяком, возник пожар. Дул сильный ветер, огонь перекинулся на соседние суда, а искры попадали на деревья и на парусиновые тенты разнообразных забегаловок, которых на набережной всегда видимо-невидимо. В качестве меры предосторожности департамент пожарной безопасности принял решение закрыть район и эвакуировать всех гражданских лиц. К счастью, пожар удалось быстро потушить, но пожарные с самого начала решили не рисковать и перекрыли шоссе, ведущее к маяку, после чего весь квартал был подвергнут тщательной проверке. Иными словами, Харбор-Таун был закрыт для туристов и приезжих на протяжении нескольких часов.

Пожарную тревогу отменили только после полуночи, но рестораны и бары в ту ночь больше не открывались – не было смысла. Нормальная жизнь восстановилась там только в воскресенье.

– Значит, ее там не было... – прошептала Стефи.

– Если бы была, – резонно заметил Смайлоу, – она бы упомянула о пожаре.

– Отличная работа, Рори! – Стефи приподняла стакан,

приветствуя Смайлоу.

– А по-моему, радоваться еще рано. Может быть, у нее есть объяснение... – беспомощно возразил Хэммонд.

– Может, и есть... – насмешливо протянула Стефи. Но Хэммонд не обратил на нее внимания.

– Почему ты не упомянул об этом, когда допрашивал доктора Кэрти? – обратился он к Смайлоу.

– Мне хотелось посмотреть, пойдет ли она в своей лжи до конца.

– Или, другими словами, ты специально отпустил вожжи, чтобы она могла сама на них повеситься?

– Моя работа становится намного проще, когда подозреваемый сам затягивает петлю на своей шее.

Хэммонд замолчал, пытаясь придумать какое-нибудь новое возражение.

– Хорошо, – сказал он наконец, – мы установили, что доктор Кэрти не ездила в Харбор-Таун. Но что это доказывает? Ничего, кроме того, что она не спешит пускаться с нами в откровенность. Возможно, мисс Кэрти просто не хочет, чтобы мы знали, где она была на самом деле...

– Или с кем...

Хэммонд лишь мельком бросил на Стефи холодный взгляд и продолжил, по-прежнему обращаясь к Смайлоу:

– У нас нет против нее ничего конкретного. Все наши умозаключения – не более чем догадки. Мы не можем доказать, что она побывала в номере Петтиджона. Кроме того, когда

ты спросил, есть ли у нее оружие, она ответила отрицательно.

– А кто бы на ее месте сказал «да»? – заспорила Стефи. – И потом, у нас же есть свидетельские показания Дэниэлса. Но Хэммонд еще не исчерпал все свои доводы.

– Согласно отчету Мэдисона пули, которые он извлек из тела, были скорее всего выпущены из револьвера калибра 38 мм. Но это же самый распространенный калибр полицейского и гражданского оружия! В одном только Чарлстоне сотни и сотни таких револьверов, даже если не считать полицейского склада вещественных доказательств. Там их тоже полным-полно.

– Следовательно, в данном случае проследить ствол почти невозможно, – закончил Смайлоу мысль Хэммонда. – Вот если мы схватим убийцу и обнаружим у него револьвер, тогда другое дело.

– Что касается мистера Дэниэлса, – продолжил Хэммонд, испытывая прилив вдохновения, – то в суде Фрэнк Перкинс разделается с ним, как с цыпленком.

– Здесь ты, пожалуй, тоже прав. – Смайлоу задумчиво кивнул.

– Ну и что у нас остается? – с торжеством заключил Хэммонд. – Да ничего!

– Я отправил все найденные на месте преступления улики в Центральную лабораторию и попросил провести самое тщательное исследование.

– Фельдсвязью?

– Точно.

Центральная полицейская криминалистическая лаборатория находилась в столице штата Колумбии, и улики, требовавшие особенно глубокого или специального исследования, которое невозможно было провести на месте, обычно доставлялись туда специальным курьером. Времени это отнимало немного, поэтому рассчитывать на отсрочку, которая была так необходима Хэммонду, не приходилось.

– Посмотрим, что скажут эксперты, – спокойно заключил Смайлоу. – Признаться, в комнатах Петтиджона почти не было улик, и все-таки нам удалось наскрести несколько волосков, волокон, микрочастиц. Будем надеяться, что...

– Надеяться?! – насмешливо перебил Хэммонд, не сумев справиться со своим бурным темпераментом. – Ты полагаешься на случай? Удивительно, Смайлоу, как ты вообще ловишь убийц.

– За меня не беспокойся, – отрезал Смайлоу. – Занимайся своим делом, а я со своим как-нибудь справлюсь.

– Уж постарайся справиться не как-нибудь, а как следует. Я не хочу выходить на большое жюри с пустыми руками.

– Так пошарь в штанах, может быть, что-нибудь нащупаешь. Лично я совершенно уверен, что мне удастся отыскать факты, которые подтвердят наличие связи между этой Кэрти и Петтиджоном.

– А если не удастся, ты всегда можешь их выдумать, – ска-

зал Хэммонд, невольно повышая голос.

Смайлоу вскочил столь стремительно, что едва не опрокинул стул. В то же мгновение Хэммонд тоже оказался на ногах.

– Мальчики! – Стефи тоже поспешила встать. – Прекратите! На вас же смотрят!

В самом деле, взгляды всех посетителей бара обратились в это мгновение к ним. Разговоры прекратились как по команде, и в зале повисла напряженная тишина.

– Мне пора, – сказал Хэммонд, бросая на стол пятидолларовую банкноту. – Увидимся завтра.

Еще несколько мгновений он мерил Смайлоу взглядом, потом повернулся и стал медленно пробираться между столиками к выходу. Краем уха он слышал, как Стефи попросила Смайлоу заказать ей порцию джина с тоником, прибавив, что сейчас вернется. Через несколько секунд она догнала его. Хэммонду вовсе не хотелось с ней разговаривать, но, как только они вышли на улицу, Стефи схватила его за руку.

– Тебя проводить?

– Нет, – ответил он резче, чем намеревался. «Надо взять себя в руки», – подумал Хэммонд и, глубоко вздохнув, провел рукой по волосам. – Извини, Стефи, – добавил он несколько более мягким тоном. – Для меня понедельник и без того не самый легкий день, а тут еще приходится терпеть этого выродка Смайлоу... Я уже чувствую, что это расследование будет стоить мне массы седых волос.

– Ты уверен, что тебя беспокоит именно Смайлоу? Хэммонд высвободил руку и пристально посмотрел на Стефи, боясь, что чем-то выдал себя, но в ее взгляде не было подозрительности. Глаза Стефи были чистыми, ясными и... зовущими.

– Да, уверен.

– Я просто подумала, может быть, мы... – Она слегка повела плечом. – Может быть, ты жалеешь, что не обсудил со мной все как следует, прежде чем закончить наши отношения? – Она легко коснулась кончиками пальцев его рубашки. – Если тебе необходимо выпустить пар, то я знаю одно средство, которое когда-то неплохо тебе помогало.

– Я тоже знаю это средство, но... – Хэммонд сердечно улыбнулся, надеясь хоть немного успокоить ее самолюбие, но все же убрал руку Стефи от своей груди, предварительно слегка ее пожав. – Возвращайся, Смайлоу, наверное, уже ждет тебя.

– Смайлоу может убираться к черту!

– Надеюсь, он тебя не разочарует и исполнит твоё пожелание. Увидимся завтра.

Он повернулся и пошел прочь, но Стефи снова окликнула его:

– Хэммонд! Что ты о ней думаешь?

– О ком, о докторе Кэрти? – Хэммонд сделал вид, будто сосредоточенно думает. – Она произвела на меня впечатление человека, который умеет ясно выражать свои мысли и

владеть собой в любых ситуациях. Но в отличие от Смайлоу я не готов...

– Я хотела сказать, она тебе понравилась?

– Понравилась? – Он деланно рассмеялся. – Мисс Кэрти умна, и на нее приятно смотреть.

И, приветливо махнув рукой, он поспешил отвернуться. В отличие от Юджин Кэрти Хэммонд не умел лгать не краснея, поэтому самым безопасным для него было придерживаться истины.

Глава 17

Прежде чем отправиться в бар «Тенистая пещера», который находился на окраине, в районе, где правили нищета и преступность, за что район и получил название «чумного», Хэммонд снял деловой костюм и облачился в джинсы и застиранную, выгоревшую майку, а на голову надел сетчатую бейсболку с эмблемой «Чарлстонских патриотов», которая – как и сами «Патриоты» – знавала лучшие дни или, точнее, лучшие годы. Подобное переодевание было и маскировкой, и необходимой мерой предосторожности, однако одного этого было недостаточно. В «чумном» районе необходимо было не просто соответственно выглядеть – нужно было сменить стиль поведения и усвоить привычку бить первым. Лучше, если сразу напавал.

Вот почему, когда в дверях бара Хэммонд столкнулся с двумя выходившими оттуда подвыпившими парнями, он не только не посторонился, но, напротив, повернулся плечом вперед и протаранил обоих, действуя достаточно агрессивно, чтобы удостоиться пары проклятий, но вместе с тем не настолько, чтобы спровоцировать драку. В драке ему бы, несомненно, намяли бока, а это в планы Хэммонда не входило. К счастью, все прошло, как он задумал, а несколько фраз относительно своей родословной Хэммонд просто пропустил мимо ушей.

Ему потребовалось несколько секунд, прежде чем его глаза привыкли к полутьме и едкому табачному дыму, который слоями плавал в воздухе над бильярдными столами. Хэммонд попал в «Пещеру» впервые, но, чтобы понять, что это за заведение, вовсе не нужно было иметь семь пядей во лбу. Своя «Тенистая пещера», в которой совершались разного рода темные дела и сомнительные сделки, продавались ворованные вещи и самые дешевые наркотики, пропивались последние гроши и сколачивались мизерные состояния в сотню-другую долларов, существовала, наверное, в каждом городе Соединенных Штатов, и Чарлстон не был исключением. «Не хватало только, чтобы кто-то из посетителей узнал во мне заместителя прокурора», – с легким содроганием подумал Хэммонд, хорошо представлявший, что тогда начнется.

Вскоре он заметил ту, кого искал. Она сидела одна в конце длинной стойки, тоскливо глядя на свой пустой бокал, и Хэммонд, презрительно игнорируя направленные на него откровенно враждебные взгляды клиентов, направился прямо к ней.

С тех пор, как они виделись в последний раз, Лоретта Бут поседела, к тому же казалось, что она давно не мыла голову. Заметно было также, что Лоретта пыталась подвести губы и подкрасить глаза, но либо сделала это слишком небрежно, либо этой попытке уже исполнилось несколько дней: тушь осыпалась ей на щеки, карандаш для бровей размазался, а помада виднелась только на передних зубах и в тонких глу-

боких морщинах, которые наподобие лучей разбежались от ее бескровного рта, на одной щеке еще сохранились следы румян.

Иными словами, зрелище было душераздирающее.

– Привет, Лоретта.

Она обернулась и с трудом сфокусировала на нем взгляд своих светлых глаз с покрасневшими белками. Несмотря на его низко надвинутую бейсболку, Лоретта узнала его мгновенно, узнала и улыбнулась почти радостно.

– Значит, бог все-таки есть на свете, – сказала она глубоким, не лишенным приятности голосом, хотя он и показался Хэммонду более хриплым и значительно более усталым, чем прежде. – Вот не ожидала увидеть тебя в этом гадючнике...

С этими словами она поглядела куда-то ему за спину, словно ожидая увидеть там отряд вооруженных полицейских, явившихся наконец навести порядок в «Тенистой пещере». Не увидев никого, кто был хотя бы отдаленно похож на служителя закона, Лоретта удивленно приподняла брови.

– Ты один? – спросила она. – Решил расслабиться или...

– Мне нужно было повидаться с тобой.

– Ни за что бы не подумала. – Она невесело усмехнулась. – Я думала, ты презираешь меня.

– В общем-то, ты права, но... – Хэммонд слегка замялся, не зная, как выпутаться из неловкой ситуации.

– У тебя были все основания обижаться, – пришла ему на помощь Лоретта.

– Да, – кивнул Хэммонд.

– Что же настроило тебя на миролюбивый лад? – усмехнулась она.

– Необходимость. – Он посмотрел на ее пустой бокал. – Заказать что-нибудь?

– Разве я когда-нибудь отказывалась от дармовой выпивки?

– Хорошо, только перейдем в кабинку – там мы сможем поговорить без помех.

Хэммонд галантно протянул руку и помог Лоретте спуститься с высокого табурета. Если бы он этого не сделал, Лоретта могла бы упасть, так как колени ее подогнулись, едва только она коснулась ногами пола. Очевидно, бокал, что остался на стойке, был далеко не первым за сегодняшний вечер.

Ведя Лоретту под руку к свободному полукабинету, Хэммонд вдруг подумал о том, как бы ему не пришлось впоследствии пожалеть о том, что он собирался сделать, однако, как он и сказал, сюда его привела необходимость. И, по правде говоря, иного выхода Хэммонд не видел.

Усадив Лоретту за столик, он вернулся к бару и заказал две порции черного «Джека Дэниэлса»: одна порция – неразбавленное виски, другая – с содовой и льдом, для Лоретты. Поставив виски на столик, он сел на стул напротив нее и внимательно посмотрел на свою собеседницу.

– За тебя! – Лоретта слегка кивнула ему и сделала боль-

шой глоток. Виски ее подбодрило или, по крайней мере, придало сил, поскольку она сразу выпрямилась и взглянула на него почти осмысленным взглядом. – Ты неплохо выглядишь.

– Спасибо на добром слове.

– Нет, Хэммонд, я серьезно. Правда, ты всегда выглядел хорошо, но сейчас ты просто цветешь. Хотела бы я знать, почему вы, мужчины, с годами становитесь только привлекательнее, в то время как мы, женщины, стареем и дурнеем.

Хэммонд улыбнулся, жалея, что не может ответить комплиментом на комплимент. Лоретте только недавно исполнилось пятьдесят, но выглядела она значительно старше.

– Нет, ты определенно красивее своего папаши, – добавила Лоретта, прищурившись. – А Престон Кросс всегда казался мне одним из самых красивых мужчин в городе.

– Еще раз спасибо. Лори.

– Вы не ладите с ним именно потому, что...

– Мы с ним ладим. У нас с отцом нет никаких проблем.

Она отмела его возражения быстрым движением головы.

– Вы не ладите, потому что Престон тебе завидует. Хэммонд фыркнул.

– Говорю тебе – завидует! – повторила Лоретта не терпящим возражений тоном, который бывает свойствен только проповедникам и горьким пьяницам. – Он боится, что ты превзойдешь его, достигнешь большего, чем сумел добиться он. Ты можешь стать более богатым, более влиятельным, бо-

лее знаменитым, – чем он, а Престон терпеть не может людей, которые в чем-то его превосходят.

Хэммонд покосился на свой стакан. Ему совсем не хотелось пить, к тому же пару часов назад он уже выпил один бурбон со Стефи и Смайлоу и до сих пор чувствовал что-то вроде легкой тошноты. А может быть, дело было вовсе не в виски, а в тех проблемах, которые он пытался решить...

– Я пришел сюда не для того, чтобы говорить о своем отце, – сказал он с легким раздражением.

– Я помню, помню... «Необходимость»! – передразнила Лоретта. – Кстати, как ты меня разыскал?

– Просто позвонил по твоему последнему номеру, какой у меня был. Лоретта вздохнула.

– Там сейчас живет моя дочь.

– Но ведь это твоя квартира...

– Моя-то моя, только Бев платит за нее уже несколько месяцев. В конце концов она сказала, что если я не возьму себя в руки, то она меня вышвырнет. И вот я здесь...

Теперь Хэммонду стала понятно, почему Лоретта выглядит такой растрепанной и несвежей, и от этого ему стало совсем скверно.

– И где ты теперь живешь? – поинтересовался он.

– За меня не волнуйся, красавчик. Я пока еще могу о себе позаботиться.

Щадя ее самолюбие, Хэммонд промолчал и не стал допытываться, живет ли она просто на улице или в приюте для

бездомных. Вместо этого он сказал:

– Бев направила меня сюда. Она знает, что ты бываешь здесь чаще всего.

– Бев работает медсестрой в отделении интенсивной терапии, – неожиданно похвасталась Лоретта безо всякой видимой связи с предыдущим.

– Это отлично, – кивнул Хэммонд. – Твоя Бев – молодчина!

– Да... – Плечи Лоретты поникли. – Она сумела кое-чего добиться, даже несмотря на то, что у нее такая мать.

Оспаривать это утверждение было трудно, и Хэммонд промолчал. С каждой минутой в нем нарастали жалость и какая-то непонятная неловкость, и, чтобы не встречаться с Лореттой глазами, он принялся рассматривать табличку «Не работает», приклеенную скотчем к столу рядом с рычажком музыкального автомата.

– Я горжусь ею, – тихо сказала Лоретта, имея в виду дочь. Хэммонд кивнул.

– А она смотреть на меня не хочет!

– Мне кажется, ты ошибаешься, – мягко возразил он. – Бев просто...

– Нет, она меня ненавидит, и я не могу ее за это винить, – сказала Лоретта с неожиданной решимостью. – Я разочаровала ее, Хэммонд. – Ее глаза наполнились слезами. – Я всех разочаровала и подвела. Тебя в особенности...

– В конце концов мы взяли этого подонка. Лори. Когда-то

Лоретта Бут работала в полицейском управлении Чарлстона и была на хорошем счету, но пристрастие к виски в конце концов погубило ее. Пить же она начала после гибели мужа, который на полном ходу врезался на своем «Харлее» в опору моста. Официально эта смерть была отнесена к разряду обычных дорожно-транспортных происшествий, но в личной беседе с Хэммондом Лоретта призналась, что изменяла мужу. Неужели он предпочел смерть жизни с ней? Этот вопрос преследовал ее неотступно.

Примерно в то же самое время или даже чуть раньше она начала разочаровываться и в полицейской работе, а может быть, это разочарование было следствием разваливающейся семейной жизни. Как бы там ни было, Лоретта создавала себе проблему за проблемой, и в конце концов ее с позором уволили.

Правда, сдалась она не сразу. После увольнения из полиции Лоретта сумела получить лицензию частного детектива и некоторое время работала довольно успешно, но и это продолжалось недолго. Виски делало свое дело. К Лоретте обращались все реже, и вскоре она была вынуждена прикрыть лавочку. Оказавшись без работы и практически без средств, она влачила жалкое существование, перебиваясь тем, что ей удавалось выклянчить у дочери и у старых друзей.

Это было тем более печально, что Хэммонду Лоретта всегда нравилась. Когда он закончил юридический колледж и поступил на работу в престижную адвокатскую фирму, она

первой стала называть его Прокурором, и Хэммонд никогда не забывал, какую уверенность в своих силах вдохнуло в него это слово.

Когда Хэммонд действительно перебрался в окружную прокуратуру, он часто привлекал Лоретту для расследования сложных дел, хотя у них в штате были свои дознаватели. Даже когда из-за пристрастия к алкоголю надежность Лоретты как работника стала вызывать некоторые сомнения, он продолжал прибегать к ее услугам сначала из чувства дружеской привязанности, а потом – из жалости.

Когда-то Лоретта Бут была одним из лучших сыщиков во всем полицейском управлении. У нее были инстинкты и нюх гончей собаки, и сбить ее со следа было практически невозможно. Помимо этого она была наделена сверхъестественной способностью добывать необходимую информацию, словно какой-то незримый голос указывал ей, куда пойти и кого спросить. Даже свои кажущуюся хрупкость и болезненность Лоретта сумела превратить в оружие; большинству людей она не казалась опасной, и многие из тех, кому она сумела внушить доверие, откровенно говорили с ней на самые разные темы. Со своей стороны Лоретта была достаточно умна, чтобы отсекал ненужную информацию и оставлять то, что было существенным и важным. Однако, несмотря на все ее таланты и способности, жалкое состояние, в котором застал ее Хэммонд сегодня, внушило ему некоторые опасения относительно того, разумно ли будет по-

ручить Лоретте дело, от которого зависело слишком многое. Только доведенный до отчаяния человек мог прибегать к помощи алкоголички и надеяться, что она не продаст все его секреты за бутылку виски.

Но стоило ему подумать о Юджин, и он понял, что положение критическое.

– У меня есть для тебя кое-какая работа. Лори, – сказал он, и Лоретта поглядела на него круглыми глазами.

– Разве сегодня первое апреля? – спросила она наконец.

– Нет, сегодня не День дураков, но я, возможно, действительно спятил, если решил доверить тебе такое важное дело.

Ее черты исказила горькая гримаса, но, что за чувства скрывались за ней, Хэммонд так и не смог понять.

– Ты поступишь совершенно правильно, если ничего больше мне не скажешь, Хэммонд, – решительно заявила Лоретта. – Ты будешь самым настоящим дураком, если свяжешься со мной.

Он мрачно улыбнулся.

– Что ж, меня не раз называли сумасшедшим... Глаза Лоретты снова наполнились слезами, но она не дала им пролиться. Расправив поникшие плечи, она негромко откашлялась, прочищая горло.

– Что... Что у тебя на уме, Прокурор?

– Ты слышала об убийстве Люта Петтиджона? Брови Лоретты сами собой поползли вверх, а рот слегка приоткрылся.

– Ты хочешь, чтобы я работала над чем-то, связанным с

таким важным делом?

– Не непосредственно. Лори. – Хэммонд неловко пошевелился на шатком пластмассовом стуле. – И вообще, то, что я хочу тебе поручить, официально не имеет к прокуратуре никакого отношения. Об этом должны знать только ты и я, и никто больше. Договорились?

– На меня нельзя полагаться, однажды я это уже продемонстрировала, ты ведь помнишь... Ты всегда мне нравился, Хэммонд. Ты хороший человек, а таких в наше время немного, и я по-прежнему считаю тебя своим Другом, хотя у меня нет никаких прав ни на твою дружбу, ни даже просто на хорошее отношение. Ты много раз помогал мне и не пренебрегал мной, когда остальные отворачивались и при встречах не подавали руки. Я могу подвести тебя – возможно, так оно в конце концов и будет, – но пусть мне отрежут язык, если я выдам твою тайну.

– Я верю тебе. – Хэммонд посмотрел Лоретте прямо в глаза. – Насколько сильно ты пьяна?

– Вообще-то я выпила порядочно, но не настолько, чтобы на завтра ничего не помнить.

– О'кей. – Он набрал полную грудь воздуха, как перед прыжком в холодную воду. – Мне нужно, чтобы ты узнала все, что только возможно, о... Может быть, тебе записать имя?

– Ты хочешь, чтобы оно стало известно всем? Он немного помолчал, потом сказал осторожно:

– Нет.

– Тогда ничего не записывай. Слово – еще не доказательство, а любая бумажка – уже улика.

– Улика?! – Хэммонд даже руками всплеснул. – Ты хоть понимаешь, о чем ты говоришь? То, о чем я собирался тебя просить, дело сугубо конфиденциальное, можно сказать – частное... Возможно, оно не совсем согласуется с профессиональной этикой, но, с другой стороны, ничего незаконного в нем нет. Я просто хотел, так сказать, расчистить подозреваемому пространство для маневра.

Слегка наклонив голову, Лоретта внимательно посмотрела на него.

– Кажется, я действительно тебя не поняла. Ты что, хочешь дать подозреваемому шанс вывернуться? Подозреваемому по делу Петтиджона?

– Можно сказать и так.

– Зачем?

– Боюсь, ты недостаточно пьяна, чтобы я был готов это объяснить. Лоретта хрипло рассмеялась.

– Ладно, – сказала она, все еще недоумевая. – Кто твой подозреваемый?

– Доктор Кэрти. Юджин Кэрти.

– Он живет в Чарлстоне?

– Это не он, а она.

Лоретта несколько раз моргнула, потом посмотрела на него пристальным взглядом.

– Ах, она...

Хэммонд притворился, будто не замечает вопроса в ее глазах.

– Она – врач-психотерапевт, и у нее в Чарлстоне практика, – объяснил он. – Постарайся выяснить о ней все, что только будет возможно: где она родилась, где училась, кто были ее родители, что с ними сейчас. Меня интересует буквально все, но в первую очередь – была ли она каким-то образом связана с Лютом Петтиджоном, и если да, то какой характер носили их отношения.

– То есть ты хочешь узнать, была ли она его любовницей?

– Да, – пробормотал он. – Что-то в этом роде...

– А у меня сложилось такое впечатление, что делом Люта Петтиджона занимается Стефи Манделл, – сказала Лоретта. Настал черед Хэммонда удивляться.

– С чего ты так решила? Лоретта Бут усмехнулась.

– Я зашла в больницу, чтобы навестить Бев, – сказала она. – Или, если точнее, чтобы попросить у нее немного денег. Я как раз ждала ее в приемном покое, когда Стефи и Смайлоу ворвались туда, словно отряд коммандос. Они готовы были допрашивать больных прямо на ночных горшках, но дежурный врач прикрыл дверь своей хилой грудью и не пропустил их. Признаться, я даже немного позлорадствовала... – Лоретта немного помолчала. – Ты все еще спишь с ней?

Хэммонд не сумел скрыть своего удивления, однако спра-

шивать, как Лоретта догадалась о его романе со Стефи, ему не хотелось. К тому же эти слова лишний раз подтверждали, что Лоретта всегда была и осталась настоящим профессионалом.

– Уже нет, – ответил он.

Лоретта некоторое время испытующе смотрела на него, словно пытаясь понять, лжет он или говорит правду. Наконец она удовлетворенно кивнула.

– Хорошо, потому что мне бы не хотелось говорить гадости о женщине, которую ты трахаешь.

– Ты не любишь Стефи?

– Не больше, чем я люблю гремучих змей.

– Она не такая плохая, как ты думаешь.

– Нет, конечно. Она гораздо хуже. Стефи положила на тебя глаз с тех пор, как переехала в Чарлстон, и дело не только в том, что ей хотелось забраться к тебе в штаны, хотя и это тоже. Ей хотелось бы носить их.

– Если ты имеешь в виду, что она претендует на то же место, что и я, то мне это давно известно.

– Возможно, но только вряд ли тебе приходило в голову, что Стефи использовала тебя, чтобы подняться как можно выше по служебной лестнице.

– Ты считаешь, что Стефи спала со мной только из карьерных соображений? Спасибо на добром слове. Лори. Придется подумать об этом на досуге и пересмотреть свою самооценку.

Лоретта закатила глаза.

– Я так и знала, что ты об этом не думал. Мужчины обычно думают, что их член – это такая волшебная палочка, с помощью которой они могут заколдовать любую женщину. На самом же деле женщины используют этот ваш инструмент как... как инструмент. Как средство для достижения своих целей.

Услышав эти слова, Хэммонд невольно подумал о Юджин. Если бы Лоретта знала, какого дурака он свалил в субботу, она бы, наверное, высказалась о его умственных способностях еще резче.

– Стефи Манделл готова трахнуть с ротвейлером, если это поможет ей добиться своего, – сказала Лоретта.

– По-моему, ты перегибаешь палку, – возразил Хэммонд. – Да, Стефи честолюбива, однако за успех ей приходится дорого платить. Ничто и никогда не давалось ей даром, она добилась всего только благодаря собственному упорству, настойчивости, трудолюбию. Ты, наверное, знаешь, что ее отец был властным, не терпящим возражений деспотом, который к тому же был законченным мужским шовинистом. С его точки зрения, Стефи должна была только готовить, убираться в доме и ждать у окошка возвращения сначала отца и братьев, потом мужа. Пока она училась в университете, ей никто не помогал, все только смеялись над ней, когда же она с отличием закончила юридический колледж, отец сказал ей что-то вроде того, что, дескать, хватит заниматься глупостя-

ми, пора выходить замуж.

– Прошу тебя, довольно, мое сердце обливается кровью... – проговорила Лоретта, не скрывая язвительной насмешки.

– Послушай, я знаю, что Стефи способна вывести из себя кого угодно, – в сердцах сказал Хэммонд. – И все же у нее есть хорошие качества, и их значительно больше, чем плохих. Я отлично вижу, что она собой представляет, и...

– Ни хрена ты не видишь, – резко сказала Лоретта. – Впрочем, меня это не касается. Я просто хотела предупредить тебя насчет ее и Смайлоу... – Она потянулась к своему бокалу, но Хэммонд опередил ее и придвинул бокал к себе.

– Эй, могу я допить хотя бы то, что осталось? – запротестовала Лоретта. – Мне не так часто удается выпить хорошего виски.

– Начиная с этого момента ты не будешь пить ничего, кроме воды. Таковы мои условия. Двести долларов в день и полная «завязка», иначе сделка не состоится.

– Всего-то?..

– Я также оплачу все твои издержки. Когда работа будет выполнена, ты дополнительно получишь солидное вознаграждение.

– Это очень щедрое предложение, но я говорила не о деньгах. – Лоретта вытерла губы тыльной стороной ладони. – Больше всего меня пугает пункт о трезвом образе жизни.

– Таковы правила, Лоретта. Если ты выпьешь хоть одну

порцию виски и я об этом узнаю, наш договор аннулируется автоматически.

– Хорошо, я поняла, – раздраженно бросила она. – Просто я подумала о том, что придется постараться. Откровенно говоря, мне очень нужны деньги, Хэммонд: я обязательно должна отдать долг Бев. Если бы не это, ты мог бы засунуть свои «правила» в то место, куда никогда не заглядывает солнышко.

Хэммонд улыбнулся, зная, что все эти грубые слова – просто игра. Так сказать, дань жанру. На самом деле Лоретта была рада вернуться к любимой работе.

– Ты собиралась что-то сказать насчет Смайлоу, – напомнил он.

– А-а-а, этот сукин сын... – протянула Лоретта. – Из-за него меня и уволили. Он дал мне задание, которое просто невозможно было выполнить в срок, который он же и установил. Когда я не справилась, он свалил все на мое пристрастие к выпивке. Ну а потом Смайлоу просто отправился к начальнику полиции и заявил, что отстранить меня от следственной работы будет недостаточно. Он хотел, чтобы меня вышвырнули. Смайлоу сказал, что я позорю все управление, что я запятнала честь полицейского мундира, и пригрозил уволиться, если меня оставят. И как, ты думаешь, отреагировало начальство на этот ультиматум? Кого предпочел Крейн – лучшего в управлении детектива или женщину-разыскницу, у которой возникли проблемы с алкоголем?

– Смайлоу никогда не был особенно терпим к человеческим слабостям, – заметил Хэммонд. Лоретта фыркнула.

– Это потому, что у него достаточно своих слабых мест, – ответила она.

– Например? – заинтересовался Хэммонд.

– Например любовь к сестре и ненависть к Люту Петтиджону.

– Что тебе об этом известно? – спросил Хэммонд, снова припомнив намеки Дэви.

– Не больше, чем другим. У Маргарет Смайлоу было не все в порядке с личной жизнью. Я лично думаю, что она была транс сексуалкой. Ну а Смайлоу был заботливым старшим братом. Даже слишком заботливым. Суперзаботливым. Когда Маргарет втюрилась в Люта Петтиджона, Смайлоу это очень не понравилось, хотя я и не знаю – почему. Может быть, он элементарно ревновал сестру, а может быть, уже тогда ему было известно, что Петтиджон за тип. Как бы там ни было, он очень решительно возражал против этого брака.

– Я слышал, они несколько раз крупно поссорились. Лоретта фыркнула.

– Однажды поздно вечером мы с Рори выехали на место происшествия. Кто-то ограбил маленький ночной магазинчик и убил продавца. Но не успели мы начать осмотр, как Смайлоу на пейджер пришло сообщение: немедленно позвонить сестре. Он бросился к телефону. Маргарет была в истерике и умоляла его приехать как можно скорее. Смайлоу

тут же вызвал резервную следственную бригаду, а я повезла его к Петтиджону.

Хэммонд, – продолжала Лоретта, качая головой, – ты не поверишь, но к тому моменту, когда мы подъехали, она практически разнесла дом в щепки! Ураган Хьюго не справился бы с этой работой лучше. В доме не было ни одного стекла, которое бы не было разбито, ни одной подушки, которая бы не была выпотрошена, ни одной книжной полки, с которой бы не были сброшены книги. Пола не было видно под осколками и обрывками бумаги, а в воздухе пахло гарью – она свалила в ванну все портьеры и занавески и подожгла. К счастью, они не занялись...

В чем было дело, я так и не поняла. Скорее всего, Маргарет узнала, что у Петтиджона есть любовница. Когда мы со Смайлоу подъехали, она сидела, запершись в спальне и прижимая к запястью опасную бритву, клялась, что убьет себя. В тот раз Смайлоу удалось уговорить ее отложить бритву и выйти. Он уложил ее в постель в пустующей комнате для прислуги над гаражом и, несмотря на поздний час, позвонил ее врачу, который был столь любезен, что приехал и сделал Маргарет успокаивающий укол.

Мы со Смайлоу поехали туда, где Петтиджон развлекался со своей девкой...

Лоретта вздохнула.

– Они были в отеле «У Сабельных ворот». Смайлоу ворвался в номер и застал девчонку верхом на Петтиджоне.

Прежде чем я сумела вмешаться, они успели обменяться несколькими хорошими ударами. Мне пришлось физически удерживать Смайлоу, потому что до него просто не доходило ничего из того, что я говорила. Я до сих пор уверена, что, если бы я не повисла на нем, как бульдог, он мог бы убить Петтиджона или серьезно покалечить. Смайлоу просто взбесился. Еще никогда я не видела мужчину – или женщину – в такой ярости.

Лоретта прищурилась и побарабанила пальцами по раскохшемуся пластику стола.

– И как бы ты ни убеждал меня в противном, – добавила она тихо, – я до конца моих дней буду считать, что Смайлоу возненавидел меня именно за это. Он всегда хотел казаться бесстрастным, но в тот день он утратил всякий контроль над собой. И я стала этому невольной свидетельницей. Я увидела, что Смайлоу – обычный человек, каких сотни, и он не забыл мне этого и не простил. Я была живым напоминанием о его позоре. Вот почему он постарался от меня избавиться.

Хэммонд кивнул. Он ни минуты не сомневался в правдивости ее слов. Несмотря на все свои недостатки и слабости, Лоретта никогда не лгала и не приукрашивала действительность.

– Зачем ты мне это рассказала? – спросил он.

– Чтобы намекнуть тебе на возможности, которые ты мог упустить из виду.

– Возможности?.. Ты считаешь, что Петтиджона убил

Смайлоу?

– Мог убить, а это, как ты понимаешь, не совсем одно и то же. Во всяком случае, мотивы у него были, и черт меня побери, если это не очень серьезные мотивы. Я знаю, что Смайлоу так и не простил Люту самоубийства сестры, и это не фантазии и не бред старой пьянчужки. Твоя подруга Стефи тоже подумала об этом. Тогда, в больнице, я своими ушами слышала, как она спросила Смайлоу, насколько сильно он сам желал Петтиджону смерти.

– И что ответил Смайлоу?

– О, разумеется, он ни в чем не признался, но и не отрицал своей вины. – Лоретта невесело рассмеялась. – Смайлоу очень ловко ушел от ответа. Он сказал, что у Стефи тоже могут быть причины недолюбливать Петтиджона.

– Вот как?

– Да. Насколько я помню, Смайлоу говорил что-то насчет того, что Петтиджон, дескать, был заинтересован в том, чтобы посадить Стефи в кресло Мейсона после его отставки.

Хэммонд недоуменно пожал плечами:

– Должно быть, Смайлоу просто не выспался. Если Петтиджон оказывал Стефи покровительство, зачем ей тогда его убивать?

– То же самое спросила у него и Стефи, и на этом разговор практически закончился. Кроме того, мне показалось, что Смайлоу просто ее дразнил, поскольку мисс Манделл была совершенно уверена в том, что Петтиджона прикончила его

жена.

– Действительно, Дэви была первой подозреваемой. Но сейчас Смайлоу и Стефи нацелились на другого человека.

– На эту... доктора Кэрти?

Кивнув, Хэммонд протянул Лоретте конверт с деньгами.

– Это на первое время, – сказал он. – Если ты их пропьешь...

– Нет, клянусь!

– Выясни, что только можно об этой Юджин Кэрти. Результаты мне нужны как можно скорее.

– Быть может, мои слова покажутся тебе несколько самонадеянными... – начала Лоретта.

– Несомненно, – сухо перебил Хэммонд.

– И все же... – В задумчивости она не обратила на него никакого внимания. – Ее уже арестовали?

– Нет. Пока нет.

– Но ты, по-видимому, уверен, что доктор Кэрти ни при чем.

– Да, мне так кажется, хотя тут возможны варианты... – Он вкратце пересказал ей события сегодняшнего дня, начиная с показаний мистера Дэниэлса и заканчивая допросом, когда Юджин заявила, что не была знакома с Петтиджоном лично.

– Они не сумели найти никакой зацепки, – закончил он. – И с моей точки зрения – а я сейчас говорю как прокурор, – позиции Смайлоу очень и очень уязвимы. Нужно быть само-

убийцей, чтобы открывать дело на основании таких смехотворных улик... даже не улик, а догадок и предположений.

– А что ты скажешь не как прокурор, а как человек?

Хэммонд нахмурился.

– Я скажу то же самое.

– Так-так... – Лоретта посмотрела на него с явным недоверием, но ничего больше не возразила. – Хорошо, – кивнула она. – Да поможет ей господь, особенно если она не убивала Петтиджона.

– Ух не хотела ли ты сказать: да поможет ей бог, если она убила?..

– Я сказала то, что сказала.

– Что-то я тебя не понимаю.

– Если доктор Кэрти побывала около номера Петтиджона, но не убивала его, значит, она может оказаться свидетельницей.

– Свидетельницей? Но почему тогда...

– Почему она ничего не сказала? Господи, Хэммонд, это же элементарно! Доктор Кэрти боялась...

– Чего она боялась? Что ее саму могут обвинить в убийстве? Лоретта покачала головой:

– Нет, Хэммонд. Она боялась того, кто убил.

Глава 18

Сидя за рулем своей машины, Юджин не забывала одним глазом поглядывать в зеркало заднего вида. Это весьма смахивало на паранойю, но, поразмыслив, она решила, что поспешила с диагнозом и что подобное поведение во многом оправданно. Во-первых, ее почти целый день допрашивали в связи с убийством, а во-вторых, на допросе присутствовал Хэммонд Кросс, который знал, что она лжет. Неудивительно, что теперь она нервничала. Да и кто бы на ее месте не занервничал?

Хэммонд... Он промолчал, а это значило, что он солгал тоже, вот только почему он так поступил? Может быть, он хотел поглядеть, как далеко она зайдет в своей лжи? Что ж, она пошла до конца и, завершая свою выдуманную историю о поездке в Хилтон-Хед, была почти уверена, что Хэммонд сейчас разоблачит ее.

Но он этого не сделал, и Юджин решила, что он оберегает свою репутацию. Очевидно, ему не хотелось, чтобы детектив Смайлоу и Стефи Манделл узнали, как он переспал с ней – единственным человеком, который, как они были убеждены, способен был привести их к убийце. Да, похоже, что Хэммонд гораздо больше заинтересован в том, чтобы скрыть правду. По крайней мере – пока...

Но ведь все может измениться в любой момент, и, следо-

вательно, она по-прежнему находится в опасности. До тех пор, пока она не узнает, как именно Хэммонд намерен использовать имеющуюся у него информацию, ей необходимо принять все меры, чтобы защититься от обвинений. Возможно, до ареста дело и не дойдет, и все же она должна быть готова ко всему.

Добравшись до отеля, где остановился Бобби, Юджин оставила машину на общественной парковке, решив, что в ее положении лучше не привлекать к себе внимания гостиничной obsługi. Отель был из дорогих, и, разглядывая мраморные колонны и широкое крыльцо, Юджин подумала о том, что Бобби сумел-таки добиться своего. В прежние времена он останавливался в самых дешевых ночлежках.

Войдя в лифт и нажав кнопку нужного этажа, Юджин устало закрыла глаза и покрутила из стороны в сторону головой. Она чувствовала себя выжатой, как лимон, а ей еще предстоял нелегкий разговор с Бобби. Она не позвонила ему и не предупредила о своем визите, надеясь застать его врасплох и тем самым обеспечить себе хотя бы минимальное преимущество.

Не было смысла обманывать себя – она боялась предстоящего разговора. Больше всего на свете ей хотелось повернуть время вспять и заново переписать день, когда после двадцати лет отсутствия Бобби Тримбл снова появился в ее жизни. Нет, даже не переписать, а вычеркнуть его вовсе, как, впрочем, и все последующие дни...

Но это означало бы, что она никогда бы не встретилась с Хэммондом и не провела с ним чудесную ночь...

На это Юджин решиться не могла. В ее жизни и без того было слишком мало счастливых минут. Даже в детстве. Рождение было для нее всего лишь одним из дней на календаре, ничем особенным не отличавшимся от длинной череды таких же унылых и серых дней. Торт со свечами в день рождения, пасхальный кулич, маскарадный костюм в канун Дня Всех Святых – ничего этого у нее никогда не было; кажется, лишь в четырнадцать лет она узнала, что все эти праздники бывают не только по телевизору или в журналах, но и в реальной жизни и что обычные люди тоже могут участвовать в распродажах, церковных службах и карнавалах.

Юность ее тоже была не особенно веселой. Довольно долгое время Юджин никак не удавалось справиться с прошлым и стать новым человеком. Вернуть все, что недополучила, залечить нанесенные ей раны – этому она посвящала все свое время. Но главным для нее было будущее, поэтому, поступив в университет, она училась с таким усердием и с такой самоотдачей, что у нее не оставалось ни сил, ни времени на флирт и свидания с молодыми людьми.

Когда Юджин удалось обзавестись частной практикой, она посвятила все свою энергию ей. Благотворительность и общественная деятельность, которым она предавалась с не меньшим рвением, помогли Юджин познакомиться с достойными людьми. С некоторыми она даже подружилась, од-

нако по-прежнему в ее жизни не было места для романтического увлечения. Это был ее собственный выбор, и Юджин никогда о нем не жалела.

Но счастье, всепоглощающая радость и блаженство, которые Юджин извела с Хэммондом, до поры до времени бежали от нее. Она не представляла, что это такое – полностью раствориться в другом человеке, отдавать всю себя и получать сторицей, и не знала, как трудно будет забыть о пережитом. Она не сознавала всех опасностей пути, на который ступила. Только теперь ей что-то открылось, и она невольно спрашивала себя, всегда ли приходится платить за счастье такой дорогой ценой?

Когда двери лифта открылись, Юджин сразу услышала громкую музыку и подумала, что она, скорее всего, доносится из номера Бобби. Она не ошиблась. Ей даже пришлось постучать дважды, прежде чем музыка смолкла, и знакомый голос спросил из-за двери:

– Кто там?

– Бобби, это я. Мне нужно с тобой поговорить. Через несколько секунд дверь отворилась. Бобби стоял на пороге, и на нем не было ничего, кроме обмотанного вокруг бедер мохнатого полотенца.

– Если ты собираешься сдать меня копам, – прошипел он, – то помоги тебе господь! Я...

– Не говори глупости, – перебила она. – Я вовсе не хочу, чтобы полиция узнала о том, что мы с тобой знакомы.

Глаза Бобби быстро обежали пустой коридор. Убедившись, что Юджин одна, он удовлетворенно хмыкнул.

– Рад это слышать, Юджин. А я-то думал, что ты снова меня подставила.

– Я... – Какой-то шорох привлек ее внимание, и Юджин, вытянув шею, заглянула ему через плечо. В дверях спальни появились две девушки, слегка задрапированные простынями. – А кто... Что они здесь делают? – вырвалось у Юджин.

Бобби оглянулся и, небрежно улыбнувшись, поманил девиц. Когда они подошли, он обнял их за талии.

– Познакомься, Юджин, это... Она поспешно махнула рукой.

– Мне нужно поговорить с тобой. – Она слегка выделила голосом последнее слово и впилась в него нетерпеливым взглядом.

– О'кей, – вздохнул Бобби. – У тебя, как всегда, одни дела на уме...

Он слегка подтолкнул девиц обратно в спальню.

– Подождите меня пару минут, – проворковал он. – У нас с Юджин есть одно маленькое дельце, после чего я снова ваш... А теперь – ступайте.

Не слушая их возражений, он закрыл за ними дверь.

– Ну, я слушаю...

Юджин внимательно оглядела его.

– Ты курил марихуану или нюхал коку? – спросила она без обиняков.

Бобби сделал оскорбленное лицо.

– Что, я не имею права расслабиться? Мне необходимо было снять стресс после того, как сегодня утром я увидел копов у твоего дома.

– Где ты купил наркотики?

– Мне нет нужды что-то покупать. Главное – правильно выбирать друзей... Юджин посмотрела на закрытую дверь спальни:

– Это твои друзья? Скорее уж – жертвы...

Он осклабился, нисколько не задетый ее словами.

– Что же тут плохого, если этим цыпочкам деньги девать некуда? Они снабдили меня превосходной «травкой». Кстати, не хочешь к нам присоединиться? – Он поднял руку и игриво ущипнул ее за плечо. – Гляди-ка, как ты напряжена! Сигаретка с «травкой» и сеанс быстрого секса – это как раз то, что тебе нужно.

Юджин оттолкнула его руку.

– По-моему, ты меня с кем-то перепутал.

– Вольному воля... – Он пожал плечами и ухмыльнулся. – Тогда гони мои деньги, и спрашиваемся.

– У меня их нет.

Лицо у Бобби вытянулось.

– Ты ведь шутишь, правда? – недоверчиво протянул он.

– Ни капельки. Ты сам видел полицейских на моем крыльце, Бобби. Не могла же я доставать деньги при них! Я и сюда-то приехала, чтобы предупредить тебя: не приближайся

ко мне. Не приходи, не звони и не появляйся возле моего дома. Я не хочу тебя видеть. Я не хочу тебя больше знать!

– Погоди-погоди... – заторопился Бобби. – Мы же с тобой договорились!..

– Обстоятельства изменились, Бобби, и наша сделка отменяется. Копы подозревают, что я что-то знаю об убийстве Люта Петтиджона.

– Но это не моя вина, Юджин! Ты сама села в лужу, а теперь валишь все на меня...

– Вчера вечером я сказала тебе...

– Я помню, что ты мне сказала, но это не значит, что я тебе верю.

Юджин вздохнула. Спорить с ним было бессмысленно. Бобби не поверил ей вчера, а теперь ей тем более его не убедить. Впрочем, по большому счету ей было наплевать, поверит он ей или нет – она хотела только одного: избавиться от Бобби раз и навсегда.

– Я отдам тебе деньги. Сто тысяч, как и договорились, – сказала она.

– Сегодня.

Юджин покачала головой:

– Нет. Через две недели. Может быть, через три, когда с этим недоразумением будет покончено. Было бы безумием передать тебе деньги сейчас, когда полиция так мною интересуется. Возможно, за мной даже следят.

Упершись кулаками в бока, Бобби наклонился вперед так,

что его лицо оказалось вровень с ее.

– Разве я не говорил тебе, чтобы ты была предельно осторожна? – прошипел он. – Разве я тебя не предупреждал?

– Да, предупреждал.

– Как же тогда они вышли на тебя?

Юджин покачала головой. Ей вовсе не улыбалось обсуждать с ним это сейчас, к тому же она хорошо понимала: Бобби глубоко плевать, сумеет ли полиция установить связь между ней и Петтиджоном. Его интересовало только одно...

– Ты получишь свои деньги, – сказала она, стараясь говорить как можно убедительнее. – Я сама свяжусь с тобой, когда мы сможем встретиться, ничем не рискуя, а до тех пор... держись от меня подальше. Если будешь искать встречи со мной, этим ты только навредишь себе, понятно?

Должно быть, действие наркотика понемногу заканчивалось, поскольку лицо Бобби неожиданно сделалось мрачным.

– Ты меня за дурака держишь? – злобно спросил он. – Нет, красотка, так легко тебе от меня не отделаться! Подумай хорошенько и... не зли меня. Пока я не получу мои денежки, я от тебя не отстану. В конце концов – они взаправду мои. Я их честно заработал, и ты должна отдать мне бабки по-хорошему, иначе...

– По-хорошему, мне давно следовало тебя убить, – холодно возразила Юджин. – Именно этого ты заслуживаешь.

– Это что, угроза? Боюсь, ты не отдаешь себе отчета, в

каком положении находишься... – Он неожиданно ткнул ее в грудь твердым, как гвоздь, пальцем. – Заруби себе на носу, Юджин Кэрти: мне нечего терять, а ты теряешь все. Привези мне эти деньги, иначе...

– Бобби, по-моему, ты не понимаешь, что тебе говорят. Я не могу отдать тебе деньги. Не сейчас.

– Врешь. В конце концов, ты у нас – доктор, психолог и все такое прочее – ты и придумывай, как обмануть копов. Это не мое дело. – Он зло прищурился. – Ты привозишь деньги – я исчезаю. Нет – нет... Надеюсь, я ясно выражаюсь?

Юджин почувствовала, как в ее душе снова вскипает ненависть к этому подонку, и поразилась силе и глубине этого чувства.

– Эти две крошки... – промолвила она, кивнув на закрытую дверь спальни. – Знают ли они, что завтра утром проснутся без денег и украшений?

– Зато они кое-что получают взамен. – Бобби подмигнул. Угроза, скрытая в ее словах, так и не дошла до его все еще одурманенного наркотиком сознания. – То, чего они хотели, и даже больше...

От отвращения и ненависти Юджин едва не замутило, но она нашла в себе силы твердо покачать головой.

– Держись от меня подальше, пока я не свяжусь с тобой, – едва сдерживаясь, повторила она и, выйдя за дверь, направилась к лифту.

Бобби выглянул в коридор и, глядя ей вслед, прошипел:

– Я стану твоей тенью, Юджин. Только оглянись – я буду рядом...

Она не нашлась что ответить.

* * *

Хэммонд включил лампу на ночном столике, и стены, оклеенные пастельных тонов обоями, озарились мягким, теплым светом. Оглядываясь по сторонам, он вынужден был признать, что на убранстве номеров Лют Петтиджон не экономил. Во всяком случае, над «люксом», в котором прошли последние часы его жизни, явно поработал один из лучших декораторов.

Комната, в которой стоял Хэммонд, была просторной, но весьма уютной благодаря умело подобранным обоям и многочисленным мягким драпировкам. В специальной тумбе с распахнутыми дверцами находились видеомагнитофон и телевизор с двадцатисемидюймовым экраном. В нижнем отделении тумбы стоял проигрыватель компакт-дисков, лежал пульт дистанционного управления для телевизора и номер «Телегида» с программой.

Хэммонд заглянул в ванную комнату. Развешанные на декоративной решетке полотенца были даже не смяты, словно их никто не трогал с тех пор, как в номере в последний раз побывала горничная. На мраморном столике под зеркалом все еще стояла серебряная корзиночка с шампунями и

жидким мылом и лежали стандартный гостиничный набор с нитками и иголками, бархотка для обуви и пластиковая шапочка для душа.

Выключив свет в ванной, Хэммонд вернулся в спальню. Здесь, как и в гостиной, находился мини-бар, содержимое которого, разумеется, было уже исследовано экспертами-криминалистами. Тем не менее Хэммонд все же достал из кармана носовой платок и, обернув им руку, открыл дверцу. Судя по описи, приклеенной к дверце с внутренней стороны, все напитки были на месте.

Хэммонд закрыл дверцу и услышал, как негромко заурчал мотор охладителя. Этот звук странным образом успокоил его, придав всей обстановке что-то совсем домашнее, мирное. Лишь сейчас Хэммонд понял, как давила на него тишина, царившая в номере Петтиджона... Нет, не в номере, а на месте преступления.

Покинув «Тенистую пещеру», он хотел было сразу отправиться домой, чтобы наконец закончить этот длинный и трудный день, но вместо этого зачем-то приехал в «Чарлстон-Плаза». Впрочем, он знал – зачем. Последние слова Лоретты накрепко засели в его сознании и не давали Хэммонду покоя.

Была ли здесь Юджин Кэрти в прошлую субботу? Видела ли она что-то такое, о чем побоялась рассказать, чтобы не подвергнуть опасности собственную жизнь? Он все больше и больше склонялся к этой версии, поскольку альтерна-

тива была слишком пугающей. Он не мог поверить, что Юджин – убийца, и поэтому он приехал сюда в смутной надежде обнаружить что-то, что проглядели следователи. Что-то, что оправдает Юджин и укажет на настоящего убийцу.

Но находиться в номере, где в ту трагическую субботу он сам встретился с Лютом Петтиджоном и обменялся с ним резкими словами, Хэммонду было нелегко. Тогда он не пошел дальше гостиной, с порога сказав то, что хотел сказать. Лют выслушал его, сидя на софе и потягивая виски. На лице его не дрогнул ни один мускул, и, даже когда Хэммонд закончил, Петтиджон совершенно спокойно объяснил ему, что если он возбудит против него преследование, то в орбиту судебного разбирательства непременно окажется втянут и его отец.

«Разумеется, – добавил Лют, приторно улыбаясь, – всех этих неприятностей можно избежать. Если ты согласишься сделать так, как я тебе скажу, никакого скандала не будет. Больше того, все будут счастливы и довольны и даже станут намного богаче, чем были».

Не испытывая неловкости, Петтиджон открытым текстом предлагал Хэммонду продать душу дьяволу, чтобы спасти отца и заодно заработать кое-какой политический капитал. Хэммонд отказался от сделки в самых резких выражениях, и Петтиджону это не понравилось. В мгновение ока от его показного благодушия не осталось и следа.

«Ты еще пожалеешь, щенок!» – крикнул он, но Хэммонд

уже вышел из номера, громко хлопнув дверью.

Раздумывая об этом, Хэммонд подошел к встроенному шкафу, куда он еще не заглядывал. За высокими зеркальными дверьми находились только пустой сейф и вешалки для одежды. Лишь на одной из распорок висел в прозрачном чехле купальный халат с поясом, а под ним лежали все еще упакованные в целлофан шлепанцы.

Похоже, что и ими Петтиджон так и не успел воспользоваться. Хэммонд задвинул створку на место и вздрогнул, увидев отразившуюся в зеркале фигуру.

– Что-нибудь ищешь? Хэммонд круто обернулся.

– Я... я не знал, что здесь кто-то есть.

– Я так и понял, – кивнул Смайлоу. – Ты подпрыгнул, как будто тебя подстрелили. – Он хмыкнул и, обернувшись через плечо, посмотрел на то место на ковре, где темнели пятна засохшей крови. – Извини, – добавил он с издевкой, – возможно, я неудачно выразился...

– Ничего, переживу, – сухо отозвался Хэммонд, стараясь взять себя в руки и побороть неловкость, которую он испытывал. Смайлоу мог подумать, что он что-то вынюхивает. – Насколько я тебя знаю, – добавил он, – ты всегда подбираешь слова очень тщательно.

– Это верно, – согласился Смайлоу и прищурился. – Итак, какого черта тебе здесь понадобилось?

– А твое какое дело? – сердито отрезал Хэммонд, слегка повышая голос. Если Смайлоу не стесняется в выражениях,

почему он должен сдерживаться?

– Может быть, ты не заметил, но дверь номера была опечатана? – спросил детектив. – Или ты считаешь, что тебе все позволено?

– Мне, как прокурору, по службе полагается бывать на местах преступлений, которыми я занимаюсь.

– А разве прокурор не должен предварительно уведомить полицию и заодно захватить с собой понятых, чтобы потом не возникло никаких недоразумений?

– Я знаю порядок, – сердито буркнул Хэммонд.

– Тогда почему...

– Я был занят, – коротко сказал Хэммонд. Смайлоу был прав, разумеется, но будь он проклят, если признает это. – Когда я освободился, было уже поздно, и мне не захотелось обращаться в полицию, да еще тащить с собой копа. Я ничего здесь не трогал... – Он помахал в воздухе рукой, в которой все еще держал платок. —..И ничего не взял. Кроме того, мне казалось, что вы уже все здесь осмотрели.

– Да, мы закончили осмотр.

– Тогда что тут делаешь ты? Ищешь улики? Или, наоборот, пришел подбросить парочку? Несколько мгновений оба мерили друг друга воинственными взглядами. Смайлоу первым справился с собой.

– Я пришел сюда, чтобы обдумать кое-какие факты, всплывшие после вскрытия.

– Какие? – против собственной воли заинтересовался

Хэммонд. Смайлоу повернулся и, сделав несколько шагов, остановился возле кровавых пятен на ковре.

– Странный характер ранений. Установить траекторию пуль довольно трудно из-за обширного характера поврежденных, но Мэдисон почти уверен, что, когда в Петтиджона стреляли, он уже лежал на полу. Во всяком случае, выстрелы были произведены с расстояния не больше чем один-два фута.

– Промахнуться было трудно.

– Убийца и не промахнулся. Оба ранения были смертельными.

– Однако убийца, похоже, не знал, что Люта хватил удар.

– И все же он шел сюда, чтобы убить.

Оба некоторое время рассматривали пятно на ковре.

– Знаешь, что меня беспокоит? – спросил Хэммонд после продолжительной паузы. – Шум. Убийца дважды стрелял из револьвера тридцать восьмого калибра, а между тем выстрелов никто не слышал.

– Во-первых, в этот час на этаже не было почти никого из постояльцев. Во-вторых, вечерняя смена начинается только в шесть, и коридорный еще не успел подняться на этаж. В-третьих, убийца мог воспользоваться глушителем, возможно, даже самодельным, хотя Мэдисон и не обнаружил в ране никаких частиц, которые бы на это указывали. Но я лично склонен считать, что слова Петтиджона о том, что номера в его отеле будут звуконепроницаемыми, не были пустой

похвалкой. В отличие от разрекламированной им системы видеонаблюдения...

– Мне только что пришло в голову... – начал Хэммонд, и Смайлоу кивнул в знак того, что внимательно слушает. – Тот, кто убил Люта, несомненно, многое знал об отеле, как если бы он специально изучал все, что делал здесь Петтиджон. Это заставляет задуматься, не было ли у убийцы личных мотивов... – Он испытующе поглядел на Смайлоу. – Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

Но Смайлоу выдержал его взгляд.

– Прекрасно понимаю, – сказал он холодно.

Вторник

Глава 19

Лют Петтиджон завещал, чтобы его кремировали, поэтому сразу после вскрытия тело перевезли в городской крематорий. Вдова Петтиджона позаботилась обо всех формальностях и заполнила все необходимые бумаги. Тело было передано огню, и уже в воскресенье утром Дэви Петтиджон получила на руки урну с прахом мужа.

На утро вторника была назначена и поминальная служба, хотя ввиду особых обстоятельств кончины Петтиджона кое-кто считал, что вдова излишне торопится.

Ровно в десять утра из боковых дверей появилась Дэви, прорешествовавшая к свободным местам в первом ряду. Она с головы до пят была одета в черное, и лишь нитка крупного жемчуга оживляла ее траурный наряд. Волосы она собрала на затылке в простой «конский хвост», а на голову надела черную соломенную шляпу, широкие поля которой скрывали ее лицо – как и темные солнечные очки, которые она не снимала на протяжении всей службы.

– Как ты думаешь, почему она прячет глаза? – спросила Стефи у Смайлоу. – Потому, что они опухли от слез, или, напротив, потому, что они сухи?

Смайлоу сидел, наклонив голову, как будто в самом деле прислушивался к молитвам, и вопрос Стефи заставил его нахмуриться.

– Не знаю, – коротко ответил он одними губами.

– Извини. – Стефи покачала головой. – Вот не знала, что ты веришь этим предрассудкам.

После этого она замолчала и не произнесла ни слова до самого конца службы, хотя и не была религиозна. Вечная жизнь интересовала Стефи гораздо меньше, чем жизнь земная, главным образом потому, что все ее честолюбивые мечты были связаны именно с этим миром. Да и венец праведницы, которым она могла быть награждена в загробной жизни, привлекал ее гораздо меньше, чем должность окружного прокурора.

Поэтому, отключившись от проникновенных слов заупокойной молитвы и траурных гимнов, Стефи потратила этот час на то, чтобы еще раз обдумать все аспекты дела Петтиджона и в особенности то, как она может использовать их для собственной выгоды.

Вчера вечером именно она позвонила прокурору Мейсону. Извинившись за то, что беспокоит его дома, Стефи рассказала ему о показаниях Юджин Кэрти и о том, как та солгала, выдумав историю о поездке в Харбор-Таун. Прокурор поблагодарил ее за то, что она своевременно проинформировала его, и Стефи, чувствуя, что заработала скаутское оч-

ко,² решила сделать еще один шаг. Самым естественным тоном, на какой только была способна, Стефи уверила Мейсона, что несколько позднее Хэммонд, несомненно, тоже известил бы начальство о последних событиях. «Хотя, – закончила она доверительно, – мне почему-то кажется, что Хэммонд не считает это важным».

О том, чего она добилась этими хорошо обдуманноными словами и какие дивиденды заработала, Стефи подумать не успела. Служба закончилась, и все вокруг встали ставать. Поднялась со своего места и она.

– Как мило, не правда ли? – спросила она у Смайлоу, глядя, как со всех сторон к Дэви Петтиджон стекаются дальние и близкие знакомые, чтобы лично принести свои соболезнования. Среди них Стефи заметила и Хэммонда, который подружески обнял вдову за плечи, а она поцеловала его в щеку.

– Они, оказывается, так коротко знакомы? – удивилась она.

– Хэммонд и Дэви – друзья детства, – пояснил Смайлоу.

– Насколько близкие? – не отступала Стефи.

– А что? – Смайлоу внимательно посмотрел на нее.

– А то, что Хэммонд упорно отказывается включить Дэви Петтиджон в число подозреваемых.

Смайлоу ответил не сразу, и некоторое время они со Стефи смотрели, как к Дэви подошли мистер и миссис Престон Кросс, которые тоже обняли ее. С супругами Кросс Стефи

---

² Скаутское очко – зачет за каждое доброе дело.

встречалась только однажды. Как-то они с Хэммондом отправились на соревнования по гольфу, и там он представил ее своим родителям. Тогда Хэммонд назвал ее просто товарищем по работе, а не своей девушкой, что несколько уязвило Стефи, однако она легко утешилась, позволив себе покетничать с Престоном, который произвел на нее впечатлительное человека решительного и опасного.

Что касалось Амелии Кросс, то она была полной противоположностью своему мужу. Миниатюрная, миловидная, вежливая и мягкая в обращении, она воплощала в себе характерный тип южной леди и, казалось, ни разу в жизни не высказала самостоятельного суждения. Впрочем, решила Стефи, у нее, наверное, никогда и не было своего мнения.

– Вот тебе и ответ на твой вопрос, – процедил сквозь зубы Смайлоу. – Для Дэви Амелия и Престон – все равно что приемные родители.

– Кстати, что ты имеешь против Дэви? – поинтересовался Смайлоу, когда они шли к его машине. – Ведь, насколько я понимаю, ты уже вычеркнула ее из списка подозреваемых.

– Кто тебе сказал? – вопросом на вопрос ответила Стефи, открывая дверцу и опускаясь на переднее сиденье.

– Мне так показалось, – коротко сказал Смайлоу, садясь за руль.

– Конечно, доктор Кэрти в этом смысле выглядит куда перспективнее, – согласилась Стефи, почувствовав, куда он клонит. – Но это ни в коей мере не освобождает от подозре-

ний нашу веселую вдову. Включи-ка кондиционер, – попросила она, обмахиваясь ладонью. – Кстати, ты намекнул безутешной миссис Петтиджон, что ее алиби никуда не годится?

– Один из моих людей устроил ей и Саре Берч перекрестный допрос, – сказал Смайлоу. – Но похоже, что они обе действительно забыли о том, что в тот день служанка ездила за продуктами.

– И ты в это поверил? – удивилась Стефи. Они успели проехать несколько кварталов, прежде чем Смайлоу, долгое время молчавший, удивил ее неожиданными словами:

– Мы нашли человеческий волос в номере на ковре. Он бросил на Стефи быстрый взгляд и расхохотался, увидев выражение ее лица.

– Нет, пока ничего определенного, – добавил он. – Петтиджон мог подцепить его где угодно. Этот волос может принадлежать любому постояльцу, который снимал номер до него, любой горничной или официанту коридорной службы.

– Но если он принадлежит мисс Кэрти...

– Я вижу, она не дает тебе покоя.

– Если этот волос принадлежит Юджин Кэрти... Ты понимаешь, что это значит?

– Мы пока не знаем, ее это волос или нет.

– Но мы знаем, что она солгала! – воскликнула Стефи.

– У нее могло быть для этого с десяток причин.

– Теперь ты говоришь точь-в-точь как Хэммонд! Смайлоу хмыкнул.

– Кстати, о Хэммонде, – сказал он. – Вчера вечером я застал его в номере Петтиджона.

– Что он там делал?

– Осматривался.

– Зачем?

– Думаю, он надеялся найти что-то такое, что я пропустил.

– А тебя-то зачем туда понесло? Смайлоу неожиданно замялся.

– Вообще-то мне пришло в голову, что я действительно мог не обратить внимания на какую-то важную деталь.

– Вот что делает тестостерон с мужиками! – с презрением бросила Стефи. – Все мужчины таковы – готовы из штанов выпрыгнуть, лишь бы насолить друг другу!.. Между прочим, – добавила она после паузы, – тебе не приходило в голову, что это может влиять и на твое отношение к мисс Кэрти?

– Что именно? – не понял Смайлоу.

– Я имею в виду, если бы она не была известным психоаналитиком, если бы не была такой образованной и привлекательной, если бы не умела ясно выражать свои мысли и держать себя в руках, может быть, вы с Хэммоидом относились бы к ней иначе? Ведь я почти уверена, что, если бы перед вами сидела крутая девчонка с оранжевым «ирокезом» на голове и татуировками на обеих сиськах, вы бы не постеснялись нажать на нее как следует, а теперь... Я просто не узнаю вас обоих!

– Ну, на это я и отвечать не буду, – отрезал Смайлоу.

– Если я ошибаюсь, – не отставала Стефи, – тогда объясни, почему вы так боитесь сделать то, что диктует ситуация?

– Потому что я не могу арестовать доктора Кэрти только на основании того, что она сказала не правду. Для этого мне нужно нечто посущественнее, чем выдуманная поездка в Хилтон-Хед. Уж кто-кто, а ты-то должна это понимать. Мне необходимо как-то связать ее с Петтиджоном, найти железные доказательства того, что она хотя бы побывала у него в номере в субботу.

– А лучше всего было бы найти оружие, не так ли?

– Над этим мы сейчас работаем.

Стефи некоторое время разглядывала его чеканный профиль.

Наконец ее губы дрогнули в улыбке.

– Ну ладно, Смайлоу, выкладывай, что там у тебя? Я же вижу, что тебе есть что сказать – это у тебя просто на лице написано!

– Ты узнаешь последние новости одновременно с остальными – и не раньше.

– А когда это будет?

– Сегодня во второй половине дня. Я пригласил доктора Кэрти на вторую беседу, и она согласилась, хотя ее адвокат и не рекомендовал этого делать.

– Значит, она не подозревает, какую ловушку ты ей приготовил? – Настроение у Стефи снова повысилось, и она рассмееялась почти весело. – Мне не терпится увидеть, какое у

нее будет лицо, когда капкан захлопнется!

* * *

Ее лицо выражало полное удивление и растерянность, как, впрочем, и лицо Хэммонда.

Поначалу, однако, ничто не предвещало беды. Хэммонд, Смайлоу, Стефи и Перкинс встретились в коридоре возле кабинета детектива. Не было только самой Юджин, и Смайлоу предложил им подождать внутри. Хэммонд уже собирался войти в кабинет вместе со всеми, как вдруг Стефи спохватилась, что оставила какие-то документы в дежурной части на первом этаже полицейского управления. Документы относились к какому-то другому делу, но Хэммонд, который начинал испытывать легкую клаустрофобию при одном виде крошечного кабинета Смайлоу, вызвался сходить за ними.

Выйдя из отдела по расследованию тяжких преступлений, он как по наитию свернул к лифтам, хотя на первый этаж можно было с тем же успехом спуститься и по лестнице. Но не успел Хэммонд нажать кнопку вызова, как двери отворились и он увидел в кабине Юджин. Несколько мгновений они растерянно и потрясение смотрели друг на друга, потом Хэммонд решительно шагнул внутрь и нажал кнопку первого этажа.

Закрывшиеся двери лифта, казалось, отделили их от всего остального мира. Они были в кабине одни, и Хэммонд яс-

но ощущал легкий аромат духов Юджин. Взгляд его в мгновение ока охватил ее всю – аккуратно причесанные и подобранные волосы, стройную фигуру, легкий румянец щек.

Взгляд Юджин тоже не остался неподвижным, он скользил по его лицу точно так же, как когда-то на заправочной станции за секунды до того, как он поцеловал ее. Это умение сосредоточиваться на том, на чем останавливались ее глаза, волновало Хэммонда в Юджин едва ли не больше всего, и сейчас он снова почувствовал легкое покалывание прилившей к губам крови.

– В субботу вечером... – начал он.

– Пожалуйста, не спрашивай меня ни о чем.

– Почему ты солгала им?

– А ты бы хотел, чтобы я сказала правду?

– Я не знаю, в чем состоит правда. Этот человек... мистер Дэниэлс... Он видел тебя возле номера Петтиджона или нет?

– Я не собираюсь обсуждать это с тобой.

– Но почему...

Лифт остановился на первом этаже, и двери отворились. На площадке никого не было, и Хэммонд выступил наружу, продолжая, однако, придерживать двери ногами, чтобы они не закрылись.

– Сержант! – окликнул он дежурного по управлению. – Мисс Манделл говорит, что оставила здесь папку с документами. Вы ее не видели?

– Папку с документами? – отозвался дежурный. – Нет, не

видел. Если она мне попадется, я отправлю ее мисс Манделл.

– Будьте так добры.

Хэммонд вернулся в лифт и, отпустив двери, нажал кнопку второго этажа.

– Почему ты не хочешь сказать мне? – повторил он хриплым шепотом.

– У нас всего несколько секунд, – возразила Юджин. – Ты хочешь потратить их на разговоры о том, была я там или нет?

– Конечно же, нет! – заторопился Хэммонд и произвольно шагнул к ней. – Я хочу просто обнять тебя. Ее руки сами собой взлетели вверх.

– Нет, не надо, я... Мне почему-то нечем дышать.

– Именно это ты сказала, когда кончила во второй раз. Или это было, когда мы перебрались на пол?

– Прекрати, прошу тебя!

– А вот этого ты не говорила. За всю ночь ты ни разу не попросила меня остановиться. Тогда почему ты сбежала утром?

– По той же причине, по которой мне приходится скрывать, что я была с тобой.

– Из-за Петтиджона? Но я знаю, что ты его не убивала – время не совпадает. Однако твое положение все равно уязвимо, и Смайлоу этим воспользуется.

– Я должна была уехать от тебя тем утром. И... мне не хотелось бы, чтобы кто-то застал нас за разговором сейчас.

– Но если ты ни в чем не виновата, – сказал он, приближа-

ьясь к ней еще на полшага, – зачем тебе понадобилось алиби? Ведь именно ради этого ты легла со мной в постель в субботу вечером, не так ли?

В ее глазах полыхнули искорки гнева, губы дрогнули, словно она хотела сказать ему что-то резкое, но в этот момент лифт остановился, дверцы разъехались, и Хэммонд увидел на площадке ожидавшую их Стефи.

– О-о-о! – протянула она, быстро поглядев сначала на Юджин, потом на Хэммонда. – Я как раз за тобой... Я нашла досье. – Она подняла руку, в которой была зажата папка. – Извини, что заставила тебя спускаться.

– Пустяки.

– Позвольте пройти, – сказала Юджин, выжидательно глядя на загораживавшего дорогу Хэммонда.

– Мистер Перкинс уже здесь, доктор Кэрти, – сказала Стефи, сухо кивнув Юджин.

– Благодарю вас, – с достоинством отозвалась Юджин и шагнула к дверям отдела по расследованию тяжких преступлений.

– А где это вы встретились? – с подозрением осведомилась Стефи. Этот вопрос едва не застиг Хэммонда врасплох.

– Мисс Кэрти ждала лифт вниз, – солгал он.

– Понятно. – Стефи кивнула. – Раз все в сборе, можно начинать.

– Скажи Смайлоу, пусть подождет еще пару минут, – вмешался Хэммонд. – Мне нужно заглянуть еще в одно место.

Стефи с Юджин направились к кабинету Смайлоу, а Хэммонд юркнул в мужской туалет, который, к счастью, оказался свободен. Склонившись над раковиной, он несколько раз плеснул себе в лицо холодной водой. Поглядев на себя в зеркало, он негромко выругался.

Он просил подождать его пару минут, однако, чтобы прийти в себя, ему, похоже, требовалось гораздо больше времени. На щеках его по-прежнему горели два красных пятна, которые, несомненно, не ускользнули от внимательных глаз Стефи, но гораздо хуже этого было тягостное ощущение собственной вины, от которого, как подозревал Хэммонд, ему вряд ли удастся избавиться.

Что ему теперь делать?

Он не знал ответа на этот вопрос. Еще недавно он не знал и даже не слышал о Юджин Кэрти, теперь же эта женщина стала для него центром циклона, грозившего закружить его, засосать, подбросить вверх и швырнуть о землю с такой силой, что от него ничего не останется. Выхода из создавшегося положения Хэммонд не видел. Он не просто ошибся или оступился, а совершил серьезное должностное преступление и к тому же вовсе не горел желанием во всем признаться и исправить причиненное зло. Он продолжал упорствовать в своем заблуждении, хотя, строго говоря, никакого выбора у него не осталось. Он мог бы реабилитировать себя, когда узнал Юджин на портрете, нарисованном полицейским художником, но упустил свой шанс, а теперь было

слишком поздно.

– Смайлоу, Стефи! Вы просто не поверите! Именно с этой женщиной я переспал в ночь с субботы на воскресенье! Не может быть, чтобы она прикончила Люта Петтиджона, а потом преспокойно легла со мной в постель!

Если бы тогда Хэммонд нашел в себе силы и решимость произнести эти слова, тогда бы он был чист. В конце концов, когда он вез Юджин к себе домой, он не мог знать, что назавтра она окажется подозреваемой номер один в деле об убийстве. В крайнем случае он мог бы даже представить дело так, будто она сама соблазнила его, чтобы создать себе приемлемое алиби. О том, что это предположение может быть недалеко от истины, Хэммонд старался не думать. Тогда бы ему, возможно, лишь попеняли за неразборчивость в связях, впрочем, вполне простительную, поскольку в красоте Юджин было трудно отказать. В любом случае Хэммонд не запятнал бы себя, не погубил карьеру, не оказался бы в центре громкого скандала. Возможно, некоторое время коллеги отпускали бы по его адресу не слишком лицеприятные шуточки, но, в конце концов, это можно было пережить.

Но он промолчал. И согласно всем писанным и неписанным правилам, существовавшим для работников прокуратуры, его поведение было непростительным.

Но одно Хэммонд знал наверняка: будь у него возможность повернуть события вспять, он поступил бы точно так же.

С самого начала Юджин насторожила показная вежливость, с какой детектив Смайлоу придвинул ей стул и пригласил устраиваться поудобнее. Он даже спросил, не хочет ли она сока или воды. Это настолько не сообразовывалось с ее представлениями о его характере, что Юджин на всякий случай внутренне собралась.

– Прощу вас, мистер Смайлоу, – сказала она, – давайте не будем попусту тратить время и притворяться, будто я здесь со светским визитом. Вы просили меня приехать, а я всегда считала, что тот, кто помогает полиции, выполняет свой гражданский долг. Поэтому я здесь.

– Ваша сознательность, мисс Кэрти, выше всякой похвалы.

– Давайте все же оставим любезности и перейдем к делу, – вмешался Фрэнк Перкинс. – Вы хотели о чем-то спросить мою клиентку, Смайлоу?

– Да, хотел... – Как и в прошлый раз, Смайлоу снова уселся на краешек стола. – Итак, на чем мы остановились в прошлый раз?

За спиной Юджин открылась и закрылась дверь кабинета, и, даже не оборачиваясь, она поняла, что вошел Хэммонд. Его присутствие, казалось, поколебало самый воздух в тесном кабинетике детектива, и Юджин невольно напряглась,

стараясь ничем не выдать себя. Она никак не могла успокоиться после их разговора в лифте. Даже не разговора... Несколько секунд, которые они провели наедине, оказалось достаточно, чтобы глаза у нее заблестели, а щеки расцвели румянцем. Даже Перкинс это заметил, поскольку первое, о чем он спросил, когда она вошла в кабинет, это о том, как она себя чувствует. У Юджин был соблазн сказать, что ей нездоровится, однако она просто сослалась на жару и духоту.

Но никакая духота не способна была вызвать эту жаркую пульсацию губ и ощущение легкого покалывания во всем теле. Боже, неужели она возбудилась только от того, что он захотел обнять ее? Или в ее эмоциональном и физическом состоянии повинно и острое чувство вины, которую она испытывала перед Хэммондом за то, что скомпрометировала его, поставила перед таким нелегким выбором?

Только вначале, напомнила она себе. Лишь вначале Юджин сознательно хотела скомпрометировать его. Законы биологии довершили остальное, довершили практически помимо ее воли.

И сейчас, стоило только Хэммонду войти в комнату, она снова почувствовала то же, что испытывала тогда.

Лишь с огромным трудом Юджин удалось сдержать себя и не обернуться. При других обстоятельствах в этом, возможно, не было бы ничего особенного, но сейчас ее очень нервировало присутствие Стефи Манделл. Из всех, находившихся в комнате, она была самым опасным врагом, способным

с чисто женской проницательностью не только уловить исходящие от нее и от Хэммонда токи, но и правильно их истолковать. И без того Стефи насторожилась, когда увидела их вдвоем в лифте. Юджин физически почувствовала направленный на нее испытующий взгляд, и хотя она изо всех сил старалась казаться спокойной, ей это не вполне удалось.

Пока она размышляла, Смайлоу включил магнитофон и надиктовал на пленку имена и должности присутствующих. Потом он протянул Юджин запаянную в пленку газетную вырезку.

– Будьте добры, прочтите это, доктор Кэрти, – предложил он. Юджин пробежала глазами коротенький заголовок. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы понять, что в прошлый раз она допустила непростительный промах, который будет стоить ей очень и очень дорого.

– Может быть, вы прочтете заметку вслух? – предложил Смайлоу. – Мне бы хотелось, чтобы мистер Перкинс тоже послушал...

Понимая, что детектив пытается унижить ее, Юджин прочла статью намеренно ровным и спокойным голосом, хотя это далось ей нелегко. Дорога на Харбор-Таун перекрыта, население эвакуировано... И надо же было этому дурацкому пожару случиться именно в те часы, когда – как она заявила – она предприняла поездку в Хилтон-Хед!

Когда она закончила, в комнате повисла напряженная тишина. Потом Перкинс попросил ее дать ему взглянуть на

заметку, и Юджин протянула ему вырезку, продолжая при этом смотреть на Смайлоу.

– Итак, мисс Кэрти?... – сказал детектив.

– Что – «итак»?

– В прошлый раз вы солгали нам, не так ли?

– Вы не обязаны отвечать, мисс Кэрти, – быстро вставил Перкинс, и Юджин только улыбнулась и покачала головой.

– Где вы были в прошлую субботу во второй половине дня и вечером?

– Не отвечайте, Юджин, – снова сказал адвокат.

– Но я могу ответить, Фрэнк, – возразила она.

– Я настоятельно рекомендую вам не отвечать на подобные вопросы, – твердо повторил Перкинс.

– Мне кажется, не будет никакого вреда, если я скажу... – Юджин посмотрела сначала на неодобрительно нахмурившегося адвоката, потом перевела взгляд на Смайлоу. – В тот день я действительно планировала съездить в Хилтон-Хед, но в последнюю минуту передумала.

– Почему?

– Не знаю, должно быть, обычный каприз. – Она слегка пожалала плечами. – Вместо этого я отправилась на ярмарку в Бьюфорте.

– На ярмарку?

– Да, в тот день в Бьюфорте была ярмарка и праздничный карнавал. Это легко проверить, мистер Смайлоу. Именно туда я и отправилась после того, как уехала из Чарлстона.

– Это может кто-нибудь подтвердить?

– Сомневаюсь. Там были сотни людей. Вряд ли меня мог кто-то запомнить.

– Повторяется история с официанткой из Хилтон-Хед? Похоже было, что вырвавшееся у Стефи замечание поправило Смайлоу не больше, чем самой Юджин, поскольку, прежде чем продолжить, он бросил в ее сторону сердитый взгляд.

– Вы могли где-то увидеть объявление о ярмарке и выдумать эту поездку, как выдумали путешествие в Хилтон-Хед, – сказал он, на мгновение сбившись с корректного тона, какого старался придерживаться с начала допроса.

– Могла, но не выдумала.

– Почему мы должны верить вам, если однажды уже поймали вас на лжи?

– Можете не верить... – Юджин пожала плечами. – В конце концов, где я была, не имеет никакого значения, потому что, как я уже сказала, я не была знакома с Лютом Петтиджоном и ничего не знаю об обстоятельствах его трагической смерти.

– Мисс Кэрти не знала даже, что он был застрелен, – вставил Перкинс, с одобрением посмотрев на нее.

– Да, мы все помним, как была потрясена ваша клиентка, когда мы упомянули при ней о подлинной причине смерти Петтиджона. – Под насмешливым взглядом детектива Юджин вспыхнула, но сумела сдержать себя.

– Выезжая из Чарлстона, я намеревалась побывать именно в Хилтон-Хед, – повторила она. – Но когда я увидела ярмарку, то решила провести время в Бьюфорте. Все-таки Хилтон-Хед находится довольно далеко от Чарлстона.

– Почему вы скрыли это в первый раз?

«Чтобы защитить себя. И чтобы спасти Хэммонда...» – такова была правда, но Юджин не смела ее открыть. В конце концов, Хэммонду полагалось говорить правду по долгу службы, но он молчал, так почему же она должна открыть свою тайну?

После вчерашней встречи с Бобби Тримблом Юджин долго лежала без сна, обдумывая свое положение. В конце концов она пришла к заключению, что, если ей удастся удерживать Бобби на порядочном расстоянии, никто и никогда не сможет связать ее с Петтиджоном. Пока Хэммонд уверен в ее невиновности, то, где она провела ночь с субботы на воскресенье, останется их тайной хотя бы уже потому, что истина была невыгодна ему самому.

Но ведь Хэммонд – специальный помощник окружного прокурора, и он будет вести это дело, напомнила она себе. До каких пор он сможет пренебрегать своими служебными обязанностями?

Очевидно, до тех пор, пока будет уверен в ее невиновности. Но если у него появится хотя бы тень сомнения, тогда...

О том, что случится тогда, Юджин размышлять не стала. «Буду отвечать на вопросы, пока он не убедится в моей неви-

новности, а там видно будет», – решила она.

– С моей стороны это было глупо, мистер Смайлоу, – сказала Юджин. – Но мне почему-то показалось, что история с поездкой в Хилтон-Хед будет звучать гораздо убедительнее. В конце концов, я уже не маленькая девочка, чтобы любить карнавалы и ярмарки.

– Но зачем вам понадобилось убеждать нас в чем-то? Фрэнк Перкинс поднял руку, но Юджин опередила его.

– Я не привыкла, чтобы меня допрашивали в полиции, – сказала она. – Я нервничала, как, наверное, нервничает каждый, кто попадает в этот кабинет. Вы должны меня понять.

– Я вас понимаю, доктор Кэрти, – сказал Смайлоу с кривой улыбкой. – Поверьте, у меня не было ни малейшего намерения запугивать вас, но и вы меня поймите: с моей точки зрения, вы вели себя намного спокойнее, чем любой из тех, кого я когда-либо допрашивал. И я, и мисс Манделл, и мистер Кросс – мы все отметили, как хорошо вы владеете собой. Редко кто способен держаться столь невозмутимо, когда его обвиняют в убийстве.

Не зная, как расценивать эти слова – как оскорбление или как комплимент, – Юджин промолчала. Интересно, промелькнуло у нее в голове, что сказал Хэммонд по поводу этого ее «странного спокойствия»? У кого, у кого, а у него-то было что сказать...

– Знаете, мисс, вы – настоящая мошенница!..

– Прошу прощения, как вы сказали?.. Притворяясь

оскорбленной, она запустила обе руки ему в волосы, и попыталась оторвать его голову от своей шеи, но он не поддался.

– Просто ты попал на женщину, которая умеет прекрасно владеть собой, – проговорила она, оставляя свои попытки. Его щетина слегка кольнула ее грудь.

– Когда я спасал тебя от морских пехотинцев, я подумал: «Вот крутая телка».

– То «мошенница», то «крутая телка»... Уж не знаю, что звучит оскорбительнее.

–..Но в постели, – продолжал он, не слушая ее, – твое поведение никак нельзя назвать сдержанным.

– Трудно сдерживаться, когда...

– Когда что?

– Когда...

Его язык коснулся ее соска, и она снова потеряла всякое самообладание.

– Вы были на ярмарке одна?

– Что? – Вопрос Смайлоу так резко вернул ее к действительности, что на мгновение Юджин растерялась и, не владав с собой, бросила на Хэммонда быстрый взгляд. Его глаза полыхнули в ответ таким жаром, словно он все это время читал ее мысли и испытывал то же, что и она. Вновь испытывал...

И, глядя на вздувшуюся, пульсирующую вену у него на виске, Юджин со стыдом и растерянностью осознала, что всего минуту назад она была опасно близка к самому насто-

ящему оргазму.

– Что вы сказали? – снова повернулась она к Смайлоу, и детектив повторил свой вопрос.

– Да-да, – поспешно кивнула Юджин. – Я была на ярмарке одна.

– И оставались одна на протяжении всего вечера? – уточнил Смайлоу.

Смотреть в его немигающие глаза и лгать было невероятно трудно, но она снова кивнула.

– Вы не встретили никого из друзей? Ни с кем не познакомились? Может быть, вы позволили кому-то поухаживать за вами?

Юджин быстро сглотнула. Это было уже очень «горячо». Почему он спрашивает?

– Нет, я была одна, – повторила она снова, борясь с подступающей паникой.

– У меня нет сомнений, что вы уехали с ярмарки тоже одна, – сказал Смайлоу с плохо скрытой издевкой. – Позвольте узнать, во сколько это было?

– Когда аттракционы стали закрываться. Сколько времени тогда было, я просто не помню – не обратила внимания.

– И куда вы отправились потом?

– Вопрос не относится к существу дела, – вмешался долго молчавший Перкинс. – И вообще, детектив, результаты этой, с позволения сказать, беседы, а по сути – самого настоящего допроса, не могут иметь никакой юридической силы. У

вас нет никаких оснований требовать от моей клиентки отчета о том, где она была, что делала, с кем встречалась или не встречалась. Мисс Кэрти имеет право вообще не отвечать на ваши вопросы, к тому же вы пока не доказали, что она побывала в номере Петтиджона или хотя бы возле него. Она же объяснила, что даже не была с ним знакома! – Тут адвокат даже привстал на стуле от возмущения. – Совершенно недопустимо, чтобы человек с такой безупречной репутацией и занимающий столь заметное положение в обществе, как доктор Кэрти, подвергался этому возмутительному допросу на том лишь основании, что какой-то приезжий из Мейкона утверждает, будто видел ее в коридоре, хотя вы сами заявили, что он в это время не чаял, как добраться до туалета! Скажите, Смайлоу, вы действительно считаете человека, страдающего острым кишечным расстройством, способным замечать что-либо вокруг себя? Может ли он быть достаточно надежным свидетелем, чтобы на основании его показаний обвинять мою клиентку в таком серьезном преступлении, как убийство? Если да, – тут голос адвоката зазвенел от возмущения, – то я могу сказать вам только одно: вы опустили планку, опускать которую нельзя ни в коем случае. Этак вы далеко пойдете, детектив! Подумайте об этом на досуге, потому что мы немедленно уходим. И зарубите себе на носу: в следующий раз моя клиентка и пальцем не пошевелит, чтобы помочь полиции, которая только и делает, что оскорбляет ее, вторгается в ее частную жизнь и мешает нормальной

работе с пациентами. И он знаком предложил Юджин встать.

– Блестящая речь, Фрэнк, но мы еще не закончили, – ото-звался Смайлоу. – Моим помощникам удалось уличить мисс Кэрти еще в одной лжи, которая имеет отношение к такому важному вопросу, как орудие убийства.

– Может иметь, детектив, – машинально поправил его адвокат, миглом насторожившись. – Выбирайте выражения, когда говорите о подобных вещах. Я уже сейчас могу подать иск на полицейское управление по обвинению в клевете.

– Не волнуйтесь, адвокат, в данном случае даже вам не подкопаться... – Смайлоу довольно хмыкнул и повернулся к Юджин:

– Доктор Кэрти, вчера вы заявили, что не храните огнестрельное оружие.

– Я подтверждаю это, – кивнула она.

– Тогда ознакомьтесь. – И Смайлоу достал из папки стандартную регистрационную форму, которую Юджин тотчас же узнала. Бегло проглядев ее, она передала документ адвокату.

– Я купила этот револьвер для самообороны, – сказала она спокойно. – Как следует из даты, это было много лет назад. Но сейчас револьвера у меня нет.

– Что же с ним случилось?

– Юджин?.. – Фрэнк Перкинс наклонился вперед, вопросительно глядя на нее.

– Я отвечаю, – кивнула она и снова повернулась к Смай-

лоу. – Как я уже сказала, револьвер был приобретен мною для самозащиты несколько лет назад, но, если не считать нескольких уроков стрельбы, я ни разу им не воспользовалась. Он всегда лежал в кобуре под сиденьем моей машины, и в конце концов я совершенно о нем забыла. Я не вспомнила о револьвере и тогда, когда продала старый автомобиль и купила новый. Только через несколько недель я спохватилась и позвонила в фирму, которая приобрела у меня подержанную машину. Менеджер пообещал навести справки, но, как вскоре выяснилось, ни его сотрудники, ни покупатель ничего о револьвере не знали. Очевидно, кто-то, кто чистил салон или ремонтировал мою старую машину перед продажей, наткнулся на него и решил присвоить. Как бы там ни было, револьвер пропал.

– Ваш револьвер был того же калибра, что и тот, из которого стреляли в Люта Петтиджона?

– Да, это был стандартный револьвер калибра 38 мм, мистер Смайлоу. Он не отличался от серийных образцов даже улучшенной отделкой.

Детектив улыбнулся холодной улыбкой, которая уже прочно ассоциировалась с ним в сознании Юджин.

– Понятно. – Он с озабоченным видом потер лоб. – Но вот что у нас получается, мисс Кэрти... Мы нашли доказательство того, что когда-то револьвер у вас был, а вашу историю о том, как вы его потеряли, подтвердить практически невозможно. Вас видели неподалеку от места преступ-

ления. Несколько ранее вы солгали, когда рассказывали, как и где провели вечер субботы. Никакого алиби у вас нет... – Он слегка приподнял плечи. – Попробуйте взглянуть на эти факты с моей точки зрения, мисс Кэрти. Лично у меня появилось такое ощущение, что здесь слишком много совпадений.

– На что вы намекаете, детектив?

– На то, что вы и есть тот убийца, которого мы ищем. Юджин открыла рот, чтобы возразить, но обнаружила, что лишилась дара речи. Вместо нее заговорил Перкинс:

– Вы готовы предъявить мисс Кэрти официальное обвинение, детектив?

Смайлоу несколько мгновений пристально смотрел на Юджин.

– Пока нет.

– Тогда мы уходим немедленно.

Адвокат больше ничего не добавил и не позволил сделать этого Юджин. Впрочем, она и не собиралась ничего говорить – она была слишком напугана и прилагала все силы, чтобы не показать этого.

Важной составляющей ее работы психоаналитика было умение читать выражения лиц людей и разбираться в языке тела. Это помогало понять, что тревожит ее пациентов, так как зачастую они говорили одно, а думали совершенно другое.

Но в мысли Смэйлоу Юджин проникнуть не могла. Его

лицо казалось высеченным из самого холодного мрамора, ничто в нем не дрогнуло даже тогда, когда, глядя ей прямо в глаза, он обвинил ее в убийстве. Только человек, обладающий стопроцентной уверенностью в том, что он говорит и делает, мог быть столь твердым и бесстрастным.

Что касалось Стефи Манделл, то она, напротив, готова была пуститься в пляс или захлопать в ладоши от радости. Судя по всему, она считала, что ситуация изменилась окончательно и бесповоротно и что доктор Кэрти проиграла.

Но все это было не так важно для Юджин, как реакция Хэммонда, и со смесью тревоги и страха она повернулась к двери и посмотрела на него.

Хэммонд стоял, прислонившись к стене. Руки его были сложены на груди, одна бровь опустилась, вторая – та, что была изогнута больше, – наоборот, слегка приподнялась, словно выражая веселое недоумение. Обычному неподготовленному человеку могло даже показаться, что Хэммонд действительно спокоен и даже немного скучает, но одна его «закрытая» поза подсказала Юджин, что он напряжен до предела. Чуть опущенные веки и напряженная челюсть выдавали бурю эмоций, каждую секунду готовых вырваться на поверхность. Пульсирующая на виске жилка говорила об усилиях, которые он прилагал, чтобы этого не случилось.

И на одну секунду Юджин с ужасом подумала о том, что будет, если он не выдержит?

Глава 20

Любой директор по подбору актеров, не колеблясь, взял бы его на роль придурка. Начать с того, что у него была самая подходящая для подобной роли фамилия, дававшая немало поводов для обидных прозвищ и насмешек. Звали его Харви Дубб. Дубовая Голова, Дубовые Мозги, Дал Дуба, Дубина Стоеросовая – сначала одноклассники, а потом и коллеги по работе изощрялись в остроумии, стараясь придумать кличку посмешнее.

Внешностью он тоже не подкачал и вполне соответствовал существующим в обществе представлениям о том, как должен выглядеть типичный недоумок. Харви носил очки с очень толстыми линзами, какие обычно носят больные-дауны. Он был бледным, тощим, и из носа у него постоянно текло. Он каждый день надевал галстук-бабочку. Зимой он носил свитера из пестрой шерсти и твидовые пиджаки, летом же их сменяли рубашки с короткими рукавами и полотняные костюмы.

Единственным его достоинством, которое, кстати, тоже в какой-то степени соответствовало стереотипу, – было то, что он был настоящим компьютерным гением. Те же самые люди, которые всю потешались над ним, звонили именно Харви, как только их компьютерные системы давали сбой или останавливались. «Позвоните Дуббу! Привезите его сю-

да немедленно!» – этот сигнал бедствия был известен всем, кто имел дело со сложными компьютерными сетями.

Во вторник вечером Харви Дубб вошел в «Тенистую пещеру» и, неловко складывая мокрый зонт, близоруко всмотрелся в дымную полутьму. Он выглядел таким беспомощным, что Лоретта Бут, которая ждала Харви в одном из полубкабиновок, даже прониклась к нему сочувствием и симпатией. В жизни Харви был несговорчивым, упрямым и порой даже грубоватым. Здесь, в «Тенистой пещере», его появление было совершенно неуместным. Очевидно, он и сам это чувствовал. Но его хмурое лицо разгладилось, лишь только он заметил Лоретту.

– Я уж думал, что записал неверный адрес, – промолвил Харви, неуверенно приближаясь к ней. – Какое ужасное место! Даже название навеивает мысли о кладбище, не говоря уже о...

– Спасибо, что пришел, – торопливо перебила его Лоретта. – Я очень рада тебя видеть.

И прежде чем Харви ретировался, что он, похоже, уже готов был сделать, она схватила его за руку и чуть не силой усадила за столик рядом с собой.

– Добро пожаловать в мой кабинет, Харви, – улыбнулась она как можно приветливее.

Все еще боязливо оглядываясь, Харви пристроил под столом свой зонт и поправил на переносице очки. Теперь, когда его глаза привыкли к темноте и плотной дымовой завесе, он

разглядел посетителей в соседних кабинках и за столиками и вздрогнул.

– Как ты не боишься ходить сюда одна? – спросил он, понижая голос до шепота. – Ведь здесь бывают, наверное, только самые отъявленные подонки.

– Я бываю здесь каждый день.

– Я не то хотел сказать, – смутился Харви. – Я имел в виду, не «подонки» в смысле «негодяи», а подонки общества...

– Все равно спасибо за комплимент, – невозмутимо сказала Лоретта. – Можешь не извиняться, я не обиделась. Расслабься, Харви. По-моему, тебе не помешает выпить. Что ты будешь?.. – И она сделала знак официанту.

Харви положил тонкие руки на край стола. Его пальцы то сплетались, то расплетались в каком-то сложном танце.

– Спасибо, но я вообще-то не собирался задерживаться здесь надолго, к тому же у меня аллергия на табачный дым. Впрочем, немного виски я бы выпил.

Она заказала ему виски с лимоном и содовую для себя. Перехватив потрясенный взгляд Харви, Лоретта пояснила:

– Я в «завязке», так что можешь закрыть рот.

– Вот как? А я слышал, что ты... что ты, наоборот...

– Мое возвращение к общечеловеческим ценностям произошло недавно.

– Что ж, я рад за тебя.

– Нечему тут радоваться, Харви. Я чувствую себя довольно хреново.

Ее откровенность заставила Харви улыбнуться.

– Я вижу, ты не изменилась и по-прежнему говоришь, что думаешь, – сказал он. – Признаться, мне тебя не хватало. А как ты? Скучаешь по прежней службе?

– Иногда. Во всяком случае – не о людях. Работы – вот чего мне не хватает.

– Но ты, кажется, была частным детективом.

– Да. Я и сейчас иногда подрабатываю... – Лоретта слегка заколебалась. – Именно поэтому я и попросила тебя встретиться со мной.

Харви застонал в голос.

– Я так и знал! – воскликнул он. – Я так и сказал себе: «Харви, старина, ты очень пожалеешь, что согласился встретиться с нею».

– Но любопытство, я вижу, победило, – констатировала Лоретта.

– Умоляю, только не проси меня ни о каком одолжении! Я все равно не могу!

– Только не надо строить из себя чистое, непорочное создание, – с упреком сказала Лоретта. – Ведь мы, кажется, достаточно хорошо знаем друг друга?

Официально Харви Дубб числился служащим архивной службы округа, но его компьютерные таланты помогали ему проникать в любые базы данных города и штата. Он обладал таким количеством важной информации, что время от времени к нему обращались люди, готовые щедро платить за

те или иные сведения конфиденциального характера, однако Харви наотрез отказывался участвовать в чем-либо незаконном. На все предложения подобного рода он отвечал категорическим «нет» и стоял на своем до конца, благодаря чему ему удалось-таки заработать себе репутацию человека честного и неподкупного. Возможно, именно поэтому при последних словах Лоретты его лицо вытянулось, а глаза за толстыми линзами очков быстро и беспомощно заморгали.

– К чему это лицемерие? – продолжала та. – Ведь нам обоим прекрасно известно, что и на солнце есть пятна. Правда, Харви?

– Возможно, когда-то я совершил одну маленькую ошибку, – выдавил наконец Харви. – Но напоминать мне о ней... С твоей стороны это просто непорядочно!

– Да, наверняка я знаю только об одной твоей ошибке, – хладнокровно возразила Лоретта. – Но я совершенно уверена, что ты, к примеру, спутал файлы и испортил все программы в системе того пижона, который оскорбил тебя на рождественской вечеринке. Ну, давай же, Харви, сознавайся! Неужели ты не отомстил ему?

Харви с оскорбленным видом поджал губы.

– Впрочем, можешь ничего не говорить... – Лоретта усмехнулась. – Я тебя не виню. Просто мне очень приятно сознавать, что тебе не чужды обычные человеческие слабости... – Она погрозила ему пальцем. – Ведь так приятно время от времени нарушать правила, правда, Харви? Я уверена,

что ты просто тащишься, когда тебе удается забраться в какие-нибудь особо секретные базы данных. Для тебя это все равно что для других – притиснуть в углу зазевавшуюся девчонку.

– Какие грубые выражения! – поморщился Харви. – К тому же это не правда.

И, несмотря на утвердившуюся за ним репутацию трезвенника, он не только залпом опрокинул виски, но и не стал возражать, когда Лоретта предложила повторить.

Впрочем, она действительно хорошо знала Харви. Однажды, еще в бытность свою сотрудником полиции, Лоретта допоздна задержалась в архиве округа. Удалось ли ей тогда найти нужный документ или нет, она сейчас уже не помнила, поскольку та ночь принесла ей неожиданный и, в общем-то, приятный сюрприз. Проходя по темному коридору, она вдруг заметила свет в одном из кабинетов. Приготовив пистолет, Лоретта рывком распахнула дверь и... обнаружила в комнате Харви Дубба, который, сидя за компьютером своего начальника, потягивал бренди из карманной фляжки и просматривал его личные файлы со сведениями о доходах.

Застигнутый на месте преступления, Харви Дубб буквально помертвел от ужаса. Ведь он попался на том, чего во всеуслышание поклялся никогда не делать для других! С трудом сдерживая смех, Лоретта поспешила уверить Харви в том, что у нее нет никакого желания привлекать его к ответственности, и даже пожелала успехов в охоте за сокрови-

щами. Однако она ничего не забыла. И Харви тоже не забыл, поэтому, когда Лоретта обратилась к нему за помощью в одном расследовании, он, не колеблясь, оказал ей «дружескую услугу». Начиная с этого момента каждый раз, когда ей необходима была конфиденциальная информация, Лоретта неизменно обращалась к Харви, и он ни разу не обманул ее ожиданий.

– Я знаю, что могу на тебя рассчитывать, Харви, – сказала она, доверительно склоняясь к нему.

– Я ничего не обещаю, – нервно огрызнулся он. – В конце концов, ты больше не работаешь в полиции, а это существенно меняет дело. Откуда я знаю, как ты используешь то, что узнаешь от меня?

– Ты же меня знаешь, – повторила Лоретта спокойно. – Твои секреты умрут вместе со мной, передавать их кому-то третьему я не собираюсь. Что касается твоих опасений, то они вполне законны... Но, думаю, ты будешь чувствовать себя спокойнее, если я скажу, что работаю над делом об убийстве Люта Петтиджона.

– Ух ты! – Он уставился на нее во все глаза. – Это правда, Лоретта?

– Как бог свят.

Волнуясь, Харви сделал большой глоток из стакана, который поставил перед ним официант.

– А кто еще об этом знает?

– Почти никто. И ты тоже должен молчать, понимаешь?

Ни словечка ни единой живой душе...

– Можешь на меня положиться, – отозвался Харви сдавленным шепотом. – На кого ты работаешь?

– Я не имею права тебе этого сказать.

– Насколько я знаю, полиция пока никого не задержала.

Скажи хотя бы, у них есть подозреваемый? Лоретта покачала головой:

– Извини, Харви, я не могу это обсуждать. Даже если бы я что-то знала и сказала тебе, я бы обманула доверие моего заказчика.

– Да нет, Лоретта, ты не волнуйся! Можешь ничего не говорить, я все отлично понимаю... – Голос его прозвучал почти разочарованно, но на самом деле никакого разочарования Харви не испытывал. В нем уже проснулась жажда приключений, до которых он был большой охотник. Кроме того, причастность к секретным операциям и тайным расследованиям согревала ему душу и приятно тешила самолюбие, уязвленное тем, что в большинстве компаний его не принимали всерьез. Лоретта прекрасно это понимала, но, хотя ей порой становилось стыдно, что она так беззастенчиво играет на этих его слабостях, желание помочь Хэммонду и хотя бы частично реабилитировать себя в его глазах, пересилило.

– Мне нужна любая информация, какую ты только сможешь добыть, о докторе Кэрти. Полное имя – Юджин Э. Кэрти. У меня также есть номер ее карточки социального страхования, номер водительской лицензии и так далее. Доктор

Кэрти – психоаналитик, у нее своя практика в Чарлстоне.

– Женщина-психоаналитик? Она лечила Петтиджона или была его любовницей? Или и то, и другое вместе?

– Этого я не могу тебе сказать.

– Но, Лоретта... – жалобно протянул Харви.

– Я просто не знаю, клянусь, – торжественно проговорила она. – Все, что у меня есть, это сведения, которые я сумела добыть – отчеты о доходах для налоговой службы, кредитные карточки, движение денег на счетах. Насколько я могу судить, здесь все в порядке. У мисс Кэрти собственный большой дом, никаких крупных долгов, ничего такого... Она ни с кем не судится. За последние пять лет она даже не заработала ни одного штрафа за не правильную парковку. Ее университетские характеристики и сведения о последующей профессиональной деятельности производят самое благоприятное впечатление. Мисс Кэрти была отличной студенткой, и уже на последнем курсе ее несколько раз приглашали на работу в самые престижные клиники и профессиональные объединения врачей-психотерапевтов, но она предпочла основать собственную практику.

– Но ведь это требует очень больших денег. Должно быть, она из богатой семьи.

– Юджин Кэрти действительно унаследовала солидную сумму от своих приемных родителей. Ее приемный отец, доктор Марион Кэрти, был самым известным практикующим психотерапевтом в Нашвилле, а приемная мать – Син-

тия Кэрти – сначала была школьной учительницей, но впоследствии стала домохозяйкой. Своих детей у них не было. Оба погибли много лет назад в авиакатастрофе, когда направлялись в Юту на лыжный курорт.

– Может быть, катастрофа была подстроена? – с заговорщическим видом вставил Харви, и Лоретта постаралась спрятать улыбку за стаканом с содовой. Кажется, он уже вполне проникся духом расследования.

– Нет, этого не было.

– Гм-м... – в задумчивости протянул Харви. – Похоже, ты и без меня узнала порядочно. Лоретта отрицательно покачала головой:

– Мне по-прежнему ничего не известно о ее детстве и юности. Дело в том, что супруги Кэрти удочерили Юджин, когда ей уже исполнилось пятнадцать.

– Что ты говоришь?! – удивился Харви. – Ведь она была почти совсем взрослой! Таких обычно не...

– Это-то и странно. И, похоже, с этого момента наша Юджин Кэрти начала новую жизнь. Все, что было с ней раньше, равно как и обстоятельства ее удочерения, остается тайной за семью печатями. Именно поэтому я и обратилась за помощью к тебе.

– Гм-м... – снова хмыкнул Харви и отпил глоток.

– Я узнала, что в старших классах Юджин училась в частной школе, – добавила Лоретта. – Я позвонила туда и переговорила со всеми, начиная с учителей и кончая председа-

лем попечительского совета школы. Все они, конечно, были очень вежливы и любезны, но ни один из них не проболтался. Они не захотели прислать мне ни личного дела Кэрти, ни хотя бы списка тех, с кем она заканчивала школу. Разумеется, я понимаю, что таким образом они оберегают частную жизнь Юджин или репутацию ее приемных родителей, но мне от этого не легче. Мне удалось выяснить только, что Марион и Синтия Кэрти были достойными людьми и пользовались заслуженным уважением. Перед тем как оставить работу, Синтия Кэрти даже получила титул «Учитель года». Пациенты и коллеги доктора Мариона искренне оплакивали его, когда он погиб. Он был также псаломщиком в нашвилльской церкви, а Синтия... В общем, ты уловил мою мысль, – неожиданно закончила Лоретта. – Мне не удалось собрать никаких сведений относительно детства и ранней юности доктора Юджин Кэрти. А у меня такое чувство, что именно в этой информации и таится ответ на главный вопрос...

–..Кто убил Люта Петтиджона? – с волнением спросил Харви, снова поправляя сползшие на кончик носа очки. – Но что я могу сделать?

– Ты должен забраться в базы данных социальной службы, приютов и полиции и выяснить все, что только возможно, о детских годах Юджин.

Харви снова издал театральный стон.

– Я так и знал, что именно этого ты от меня потребуешь!

– Возможно, там ничего особенного нет, Харви. Я просто хотела, чтобы тына всякий случай заглянул в эти записи.

– Одного этого больше чем достаточно, чтобы меня с треском выгнали с работы. Ты ведь знаешь, как строго охраняют свои секреты социальные службы, – возразил он. – В особенности если дело касается тайны усыновления. Туда лучше и не соваться.

– Ты не попадешься, – уверенно возразила Лоретта. – Ведь ты же не обычный хакер-любитель, ты – настоящий компьютерный гений. Кстати, мне нужны сведения и из Теннесси тоже. Даже в первую очередь из Теннесси, ведь именно оттуда Юджин родом.

– Забудь об этом!

Перегнувшись через стол, Лоретта потрепала его по руке.

– Я знаю, что ты сможешь сделать это и не попасться!

– Если Служба охраны детства что-то пронюхает, у меня будут крупные неприятности.

– Я уверена в тебе, Харви.

Харви яростно кусал губы, но Лоретта видела, что он попался. Охваченный азартом, Харви рвался в бой, хотя задача, которую она перед ним поставила, действительно была сложной и небезопасной.

– Хорошо, я согласен попробовать, – сказал он наконец. – И еще: не торопи меня. Это тонкая работа, которая не терпит спешки, понятно?

– Как скажешь. – Лоретта опустила глаза, чтобы скрыть

их довольный блеск. – Тебе виднее, как действовать, и все же постарайся долго не копать... – Она залпом допила содовую. – Кстати, пока будешь заниматься делом...

– Что еще? – Харви в притворном ужасе закатил глаза.

– Проверь заодно кое-что лично для меня...

* * *

– Алло, это Смайлоу.

– Ну, говори же, – поторопила его Стефи. – У моего сотового не вечные аккумуляторы.

– У моего тоже. Мне только что звонили из Центральной криминалистической лаборатории.

– Есть новости?

– Да.

– Хорошие?

– Для всех, кроме мисс Кэрти.

– Ну-ка, расскажи.

– Помнишь непонятную частицу, которую Мэдисон снял с пиджака Петтиджона?

– Кажется, ты что-то говорил, но я...

– Это гвоздика.

– В смысле?

– Пряность.

– Понятно... – протянула Стефи, хотя ей было ничего не понятно.

– А теперь скажи мне, когда ты в последний раз видела гвоздику.

– Кажется, на пасху. Мама готовила ветчину с гвоздичным соусом.

– А я видел вчера, когда побывал в доме у мисс Кэрти. У нее в прихожей стоит большая ваза со свежими апельсинами, которые сплошь утыканы почками гвоздики.

– Есть! – вырвалось у Стефи. – Теперь она попалась.

– Нет еще, но мы, похоже, действительно напали на что-то конкретное.

– А что насчет волоса?

– Волос человеческий, но Петтиджону он не принадлежит. К сожалению, мы пока не можем установить, принадлежит ли он мисс Кэрти.

– Вот именно – пока... Смайлоу негромко рассмеялся.

– Ладно, Стефи, спокойной ночи.

– Постой-постой, разве ты не собираешься сообщить новости Хэммонду?

– А ты?

– Ладно, до завтра, Рори, – сказала Стефи после небольшой паузы.

* * *

Хэммонд с самого начала не собирался отвечать на настойчивые телефонные звонки и передумал за считанные

мгновения до того, как включился автоответчик. Но едва он поднес трубку к уху, как тотчас же пожалел об этом.

– Я уж начал думать, что тебя нет дома. – В устах Престона Кросса простая констатация факта легко превращалась в упрек, и сейчас был именно такой случай.

– Я был в душе, – солгал Хэммонд. – Что ты хотел?

– Я только что отвез твою матушку в бридж-клуб и теперь возвращаюсь домой, – сказал Престон. – Мне не хотелось, чтобы она садилась за руль в такой дождь.

Хэммонд машинально кивнул. Со стороны брак его родителей мог показаться бесконечно старомодным – так четко были расписаны в нем роли и обязанности супругов. Сколько он себя помнил, все решения отец принимал единолично, а мать только исполняла его волю. Слепая покорность, с которой она следовала каждому слову Престона, никогда не была по душе Хэммонду. Порой ему даже казалось, что подобный порядок вещей унижает мать, лишает ее индивидуальности, однако сама Амелия, похоже, была вполне довольна своим положением. Именно поэтому Хэммонд никогда не высказывал своих сомнений открыто, боясь рассердить отца и огорчить мать, к тому же в данном случае его мнение мало что значило. Ни Престон, ни Амелия просто не стали бы ничего менять в своем браке, который благополучно просуществовал больше сорока лет.

– Как продвигается расследование, сын?

– Отлично, – озадаченно ответил Хэммонд, не совсем по-

нимая, чем объясняется этот внезапный интерес. Престон усмехнулся.

– Не мог бы ты рассказать поподробнее?

– Зачем тебе?

– Так, любопытно стало. Сегодня я играл в гольф с твоим боссом, и он упомянул, что Смайлоу уже дважды допрашивал эту... как бишь ее? Ну, ту женщину, которую он подозревает в убийстве. Как я понял, оба раза ты присутствовал при допросе...

Услышав эти слова, сказанные небрежным тоном, Хэммонд машинально кивнул. Ему все стало ясно. Престон не просто любопытствовал – он хотел быть уверен, что его сын справляется с порученным делом.

– Мне не хотелось бы обсуждать это по сотовому телефону, – сказал он. – Ведь ты звонишь из машины, не так ли?

– Не глупи. Я просто хочу знать, как твои дела. Стараясь изгнать из своего голоса извиняющиеся нотки, Хэммонд начал коротко пересказывать содержание обоих допросов.

– Ее адвокат...

– Фрэнк Перкинс – отличный юрист, – перебил Престон Кросс. – Тебе нелегко придется.

Хэммонд только хмыкнул. Похоже, отец был осведомлен о деталях не хуже его, так что, делаясь с ним информацией, которая формально являлась служебной и не подлежала разглашению, он не совершал преступления. Не больше, чем Монро Мейсон, с которым его отец был дружен со школь-

ной скамьи и который за сегодняшней партией в гольф, несомненно, посвятил Престона во все подробности расследования.

Сам Хэммонд вряд ли мог что-то к этому добавить, даже если б захотел.

– Перкинс считает, что у нас нет против мисс Кэрти ничего конкретного, – закончил он.

– А как твое мнение?

Прежде чем ответить на этот вопрос, Хэммонд надолго задумался, зная, что то, что он скажет сейчас, может бумерангом вернуться к нему. К тому же в отличие от Юджин он никогда не был особенно умелым лжецом. Его способна была смутить малейшая не правда, а ведь его совесть уже отягощали целых два чудовищных обмана – обмана, которые он совершил, когда скрыл истину.

Впрочем, к своему удивлению, Хэммонд обнаружил, что отцу он может лгать с относительной легкостью.

– Смайлоу удалось поймать мисс Кэрти на лжи, но Перкинсу, как мне кажется, будет довольно легко отбиться, если дело попадет к судье.

– Как именно?

– Все дело в том, что обвинение... в лице Смайлоу и моем, пока не сумело добыть ни одной бесспорной улики, указывающей на причастность мисс Кэрти к убийству Петтиджона.

– Но почему тогда эта мисс Кэрти выдумала целую историю вместо того, чтобы прямо ответить, где она была в суб-

боту вечером?

– Мейсон, я вижу, ничего не забыл, – вздохнул Хэммонд.

– Но разве стала бы она лгать, если бы ей было нечего скрывать?

– Ну а если у нее было свидание? Если она солгала просто для того, чтобы не втягивать своего любовника в это сомнительное дело? – желчно осведомился Хэммонд. – Об этом вы с Мейсоном не подумали?

– Что ж, это возможно... – задумчиво проговорил Престон. – Но в любом случае ложь остается ложью, и я рад, что Смайлоу удалось разоблачить эту дамочку. Я знаю, сын, ты его недолюбливаешь, но даже ты не можешь не признать, что Смайлоу – отличный детектив.

– Спорить с тобой я, во всяком случае, не собираюсь.

– А тебе известно, что он к тому же дипломированный юрист? Услышав эти слова, Хэммонд внутренне собрался. Он достаточно хорошо изучил своего отца и знал его тактику. Это последнее замечание Престона можно было сравнить с коротким джебом³ в лицо, призванным не столько поразить противника, сколько отвлечь его внимание от зубодробительного апперкота, после которого легко можно было оказаться в нокдауне. И удар не заставил себя ждать.

– Надеюсь, – добавил Престон, – Смайлоу не планирует в ближайшее время перевестись из полиции в прокуратуру, потому что в этом случае ты, сынок, можешь остаться без

---

³ Джеб – короткий, прямой удар в боксе.

работы.

Хэммонд крепко сжал зубы, борясь с соблазном послать отца куда подальше.

– Я говорил твоей матери...

– Ты обсуждал это дело с мамой?

– Почему бы нет?

– Потому что... Потому что это нечестно.

– По отношению к кому?

– По отношению ко всем, кого это касается. К полиции, к прокуратуре, к подозреваемой, к самому Смайлоу, наконец... Что, если эта женщина ни в чем не виновата? Ее репутация может оказаться погубленной ни за что ни про что, а если разразится скандал, отвечать придется Смайлоу...

Ему было плевать на Смайлоу, но из тактических соображений он все же упомянул о нем, чтобы отец ничего не заподозрил.

– Не пойму, почему ты так расстраиваешься...

– Надеюсь, – отчеканил Хэммонд, – мама не станет распространяться об этом в бридж-клубе и делиться с партнерами подробностями расследования?

– По-моему, ты принимаешь это слишком близко к сердцу. Хэммонд подумал, что его отец, возможно, прав, однако он ничего не мог с собой поделать. Чем дольше продолжался этот идиотский телефонный разговор, тем больше он раздражался и тем сильнее нервничал. Меньше всего ему хотелось, чтобы Престон контролировал каждый его шаг. Судеб-

ный процесс такого масштаба требовал от любого участвующего в нем юриста предельной сосредоточенности и максимального напряжения сил. Хэммонд хорошо знал, что, когда работаешь с полной отдачей, часы кажутся днями, а недели тянутся, как месяцы, но с этим он вполне способен был справиться. Больше того, от такой работы он даже получал удовольствие. Но неизмеримо труднее ему было справиться с потоками критики, на которую его отец никогда не скупился. Это было не просто неприятно, как неприятен любой удар по самолюбию, – это было даже опасно, так как могло подорвать его уверенность в правильности выбранной тактики и заставить мучительно обдумывать каждый следующий шаг.

– Послушай, па, я знаю, что делаю, – сказал он как можно более миролюбиво.

– Я никогда не сомневался в твоей компетентности и профессиональной...

– Черта с два! – не выдержал Хэммонд. – Ты подвергаешь сомнению мою компетентность каждый раз, когда беседуешь с Мейсоном и выуживаешь у него подробности, которые тебе знать не положено. Почему тебе не приходит в голову, что, если бы Мейсон не был доволен моей работой, он никогда бы не поручил мне вести это дело? И уж конечно, он бы не считал меня своим самым вероятным преемником...

– Все, что ты говоришь, верно, – невозмутимо заявил Престон. – Тем больше у меня оснований беспокоиться, как бы ты не допустил какой-нибудь ошибки.

– С чего ты взял, что я должен совершить ошибку?

– Насколько мне известно, эта мисс Кэрти – очень привлекательная женщина...

Этого Хэммонд не ожидал. Выпад был настолько неожиданным, что он даже пошатнулся. Престон Кросс прекрасно умел выбирать самые незащищенные места.

–] Это... – процедил Хэммонд сквозь зубы, —..это самая оскорбительная вещь из всех, что ты мне только что наговорил.

– Послушай, Хэммонд, я...

– Нет, это ты послушай!.. Я исполню свой долг, чего бы это ни стоило, и, если будет необходим смертный приговор, я без колебаний его потребую. И точно так же я потребую обвинительного приговора для тебя, когда вскрыются все твои неблагоприятные дела.

– По-моему, ты блефуешь, парень, – сказал Престон после небольшой паузы.

– Ты так думаешь? – фыркнул Хэммонд.

– Тогда сделай это. Отдай меня под суд, только не забудь сначала уяснить себе мотивы...

– Какие?

– Обыкновенные. Прежде чем предъявить мне обвинение, убедись, что у тебя в руках – настоящие, серьезные улики, а не мелочная зависть или недовольство. Не стоит тратить свое и мое время и ставить себя в неловкое положение только из-за того, что ты за что-то на меня обижен, потому что

по этой «статье» меня никогда не приговорят. Пытаясь досадить мне, ты сделаешь хуже прежде всего себе.

Хэммонд с такой силой сжал трубку, что у него заныли пальцы.

– До свидания, папа, – твердо сказал он и дал отбой.

* * *

Несмотря на дождь, Юджин все-таки решила немного пробежаться и сразу обнаружила, что ливень ей нисколько не мешает. Напротив, она с меньшим отчаянием думала о том хаосе, в который погрузилась вся ее остальная жизнь. Из-за поездки в полицию ей пришлось перенести несколько лечебных сеансов на более поздний час, что было не просто тяжело физически, но и означало существенную умственную и эмоциональную перегрузку. Но бег трусцой быстро избавил ее от внутреннего напряжения и дал отдых усталому мозгу.

Шлепая кроссовками по лужам, Юджин размышляла о своих пациентах. Что будет с ее практикой, думала она, когда станет известно, что ее подозревают в убийстве Петтиджона? Как поведут себя ее больные? Изменит ли это их мнение о ней?

Разумеется, изменит, ответила она себе. Довольно глупо было надеяться, что все останется как прежде. Вряд ли ее пациенты отнесутся равнодушно к тому, что их лечащий врач оказался в самом центре скандала, связанного с расследо-

ванием убийства. Пожалуй, нужно уже завтра направить их к другим врачам, чтобы лечение не прерывалось, даже если случится непредвиденное. Например, если ее возьмут под стражу, а судья откажется выпустить ее под залог.

С другой стороны, с какой-то странной отрешенностью подумала Юджин, поиск врачей, которые продолжали бы лечение, это уже не ее проблема. Когда ее пациенты узнают, что их психотерапевт обвиняется в убийстве, они, скорее всего, покинут ее сами.

Пробегая мимо автомобиля, припаркованного у тротуара неподалеку от ее дома, Юджин заметила, что стекла его запотели. Кто-то был внутри. Еще через несколько шагов она услышала и негромкое урчание работающего на холостых оборотах мотора, хотя ни подфарники, ни габаритные огни не были включены.

Только пробежав еще двадцать ярдов или около того, Юджин разрешила себе обернуться. На ее глазах автомобиль включил подфарники и отъехал, почти сразу скрывшись за углом улицы, которую она только что пересекла.

Это пустяки, убеждала она себя. Просто совпадение. Но в это не очень-то верилось. Неужели кто-то следит за ней?

Например, полиция. Смайлоу ничего не стоило отправить своих людей присматривать за непокорной мисс Кэрти. Интересно, так всегда делается или у Смайлоу были какие-то свои соображения?

Кроме полиции, за ней мог следить и Бобби, который

наверняка боялся, как бы она не исчезла с его деньгами. Правда, машина, которую она только что видела, не была его «Мерседесом» с откидным верхом, но Бобби умел быть изобретательным, особенно когда речь шла о его интересах.

Существовала и еще одна возможность, возможность куда более страшная. Юджин даже думать об этом не хотелось, хотя она и понимала, что это было бы непростительной глупостью. Ведь следить за ней мог и убийца Петтиджона, который – узнав, что ее видели неподалеку от места преступления, – мог вообразить, будто и она заметила что-то, что могло представлять опасность лично для него.

Подумав об этом, Юджин вздрогнула, но не потому, что боялась смерти, хотя эта мысль тоже приходила ей в голову. Все дело было в том, что она больше не могла распоряжаться собственной жизнью, и это было страшнее всего. В каком-то смысле это обстоятельство было для нее важнее всего.

Двадцать лет прошло с тех пор, как Юджин поклялась себе, что никогда не отдаст свою жизнь в чужие руки и не позволит никому распоряжаться ею. Двадцать лет ей понадобилось, чтобы убедить себя в том, что она наконец сумела сбросить с себя последние путы и может сама определять свое будущее.

Но тут появился Бобби, и все снова полетело вверх тормашками. Огромное количество людей, о существовании которых еще неделю назад она даже не подозревала, определяли теперь ее судьбу, и она была бессильна что-либо изме-

нить.

После получасовой пробежки Юджин вернулась домой. Поднявшись на террасу, она первым делом заглянула в прачечную и, стащив с себя насквозь промокшую спортивную форму, завернулась в банную простыню.

Всю свою взрослую жизнь она прожила одна, и возвращаться в пустой дом ей было не привыкать. Одиночество... С ним она тоже свыклась, хотя по временам оно по-настоящему пугало ее. Юджин старалась выработать в себе силу воли и твердый характер, чтобы противостоять длинным пустым уик-эндам и праздникам, когда даже компания хороших друзей не могла заменить ей отсутствия семьи. Но даже сидя вечерами у пылающего камина в уютном кресле восемнадцатого века, она продолжала ощущать свое безнадежное одиночество, и если по ночам Юджин частенько вскакивала на постели и всматривалась во тьму, то вовсе не потому, что ей слышались подозрительные шорохи. То, что будило ее, носило совсем другое название. Тишина одинокого дома и страх, что придется оставаться одной до конца жизни, – вот были имена демонов, которые терзали ее, не давая спать по ночам.

Сегодня, однако, Юджин чувствовала себя несколько иначе. Какое-то смутное беспокойство, легкая тревога овладевали ею, однако она старалась не поддаваться им. Погасив свет на первом этаже, Юджин стала подниматься вверх. Старые деревянные ступеньки негромко поскрипывали под ее нога-

ми, и хотя она всегда любила этот домашний звук, сейчас он только раздражал ее, заглушая другие, гораздо более тихие звуки, которые ловил ее напряженный слух.

Но вот лестница осталась позади, и Юджин ненадолго остановилась на верхней площадке, чтобы перевести дух. Внизу было тихо и темно, и она снова попыталась убедить себя в том, что у нее просто разыгрались нервы.

Должно быть, это дождь во всем виноват, решила она, продвигаясь по коридору к своей спальне. После нескольких дней удрушающей жары обрушившийся на город тропический ливень не мог, как и всякая резкая перемена, не вселять тревоги. Потоки воды, грохотавшие по крыше, хлеставшие по стеклам и бурлившие в водостоках, отнюдь не способствовали успокоению, и душа ее находилась в смятении и бунтовала вместе со стихией.

Остановившись в дверях спальни, Юджин посмотрела в окно. Пышная гардения, росшая в большом глиняном горшке внизу, наклонилась на одну сторону и практически плавала в грязно-бурой жиже, в которую превратилась размытая земля. Небольшой фонтан в центре сада был переполнен, а все дорожки засыпаны сбитыми с деревьев белыми и розовыми лепестками. Водоотводные канавки вышли из берегов, и дождевая вода подмывала кусты роз и клумбы с камелиями.

«Ну просто всемирный потоп», – подумала Юджин и решительно вошла в спальню, заперев за собой дверь. Шум

дождя сразу стал тише, и она снова поежилась. Такой ливень был способен поселить тревогу в одинокой душе. К счастью, он не сопровождался грозой, однако, возможно, именно от этого обрушивающиеся на землю каскады воды рождали ощущение вселенской катастрофы.

Отгнав от себя тревожные мысли, Юджин прошла в душ. Повесив махровую простыню на латунную решетку, она повернула кран в ванной, чтобы слить застоявшуюся в трубах воду, а сама стала чистить зубы. Выпрямляясь, она заметила в зеркале над раковиной какой-то силуэт и резко обернулась.

Это был всего лишь ее купальный халат, висевший на крючке возле двери.

Ощущая в коленях противную слабость, Юджин облокотилась на раковину и приказала себе успокоиться. Определенно, с ней творилось что-то из ряда вон выходящее. Еще никогда она не реагировала так резко на воображаемые опасности. Что же случилось с нею сегодня?

«Бобби, – решила она наконец. – Во всем виноват этот мерзавец!»

Но прошло совсем немного времени, и она даже улыбнулась, подумав о том, что ее слабость не была на самом деле такой уж необъяснимой. Юджин сама не раз рекомендовала пациентам не стараться справиться с собой, а напротив – разрядиться, проявить свою реакцию непосредственно и бурно. Что должен испытывать человек, чей с трудом созданный и тщательно оберегаемый мир начал трещать по швам и

рушиться? Гнев, ярость, растерянность, детский страх, подступающую панику. Как видно, этот закон распространялся и на нее, иначе бы она не приняла халат за притаившееся чудовище.

Еще раз усмехнувшись, Юджин снова подумала о Бобби Тримбле. Любому воображаемому чудищу было до него далеко. Бобби умел ломать судьбы. Однажды он уже чуть было не сломал ей жизнь и теперь угрожал сделать это снова. Именно поэтому сейчас она боялась его даже больше, чем раньше.

И именно поэтому она начала вздрагивать при виде собственной тени, лгать и совершать другие безответственные поступки. Это она втянула Хэммонда Кросса во что-то ужасное, в чем и сама еще не разобралась до конца.

«Прости меня, Хэммонд. Я не думала, что все произойдет именно так».

Убедившись, что вода идет достаточно горячая, Юджин влезла в ванну и задернула за собой пластиковую занавеску. Включив душ, она подставила тело под струи горячей воды и замерла.

Какой удачной казалась ей поначалу история о поездке в Хилтон-Хед! Курорт находился на значительном расстоянии от Чарлстона и был достаточно оживленным, чтобы ее версию было трудно проверить. Но ей не повезло! Пожар не только разоблачил ее ложь, но и дал Смайлоу повод серьезно задуматься, не скрывает ли она что-то важное.

То, что Юджин рассказала детективу о своем револьвере, было правдой от первого до последнего слова, однако она сомневалась, что он ей поверит. После того как она попала на лжи, все, что бы она ни говорила, будет встречаться с недоверием и проверяться с особым тщанием.

Юджин понимала, что и Смайлоу, и Стефи Манделл очень бы хотелось, чтобы она оказалась виновна. В особенности – Стефи. Помощник окружного прокурора ненавидела всех женщин, это стало ясно Юджин с первого взгляда. Этот тип она знала достаточно хорошо, поскольку в ее исследованиях ей уже доводилось сталкиваться с подобными характерами. Стефи была умна, амбициозна и готова добиваться своего, не стесняясь в средствах. Но Юджин знала и другое – то, что такие люди редко бывают счастливы, поскольку никогда не бывают довольны ни собой, ни окружающими. В особенности собой, поскольку, всеми правдами и не правдами добиваясь задуманного, они своими руками отодвигали желанную цель дальше и дальше, поднимая планку все выше и выше. В таких условиях недовольство собой становилось перманентным состоянием, накладывавшим свой отпечаток на самую личность. В этом смысле Стефи Манделл была, что называется, классическим клиническим случаем. Ее честолюбие было огромным, а способность удовлетворить его лишь кажущейся, и это превращало всю жизнь Стефи в бесконечную борьбу, в бег к недостижимой линии горизонта.

Что касалось Рори Смайлоу, то «расшифровать» его было труднее. Детектив держался с подчеркнутой сдержанностью, но Юджин догадывалась, что он может быть жесток. За внешним спокойствием она, однако, угадывала что-то, что постоянно грызло его изнутри. Смайлоу не знал ни минуты покоя и находил облегчение в том, что терзал и мучил других, стремясь сделать окружающих такими же несчастными, каким был сам. Это постоянное беспокойство и борьба с собой были его слабым местом, однако, несмотря на это, Смайлоу оставался очень опасным противником. Юджин убедилась в этом на собственном опыте.

Она никак не могла решить, кого из них двоих ей следует опасаться больше.

Был, правда, еще и Хэммонд. Если Смайлоу и Стефи считали ее убийцей, то он мог думать о ней гораздо хуже. Юджин, однако, старалась вспоминать об этом как можно реже. В противном случае раскаяние и сознание безвыходности ситуации, в которой она оказалась, могли парализовать ее волю и сделать легкой добычей для тех же Смайлоу и Стефи.

Но еще тяжелее ей было думать о том, как могло бы все повернуться, встретиться они с Хэммондом в другое время и при других обстоятельствах. Если какой-то мужчина и мог прикоснуться к ней, разбудить ее, то это был только он. Только Хэммонду было по силам избавить ее от одиночества, заполнить пустоту в ее сердце и в конце концов разделить с

ней жизнь. Теперь она знала это наверняка.

Однако сейчас Юджин не могла позволить себе подобных романтических мечтаний. Сначала ей необходимо было как-то выпутаться из той невообразимой ситуации, в которую, если уж говорить откровенно, она сама себя загнала. Ее практика, ее репутация, свобода и даже жизнь – все оказалось поставлено на карту.

Пошевелившись, Юджин открыла глаза и, взяв с бортика флакон с жидким мылом, намылила губку. Потом она вымыла голову душистым шампунем и снова встала под горячий душ, надеясь, что тепло поможет ей расслабиться.

Наконец Юджин выключила кран и, проведя ладонями по телу, чтобы стряхнуть воду, отдернула пластиковую занавеску. И закричала.

Глава 21

Бобби снова был при деньгах. Не беда, что Юджин Кэрти так и не отдала ему оговоренную сумму – Бобби был уверен, что это только временная задержка. Она никуда не денется и привезет ему эти сто тысяч, потому что в противном случае доктор Кэрти теряла гораздо больше.

Бобби мог немного подождать, благо после знакомства с двумя скучающими девицами он стал на несколько сотен долларов богаче. Пока они дрыхли в его кровати, он потихоньку собрал вещички и отбыл, чувствуя себя почти альтруистом. Как-никак он преподавал этим развратным дурочкам хороший урок.

Необходимость найти новое жилье была пустяком по сравнению с доставшейся ему суммой, и, чтобы вознаградить себя за связанные с переездом в другой отель неудобства, Бобби заказал в номер роскошный завтрак.

После завтрака Бобби собирался отправиться по магазинам. Новый шикарный костюм был ему просто необходим. Одежду, которую он носил, Бобби всегда рассматривал в качестве основного средства производства. Чтобы женщины обращали на него внимание, он должен был одеваться соответствующим образом.

Остаток утра Бобби, однако, провалялся в шезлонге возле открытого бассейна отеля, совершенствуя свой загар, и толь-

ко потом отправился в город.

В бар он вошел одетый в новый, с иголки, костюм из светло-кремового полотна и стильную шелковую рубашку темно-синего цвета. Этот бар порекомендовал ему таксист, у которого Бобби спросил, где в Чарлстоне можно поразвлечься.

«Хочешь подцепить девочку? – уточнил тот, бросая на него быстрый взгляд в зеркало заднего вида. – Я как раз знаю одно подходящее место, красавчик».

Таксист не подвел. Уже давно Бобби не видел столько классных женщин одновременно. Да и место для «съема» было самое подходящее: гремела музыка, в центре зала топтались потные пары, в углах едва теплились крошечные светильники, а в полутьме стремительно скользили официантки, едва успевавшие исполнять заказы тех, кто явился сюда за развлечениями.

Бобби потребовалось всего двадцать минут и два слабеньких коктейля, чтобы выбрать жертву. Она сидела за столиком одна. На столике был только один бокал. Ее никто не приглашал танцевать. Поза ее была безмятежной, но алчущий взгляд беспокойно бегал по сторонам. Каждый раз, когда вблизи ее столика появлялся одинокий мужчина, на ее губах появлялась зовущая улыбка.

Несколько раз она поглядела и в его сторону, но Бобби притворился, будто не заметил ее взгляда. И только потом неожиданно одарил ее ответной улыбкой.

Она залилась краской и поспешно отвернулась. Рука в дорогих перстнях взлетела к шее и принялась нервно играть тонкой золотой цепочкой.

«Клюнуло!» – подумал про себя Бобби, расплачиваясь с барменом.

Он подошел к ней сзади. Она не видела его и подняла голову, только когда Бобби взялся за спинку свободного стула. – Простите, здесь кто-нибудь сидит? Широко раскрывшиеся глаза и краска удовольствия, бросившиеся ей в лицо, выдали все, что она чувствовала. Впрочем, она тут же спохватилась и даже сделала попытку скрыть свои чувства под напускным кокетством.

– Теперь сидит, – сказала она, хихикнув, поскольку Бобби уже опустился на стул. При этом он намеренно коснулся коленями ее колен, тотчас, впрочем, извинившись за свою неловкость.

– Не хотите ли чего-нибудь выпить? – спросил он самым светским тоном.

Ее звали Элен Роджерс. В Чарлстон она приехала из Индианаполиса и очень страдала от южной жары. Впрочем, тут же добавила она, и в палящем солнце есть свое очарование. От местной кухни она была в полном восторге, хотя и пожаловалась, что за неделю пребывания в Чарлстоне успела набрать пять лишних фунтов.

– О, вам нет никакой необходимости следить за своим весом, – галантно сказал Бобби, хотя, на его взгляд, Элен не

мешало бы сбросить фунтов пятнадцать-двадцать. – У вас отличная фигура!

– Я получаю хорошую физическую нагрузку у себя на работе.

– Вы инструктор по аэробике? – предположил Бобби. – Или тренер?

– Кто, я? – Она расхохоталась. – Господь с вами! Я учительница, преподаю английскую грамматику и веду дополнительные занятия по чтению. Набегаешься по этим этажам! Боже, да я каждый день прохожу не меньше десяти миль!

Элен сразу заметила, что он родом из Южных штатов («Вы совершенно правы, мэм!»). Она определила это по его акценту – по характерной для Юга мелодичности речи и по тому, как он растягивает слова. Ей нравятся южане, призналась Элен. Они обычно жизнерадостные и приветливые.

Бобби улыбнулся и наклонился к ней:

– Мы стараемся быть джентльменами, мэм.

Он тут же доказал это, пригласив Элен на танец. И еще на один. Когда оркестр заиграл медленную музыку, Бобби как бы невзначай привлек Элен к себе, не забыв извиниться за то, что так сильно взмок. Но она возразила, что это сущие пустяки и что ей нравится запах пота. «Это так по-мужски!» – сказала она.

В середине танца он положил руку на ее пышный зад и прижал к себе так, что она не могла не почувствовать его возбуждения.

Когда музыка кончилась, Бобби был красен, как вареный рак.

– Извините меня, пожалуйста, – бормотал он, очень правдоподобно запинаясь. – Мне... мне ужасно стыдно. Дело в том, что я давно не прикасался ни к одной женщине. Если вы хотите, чтобы я оставил вас в покое, только скажите, и я...

– Вам не за что извиняться, – мягко сказала Элен. – Это только естественно, и вы ни в чем не виноваты. Ведь вы же не можете контролировать...

– Нет, мэм, не могу. Во всяком случае, не тогда, когда держу вас в объятиях.

Элен взяла его за руку и, отведя обратно к столику, заказала обоим по крепкому коктейлю. Когда она сделала из своего бокала несколько внушительных глотков, Бобби рассказал ей о своей жене.

– Она умерла от рака, – закончил он трагическим голосом. – Это было два года назад, в октябре.

Взгляд Элен выразил приличествующую случаю печаль.

– О, как это ужасно!

И Бобби, ободренный успехом, поведал Элен, что только недавно снова начал выходить и радоваться жизни.

– Сначала, – говорил он грустно, – я был очень доволен, что у нас не было детей, но теперь... Теперь я об этом жалею. Ведь я остался совсем один на всем белом свете, а это нелегко. Человек не должен быть один, понимаете? Это противно его природе.

В ответ Элен сочувственно похлопала его под столом по ноге. Потом ее рука поднялась чуть выше и осталась там. А Бобби подумал, что все идет как по маслу.

* * *

Хэммонд стоял и смотрел на нее.

– Господи, как же ты меня напугал! – ахнула Юджин. – Что ты здесь делаешь? Как ты попал в дом? Когда?

– Ты тоже меня напугала, – ответил он.

– Я? Как?!

– Я знаю, почему ты солгала. Ты боишься того, кто убил Петтиджона.

Она опустила голову.

– Да. Мне действительно может грозить опасность.

– Я должен был предупредить тебя, но не хотел звонить по телефону...

Юджин машинально загородилась занавеской и бросила беспокойный взгляд в сторону спальни.

– Ты думаешь, Смайлоу прослушивает линию?

– С него станется. Он может пойти на это даже без решения суда. Она на секунду задумалась.

– Мне тоже так кажется. Я почти уверена, что детектив Смайлоу организовал за мной слежку.

– Мне об этом ничего не известно, но это не значит, что за тобой не наблюдают. – Хэммонд перевел дух. – О том, что

я здесь, никто не знает. Я перелез через стену сада и битых пять минут стучал в твою кухонную дверь. Я видел наверху свет, но ты все не отзывалась, и мне стало... Я вдруг подумал, что опоздал и с тобой случилось что-то... Ну, ты понимаешь?..

Юджин кивнула.

– Я ничего не слышала. Этот дождь...

– Я напугал тебя. Ты вся дрожишь. – Он снял с вешалки халат и укутал ее. – А почему ты решила, что за тобой следят?

– Я делала пробежку и заметила какую-то подозрительную машину. У нее работал двигатель, но огни не горели и «дворники» не работали.

– Ты выходила? В такую погоду? Одна?

– Я всегда одна, – ответила Юджин. – Но я стараюсь быть осторожной. Он слабо улыбнулся.

– Прости, что напугал тебя, – снова сказал он.

– Ничего страшного... Я и так что-то разнервничалась сегодня.

– Не мог же я так запросто подняться на крыльцо и позвонить в парадную дверь, – сказал Хэммонд извиняющимся тоном.

– Наверное, не мог.

– А если бы мог, ты быпустила меня?

– Не знаю... Да. – Последнее слово она произнесла совсем тихо.

Хэммонд опустил глаза и уставился на ямочку между ключицами, где, как жемчужина в раковине, блестела крупная капля воды. Руки его все еще сжимали отвороты ее халата и, выпустив их, он сделал шаг назад, думая о том, что за одно это его можно было бы наградить медалью «За доблесть».

– Нам надо поговорить, – сказал он глухо.

– Хорошо, я сейчас...

Хэммонд послушно развернулся на одеревеневших ногах и вышел в спальню. Через несколько минут Юджин присоединилась к нему. Она была одета в довольно старомодный стеганый домашний халат с поясом, который был плотно запахнут у нее на груди.

– У тебя кровь идет.

Хэммонд поднес к глазам руку и обнаружил на большом пальце небольшую ранку.

– Наверное, я порезался, когда взламывал твой замок.

– Хочешь, я дам тебе пластырь?

– Ничего, и так сойдет.

Сейчас Хэммонду меньше всего хотелось разговаривать с ней.

Ему хотелось распахнуть на ней халат и, прижавшись щекой к ее обнаженной груди, попробовать ее кожу на вкус, ощутить ее теплый запах. Все его тело вздрагивало от неистового физического желания, и ему стоило огромного труда не поддаться ему. Никакой вины за то, что произошло в субботу вечером и ночью, Хэммонд не чувствовал – только

за то, что случилось потом.

– Ты ведь с самого начала знала, кто я и как меня зовут, – глухо сказал он. Именно сказал, а не спросил, но она все равно ответила:

– Да...

Хэммонд медленно кивнул. Ему по-прежнему было трудно принять то, с чем он так долго мысленно боролся и против чего восставал.

– Мне не хотелось бы говорить с тобой об этом, но...

– Почему?

– Потому что я знаю: ты все равно солжешь, я рассержусь, а мне не хочется злиться на тебя.

– Я тоже не хочу, чтобы ты злился на меня. Так что, может быть, нам все-таки лучше поговорить? Он снова кивнул.

– Мне хотелось бы кое-что от тебя услышать, даже если это будет ложью. Скажи, тогда, в субботу... Можешь ты поклясться, что с тобой еще никогда ничего подобного не происходило?

Юджин слегка наклонила голову.

– Я имею в виду не только ощущения, страсть, но и... В общем, все вместе.

Она сглотнула, и капелька воды, примостившаяся в ямочке, скользнула вниз.

– Со мной еще никогда не происходило ничего подобного, – сказала она неожиданно севшим голосом. – Это правда...

Именно это Хэммонд и хотел... надеялся услышать, однако лицо его осталось почти таким же мрачным.

– Тогда... тогда нам просто необходимо поговорить.

– Но, может быть...

– Необходимо, – повторил он с нажимом. – Скажи, то, что мы пришли в тот павильон на ярмарке почти одновременно, ведь это не было случайностью?

Несколько мгновений Юджин колебалась, потом покачала головой:

– Нет, не было.

– Но как, ради всего святого, ты узнала, что я буду именно там? Ведь я и сам этого не знал!

– Прошу тебя, – тихо сказала она, – не спрашивай меня больше ни о чем.

– Ты была у Петтиджона в субботу?

– Я не могу тебе этого сказать.

– Почему?

– Просто не могу.

– Но ведь это такой простой вопрос! Юджин невесело усмехнулась.

– Смотря для кого. Для меня он совсем не простой.

– Тогда ответь и объясни.

– Если я сделаю это, я останусь... совсем без защиты.

– Мне странно это слышать, – заявил Хэммонд. – Если кому и нужна сейчас помощь и защита, так это мне. Ведь это я оказался подвешен между небом и землей, а не ты.

– Но тебя не подозревают в убийстве.

– Нет, в убийстве меня не подозревают, но согласишься, что положение, в котором я очутился, чревато многими другими опасностями. Ведь это я веду дело одного из самых известных граждан города, который к тому же женат на моей близкой знакомой.

– На твоей близкой знакомой? – переспросила она чуть слышно.

– Да, Дэви Петтиджон, в девичестве Бертон, была моей подругой детства. Мы вместе выросли, и теперь она попросила окружного прокурора, чтобы этим делом занимался именно я. Как видишь, на меня надеется много людей, которых мне не хотелось бы разочаровывать. А теперь представь, что будет с моей репутацией, с моей карьерой, с моим будущим, наконец, если кто-то узнает, что сегодня вечером я был здесь, с тобой!

– Ты хотел знать, почему я уехала от тебя в воскресенье, ничего тебе не сказав? – Юджин принялась беспокойно расхаживать из стороны в сторону. – Вот тебе и ответ на твой вопрос. Я хотела остаться для тебя незнакомкой, чтобы ты... чтобы ты не оказался в том положении, в каком находишься сейчас.

– Тебе не кажется, что в воскресенье утром думать об этом было, гм-м... несколько поздновато? И вообще, если бы тебя так заботила моя репутация, ты бы не подцепила меня на ярмарке.

Она остановилась и с упреком посмотрела на него.

– Извини, Хэммонд, но память тебе изменяет. Это ты меня подцепил.

– Ну хорошо, пусть я. – Хэммонд фыркнул. – Только что это меняет?

– Это меняет многое, – твердо возразила она. – Кто дважды догонял меня, когда я хотела уйти? Кто умолял меня побыть с тобой еще немного? Кто поехал за мной после? Кто остановился на заправке и...

– Ну хорошо! – Хэммонд решительно рубанул воздух ладонью. – Допустим, я действительно сделал все это, но ведь нам обоим прекрасно известно, что чем недоступнее женщина, тем желаннее она мужчине. Это одна из самых старых и самых сильных приманок, которая срабатывает практически безотказно. И ты ею воспользовалась. Ты прекрасно знала, что ты делаешь и зачем...

– Да, я знала! – воскликнула она негромко и посмотрела на него полными слез глазами. – Сначала я хотела просто... познакомиться с тобой.

– Зачем?

– Для страховки.

– Иными словами, тебе нужно было алиби? Юджин снова опустила глаза.

– Я не предполагала, что ты мне... так понравишься, – сказала она тихо. – Сначала я действительно собиралась использовать тебя в своих целях, но потом мне стало очень

стыдно. Вот почему я пыталась убежать. Я не хотела, чтобы ты оказался скомпрометированным из-за нашей встречи, но ты не отпустил меня. Ты поехал за мной и... поцеловал. – Она снова посмотрела на него. – После этого поцелуя я забыла обо всем на свете, забыла даже, какие причины заставили меня искать знакомства с тобой. Я хотела только одного – быть с тобой. – Быстрым движением руки Юджин смахнула со щеки слезинку. – Ты можешь мне не верить, но это правда.

– Зачем тебе понадобилось алиби?

– Ты же знаешь, я не убивала Петтиджона. Ты сам сказал мне об этом в лифте.

– Да, я так сказал. А теперь ты скажи, зачем тебе в таком случае алиби.

– Не спрашивай меня, пожалуйста.

– Хорошо, не буду. Просто скажи мне.

– Не могу.

– Почему не можешь?

– Потому что не хочу, чтобы ты думал, будто я... – Она глубоко вздохнула.

– Это имеет какое-нибудь отношение к тому мужчине?

Вопрос застал ее врасплох.

– К какому мужчине? – спросила Юджин, отшатываясь.

– В воскресенье вечером я был у твоего дома и видел тебя с мужчиной. Вы подъехали в «Мерседесе» с открытым верхом. – Хэммонд помолчал и добавил:

– Это было меньше чем через двенадцать часов после того, как ты покинула мою постель.

– В воскресенье вечером? – переспросила Юджин. – Это был... один мой старый друг. Мы вместе учились в колледже, а сейчас он приехал в Чарлстон по делу. Он позвонил мне и пригласил выпить с ним по коктейлю.

– Ты лжешь.

– Почему ты мне не веришь?

– Потому что моя работа как раз и состоит в том, чтобы отличать ложь от правды и лжецов – от честных людей. Ты лжешь мне, Юджин!

Она выпрямилась и скрестила руки на груди.

– Этому необходимо положить конец! – воскликнула она. – Сегодня, сейчас. Так дальше продолжаться не может. На карту поставлена твоя карьера, и я не хочу отвечать за ее возможный крах. И уж тем более я не хочу иметь дело с кем-то, кто мне не верит.

– Кто был этот мужчина?

– Какая тебе разница? Я же сказала – он мой старый друг. Подумай лучше о своих друзьях, которые спят и видят, как бы отправить меня на скамью подсудимых.

– Что удивительного в том, что я тебе не верю, когда ты не хочешь ответить мне на самые простые вопросы? – спросил Хэммонд сердито.

– Для меня это непростые вопросы! – почти прокричала в ответ Юджин. – Ты даже не представляешь себе, насколько-

ко они непростые. Они напоминают мне о вещах, о которых я пыталась забыть и которые преследовали меня с... – Она осеклась, сообразив, что сказала слишком много. – Я понимаю, – добавила она почти спокойно, – что ты не можешь верить мне, как не поверил бы мне любой разумный человек. Что ж, тем больше у тебя оснований уйти и никогда больше не возвращаться. Никогда, слышишь?

– Вот и отлично.

– Пока мы с тобой лежали в постели...

– Это было великолепно!

– Но если ты мне не доверяешь...

– Не доверяю.

– Тогда...

– Ты спала с Петтиджоном? Она побледнела.

– Что-о?!

– Ты спала с ним? – повторил Хэммонд. – Лют был твоим любовником?

Он шагнул к ней, непроизвольно сжимая кулаки, она попыталась и пятилась до тех пор, пока не уперлась спиной в стену.

Так вот что его так беспокоит, поняла Юджин. Вот что заставляет его пренебрегать карьерой, положением в обществе и всем остальным, что он когда-то считал важным. Желание знать ответ на этот вопрос было в нем таким сильным, что обычно осторожный и сдержанный Хэммонд Кросс вел себя как человек, совершенно потерявший голову.

– Так ты трахалась с Петтиджоном или нет? Отвечай!

– Нет! – выкрикнула она и добавила совсем тихо:

– Нет, клянусь тебе.

– Ты убила его? – Он сжал руками ее плечи и так низко наклонился к ней, что его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от ее головы. – Ответь мне честно на этот вопрос, и я прощу тебе любую ложь. Ты убила Люта Петтиджона?

Юджин отрицательно покачала головой:

– Нет, я его не убивала.

Он уперся кулаками в стену позади нее и, наклонившись еще ниже, коснулся щекой ее щеки. Его дыхание было горячим и таким громким, что заглушало даже шум дождя снаружи.

– Я хочу верить тебе...

– Это правда, я не убивала Петтиджона, – повторила Юджин. – Но не спрашивай меня больше ни о чем, потому что я все равно не смогу ответить...

– Но почему? Скажи хотя бы – почему?

– Потому что ответы причинили бы мне слишком сильную боль.

– Как? Я не понимаю...

– Прошу тебя, не заставляй меня. Это же мука мученическая... Я боюсь, что мое сердце просто разорвется пополам.

– Но своей ложью ты разбиваешь сердце мне.

– Пожалуйста, Хэммонд, если ты хоть немного уважаешь меня, избавь меня от... Я не хочу, чтобы ты во мне разоча-

ровался. Я предпочла бы никогда больше с тобой не встретиться, чем позволить тебе знать...

– Что? Скажи мне!

Она решительно покачала головой, и Хэммонд понял, что продолжать давить на нее бессмысленно. К тому же после того, как он убедился, что Юджин не причастна к убийству Петтиджона, с его стороны было бы самым правильным оставить ее в покое и не лезть ей в душу.

– Это еще не все, – неожиданно добавила Юджин. – Назревает кризис, и мы можем оказаться по разные стороны барьера...

– Значит, твоя тайна все-таки имеет отношение к делу? – встрепнулся Хэммонд, хватаясь за ее слова, как за последнюю надежду.

– Я знала, что наша встреча все очень усложнит, и тем не менее допустила... Больше того, я хотела, чтобы это произошло. Даже на заправочной станции я еще могла сказать тебе «нет», но... не сказала.

Он слегка приподнял голову, чтобы видеть ее лицо.

– А если бы тебе представилась возможность переписать эту страницу заново...

– Это нечестно!

–..Ты бы что-нибудь изменила?

Она долго выдерживала его взгляд, лишь еще одна слеза скатилась по ее щеке. Для Хэммонда это было достаточным ответом.

– Я тоже!.. – прошептал он. – Я тоже не стал бы ничего менять.

Мгновение спустя он обнял Юджин, и его жадный рот раздвинул ее губы. Вода капала с ее мокрых волос на его рубашку. Наконец они разжали объятия.

– Юджин...

– Хэммонд...

Они рассмеялись тому, что впервые назвали друг друга по имени и поцеловались с еще большей страстью. Распустив пояс ее халата, Хэммонд просунул руки под ткань и ласкал нежную кожу Юджин, исторгая из ее уст негромкие стоны.

Кровь стучала в ушах Хэммонда громче, чем низвергающиеся на крышу потоки дождя. Гулкие удары пульса заглушали не только все внешние звуки, но и робкий голос совести и здравого смысла. Когда они и вовсе замолчали, он подхватил Юджин на руки и перенес на постель. Уложив ее на простыни, Хэммонд, сгорая от нетерпения, сорвал с себя одежду и лег рядом. С губ его сорвался протяжный вздох, в котором смешались отчаяние и страсть.

– Я спала с тобой не ради алиби, Хэммонд...

Приподнявшись на руках, он заглянул ей в глаза:

– А ради чего?

– Ради тебя самого...

Хэммонд спрятал голову у нее на груди.

Высшей точки наслаждения они достигли одновременно.

Они лежали под одеялом, обнявшись. Юджин прижалась к нему, и Хэммонд с удовлетворением увидел, какое у нее счастливое лицо. Правда, глаза ее были закрыты, но губы слегка улыбались, и на щеках играли очаровательные ямочки. Она не спала, и Хэммонд, негромко рассмеявшись, поцеловал ее веки.

Юджин открыла глаза и посмотрела на него, потом выпростала из-под одеяла руку и провела кончиком пальца по его губам.

– О чем ты думаешь? – спросил Хэммонд.

– Я думала о том, как было бы здорово пойти с тобой куда-нибудь. Например, в ресторан или в кино... Чтобы вокруг было много народа и все-все нас видели. Чтобы я могла познакомить тебя со своими друзьями.

– Может быть, когда-нибудь так и будет.

– Может быть... – эхом повторила она, но в ее голосе звучало сомнение. – Я недавно в Чарлстоне, но кое-что знаю. Знаю местное общество... Мне известно, что здесь не жалуют чужаков.

– Меня это не волнует.

– Зато волнует большинство коренных чарлстонцев. В Чарлстоне, наверное, каждая семья ведет свою родословную если не от первых поселенцев, то по крайней мере от героев

Гражданской войны.

– Один знаменитый чарлстонец, – правда, он был литературным персонажем – сказал: «Дорогая моя, мне теперь на это наплевать».⁴ И я готов подписаться под этими словами. Даже если бы мне было не наплевать, я бы все равно предпочел тебя всем женщинам нашего города. Я предпочел бы тебя любой красавице, пусть она даже ведет свою родословную от Евы.

– Любой? А Стефи Манделл?.. – Юджин рассмеялась, увидев выражение его лица. – Посмотрел бы ты на себя сейчас!

– Как ты узнала?

– Женская интуиция. Она мне сразу не понравилась, и я уверена, что это между нами взаимно. Нет, это не обычная неприязнь, которая возникает, наверное, между подозреваемым и следователем. Это совсем другое чувство, более глубокое и более примитивное, что ли... Сегодня, когда она едва не застучала нас в лифте, я поняла. Ведь вы были любовниками, правда?

– Вот именно – «были». – Хэммонд специально выделил голосом последнее слово. – Мы встречались почти год, но потом...

– Как давно вы расстались?

– Два дня назад.

– Два дня? – в замешательстве переспросила Юджин. – То

---

⁴ М. Митчелл. Унесенные ветром.

есть... в это воскресенье? Он кивнул.

– Из-за... из-за того, что случилось накануне?

– Ну, не совсем. Для меня наши отношения закончились уже довольно давно, но после... Когда я узнал тебя, мне окончательно стало ясно, что мы со Стефи не созданы друг для друга. – Он ласково провел рукой по ее волосам. – Несмотря на то, что ты – маленькая врушка, ты самая соблазнительная и желанная женщина в мире. И дело тут не только в твоей физической привлекательности...

– А в чем же?

– Ты умна.

– О, весьма! Кроме того, я люблю животных и вежлива со старшими.

– Ты веселая.

– А еще у меня спокойный, выдержанный характер.

– Ты покладиста, чистоплотна и, должно быть, замечательный врач.

– Я чувствовала, что в детстве ты был бойскаутом!

– Что было, то было... так о чем я? Ах да, у тебя очень красивые груди!

– Ты же говорил, что дело не в физической привлекательности.

Вместо ответа Хэммонд наклонился и крепко поцеловал Юджин. Когда он наконец отстранился, лицо у нее было хмурым, и это напугало его.

– Что случилось?

– Тебе надо быть очень осторожным!

– Никто никогда не узнает, что я был у тебя. Но Юджин покачала головой:

– Нет, я не об этом.

– А о чем?

– Смотри, как бы я не влюбилась в тебя, Хэммонд! Как же тогда ты сможешь потребовать для меня обвинительный приговор?

Среда

Глава 22

– Спасибо, что согласились принять меня. Прокурор Мейсон указал Стефи Манделл на кресло.

– У меня только одна минута, Стефи! – прогрохотал он. – Что у тебя за дело?

– Я пришла по поводу дела Петтиджона.

– Я так и понял. Что-нибудь случилось? Последовавшая пауза была тщательно рассчитана и неоднократно отрепетирована.

– Мне не хотелось бы беспокоить вас, поскольку эта проблема скорее наша, внутренняя, – произнесла наконец Стефи, продолжая разыгрывать нерешительность. – И все же...

– Что за проблема? – не сказал, а словно в колокол ударил прокурор. – Ты, наверное, имеешь в виду Хэммонда и детектива Смайлоу – этих двух бойцовых петухов? Они что, сцепились?

– Нет, здесь как раз все более или менее нормально, – ответила Стефи. – Несколько раз они, правда, поспорили, но до настоящей перестрелки дело не дошло. Нет, не волнуйтесь, шеф, с этим я справлюсь. Тут другое... Меня беспокоит отношение Хэммонда к этому расследованию, – выпали-

ла Стефи.

Мейсон нахмурился:

– В каком смысле?

– Он... он ведет себя как-то безразлично, индифферентно... – Стефи нарочно мямлила, словно с трудом подбирая слова. – Ну, вы понимаете...

– Ни черта я не понимаю! – Мейсон откинулся на спинку кресла и, опустив на стол сцепленные руки, посмотрел на нее. – Я в это просто не могу поверить, Стефи. Дело Петтиджона – это именно то, что необходимо ему для карьеры. Да Хэммонд должен просто землю рыть!

– Я тоже так думала! – воскликнула Стефи. – Я ожидала, что Хэммонд вцепится в Смайлоу мертвой хваткой и не отпустит до тех пор, пока детектив не соберет достаточно улик, чтобы с ними можно было выходить на большое жюри. Я думала, он начнет готовиться к процессу чуть не с первого дня, потому что в этом деле есть все, что Хэммонд обожает – сложность, интрига, общественная значимость, возможность отличиться, наконец. Но на деле... – Она растерянно развела руками. – Вот почему я пришла к вам, шеф. Я просто не знаю, как быть. Такое впечатление, что Хэммонда все это не интересует. Каждый день именно я информировала его о ходе следствия, хотя, по идее, он должен был сам узнавать у Смайлоу, как идут дела. Я держала его в курсе всех версий, рассказывала о том, какие из них кажутся Смайлоу наиболее перспективными, а какие – нет, но ко всем моим

сообщениям Хэммонд относился с каким-то странным безразличием...

Мейсон задумчиво потер щеку.

– Ну и что из этого следует? – спросил он.

– Я не знаю, что из этого следует, – ответила Стефи голосом, в котором в точно рассчитанной пропорции смешивались раздражение и растерянность. – Я знаю только, что он какой-то не такой, и мне нужен ваш совет. В конце концов, я в этом деле играю вторую роль, и по чисто этическим соображениям мне не хотелось бы превышать свои полномочия и выполнять работу Хэммонда. Пожалуйста, подскажите мне, как быть...

Монро Мейсону было уже под семьдесят, и исполнять тяжелую, однообразную работу окружного прокурора ему было уже не так легко, как раньше. В последние несколько лет он все чаще и чаще перекладывал часть своих обязанностей на плечи молодых и энергичных помощников и заместителей, помогая им по мере необходимости советом или делясь опытом. Вместе с тем он никогда не заглядывал им через плечо и не давал прямых указаний, предоставляя возможность каждому проявить свои способности. О скорой отставке Мейсон думал, пожалуй, даже с удовольствием. Он обожал гольф и рыбалку и рассчитывал, что, уйдя на покой, сможет полностью отдаться любимым занятиям.

Но Мейсон не случайно на протяжении почти четверти века занимал кресло окружного прокурора. Его проница-

тельность и интуиция обнаружались рано, а с годами к ним прибавились мудрость и опыт. Мейсон всегда знал, или, вернее, чувствовал, когда кто-то был с ним не до конца откровенен или чего-то недоговаривал, и стремился докопаться до правды.

На это и рассчитывала Стефи, когда обдумывала свой разговор с прокурором.

– Ты вот что, Стефи, – сказал Мейсон, тщетно стараясь приглушить свой трубный голос, – по-моему, ты что-то скрываешь. Ты действительно не знаешь, что беспокоит Хэммонда?

Стефи притворно заерзала в кресле и прикусила губу.

– Кажется, я сама загнала себя в угол...

– Ты не хочешь говорить плохо о человеке, с которым работаешь?

– Д-да, что-то в этом роде.

– Что ж, я тебя понимаю. Больше того, я очень рад, что ты проявляешь такую лояльность в отношении Хэммонда, но это дело вызовет слишком большой резонанс, чтобы мы могли позволить себе сантименты. И если Хэммонд манкирует...

– О нет, я вовсе не это имела в виду, – поспешно возразила Стефи. – Хэммонд знает, что такое долг, лучше многих, но... Образно говоря, мяча он не уронит, но и бежать в полную силу не может или не хочет. Вероятнее всего – последнее...

– И ты знаешь – почему?

Стефи пожала плечами.

– Каждый раз, когда я заговаривала с ним на эту тему, он реагировал так, словно ему наступили на больную мозоль. Хэммонд стал обидчивым и раздражительным, и с ним очень трудно иметь дело. – Она сделала вид, что задумалась, потом добавила:

– Вообще-то у меня есть кое-какие соображения, но я не уверена...

– Выкладывай! – поторопил Мейсон.

И снова Стефи замешкалась, хотя ответ у нее был давно готов.

– В настоящий момент главным подозреваемым по делу об убийстве Петтиджона является некая Юджин Кэрти. Это умная, образованная женщина, которая сумела добиться определенных высот в своей карьере специалиста-психолога. Кроме того, она не лишена чисто женской привлекательности и...

Мейсон захохотал так, что в кабинете едва не вылетели стекла.

– Ты думаешь, Хэммонд влюбился в нее?

– Конечно, нет! – Стефи тоже улыбнулась.

– Но ведь ты почти открытым текстом сказала, что именно мисс Кэрти отрицательно влияет на Хэммонда!

– Я предполагаю что-то в этом роде, но это не обязательно так. Одно я знаю наверняка: Хэммонд ведет себя странно, и поэтому я пришла к вам за советом. В конце концов, вы

знаете его чуть не с самого рождения, знаете, в какой семье он рос, как был воспитан...

– В его семье всегда уважали традиции.

– Как я понимаю, Хэммонд – коренной чарлстонец и южанин до мозга костей. Законы джентльменства, славное наследие героических предков и все такое... – Стефи покачала головой. – Насколько мне известно, он вырос в консервативной семье, где авторитет отца был непререкаемым. Мужчина должен быть рыцарем, защитником – подобные представления он впитал, наверно, с молоком матери...

Мейсон немного подумал.

– Ты боишься, что Хэммонд дрогнет, если обстоятельства вынудят его потребовать смертного приговора для молодой, обаятельной женщины?

– Это только мое предположение... – Стефи опустила глаза, словно почувствовав облегчение оттого, что роковые слова произнесла не она. На самом же деле она исподтишка наблюдала за Мейсоном, задумчиво покусывая нижнюю губу. Так прошло несколько томительных секунд, на протяжении которых Стефи с жадностью ловила малейшие признаки того, что избранная ею стратегия была успешной, но лицо прокурора оставалось непроницаемым.

О том, что вчера вечером Хэммонд зачем-то побывал на месте преступления, Стефи умолчала. Мейсон мог считать это обнадеживающим признаком, к тому же Стефи сама не знала, как истолковать подобный поступок Хэммон-

да. Обычно он предоставлял детективам сделать всю подготовительную работу самостоятельно и подключался лишь на последнем этапе, когда вставал вопрос о предъявлении обвинения и передаче дела в суд. Но его вчерашний поход в гостиницу выглядел как откровенное вмешательство в работу полиции, и это ставило Стефи в тупик. Разумеется, она не собиралась оставлять это без внимания, но решила подумать об этом потом. Сейчас же ее больше всего волновало, что скажет ей Мейсон, который продолжал размышлять над услышанным.

– Я не согласен, – сказал он наконец.

– Что? – Стефи резко вскинула голову. Быть может, чересчур резко, и Мейсон это заметил, так как в глазах старого прокурора что-то промелькнуло. Его слова были для нее полной неожиданностью. Стефи была почти уверена в успехе.

– Все, что ты говорила о воспитании Хэммонда и об окружении, в котором он вырос, – все верно. Родители воспитали его в духе уважения традиций, которых они придерживались сами и продолжают придерживаться до сих пор. Однако, насколько мне известно, те же родители – в особенности отец – сумели развить в нем кристальную честность и чувство ответственности перед окружающими. И я на сто процентов уверен, что даже в самой критической ситуации чувство долга возьмет в нем верх над всеми остальными соображениями.

– Тогда как вы объясните его нынешнее равнодушие к делу? – спросила Стефи, стараясь ничем не выдать своего разочарования.

Мейсон пожал плечами:

– Возможно, его отвлекают другие дела, которых, как ты знаешь, у нас полным-полно. Возможно, что-то произошло в его частной жизни – причин могут быть десятки. Не забывай также, что убийство произошло всего три дня назад. Расследование только-только началось, и Смайлоу пока не удалось собрать достаточно улик, чтобы произвести арест. – Он улыбнулся. – Я уверен, что, как только Смайлоу предъявит мисс Кэрти обвинение, Хэммонд сразу же возьмет дело в свои руки и, насколько я знаю этого парня, доведет его до логического конца.

От досады Стефи готова была заскрипеть зубами, но могла позволить себе только вздох облегчения.

– Я рада, что вы так считаете, – пробормотала она. – Мне с самого начала не хотелось вас беспокоить, но и бросить все на самотек я тоже не могла.

– Для этого я здесь и сижу. – С этими словами Мейсон поднялся и взял в руки висевший на спинке кресла пиджак, давая понять, что разговор окончен.

Направляясь за Мейсоном к двери, Стефи сказала:

– Откровенно говоря, я боялась, что вы будете разочарованы работой Хэммонда и отстраните его от дела. Это означало бы, что я тоже не буду над ним работать, а мне бы этого

не хотелось, поскольку... поскольку это дело мне очень нравится. Я просто не могу дождаться, пока полиция установит подозреваемого и передаст нам, чтобы я могла начать подготовку к процессу.

Мейсон довольно усмехнулся – ее рвение явно произвело на него благоприятное впечатление.

– Тогда, – сказал он, – ты, безусловно, будешь рада узнать, что Смайлоу кое-что для нас приготовил.

* * *

– Я закончила... – сказала Юджин, и слушавшие ее студенты разочарованно зашевелились. Небольшая аудитория, в которой она читала курс лекций, была заполнена до отказа.

Юджин улыбнулась.

– Благодарю за внимание, – добавила она. – А теперь позвольте все-таки попрощаться с вами, иначе другие ваши преподаватели явятся сюда за моим скальпом. Еще раз спасибо за внимание.

Студенты потихоньку потянулись к выходу. Несколько аспирантов подошли к кафедре, чтобы поблагодарить ее и пожать руку. Кто-то протянул Юджин журнал с ее статьей и попросил дать автограф.

Последним подошел к ней доктор Дуглас Манн, профессор Медицинского университета Южной Каролины, который и пригласил ее сюда прочесть курс лекций. Они вместе

учились и до сих пор оставались близким друзьями. Дуглас Манн был высок, худ и лыс, как бильярдный шар. Он до сих пор играл в баскетбол в университетской команде и оставался холостяком по каким-то своим соображениям, которыми никогда ни с кем не делился.

– Пожалуй, пора создавать на факультете твой фан-клуб, – улыбнулся он. Юджин рассмеялась.

– Не знаю, как насчет фан-клуба, но, кажется, мне действительно удалось заинтересовать твоих студентов.

– Да ты что, смеешься? Они впитывали каждое твое слово, как губки! А благодаря тебе мой авторитет тоже взлетел на небывалую высоту. – Он самодовольно ухмыльнулся. – Хорошо иметь знаменитых друзей!

– Если это комплимент, то... – Она улыбнулась. – Нет, Дуг, я серьезно – у тебя отличные студенты. Мы в их возрасте учились с куда меньшим рвением.

– Кто знает? Мы постоянно ходили под кайфом и...

– Это ты ходил под кайфом.

– Ах да, я помню... – Дуглас пожал костлявыми плечами. – Ты была исключением. Ты была такая серьезная, что...

– Прошу прощения, доктор Кэрти...

Юджин повернулась и оказалась лицом к лицу с Бобби Тримблом. От неожиданности и страха у нее едва не остановилось сердце, а Бобби уже завладел ее рукой и с энтузиазмом потряс.

– Разрешите представиться: доктор Роберт Тримбл,

Монтгомери, Алабама. Я провожу здесь отпуск. Случайно я узнал, что вы читаете здесь лекции, и вот – решил зайти, чтобы познакомиться с вами.

– Добро пожаловать в наш университет, коллега, – напыщенно сказал ни о чем не подозревавший Дуглас.

– Благодарю. – Бобби кивнул и снова обратился к Юджин: – Меня очень интересуют ваши исследования панических реакций, доктор Кэрти, – сказал он. – Но первое, о чем я хотел спросить, это о том, что побудило вас заняться именно этим? Быть может, ваш собственный жизненный опыт? – Он подмигнул.

– Давайте встретимся позже, доктор Тримбл, – ответила Юджин деревянным голосом. – Позвоните мне сегодня вечером. Сейчас меня ждут пациенты.

И, резко повернувшись, она сошла с кафедры и быстро зашагала к выходу. Дуглас, поспешно попрощавшись с Бобби, поспешил догнать ее.

– А я думал, поклонников не бывает слишком много, – попытался пошутить он, но, увидев неподвижное лицо Юджин, осекся. – С тобой все в порядке? – заботливо спросил он.

– Все нормально, – ответила Юджин и через силу улыбнулась. Все было, наоборот, очень плохо. Неожиданное появление Бобби напомнило ей о том, что за меч занесен над ее головой. Каждый час, каждую минуту Бобби мог вторгнуться в ее жизнь и разрушить все, и ей негде было от него

спрятаться.

– Послушай, Юджин, как ты смотришь на то, чтобы позавтракать вместе? – предложил Дуглас. – Мне бы хотелось в качестве благодарности за лекции угостить тебя креветками по-креольски и фруктовым салатом.

– Что ж, предложение соблазнительное, но я пас. У меня действительно через пятнадцать минут сеанс.

На самом деле Юджин не смогла бы, наверное, проглотить ни куска пищи, даже если бы от этого зависела ее жизнь. Научный мир, в который она погружалась каждый раз, когда приезжала читать лекции в университет, казался ей единственным безопасным убежищем, но сегодняшнее появление Бобби разрушило эту иллюзию. Юджин чувствовала себя потрясенной, чего этот негодяй, наверное, и добивался.

– Как бы не опоздать, – озабоченно добавила она, бросая взгляд на часы. – Я и не знала, что уже столько времени.

– Хорошо, я тебя отвезу.

Дуглас был столь любезен, что сам заехал за ней утром и привез в университет на своей машине. Теперь он снова усадил Юджин на переднее сиденье своего выдавшего вида «Форда» и повез обратно в центр города. Когда они уже подъезжали к кварталу, где жила Юджин, Дуглас снова заговорил о том, как он признателен ей за то, что она нашла время для его студентов.

– Не благодари меня, – ответила она. – По правде говоря, я и сама получала от этих лекций удовольствие... – «Пока

Бобби все не испортил», – прибавила она мысленно.

– Все равно я твой должник, – сказал Дуг. – Если тебе что-нибудь понадобится, сразу обращай ко мне – я постараюсь помочь.

– Хорошо. Обязательно. Скрывая свою тревогу, Юджин всю дорогу расспрашивала Дугласа об общих друзьях и коллеггах. Но когда Дуг в свою очередь поинтересовался, как она поживает, Юджин вдруг поняла, что не знает, что ему отвечать. Если бы она сказала правду, Дуглас все равно бы не поверил. «Не захотел бы поверить», – уточнила она мысленно, когда машина уже сворачивала на узкую улочку, где стоял ее дом.

– Что за черт! – вырвалось у Дугласа. – Похоже, тебя обчистили!

Но Юджин сразу поняла, что две полицейские машины, стоявшие на тротуаре напротив ее дома, не имеют никакого отношения к грабителям. Действительно, два копа в форме замерли по сторонам крыльца, как часовые, полицейский в штатском, привстав на цыпочки и заслонившись от солнца руками, пытался заглянуть в окно, а на дорожке, ведущей от ворот к дому, стоял Смайлоу и разговаривал о чем-то с пациенткой Юджин, приехавшей, очевидно, раньше назначенного срока.

Дуглас остановил «Форд» у ворот и собирался вылезти, но Юджин остановила его:

– Не вмешивайся в это, Дуглас. Я не хочу...

– Во что не вмешиваться? Что происходит, Юджи?!

– Я потом тебе все расскажу.

– Но...

– Прошу тебя. Я позвоню.

Торопливо пожав ему руку, она выбралась из машины и прошла через ворота в сад, машинально отметив, что на тротуаре уже начали собираться зеваки. Квартал, в котором она жила, был малонаселенным, но зато в нем было много домов, представлявших исторический интерес, и на улицах часто появлялись туристы и целые экскурсионные группы. Даже сейчас какая-то женщина фотографировала ее дом, несомненно, радуясь возможности не только запечатлеть памятник архитектуры, но и предъявить знакомым документальные свидетельства «кошмарного происшествия», очевидцем которого ей посчастливилось стать.

– Доктор Кэрти! – бросилась ей навстречу пациентка. – Что тут происходит? Не успела я позвонить в дверь, как появились полицейские и сказали...

– Извините, Эвелин... – Юджин посмотрела поверх ее плеча на Смайлоу, который ответил ей внимательным и настороженным взглядом. – Как ни жаль, но нам придется перенести нашу встречу на другой день.

Обняв Эвелин за плечи, она проводила ее до ворот, чтобы усадить в машину. Ей потребовалось несколько минут, чтобы убедить пациентку в том, что все в порядке. Это было тем более трудно, что сама она так не думала. Юджин терза-

ло предчувствие чего-то страшного, ощущение неизбежной катастрофы, хотя, в чем тут может быть дело, она понятия не имела.

– Но все правда в порядке? – спросила Эвелин, садясь за руль своего новенького «Корвета».

– Уверяю вас – да. Еще раз простите, что придется перенести нашу встречу. Я позвоню вам, как только это недоразумение разрешится. Не беспокойтесь.

Только когда Эвелин отъехала, Юджин повернулась и зашагала обратно.

– Что, черт побери, вам здесь нужно? – резко спросила она, глядя прямо в глаза Смайлоу. – Так вы распугаете всех моих пациентов и добьетесь того, что я вынуждена буду через суд потребовать возмещения убытков. А это не маленькая сумма, детектив, совсем не маленькая...

– Боюсь, из этого ничего не выйдет. – Смайлоу неприятно осклабился и достал из кармана пиджака какую-то бумагу. – У меня есть ордер на обыск. Взгляните...

Но Юджин смотрела не на него, а на двух копов и еще одного детектива в штатском, которые топтались теперь перед ее входной дверью. Только потом она перевела взгляд на Смайлоу.

– Последний пациент придет ко мне сегодня около двенадцати. Вы не можете подождать, пока я с ним закончу?

– Боюсь, что нет.

– Я сейчас позвоню Фрэнку Перкинсу!

– Сделайте одолжение. – Он издевательски поклонился. – Звоните кому хотите, доктор Кэрти. Только должен предупредить: чтобы войти в дом, мы не нуждаемся ни в разрешении вашего адвоката, ни даже в вашем. Так что будьте добры – откройте дверь сами, чтобы нам не пришлось ее ломать.

– Пожалуйста. – Юджин достала из сумочки ключ. Больше всего ей хотелось швырнуть его под ноги Смайлоу, но она сумела справиться с собой. Поднявшись на крыльцо, она отперла входную дверь и отступила в сторону. – Прошу.

Смайлоу махнул рукой, давая своим людям знак начинать, и копы – а за ними и детектив в штатском – устремились внутрь.

Юджин осталась стоять на крыльце, с трудом сдерживая слезы. Самым оскорбительным ей показалось не то, что копы готовы были взломать ее собственную дверь в ее присутствии, а то, что прежде, чем сделать это, они натянули на руки тонкие резиновые перчатки, словно боялись столкнуться внутри дома с грязью или с инфекцией, от которой требуется специальная защита.

* * *

Сначала она просто вскрикнула.

Потом, сидя на постели и прижимая простыню к обнаженной груди, громко зарыдала.

Он обманул ее. Переспал и исчез. Да еще это жуткое по-

хмелье... Для любой женщины – особенно для школьной учительницы из Индианаполиса – это был настоящий кошмар, и Элен Роджерс самозабвенно рыдала, размазывая слезы и косметику уголком гостиничной простыни.

А как прекрасно все начиналось! Элен казалось, что сбывается ее давняя мечта, в которой молодой, привлекательный незнакомец выбрал среди множества юных стройных посетительниц ночного клуба именно ее. А Эдди – так назвался ее вчерашний знакомый – действительно был очень хорош собой. Он сделал первый шаг, он пригласил ее танцевать и угостил виски и шампанским, а вспыхнувшее между ними влечение было мгновенным и взаимным. Все было именно так, как она всегда себе представляла – так, как и должно было быть перед тем, как с ней наконец случится это...

Эдди не был ни скучным, ни заурядным. Но всего приятнее было то, что его интерес к ней объяснялся не только желанием. Он поведал ей долгую и печальную историю о своей умершей от рака жене, которую любил до самозабвения. Элен едва не прослезилась, когда Эдди рассказал ей, как до самого последнего дня ухаживал за больной супругой, как готовил, убирал, мыл и причесывал ее и даже выносил за ней подкладные судна.

В ее глазах это была настоящая жертвенная любовь, настоящее чувство! С таким мужчиной стоило познакомиться. Эдди был достоин всей той любви, которую Элен копила в

себе на протяжении многих лет и которую ей не терпелось разделить с кем-нибудь подходящим.

Кроме всего прочего, ее знакомый оказался потрясающим любовником.

Она поняла это даже с ее весьма ограниченным любовным опытом, включавшим французский поцелуй с троюродным братом, два неловких совокупления на заднем сиденье автомобиля с приятелем из колледжа и головокружительный, но безрезультатный флирт с коллегой-учителем, который вскоре перевелся в другую школу. Эдди был совершенно особенным. Он проделывал с ней все те вещи, о которых раньше она только читала в женских романах (их у Элен было семь больших картонных коробок, стоявших в подвале ее дома), и в конце концов довел ее своей страстью до состояния, близкого к умопомешательству.

Но теперь окружавший его ореол романтики померк, вытесненный страхом перед опасностями, которыми были чреваты случайные связи. Во-первых, беременность (ведь даже с сорокалетними женщинами иногда случаются подобные неприятности!). Во-вторых – СПИД и другие ужасы.

Страх Элен был тем более сильным, что случись с ней одна из перечисленных вещей, и с мечтой когда-нибудь выйти замуж ей пришлось бы распрощаться. И без того с каждым прошедшим годом ее надежды завести семью становились все более призрачными, а после того, что с ней произошло, они и вовсе сошли на нет. Какой нормальный мужчина за-

хочет жениться на ней? Ведь теперь она – «женщина с прошлым», и ни один приличный человек на нее не польстится.

Ситуация казалась Элен невозможной. Как говорится, хуже не бывает...

Оказалось, что бывает. Ее еще и ограбили.

Элен обнаружила это, когда отправилась в ванную комнату, чтобы оценить понесенный ущерб. Проходя мимо кресла, она вдруг встала как вкопанная, обнаружив, что на нем нет ее сумочки. А ведь она точно помнила, что бросила ее сюда вчера вечером. Элен просто не могла забыть этого, потому что впервые в ее жизни мужчина, подошел к ней сзади, обнял и стал тереться об нее своим... Это было так приятно, что она выпустила сумочку из рук, и она упала вот сюда, на сиденье. А теперь ее здесь не было.

На всякий случай Элен все же обыскала номер, кляня себя за то, что прислушалась к телевизионной рекламе, настоятельно советовавшей никогда не выходить из дома без дорожных чеков. Но сумки нигде не было, ее страшная догадка подтвердилась.

То ли острая жалость к себе, то ли жгучее воспоминание о том, с какой легкостью вчерашний знакомый обвел ее вокруг пальца, вдруг заставило Элен прекратить поиски. Остановившись в чем мать родила посередине комнаты, Элен выпрямилась, уперла руки в крутые бока и, позабыв об образе утонченной леди, которого она старалась придерживаться на отдыхе, выругалась, как сапожник.

Она больше не жалела себя. Ей хотелось отомстить.

Глава 23

Было уже поздно, когда Хэммонд приехал в прокуратуру. На ходу попросив секретаршу принести ему чашку кофе, он вошел в кабинет и обнаружил там Стефи, которая ждала его, полулежа в низком кожаном кресле. Его раздражение еще усилилось, когда, бросив на него внимательный взгляд, Стефи поинтересовалась небрежно:

– Что, бурная была ночка?

Хэммонд хотел ответить какой-то резкостью, но промолчал. Он вернулся домой только под утро и, решив полчаса вздремнуть, проспал несколько часов. В результате он опоздал на работу, и то, что Стефи напомнила ему об этом, отнюдь не улучшило его настроения.

– Что у тебя с пальцем? – снова спросила она, заметив пластырь, которым Хэммонд заклеил порез.

– Поранился, когда брился.

– У тебя такие волосатые руки?

– Что тебе нужно, Стефи?

– Смайлоу отправил в Центральную лабораторию волосы и еще кое-какие улики. Он надеется получить стопроцентное подтверждение.

Она захихикала, а Хэммонд почувствовал, как у него от страха подогнулись колени. Чтобы выиграть время, он аккуратно положил свой кейс на край стола, потом стал так же

медленно снимать пиджак. Усевшись наконец в свое кресло, он принялся просматривать сложенные на столе бумаги, письма и сообщения о телефонных звонках.

– По какому делу? – спросил он наконец.

– Ты что, не проснулся? По делу Петтиджона, разумеется, – раздраженно бросила Стефи.

В это время в кабинет вошла секретарша с кофе и тостами. Пить кофе Хэммонду расхотелось, но это была лишь отсрочка, еще одна возможность взять себя в руки.

– Хочешь кофе? – спросил он, принимая чашку.

– Нет! – Вскочив с кресла, Стефи почти вытолкала секретаршу из кабинета и захлопнула за ней дверь. – Ну вот, когда ты сел за стол и получил свой утренний, гм-м... дневной кофе, может быть, мы все-таки обсудим последние новости?

– Какие?

– Черт тебя возьми, Хэммонд!.. Ты действительно дурак или прикидываешься?

– Я давно знаю, что Смайлоу нашел в номере Петтиджона человеческий волос, – буркнул Хэммонд. – И что он хотел отправить его в Центральную лабораторию, мне тоже известно... Разве он до сих пор этого не сделал?

– Сделал, но...

–..Но у него не было с чем его сравнить.

– Зато теперь есть! – с торжеством объявила Стефи. – Сегодня утром он провел обыск в доме Юджин Кэрти и изъяс ее расческу, в которой запуталось несколько волос...

Хэммонд вздрогнул так, что чуть не пролил кофе на бумагу.

– Обыск?!

– Да. Он получил ордер и сразу отправился к ней. Пока ты дрыхнул, – закончила она едко.

– Я даже не знал, что Смайлоу нужен ордер... – медленно сказал Хэммонд, все еще пытаюсь переварить услышанное. – А ты?

– Я тоже узнала об этом совсем недавно.

– Почему же Смайлоу не обратился ко мне? Или по крайней мере не поставил меня в известность? Ведь это мое дело, Стефи!

– Возможно, Мейсон действительно поручил его тебе, только ты ведешь себя так, словно не имеешь к нему никакого отношения, – парировала она, слегка повышая голос.

– С чего ты взяла? – удивился Хэммонд, слегка, впрочем, опешив.

– Сам посуди: ты являешься на работу в двенадцатом часу и не набрасываешься на меня с руганью из-за того, что тебя не разбудили, когда дело сдвинулось с мертвой точки. Это выглядит по меньшей мере странно. Хэммонд сердито посмотрел на нее через стол. Ему было не по себе от сознания того, какой дружный тандем неожиданно составили Стефи и Смайлоу. Они работали над делом практически вдвоем, и это злило Хэммонда, хотя в словах Стефи был свой резон. Он действительно дистанцировался, практически са-

моустранился от дела, от которого зависело так много лично для него. Это было по меньшей мере неразумно, к тому же он ничем себе не поможет, если будет срывать на Стефи свое раздражение.

– Что-нибудь еще? – спросил он гораздо более миролюбивым тоном, – Он забрал и блюдо с апельсинами, – сказала Стефи.

– С апельсинами? С какими апельсинами?

– Видишь, ты и этого не знаешь. – Стефи покровительственно улыбнулась. – Помнишь ту то ли крошку, то ли зерно, которое сняли с рукава Петтиджона?

– Да, что-то такое помню.

– Так вот, это оказалась сушеная почка гвоздичного дерева, точнее – ее обломок, а в приемной у мисс Кэрти стоит целое блюдо апельсинов с гвоздикой. Если ты не знаешь, – добавила Стефи с видом знатока, – одинокие женщины обожают всячески украшать и благоустраивать свое гнездышко. Апельсины с пряностями – в особенности с гвоздикой – часто используются как натуральный ароматизатор. Кроме того, Смайлоу нашел в ее домашнем сейфе несколько сот тысяч долларов.

– И что это должно доказывать?

– Я еще не знаю, что это должно доказывать, Хэммонд. Но ты должен признать, что это довольно необычно и... подозрительно. Честные люди не хранят в сейфах столько наличных. Чувствуя, как горло его снова перехватило судоро-

гой страха, Хэммонд выдавши – А... а оружие?

– К сожалению, пока ничего нового.

Его селектор зажужжал, и секретарша сообщила Хэммонду, что на линии – детектив Смайлоу. – Он, наверное, звонит мне, – оживилась Стефи, хватая телефонную трубку. – Я сказала ему, что буду у тебя.

Смайлоу действительно звонил ей. Стефи немного послушала, поглядела на наручные часы и деловито кивнула.

– Мы сейчас выезжаем, – сообщила она.

– Выезжаем куда? – уточнил Хэммонд, когда она положила трубку.

– К Смайлоу. Он привез мисс Кэрти на допрос. Несмотря на то что его стол был сплошь завален письмами, постановлениями, справками и информационными бюллетенями, Хэммонд даже не подумал о том, чтобы отправить Стефи в полицию одну. Он чувствовал, что должен быть там, чтобы слышать, что скажет Юджин, даже если слышать это ему будет не очень приятно.

Да, кошмар, в котором он жил последние три дня, продолжался. И с каждым днем ужас и отчаяние охватывали его все сильнее. Смайлоу было невозможно ни остановить, ни сбить со следа, да и вряд ли разумно было винить его за то, что он хорошо делает свою работу. Юджин... Проклятье! Хэммонд снова не знал, что ему думать, верить ей или нет. Вчера она призналась, что подстроила их встречу специально, чтобы обеспечить себе алиби, но отказалась объяснить, зачем оно

ей понадобилось. Ведь Юджин не убивала Петтиджона, если, конечно, верить ее словам. А если не верить... Что еще, кроме связи с Петтиджоном или причастности к его убийству, могло заставить ее искать его общества именно в тот день?

Страх перед неизвестностью подействовал на Хэммонда так сильно, что на протяжении некоторого времени все окружающее представлялось ему далеким и расплывчатым, словно в тумане или во сне. Он смутно помнил, как они со Стефи вышли из здания прокуратуры, как сели в машину. Стефи оставила ее на самом солнцепеке, и в салоне было жарко, как в духовке. Не спасал даже кондиционер, и, когда они подъехали к полицейскому управлению, рубашку и пиджак Хэммонда впору было выжимать. В здании было несколько прохладнее, но он почти не обратил на это внимания – так он был напряжен перед встречей с Юджин.

Коротко стукнув в стеклянную дверь, Стефи ворвалась в кабинет Смайлоу.

– Привет, это мы. Мы ничего не пропустили? Смайлоу, который начал допрос, не дожидаясь их, только покачал головой. Наклонившись к микрофону, он назвал время и число, потом сообщил для записи, что к допросу только что присоединились помощник прокурора округа мисс Манделл и специальный помощник прокурора по особым поручениям мистер Кросс.

Воспользовавшись тем, что внимание Смайлоу и Стефи оказалось отвлечено, Юджин и Хэммонд успели обменяться

взглядами. Рано утром, когда он уходил от нее, она поцеловала его, и в ее глазах были томная нега и нежность. Сейчас же в ее взгляде Хэммонд увидел страх, подобный тому, какой испытывал сам.

Когда формальности были закончены, Смайлоу хотел продолжить допрос, но тут неожиданно вмешался Перкинс.

– Позвольте моей клиентке внести кое-какие поправки в ее прежние показания, – сказал он скрипучим официальным голосом.

Услышав это, Стефи заморгала. Смайлоу не проронил ни слова, и в лице его не дрогнул ни один мускул.

– Пожалуйста, – сказал он холодно, и адвокат сделал Юджин знак начинать. В наступившей тишине голос Юджин прозвучал уверенно, хотя она не могла не понимать, что говорит вещи, способные только усложнить ее положение.

– В прошлый раз я утверждала, что никогда не была в номере мистера Петтиджона в отеле «Чарлстон-Плаза». Я солгала вам... вынуждена была солгать. На самом деле я поднималась к мистеру Петтиджону в его «люкс» на пятом этаже. Это было в прошлую субботу во второй половине дня. У дверей его номера меня и заметил этот джентльмен из Мейкона... Все было именно так, как он описал.

– Почему вы солгали?

– По соображениям врачебной этики, детектив.

Стефи недоверчиво хрюкнула, но Смайлоу взглядом заставил ее замолчать.

– Будьте добры разъяснить вашу позицию, доктор Кэрти.

– Я встречалась с Петтиджоном по поручению одного из моих пациентов.

– В чем состояло это поручение?

– Я должна была передать ему устное сообщение.

– Какое?

– Этого я не могу вам сказать.

– Удобная вещь – эта ваша врачебная этика. Не так ли, доктор Кэрти?

– Вы можете мне не верить, детектив, но именно за этим я приходила к мистеру Петтиджону.

– Почему же вы не сказали нам об этом сразу?

– Я боялась, что вы вынудите меня назвать имя моего пациента, чего я никак не могла сделать. Его интересы были для меня важнее, чем мои собственные.

– Но сейчас все изменилось, не так ли?

– Да, ситуация стала слишком опасной. Гораздо более опасной, чем я рассчитывала. Обстоятельства вынудили меня открыть то, о чем я по соображениям профессиональной этики предпочла бы умолчать.

– И часто вам приходится исполнять подобные поручения ваших больных? Ведь согласитесь, что не каждый врач согласится развезать по городу и передавать друзьям своих пациентов их устные сообщения и просьбы.

– Нет, не часто. Обычно так не делается. В данном случае я пошла на это, поскольку личная встреча с мистером Пет-

тиджоном могла повредить здоровью моего пациента. К тому же выполнить его просьбу мне было нетрудно.

– Итак, вы виделись с Петтиджоном в тот день? Юджин кивнула.

– Как долго вы пробыли в его номере?

– Всего несколько минут.

– Все-таки сколько? Пять? Десять? Может быть, больше?..

– Меньше пяти минут, я думаю.

– Не показалось ли вам странным, что ваша встреча происходила в номере отеля, а не в другом месте?

– Я думала об этом, но так захотел сам мистер Петтиджон. Он сказал, что ему будет удобнее встретиться со мной в отеле, так как он ждал к себе кого-то еще.

– Кого же?

– Этого я не знаю. Впрочем, как я говорила, я не имела ничего против того, чтобы приехать к нему в отель, так как в тот день... в субботу я рано закончила прием. Заодно я прошлась по магазинам, а потом уехала из города. Что было дальше, я вам уже рассказывала.

– В какой раз – в первый или во второй? – вставила Стефи, и Перкинс нахмурился.

– Прошу вас, мисс Манделл, впредь воздерживаться от подобных замечаний. Ваш сарказм неуместен и оскорбителен. Теперь вам должно быть совершенно ясно, почему мисс Кэрти не хотелось рассказывать вам о своем коротком свидании с Петтиджоном. Будучи врачом-психотерапевтом, моя

клиентка была обязана сохранить имя своего пациента в тайне.

– Как благородно!

Адвокат хотел сказать что-то еще, но Смайлоу опередил его.

– Какое впечатление произвел на вас мистер Петтиджон? – спросил он у Юджин.

– В каком смысле?

– В каком он был настроении? Был он весел, бодр или, напротив, встревожен, угнетен?..

– Как я говорила раньше, я не была знакома с ним лично, поэтому мне трудно судить, в каком он был настроении. – Она ненадолго задумалась. – По-видимому, в обычном. Во всяком случае, я не заметила никаких признаков депрессии, горя или сумасшедшей радости.

– Какое сообщение вы передали ему, мисс Кэрти?

– Этого я не могу сказать.

– Было ли оно неприятным?

– Вы хотите сказать, не огорчило ли оно его?

– А вам показалось, что, услышав его, он расстроился или, может быть, рассердился?

– Если мистер Петтиджон и огорчился, то никак этого не показал.

– Вы уверены, что ваше сообщение не могло спровоцировать, к примеру, сердечный приступ или удар?

– Абсолютно. Мистер Петтиджон воспринял его совер-

шенно нормально.

– Может быть, он все же как-то занервничал, заволновался?..

Юджин улыбнулась.

– Мистер Петтиджон не произвел на меня впечатления человека, которого легко взволновать. Судя по тому, что о нем писали в газетах, его едва ли можно отнести к легковозбудимому типу с неустойчивой нервной системой. Впрочем, я могу и ошибаться, поскольку, как я уже говорила, я не знала его лично.

– Да, это вы уже говорили. – Смайлоу пошевелился, усаживаясь на столе поудобнее. – Скажите, доктор Кэрти, мистер Петтиджон встретил вас дружелюбно? Приветливо?

– Он был вежлив. В конце концов, я была для него посторонним человеком.

– Значит, просто вежлив... – Смайлоу снова задумался. – Скажите, он предлагал вам присесть?

– Да, но я осталась стоять.

– Почему?

– Потому что пришла к нему ненадолго.

– Он предложил вам выпить?

– Нет.

– Переспать с ним?

Этот неожиданный вопрос не оставил равнодушным ни одного человека в комнате, но резче других отреагировал Хэммонд. Подпрыгнув как ужаленный, он вскричал:

– Какого черта, Смайлоу?! Откуда такие, сведения? Детектив хладнокровно выключил диктофон и повернулся к нему.

– Заткнись. Я веду допрос.

– Ты прекрасно знаешь, что вопрос не относится к делу!

– Не могу не согласиться, – поддержал его Перкинс, не меньше Хэммонда разозленный бестактностью и грубостью Смайлоу. – Следствие не представило доказательств того, что в субботу Петтиджон вступал с кем-либо в половое сношение.

– Да, в тот день Петтиджон ни с кем не вступал в «половое сношение», как вы изволили выразиться. Во всяком случае, в спальне его «люкса» мы не нашли никаких следов того, что он ложился в постель с женщиной. Но ведь существуют и другие разновидности сексуальной деятельности, например – оральная секс, – парировал Смайлоу.

– Слушай, Смайлоу!

– Вы занимались оральным сексом с Петтиджоном, доктор Кэрти? Может, вы делали ему минет? Или, наоборот, он ублажал вас руками или языком?

– Ах ты, сукин сын! – Хэммонд бросился на Смайлоу и сильно толкнул его в плечо. – Ну-ка заткни свою поганую пасть!

– Убери руки! – заорал Смайлоу, соскакивая со стола и толкая его в ответ.

– Хэммонд! Смайлоу! Прекратите!!! – Стефи попыталась

вмешаться, но на нее не обратили внимания.

– Какое безобразие! – возмущенно воскликнул Фрэнк Перкинс.

– Это удар ниже пояса, Смайлоу! – крикнул Хэммонд. – Ты еще никогда не позволял себе подобных низостей. Если ты и дальше собираешься продолжать в том же духе, то по крайней мере имей мужество включить магнитофон!

– Не нужно меня учить, как вести допрос, Хэммонд!

– Это не допрос, а издевательство. Ты оскорбляешь человека без причины!

– Мисс Кэрти подозревается в убийстве, – возразила Стефи.

– В убийстве, а не в проституции и не в сексуальном мошенничестве.

– Как насчет ее волос, Смайлоу? – спросила Стефи.

– Я как раз собирался об этом спросить... – Смайлоу и Хэммонд продолжали мерить друг друга взглядами, словно борцы перед схваткой.

Детектив первым взял себя в руки. Пригладив волосы, он снова сел на край стола и, включив магнитофон, повернулся к Юджин.

– Доктор Кэрти, в номере Петтиджона мы нашли человеческий волос. Мне только что сообщили из криминалистической лаборатории, что этот волос идентичен тем волосам, которые сегодня мы изъяли в вашем доме вместе с расческой.

– Ну и что? – Юджин спокойно пожала плечами, но Хэммонд видел, что она больше не является пассивной участницей событий. На ее скулах появились пятна румянца, зеленые глаза гневно сверкали. – Ведь я же признала, что побывала в номере Петтиджона, и объяснила, почему поначалу мне пришлось скрыть правду. Возможно, пока я находилась там, у меня выпал волос. Это нормальное физиологическое явление. Я уверена, что в номере Петтиджона вы нашли множество волос, принадлежащих самым разным людям.

– Это действительно так, но...

– Но именно меня вы выбрали в качестве объекта для оскорблений.

«Браво, Юджин!» – хотелось воскликнуть Хэммонду. С его точки зрения, у нее были все основания испытывать негодование и даже гнев. Вопрос Смайлоу, не занималась ли она с Петтиджоном сексом, был чисто психологической уловкой, направленной на то, чтобы потрясти Юджин, заставить утратить над собой контроль и заставить проговориться. И следователи, и даже прокурорские работники частенько прибегали к подобным приемам и по большей части – успешно. Но не в этот раз. Смайлоу не удалось смутить Юджин, он добился только того, что рассердил ее и заставил ответить ударом на удар.

– Вы можете объяснить, как попал на рукав Петтиджона фрагмент почки гвоздичного дерева, которые используются в качестве пряности?

Лицо Юджин неожиданно дрогнуло, и она рассмеялась.

– Мистер Смайлоу, гвоздику используют, наверное, во всех кухнях мира. Я уверена, что и в ресторане отеля «Чарлстон-Плаза» тоже имеется запас этой пряности. А может быть, почка гвоздики попала на рукав мистера Петтиджона у него дома. Почему вы спрашиваете об этом именно меня? Или вы намекаете на вазу с апельсинами и гвоздикой, которая стояла у меня в приемной? И опять-таки я не понимаю, с чего вы решили, что это именно та гвоздика?

При этих словах Перкинс улыбнулся, и Хэммонд понял, о чем думает адвокат. Во время перекрестного допроса Фрэнк наверняка держался бы той же линии, что и Юджин сейчас, и в конце концов заставил бы присяжных хохотать в голос над незадачливым прокурором, которому вздумалось доказывать, будто почка гвоздичного дерева за обшлагом рукава Петтиджона непременно попала туда из дома Юджин.

– Думаю, Смайлоу, вам лучше на этом остановиться, – сказал адвокат. – Вопреки моему совету, мисс Кэрти согласилась отвечать на ваши вопросы и сообщила вам все, что могла. Со своей стороны, позволю себе напомнить, что вы уже причинили моей клиентке достаточно неудобств. Во-первых, ей пришлось перенести на завтра визит нескольких пациентов, которых она планировала принять сегодня. Думаю, эти люди тоже не будут вам за это особенно благодарны, хотя мисс Кэрти и не дантист. Кроме того, вы перевернули вверх дном весь дом мисс Кэрти и нанесли ей пря-

мое оскорбление своими нескромными намеками. Вы должны извиниться перед ней, Смайлоу!

Но если Смайлоу и слышал адвоката, он не подал вида. Продолжая смотреть прямо в глаза Юджин, он сказал:

– Я хотел бы, чтобы вы объяснили, что за деньги мы нашли в вашем сейфе.

– Это мои деньги.

– Где вы их взяли?

– Вы можете не отвечать, Юджин, – быстро сказал адвокат.

– Проверьте мои налоговые декларации, мистер Смайлоу, – ответила она, пропустив совет адвоката мимо ушей.

– Мы проверили.

Она недоуменно приподняла брови.

– Так в чем же проблема?

– Скажите, не разумнее было бы поместить эти деньги в банк? Ведь там они были бы в большей безопасности и к тому же приносили бы вам проценты.

– Вопрос о том, как моя клиентка распоряжается находящимися в ее распоряжении суммами, не относится к делу, – вставил адвокат.

– Это еще неизвестно. – Прежде чем Перкинс снова успел возразить, Смайлоу поднял указательный палец. – Еще один вопрос, Фрэнк, и я закончу.

Адвокат пожал плечами:

– Это ничего не даст.

– Посмотрим... Скажите, мисс Кэрти, когда вас обокрали? Ни Хэммонд, ни Юджин не ожидали этого вопроса. Юджин, похоже, даже не поняла, о чем идет речь.

– Меня никто не обкрадывал.

– Кто же, в таком случае, взломал замок на вашей кухонной двери?

– Ах вот вы о чем!.. Я думаю, это были... подростки. Скорее всего – подростки. Они ничего не взяли, поэтому я не стала заявлять в полицию.

– И когда это случилось?

– Я... я не помню. Кажется, несколько месяцев назад.

– Гм-м, допустим. Благодарю вас, мисс Кэрти. – Смайлоу пристально посмотрел на нее и выключил магнитофон. – На сегодня достаточно.

Перкинс придержал стул, помогая Юджин встать.

– Ты слишком спешишь, Смайлоу. Смотри, не ошибись, – сказал он. – Как насчет извинений?

– Никаких извинений... пока. Я расследую убийство.

– Ты идешь по ложному следу, Рори, и оскорбляешь ни в чем не повинную женщину, в то время как настоящий убийца замечает следы.

Адвокат подтолкнул Юджин к выходу, и Хэммонд отступил в сторону, давая им обоим пройти. Он был не в силах отвести взгляд от Юджин, и она, должно быть, почувствовала это, поскольку, проходя мимо него, не выдержала и оглянулась. Они как раз смотрели друг на друга, когда Смайлоу

небрежно спросил:

– Кстати, как зовут вашего приятеля? Юджин повернулась к нему:

– Приятеля?

– Да, вашего любовника.

На этот раз стрела попала в цель. Юджин утратила обычную сдержанность и ответила чисто рефлекторно:

– У меня нет любовника, мистер Смайлоу. Детектив ухмыльнулся.

– Тогда как вы объясните, что у вас в доме мы нашли простыню со свежими пятнами крови и спермы? – спросил он.

* * *

– Эта история о том, что она ходила к Петтиджону по поручению своего пациента – чистой выдумка, – фыркнула Стефи, как только Перкинс и Юджин вышли из кабинета. – Я считаю, что мы уже сейчас можем предъявить обвинение.

Но ни Смайлоу, ни Хэммонд не слышали ее. Набывшись, они смотрели друг на друга, словно два гладиатора перед последним и решительным боем. Кто выживет, тот победит.

Хэммонд пошел в атаку первым.

– Какого черта ты позволяешь себе так с ней разговаривать? – спросил он с угрозой.

– Это что? Официальный протест прокуратуры? – пари-

ровал Смайлоу. – Знаешь, Хэммонд, я не вчера родился. Не тебе учить меня, как вести допрос. Я выбрал эту тактику потому, что уверен – она приведет меня к успеху.

– А по-моему, ты только того и добиваешься, чтобы Перкинс вчинил управлению иск об оскорблении и потребовал публичных извинений. Поверь, это будет похуже, чем требование о возмещении морального ущерба. Если ты не перестанешь лезть в ее личные дела, Перкинс займется тобой всерьез. Он докажет, что следователь запугивал свидетельницу, подвергал ее моральному давлению, и присяжные ее оправдают. Тебе будет очень и очень плохо, Смайлоу, так что попридержи язык и моли бога, чтобы она забыла о том, что ты здесь только что сказал. Грязная простыня! Тьфу! Посмешище!..

– Не забудь, там был еще и халат, – вставила Стефи. – Наша мисс Белоснежка трахается, не снимая домашнего халата.

Гневно сверкнув глазами, Хэммонд повернулся к ней, чтобы что-то сказать, но Смайлоу отвлек его.

– Почему же она сказала, что у нее нет любовника? – спросил он.

– Откуда мне знать?! – завопил Хэммонд, не в силах больше сдерживаться. – Да и тебе тоже? Почему ты решил, что это может иметь какое-то отношение к убийству? Она же сказала, что сейчас у нее нет любовника. Все. Точка.

– Но пятна спермы... – начала Стефи.

–..Не имеют ничего общего с ее встречей с Петтиджоном

в прошлую субботу, – отрезал он.

– Может быть, и нет, – сказала Стефи неожиданно кротоко. – Возможно, пятна крови на простыне действительно появились после того, как мисс Кэрти брила ноги и порезалась. Кстати, именно так она это и объяснила, хотя я считаю, что для порядка следовало бы все же сравнить группу крови. Но сперма есть сперма. И мне тоже кажется, что приятель мисс Кэрти каким-то образом причастен к убийству Петтиджона, иначе она не стала бы его выгораживать и говорить нам, что ни с кем не встречается.

– У нее могла быть тысяча причин, чтобы скрывать наличие любовника.

– Назови хоть одну.

– Пожалуйста! – Хэммонд наклонился к ней и, брызжа слюной, прошипел прямо в лицо Стефи:

– С кем она спит – никого не касается. Чем тебе не причина?

Шея его напряглась, лицо покраснело, а на виске снова появилась пульсирующая синеватая жилка. Стефи уже приходилось видеть Хэммонда в гневе, когда он, бывало, злился на полицию, на судей, даже на нее. Но еще никогда он не приходил в такую ярость, и это серьезно ее озадачило. Впрочем, Стефи тут же решила, что обдумает возникшие у нее вопросы потом, когда будет одна и ей никто не будет мешать. Пока же она станет просто наблюдать и собирать факты, которые могут пригодиться ей в дальнейшем.

– Это еще не повод орать, – сказала она спокойно. – Что ты бесишься?

– Просто я знаю, на что он способен. – Хэммонд ткнул пальцем в Смайлоу. – Он изобретает доказательства на ходу, лишь бы скорее закончить дело.

– Эти доказательства мы изъяли во время законного обыска, – заметил Смайлоу сквозь зубы. Хэммонд зло усмехнулся.

– Ты способен сам спустить на простыню, чтобы сделать из нее доказательство вины.

Смайлоу готов был броситься на Хэммонда, и лишь невероятным усилием воли ему удалось сдержаться. Ноздри его, однако, продолжали раздуваться от гнева, и Стефи поспешила вмешаться.

– Как часто, по-твоему, наша чистюля мисс Карта сдает белье в стирку? – спросила она.

– Думаю, каждые три-четыре дня, – ответил Смайлоу, продолжая с ненавистью глядеть на Хэммонда.

– Все равно это чушь. – Хэммонд снова прислонился спиной к стене с видом стороннего наблюдателя.

– Значит, – продолжала Стефи, не обращая на него внимания, – мисс Кэрти занималась сексом совсем недавно. Но почему-то скрыла это от нас. Когда ты, Смайлоу, упомянул о любовнике, она не просто отказалась назвать его имя. Она не сказала, что это не имеет отношения к убийству Петтиджона. Эта Кэрти заявила, что у нее вообще нет любовника, а когда

мы приперли ее к стенке, стала юлить и выкручиваться, уверяя, что она, дескать, не это хотела сказать. Если верить ей, то в настоящее время у нее нет постоянного возлюбленного. Если верить...

И Хэммонд, и Смайлоу, казалось, внимательно слушали ее, но, поскольку ни один не сказал ни слова, Стефи продолжала:

– Наша образованная мисс Кэрти пытается играть с семантикой, как это делают политики. Она не лжет открыто, но и не говорит правды. По ее словам, получается, что она не совсем поняла вопрос. Возможно, с формальной точки зрения слово «любовник» действительно означает человека, с которым женщина регулярно встречается на протяжении долгого времени с намерением создать семью. – Тут она насмешливо глянула на Хэммонда. – Но на самом-то деле ее спрашивали, с кем она трахалась в последний раз, и она это прекрасно поняла. Может быть, мисс Кэрти вообще предпочитает разнообразие и не имеет постоянного партнера...

– Вряд ли это так, – возразил Смайлоу, сдвинув брови. – Мы не нашли в доме ни противозачаточных таблеток, ни внутриматочных колпачков, ни даже презервативов – ничего такого. Ничто не указывало на то, что мисс Кэрти принимает гостей. Поэтому я был удивлен, когда в бельевой корзине мы наткнулись на эту простыню.

– Но ты, наверное, держал в уме что-то подобное, когда спрашивал ее, спала ли она с Петтиджоном или нет. Иначе

бы ты, наверное, не задал ей этот вопрос...

– Да нет, в общем-то, ни о чем таком я не думал, – неохотно признался Смайлоу. – Откровенно говоря, я имел в виду скорее Люта, чем ее...

– А я уверен, что с твоей стороны, Смайлоу, это была просто очередная бесчестная попытка поймать мисс Кэрти на противоречии.

Стефи не обратила внимания на замечание Хэммонда.

– Значит, ты даже не подумал о том, что, увидев нашу очаровательную мисс Кэрти, Петтиджон мог ее захотеть? Насколько я слышала, такие вопросы он решал быстро. Уж не знаю, как он ее уговорил, что пообещал, только минет – эта такая штука, которая совсем не требует времени. Ему даже раздеваться не надо было – только расстегнуть ширинку.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что этот минет и отправил Петтиджона на тот свет? – рассмеялся Смайлоу. – Хотел бы я быть на его месте, пусть даже это грозило мне инфарктом, Хэммонд в ярости оттолкнулся от стены.

– Если вы собираетесь и дальше обсуждать сексуальную жизнь доктора Кэрти, то я вам больше не нужен – меня ждут дела поважнее. И тебя, Смайлоу, тоже, если ты хочешь поймать убийцу. Настоящего убийцу!

– Тебя никто насильно не держит. – Смайлоу кивнул в сторону двери. – Можешь идти, можешь оставаться.

– А разве мы еще не все обсудили? Кроме сексуальных привычек мисс Кэрти, разумеется?

– Остается еще вопрос о взломе замка на задней двери.

– Но ведь она объяснила.

– А ты и поверил? – Стефи фыркнула, глупость Хэммонда начинала ее раздражать. – Она наверняка врет, как врала все это время. Что с тобой происходит, Хэммонд? Ведь раньше ты чувствовал ложь на расстоянии ста миль!

– Мисс Кэрти заявила, что несколько месяцев назад кто-то забрался к ней в дом и ничего не взял, – сказал Смайлоу. – Но расщепленное дерево выглядит совсем свежим, и царапины на металле не успели окислиться. Да и мисс Кэрти не производит впечатления безалаберной особы – во всяком случае, дом у нее очень ухоженный, а в комнатах царит идеальный порядок. Думаю, она не стала бы мириться со сломанным замком и давным-давно сменила его.

– И все-таки все это только догадки и предположения, – упрямо возразил Хэммонд.

– Возможно, но и закрывать на это глаза было бы глупо. И непрофессионально, – парировала Стефи.

– Непрофессионально валить в одну кучу догадки и фантазии и объявлять их доказанными фактами!

– Некоторые из них и есть факты.

– Послушай, – прищурился Хэммонд, – почему тебе так хочется выставить ее виновной? Ты что, заранее решил, что она убийца?

– А почему ты ее защищаешь? Может быть, ты заранее решил, что она не виновна? Хотелось бы знать, на каком ос-

новании?

Последовавшая тишина была столь напряженной, что раздавшийся стук в дверь прозвучал подобно пушечному выстрелу.

– Кто там? – опомнился наконец Смайлоу.

Дверь отворилась, и в кабинет заглянул Монро Мейсон.

– Я слышал, что вы собираетесь снова допрашивать мисс Кэрти, и решил зайти послушать. Похоже, дела у вас идут неважно. Вы орете так, что слышно на улице.

Все трое неловко поздоровались с прокурором округа, потом снова замолчали. Еще некоторое время Мейсон с самым ироническим выражением лица разглядывал всех по очереди и наконец повернулся к Стефи:

– Ну, а ты что молчишь? Язык проглотила? Объясните же мне кто-нибудь, что здесь произошло!

Стефи бросила быстрый взгляд на Хэммонда и на Смайлоу.

– Обыск дома доктора Кэрти дал неожиданные результаты, – сказала она. – Удалось обнаружить кое-что любопытное, и мы пытались выяснить, какое значение могут иметь найденные улики. Смайлоу считает – и я с ним согласна, – что в совокупности эти улики позволяют предъявить доктору Кэрти официальное обвинение.

Мейсон посмотрел на Хэммонда:

– А ты, похоже, с ними не согласен. Хэммонд упрямо мотнул головой:

– С моей точки зрения, эти так называемые «улики» гроша ломаного не стоят. Смайлоу может со мной не соглашаться, но, в конце концов, выходить с этим делом на большое жюри предстоит не ему, а мне.

Стефи, напряженно прислушивавшаяся к тому, что скажет Хэммонд, поняла, что следующие несколько минут могут оказаться ключом к ее будущему. Все зависело до того, насколько умно она поведет себя сейчас. Сегодня утром, когда она озвучила перед прокурором свою озабоченность поведением Хэммонда, Мейсон встал на защиту своего протеже. И если сейчас она будет возражать прокурорскому любимчику, это может серьезно повредить ей в глазах шефа.

С другой стороны, Стефи не собиралась выпускать из рук перспективного подозреваемого только потому, что Хэммонд отчего-то размяк и потерял хватку. Если она сумеет правильно все разыграть, Мейсон, возможно, обратит внимание на отсутствие у Хэммонда его обычного энтузиазма и сделает соответствующие выводы. Для прокурора округа не существовало большего греха, чем нерешительность, а именно нерешительность демонстрировал сейчас его будущий преемник.

– Я считаю, – заявила Стефи, – что уже сейчас у нас достаточно улики, чтобы арестовать мисс Кэрти. Тянуть с этим не следует.

– Улик? Где ты видела улики? – едко осведомился Хэммонд.

– Но то, что собрал Смайлоу...

– Это не улики! – отрезал Хэммонд. – Это догадки и умо-
заклучения, возможно – гениальные, но не подкрепленные
вещественными доказательствами. Да самый скверный ад-
вокат во всей Южной Каролине не оставит от них камня на
камне, а ведь вам будет противостоять не какой-нибудь го-
сударственный защитник, а сам Фрэнк Перкинс – один из
лучших частных адвокатов. Я уверен, что, если я выйду на
большое жюри с этим волосом и этой гвоздикой, никакого
разбирательства, скорее всего, вообще не будет. Присяжные
меня просто засмеют!

– С какой гвоздикой? – уточнил Мейсон.

– Это такая пряность, – раздраженно пояснила Стефи.

– Он прав, – неожиданно вмешался Смайлоу, и Стефи за-
молчала. Она не могла поверить, что детектив поддерживает
своего врага. Хэммонд, впрочем, был удивлен не меньше.

– С чем ты согласен? – спросил он, и даже Мейсон по-
смотрел на Смайлоу с интересом.

– Я пока не знаю, причастна ли доктор Кэрти к убийству
или нет, – начал Смайлоу. – Она виделась с Петтиджоном в
субботу, это мы установили точно, и мне кажется, что ее на-
мерения не были столь безобидными, как она пыталась нас
убедить. В противном случае она бы просто не стала громоз-
дить одну ложь на другую только ради того, чтобы скрыть
этот факт. Однако если смотреть на все это с точки зрения
беспристрастного закона, то Хэммонд безусловно прав. У

нас нет орудия преступления. И у нас нет...

– Мотива, – вставил Хэммонд.

– Совершенно верно. – Смайлоу кисло улыбнулся. – Даже если мисс Кэрти была любовницей Петтиджона, это не значит, что она не имеет права спать с другими мужчинами. Я убежден, что сломанный замок на ее задней двери каким-то образом связан с убийством, но доказать это не могу, с формальной же точки зрения эти два факта никак не связаны. Довольно странно и то, что она хранит дома такие большие суммы наличными, но, в конце концов, это не запрещено законом. – Он вздохнул. – Насколько я изучил характер мисс Кэрти, она вряд ли назовет нам имя пациента, по поручению которого действовала, даже если это будет грозить ей серьезными неприятностями. Не то чтобы я поверил в эту историю, отнюдь нет. Точно так же я не верю ее рассказам насчет поездки на ярмарку, но установить, где она была на самом деле, нам пока не удалось. Но и это не самое страшное... – Он снова остановился, чтобы перевести дух, и посмотрел сначала на Мейсона, потом на Стефи. – Самое страшное заключается в том, что я не вижу мотивов, которые могли бы толкнуть мисс Кэрти на столь радикальный шаг, как убийство. На данном этапе мне даже неизвестно доподлинно, были ли они знакомы, дружны или сталкивались только в своей профессиональной деятельности. Если Лют Петтиджон был ее пациентом, то он ни разу не выписал ей ни одного чека в оплату услуг. Если она вкладывала средства в его проекты, это

не отражено ни в одном известном нам бухгалтерском документе. Они не могли даже столкнуться на какой-нибудь вечеринке или благотворительном приеме, поскольку вращаются в разных кругах.

Один из моих людей работает сейчас в Теннесси, откуда мисс Кэрти родом. Как ни странно, он тоже не нашел ничего интересного, кроме школьных записей. Но даже если Петтиджон когда-то бывал в Теннесси, никаких следов этого обнаружить не удалось.

– Иными словами, – подвел итог Мейсон, – либо ваша мисс Кэрти говорит правду, либо очень умело замечает следы.

– Я склоняюсь к последнему. – Смайлоу слегка кивнул головой. – Она явно что-то скрывает. Я только не знаю – что. Пока не знаю – Но если бы у тебя были... – начала Стефи.

– У него их нет.

– Если бы ты знал мотивы...

– Он их не знает.

– Заткнись, Хэммонд, и дай мне сказать, – разозлилась Стефи, и Хэммонд, сдаваясь, махнул рукой. – Так вот, – продолжала она, сердито сверкнув на него глазами, – если бы ты знал мотивы, которые заставили Кэрти убить Петтиджона, смог бы ты двигаться дальше с теми уликами, которые у нас уже есть?

Смайлоу посмотрел на Хэммонда.

– Это ему решать.

Хэммонд встретил его взгляд, потом посмотрел на Стефи и наконец на Мейсона, который, казалось, ждал его ответа с нетерпением и скрытой тревогой.

– Да, – сказал он. – Да, я смог бы выйти с этими уликами на большое жюри. Только это должны быть чертовски убедительные мотивы!

Глава 24

– Знаешь, Дэви, это могут расценить как вызов.

– А мне-то что! – самодовольно промурлыкала Дэви Петтиджон и, поставив на столик пустой бокал из-под коктейля, взяла с подноса новую порцию водки с лимонным соком. – Кажется, я уже говорила тебе, что в чем, в чем, а в притворстве меня обвинить нельзя.

– Но ведь ты только вчера похоронила мужа.

– Ради бога, не напоминай мне об этом! Я чуть не сдохла со скуки. Готова биться об заклад, и ты тоже.

Ее откровенность обезоружила его, и Хэммонд улыбнулся. Поблагодарив официанта, который принес заказанный им сложный коктейль, он отпил небольшой глоток и сказал:

– Об этих похоронах еще долго будут говорить.

– Так я и планировала, дорогой, – заявила Дэви. – Сегодняшняя маленькая вечеринка была задумана специально, чтобы, так сказать, оттенить вчерашнее событие и нанести общественному мнению еще одну пощечину. – Она хмыкнула. – Я, разумеется, имею в виду всех тех очаровательных сучек, которые готовы сплетничать обо мне, что бы я ни сделала. Кроме того, если я хочу развлекаться, мне не мешает даже конец света.

Хэммонд огляделся. Он бы не назвал сегодняшний сбор вечеринкой, и тем более – «маленькой». Практически весь

первый этаж просторного особняка Петтиджонов был полон гостей – друзей, знакомых и друзей знакомых, которые отнюдь не были расположены сдерживаться, коль скоро сама вдова даже не подумала надеть траур и не постеснялась устроить пьянку на следующий же день после похорон.

А это была именно пьянка, а вовсе не бдение у гроба и даже не несвоевременно устроенный светский прием. Если называть вещи своими именами, была самая настоящая разнузданная вакханалия, способная на самом деле серьезно оскорбить общественное мнение. Впрочем, Хэммонд не сомневался, что Дэви говорит правду и что нечто в этом роде она и задумывала.

– Лют был бы зол, как собака, если бы узнал... – заметила она. – С ним мог бы случиться удар.

– Он с ним и случился, – напомнил Хэммонд.

– Ах да, я совсем забыла...

– Кстати, ты не в курсе, у него были какие-нибудь проблемы с сердцем или с сосудами?

– Я знаю, у него было повышенное давление. – Дэви пожала плечами. – Врачи несколько раз его предупреждали...

– Разве он не принимал лекарства?

– Ему прописали какие-то таблетки, но от них у него член плохо стоял. В конце концов он перестал их принимать.

– И ты... знала об этом? Дэви рассмеялась.

– О чем ты думаешь, Хэммонд? Ты действительно считаешь, что это я довела его до удара? Черта с два! В том, что

с ним случи лось, виноват только сам Лют. Знаешь, что он заявил мне однажды? Что если ему придется выбирать между бабами и несколькими годами жизни, он в любом случае предпочтет первое. Инсульт его не пугал, о нет! Он называл это «умереть в седле». То есть верхом на какой-нибудь красоте.

– Его убил не инсульт, Дэви.

– Да-да, я помню. Кто-то взял на себя труд пристрелить эту сволочь. – Она слегка приподняла бокал. – Пью за смерть Люта Петтиджона и за человека, который ее приблизил!..

Но Хэммонд, как бы он ни относился к Люту, не мог и не хотел пить за это, поэтому он сделал вид, будто наблюдает за гостями. Делать это было тем более удобно, что они с Дэви стояли на галерее второго этажа, выходящей в главный зал для приемов.

– Что-то я не вижу никого из старой гвардии, – заметил он минуту спустя.

– А я никого и не приглашала, – откликнулась Дэви, отнимая от губ бокал. – Зачем портить себе удовольствие пустыми рассуждениями о том, как неприлично и несвоевременно устраивать праздники через считанные дни после кончины своего единственного? Кроме того, им бы здесь все равно не понравилось.

Хэммонд согласно кивнул. В самом деле, стены сотрясались от рока, который исполнял специально приглашенный Дэви рок-оркестр; столы ломились от изысканных кушаний;

виски и шампанское лились рекой, а в воздухе витал легкий запах марихуаны. Наркотики посерьезнее тоже были доступны – Хэммонд понял это, увидев среди танцующих хорошо известного ему дилера, которому уже дважды удавалось счастливо избежать обвинительного приговора.

Потом он заметил известного детективного писателя, в очередной раз сменившего сексуальную ориентацию. Сегодня он был с похожим на херувимчика юношей с круглым лицом и светлыми кудрями, за которым мастер крутых сюжетов и кровавых сцен ухаживал заботливо и нежно. Это показное ухаживание, однако, почти не вызывало интереса среди собравшихся, так как вниманием гостей полностью завладела молодая телезвезда, хваставшаяся своими недавно подвергшимися косметической операции грудями. Желаящие могли не только полюбоваться на чудо силикопластики, но даже потрогать и пощупать, и от поклонников не было отбоя.

– Она отвалила за операцию целую кучу денег, – заметила Дэви, улыбаясь.

– У тебя есть знакомый хирург, который ваяет сиськи по сниженным ценам?

– Нет, но я знаю одного пластического хирурга, который справился бы с этой работой в двадцать раз лучше.

Хэммонд вопросительно посмотрел на нее, и Дэви рассмеялась своим чуточку гортанным, дьявольски соблазнительным смехом.

– Нет, дорогой, мои – целиком мои. Просто я с ним спала.

Он оказался паршивым любовником, но в своей работе он настоящий художник. Микеланджело.

Хэммонд снова оглядел ее с ног до головы.

– Послушай, ты никогда не пробовала исполнять «танец живота»?

– Я танцую божественно... – Дэви изящным движением подняла руки над головой и повернулась вокруг своей оси, демонстрируя ему свой наряд, состоявший из коротенького топика и облегающих шелковых бриджей до колен, сидевших на бедрах опасно низко. Вокруг талии Дэви обвивалась золотая цепочка, а руки были унизаны тонкими золотыми браслетами.

Заканчивая поворот, Дэви как будто невзначай толкнула его задом.

Хэммонд рассмеялся.

– Действительно божественно.

Дэви опустила руки и неожиданно нахмурилась.

– Что толку, даже если ты действительно так думаешь? Послушай, Хэммонд, почему мы не спим вместе?

– Боюсь, для этого мне пришлось бы записаться в очередь. Хэммонд рассмеялся, но лицо Дэви помрачнело еще больше.

– Как ты можешь говорить такие гадости? Это моя вечеринка, а у меня даже нет кавалера!

– А что случилось с твоим массажистом?

– С Сандро? Я его прогнала.

– Уже? Быстро ты с ним разделалась.

– Ты же знаешь, если я что-то решила, я это сделаю.

– Он что, массажировал тебя против часовой стрелки?

– Ха-ха, не смешно, – надулась Дэви.

– Прости, я не знал, что для тебя это больное место.

– Черта с два – больное. Скорее уж пустое... У Сандро только и было достоинств, что пенис длиной как отсюда до Кубы, зато мозгов – кот наплакал.

– По-моему, каждая женщина мечтает, чтобы ее любовник был, гм-м... неуютим и поменьше разговаривал.

– Только вначале, Хэммонд, только вначале. Потом это надоедает. Сандро надоел мне, с ним было слишком скучно.

– Скука – вот твой бич...

– Совершенно справедливо, Хэммонд... – Она посмотрела вниз, на толпу, потом вздохнула и взяла его за руку. – Идем, я хочу кое-что тебе показать.

Она провела его по застеленному гератским ковром коридору и втолкнула в спальню. Когда Хэммонд вошел, Дэви закрыла дверь и, прислонившись к ней спиной, закрыла глаза.

– Вот так-то лучше, – проговорила она. – От этого грохота можно с ума сойти...

В самом деле, музыка была здесь почти не слышна, и Хэммонд облегченно вздохнул. От рева синтезаторов и грохота барабанов у него разболелась голова.

– Все-таки тебе, наверное, не следовало бросать гостей... – заметил он неуверенно.

– Обойдутся. – Дэви пренебрежительно махнула рукой. –

На самом деле из всего этого стада меня знает человек от силы десять или двадцать. Что до остальных... Эта публика всегда не прочь повеселиться за чужой счет, так что по большому счету им все равно, кто устраивает вечеринку. Держу пари, они даже не заметят, что меня нет. Кроме того, они скоро перепьются, и им вообще станет все равно...

Оттолкнувшись от двери, она пошла через комнату, на ходу сбросив с ног босоножки на высоких каблуках. Остановившись у кровати, Дэви поставила бокал на ночной столик и повернулась к нему.

– Хочешь выпить, Хэммонд?

– Нет, спасибо.

Она шагнула к нему и, взяв у него из рук бокал, поставила на столик рядом со своим. То, что случилось дальше, явилось для Хэммонда полной неожиданностью. Взяв его за руки, Дэви опустила их себе на талию и, привстав на цыпочки, поцеловала его в губы. Одновременно она снова потерлась о него бедрами – не столь вызывающе, как в первый раз, но зато гораздо более откровенно и чувственно.

Хэммонд невольно отшатнулся.

– Что ты делаешь? – спросил он почти испуганно.

– Тебе объяснить?

С этими словами Дэви обхватила его руками за шею, чтобы поцеловать еще раз, но Хэммонд снова отстранился – отстранился мягко, но решительно, и она разочарованно опустилась на пятки.

– Значит, нет? Ты говоришь – нет?

– Нет, Дэви.

– Но почему? Неужели ты не хочешь сделать приятное своей старой подружке?!

Ухмыльнувшись, она снова попыталась поцеловать его, но он увернулся.

– Мы больше не дети, Дэви. Время экспериментов давно прошло.

– Тебе будет хорошо, Хэммонд. Гораздо лучше, чем тогда. – Она улыбнулась самой соблазнительной улыбкой, на какую только была способна.

– Не сомневаюсь. – Хэммонд улыбнулся и, сжал ее руки ладонями. – Но я не могу.

– То есть не хочешь?

– Да. Не могу и не стану.

– О господи!.. – разочарованно простонала она. Ее руки скользнули по его груди, задержались у пояса, потом бес- сильно повисли. – Скажи же скорее, что это не так!

– Сказать что?

– Что ты не любишь ее.

Хэммонд почувствовал, как у него упало сердце.

– Как... как ты узнала? – запинаясь, спросил он.

– О господи, Хэммонд, за кого ты меня держишь?! Вот уже два месяца я постоянно слышу, что вы двое берете работу на дом.

– Стефи!.. – воскликнул он. – Ты говоришь о Стефи! Дэви

озадаченно склонила голову к плечу.

– А что, разве ты не спишь с ней?

Ответить на ее вопрос было куда безопаснее, чем сказать правду, и Хэммонд облегченно вздохнул.

– У меня действительно был роман со Стефи, но сейчас между нами все кончено.

– Честно? – Дэви подозрительно прищурилась.

– Честное бойскаутское.

– Что ж, в таком случае прими мои поздравления. Не могу выразить, как я рада это слышать. В воскресенье вечером я дала тебе прекрасную возможность облить Стефи Манделл помоями, и, когда ты не сделал этого, я поняла, что все, что о вас говорят, – правда... Или по крайней мере большая часть. Я даже расстроилась, Хэммонд, честно! Ведь у твоей Стефи нет ни класса, ни стиля, ни даже чувства юмора. Готова спорить, что она носит белые туфли не только летом.

Хэммонд рассмеялся.

– Ах ты, притворщица! Ведь я же знаю, ты совсем не так привержена условностям, как говоришь. Дэви сделала надменное лицо.

– Возможно, но есть вещи, которые воспитанные люди себе не позволяют.

– Например, носить белые туфли не только летом.

– Послушай, но ведь ты же влюблен в кого-то, правда? – неожиданно спросила она и рассмеялась, увидев, как изменилось его лицо. – Только не надо делать честные глаза и го-

ворить «Кто, я?!», – добавила она, – потому что меня на это не купишь. Я читаю по твоему лицу как по книге!

Хэммонд ничего не ответил, и Дэви, подбоченясь и выставив ногу вперед, покачала головой.

– Я предложила тебе свое роскошное тело, – заявила она. – Я готова была подарить тебе несколько часов головокружительного секса, прибавим – не требуя от тебя никаких клятв, никаких обещаний, но ты отверг меня! Это может означать только то, что ты либо сменил ориентацию, либо втрескался в кого-то по уши, либо я утратила всю свою привлекательность, и мне остается только удавиться. Итак, отвечай, в чем дело?

Хэммонд улыбнулся.

– Я не стал гомосексуалистом, и ты не утратила ни грана своей красоты.

Он ожидал, что она скажет что-то вроде «Я так и знала!» или «Меня не проведешь, Хэммонд Кросс!», но вместо этого Дэви спросила неожиданно тихим голосом:

– Когда ты с ней познакомился?

– Недавно.

– Кто она: просто новая подружка или она – особенная?

Хэммонд несколько мгновений молча смотрел на нее, решая, солгать или нет. До своего романа со Стефи он встречался со многими женщинами, но ни одна не задержалась надолго. В Чарлстоне Хэммонд считался завидным женихом – перспективным, образованным, богатым, и десятки одино-

ких женщин – молодых и не очень – почти в открытую добивались его благосклонности, да и их мамыши считали его завидной добычей. Даже его собственная мать то и дело знакомила Хэммонда с дочерьми и дальними родственницами своих подруг и знакомых. «Она очаровательная юная леди из приличной семьи»; «Ее родители из Джорджии, они торгуют лесом. А может быть – автомобильными покрывалами»; «Она – само очарование, к тому же у вас с ней много общего» – примерно такими словами Амелия Кросс предваряла появление в их доме очередной претендентки на его руку и сердце. Дэви была в курсе этих матримониальных устремлений матери Хэммонда, и он несколько мгновений колебался, решая, не сказать ли ей, что и в данном случае речь идет о чем-то подобном.

Но это было бы нечестно и непорядочно. Дэви была его старым, испытанным другом, к тому же Хэммонда уже тошнило от необходимости лгать и изворачиваться. Нет, обманывать он не будет, но ответить честно... Это тоже невозможно.

Сев на краешек дивана, Хэммонд свесил руки между расставленными коленями и посмотрел на Дэви снизу вверх.

– Господи, – сказала она, беря в руки бокал. – Неужто у тебя это так серьезно?

– Она – не новая подружка, – сказал Хэммонд, сделав над собой усилие. – Что касается того, насколько она особенная... Я просто не знаю. Пока не знаю.

– Вы слишком мало знакомы?

– Нет, тут все гораздо сложнее...

– Она что, замужем?

– Нет.

– Тогда в чем сложность?

– В чем?.. – Он немного подумал. – То, что между нами происходит, почти невозможно.

– Но почему? Я не понимаю!..

– Я не могу говорить об этом, Дэви. – Эти слова он произнес резче, чем намеревался, однако самый тон его голоса подсказал ей, насколько деликатную тему она затронула. Видимо, поэтому Дэви не стала настаивать.

– О'кей, Хэммонд. Если тебе понадобится помощь...

– Спасибо. – Он взял ее за руку и, сдвинув к локтю звякнувшие браслеты, прикоснулся губами к запястью. – Что меня выдало? – спросил Хэммонд, поднимая голову.

– То, как ты себя ведешь. Он выпустил ее руку.

– А как я себя веду?

– Так, словно ты стоишь в очереди на принудительную кастрацию и твой номер – следующий. – Вырвав руку, которую Хэммонд по-прежнему держал в своей, Дэви отошла к бару и смешала себе новый коктейль. – Когда вчера на похоронах я увидела тебя, я сразу догадалась, что с тобой что-то неладно. Твоя карьера находится на подъеме – я знаю это точно, поскольку я как-никак приложила к этому руку. Родители твои, слава богу, живы и здоровы, и, хотя ты с ними не очень

ладишь, с этой стороны тоже как будто все нормально. Остается одно – у тебя проблемы личного характера...

– Откровенно говоря, меня здорово беспокоит, что ты так легко...

– Расслабься. Я уверена, что, кроме меня, этого никто не заметил. Ведь я знаю тебя, как никто, а симптомы... Симптомы мне хорошо знакомы. Когда я вижу человека в таком состоянии, я понимаю, что причина только одна – любовь...

Он слегка приподнял брови.

– Ты говоришь, что знаешь симптомы... Откуда? Ты никогда мне не рассказывала.

– Потому что у этой истории был плохой конец. Я более или менее пришла в себя только в то лето, когда мы с тобой встретились на свадьбе, помнишь?.. – Она саркастиче­ски хмыкнула. – Именно чужой свадьбы мне не хватало, чтобы окончательно успокоиться, должно быть, поэтому я вела себя как настоящая стерва. И именно поэтому в тот вечер мне был особенно необходим друг. Очень, очень близкий друг... – Она мягко улыбнулась. – Наше небольшое купание в бассейне помогло мне вернуть уверенность в себе. Хэммонд улыбнулся в ответ – Рад был помочь.

– Ты действительно очень мне помог, Хэммонд. Он неожиданно посерьезнел.

– Мне очень жаль, Дэви, но... Ведь я ни о чем не догадывался! Ты очень хорошо скрывала, что было у тебя на душе. Что же случилось?

– Что?.. – Она немного помолчала. – Банальная в общем-то история. Мы познакомились в университете. Его отец был священником. Можешь себе представить – я и сын какого-то святоши? Впрочем, он был настоящим джентльменом – умным, воспитанным, тонким... Он никогда не обращался со мной как со шлюхой, впрочем, с ним-то я вела себя по-другому, хотя тут ты можешь мне не поверить...

Она залпом допила коктейль и тут же снова наполнила бокал.

– Зато с остальными я не стеснялась. К тому времени, когда мы встретились, я переспала уже с половиной университетского городка. Не было такого землячества, где у меня не было бы любовника, а то и двух. Я даже крутила роман с одним из преподавателей, но об этом надо рассказывать отдельно. В общем, я вела веселую жизнь и ни о чем таком не задумывалась. Конечно, репутация у меня была соответствующая, но, как ни странно, он довольно долго оставался в блаженном неведении относительно меня. – Она вздохнула. – Это продолжалось до тех пор, пока кто-то из моих прежних приятелей не решил рассказать ему о моих похождениях. С их точки зрения, это была преотличная шутка, но для меня...

Дэви отошла к окну и встала там, глядя в сад сквозь открытые жалюзи.

– Он был отличным студентом и даже получал стипендию от университета. Насколько я знаю, он почти никогда не

участвовал в шумных вечеринках, предпочитая проводить время за учебниками, и, как ты сам понимаешь, это отнюдь не делало его всеобщим любимцем. Другие студенты часто дразнили его, и эта грязная шутка была их маленькой мстостью за собственную неполноценность. Словом, они рассказали ему все, не упустив ни одной омерзительной подробности. Где, с кем, как – это был полный отчет почти за два года моей жизни. Они даже разыскали фотографии с одной вечеринки, где я позволила себе оттянуться на полную катушку. Снимки не тянули даже на мягкое порно, но для него это, безусловно, был шок.

Когда он объявил мне, что ему все известно, и перечислил кое-какие факты, я пришла в отчаяние. Я умоляла его простить меня или по крайней мере попытаться понять. Я надеялась убедить его, что я изменилась – что это он изменил меня, – но он не захотел даже слушать...

Она чуть-чуть наклонилась вперед и уперлась лбом в прохладное стекло.

– Той же ночью, чтобы досадить мне, он переспал с другой девушкой из общаги. Она забеременела...

Дэви была так неподвижна, что даже золотые браслеты на руках не звякали.

– Я уже говорила, что его отец был священником. Он тоже был воспитан в духе религиозной морали, поэтому об аборте не могло быть и речи. Впрочем, ему это даже не пришло в голову. Он женился на этой девице. Наверное, это звучит

странно, но именно тогда я любила его больше всего. Мне ужасно хотелось родить ему ребенка, но... это было невозможно. И самое обидное заключалось в том, что я понимала: во всем, что случилось, виновата только я сама.

Хэммонд молчал, желая удостовериться, что она закончила. Только когда Дэви пошевелилась и поднесла к губам бокал с коктейлем, он спросил:

– Ты знаешь, что с ним было потом?

– Да.

– Он все еще женат?

– Нет.

– И ты... виделась с ним?

Дэви резко обернулась и посмотрела на него.

– Да. Например, вчера, на похоронах Люта. Он сидел в одном из последних рядов рядом с этой... со Стефи Манделл.

Хэммонд даже не сразу понял, кого она имеет в виду, а когда понял, то не смог скрыть удивления.

– Ты имеешь в виду Смайлоу? Дэви невесело рассмеялась.

– Насколько мне известно, ты его недолюбливаешь. Но, как говорится, на вкус и цвет товарищей нет. Хэммонд в волнении провел рукой по волосам.

– Неудивительно, что он так сильно ненавидел Люта. Сначала его сестра, потом – ты...

– Ну, на самом деле все было не совсем так, Хэммонд, ведь Люг женился на Маргарет не так уж давно. Рори переехал в Чарлстон гораздо раньше, когда ему предложили ме-

сто старшего детектива в полицейском управлении. Я узнала об этом из газет. Сам понимаешь, мне ужасно хотелось связаться с ним, но гордость не позволила... – Дэви немного помолчала. – Девица, на которой он женился, произвела на свет мертвого ребенка и скончалась сама. Родители Рори умерли довольно давно, и у него не было на свете никого, кроме Маргарет, которую он вырастил и воспитал практически один. Она переехала в Чарлстон вместе с ним. Смайлоу нашел ей работу в судебном архиве округа, где она занималась документами о наследстве, о собственности на землю, о недвижимости и тому подобном. Там она и познакомилась с Лютом. Не удивлюсь, если их роман начался с какого-нибудь мелкого одолжения, о котором Лют попросил Маргарет.

– Меня бы это тоже не удивило, – согласился Хэммонд. – Я слышал, что для сестры Смайлоу этот брак был настоящим кошмаром. Дэви покачала головой.

– Маргарет никогда не была сильным человеком. У нее был покладистый, мягкий характер, и Лют этим вовсю пользовался. В конце концов она просто не выдержала и сломалась. – Дэви снова осушила бокал. – Впрочем, сейчас речь не о ней, а о Рори... Несколько раз, когда мне удавалось справиться со своей дурацкой гордостью, я будто бы случайно встречалась с ним на вечеринках, на приемах, но он всегда смотрел сквозь меня, словно я – пустое место. Это чертовски обидно и больно, Хэммонд. Вот почему после самоубийства Маргарет я начала охоту на Люта. Я преследовала его до тех

пор, пока он не женился на мне. Надеюсь, ты понимаешь, почему я так поступила? Рори разбил мне сердце, и я хотела отомстить. Мне казалось, что выйти замуж за человека, которого он ненавидел всей душой, будет лучше всего... – Она криво улыбнулась. – К сожалению, тогда я еще не знала, что месть – как бумеранг: возвращается и больно бьет тебя по голове.

– Мне очень жаль, Дэви...

– Нечего меня жалеть! – воскликнула она почти сердито. – Я все еще обаятельна и сексуальна, как черт знает что. Это... – она показала ему пустой бокал из-под крепкого коктейля, – даже это не уничтожило маминой красоты. Ты и сам знаешь, что она пила, как лошадь, но, несмотря на это, мама до сих пор очень свежа и хороша собой. У нее почти нет морщин, и я надеюсь, что ее гены помогут и мне справиться с разрушительным воздействием алкоголя, сколько бы я ни пила. Кроме того, у меня полно денег, а после вступления в силу завещания Люта будет еще больше. Кстати, о Люте...

Она подошла к антикварному резному секретеру красного дерева и, отомкнув его затейливым бронзовым ключом, достала из ящичка отрывной блокнот.

– Вот, – сказала она. – Чуть не забыла. Я нашла эту штуку, когда рылась в его бумагах. Датировано субботой, верно?

Дэви вручила блокнот Хэммонду. Он бросил взгляд на первую страницу и почувствовал, как от ужаса у него закружилась голова.

– Это почерк Люта, – сказала Дэви. – Он написал твое имя и время – пять часов пополудни. Похоже, вы виделись с ним в тот день, и, как я понимаю, тебе бы очень не хотелось, чтобы кто-то об этом узнал.

Хэммонд бросил на нее быстрый взгляд.

– Это не то, что ты подумала, – сказал он. – Это... Дэви рассмеялась.

– Хэммонд, милый, я скорее поверю, что какой-то новомодный крем действительно способен управиться с целлюлитом, чем в то, что ты прикончил Люта. Я не знаю, зачем вы встречались, и не хочу знать. Просто мне показалось, что будет гораздо лучше, если этот блокнот попадет к тебе в руки.

Хэммонд машинально перевернул страницу и вздрогнул.

– Здесь написано... шесть часов, – начал он. – Значит, в тот день Лют встречался еще с кем-то. Должен был встретиться... Ты не знаешь, кого еще он ждал?

Дэви покачала головой:

– Понятия не имею. Признаться, я заглянула в его настольный ежедневник, но там не говорится ни о тебе, ни о ком другом.

Хэммонд покачал головой. Совершенно очевидно, что в субботу Лют Петтиджон ждал к себе еще кого-то. Но кого? Состоялась ли эта встреча или его убили раньше? Или его второй гость и был убийцей?

Он убрал блокнот в карман.

– Вообще-то по правилам тебе следовало отдать этот блокнот Смайлоу.

– Ты же знаешь, я никогда не поступаю по правилам, – возразила Дэви и печально улыбнулась. – Теперь я знаю, что Рори Смайлоу просто невозможно сделать больно, хотя – видит бог! – я старалась. – Ее улыбка погасла, и она закончила серьезно:

– Но это не значит, что я чувствую себя обязанной помогать ему.

Глава 25

– Вчера ночью он был здесь, со мной!..

Эти слова Элен Роджерс пришлось буквально прокричать, чтобы бармен расслышал ее за оглушительной музыкой.

– Мы сидели вон за тем столом и заказывали у вас шампанское и коктейли, – добавила она, с надеждой глядя на него. Бармен – худой двадцатилетний парень с редкими, собранными в «конский хвост» волосами и с серебряной серьгой в правой брови – посмотрел на нее взглядом, какой яснее всяких слов говорил, что во внешности Элен Роджерс нет ровным счетом ничего запоминающегося.

– У нас каждый день бывает множество людей, мэ. Я не могу помнить всех. Элен без церемоний дернула его за рукав.

– Если парень, с которым я была здесь вчера, вернется, позвоните мне, пожалуйста, хорошо?

И она положила перед ним клочок бумаги с номером своего телефона в отеле, не особенно, впрочем, надеясь, что из этого что-нибудь выйдет.

– О'кей, мэ.

Бармен убрал записку в карман, и Элен невольно подумала о том, что он вспомнит о ней в лучшем случае через несколько дней, когда будет сдавать рубашку в стирку. Ну и черт с ним. Все равно она своего добьется.

И Элен твердым шагом вышла из бара.

Еще утром – более или менее справившись с пережитым потрясением – она приняла решение во что бы то ни стало выследить этого мерзавца и сдать его в полицию. Ради этого она была готова обойти все рестораны и ночные клубы Чарлстона.

Элен догадывалась, что была не первой его жертвой, уж больно ловко Эдди (имя, похоже, было вымышленным) обвел ее вокруг пальца. Не первой и не последней. Она почти не сомневалась, что негодяй, воодушевленный успехом, снова выйдет на охоту уже этим вечером. И совершит ошибку, ибо она будет искать его.

Но после того, как Элен обошла с полдюжины баров и ресторанов, ее энтузиазм заметно остыл. Гениальный план, еще два часа назад казавшийся ей удачным и дерзким, на деле был очень и очень трудоемким или даже – учитывая количество увеселительных заведений в Чарлстоне – просто невыполнимым. Только упрямство мешало Элен сдать, поскольку теперь даже она понимала, что шансов наткнуться на Эдди у нее ничтожно мало.

Только упрямство да еще злость, поскольку все остальное, казалось, было против нее. Лакированные туфли, которые она купила специально для этой поездки, немилосердно жали, и она охромела буквально через полчаса после того, как покинула отель. Жара не спала даже с наступлением темноты, и Элен буквально обливалась потом. Кроме того, она бы-

ла голодна, но каждый раз, когда она пыталась что-нибудь съесть, ее желудок, растревоженный неумеренным количеством спиртного, начинал решительно восставать, и ей пришлось ограничиться несколькими банками кока-колы. Голод она, однако, не утолила, но потеть стала еще больше.

Впрочем, напомнила себе Элен, теперь обед в приличном ресторане был ей все равно не по карману. Правда, она сразу позвонила в банк и заявила о пропаже кредитных карточек, но ее предупредили, что пройдет не меньше двух дней, прежде чем ей пришлют новые. Ей еще повезло, что она догадалась засунуть несколько купюр в карман блейзера. По сравнению с той суммой, которую украл Эдди, это была, конечно, мелочь, но при известной экономии на билет домой денег должно было хватить.

Так почему бы ей не плюнуть на все и не уехать, закралась в голову Элен предательская мысль. Дурацкая жара, которая казалась такой привлекательной там, на Севере, теперь не вызывала у нее ничего, кроме раздражения и головной боли. Ни ходить на экскурсии с группой, ни бывать в музеях и галереях Элен не могла по причине отсутствия денег. К тому же чем меньше времени она проживет в Чарлстоне, тем меньше будет счет за гостиницу.

Да, здравый смысл подсказывал ей, что разумнее всего было бы вернуться в Индианаполис уже завтра. Правда, за обмен авиабилета ей, наверное, придется доплатить, но, наверное, не очень много, зато дома, в знакомой обстановке,

она сможет быстрее прийти в себя. Скоро начнется учебный год, и рутинные обязанности помогут ей окончательно выбросить этот неприятный инцидент из головы.

Но тут к ней пришла другая мысль. Ведь очень может быть, что, пока она ковыляет по улицам в своих тесных туфлях, Эдди обрабатывает какую-нибудь другую женщину, которая – как и Элен – проснется завтра утром ограбленной и униженной. Почти наверняка об этом преступлении тоже никто не узнает, потому что жертва – а Элен знала это на собственном опыте – просто постыдится обращаться в полицию. Именно на это и рассчитывал Эдди, именно поэтому чувствовал себя в безопасности. Он знал, что его преступление сойдет ему с рук.

Но только не на этот раз.

– Я сделаю все, чтобы этого не случилось! – пообещала Элен своему отражению в витрине магазина и поправила прическу, прежде чем войти в очередной бар.

* * *

Хэммонд сел за столик напротив Лоретты.

– Ну как, тебе удалось что-нибудь узнать?

– Как насчет того, чтобы поздороваться или пожелать мне доброго вечера?

– Извини. Сегодня мне не до приличий.

– Ты паршиво выглядишь.

– Будем считать, что обмен любезностями состоялся. – Хэммонд вздохнул. – Впрочем, ты права. О том, что я похож на кусок дерьма, мне сказали еще утром.

– Что-нибудь случилось?

– Послушай, Лори, я спешу. Не только сейчас, но и вообще, так что если у тебя есть для меня новости...

– Я же вызвала тебя сюда, разве нет?

Хэммонд почувствовал себя виноватым. Он сознавал, что ведет себя не лучшим образом, но ничего поделать с собой не мог. Особенно сильно подействовал на него визит к Дэви, поэтому, когда Хэммонд сел в машину и связался по сотовому телефону со своим оператором телефонной почты, он был только рад узнать, что Лоретта просит срочно встретиться с ней в «Тенистой пещере». Он надеялся, что ей удалось узнать что-то важное, хотя поехать в забегаловку означало продлить еще на несколько часов день, который ему хотелось как можно скорее оставить позади.

Покачав головой, он тяжело вздохнул и извинился:

– У меня прескверное настроение, Лоретта, но мне, конечно, не следовало вымещать его на тебе.

– Тебе надо выпить.

– Знаю, знаю. У тебя на все один ответ.

Он тут же спохватился, что сказал бестактность, но Лоретта не обиделась, только улыбнулась печально.

– Я давно поняла, что алкоголь не может быть радикальным средством против депрессии. Но в качестве временной

меры сойдет. С этими словами она заказала бурбон для него и содовую для себя. Когда стакан оказался у него в руке, Хэммонд сразу сделал большой глоток и на самом деле почувствовал себя лучше.

– А ты неплохо выглядишь, – сказал он, посмотрев на нее. Лоретта рассмеялась.

– Я же говорила, что, когда смотришь на мир через донышко стакана, перестаешь замечать его недостатки.

Но Хэммонд только хмыкнул. По сравнению с вечером понедельника Лоретта действительно выглядела значительно лучше. Ее волосы были вымыты и расчесаны, а аккуратно наложенная косметика смягчала нездоровую худобу лица и скрывала большую часть морщин. Глаза были ясными и смотрели внимательно и зорко, а руки почти не дрожали.

Похоже, что Лоретта и сама отдавала себе в этом отчет. Во всяком случае, она казалась польщенной, хоть и старалась отшутиться.

– Нет, правда, – сказала она. – Впрочем, признаюсь: я немного почистила перышки, и все же...

– И подкрасила тоже.

– Это Бев посоветовала.

– Тебе идет.

– Спасибо. – Она подняла руки и поправила прическу. – Бев была просто счастлива, когда узнала, что у меня снова есть работа. Правда, я честно сказала ей, что это временно. Она пустила меня обратно, но с условием, что я буду регу-

лярно посещать собрания Общества анонимных алкоголиков.

– Ну и как ты, держишься?

– Держусь. Правда, по утрам меня еще трясет, но с этим я справлюсь. Я почти уверена, что справлюсь.

– Это хорошая новость, Лоретта. Самая хорошая новость за весь день, – честно сказал Хэммонд. – Я рад за тебя.

Он немного помолчал, как бы закрывая тему, и только потом перешел к интересовавшему его вопросу:

– Так что тебе удалось узнать, Лоретта? Она подмигнула.

– Много всего. Пожалуй, после того, как тыознакомишься с результатами, ты, чего доброго, возьмешь меня на работу к себе в прокуратуру.

– У тебя такие хорошие новости?

– У меня есть источник, имени которого я называть не буду, – начала Лоретта. – Но он – настоящий компьютерный гений, и...

– Это Харви Дубб, что ли, гений?

– Ты его знаешь?

– Харви работал и на меня тоже. И не только на меня. Время от времени он выполняет для прокуратуры некоторые деликатные поручения. Все это строго конфиденциально, разумеется...

– Ты что, шутишь? – спросила Лоретта, и на лице ее отразилось глубокое разочарование.

– Ты шантажировала Харви его старыми делишками, не

текли?

– Будь я проклята! – Лоретта в досаде даже стукнула по хлипкому столику кулаком. – Этот ничтожный червяк едва не заставил меня краснеть, потому что я, дескать, применяю к нему недозволенные методы давления и заставляю нарушить принципы, которых он свято придерживается! Ну и паскудник!..

– Харви обожает строить из себя святого, но на самом деле это не более чем поза. Именно поэтому я и не обратился к нему непосредственно – Харви Дубб никогда не внушал мне доверия.

Хэммонд, однако, нисколько не опасался, что кто-то может вычислить его самого, если Харви попадется на взломе баз данных службы социального обеспечения. Он верил Лоретте, которая поклялась никому не выдавать его секрета. Сейчас же Хэммонд задумался о другом. Что, если кто-то еще пытался добраться до информации о Юджин с помощью Харви?

– Скажи, когда ты обратилась к нему, Харви знал что-нибудь о деле Петтиджона? Какие-то подробности, к примеру, о которых не писали в газетах? Не показалось ли тебе, что он знает что-то о докторе Кэрти?

Лоретта задумчиво пожевала губами.

– Тогда не показалось, но сейчас я начинаю сомневаться... И не только в нем, но и в своих собственных инстинктах. Говорят, талант не пропьешь, и все же... – Она опустила

голову, но тут же снова посмотрела на Хэммонда:

– А что?

Хэммонд неопределенно пожал плечами.

– Мне пришло в голову, а вдруг кто-то еще просил Харви покопаться в прошлом доктора Кэрти.

– А кого еще она могла заинтересовать? Твою Стефи?

– Или Смайлоу.

– Если ты не врешь и Харви действительно выполнял какие-то неофициальные поручения твоих коллег, тогда это вполне вероятно. И все-таки мне показалось, что он был по-настоящему удивлен и даже польщен, когда я попросила его помочь мне в моем расследовании.

Хэммонд кивнул, потом указал на стандартных размеров конверт, который Лоретта прижимала к столу левой рукой.

– Ладно, пока оставим это. Расскажи все-таки, что тебе удалось выяснить.

Лоретта достала из конверта несколько сложенных листов бумаги. Это был ее отчет, но, вводя Хэммонда в курс дела, она почти не заглядывала в них. Лишь когда ей требовалось уточнить какую-то дату, она бросала на бумаги быстрый взгляд.

– Превосходно... – пробормотал Хэммонд, пока Лоретта рассказывала о достижениях Юджин на научном поприще. Длинный список ее наград привел его в настроение почти благодушное, и, откинувшись на спинку стула, он сказал:

– Что там еще есть хорошенького? Лоретта вскинула на

него глаза.

– Хорошенького? Ты хочешь сказать – плохого? Хэммонд мгновенно насторожился:

– А что, есть и плохое?

– Как же без этого. Вот послушай, что она вытворяла в Теннесси. Ее рассказ подействовал на Хэммонда подобно ледяному душу. То, что Харви Дуббу удалось выкопать в закрытых архивах Службы охраны детства, повергло его в ужас. Вчера вечером Юджин сказала, что боится его разочаровать. Что ей было бы слишком больно объяснять ему все. Теперь он знал – почему.

Тем временем Лоретта убрала бумаги обратно в конверт и с торжествующей улыбкой протянула ему.

– Я предприняла и свое собственное расследование, – сказала она, – но мне, как и Харви, не удалось найти ничего, что связывало бы Юджин Кэрти с Петтиджоном. Если эта связь и существовала, то она для всех оставалась тайной.

– Вряд ли эта связь могла существовать, – произнес Хэммонд. – Доктор Кэрти слишком порядочный человек, чтобы иметь что-либо общее с таким подонком, как Петтиджон. Так я думал до этого момента. Теперь мне ясно, что я ошибался.

Он взял конверт и спрятал его во внутренний карман пиджака.

– Ты чем-то недоволен? – спросила Лоретта, от которой не укрылось его состояние; только истолковала она его не

правильно.

– Нет, более полного отчета я не мог бы и желать, – совершенно искренне ответил Хэммонд. – И я тебе благодарен. Ведь я знаю, чего тебе стоило собраться, и все-таки ты сделала это ради меня. Спасибо...

Он хотел встать из-за стола, но Лоретта успела схватить его за рукав.

– Что с тобой, Хэммонд? – тихо спросила она.

– О чем ты? – Он притворился удивленным.

– О чем?.. Я думала, ты будешь прыгать до потолка, а ты...

– Я же сказал: ты отлично поработала.

– К тому же мне потребовалось всего два дня.

– Да, Лори, ты сработала оперативно и качественно.

– Теперь тебе будет о чем поразмыслить, верно?

– Совершенно верно.

– Тогда почему у тебя такой вид, словно ты... сердишься?

– Я сержусь не на тебя, а на себя.

– За что же?

– За что?.. – Хэммонд ненадолго задумался. – Мне всегда казалось, что я умею разбираться в людях, но... Откровенно говоря, мне и в голову не могло прийти, что она способна на такое... – Он выразительно похлопал по пиджаку, где во внутреннем кармане лежал конверт.

– Ты имеешь в виду Юджин Кэрти?

– Кого же еще?

– Значит, ты считал, что она невиновна? Что Смайлоу

идет по ложному следу? Но, может быть, у нее есть алиби?

– Есть, но слабенькое. Ничто из того, что она говорит в свою защиту, нельзя проверить. Например, Юджин., доктор Кэрти утверждает, что в тот день она была на ярмарке в Бьюфорте. Но, по ее же собственным словам, никто не может этого подтвердить... – сказал он, мысленно удивляясь тому, как легко дается ему ложь. – В любом случае в свете добытой тобой информации ее алиби превращается в ничто.

– Я могла бы...

– Лори, – быстро перебил Хэммонд. – У меня действительно был тяжелый день.

Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкой, и он сам это сознавал. Мрачная обстановка и спертый воздух забегаловки буквально душили его. Голова разламывалась от боли. Табачный дым ел глаза, но еще сильнее были ядовитые пары отчаяния и разбитых надежд, которые, казалось, витали под низкими сводами «Тенистой пещеры». Взгляд Лоретты был острым, как скальпель, он проникал ему в самую душу, и Хэммонд испугался, что она сможет увидеть там слишком многое.

– Завтра я пришлю тебе деньги, которые ты заработала, – сказал он, пряча глаза.

– Я сделала все, что было в моих силах, Хэммонд.

– Ты прекрасно справилась, – уверил он.

– Но ты надеялся на большее?

Он надеялся не на большее, а на совсем иное, но говорить

об этом Лоретте Хэммонд не стал.

– Нет-нет, – поспешно сказал он. – Твоих материалов вполне достаточно, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Я благодарен тебе.

Лоретта сжала его руку.

– Я могла бы попробовать покопаться в этой истории еще немного. Она явно старалась угодить Хэммонду, но он отрицательно покачал головой:

– Нет. Дай мне сначала разобраться с тем, что ты уже нашла. Впрочем, я уверен – этого достаточно. Если же мне потребуется что-то еще, я с тобой свяжусь.

Он чувствовал, что если пробудет здесь еще немного, то задохнется. Задохнется по-настоящему, без дураков, поэтому он почти вырвал руку из влажных пальцев Лоретты и, поблагодарив ее еще раз, поспешно выбежал из «Тенистой пещеры».

Хэммонд машинально провел ладонью по лицу. Его лоб был покрыт испариной, по спине стекали струйки пота, кожа была липкой и влажной.

Он и на улице не чувствовал никакого облегчения, хотя всего несколько минут назад ему казалось, что, как только он расстанется с Лореттой, мир снова станет таким же, каким он был до его визита в «Тенистую пещеру».

Отчет Лоретты поверг его в пучину отчаяния. Факты, которые она сообщала, уничтожили все надежды на благополучный исход дела. Хэммонд пережил самое настоящее кру-

шение, в котором личного было едва ли не больше, чем профессионального.

Он не сомневался, что, когда Смайлоу узнает, что удалось выяснить Лоретте (а в том, что он это узнает, сомневаться не приходилось, весь вопрос был только в том – как скоро), он будет торжествовать в открытую. Стефи на радостях откроет бутылку шампанского, но для него и для Юджин это будет катастрофой.

Опасность разоблачения уже давно висела над ним дамочным мечом, но еще никогда Хэммонд не ощущал так остро весь кошмар своего положения. Когда опустится меч? Сегодня? Завтра? Через неделю? Как долго он будет в состоянии выдерживать нечеловеческое напряжение, в котором отныне ему суждено пребывать? Как долго сможет он бороться со своей совестью?

Эти тягостные мысли завладели им настолько полно, что Хэммонд едва отдавал себе отчет, где он находится и что делает. О том, что ему может грозить опасность, он даже не думал; вместо этого Хэммонд прикидывал, выгонят ли его из прокуратуры или вовсе запретят заниматься юридической практикой. Последнее было весьма и весьма вероятно, но ему почему-то было все равно.

Хэммонд свернул в темную пустую аллею, где он оставил свой автомобиль, даже не подумав оглядеться по сторонам, чтобы убедиться, что его не подстерегает какой-нибудь злоумышленник. Действуя машинально, он нажал на кнопку

ключа-брелка, чтобы открыть замок автомобиля, и, отворив переднюю дверцу, собирался сесть на водительское место, когда позади раздался какой-то шорох.

Хэммонд отреагировал скорее инстинктивно, чем сознательно. Шарахнувшись влево, он взмахнул правой рукой, готовый обороняться и нападать.

Лишь в последний момент ему удалось остановить удар, иначе он мог бы подбить Юджин глаз.

– Какого черта ты тут делаешь?! Это очень опасный район, женщинам здесь нельзя ходить в одиночку! Как ты вообще сюда попала?

– Я выследила ее, Хэммонд.

– Кого?

Ее глаза гневно сверкнули в полутьме.

– Женщину, которую ты послал следить за мной!

– Проклятье!

– Вот именно, – сказала она. – Мне сразу показалось странным, что одна и та же туристка дважды появилась на моей улице, причем оба раза она фотографировала именно мой дом. Один раз это было утром, а второй раз – когда Смайлоу и его люди явились ко мне с обыском. В один и тот же день, Хэммонд! Больше того, когда я возвращалась домой после этого унижительного допроса, я заскочила в супермаркет, чтобы купить продуктов, но там я снова увидела ее. Увы, я слишком поздно догадалась, что за мной следят.

– Это не слезка, Юджин. Это...

– Ты прав, слежка подразумевает хотя бы минимум профессионализма, а эта женщина откровенно шпионила за мной. Скажи, чего вы хотели этим добиться? Напугать? Разозлить? Что ж, ты и Смайлоу добились и того, и другого.

– Юджин...

– Именно тогда я решила бить вас вашим же оружием. Я сумела оторваться от нее, потом развернулась и пошла за ней. Откровенно говоря, сначала я думала, что за всем этим стоит детектив Смайлоу, но я ошиблась. Вообрази себе мое удивление, когда я увидела, что на встречу с этой горе-шпионкой явился ты!

– Пожалуйста, не говори так, Юджин! – взмолился он. – И не ставь меня на одну доску со Смайлоу. Он здесь ни при чем. Он...

– Он здесь ни при чем? – Юджин слегка приподняла брови. – В таком случае ты действительно не такой, как твой дружок Смайлоу. Он по крайней мере не притворялся, а ты... Ты сначала переспал со мной, а потом послал одного из своих агентов следить за мной.

– Нет, Юджин, все не так! – в отчаянии вскричал Хэммонд.

– Что же не так? В чем я ошиблась?

– Эта женщина не из полиции.

– А откуда? Из прокуратуры?

– Нет. Она... э-э-э... частный детектив.

– Час от часу не легче! Значит, тебе пришлось заплатить

ей за то, чтобы она выслеживала меня?

– Хорошо, ты меня поймала, – заявил Хэммонд почти сердито. – Вы очень, очень умны, доктор Кэрти. Но...

– Что – «но»?.. Что она тебе рассказала? Надеюсь, ты и твоя шпионка приятно побеседовали?

– Ничего приятного в том, что рассказала мне Лоретта, не было, но материалы, которые ей удалось добыть, весьма и весьма любопытны. В особенности – документы из Теннесси.

Юджин закрыла глаза и слегка покачнулась, словно у нее вдруг закружилась голова. Она, однако, быстро оправилась.

– Пошел ты к черту, Хэммонд, и будь ты проклят! – воскликнула она и, повернувшись на каблуках, хотела уйти, но он схватил ее за руку и снова развернул лицом к себе.

– Послушай, Юджин, я не виноват, что Лоретта раскопала о тебе такие ужасные вещи. Когда я нанимал ее, мне казалось, что этим я помогу и тебе, и себе.

– Ради всего святого, как?..

Хэммонд опустил глаза.

– Наверное, это было глупо, но я надеялся, что Лоретте удастся найти что-то, что может отвести от тебя обвинение. Правда, это было еще до того, как ты начала лгать полиции и в конце концов загнала себя в угол.

– Неужели ты предпочел бы, чтобы я рассказала Смайлоу всю правду?

Этот вопрос она уже задавала, когда они случайно встре-

тились в лифте в управлении. Тогда у него не было ответа, но с тех пор он многое передумал.

– То, что мы провели вместе вечер субботы и ночь на воскресенье, не имеет никакого значения, Юджин.

– Тогда почему ты не сказал этого сам? Почему ты просто стоял и молчал, пока Смайлоу тряс у меня перед носом моим грязным – в буквальном смысле слова – бельем? Почему ты позволил ему так унижить меня? Почему не признался во всем – в том числе и в том, что накануне вечером сломал замок на моей задней двери и испачкал спермой мои простыни?

– Потому что это не относится к делу. Она зло рассмеялась.

– Вы ошибаетесь, господин Кросс. Боюсь, что, даже учитывая ваши блестящие способности, вам вряд ли удастся убедить кого-либо, что все это не имеет никакого отношения ни к убийству Петтиджона, ни к человеку, которого в этом преступлении обвиняют. Кровь на простыне я кое-как объяснила, хотя анализ ДНК сразу покажет, что эта кровь – не моя. Что касается спермы, то... На это способен только мужчина, так что прошу прощения, что мне не удалось вас выгородить. Кстати, если бы ты воспользовался презервативом, мне не пришлось бы выкручиваться.

– Прости, я просто не подумал. – Он наклонился к ней и сердито добавил:

– Кстати, здесь есть и твоя вина. Ведь ты тоже не подума-

ла, верно?

Она отвернулась, и Хэммонд, поняв, что отыграл очко, поспешил закрепить свое преимущество.

– К тому же, – повторил он, – одно никак не связано с другим. Юджин снова посмотрела на него.

– Что-то я никак не могу понять ход твоих мыслей, Хэммонд, – сердито сказала она.

– То, что мы спали вместе, не имеет к убийству Петтиджона никакого отношения, – отчеканил Хэммонд, чувствуя, что если ему удастся уговорить ее, то он может попытаться убедить в этом и других. Самого себя в первую очередь. – Я много думал об этом, – добавил он с горячностью. – И убедился, что ты могла сначала убить Петтиджона, а потом уехать из города.

Юджин с присвистом втянула воздух сквозь сжатые зубы и подняла руки к груди, словно у нее внезапно заныло сердце.

– Значит, вот как ты считаешь? – проговорила она. – А как же ты раньше говорил, что время не совпадает?

– Потому что я не хотел, чтобы оно совпадало.

– Ты говоришь загадками.

– Ничего подобного. Сначала ты убила его, а потом подстроила встречу со мной, чтобы обеспечить себе алиби.

– Я же сказала тебе, я не убивала Петтиджона!

– И не спала с ним тоже...

И снова она резко повернулась, чтобы уйти, но Хэммонд

опять остановил ее. Он схватил ее за плечо, но на этот раз Юджин попыталась вырваться.

– Пошел к черту! – крикнула она. – Отпусти меня сейчас же! Сильным рывком Хэммонд повернул ее к себе и зажал в углу между машиной и открытой дверцей. Теперь, чтобы вырваться, Юджин должна была либо оттолкнуть его, либо пройти сквозь него. Сам же Хэммонд вовсе не собирался выпускать ее, по крайней мере до тех пор, пока она не выслушает его до конца.

– Я не хочу думать об этом, Юджин, но не могу не думать.

– Большое спасибо, Хэммонд. Ты просто не представляешь, как мне приятно слышать, что ты не можешь не думать обо мне как о шлюхе и убийце.

– А что еще мне остается?

– Думай что хочешь, только оставь меня в покое.

– До сих пор я верил тебе. Верил, пока это было возможно. Но теперь... – Он взялся за полу пиджака и показал ей конверт во внутреннем кармане. – Ты понимаешь, о чем я?

Юджин неожиданно успокоилась или, во всяком случае, перестала вырываться. Несколько мгновений она смотрела на уголок белого конверта, потом губы ее чуть дрогнули и изогнулись в легкой гримасе, в которой Хэммонду почудилось что-то похожее на раскаяние или, может быть, сожаление. Но когда она вновь посмотрела на него, в ее глазах были только вызов и гнев.

– Ну как, занимательное чтение, не так ли? – спросила она

почти спокойно.

– Я бы этого не сказал, – серьезно ответил Хэммонд. – Фигурально выражаясь, это те самые гвозди, которых Смайлоу не хватало, чтобы тебя распять.

– Тогда почему ты стоишь здесь, со мной, и пытаешься что-то объяснить?

– Надеюсь, ты понимаешь, что Смайлоу с радостью схватился бы за эти материалы.

– Ну разумеется, понимаю. Почему бы тебе не позвонить ему прямо сейчас? Сообщи ему, что ты узнал, и пусть он меня арестует. Ведь ты этого хотел, когда нанимал частного детектива? – Она фыркнула. – Что ж, твои денежки не пропали даром.

– Я хотел дать тебе шанс все объяснить.

– По-моему, тут нечего объяснять.

– Как прикажешь тебя понимать? Неужели все, что написано в этих бумагах, – правда?

– Как хочешь, так и понимай. Мне наплевать.

– Значит, это правда... – Подавшись вперед, он прижался к ней.

Самообладание и выдержка неожиданно оставили Юджин, и она сильно толкнула его в грудь обеими руками.

– Пусти меня, слышишь? Немедленно! Но Хэммонд не собирался уступать.

– В ту субботу, – сказал он медленно, – ты не просто соблазнила меня. Ты...

– Я не соблазняла тебя.

– Черта с два, Юджин! И не пытайся обмануть меня – мы это уже проходили. Тебя обвиняют в тяжком уголовном преступлении, и ты намеренно втянула в это дело меня. Зачем, Юджин? Положение, в котором я оказался по твоей милости, на юридическом языке называется конфликтом интересов, и ты создала этот конфликт намеренно. Фактически ты сделала меня своим пособником, даже сообщником! Как прикажешь понимать это?

– Ты не можешь быть моим сообщником или пособником, потому что я никого не убивала. Неужели тебе не понятно? Я даже не догадывалась, что ты и Смайлоу сделаешь меня главным обвиняемым.

– Сейчас речь не о Смайлоу и не обо мне. Сейчас речь о тебе. Итак, скажи, зачем ты это сделала?

– Ты что, совсем меня не слушаешь?! – воскликнула она с досадой. – Я никого не убивала!

– Хорошо, допустим, ты никого не убивала. Тогда зачем тебе понадобился? Во что ты меня втянула?

– Я ни во что тебя не втягивала!

– Нет, втягивала и даже использовала для этого все свои чары. Ну, скажи, что за дьявольский план вы с Петтиджоном составили перед тем, как его убили? Он что, интриговал против меня? Может быть, он собирался меня скомпрометировать?

– Я ничего об этом не знаю. В десятый раз повторяю: к его

смерти я не имею никакого отношения.

– Ты уходишь от ответа. – Хэммонд зло усмехнулся. – Ведь ты призналась, что наша встреча была неслучайной. Объясни, чего ты хотела добиться.

Она снова попыталась вырваться, но он опустил ей на плечи обе руки.

– Ты никуда не пойдешь, пока не скажешь правду. Как ты узнала, что меня можно найти на ярмарке?

Юджин отрицательно покачала головой, – Как ты узнала?!

Она продолжала молчать.

– Скажи мне, Юджин! Ведь ты не могла этого предвидеть и никто не мог тебе подсказать – я сам решил поехать туда под влиянием минуты. Ты могла вычислить меня там, только если...

Он вдруг осекся и крепче сжал ее плечи. Юджин подняла голову, и ее глаза сказали ему все.

– Ты шла за мной, – промолвил он тихо.

Юджин колебалась несколько мгновений, потом кивнула.

– Да, – сказала она. – Я следила за тобой от самого отеля.

Глава 26

– Так ты с самого начала знала, что я тоже был у Петтиджона?

И ничего мне не сказала? Почему?

– Если бы я сказала тебе сейчас, ты бы все равно не поверил. Она выразительно посмотрела на его пиджак, где во внутреннем кармане лежал конверт. Казалось, она была сердита, но Хэммонд уловил в ее взгляде безысходность и тоску.

– Я понимаю, – сказала Юджин чуть тише, – то, что там написано, наверное, показалось тебе ужасным. Но ты и представить себе не можешь, что это был за кошмар на самом деле. – Она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. – Но, очевидно, на основании этой информации и будет построено обвинение. Никому нет дела до того, что с тех пор многое изменилось. Я сама изменилась и стала другим человеком.

– Я никогда...

– Ты уже осудил меня. Осудил и приговорил! – воскликнула она с горячностью. – Я же вижу, какими глазами ты на меня смотришь. Да и все те гадости, которые ты только что мне наговорил... Ты бы ни за что не сказал такое, если бы верил мне хоть немного. – Юджин покачала головой. – Тебе легко судить, ведь ты из богатой, уважаемой семьи коренных южан, которая ведет свою родословную от какого-ни-

будь плантатора, а я... Я для тебя – никто, человек без рода без племени. А ты знаешь, каково это – голодать несколько дней подряд? Или замерзать в своей собственной квартире, потому что тебе нечем заплатить за отопление и газ? Ты когда-нибудь ходил грязным, потому что в доме не было ни куска мыла?!

Он потянулся к ней, но Юджин оттолкнула его руки.

– Нет, Хэммонд, не надо меня жалеть! Я даже рада, что когда-то у меня была такая трудная жизнь, потому что она сделала меня сильной. Именно благодаря ей я стала тем, чем стала, и научилась помогать другим людям, которые приходят ко мне со своими проблемами. Я – отличный психотерапевт, Хэммонд, а знаешь почему? Потому что ничто из того, что рассказывают мои пациенты, уже не может меня шокировать. Я сама пережила все это, испытала на собственной шкуре, поэтому-то я лучше других способна принимать людей такими, каковы они есть, принимать со всеми их недостатками и заблуждениями. Я понимаю их, потому что сама побывала в аду, и никогда не осуждаю, хотя – в отличие от тех, кто прожил всю жизнь в достатке и довольстве, – у меня есть такое право.

Да, Хэммонд, пока ты сам не испытал того, что выпало другим, ты не имеешь права осуждать их поведение и поступки. Если ты не голодал, не страдал от холода, унижений и побоев, если не ненавидел себя лютой ненавистью за то, что делал... если не считал себя отвратительным, мерзким,

недостойным ничьей любви, тогда...

Юджин коротко вздохнула, и по ее телу пробежала дрожь, но тут же она с вызовом вскинула голову, хотя слезы, крупные, как горошины, катились по ее щекам.

– Прощай, Хэммонд. Приятного чтения.

Она оттолкнула его и быстро зашагала к выходу вдоль аллеи. Хэммонд потрясение смотрел ей вслед. Он прекрасно понимал: что бы он ни делал, он не сможет пробиться к Юджин сквозь гнев и отчаяние, которые владели ею сейчас. Может быть, как-нибудь потом... но будет ли у них какое-нибудь «потом»?..

Сдавленный крик заставил его очнуться. Бросив взгляд в конец аллеи, он увидел Юджин, которая со всех ног бежала обратно. За ней неся какой-то мужчина.

– У него нож! – раздался ее пронзительный крик.

Прежде чем Хэммонд успел отреагировать, нападавший настиг Юджин и, схватив за волосы, заставил остановиться резким рывком. В поднятом кулаке тускло блеснула сталь.

Оттолкнувшись от машины, Хэммонд прыгнул вперед и врезался в бандита плечом. Тот покачнулся, и Юджин, воспользовавшись его секундным замешательством, вырвалась и отскочила в сторону. Увидев это, Хэммонд тоже попытался выпрямиться, но не успел. Краем глаза он заметил блеск направленного ему в живот ножа и инстинктивно закрылся рукой.

Что-то обожгло ему руку. Удар, похожий на удар электри-

ческого тока, пронзил ее от локтя до запястья. Опустив глаза, Хэммонд увидел, что рукав пиджака распорот и из раны на руке течет кровь, которая в темноте показалась ему совсем черной.

У него не было никаких шансов. Раненый, безоружный, он, скорее всего, не выстоял бы в схватке с вооруженным ножом бандитом. Хэммонду оставалось только положиться на природную силу, подвижность и кое-какие приемы, которые он усвоил, когда играл в футбол.

Подсознательно он выбрал прием блокировки, который был весьма и весьма действенным, хотя, если судья был внимателен, за него можно было заработать штрафной. Нацелившись головой в подбородок нападавшему, Хэммонд сделал резкий выпад и, когда тот – как и ожидал Хэммонд – откинул голову назад, нанес ему удар здоровым локтем по кадыку. Хэммонд на собственном опыте знал, что это чертовски больно, и надеялся выиграть несколько драгоценных секунд.

Как он рассчитывал, так и вышло. Держась одной рукой за горло, бандит зашатался, но ножа не выпустил. Почти ослепнув от боли, он продолжал беспорядочно размахивать клинком, и Хэммонд, который надеялся, что ему, возможно, удастся сбить его на землю и ударить ногой по голове, попятился.

– Живо в машину! – крикнул он Юджин.

Улучив момент, он все же попытался пнуть нападавше-

го ногой в пах, но промахнулся и попал по бедру. Никакого особенного вреда бандиту этот удар не причинил, но позволил Хэммонду выиграть еще секунду драгоценного времени, которую он использовал, чтобы добежать до машины и броситься на водительское сиденье. Юджин уже сидела в пассажирском кресле, и Хэммонд хотел захлопнуть дверцу, но не успел. На удивление быстро оправившись, бандит уже схватился за дверцу рукой, и Хэммонд, резко выбросив вперед ногу, ударил его в живот. Бандит оторвал руку от двери и попятился, но в последний момент все же успел полоснуть Хэммонда ножом по ноге.

Но Хэммонд даже не почувствовал боли. Втянув ноги в машину, он схватился за ручку дверцы и с силой захлопнул ее. Щелкнул замок, и в следующее мгновение машина покачнулась – это бандит дернул за ручку снаружи. Увидев, что дверца не открывается, он принялся барабанить кулаками по крыше и по стеклу, изрыгая проклятья и угрозы.

Хэммонду с трудом удалось вставить ключ в замок зажигания и запустить мотор. Взвизгнули покрышки, и машина рванулась с места к выезду из аллеи. На углу автомобиль занесло, но Хэммонд сумел выровнять его и свернуть на улицу, которая вела к центру города.

– Хэммонд, ты ранен!

– А ты? Ты в порядке? – На мгновение оторвав взгляд от дороги, он бросил на Юджин беглый взгляд.

– Со мной все в порядке, я просто испугалась. – Она потя-

нулась к его руке, но тут же отдернула пальцы. – Тебе нужно в больницу.

Разорванный рукав его пиджака насквозь пропитался кровью; кровь капала с локтя, а руль стал таким скользким, что его было почти невозможно удерживать. Хэммонд вел машину практически одной левой рукой, но это не могло заставить его сбросить скорость. Дважды он проехал на красный свет, когда же Юджин попросила его быть поосторожнее, он только покачал головой.

– Нужно поскорее убраться из этого квартала. У этого подонка могли быть друзья. Если они собирались ограбить нас и угнать машину, то так скоро они от своих планов не откажутся. К тому же сопротивление могло их разозлить...

– Этот человек не собирался ничего красть, – неожиданно спокойно ответила Юджин. – Он хотел убить меня.

– Откуда ты знаешь? – Хэммонд так удивился, что отвлекся от управления, и машину едва не занесло снова.

– Прежде чем напасть на меня, он окликнул меня по имени.

– Черт! – Хэммонд дернул руль, автомобиль вильнул и едва не снес стоящую на обочине телефонную будку. – Ты уверена?

– Осторожнее! – воскликнула она. – Да, я уверена, но сейчас это не главное. Ты истекаешь кровью, и тебе нужно в больницу. Рану необходимо продезинфицировать и зашить. Кроме того, наверное, понадобится сделать уколы против бо-

левого шока и против столбняка.

Хэммонд ненадолго выпустил руль и провел по лбу рукавом левой руки. Пот катил с него градом, заливал глаза, затекал за шиворот, тонкие его струйки неприятно щекотали грудь и живот. Похоже, он действительно находился в шоковом состоянии, поскольку почти не чувствовал боли, но скоро это пройдет. Сможет ли он тогда вести машину?

На следующем перекрестке им пришлось остановиться, и Хэммонд воспользовался паузой, чтобы снова вытереть пот. В ушах раздавался какой-то подозрительный звон, похожий на гудение целого роя рассерженных пчел. Напряжение понемногу отпускало, и Хэммонд начинал дрожать. Только сейчас до него дошло, что они едва не погибли. Юджин едва не погибла!..

– Ты очень побледнел, – сказала Юджин, с тревогой глядя на Хэммонда.

Зеленый свет. Хэммонд нажал на педаль, и автомобиль рванулся вперед, словно стрела, выпущенная из тугого лука. В конце улицы показались огни городской больницы, и Юджин приободрилась.

– Как ты думаешь, ты сумеешь доехать? – спросила она.

– Гм-м...

– Тогда останови машину, я сама сяду за руль. Хэммонд хотел сказать, что прекрасно себя чувствует, но почему-то не смог произнести ни слова. Язык отказывался ему повиноваться, и сорвавшиеся с его губ невнятные, напоминавшие

протяжный стон звуки сильно напугали Юджин.

– Хэммонд! Хэммонд! – Она несколько раз дернула его за полу пиджака. – Куда мы едем? Зачем ты свернул? Ведь больница дальше!

– Н-нет.

– Что – нет? Тебе непременно нужно в больницу, иначе ты истечешь кровью.

– Ты. Сама. Врач... – удалось выговорить ему.

– Но я же не хирург! – воскликнула Юджин. – И тебе нужны уколы антибиотиков. Может быть, даже понадобится переливание крови!

– К чертям!.. – Хэммонд энергично затряс головой и едва не выпустил руль. Дорога перед глазами начинала двоиться, но он только прибавил скорость. – Едем... ко мне.

– Прошу тебя, не упрямясь! Тебе нужно...

– Нам нельзя... вдвоем. Все раскроется. Несколько мгновений Юджин колебалась, но в конце концов пришла к тому же выводу.

– Хорошо, едем к тебе, – сказала она. – Только дай я поведу, пока мы никуда не врезались.

С этими словами она перегнулась через его колени и взялась рукой за липкий от крови руль.

* * *

Юджин удалось свернуть к тротуару и остановить маши-

ну. Включив ручной тормоз, она с трудом перетащила Хэммонда на пассажирское сиденье, а сама, обежав вокруг машины, села в водительское кресло. Когда она наклонилась к Хэммонду, чтобы застегнуть на нем ремень безопасности, то увидела, что он откинул голову на подголовник и закрыл глаза.

– Хэммонд, где ты живешь? – Она слегка толкнула его, опасаясь, как бы он не потерял сознания. Он не отвечал, и Юджин, больше не думая о последствиях, схватила его содовый телефон, чтобы набрать 911.

Услышав тон набора, Хэммонд открыл глаза.

– Там... Напротив набережной... дом... – Он слабо мотнул головой, указывая направление. К счастью, Юджин знала эту улицу – она находилась всего в двух кварталах от того места, где они остановились. Они доберутся туда минуты за две.

На самом деле ей потребовалось не меньше пяти минут, потому что Дуглас Манн никак не хотел ехать к Хэммонду, чтобы оказать ему необходимую помощь. Ей повезло, что она помнила его домашний телефон, что Дуглас оказался дома и что он взял трубку уже на втором звонке. Но дальше начались проблемы.

Когда она рассказала ему, что произошло с Хэммондом, Дуг самым категоричным тоном заявил, что его необходимо как можно скорее доставить в больницу.

– Дуг, пожалуйста, – взмолилась она, – мне нужна твоя

помощь. Я не могу объяснить тебе всего, во всяком случае сейчас. Просто сделай мне одолжение!

Наконец он сдался, и Юджин продиктовала ему адрес, когда машина уже стояла у ворот гаража Хэммонда.

– Мы уже на месте, – сказала она в трубку, прежде чем отключиться. – Пожалуйста, приезжай как можно скорее!

Пульт дистанционного управления автоматическими воротами гаража висел на противосолнечном щитке. Юджин быстро открыла ворота, загнала машину внутрь и снова закрыла гараж. Заглушив двигатель, она выскочила из машины и подбежала к пассажирской двери.

Хэммонд сидел на сиденье, закрыв глаза и тяжело привалившись к стойке салона. Лицо его было бледно нездоровой меловой бледностью, но сознания он не потерял. Когда Юджин попыталась вытащить его из машины, он сначала негромко застонал, потом невнятно выругался.

– Прости, я понимаю, что это будет непросто, но я должна отвести тебя в дом. Помоги мне. Спусти ноги на землю. Вот так... вот так...

Он двигался так медленно, словно каждая его нога весила по крайней мере тысячу фунтов. В конце концов ему удалось опустить их на землю. Потом Хэммонд наклонился вперед, а Юджин подхватила его под мышки.

– Вставай, дорогой, пожалуйста... Ты должен помочь мне. Обопрись на меня.

Он начал вставать, но зацепился раненой рукой за стойку

двери и вскрикнул от боли.

– Прости, – серьезно сказала Юджин.

Она практически тащила его на себе. Это было нелегко, поскольку Хэммонд весил не меньше двухсот фунтов, однако в конце концов ему удалось пройти несколько шагов, отделявших его от двери в кухню.

– А где ключ? – тревожно спросила Юджин. – Как отключить сигнализацию? Он отрицательно покачал головой.

– Не заперто. Просто поверни ручку... Она втащила его в кухню.

– Где у тебя ванная комната?

– Там. – Он показал здоровой рукой на небольшой коридор, соединявший кухню и гостиную. В коридор выходили двери ванной комнаты и кладовки.

Юджин помогла ему сесть на небольшой диванчик у стены и включила свет.

– О господи! – вырвалось у нее, когда она как следует рассмотрела его раны.

– В-все... в порядке.

– Господи боже мой!.. – повторила она, прижимая руки к щекам.

Рана на предплечье была не менее восьми дюймов длиной, и из нее продолжала сочиться кровь, пропитавшая рукав пиджака и рубашки и уже начинавшая подсыхать, из-за чего Юджин никак не могла определить, насколько глубоок разрез.

Юджин стащила с него пиджак и оторвала рукав рубашки по плечевому шву. Сдернув с вешалки несколько полотенец, она как можно туже забинтовала ими раненую руку, надеясь, что давящая повязка остановит кровотечение.

Потом она перевязала рану на ноге Хэммонда.

– Юджин... – Хэммонд пошевелился на диванчике и потянулся к ее руке.

– Что? – Она склонилась над ним.

– Он... мог убить тебя... – прохрипел Хэммонд.

– Но ведь не убил, правда? – Она легонько пожала его пальцы. Они были такими холодными, что Юджин нахмурилась. «Если Дуг через пять минут не приедет, – решила она про себя, – я все-таки вызову „Скорую“».

– Почему... почему ты ничего им не сказала?

– О чем? О том, что ты тоже был у Петтиджона накануне убийства?

– Да...

– Потому что когда меня допрашивали в первый раз, я думала, что ты... Что это ты убил его.

– Ты думала...

– Я не могу объяснить все сейчас, – быстро сказала Юджин. – Это слишком сложно. Кроме того, ты сейчас не в том состоянии, чтобы слушать. Тебе будет трудно... сосредоточиться. Давай отложим подробности на потом. Сейчас же я просто скажу, что сначала солгала, чтобы спасти себя. Потом, когда я узнала, что Петтиджона застрелили, я продол-

жала лгать, чтобы спасти...

Хэммонд несколько раз моргнул и удивленно посмотрел на нее.

–..Тебя, – закончила Юджин.

Он хотел что-то сказать, но в это время кто-то позвонил в дверь, и Юджин выпустила его пальцы.

– Это доктор, – сказала она быстро. – Я пойду открою.

* * *

Он проснулся от звука знакомого имени. Юджин! Не сразу он понял, что сам позвал ее. Придя в себя, Хэммонд вспомнил, что хотел сказать ей что-то важное – что-то такое, что стояло между ними и мешало им.

– Юджин! – позвал он снова и сам испугался, услышав свой хриплый, надтреснутый голос, «Что со мной?» – пронеслось у него в голове. Пошевелившись, Хэммонд попытался сесть, но правая рука не слушалась. Он совсем не чувствовал ее и удивился, что могло с ней случиться. Но, увидев аккуратную, профессионально наложенную повязку, он сразу все вспомнил. Все, или, по крайней мере, главное.

Он лежал в своей собственной постели. В комнате было темно, единственным источником света служил небольшой ночник в изголовье его кровати.

– Юджин!

– Я здесь...

Она появилась возле его кровати неожиданно и бесшумно, словно привидение. Склонившись над ним, Юджин легко дотронулась до его плеча.

– Не хочешь принять еще одну таблетку болеутоляющего? – спросила она.

– Нет, мне уже лучше.

– Хочешь пить?

– Нет.

– Тогда спи. Тебе надо спать.

Она поправила у него на груди одеяло и хотела отойти, но он успел поймать ее за руку.

– Который час?

– Начало третьего ночи. Ты спал всего два часа.

– А... а что за врач ко мне приходил?

– Он мой старый знакомый. Мы вместе учились. Ему можно доверять. Скажем так: он был кое-чем мне обязан. Такой вариант тебя больше устроит? Кстати, он настоятельно советовал отправить тебя в больницу, но мне удалось убедить его не делать этого.

– А что ты ему сказала?

– Сказала, что тебе очень не хочется иметь дело с полицией.

– И его устроило такое объяснение?

– Ни в коем случае, потому что он видел Смайлоу и его шайку, когда они приехали обыскивать мой дом. Он знает, что здесь что-то не чисто, но ничего конкретного я ему не

сказала, и в конце концов он уступил. Если бы твои раны действительно оказались серьезными, я бы первая побежала звонить в больницу. Мой друг – прекрасный врач, и он очень быстро тебя подштопал. В больнице ты бы еще целый час ждал, пока до тебя дойдет очередь. Ну а если серьезно, то ты легко отделался. Ногу даже не пришлось зашивать. Дуг сделал тебе укол против столбняка и накачал тебя антибиотиками. Он оставил еще необходимые лекарства и болеутоляющее – «Дарвоцет».

Хэммонд посмотрел на свою забинтованную руку, которая лежала на подушке.

– Странно, – сказал он, – рука словно свинцом налита, но совсем не болит.

– Местное обезболивающее, – со знанием дела пояснила Юджин. – Скоро его действие закончится, и боль вернется. Завтра ты будешь рад, что Дуг оставил тебе «Дарвоцет».

– А когда можно снимать швы? – поинтересовался Хэммонд.

– На следующей неделе. До тех пор рука будет на перевязи. Хэммонд пошевелился, пытаясь улечься поудобнее, но даже это легкое движение заставило его поморщиться.

– Болит? – встревожилась Юджин. – Я дам тебе таблетку. К тому моменту, когда она вернулась, Хэммонд уже дремал. Юджин вложила ему в рот таблетку, потом подсунула под голову руку и поднесла к губам стакан с водой. Хэммонд проглотил лекарство, но, когда она попыталась опустить его

голову обратно на подушки, приподнялся еще немного и ткнулся головой в ее мягкую грудь.

– Тебе нужно поспать, – прошептала она, осторожно укладывая его обратно.

Хэммонд протестующе заворчал, но глаза у него слипались, и он подчинился. Уже засыпая, он почувствовал, как она легко поцеловала его в лоб. Потом ему на лицо упала капля, затем другая, и, с усилием открыв глаза, Хэммонд увидел, что Юджин плачет.

– Ты плачешь из-за этого проклятого отчета, который мне передала Лоретта? – спросил Хэммонд. – Из-за этих дурацких бумажек? Или... из-за того, что я тебе сказал? Господи, Юджин, прости меня! Мне очень жаль, я вел себя как настоящая скотина, – сказал он с чувством.

Юджин покачала головой.

– Ты спас мне жизнь. Из-за меня тебя ранили. Если бы не ты...

– Ш-ш-ш!.. – Здоровой рукой он коснулся ее щеки. Она схватила его ладонь обеими руками и несколько раз поцеловала костяшки его пальцев.

– Я так испугалась, Хэммонд... – Теперь Юджин прижала его ладонь к своей горячей, мокрой от слез щеке. – Тебя едва не убили из-за меня, но это еще не все. Я боюсь, что тебе придется еще долго, долго страдать...

Хэммонд изо всех сил старался не поддаваться сну. Он знал, что должен сказать ей что-то очень важное.

– Юджин... Я люблю тебя.

Юджин выпустила его руку с такой поспешностью, словно она вдруг стала нестерпимо горячей.

– Что? – переспросила она чуть ли не с испугом.

– Я люблю тебя, – повторил он.

– Нет, Хэммонд, нет! Не говори так. Ведь ты меня даже не знаешь!

– Я знаю тебя. – Он на несколько секунд закрыл глаза, чтобы собраться с силами и сказать ей то, что хотел сказать. – Я полюбил тебя... еще тогда, – начал он.

«...С того дня, с той самой минуты, когда впервые встретил тебя. Когда я увидел тебя в ресторане, я сразу понял, что это ты...» Ему не хватило сил, и эти слова он произнес уже мысленно, но Юджин, похоже, поняла его. Поняла и улыбнулась печально.

– О боже, ну почему все должно было быть именно так? – вздохнул он.

Кончиком языка Юджин слизнула слезу в уголке губ. Должно быть, ей было не легче, чем ему, ведь он влюбился впервые в жизни по-настоящему именно тогда, когда любовь была ему совершенно ни к чему. Любовь к Юджин не просто мешала ему – их чувства друг к другу могли уничтожить обоих, и Хэммонд это отлично понимал. Понимал, но изменить что-либо он не мог и не хотел.

Он хотел сказать еще что-то, но голос не повиновался ему, и Хэммонд просто похлопал рукой по матрасу слева от себя.

Юджин отрицательно покачала головой:

– Я боюсь сделать тебе больно.

– Ляг со мной. Пожалуйста... – с трудом произнес он.

Немного поколебавшись, Юджин обошла кровать и легла рядом с ним. Она не прикасалась к нему – только положила руку ему на грудь.

– Ближе, – попросил он.

– Я могу задеть твою раненую ногу.

Хэммонд хотел сказать ей еще много всего, но лекарство начало действовать, и он снова закрыл глаза. Все-таки Юджин была рядом, и одного этого Хэммонду было достаточно, чтобы чувствовать себя счастливым.

И с мыслью о ней он провалился в глубокий сон.

Четверг

Глава 27

– Господи Иисусе! – восклицала Стефи, торопливо поднимаясь по внутренней лестнице дома Хэммонда. – Господи, что здесь произошло?!

Ворвавшись в спальню, она обнаружила Хэммонда, который, сжимая руками голову, сидел на постели и смотрел на нее такими глазами, словно был на волосок от сердечного приступа.

– Господи, Хэммонд! Что случилось? Я увидела окровавленные полотенца и подумала, что тебя убили!

– Черт тебя возьми, Стефи, ты действительно чуть меня не убила – напугала до смерти! – ответил он, опуская руки.

Только теперь Стефи увидела, что одна рука Хэммонда забинтована.

– С тобой все в порядке? – спросила она, немного успокоившись. Хэммонд огляделся по сторонам с таким видом, словно что-то искал.

– Сколько времени? – спросил он. – И как ты попала в дом?

– Ты же сам дал мне ключ от парадной двери, а я забыла его вернуть, – ответила она. – Что с тобой произошло, Хэм-

монд?

Ты ранен?

– Нет... То есть да. – Он посмотрел на свою перебинтованную руку с таким видом, будто видел ее впервые. – Вчера вечером меня хотели ограбить. У этого подонка оказался нож... – Он кивнул головой в сторону комода. – Будь добра, подай мне трусы.

– На тебя напали? Где? Кто?!

Стефи хорошо знала, что Хэммонд хранит белье в верхнем левом ящике. Повернувшись к нему, она достала пару трусов и протянула ему. Хэммонд, все еще кутаясь в одеяло, спустил с кровати ноги, и она увидела вторую повязку.

– А что у тебя с ногой?

– То же самое. К счастью, эта рана не такая серьезная. – Наклонившись, он просунул ноги в трусы и, натянув их до колен, посмотрел на Стефи.

– Отвернись, пожалуйста.

– Господи, Хэммонд, можно подумать, что я никогда не видела тебя голым!

Отбросив одеяло, Хэммонд натянул трусы и, встав, взял с ночного столика бутылку с водой. Поднеся ее к губам, он стал жадно пить.

– Может быть, ты все-таки расскажешь, что с тобой произошло?

– Я же сказал! Меня хотели...

– Тебя хотели ограбить – это я поняла. Что у тебя с рукой?

– Грабитель ударил меня ножом. Я защищался. Потом, когда садился в машину, он порезал мне ногу.

– Какой ужас, Хэммонд! Ведь тебя могли убить! Где это произошло?

– В «чумном» квартале, неподалеку от бара «Тенистая пещера».

– Тогда понятно, – кивнула Стефи. – Райончик еще тот. А зачем тебя туда понесло?

– Помнишь Лоретту Бут?

– Эту пьянчужку?

Хэммонд нахмурился, но кивнул утвердительно.

– Да. Сейчас она не пьет и хочет вернуться к работе частного детектива. Раньше она часто бывала в «Тенистой пещере», наверное, поэтому и назначила мне встречу именно там. Когда я возвращался к машине, на меня бросился какой-то парень с ножом. Мне едва удалось от него отбиться и запереться в машине. Потом я поехал домой и вызвал врача, который обработал мне рану и наложил швы.

– В полицию звонил?

– Нет. Мне не хотелось, чтобы меня подвергли допросу с пристрастием. Впрочем, ты с успехом заменишь всех копов вместе взятых.

– А почему ты не обратился в больницу?

– По той же причине. – Хромая, Хэммонд направился в ванную комнату. – В конце концов, раны были пустяковые.

– Ничего себе – пустяковые! Внизу я видела гору окро-

завлавленных полотенец.

– Действительно, – согласился Хэммонд, – из меня вытекло порядочно крови, но врач сказал, что я скоро поправлюсь, и я вполне с ним согласен. За всю ночь я выпил одну таблетку болеутоляющего и сейчас чувствую себя вполне сносно.

Он скрылся в ванной, тщательно прикрыв за собой дверь.

Стефи рассеянно опустила на кровать. На ночном столике, кроме стакана и уже пустой бутылки из-под воды, лежали тканевая перевязь и флакончик с таблетками «Дарвоцета». Взяв его в руки, Стефи внимательно осмотрела этикетку, но фамилии врача на ней не было.

Вернувшись в спальню, Хэммонд первым делом согнал Стефи с кровати и принялся неловко застилать ее одной рукой. Она внимательно наблюдала за ним, пока он натягивал на кровать шерстяное покрывало, потом спросила:

– Ты уверен, что у тебя нет сотрясения мозга?

– Конечно. С чего ты взяла?

– Просто я не помню, когда ты в последний раз застилал постель. Хэммонд с негодованием выпрямился.

– Послушай, что ты лезешь не в свое дело? – раздраженно спросил он.

– Я просто волнуюсь за тебя. Можешь себе представить, что я подумала, когда вошла в прихожую и увидела целый пакет окровавленных полотенец?

– Я понял, понял. – Хэммонд досадливо взмахнул больной рукой и тут же сморщился от боли. – Ты беспокоилась

обо мне. Но ведь ты уже убедилась, что я жив и буду еще живее после душа и чашки горячего кофе.

– Ты намекаешь, что мне пора свалить?

– Я не намекаю – я прямо говорю.

Она посмотрела на его перебинтованную руку.

– Как зовут врача, который делал тебе перевязку?

– Ты все равно его не знаешь. Мы вместе учились. Он был мне кое-чем обязан...

– Как все-таки его имя?

– Какая тебе разница?!

– Почему ты не обратился в полицию? Ведь вооруженное нападение на сотрудника прокуратуры – это не шутка! Ты это знаешь лучше других.

– Понимаешь, Стефи, – терпеливо проговорил Хэммонд, – даже если бы я обратился в полицию, они никогда бы не сумели найти этого бандита. Я не успел его рассмотреть. Я даже не знаю, был ли он белым или черным, высоким или низким, толстым или худым, лысым или с патлами до пояса. Во-первых, в этом дурацком переулке было слишком темно, а во-вторых... Во-вторых, все произошло слишком быстро. Единственное, что я по-настоящему видел и запомнил, – это блеск его ножа, которым он пытался меня пырнуть. Это произвело на меня такое сильное впечатление, что я думал только о том, как бы поскорее унести ноги, а не о том, как выглядит нападавший.

Как видишь, писать заявление в полицию совершенно

бессмысленно. Копы заведут дело, подошьют мое заявление, и на этом дело закончится. У полиции есть дела поважнее, а главное – поперспективнее. У меня, кстати, тоже...

Хэммонд повесил себе на шею перевязь и, морщась и помогая себе здоровой рукой, продел раненую руку в петлю.

– А теперь, – добавил он, – может быть, ты все-таки уйдешь, чтобы я мог спокойно принять душ и позавтракать?

– Разве ты не хочешь, чтобы я тебе помогла? Ведь руку нельзя мочить.

– Спасибо, думаю, я сам справлюсь. Но Стефи не спешила уходить. Еще раз оглядевшись по сторонам, она неожиданно предложила ему взять выходной.

– Посиди дома, приди в себя, – сказала она. – А где-то часа в два я загляну к тебе снова, сварганю обед и заодно расскажу, что мы сумели узнать у этого парня.

Хэммонд в это время стоял у комода и рылся в нижнем ящике, где лежала целая коллекция старых, чуть не до дыр заношенных маек, которые он обожал носить дома. Вот и сейчас он выбрал одну из них и, неловко прижав к груди здоровой рукой, повернулся к ней.

– Какого парня? – рассеянно спросил он.

– Ох, я же забыла тебе рассказать! – Стефи хлопнула себя по лбу. – Когда я увидела тебя в таком виде, у меня напрочь вылетело из головы, зачем я к тебе приехала. Слушай: когда я уже ехала на работу, Смайлоу позвонил мне на сотовый и сказал, что в нашей городской тюрьме сидит один парень...

Улыбка Хэммонда погасла, но он продолжал прижимать к груди свою майку.

– Бьюсь об заклад, в нашей городской тюрьме этого добра полным-полно. О ком именно ты говоришь?

– О том, который приходится Юджин Кэрти сводным братом! – с торжеством объявила Стефи.

Хэммонд смертельно побледнел и покачнулся, выронив майку. Стефи решила, что от боли ему стало плохо, но, прежде чем она успела прийти к нему на помощь, Хэммонд схватился здоровой рукой за угол комода и выпрямился.

– Если ты собираешься в таком виде идти на работу, то ты просто сумасшедший, – без обиняков заявила ему Стефи. – Посмотри на себя: ты бледен, как простыня, того и гляди свалишься где-нибудь по дороге. Твоя рука...

– Оставь мою руку в покое!

– Не ори на меня!

– А ты перестань кудахтать! Можно подумать, что я смертельно болен – так ты обо мне заботишься.

– Но ты действительно болен. Ножевое ранение – это не баран чихнул.

– Я же сказал, что это пустяк, я в порядке. Расскажи лучше, что это за парень, который называет себя братом Юджин... Юджин Кэрти.

– Его зовут Бобби Бримбл, или что-то в этом роде.

– За что он попал в тюрьму?

– Смайлоу не успел мне этого рассказать. Я дала отбой и

поехала прямо к тебе.

– Что он знает о...

– Хэммонд, перестань! Это не я тебя, а ты меня подвергаешь допросу с пристрастием. Я знаю только, что этого парня зовут Бобби Бримбл или Тримбл и что он называет себя братом нашей красотки. Его арестовали вчера вечером, и он сразу принялся названивать этой Юджин Кэрти. Один из охранников случайно слышал, как он наговаривал свое сообщение ей по телефону. Бобби назвал имя Юджин Кэрти, а охранник, зная, что она как-то связана с убийством Петтиджона, сообщил Смайлоу.

Хэммонд поднял с пола оброненную им майку и, сунув обратно в ящик комода, задвинул его резким движением.

– Знаешь что, не уходи, – сказал он примирительным тоном. – Мне будет трудно вести машину одной рукой, так что я, пожалуй, попрошусь к тебе в попутчики. Ты можешь немного подождать? Через пять минут я буду готов.

Пока он одевался, Стефи спустилась на первый этаж, чтобы позвонить Смайлоу и объяснить, почему она задерживается.

– Говоришь, на него напали? – переспросил Смайлоу.

– Он так утверждает.

Смайлоу немного подумал, потом спросил:

– У тебя такой голос, будто ты... ему не доверяешь.

– Нет, я ему верю, просто... – Стефи задумчиво поглядела на дверь чулана, возле которой стоял объемистый пакет

для мусора, битком набитый окровавленными полотенцами и кусками марли. – Просто мне кажется странным, что Хэммонд не захотел заявить о нападении в полицию. Он, конечно, бодрится, но вид у него...

– Может быть, ему просто стыдно, что он вел себя так неосторожно?

– Может быть. – Стефи пожала плечами. – В общем, мы будем минут через пятнадцать.

Она ничего не сказала ему о «знакомом враче», хотя ей было совершенно очевидно, что это – ложь, к тому же не очень умелая. Хэммонд никогда не умел лгать, этому ему следовало поучиться хотя бы у той же Кэрти, которой он так восхищался.

Тут Стефи мысленно нажала на тормоза и несколько секунд стояла неподвижно, глядя прямо перед собой. Она практически ничего не видела, взгляд ее был расфокусирован, а в мозгу роились десятки невероятных, невозможных предположений, догадок, интуитивных прозрений. Задержаться на чем-нибудь одном Стефи была просто не в состоянии – ловить эти мысли было все равно что пытаться поймать за хвост комету.

Наверху послышались скрип двери и шорох шагов – Хэммонд спускался вниз.

Почти не отдавая себе отчета в своих действиях, Стефи с быстротой молнии метнулась к мусорному мешку и, выхватив оттуда одно из полотенец с пятнами крови, быстро за-

толкала его в свою сумку.

Когда Хэммонд спустился в прихожую, Стефи, приплясывая от нетерпения, ждала его у входной двери.

* * *

Бобби Тримбл был сильно напуган, но все же старался держать себя в руках, чтобы не обнаружить свой страх перед копами. Проклятые ублюдки, думал он, стискивая зубы. Черта с два они дождутся его признания, не на таковского напали!

Своим незавидным положением Бобби был обязан Элен Роджерс – разжиревшей старой деве, глупой, как пробка, учительнице из Индианаполиса. То, что именно она была виновна в его неприятностях, он расценивал как личное оскорбление. Кто она вообще такая и что о себе воображает? Он и соблазнил-то ее потому, что сделать это было проще простого – она сама влезла в расставленный капкан и сама помогла захлопнуть дверцу. Бобби едва не заснул, пока говорил ей положенные в таких случаях вещи и совершал подобающие ситуации поступки. Глупая курица! Кто мог предположить, что эта невзрачная, сексуально озабоченная дура станет для него роковой женщиной в буквальном, а не в переносном смысле слова?

Накануне вечером Бобби приятно проводил время с ничего не подозревавшей вдовой из Денвера, которую он сумел

в два счета разжалобить уже набившей ему оскоминой историей об умершей от рака жене. Старуха уже рыдала у него на плече, и ему оставалось только затащить ее в постель, чтобы украшавшие ее пальцы и уши крупные бриллианты, которые с самого начала привлекли к ней его внимание, сами упали к нему в руки, как перезрелые плоды. Бобби уже мысленно прикидывал, сколько месяцев роскошной жизни обеспечат ему эти камешки, как вдруг двое копов схватили его под руки и выволокли из ночного клуба на улицу. Снаружи они поставили его в раскоряку у патрульной машины, обыскали, зачитали права, и не успел Бобби опомниться, как у него на запястьях защелкнулись наручники.

Подобного поворота Бобби не ожидал. С ним обошлись как с обычным преступником, и Бобби некоторое время тешил себя надеждой, что это ошибка и что его приняли за кого-то другого. И лишь когда уголком глаза он заметил неподалеку эту патентованную дуру из Индианаполиса, которая, стоя у стены клуба, почему-то держала в руках свои лакированные туфли, Бобби понял, в чем дело.

– Шлюха чертова!.. – злобно пробормотал Бобби, отвечая собственным мыслям. В ту же секунду дверь комнаты для допросов неожиданно отворилась и внутрь вошел мужчина, чье лицо показалось Бобби смутно знакомым.

– Ты что-то сказал, Бобби? – спросил он.

Вошедший был не особенно высок ростом, но производил впечатление весьма внушительное. На нем был дорогой ко-

стюм-тройка, и пахло от него дорогим одеколоном, хотя Бобби никогда не одобрял чересчур приторных запахов. «Пижон», – с ходу окрестил он вошедшего.

Тем временем мужчина обменялся рукопожатием с государственным защитником по фамилии Хайнц, который произвел на Бобби впечатление хронического неудачника и который пока дал ему единственный совет: молчать, пока они не выяснят, в каком направлении развиваются события. До сих пор он сидел, развалясь, за маленьким столиком и зевал, прикрывая рот рукой, однако появление неизвестного заставило адвоката выпрямиться и насторожиться.

Вошедший сел за стол напротив Бобби и, слегка улыбнувшись, представился:

– Меня зовут Роберт Смайлоу, я – старший детектив из управления полиции Чарлстона. Я здесь, чтобы сделать твою жизнь проще, Бобби.

Но Бобби ни на грош не доверял ни холодной улыбке, ни вкрадчивым интонациям, прозвучавшим в голосе детектива.

– Это правда? – нагло спросил он. – Тогда, может быть, вы начнете с того, что выслушаете мою версию происшедшего? Эта сука врет!..

– Ты хочешь сказать, что не насиловал мисс Элен Роджерс? От этих слов лицо Бобби окаменело, зато в животе что-то забурлило и заволновалось, так что он едва не заработал «медвежьей болезнью».

– Насиловал ее? Я?! Она такое сказала?!!

– Послушайте, детектив Смайлоу, – вмешался адвокат, – я и мой клиент были уверены, что его обвиняют в похищении у потерпевшей ее сумочки. В заявлении мисс Роджерс ничего не говорится об изнасиловании.

– Она сообщила это женщине-полицейскому, – хладнокровно объяснил Смайлоу. – Мисс Роджерс постеснялась обсуждать столь интимные подробности с полицейскими-мужчинами, которые задержали Бобби.

– Мне нужно поговорить с клиентом, – быстро сказал Хайнц. – Изнасилование – это серьезно, очень серьезно. Бобби, успевший оправиться от первоначального потрясения, посмотрел на адвоката с насмешкой.

– Нечего тут разговаривать, – заявил он. – Я не насиловал эту жирную корову. Мы все делали по обоюдному согласию. Смайлоу достал из папки листок бумаги с какими-то заметками.

– Вы познакомились в ночном клубе, – сказал он. – Согласно показаниям мисс Роджерс ты намеренно ее напоил.

– Действительно, мы выпили по паре коктейлей, – согласился Бобби. – И она действительно здорово наклюкалась, но я не заставлял ее пить. Она сама...

– Потом ты поднялся в ее номер и занимался с ней сексом. – Смайлоу оторвал взгляд от бумаги и бросил на Бобби быстрый взгляд. – Это правда?

В его взгляде скрывался вызов, и Бобби не удержался от соблазна ответить на него.

– Да, это правда. И ей так понравилось, что она просто визжала от восторга.

Хайнц нервно откашлялся.

– Мистер Тримбл, я советую вам ничего больше не говорить.

Как вам известно, все, что вы скажете, может быть использовано против вас.

Бобби повернулся к нему:

– Ты серьезно думаешь, что я позволю какой-то там шлюхе обвинить меня в изнасиловании? Что я не буду защищаться?

– Суд для этого и существует, но...

– Пошли бы вы со своим судом к чертовой матери! – взорвался Бобби и снова повернулся к Смайлоу. – Она врет, детектив. Эта чертова шлюха все врет!

– Ты хочешь сказать, что она не была пьяна и что ты не занимался с ней любовью?

– Конечно, я ее трахнул. Но она так напилась, что сама меня об этом просила.

Смайлоу сделал скорбное лицо.

– Знаешь что, Бобби, – сказал он, с сокрушенным видом потирая лоб, – я-то тебе верю, но с формальной точки зрения твое положение весьма и весьма сомнительно. Когда дело касается преступлений против личности, процессуальные нормы очень строги. Из-за повышенного внимания, которое пресса и общественность проявляют к правам жертв изнаси-

лования, прокуроры и судьи вынуждены прибегать к самым жестким мерам. Оно и понятно – никому не хочется, чтобы его обвинили в том, что он, дескать, выпустил на свободу насильника...

– Я никогда не насиловал женщин! – воскликнул Бобби. – Скорее наоборот.

– Понимаю, – сочувственно кивнул Смайлоу. – Но если мисс Роджерс заявит, что ты подпоил ее и что из-за этого на момент соития она пребывала в состоянии ограниченной дееспособности, тогда, парень, хорошему прокурору не составит труда добиться, чтобы тебе изменили статью. Сам понимаешь, кража – это одно, а изнасилование – совсем другое...

Бобби сложил руки на груди – отчасти потому, что такая поза казалась ему достаточно независимой и небрежной, отчасти потому, что ему вдруг стало зябко. Ему ужасно не хотелось в тюрьму. В юности он уже побывал за решеткой, и ему там не понравилось. Чертовски не понравилось. Еще тогда Бобби поклялся, что никогда и ни за что не сядет снова, чего бы это ни стоило.

Сейчас он был близок к панике и, боясь, что голос выдаст его, молчал.

Смайлоу тем временем продолжал:

– Во время ареста у тебя были найдены наркотики.

– Ну и что? – Бобби пожал плечами. – Подумаешь – несколько сигарет с «травкой». Этой... – как ее там? – мисс

Роджерс, я их не предлагал.

– Не предлагал? – Смайлоу строго посмотрел на него. Бобби деланно рассмеялся.

– К чему зря переводить хороший товар? Мне не нужно было ее умасливать – она так хотела лечь со мной, что готова была сама купить мне марихуану, героин, крэк... Мне стоило только попросить.

– Допустим, ты говоришь правду, и тем не менее это серьезная проблема, Бобби. Кому, как ты думаешь, скорее поверят присяжные? Простой скромной учительнице или такому прожженному типу, как ты?

Пока Бобби придумывал ответ, дверь отворилась и в комнату для допросов вошла какая-то женщина. Миниатюрная, темноволосая, с блестящими черными глазами, она походила на сердитую галку, впрочем, довольно симпатичную. Бобби сразу отметил стройные ноги и небольшие острые грудки, однако эти внешние атрибуты женственности не могли его обмануть. Перед ним был настоящий крепкий орешек в юбке.

– Надеюсь, этот мешок с дерьмом еще не признался и вы не успели оформить явку с повинной? – осведомилась она.

Детектив Смайлоу отрицательно покачал головой и представил вошедшую как Стефани Манделл, помощницу окружного прокурора. При звуке этого имени адвокат Хайнц как-то сразу позеленел и напрягся, и Бобби счел это дурным предзнаменованием.

Тем временем Смайлоу предложил прокурорше стул, но она ответила, что предпочитает стоять.

– Я ненадолго, – сказала она. – Я зашла, только чтобы сообщить мистеру Тримблу, что дела об изнасиловании – моя специальность и что даже для тех, кто совершил это преступление впервые, я требую как минимум стерилизации. И отнюдь не химической, а хи-рур-ги-чес-кой, – с удовольствием произнесла она по складам и, опершись руками о стол, прошипела Бобби прямо в лицо:

– За то, что ты сделал с бедной мисс Роджерс, я готова отрезать тебе яйца собственными руками! Бобби отшатнулся.

– Я ее не насиловал!

Но неподдельная искренность, прозвучавшая в его голосе, не произвела на Стефи Манделл никакого впечатления. Ухмыльнувшись, она произнесла исполненным угрозы голосом:

– Увидимся в суде, Бобби!

Потом она круто повернулась на каблуках и вышла, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Смайлоу сидел, озабоченно потирая подбородок и сочувственно качая головой.

– Не повезло тебе, Бобби, – сказал он. – Если Стефи Манделл будет обвинителем по твоему делу, от тебя мокрого места не останется. Она умеет добиваться своего. Ты сгниешь в тюрьме.

– Может быть, мистеру Тримблу стоило бы сознаться в

каком-нибудь другом, не таком серьезном преступлении? – осторожно вставил адвокат.

Бобби свирепо глянул на него.

– Мне не в чем сознаваться, потому что я ни в чем не виноват, ясно?

– Но ведь...

– Заткнись! – бросил Бобби.

– Послушайте, джентльмены, – вмешался Смайлоу. – Мне тут пришла в голову одна неплохая идея. Кажется, я знаю способ удовлетворить мисс Манделл, не проливая ничьей крови.

– Что у тебя на уме? – буркнул Бобби.

– Мисс Манделл будет выступать обвинителем по делу об убийстве Люта Петтиджона...

«Тревога!!!» – зазвенели в мозгу Бобби тревожные колокольчики. Упоминание о деле Петтиджона помогло ему вспомнить, где он видел этого Смайлоу. Ну конечно!.. После убийства по телевизору передавали пресс-конференцию, на которой старший детектив Смайлоу отвечал на вопросы корреспондентов. Значит, вот оно что!.. Оказывается, Смайлоу ведет и дело Петтиджона.

Откинувшись на спинку стула, Бобби постарался взять себя в руки.

– По делу Петтиджона? – спросил он небрежно и почувствовал, как его лоб покрывается испариной.

Смайлоу наградил его долгим, суровым взглядом, от ко-

торого Бобби стало еще больше не по себе. Потом детектив со вздохом закрыл папку.

– Я надеялся, что мы пойдем друг друга, Бобби. Но если ты предпочитаешь разыгрывать дурачка, мне не остается ничего другого, кроме как передать тебя нашей очаровательной мисс Манделл.

Он со скрежетом отодвинул стул и, сухо кивнув, вышел из комнаты, а Бобби испуганно посмотрел на адвоката.

– Что я такого сделал? – спросил он, пожимая плечами.

– Ты пытался обмануть самого Рори Смайлоу! Ничего хуже ты и придумать не мог.

Глава 28

Смайлоу и Стефи долго не могли успокоиться. Приехав из тюрьмы в полицейское управление, они на протяжении доброй четверти часа в восторге хлопали друг друга по плечам, радуясь успеху разыгранного ими спектакля, после которого Бобби Тримбл наконец разговорился. Их откровенная радость была неприятна Хэммонду, но деваться ему было некуда, и он притворился, будто разделяет их ликование.

– Я дал ему часок на раздумья, – объяснял ему Смайлоу. – И готово – парень спекся. Он всерьез поверил, что Стефи способна предъявить ему обвинение в зверском изнасиловании с отягчающими вину обстоятельствами. На этом он и сломался. – Смайлоу довольно хмыкнул. – Сломался и выложил все, что знал.

Но Хэммонд знал, что на самом деле Элен Роджерс вовсе не утверждала, будто ее изнасиловали. Единственное, чего она добивалась, это того, чтобы Бобби Тримбла упрятали за решетку. Только в этом случае, считала Элен, другие женщины будут избавлены от опасности, которую он собой представлял.

– Мне не терпится увидеть, какое лицо будет у Юджин Кэрти, когда она услышит запись допроса своего брата, – сказала Стефи Хэммонду. – Тебе нужен был мотив преступления? Так вот, на этой пленке полно такого, что может слу-

жить самым убедительным мотивом.

Хэммонд старался ровно дышать, чтобы справиться с подступившей к горлу тошнотой. Его начало мутить с тех самых пор, как Стефи сообщила ему о том, что брат Юджин находится в тюрьме. Стефи и Смайлоу так радовались, так гордились своей пленкой! А ему хотелось вырвать кассету из магнитофона, бросить на пол и растоптать. Слушать пленку ему не было никакой необходимости – все, что могло на ней быть, он уже знал от Лоретты.

Да, если смотреть на факты непредвзято, то картина получалась, конечно, весьма неприятная. В их свете Юджин представала если не чудовищем, то, во всяком случае, личностью крайне отталкивающей. Показания Бобби Тримбла, несомненно, изрядно им приукрашенные, могли серьезно повредить Юджин. Как справедливо заметила Стефи, при желании каждый факт из ее биографии можно было превратить в убедительный мотив для убийства.

А именно мотива и не хватало, чтобы предъявить Юджин Кэрти официальное обвинение.

Поначалу Хэммонд надеялся, что следователи Смайлоу окажутся не такими сметливыми и расторопными, как Лоретта, и что ему удастся оттягивать передачу дела в суд бесконечно. Или по крайней мере до тех пор, пока он не выяснит достоверно и точно, что именно связывало Юджин с Петтиджоном. Но после того, как он получил отчет Лоретты, Хэммонд решил предложить Юджин вместе пойти к Смай-

лоу и во всем ему признаться. Самому ему, конечно, с самого начала следовало рассказать детективу о своей встрече с Петтиджоном, но тема его разговора с магнатом была столь деликатной – или столь взрывоопасной, – что Хэммонд до конца надеялся сохранить эти сведения в тайне. Но теперь, похоже, никакого выбора у него не осталось. Да и Юджин, безусловно, следовало рассказать Смайлоу о своем прошлом до того, как он узнает обо всем через своих информаторов и начнет строить предположения относительно возможного характера ее связи с Петтиджоном.

Но эти его намерения так и остались нереализованными. Утром Хэммонду не удалось поговорить с Юджин, поскольку к тому моменту, когда Стефи ворвалась в его спальню, она благополучно вернулась к себе домой. Сначала Хэммонд был только рад этому, полагая, что, если бы Стефи застала их с Юджин в одной постели, это подорвало бы всякое доверие к тому, что они собирались сообщить. Но когда он узнал, что за новость принесла ему Стефи, сердце его упало.

Он понял, что все погибло.

Бобби Тримбл возник неизвестно откуда, возник в самый неподходящий момент. Теперь Смайлоу все известно, а Хэммонд даже не мог предупредить Юджин, какая ловушка ее ожидает. Что же делать?..

Его размышления прервал писк пейджера. Все трое полезли проверять.

– Это мой, – сказал Хэммонд, и Смайлоу придвинул к

нему телефон.

– Спасибо, я воспользуюсь сотовым, – поблагодарил Хэммонд и, извинившись, вышел в коридор, где он мог разговаривать относительно свободно.

Набрав номер, высветившийся на экране пейджера, он прижал телефон к уху.

– Алло, Лоретта? Что у тебя?

– Мне показалось, что вчера вечером мы расстались как-то не так.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты как будто... расстроился.

– Пусть тебя это не беспокоит. Лори. Это только мои проблемы, тебя они не касаются.

– И все-таки я волновалась... Просто места себе не находила. Мне хотелось что-то для тебя сделать, поэтому сегодня утром я отправилась в архив округа и сразу наткнулась на Харви. Он как раз покупал в торговом автомате булочку с медом, и я...

– Нельзя ли ближе к делу. Лори? У меня всего несколько минут.

– Сейчас, сейчас... В общем, я спросила, не обращался ли к нему кто-нибудь еще с той же просьбой, что и я. Мне хотелось посмотреть, как он отреагирует. Знаешь, Хэммонд, наш красавчик покрылся холодным потом у меня на глазах. Клянусь, я слышала, как он стучит зубами!

– Неужели кто-то еще просил его собрать сведения о Юд-

жин?

– Похоже, что так.

– Но кто?

– Этот говнюк так и не сказал. Я испробовала все, Хэммонд, поверь мне. Я пригрозила ему разоблачением, тюрьмой, самыми страшными пытками. Я льстила, уговаривала, упрашивала, обещала озолотить, хотя, видит бог, никаких особенных денег у меня нет. Ничего не сработало. Тот, кто обращался к Харви с этой просьбой до нас, напугал его до полусмерти. Он так и не заговорил.

– Хорошо, спасибо. – Услышав позади себя шорох, Хэммонд обернулся через плечо и увидел Юджин и Фрэнка Перкинса, которые вышли из-за угла, направляясь к кабинету Смайлоу.

– Чем я еще могу тебе помочь? – спросила Лоретта.

– Боюсь, что пока ничем. А сейчас, извини, я должен бежать. Он выключил телефон и, повернувшись, пошел навстречу Юджин и Фрэнку. Они достигли двери почти одновременно, и адвокат, который до этого что-то быстро говорил Юджин на ухо, вскинул на него глаза.

– Господи боже мой, Хэммонд, что с тобой?! Ты попал под поезд?

– Нет. Просто кто-то пытался меня ограбить.

– Что же, грабитель пытался отрезать тебе руку вместе с часами? – Адвокат смерил его испытующим взглядом, но Хэммонд этого даже не заметил. Он во все глаза смотрел на

Юджин, а она смотрела на него.

У них было всего несколько секунд. Хэммонд хотел предупредить ее хотя бы взглядом, но Перкинс уже распахнул дверь кабинета и слегка подтолкнул Юджин вперед.

– Что теперь, детектив Смайлоу? – спросил Перкинс с порога.

– У нас есть одна очень любопытная пленка, – ответил Смайлоу. – И нам хотелось бы, чтобы мисс Кэрти ее прослушала.

– Какая пленка?

– Пленка с записью показаний одного человека, которого мы допросили сегодня утром в городской тюрьме. Поверьте, адвокат, эта пленка имеет прямое отношение к делу об убийстве Петтиджона.

Вкратце Смайлоу рассказал Юджин и ее адвокату об Элен Роджерс и о том, что с ней случилось.

– К счастью для нас, мисс Роджерс оказалась женщиной решительной и упорной, – закончил он. – Она сама выследила мерзавца и сообщила о нем патрульным полицейским.

– Все это замечательно, – раздраженно сказал Перкинс, – но я не понимаю, при чем тут...

– Сейчас поймете. Дело в том, что этого человека зовут Бобби Тримбл.

Все это время Хэммонд внимательно следил за выражением лица Юджин. Он был уверен, что она догадалась, о чем пойдет речь, как только Смайлоу начал рассказывать о зло-

ключениях безвестной Элен Роджерс из Индианаполиса. Когда детектив назвал имя ее брата, Юджин была уже готова и никак не отреагировала, поэтому Смайлоу принужден был спросить:

– Вы ведь знакомы с мистером Тримблом, доктор Кэрти?

– Мне нужно поговорить с моей клиенткой, – вмешался адвокат.

– Это ни к чему, Фрэнк, – негромко сказала Юджин. – К сожалению, я не могу этого отрицать. Да, детектив, я знаю Бобби Тримбла.

Смайлоу с торжеством повернулся к Перкинсу:

– Пленка говорит сама за себя, Фрэнк. Только слушайте внимательно.

И он нажал на магнитофоне клавишу воспроизведения. Сначала на пленке был записан только голос самого Смайлоу, который назвал дату, время, место проведения допроса и имена всех присутствующих. Затем он вкратце остановился на обстоятельствах дела. По его словам, подозреваемый Бобби Тримбл полностью признался, что соблазнил заявительницу мисс Элен Роджерс с целью похищения имевшихся при ней денежных сумм и кредитных карточек. Сам Бобби добавил от себя, что хотя никто не обещал ему полного освобождения от ответственности, он все же надеется на снисхождение суда, так как от сотрудницы прокуратуры мисс Стефани Манделл ему стало известно о трудностях, с которыми столкнулась полиция, расследуя убийство Лю-

та Петтиджона. Именно это и заставило его сообщить следствию все, что ему известно об этом деле.

Когда Бобби закончил свое многословную и путаную речь, Смайлоу задал ему первый вопрос:

– Итак, Бобби... Можно мне называть тебя Бобби?

– Называйте хоть горшком... Я своего имени не стыжусь.

– Итак, Бобби, ты знаком с доктором Юджин Кэрти?

– Конечно. Юджин моя сводная сестра по матери. Отцы у нас были разные, хотя я никогда не видел ни своего, ни ее папашу.

– Тримбл – фамилия вашей матери?

– Верно.

– Ты и твоя сводная сестра росли вместе, в одном доме?

– Можно сказать и так, хотя я бы не назвал это домом.

Наша мамаша превратила его черт знает во что.

– А конкретнее?

– Считайте, что мы выросли в борделе. Наша мать тащилась от мужиков и обслуживала их с утра и до позднего вечера. У нас в доме постоянно толпились какие-то темные личности. Впрочем, пока наша мать кувыркалась с клиентом, нас с Юджин обычно выгоняли из дома. Холод, жара, голод – все это мы испытали. Иногда нам удавалось перехватить пару-тройку бутербродов у старой негрityнки, которая прибиралась в соседней закуской. Она питала слабость к Юджин, а меня недолюбливала, но кое-что нам от нее перепало.

– Ваша мать еще жива?

– А черт ее знает! Мне так все равно. Она бросила нас, когда мне было, гм-м... четырнадцать, а Юджин, соответственно, двенадцать с небольшим. Наша родительница втюрилась в какого-то прощелыгу, а когда он подался в Рим, она помчалась на восток. С тех пор я ни разу ее не видел. И, признаться, не очень-то и хотелось, разве только для того, чтобы плюнуть ей в морду.

– Почему вами не заинтересовалась Служба охраны детства?

– Уж лучше сесть в тюрьму, чем иметь дело с этими бюрократками, которые вечно суют нос не в свое дело. – Было слышно, как Бобби усмехнулся. – Вот почему я велел Юджин никому не говорить, что наша мать пропала. Мы продолжали ходить в школу и вообще водили всех за нос, приговариваясь, будто все в полном порядке. И все действительно было в порядке. Насколько я помню, за все время наша мать ни разу не почтила школу своим присутствием.

– А соседи не заметили отсутствия вашей матери? – поинтересовался Смайлоу.

– Нет, не думаю. Во всяком случае, прошло очень много времени, прежде чем они начали что-то подозревать. Ведь и при матери Юджин таскала белье в прачечную самообслуживания, а я болтался по окрестностям и искал, где можно подработать.

– Ты подрабатывал, чтобы содержать себя и сестру? Бобби

откашлялся.

– Поначалу да... – Последовала пауза, потом Бобби сказал:

– Прежде чем я продолжу, я хотел бы... Ну, чтобы вы меня правильно поняли. Я считаю, что уже заплатил свой долг обществу за все, что случилось. Ведь меня же не будут наказывать за это второй раз, правда? В конце концов, это было еще в Теннесси, а сейчас мы в Южной Каролине...

– Расскажи нам все, что ты знаешь об убийстве Люта Петтиджона – и выйдешь отсюда свободным, – вкрадчиво сказал Смайлоу.

Бобби немного помолчал.

– Мне нравится это предложение... – промолвил он наконец. До этого момента Юджин сидела неподвижно. Сейчас же она пошевелилась и повернулась к своему адвокату.

– Скажите, Фрэнк, – спросила она, – я обязана все это выслушивать?

Фрэнк Перкинс кивнул и попросил Смайлоу остановить запись, чтобы он мог посоветоваться с клиентом. Тот послушно щелкнул клавишей остановки, и адвокат, наклонившись к уху Юджин, что-то быстро зашептал. Она так же тихо ответила и покачала головой, после чего они переговаривались еще Минуты две.

Наконец Перкинс выпрямился и сказал:

– Я не считаю показания этого человека сколько-нибудь серьезными или заслуживающими доверия. Ведь вы факти-

чески заключили с ним сделку – свобода в обмен на показания против моей клиентки. Я считаю, что свидетель, поставленный в такие условия, не способен быть объективным. Скорее, наоборот, стремясь выставить себя в глазах следствия в выгодном свете, он постарается скрыть или исказить известные ему факты.

– Если Тримбл лжет, – возразил Смайлоу, – то мисс Кэрти нечего волноваться.

– Ей неприятно слушать клевету в свой адрес.

– Я заранее прошу у мисс Кэрти прощения за те неприятные минуты, которые мы ей, возможно, доставим, однако, мне кажется, мисс Кэрти будет любопытно узнать, в чем обвиняет ее сводный брат. В конце концов, никто не запрещает ей встать и сказать, в чем он солгал.

Перкинс повернулся к Юджин:

– Решайте, доктор Кэрти. Юджин коротко кивнула.

– О'кей, Смайлоу, – строго сказал адвокат. – Начинайте свой спектакль.

Но детектив не обратил никакого внимания на шпильку и снова включил пленку с того самого места, где они остановились.

– Некоторое время мы кое-как перебивались, – продолжал рассказывать Бобби. – Мне приходилось буквально надрываться, чтобы у нас на столе была самая простая еда, а ведь нужно еще было покупать Юджин хоть какую-то одежонку. Она ведь росла, как растут только двенадцатилетние девчон-

ки. Росла и... гм-м... расцвела. – Бобби понизил голос до конфиденциального шепота. – Все это происходило у меня на глазах. Она, знаете, очень быстро развивалась, и это навело меня на мысль... Я уже давно заметил, что мои приятели стали заглядываться на Юджин... Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду? Теперь они смотрели на нее совсем другими глазами, и я подумал, что должен это использовать.

В первый раз это получилось случайно. То есть, я хочу сказать, что не планировал ничего специально. Один мой приятель украл где-то упаковку пива, и мы встретились в одном старом гараже, чтобы выпить его. После первой банки мой приятель стал дразнить Юджин... В конце концов он уговорил ее приподнять майку и показать ему грудь.

Сначала Юджин, конечно, отказывалась, но я-то видел, что она нисколько не стесняется. Больше того, ей ужасно хотелось сделать это. Она хихикала, кривлялась и вообще всячески раззадоривала моего дружка. И в конце концов задрала свою майку до самого подбородка.

Когда она сделала это, я сказал Хосе, что за спектакль он должен нам еще по банке пива. Но он отказался, сказав, что Юджин была в лифчике и что никаких сисек... простите, грудей он не видел.

Зато в следующий раз...

Хэммонд стремительно шагнул к столу и выключил магнитофон.

– По-моему, достаточно, Смайлоу, – сказал он. – Думаю,

в чем суть, мы все догадались. Бобби Тримбл, которого вы почему-то величаете «мистером», хотя, на мой взгляд, он обыкновенный подонок, эксплуатировал свою несовершеннолетнюю сестру. Даже если она устраивала эти... демонстрации добровольно, в чем я лично очень сомневаюсь, все это было так давно, что...

– Не так уж давно...

– Двадцать – двадцать пять лет – срок вполне солидный, – возразил Хэммонд. – В любом случае все, что мы сейчас имели удовольствие слышать, вряд ли имеет какое-то отношение к убийству Петтиджона.

– Сейчас мы к этому подойдем, – вставила Стефи. – И ты убедишься, что связь существует.

– Вы можете слушать эту чушь еще сколько угодно, – вмешался Фрэнк Перкинс. – Но я не могу допустить, чтобы моя клиентка тоже в этом участвовала.

Смайлоу поднялся.

– Боюсь, адвокат, я не могу позволить мисс Кэрти уйти.

– Сначала предъявите ей официальное обвинение, – возразил Перкинс и добавил насмешливо:

– Только постарайтесь найти преступление, на которое бы не распространялся десятилетний срок давности.

– Если вы не хотите слушать пленку дальше, – ушел от прямого ответа Смайлоу, – тогда я вынужден буду попросить вас подождать в соседней комнате, пока с ней ознакомится мистер Кросс.

– Хорошо.

– Нет. – Юджин сказала это тихо, но очень решительно, и все взгляды обратились на нее. – Нет, – повторила она. – Я хочу дослушать запись до конца, хотя и догадываюсь, что еще скажет Бобби. За прошедшие два десятка лет он приобрел кое-какой внешний лоск, но в душе остался таким же мелким мерзавцем, каким был всегда. Я имею право знать, что он думает и говорит обо мне. Я должна дослушать, Фрэнк, хотя меня бросает в дрожь от одного только звука его голоса!

– Вы хотите опровергнуть что-либо из того, что он уже рассказал? – спросила Стефи.

– Мисс Кэрти имеет право не отвечать, – быстро сказал адвокат, но Юджин пропустила его совет мимо ушей. Подняв голову, она смело встретила ищущий и жадный взгляд Стефи.

– Все это действительно произошло много лет назад, мисс Манделл. Я тогда была еще ребенком.

– Не таким уж ребенком. Как я поняла, вы уже миновали возраст, с которого наступает ответственность за некоторые противоправные деяния.

– Возможно, я действительно поступала не правильно, но у меня просто не было выхода. Во всяком случае, когда у меня была такая возможность, из двух зол я старалась выбрать меньшее. Вспоминать о том времени я не люблю, но ведь это и правда было очень давно, в другой жизни. Я начала все

сначала и сумела стать другой. Теперь у меня новая жизнь, а прошлое... Я хотела бы о нем забыть, и мне это удалось. Почти удалось...

– Умный ответ, – сказала Стефи. – Очень хороший, умный ответ, но на деле он означает только то, что вы не отрицаете ничего из того, что мы только что услышали. Не так ли, доктор Кэрти?

Если бы Фрэнк Перкинс не вмешался и не запретил Юджин отвечать на этот вопрос, Хэммонд предупредил бы ее сам. Сейчас он и сам смотрел на адвоката, как на свою последнюю надежду.

Тем временем Перкинс снова пошептался с Юджин, и на лице его появилась гримаса отвращения.

– Давайте заканчивать с этим, – отрывисто сказал он Смайлоу. Хэммонд знал, что Бобби Тримбл не рассказал всего и что самое худшее было еще впереди. По сведениям Лоретты Бут, в свое время Бобби обретался во Флориде, но вынужден был бежать оттуда, во-первых, потому, что ему угрожал срок за кражу, а во-вторых, потому, что за ним по пятам гнались крутые ребята, у которых он «одолжил» кругленькую сумму. Довольно долгое время о нем ничего не было слышно; как и следовало ожидать, он лег на дно, затаился и снова появился в Чарлстоне буквально накануне убийства Петтиджона, в котором подозревали его сестру. Конечно, это могло быть и простым совпадением, но Хэммонд знал, что Смайлоу не оставит сей факт без внимания и сделает все,

чтобы доказать – никакого совпадения не было, а был преступный сговор двух лиц, собиравшихся не то шантажировать Петтиджона, не то отомстить ему за какие-то давние обиды, или и то, и другое вместе.

Даже сам Хэммонд, хоть и был уверен, что Юджин не могла убить Петтиджона – в этом случае она бы просто не успела приехать на ярмарку так рано, – все же видел в ее версии кое-какие нестыковки и несоответствия, объяснить которые он не мог. Вопросы, на которые Хэммонд не мог найти ответы, продолжали преследовать его, а то, что он узнал о прошлом Юджин, отнюдь его не успокаивало.

Бесспорно, для кого-то Юджин представляла серьезную опасность – либо она сама, либо что-то, что она, возможно, видела. Поначалу он так и воспринимал вчерашнее нападение: кто-то очень хотел убрать потенциального свидетеля и устроил это покушение. Но теперь новая – и очень неприятная – мысль пришла ему на ум. Что, если Юджин пытался убить испугавшийся разоблачения сообщник? Нет, пока он не убедится окончательно и бесповоротно, что Юджин виновна – или, напротив, невиновна; – он так и будет метаться между желанием защищать ее и своим долгом прокурора.

Тем временем пленка в магнитофоне продолжала крутиться, а Смайлоу – расспрашивать Бобби Тримбла о том, каким образом он вымогал деньги у своих друзей и знакомых.

– Чаще всего было так, – обменял Бобби. – Я выбирал ко-

го-то из друзей и начинал при нем распространяться о том, как выросла и похорошела моя сестренка. Обычно я говорил, что она стала настоящей маленькой женщиной, что ей не терпится похвастаться перед каким-нибудь парнем своими недавними приобретениями или же что она окончательно созрела и рвется в бой. Так я постепенно доводил клиента до такого состояния, что он начинал незаметно для себя думать о ней, оценивать свои шансы и все такое. Иногда это занимало несколько дней, а иногда – всего несколько часов, но осечек больше не было. У меня, видите ли, было своеобразное шестое чувство: я просто знал, что, кому и как сказать. В конце концов все они прибегали ко мне, чтобы заключить сделку. Я называл цену, и ни один, представляете, ни один из этих сосунков даже не попытался торговаться! Короче, они платили, я называл время и место, все остальное было делом Юджин.

– Что – остальное?

– Ну... Она умела делать их послушными, что ли... В общем, вертела ими как хотела, а они только слюни пускали.

– То есть твоя сестра начинала заигрывать с ними?

– Можно сказать и так... Когда же они возбуждались, я врвался в комнату и требовал все их деньги, а не то...

– Ане то – что?

– Ну, обычно я вроде как цитировал уголовное уложение насчет соращения несовершеннолетних, и все такое прочее... Если клиент начинал грозить полицией, я отвечал, что

в суде будет его слово против нашего слова, а какой состав присяжных поверит взрослому бугаю, а не двенадцатилетней девственнице? Словом, большинство предпочитало откупиться. Именно благодаря этому мы смогли заниматься этим бизнесом так долго – ведь все эти кретины не только не шли в полицию, но даже друг другу не рассказывали о том, как их обвели вокруг пальца. Кому охота выглядеть в глазах других идиотом?

– Твоя сестра участвовала в этом добровольно?

– А как вы думаете, детектив? Неужели вы считаете, что я ее заставлял? Бабы обожают покрасоваться перед мужиками, потрясти у них перед носом сиськами или повертеть задницей, потому что в душе все они – эсгиби... эсгибиционистки. Они же от этого просто тащатся... Простите, мисс Манделл, я не хотел вас оскорбить, но, думаю, в данном случае детектив Смайлоу со мной согласится. Все ба... то есть, я хотел сказать, большинство женщин таковы. Они знают, чем наделила их природа, и здорово этим пользуются. Каждой бабе приятно, когда мужик готов на карачках ползать, лишь бы ему разрешили подержаться за местечко по-мясистее.

– Я весьма признательна вам за этот поразительно глубокий экскурс в женскую психологию, – едко сказала Стефи, но ее сарказм пропал втуне. Бобби, во всяком случае, несколько не смутился.

– Еще раз простите, мисс Манделл, – ответил он, – но не я придумал эти правила. Я просто рассказал, как оно на самом

деле устроено, а почему это так – я не знаю.

– Но круг «клиентов», как ты их называешь, был ограничен, и рано или поздно...

– А мы переключились на окрестные кварталы. Юджин выглядела такой свежей и невинной, что каждый из клиентов считал, что будет у нее первым. Вот почему я знал, что моя схема работает и с мужчинами постарше.

– Расскажи об этом поподробнее.

– Что тут рассказывать? Юджин была безотказной приманкой. Они слетались на нее, как мухи на мед, а она умела их расшевелить. Это была ее главная задача. Мы, мужчины, почему-то лучше всего реагируем на робких, неопытных скромниц, а Юджин умела разыграть целку убедительнее, чем любая из женщин, которых я встречал. Хэммонд отер рукавом влажный лоб, прислонился затылком к косяку и закрыл глаза. Но уже через несколько секунд клавиша остановки записи громко щелкнула, и Смайлоу спросил:

– Эй, Хэммонд, с тобой все в порядке? Хэммонд открыл глаза. Все, кто находился в комнате, смотрели на него, и только Юджин сидела, опустив глаза и разглядывая сложенные на коленях руки.

– Да, конечно, – как можно увереннее ответил он. – А что?

– Ты очень бледный, – объяснила Стефи. – Может, все-таки принести тебе стул? А как насчет минеральной воды или тоника?

– Нет. – Хэммонд покачал головой. – Не надо, спасибо.

Смайлоу продолжал внимательно смотреть на Хэммонда, он явно сомневался в его искренности.

– Сколько еще осталось? – спросил Хэммонд, имея в виду запись.

– Совсем немного, – ответил Смайлоу и повернулся к Юджин:

– А вы, доктор Кэрти? Вы готовы дослушать пленку до конца? Юджин молча кивнула. Смайлоу включил магнитофон, и из динамиков снова зазвучал гнусавый голос Бобби, в подробностях рассказывавшего, как они переключились на пожилых состоятельных бизнесменов, с которыми он знакомился в дорогих барах и вестибюлях престижных отелей. Фактически Бобби исполнял при Юджин роль сутенера, причем со временем он действительно наловчился точно выбирать самых денежных клиентов.

– Больше всего они боялись неприятностей, – с усмешкой говорил Бобби. – Когда я объяснял, что грозит им за попытку изнасиловать мою несовершеннолетнюю сестренку, они легко расставались с содержимым своих бумажников. Денег у них было полно – намного больше, чем у соседских парней, считать. Наш бизнес процветал, и они не привыкли их.

– Похоже, вы отлично сработались, не так ли, Бобби?

– Да, детектив. Юджин прекрасно делала свое дело, а я свое. Только однажды у нас произошла осечка, которая и погубила все.

– Ты пытался убить этого парня, не так ли?

– Это была чистая самооборона, мистер Смайлоу. Этот сукин сын бросился на меня с ножом.

– Но ведь ты вымогал у него деньги. Каждый человек имеет право защищать свою собственность.

– А у меня есть право защищать свою жизнь, когда ей грозит опасность. Яне виноват, что этот пьянчуга в конце концов сам напоролся на лезвие.

– Но, насколько мне известно, судья не согласился с твоей версией. В обвинительном заключении говорится, что ты перехватил нож и пырнул противника.

– Я знаю, только это вранье. Просто я не понравился судье, вот он и отправил меня за решетку. Между прочим, меня освободили досрочно за примерное поведение.

– Твое счастье, что тот мужчина выжил. Если бы он погиб, ты бы не отделался четырьмя годами...

О том, что было дальше, Хэммонд уже знал от Лоретты. Бобби Тримбл отправился в тюрьму, Юджин отделалась условным приговором с обязательным помещением ее в сиротский приют, под наблюдение полиции. К счастью, она пробыла там совсем недолго – вскоре ее удочерили супруги Кэрти, которые искренне полюбили Юджин. Впервые в жизни она узнала, что такое родительская забота и ласка, но главным было даже не это. Огромное значение имело то, что на примере Мариона и Синтии она увидела, какими должны быть нормальные человеческие отношения. Любовь и внимание, которыми они окружили ее, привела к тому, что Юд-

жин стала совсем другой. Вся ее жизнь так изменилась, что впору было говорить о втором рождении. Прежняя Юджин исчезла, чтобы никогда больше не возвращаться.

По признанию самого Бобби, он завидовал счастью своей сводной сестры.

– Я отправился в тюрьму, а Юджин отделалась легким испугом. Это было несправедливо – в конце концов, именно она заманивала всех этих парней и трясла перед ними сиськами, чтобы мне потом было легче иметь с ними дело.

– «Трясла сиськами» – это все, что она делала?

– А вы сами-то как думаете, детектив? – Бобби идиотски заржал. – Поначалу она только выставляла себя напоказ, но потом... Потом она превратилась в обычную проститутку, и я даю голову на отсечение, что ей это нравилось. Некоторые женщины просто рождаются шлюхами, и Юджин была одной из них. Даже теперь, когда она стала специалисткой по мозгам, она наверняка скучает по тем веселым денькам.

– Что именно ты имеешь в виду, Бобби?

– Петтиджона, конечно. Если бы она не была прирожденной шлюхой, разве потянуло бы ее к этому старику? Юджин вскочила на ноги.

– Он лжет! – крикнула она. – Он все лжет!..

Глава 29

– Еще никогда мне не приходилось слышать столь омерзительного вранья, – заявил Фрэнк Перкинс, поддерживая Юджин под локоть. – Этот ваш Бобби Тримбл – аморальный, изолгавшийся, полностью разложившийся тип, который бесовестно эксплуатировал свою младшую сестру и теперь снова пытается использовать ее, чтобы уйти от обвинения в изнасиловании. Отложного обвинения, поскольку я уверен, что вы состряпали эту историю, дабы заставить его дать нужные показания. Подобной низости я не ожидал даже от вас, Смайлоу, но теперь – кончено. Я немедленно везу свою клиентку домой, чтобы обсудить, на какую сумму мы предъявим иск полицейскому управлению. Постарайтесь, чтобы до завтра с этой пленкой ничего не случилось, поскольку в суде она будет служить решающим доказательством того, как вы, пользуясь недозволенными средствами, запугивали свидетеля, который уже находится в тюрьме. А теперь разрешите откланяться...

– Вы можете идти, адвокат. Что касается мисс Кэрти, то, боюсь, ей придется остаться здесь, – спокойно возразил Смайлоу.

– Вы готовы предъявить обвинение моей клиентке? – ошестинился Перкинс. – Если да, то потрудитесь сделать это немедленно, чтобы мне не пришлось обвинить вас в превы-

шении полномочий. Уверяю вас, детектив, что если вы просто задержите мисс Кэрти, то мне даже не потребуется вносить залог, чтобы ее выпустили на свободу. Зато кое-кому я гарантирую крупные неприятности. Итак, что скажете?

Смайлоу вопросительно посмотрел сначала на Стефи, потом – на Хэммонда, но ни тот, ни другая ничего не ответили, и Смайлоу заколебался.

– Подождите, пожалуйста, снаружи, – обратился он к Перкинсу. – Мне с коллегами нужно кое-что обсудить.

Перкинс с достоинством кивнул и, продолжая поддерживать Юджин под локоть, повел к выходу. Давая им пройти, Хэммонд посторонился, но у него не хватило смелости поднять глаза и посмотреть на Юджин. Он боялся, что этот взгляд только лишний раз подчеркнет безнадежность положения, в котором она оказалась. Теперь буквально все было против нее. То, что она и Бобби оказались замешаны в таком серьезном преступлении, как сговор, шантаж и покушение на убийство, не мог не произвести на присяжных самого неблагоприятного впечатления.

Даже то обстоятельство, что на протяжении почти двух десятков лет Юджин и Бобби не встречались и ничего не знали друг о друге, не имело никакого особенного значения. Куда важнее было то, что они встретились вновь всего за несколько недель до гибели Петтиджона, и Хэммонд уже представлял, какие выводы могут сделать из этого присяжные заседатели. В юности Юджин выступала в качестве при-

манки для доверчивых простаков, которых ее сводный братец обирал до нитки. Смайлоу обнаружил у нее в доме сейф, полный наличных денег. Одного этого было вполне достаточно, чтобы выставить ее виновной еще до суда.

Подумав об этом, Хэммонд поежился, сдерживая невольную дрожь. Действие болеутоляющей таблетки, которую он принял перед тем, как отправиться в полицию, понемногу заканчивалось, а принимать новую Хэммонд не хотел, чтобы сохранить остроту восприятия. Однако боль, которую он начал испытывать, исказила его лицо, и Стефи это заметила. Как только Перкинс и Юджин скрылись за дверью, она тотчас повернулась к нему.

– Ты выглядишь так, словно вот-вот упадешь и тебя придется откачивать, – заявила Стефи. – Что, рука болит?..

– Болит, но пока терпимо, – ответил он, Но главная причина его страданий была в другом. В то, что ему удастся спасти Юджин, он уже почти не верил.

– Итак, – сказал Смайлоу, – мне представляется, что дело обстояло следующим образом. Прошлой весной Бобби Тримбл ввязался в пьяную драку в одном баре и вышел из этой заварушки победителем. Именно тогда на него обратил внимание один из подручных Петтиджона, который впоследствии и порекомендовал Бобби своему боссу в качестве подходящего человека, способного возглавить, если можно так выразиться, военную кампанию против жителей острова Спаркл...

– То есть, – уточнила Стефи, – Петтиджон планировал оказать давление на тех, кто не хотел продавать свои земельные участки?

– Давление – это еще мягко сказано. Правильнее было бы сказать, что Петтиджон планировал развязать против них самый настоящий террор. Несколько раньше он попытался скупить на острове всю землю, но неожиданно столкнулся с сопротивлением, на которое никак не рассчитывал. Дело в том, что остров Спаркл населяют в основном негритянские семьи, получившие эту землю по наследству от своих предков, бывших рабов, которым когда-то подарили или передали эти участки бывшие хозяева. Они обрабатывали их на протяжении поколений, и для большинства жителей земля – не только единственное достояние, но и предмет гордости. Не только наследство, но и наследие... И оно значит для них гораздо больше, чем деньги, чего Лют так и не смог уяснить. Он понял только одно – эти люди не хотят отдать ему остров за те жалкие гроши, которые он им предлагал.

– Мне не особенно верится, – вставила Стефи, – что Петтиджон собирался использовать остров – строить на нем отели, офисы, казино. Скорее всего, он приобрел бы землю, потом выждал бы несколько лет, пока цены на участки не выросли в несколько раз, а затем продал бы ее с выгодой для себя. А что ты можешь сказать? – повернулась она к Хэммонду.

– Пока ничего, – ответил он. – Ваши рассуждения кажут-

ся мне довольно логичными, во всяком случае, придраться тут пока не к чему. Такой мерзавец, как Тримбл, способен на все, поэтому я ничуть не удивлен, что Петтиджон выбрал его для проведения в жизнь своих планов. Ты говорил, – повернулся он к Смайлоу, – что против жителей острова была развязана настоящая кампания террора. В каких конкретных формах это проявлялось?

– В запугивании, избиениях, сожжении крестов и прочих ку-клукс-клановских выходках, ведь большинство населения острова – черные. Мой человек, который занимался этой проблемой, сообщил, что Бобби Тримбл сколотил целую банду головорезов и подонков, готовых за деньги на все.

«Неужели отец тоже причастен к этим грязным делишкам?» – думал Хэммонд. Правда, Престон поклялся ему, что расстался с Петтиджоном, как только узнал о его грязных методах, но Хэммонд не очень-то верил отцу. Впрочем, он надеялся, что тому удастся убедить в этом присяжных.

– Значит, за всеми безобразиями, которые творятся на острове, стоит Бобби Тримбл, – уточнил Хэммонд. – Это он возглавил шайку подонков. И такого человека вы называете надежным, внушающим доверие свидетелем?

– Тримбл готов под присягой показать, что осознал ошибочность своих действий и отказался работать на Петтиджона. Скорее всего, однако, он почувствовал, что запахло жареным, но это ничего не меняет, – ответила Стефи. – Причина в данном случае не имеет значения.

– Как мне кажется, все дело в деньгах, – проворчал Смайлоу. – Когда я уже выключил запись, Бобби назвал мне сумму, которую он получил от Петтиджона... Петтиджон повел себя как настоящий скряга – такой жадности даже я от него не ожидал.

– Все это замечательно, но я не совсем понимаю, какое отношение это имеет к надежности Бобби как свидетеля, – перебил Хэммонд.

– Сейчас речь не об этом, – возразил Смайлоу необычайно мягким тоном. – Ты только представь, в каком положении очутился Бобби: он потерял или почти потерял работу и, естественно, был зол на весь свет и в первую очередь – на собственного босса, который, как он хорошо знал, допустил серьезное нарушение закона. Кроме того, у этого босса было достаточно много денег...

– Которые как будто ждали, чтобы их кто-нибудь у него отнял, – закончила Стефи.

– Совершенно верно, – кивнул Смайлоу. – Эти деньги сами просились в руки, и Бобби решился на шантаж. В самом деле, зачем гнуть спину за жалкие гроши и подвергать свою жизнь опасности, когда он мог заработать куда большую сумму, просто пригрозив Петтиджону, что расскажет журналистам правду.

– А вы уверены, что Петтиджон действительно давал Бобби указания, как именно ему следует запугивать этих людей? Не может ли оказаться, что он сжигал кресты и наряжал сво-

их людей в белые балахоны по собственной инициативе?

– Разумеется, Петтиджон просто обрисовал Бобби конечную цель, а методы предоставил выбирать ему, – согласился Смайлоу. – Однако если ты спросишь меня, имел ли Петтиджон в виду что-либо подобное, я отвечу – да. Ради собственной выгоды этот человек мог пойти на все, что угодно. На любую низость.

– Петтиджон согласился заплатить Бобби за молчание сто тысяч долларов, – вставила Стефи, – а он такие деньги за просто так никогда бы не выложил.

– Но, как выразился сам Бобби, он тоже «не вчера родился», – продолжал Смайлоу. – С его точки зрения, Петтиджон капитулировал слишком быстро, и это вызвало у него подозрения. У Бобби хватило соображения понять, что, явившись за деньгами лично, он может угодить в ловушку. Рисковать ему не хотелось, и...

–..И тут на сцене появляется его сестра, – снова подхватила Стефи.

– Сводная сестра, – уточнил Хэммонд. – К тому же она не «появилась», как ты изволила выразиться. Она...

– Хорошо, хорошо, он разыскал ее и предложил выгодную работенку. А она по старой памяти согласилась ему помочь.

– Не разыскал. Ему просто повезло, что он напал на след Юджин. Если бы «Пост энд курьер» не опубликовала тот снимок, Бобби пришлось бы искать себе другого помощника.

Юджин, несомненно, прокляла тот день, когда добровольно вызвалась помочь в организации и проведении «Уорлдфеста» – десятидневного кинофестиваля, который проходил в Чарлстоне каждый ноябрь. Отчет об этом мероприятии, сопровождавшийся групповым снимком организаторов и благотворителей, и попался на глаза Бобби.

Во время допроса Бобби сказал об этом так:

– Я просто не поверил своим глазам, когда узнал Юджин на фотографии в газете. Мне пришлось дважды прочитать подпись под снимком, прежде чем я сообразил, что она, должно быть, переменяла фамилию. Разыскать ее адрес в телефонной книге не составляло уже никакого труда. Однажды утром я приехал к ее дому и убедился, что доктор Ю. Кэрти и есть крошка Юджин, с которой мы столько лет не виделись!

– До тех пор, пока Бобби не увидел этой статьи, он даже не знал, что его сестра живет в Чарлстоне. Почти двадцать пять лет она скрывалась от него под чужой фамилией!

– И ты веришь, что она была ни в чем не виновата?

– Да, верю!

– Но, Хэммонд, неужели ты собираешься отрицать, что Юджин Кэрти была самой настоящей проституткой? Возможно, вначале Бобби действительно подтолкнул ее на эту дорожку, но вскоре она, что называется, вошла во вкус и...

– Господи, Стефи, послушай, что ты городишь! Ведь ей было всего тринадцать!

– Значит, она была малолетней проституткой, только и

всего.

– Она не была проституткой, Стефи!

– Интересно, как еще можно назвать женщину, которая оказывает сексуальные услуги за деньги? Ведь ты юрист, Хэммонд. Разве это не самое правильное определение проститутки?

– Ну что вы как дети прямо... – Это негромкое, но исполненное сарказма замечание Смайлоу положило конец их яростной пикировке. Некоторое время Хэммонд и Стефи еще мерили друг друга неприязненными взглядами, но молчали, и Смайлоу воспользовался паузой, чтобы подвести некоторые итоги.

– Хватит, Хэммонд, перейдем к делу, – сказал Смайлоу, собирая разбросанные по столу документы в папку и протягивая их Хэммонду. – Здесь достаточно материалов для большого жюри. Оно собирается в следующий четверг.

– Я знаю, когда собирается большое жюри, – огрызнулся Хэммонд. – Но у меня запланировано представление еще нескольких дел. Неужели нельзя подождать до следующего заседания? К чему такая спешка, Смайлоу?

Смайлоу изумленно воззрился на него.

– Подождать?! Но ведь в следующий раз большое жюри соберется только через месяц! – Он с самым саркастическим видом покачал головой. – Или мы со Стефи должны объяснить тебе, насколько это важное и срочное дело?

– Чем важнее дело, тем осторожнее нам следует себя ве-

сти, – возразил Хэммонд. – Хорошо же мы будем выглядеть, если дело Петтаджона развалится еще на стадии представления большому жюри! Ведь совершенно ясно, что вы заключили с Бобби сделку, пообещав ему превратить изнасилование в простое похищение дамской сумочки, за которое можно получить максимум неделю тюрьмы. Да он сейчас небось потешается над вами в своей камере!..

– К чему ты клонишь, Хэммонд?

– Бобби Тримбл мог сам убить Петтиджона и свалить вину на свою сестру.

Смайлоу секунду подумал, потом покачал головой:

– Ничто не указывает на то, что в тот день и час Бобби Тримбл побывал в номере Петтиджона. А вот против Юджин Кэрти у нас есть и улики, и свидетельские показания. Она побывала в комнатах убитого почти в то самое время, когда, по нашим оценкам, он был убит.

– Вот именно – «почти»... С Фрэнком Перкинсом подобные номера не проходят, Смэйлоу. Грубо говоря, он сложит вместе допустимую ошибку экспертизы и возможную ошибку свидетеля, и получится, что если Юджин Кэрти и побывала в номере, то это было сразу после обеда, а вовсе не в пять-шесть часов, как нам хотелось бы доказать. Кроме всего прочего, у тебя по-прежнему нет оружия.

– Если бы у меня было оружие, я бы уже давно отправил ее за решетку, – огрызнулся Смэйлоу. – Кроме того, напomini там большому жюри, что Чарлстон стоит на берегу океана, и

ничто не мешало Юджин Кэрти утопить револьвер в любом месте побережья. Кстати, возможно, именно за этим она и собиралась после убийства отправиться в Хилтон-Хед.

– Я согласна со Смайлоу, – кивнула Стефи. – Мы можем искать оружие до судебного дня, но так и не найти. Да оно тебе и не нужно, – добавила она уверенно.

Хэммонд устало провел рукой по лицу и впервые за все время вспомнил, что так и не побрился сегодня утром.

– Мне придется очень долго объяснять жюри мотивы преступления, – сказал он. – Все это звучит довольно неубедительно...

– Наоборот, – не согласилась Стефи. – Ведь у тебя же есть показания Бобби Тримбла, где он рассказывает о ее прошлом.

– Ты спятила, Стефи! – отозвался Хэммонд. – Все, о чем, о чем он рассказывал, случилось больше двадцати лет назад. Но даже если бы это произошло вчера, Фрэнк ни за что не допустит оглашения этих подробностей во время суда. В-первых, он заявит, что эти факты не имеют непосредственного отношения к делу, и я не вижу причин, по которым судья бы его не поддержал. Присяжные – те и вовсе не станут выслушивать эту чушь. Даже если мне удастся добиться того, что показания Бобби будут заслушаны, это может в конечном итоге обернуться против нас самих. Смайлоу, прищурившись, посмотрел на Хэммонда.

– Или я чего-то не понимаю, – медленно сказал он, – или

ты, Хэммонд, тормозишь это дело намеренно. Почему?

– Нет, Смайлоу, просто я реально смотрю на вещи. И перед большим жюри предстоит отдуваться мне, а не тебе. Возможно, ты гордишься своими высосанными из пальца уликами, но я слишком хорошо знаю, что в суде от них ничего не останется. Перкинс пустит их по ветру – и меня вместе с ними.

– Ты что, испугался? Может быть, Стефи стоит известить об этом Мейсона? Думаю, он быстро найдет тебе замену.

Хэммонд с трудом сдержался, чтобы не послать детектива куда подальше. Смайлоу намеренно провоцировал его, вызывая на скандал, и любой резкий ответ дал бы детективу именно то, чего он добивался.

– Не сомневаюсь, – процедил он сквозь сжатые зубы. – Но у меня есть идея получше – найти замену следователю. Мне кажется, я догадался, почему ты так откровенно пренебрегаешь сбором улик, хотя это является твоей прямой обязанностью. Ты решил поступить проще. Чтобы не утруждать себя, ты просто взял и утаил решающую улику, которая одна способна оправдать Юджин Кэрти. Тебе прекрасно известно, что без нее ей не выкрутиться – вот почему ты так уверен, что ее сочтут виновной. – Он немного помолчал. – Да, Смайлоу, ты мог так поступить! И это, наверное, не в первый раз, верно?

На скулах Смайлоу заиграли желваки, но он пока сдерживался.

– О чем ты говоришь, Хэммонд? Я ничего не понимаю! – воскликнула Стефи.

– Спроси у него. – Хэммонд кивнул в сторону детектива. – Спроси у него о деле Барлоу.

– Слушай, Хэммонд, – прошипел Смайлоу, – если бы ты не был ранен, я бы...

– Пусть это тебя не останавливает.

– Прекратите нести чушь! – нетерпеливо бросила Стефи. – Неужели обязательно выяснять отношения сейчас, когда у нас и без того хватает проблем? – Она повернулась к Хэммонду:

– Что ты имел в виду, когда сказал, что показания Бобби о детских годах мисс Кэрти могут сработать против нас?

Прошло несколько секунд, прежде чем Хэммонд сумел оторвать взгляд от лица Смайлоу и сосредоточиться на вопросе Стефи.

– Что я имел в виду?... – проговорил он. – Ах, да... Пока мисс Кэрти слушала показания Бобби Тримбла, я следил за выражением ее лица. По нему было совершенно отчетливо видно, что она ненавидит и презирает своего сводного брата. Присяжные, несомненно, тоже будут наблюдать за ней и...

– Но, наверное, не так пристально, как ты?

Если бы она ткнула его раскаленной кочергой, Хэммонд не смог бы отреагировать резче. Он подпрыгнул, насколько позволяла ему раненая нога, и заорал:

– Что, черт возьми, это значит, Стефи?!

Она пожала плечами, наблюдая за ним с плохо скрываемым удовольствием.

– Я просто констатировала факт, – ответила она с тем спокойствием, которое показалось Хэммонду поистине нечеловеческим. – Просто сегодня ты глаз не мог оторвать от нашей подозреваемой. Согласна, она довольно смазливенькая, но, зная ее прошлое...

Хэммонд наконец-то взял себя в руки.

– Ты что, ревнуешь? – осведомился он самым едким тоном.

– К кому – к ней?.. Вот уж нет!

– Тогда держи свои дурацкие замечания при себе! – снова вспылил Хэммонд, но тут же спохватился. Элементарная осторожность требовала обратить все в шутку, но он не сдержался и отнесся к словам Стефи слишком серьезно. Теперь, однако, исправить что-либо было уже невозможно, поэтому он поспешил вернуться к теме разговора.

– Так вот, – продолжил он, – этот Бобби Тримбл – настоящая грязная крыса. Насколько я понял из записи допроса, он ухитрился вывести из равновесия даже тебя, Стефи, а это не так-то легко сделать. Словечки, которые он употребляет, все эти «сиськи» и прочее, вкупе с его отношением к женскому полу вообще, могут серьезно настроить против него женщин-присяжных.

– Но можно натаскать его – научить, что нужно говорить и как...

– Разве ты не знаешь, что Фрэнк Перкинс – мастер перекрестного допроса? У него в запасе десятки уловок, которые просто невозможно предусмотреть. Лестью или хитростью он заставит Бобби изложить присяжным свои замешанные на мужском шовинизме теории, и тогда нам конец. Я, во всяком случае, просто не представляю, как мне убедить жюри в том, что доктор Кэрти – а она, несомненно, заручится свидетельствами и рекомендациями самых известных и уважаемых людей – могла иметь что-то общее с таким мерзавцем, как Бобби Тримбл.

Это заставило Стефи задуматься ненадолго. Наконец она сказала:

– О'кей, давай предположим – только предположим, Хэммонд! – что твоя доктор Кэрти чиста, как только что выпавший снег. Тогда почему же она не сообщила властям о том, что затевает ее брат?

– Очень просто! – тут же откликнулся Хэммонд. – Доктор Кэрти хотела спасти свою практику и свою репутацию. Как она сама сказала, она покончила со своим прошлым и не хотела, чтобы оно снова ожило.

– Так я об этом и говорю! – взволнованно воскликнула Стефи. – Ты точно выразил то, о чем я думала! Бобби угрожал сестре разоблачением, и, чтобы отделаться от него, она согласилась взять у Петтиджона деньги, чтобы передать ему. Но когда она поднялась в номер, что-то пошло не так и ей пришлось убить Петтиджона.

Слишком поздно Хэммонд понял, в какую ловушку он сам себя загнал. Стефи была права. Он только что вполне логично доказал, что Юджин могла стрелять в Петтиджона.

– Да, это может сработать... – пробормотал он. – Но ты сама сказала: что-то пошло не так и ей пришлось убить Петтиджона. Что могло пойти не так? Петтиджон был известным бабником, и если адвокат мисс Кэрти заявит, что Лют пытался изнасиловать ее и что она убила его, защищаясь, то... То намеренное убийство превратится в самозащиту, а у нас нет ни одного доказательства ни за, ни против этой версии. В лучшем случае большое жюри вернет дело на доследование, чего я как раз и хотел избежать.

– Не забудь, Петтиджон был убит двумя выстрелами в спину. Экспертиза установила, что выстрелы были сделаны, когда он лежал на полу вниз лицом. Петтиджон физически не мог изнасиловать кого-либо из-за случившегося кровоизлияния в мозг. Кроме того, от нас пока не требуется доказательств того, что она убила его. Нам нужно было только установить, что доктор Кэрти побывала у него в номере, и мы это сделали. Для чего она приходила к Петтиджону, нам тоже известно – мы только что это выяснили. Сама доктор Кэрти так и не предложила нам ни одного сколько-нибудь правдоподобного объяснения своему визиту, поэтому наша версия остается единственной. И, как ты сказал пару минут назад, она может сработать. Даже больше того: я уверена, что опровергнуть ее будет нелегко даже Перкинсу.

Хэммонд машинально кивнул. То обстоятельство, что Юджин не могла или не хотела объяснить цель своей встречи с Петтиджоном, уже давно беспокоило его. Хэммонд каждый раз возвращался к одному и тому же вопросу: если Юджин действительно ни в чем не виновата, зачем она встречалась с Петтиджоном в ту роковую субботу?

Смайлоу сделал шаг к двери.

– Пойду скажу Перкинсу, что большое жури будет заслушивать дело в следующий четверг.

– Почему бы тебе просто не арестовать ее? – спросила Стефи. При мысли о том, что Юджин придется провести в тюрьме хотя бы одну ночь, Хэммонда затошнило, но он не посмел возразить. И без того Стефи уже поглядывала на него если не с подозрением, то по крайней мере с любопытством. К счастью, Смайлоу не согласился со Стефи.

– Нет, – сказал он. – Если я попытаюсь арестовать ее сейчас, Перкинс поднимет шум. Он может потребовать, чтобы мы предъявили ей обвинение перед отправкой в тюрьму предварительного задержания. Кроме того, он все равно добьется освобождения под залог в течение нескольких часов:

– Он, пожалуй, прав, Стефи, – поддакнул Хэммонд, чувствувавший себя так, словно только что получил отсрочку смертного приговора. – Я предпочитаю предъявлять обвинение, имея на руках решение большого жури.

– Поступайте как хотите, – недовольно проворчала Стефи.

– Спасибо за разрешение. – Смайлоу ухмыльнулся и вышел, оставив Стефи и Хэммонда в кабинете одних.

– Ты уверен, что сможешь представить дело большому жюри? – спросила Стефи после небольшой паузы и с сочувствием поглядела на него. – Я знаю, ты стараешься не показывать, как тебе плохо, но боюсь, в ближайшие дни тебе не станет лучше, так что, если хочешь, я могла бы взять эту ответственность на себя.

Внешне эти слова прозвучали как предложение помощи, какую обычно оказывают друг другу коллеги по работе, но у Хэммонда были все основания сомневаться в этом. Хэммонд с самого начала знал, как хотелось Стэфи получить дело Петтиджона в свое производство.

– У меня есть еще почти неделя, чтобы прийти в себя, – ответил ей Хэммонд. – К следующему четвергу я буду в порядке. Стефи пожала плечами:

– Ну что ж, Хэммонд, но если ты передумаешь...

Глава 30

– Что? Снаружи дежурят журналисты? – раздраженно и вместе с тем недоверчиво спросил адвокат.

– Именно так я и сказал, разве нет? – огрызнулся Смайлоу. – Мне казалось, что я должен вас предупредить.

– Кто же допустил утечку информации?

– Этого я не знаю. Перкинс фыркнул.

– Разумеется, вы не знаете, детектив... – И, решительно взяв Юджин за руку, он прошел вместе с ней к лифтам.

– Скорей бы уж наступил четверг, – негромко сказала Стефи, подходя к Смайлоу, который смотрел им вслед.

– Боюсь, все будет не так просто, – вздохнул Смайлоу, и она удивленно посмотрела на него.

– Что-то в твоём голосе не слышно энтузиазма... – проговорила она. – Неужели Хэммонд и тебя заразил своим пессимизмом? А я-то думала, что мы уже приближаемся к развязке.

– В том, что говорит Хэммонд, есть рациональное зерно, – неохотно признал Смайлоу. – Сначала ему нужно убедить большое жюри в том, что в действиях Юджин Кэрти есть состав преступления. Если присяжные все же решат предъявить ей формальное обвинение, нам придется доказывать ее виновность, причем сделать это надо так, чтобы ни у кого не возникло ни малейших сомнений в том, что она – убийца.

У нас же пока на руках нет непровержимых доказательств.

– Но, возможно, до того, как начнется процесс, мы сумеем найти серьезные улики...

– Если они есть, эти улики.

– Должны быть, Рори, – с нажимом сказала Стефи. Смайлоу с любопытством посмотрел на нее.

– Вот как?! А если доктор Кэрти никого не убивала? Теперь уже Стефи впилась в него испытующим взглядом, но Смайлоу сделал вид, что не замечает ее красноречивого взгляда. У лифта Стефи столкнулась с Хэммондом.

– Говорят, там, снаружи, дежурит пресса, – первой заговорила Стефи. – Как думаешь, ты справишься с ними?

– Придется постараться, – ответил Хэммонд, когда кабина лифта остановилась на первом этаже и они увидели сквозь стеклянные входные двери не меньше двух десятков репортеров, которые расположились на крыльце полицейского управления. И Хэммонд отлично справился со своей задачей. По дороге в Северный Чарлстон, где располагалась временная штаб-квартира прокуратуры, Хэммонд и Стефи почти не разговаривали. Как только они вошли в здание, Хэммонд направился в свой кабинет, а Стефи стала подниматься к себе. На площадке третьего этажа она едва не налетела на Монро Мейсона. Прокурор округа был одет в обычный деловой костюм, но на руке у него висел аккуратно сложенный смокинг.

– Сегодня вы что-то рано собрались домой, босс, – улыб-

нулась Стефи, справившись с первоначальной растерянностью.

– Если бы домой! – проворчал Мейсон. – Мы с женой приглашены на очередной благотворительный прием. Впрочем, здесь я все равно не нужен – вы отлично справляетесь и без меня. Насколько мне известно, брат мисс Кэрти сообщил следствию достаточно, чтобы Хэммонд мог выйти с этим делом на большое жюри?

– Да, – согласилась Стефи. – Показания Тримбла все изменили, и теперь у нас есть мотив преступления.

– Вот и отлично! Я готов поставить на вас все свои деньги, даже если мисс Кэрти будет защищать такой искусный адвокат, как Перкинс.

– Спасибо, босс... – ответила Стефи безо всякого энтузиазма. Мейсон внимательно посмотрел на нее.

– А теперь скажи мне, девочка, что тебя тревожит? Может быть, я чего-то не знаю? – добавил он доверительным тоном.

– Да нет, в общем-то, все нормально, – пробормотала Стефи и нахмурилась, припоминая опасения Смайлоу. – Просто Хэммонд считает, что нам необходимо больше улик...

– Нет такого прокурора, который бы не мечтал об этом! – проревел Мейсон. – Увы, застать преступника с поличным удается чрезвычайно редко, гораздо чаще нам приходится создавать нечто буквально из ничего. Но я уверен, что Хэммонд сумеет провести дело через большое жюри, а когда оно попадет в суд – добьется обвинительного приговора.

Стефи улыбнулась, хотя для этого ей пришлось приложить изрядные усилия.

– Я тоже верю в него, – сказала она. – Только бы он не оступился...

– Ну ладно, мне пора, – сказал Мейсон, бросив взгляд на часы. – Прием начинается в пять, а мне еще надо натягивать этот маскарадный костюм. – Он слегка встряхнул висевший у него на руке смокинг. – Миссис Мейсон заставила меня поклясться на Библии, что на этот раз я не опоздаю.

– Приятно вам провести время, шеф. Мейсон укоризненно покачал головой:

– Опять шутишь?

– Так точно, сэр! – Стефи рассмеялась.

Мейсон уже направился к лифту, но вдруг остановился и окликнул Стефи, которая двинулась по коридору:

– Послушай, девочка...

– Да, шеф? – Прежде чем обернуться, Стефи постаралась спрятать торжествующую улыбку, которая играла у нее на губах.

– Что ты имела в виду?

– Когда?

– Когда сказала «только бы он не оступился»? – Ах это! – Стефи рассмеялась. – Это была просто шутка, шеф.

Отпустив лифт, Мейсон снова вернулся к ней.

– По-моему, – сказал он, – ты уже второй раз намекаешь мне, что Хэммонд увлекся мисс Кэрти. Мне это не кажется

подходящим предметом для шуток. Ну-ка, выкладывай все, что тебе известно!

Стефи прикусила губу, притворяясь смущенной.

– Если бы я не знала его лучше... – сказала она, умело разыгрывая нерешительность. – Но ведь я знаю его! Мы все знаем. Хэммонд никогда не допустит такого. Даже если она ему нравится, он сумеет сохранить непредвзятый, объективный подход...

– В таком случае – до завтра. – Мейсон снова повернулся и пошел к лифту.

Стефи поспешила к себе в кабинет. Она не скрывала улыбки: ей удалось заронить в душу Мейсона искру сомнения. Стефи просмотрела сводку поступивших телефонных сообщений. Но звонка, которого она ждала, среди них не оказалось, и, раздраженным жестом придвинув к себе аппарат, Стефи набрала номер.

– Лаборатория, Андерсон у телефона.

– Это Стефи Манделл.

– Слушаю тебя, Стефи...

Джим Андерсон работал в больничной лаборатории. Когда-то давно – просто эксперимента ради – Стефи несколько раз переспала с ним и успела неплохо изучить его характер. Сама она любила точность и быстроту, но Джим оказался совершенно не способен ни к тому, ни к другому, поэтому их короткая интрижка не имела продолжения. Время от времени она, однако, прибегала к его помощи.

– Ты уже провел анализ, о котором я тебя просила? – поинтересовалась Стефи, стараясь, чтобы в ее голосе не прозвучало раздражение, которое она испытывала.

– Я же сказал, что сам позвоню тебе, когда все будет готово.

– Значит, ты его еще не сделал?

– Разве это я тебе позвонил?

Он даже не извинился и не попытался ничего придумать в свое оправдание, и Стефи выругалась про себя, обозвав Джима ленивым болваном.

Не сдержавшись, Стефи повысила голос:

– Загляни-ка побыстрее в свой микроскоп или куда ты там смотришь, и перезвони мне.

– Я сделаю это, как только у меня будет время. Анализов много, а я один.

И Андерсон дал отбой.

– Ленивый сукин сын! – прошипела Стефи, швыряя трубку на рычаги.

Увы, кроме Джима, ей было совершенно не к кому обратиться, а этот анализ крови ей был нужен позарез. Стефи хотела проверить одну свою сумасшедшую догадку, которая за краткое время превратилась почти в уверенность, хотя, кроме интуиции, за ней ничто не стояло. Но Стефи привыкла доверять своей интуиции – она подводила ее крайне редко. Хотя рациональная сторона ее натуры решительно восставала против самой возможности того, что подобное подозре-

ние может оказаться правильным, это ровным счетом ничего не меняло. В глубине души Стефи знала, что между Юджин Кэрти и Хэммондом что-то происходит и это «что-то» имеет под собой сексуальную подоплеку. А может быть, дело даже не только в сексе, а в самом настоящем романтическом увлечении...

Стефи не осмелилась поделиться своей безумной догадкой даже со Смайлоу. Он бы просто не поверил ей. В лучшем случае он мог потребовать доказательств, а как раз их-то у нее и не было. Выглядеть же в его глазах душой или, еще хуже, брошенной душой – покинутой любовницей, которая продолжает ревновать своего бывшего партнера, – Стефи не хотелось.

Впрочем, Стефи тут же подумала о том, что если Смайлоу все же поверит ей, то она может оказаться в еще худшем положении. Он может просто-напросто украсть у нее ее открытие и вместе с ним – всю славу. В отличие от нее у Смайлоу были все возможности провести настоящее, серьезное расследование и добыть такие доказательства совершенного Хэммондом преступления, о каких она не могла и мечтать. Например, он мог приказать тому же Джиму Андерсону хлебать дерьмо, и этот болван только бы спросил, можно ли ему воспользоваться обычной ложкой или лучше принести из дома свою серебряную. Иными словами, сравнительный анализ группы крови Смайлоу получил бы уже через полчаса, в то время как ей приходилось унижаться, упрасывая

Джима сделать работу поскорее.

Нет, Стефи не собиралась отдавать свою возможную победу детективу Смайлоу. Она сама собиралась воспользоваться плодами своей интуиции. Если Хэммонда ждет наказание (а Стефи лелеяла надежду, что за попытку помешать отправлению правосудия его могут даже исключить из ассоциации юристов и лишит всех прав и привилегий), она хотела быть единственным человеком, который разоблачит его. После этого она уже никогда не будет играть вторую скрипку.

Сегодняшнее поведение Хэммонда только укрепило ее подозрения. На каждое слово Тримбла он реагировал как ревнивый любовник, и Стефи было совершенно ясно, что для него Юджин Кэрти была лишь подвергавшейся безжалостной сексуальной эксплуатации жертвой собственного брата. Каждый раз, когда ему предоставлялась такая возможность, Хэммонд бросался на ее защиту, отбивая хлеб у Перкинса, хотя его обязанность заключалась как раз в том, чтобы убедить присяжных в ее виновности.

Возможно, что Хэммонд по-человечески сочувствовал Юджин Кэрти, однако Стефи не очень-то в это верилось. Только одно имело значение: между Хэммондом и обвиняемой существует какая-то связь. В этом Стефи почти не сомневалась.

И если она угадала правильно, Хэммонд будет уничтожен. Когда она вытащит на свет божий его грязный секрет, скандал нанесет непоправимый ущерб репутации Хэммонда

и навсегда перечеркнет его шансы занять кресло окружного прокурора.

И останется одна-единственная кандидатура – ее собственная. Честной, принципиальной и талантливой Стефани Манделл.

* * *

Итак, рассуждал Хэммонд, старший детектив управления полиции Чарлстона собрал кое-какие улики, подтверждающие, что Юджин Кэрти убила Люта Петтиджона. И именно ему, Хэммонду, придется выступать в суде на стороне обвинения и доказывать, что это действительно так. Но разве мог он обвинять в преступлении, караемом смертью, женщину, в которую влюбился? Кроме того, Хэммонд сам был свидетелем по этому делу, хотя об этом никто, кроме них с Юджин, не знал.

Существовало и еще одно, куда более важное, чем первые два, обстоятельство, которое подталкивало Хэммонда к решительным действиям. Жизни Юджин угрожала серьезная опасность. Кто-то узнал, что вчера утром ее дом подвергся обыску, а уже вечером на нее напал вооруженный бандит, который знал Юджин по имени. И это не могло быть простым совпадением. Убийцу, скорее всего, нанял настоящий преступник, который боялся, что Юджин могла что-то видеть, и пытался заставить ее замолчать. Кроме того, неизвестный

злоумышленник, вероятно, рассчитывал, что с ее смертью прекратится и следствие по делу Петтиджона. Но поскольку его попытка провалилась, можно было ожидать еще одного покушения.

Смайлоу и компания сосредоточили на Юджин все свое внимание, предоставив ему самому разыскивать другого подозреваемого.

Хэммонд заперся в своем кабинете, разложив на столе документы, которые передал ему Смайлоу. Он попытался мысленно дистанцироваться от дела и в первую очередь – от собственного интереса, сосредоточившись на одних только фактах.

Кто мог желать смерти Петтиджону – таков был первый вопрос, который он себе задал. Может быть, конкуренты? Партнеры по его темным делишкам, которых он когда-то обошел на повороте?

Очень может быть, но согласно отчету Смайлоу все они были допрошены и у каждого оказалось довольно убедительное алиби. Даже Престон Кросс не был исключением – алиби своего отца Хэммонд проверил особенно тщательно.

А что, если Петтиджона убила все-таки его собственная жена?

Тоже не исключено, но, зная ее, Хэммонд считал, что Дэви не стала бы делать из этого секрета. Это было совсем не в ее характере: скорей бы уж она объявила об этом во всеуслышание да еще заявила, что так этому сукину сыну и надо!

Кто еще мог быть заинтересован в смерти Петтиджона?

Полагаясь на свою способность к логическому мышлению, Хэммонд снова перебрал и рассортировал в уме полученную от Смайлоу информацию, добавив к ней факты, о которых детективу не было ничего известно.

Во-первых, Хэммонд сам встречался с Лютом Петтиджоном незадолго до его смерти.

Во-вторых, на переданной ему Дэви страничке из блокнота Петтиджона были написаны время и дата, из чего следовало, что в субботу он ждал к себе кого-то еще.

В-третьих, Лют Петтиджон был объектом тайного расследования, инициированного генеральным прокурором штата.

Взятые по отдельности, эти три факта ничем не могли ему помочь, но вместе они неожиданно озадачили Хэммонда и заставили задавать себе все новые вопросы, не имевшие к тому же отношения к его желанию доказать невиновность Юджин. Он был обязан задать их, даже если бы не был влюблен в нее, если, конечно, не хотел осудить невиновного, чтобы закрыть дело.

Теперь, имея в виду эти три факта, Хэммонд постарался припомнить все, даже случайные разговоры, которые он вел со Смайлоу, Стефи, с отцом, прокурором Мейсоном и Лореттой. При этом он намеренно вывел Юджин за скобки, как если бы ее вовсе не существовало. Это было необходимо, чтобы в полной мере оценить каждую фразу, слово, интонацию, взгляд.

Совершенно внезапно он вспомнил свою собственную фразу, брошенную им в разговоре со Смайлоу. «Это же самый распространенный калибр полицейского и гражданского оружия! – сказал тогда Хэммонд. – В одном только Чарлстоне сотни и сотни таких револьверов, даже если не считать полицейского склада вещественных доказательств. Там их тоже полным-полно».

Неужели он не ошибся?!

Хэммонд даже подскочил на месте, испытав прилив энергии и желание бороться. Его карьера, его жизнь, душевное спокойствие и самоуважение – все зависело теперь от того, сумеет ли он снять с Юджин бремя вины, восстановить ее репутацию и доказать правильность своего сумасшедшего предположения.

Охваченный нетерпением, Хэммонд бросил взгляд на настенные часы. Было еще относительно рано, и если он поспешит, то, пожалуй, успеет начать свое собственное расследование. Вот только куда оно приведет?

Либо к окончательной гибели, либо к настоящему преступнику. Третьего не дано.

Торопясь, Хэммонд сгреб со стола документы и, затолкав их в кейс, быстро вышел из кабинета.

На улице было настоящее пекло. Казалось, еще немного, и асфальт просто потечет, как масло. Спасти от палящих солнечных лучей можно было только в машине, где стоял мощный японский кондиционер, но едва Хэммонд шагнул

за порог здания, как кто-то окликнул его:

– Хэммонд!

Только один человек мог говорить с ним столь повелительным тоном, и Хэммонд, мысленно застонав, обернулся.

– Привет, па.

– Мне нужно поговорить с тобой. Может, поднимемся к тебе в кабинет?

– Вообще-то, как ты, может быть, заметил, я не входил, а выходил, – ответил Хэммонд. – К тому же я спешу, у меня дела в центре города. В четверг я выхожу на большое жюри с делом Петтиджона, а это значит, что времени у меня мало.

– Именно об этом я и хотел с тобой поговорить.

– О чем? О том, что у меня мало времени?

– Оставь свои дурацкие шутки при себе, сейчас для них не время и не место. Я хотел поговорить с тобой о деле Петтиджона. – С этими словами Простой Кросс решительно подтолкнул Хэммонда к дверям. – Что у тебя с рукой?

– Долго объяснять, – нетерпеливо отозвался Хэммонд. – Ну, в чем дело? Что такого важного ты собрался мне сообщить, что это не может подождать до вечера?

– Буквально полчаса назад Монро Мейсон позвонил мне по сотовому от своего массажиста. Знаешь, сынок, он очень обеспокоен.

– Чем именно?

– Я боюсь даже подумать о том, каковы могут быть последствия, если то, что сказал Монро, – правда.

– И что такого ужасного он тебе сказал? Что у его жены будет ребенок и он решил передать должность по наследству?

– Он сказал, что ты стал относиться к этой Кэрти не так, как должен прокурор.

К этой Кэрти... Престон Кросс всегда использовал общее местоимение без добавления уважительного «миссис» или «мистер», когда хотел подчеркнуть свое пренебрежительное отношение к кому-либо.

– Знаешь, – сказал Хэммонд, – мне начинает действовать на нервы, что каждый раз, когда у Мейсона появляются ко мне какие-то вопросы, он звонит тебе. Думаю, если бы он обратился прямо ко мне, я сумел бы ему все объяснить.

– Монро позвонил мне, потому что мы с ним – старые друзья. И когда он видит, что мой сын вот-вот испортит себе карьеру, естественно, он хочет предупредить меня... потому что он меня уважает и верит, что я могу на тебя повлиять. По-моему, Монро и в этот раз хотел, чтобы я вмешался и предостерег тебя от неверных шагов.

– И ты, конечно, не упустил возможности сунуть нос в мои дела, – насмешливо перебил Хэммонд.

От гнева Простой покраснел до корней своих седых волос.

– Ты чертовски прав, Хэммонд. Я всегда рад возможности вмешаться и помочь тебе, поскольку ты, к сожалению, так и не научился соображать как следует. Единственное, о чем я жалею, – это о том, что ты уже слишком большой и тебя нельзя оттащить за вихры!

Престон довольно редко выходил из себя, считая открытое проявление всякого рода сильных эмоций прерогативой женщин. И сейчас он тоже сумел взять себя в руки.

– Что ж, попробуй убедить меня, что Монро напрасно волнуется.

– Сначала скажи, с чего он взял, что я отношусь к Юджин Кэрти как-то не так.

– Ну, во-первых, ему давно кажется, что ты относишься к этому расследованию без должного рвения.

– Я бы так не сказал. Я работал над этим делом даже больше, чем обычно. Хотя должен признаться, что и осторожничал я больше, чем всегда, поскольку дело Петтиджона – слишком громкое и любая моя ошибка могла дорого обойтись всем, кто в нем замешан.

– Ты был настолько осторожен, что до последнего тянул с предъявлением обвинения этой Кэрти.

– Это ты так считаешь.

– Не только я, но и Монро Мейсон.

– Тогда пусть он и читает мне нотации. Он, а не ты!

– Послушай, сын, с самого начала этого расследования ты был сам на себя не похож. И мы оба – и я, и твой наставник – хотели бы узнать почему. Может быть, эта смазливая девушка, которую Смайлоу подозревает в убийстве, заставила тебя раскиснуть? Уж не втрескался ли ты в нее часом, а?

Хэммонд продолжал молча смотреть на отца, и Престон снова побагровел.

– Господи, Хэммонд! Да что с тобой?! Я тебя просто не узнаю.

Ты что, спятил?

– Нет.

– Бог мой, из-за какой-то юбки! Неужели ты действительно готов пожертвовать своей карьерой ради удовольствия трахаться именно с этой бабой, когда кругом полно других, в тысячу раз лучше?

– Карьерой? – переспросил Хэммонд. – Если ты имеешь в виду должность окружного прокурора, то, сдается мне, ты мечтал о ней едва ли не больше, чем я.

– Не говори глупости, Хэммонд! Я просто не понимаю, как ты можешь вести себя так безответственно, так...

– Безответственно?! – Хэммонд рассмеялся. – Кто бы говорил, отец! Ты-то сам как себя ведешь? И какую меркой ты меня меряешь? Может быть, ты хочешь, чтобы я взял за образец тебя? Что ж, мне действительно порой кажется, что я веду себя почти как ты, хотя сжигать кресты и рядиться в белые балахоны я бы, наверное, все же не стал.

Престон Кросс быстро и как будто даже испуганно заморгал, и Хэммонд понял, что стрела попала в цель.

– Ты вступил в ку-клукс-клан, отец?

– Что ты городишь?! Конечно, нет!

– Но ведь ты знал об этом, не так ли? Ты отлично знал обо всем, что происходило на острове Спаркл. Больше того, ты одобрял это!

– Я же сказал тебе, что расстался с этой компанией, и...

– Не до конца. Лют – вот кто действительно вышел из состава учредителей, потому что его убили. Призвать его к ответу может теперь только господь бог, но ты – другое дело. Ты все еще в опасности, папа... – Хэммонд покачал головой. – Ты стареешь и становишься беспечным. Я своими глазами видел твою подпись на документах, из которых следует, что именно ты был крупнейшим акционером. И теперь, когда Люта больше нет в живых, именно тебе придется отвечать за все, что натворили на острове нанятые вами хулиганы.

– Я чист как стеклышко, Хэммонд! Я продал свой пай и возместил ущерб.

Это был знаменитый отцовский финт с отвлекающим ударом и нокаутирующим апперкотом, и Хэммонд, как всегда, оказался застигнут им врасплох.

– Вот как? – только и сказал он.

– Да, – кивнул Престон. – Как раз вчера я съездил на остров Спаркл и встретился с теми, кто пострадал от наемников Люта. Я рассказал им, в каком я был ужасе, когда узнал, что происходит в поселке на самом деле. Каждой семье я вручил чек на тысячу долларов в возмещение понесенного материального ущерба и присовокупил к этому скромному дару самые искренние и глубокие извинения. Кроме того, я пожертвовал значительную сумму наличными на ремонт их методистской молельни и учредил несколько стипендий для луч-

ших учеников школы. – Глядя в лицо Хэммонду, Престон сочувственно улыбнулся. – Как думаешь, сынок, можно ли завести на меня дело после того, как я продемонстрировал столь глубокое раскаяние и желание исправить зло, которое было причинено этим славным людям только потому, что в свое время я не дал себе труда вникнуть во все детали проекта Петтиджона? Впрочем, интереса ради можешь попытаться отправить меня за решетку, но, уверяю тебя, вряд ли это получится!

От этих слов Хэммонда замутило, но жара и боль от ран были ни при чем.

– Ты откупился от них! – воскликнул он. Престон самодовольно улыбнулся.

– Да, откупился деньгами, полученными от продажи моего пая. И, уверяю тебя, мне тоже кое-что осталось.

Хэммонд не помнил, когда в последний раз ему так сильно хотелось ударить кого-то, как сейчас ему хотелось ударить отца. Ему хотелось кулаками стереть с лица Престона эту наглую ухмылку, но он поборол себя. Наклонившись к нему, Хэммонд холодно сказал:

– Не спеши радоваться, отец. Ты, быть может, думаешь, что расплатился за все, что сделал этим людям, но ты ошибаешься. Ты еще даже не начал расплачиваться по-настоящему, и, уверяю тебя, одними деньгами ты не отделаешься, хотя бы ты отдал их все. Ты – испорченный, порочный, безнравственный человек, воплощение коррупции, так что не

тебе читать мне лекции о том, как себя вести. Что касается того, что тебя, дескать, нельзя отправить в тюрьму, то и на этот счет ты заблуждаешься. Я, во всяком случае, очень постараюсь это сделать...

Сказав это, Хэммонд повернулся и быстро зашагал к стоянке служебных машин, но Престон нагнал его и схватил за рукав.

– Я буду очень рад, Хэммонд, если история с мисс Кэрти выплывет наружу! – злобно прошипел он. – Надеюсь, кто-нибудь заснял вас в постели: если бы подобные фотографии появились в газетах, это послужило бы тебе хорошим уроком. Меня лично уже давно тошнит от твоих бойскаутских взглядов и поступков – так могут поступать только зеленые юнцы, но не взрослые мужчины! – Он развернул Хэммонда к себе и ткнул ему в грудь пальцем. – На самом деле, сын, ты такой же испорченный и безнравственный человек, как я, как все люди... Просто до сегодняшнего дня ты еще никогда не сталкивался с серьезными соблазнами. Что же заставило тебя свернуть с прямой дорожки? Деньги или власть? Нет... – Престон хихикнул. – Это была обыкновенная юбка – вернее, то, что под ней. В этом-то и заключается твой позор! Ты мог бы по крайней мере продаться подороже!

Еще несколько секунд двое мужчин мрачно смотрели друг на друга, не скрывая враждебности, которая годами тлела под покровом семейных отношений – отношений между властным диктатором-отцом и образцовым сыном, – и толь-

ко сейчас вспыхнула горячо и ярко. Хэммонд всегда догадывался, что никакие слова не в состоянии поколебать отцовскую волю или пробить брешь в самоуверенности, которой он оделся, как броней. Но сейчас он неожиданно осознал, что ему на самом деле наплевать. Зачем защищать себя и Юджин перед человеком, которого он не уважал? Ведь Хэммонд уже давно понял, что представляет собой его отец, – понял и перестал испытывать к нему что-либо, кроме безразличной неприязни. Мнение Престона о нем и о чем бы то ни было больше не имело для Хэммонда значения, поскольку за его оценками уже не стояло ни чести, ни элементарной порядочности.

Поэтому, не сказав больше ни слова, Хэммонд повернулся к отцу спиной и пошел к своей машине.

* * *

Смайлоу пришлось ждать не менее получаса, прежде чем Смитти освободился и усадил его к себе на стул.

– Глянец-то еще держится, мистер Смайлоу, – сказал чистильщик.

– Тогда просто смахни пыль и пройдишься бархоточкой. Смитти вооружился мягкой щеткой и, склонившись над башмаком Смайлоу, попытался завести разговор о недавнем поражении «Атлантических храбрецов», но Смайлоу перебил его:

– Скажи-ка, Смитти, ты случайно не видел здесь эту женщину в тот день, когда застрелили Петтиджона? – И он протянул старику фотографию Юджин Кэрти.

Тот бросил на нее быстрый взгляд.

– Да, сэр, видел. И вчера по телевизору – тоже. Это ведь та самая женщина, которая его убила, верно?

– Большое жюри будет решать вопрос о предъявлении обвинения в следующий четверг. Надеюсь, нам удалось собрать достаточно убедительных улик. – Смайлоу неожиданно вздохнул. – Скажи, когда ты видел ее, она была одна?

– Да, сэр.

– А этого человека ты видел? – Детектив показал Смитти фотографию Бобби Тримбла.

– Только по телевизору, сэр. По-моему, в той передаче показывали именно этот снимок.

– Верно. – Смайлоу снова вздохнул. – А здесь, в отеле, ты его ни разу не видел?

– Нет. Вы же знаете, мистер Смайлоу, у меня хорошая память на лица. Если я когда-то увижу человека, я уже никогда его не забуду.

Детектив рассеянно кивнул и убрал оба снимка в нагрудный карман.

– Скажи, как выглядела доктор Кэрти, когда ты видел ее здесь? Была ли она сердита, взволнована, напугана?

– Я бы не сказал, сэр, хотя я не особенно к ней приглядывался. Я обратил на нее внимание, потому что у нее были

красивые, густые волосы. Я, правда, уже старик, но мне до сих пор нравится смотреть на красивых женщин.

Смайлоу усмехнулся.

– И много красоток ты видишь каждый день?

– Много. Впрочем, некрасивых больше... – Смитти тоже усмехнулся. – Впрочем, эта девчонка не была похожа на обычную туристку. Она сразу прошла к лифтам и поднялась наверх. Скоро она спустилась и минут десять сидела в баре – вон в том, видите? – Смитти показал направление щеткой. – А потом я увидел, что она снова идет к лифтам...

– Постой, постой... – перебил Смайлоу. – Ты хочешь сказать, что она поднималась наверх дважды?

– Сдается мне, что так оно и было, сэр.

– И как долго она оставалась наверху в первый раз?

– Совсем недолго, сэр. Минут пять, может быть – семь.

– А во второй?

– Не могу сказать сэр. Дело в том, что я не видел, как она спустилась.

Смитти в последний раз прошелся по ботинкам бархоткой и выпрямился, любуясь своей работой. Смайлоу встал со стула и расставил руки в стороны, чтобы Смитти было удобнее почистить ему пиджак.

– Скажи, ты кому-нибудь говорил, что в тот день я заходил к тебе почистить ботинки?

– Нет, сэр, мистер Смайлоу. Меня никто не спрашивал.

– Тогда пусть это останется между нами, договорились? –

Смайлоу сунул руку в карман и вручил Смитти вместе с платой солидные чаевые.

– Конечно, мистер Смайлоу. Конечно, я никому не скажу, если вы так хотите. Жаль, я не сумел вам помочь.

– В чем?

– Ну, я ведь не заметил, как эта леди спустилась вниз во второй раз.

– Ты, наверное, был очень занят. Чистильщик улыбнулся.

– Это верно. В прошлую субботу здесь было народу больше, чем в часы пик на вокзале Гран-Сентраль. Приезжие входили, выходили, снова входили, и все хотели чистить башмаки только у старика Смитти. – Он с довольным видом потер лысину. – Странно, что вы трое были здесь в один и тот же день.

– Кто это – мы? – удивился Смайлоу.

– Ну, вы, леди-доктор и это чудо в перьях из прокуратуры.

– Какое чудо в перьях? – В мозгу Смайлоу что-то явственно щелкнуло, словно сработал стальной капкан.

– Вы наверняка сами знаете, сэр. Я видел эту цацу в той же передаче, что и доктора Кэрти. Кажется, это кто-то из заместителей окружного прокурора.

Глава 31

Хэммонд устроил засаду в небольшом холле, откуда просматривался весь коридор. Харви Дубб вышел из своего рабочего кабинета ровно в пять. Он аккуратно запер дверь, повернулся и... оказался нос к носу с Хэммондом, который бесшумно подкрался к нему сзади.

– Привет, Харви, – сказал он.

– О, мистер Кросс! – воскликнул Харви Дубб и, слегка попятившись, уперся спиной в только что запертую им дверь. – Что вы тут делаете?

– Думаю, ты уже догадался.

Кадык на тощей шее Харви судорожно дернулся.

– Не имею ни малейшего представления.

– И все-таки, мне кажется, ты понимаешь. Ты солгал Лоретте... Так ведь?

Глаза Харви виновато забегали из стороны в сторону, однако он все еще пытался разыгрывать оскорбленную невинность:

– Понятия не имею, о чем вы говорите!

– Я говорю о том, что за компьютерные преступления дают от пяти до десяти лет, в зависимости от причиненного ущерба.

У Хэммонда не было ни одного конкретного факта, но он старался держаться и говорить как можно увереннее, и это

произвело на Харви должное впечатление.

– Что-о?! – Его и без того длинное лицо испуганно вытянулось.

– Что слышал, Харви. И мне не составит труда привлечь тебя к ответственности по нескольким известным мне эпизодам, если, конечно, ты не согласишься... гм-м... помочь. Итак, для начала скажи мне, кто просил тебя собрать информацию о мисс Юджин Кэрти?

– О ком?

Взгляд, который Хэммонд бросил на Харви, буквально пригвоздил последнего к тонкой двери его кабинетика.

– Не хочешь говорить – не надо. Я бы на твоём месте уже сегодня связался с лучшим адвокатом по компьютерным преступлениям. Хочешь, дам тебе адресок?

– Лоретта просила! – выпалил Харви.

– Кто ещё?

– Никто.

– Харви, дружище, ты хорошо подумал?

– Никто-о! – взвыл компьютерный гений.

– Хорошо, допустим, – неожиданно согласился Хэммонд, и Харви быстро облизал пересохшие губы. Но вздох облегчения застрял у него в горле, когда Хэммонд внезапно спросил:

– А что насчет Петтиджона?

– Я не знаю...

– Расскажи мне, что знаешь, и тебе ничего не будет.

– Я всегда старался помогать вам, мистер Кросс, – сказал Харви плаксивым голосом. – Но сейчас я, честное слово, не знаю, на что вы намекаете!

– Я намекаю на архивы самого Петтиджона, – терпеливо объяснил Хэммонд. – Для кого ты собирал информацию о нем? Договоры, партнерские соглашения, списки акционеров, бухгалтерские ведомости, документы о собственности на землю и недвижимость, взаимные платежи и все такое...

– Для вас, – пискнул Харви.

– У меня была возможность узнать все это официальным путем, и я ею воспользовался. Сейчас меня интересует, кто просил тебя собрать эти сведения частным образом. Для кого ты забрался в компьютерную сеть Петтиджона?

– С чего вы решили, что...

Хэммонд шагнул вперед и сказал тихим, зловещим голосом:

– Любой, кому могли понадобиться эти сведения, должен был обратиться в первую очередь к тебе, и я хочу, чтобы ты назвал мне имя. И не пудри мне мозги и не прикидывайся невинной овечкой, иначе я рассержусь. Таким парням, как ты, в тюрьме обычно бывает очень и очень несладко... – Он сделал небольшую паузу, чтобы угроза дошла до сознания Харви. – Итак, кто это был?

– Д-два разных человека. Они обратились ко мне в разное время и...

– Как давно это было? Недавно? Отвечай же! Харви кив-

нул с такой поспешностью, что Хэммонд услышал, как лязгнули его зубы.

– Недавно, сэра. Месяца два тому...

– Кто это был?

– Детектив Смайлоу.

– Так, отлично. Кто еще?

– Вы должны знать, мистер Кросс. Она сказала, что действует от вашего имени.

* * *

Лоретта Бут ни дня не могла прожить без новостей, и сегодняшней вечер не стал для нее исключением. Удобно устроившись перед включенным телевизором, она то и дело переключалась с канала на канал, сравнивая, как разные телевизионные станции освещают историю Юджин Кэрти.

Увидев на экране Хэммонда с рукой на перевязи, Лоретта не на шутку встревожилась. Что с ним случилось и когда? Ведь она виделась с ним только вчера вечером, и он был в полном порядке.

Когда вечерний выпуск новостей уже заканчивался, в комнату вошла Бев. Она собиралась идти на работу и была уже одета.

– Сегодня на обед я приготовила спагетти. Соус в маленькой кастрюльке, а в миске – салат.

– Спасибо, милая. Я пока не хочу есть, может быть, пере-

кушу позже.

Бев кивнула и повернулась, чтобы уйти, но вдруг задержалась на пороге.

– Как ты себя чувствуешь, мам?

Лоретта на минуту оторвалась от телевизора и, посмотрев на дочь, увидела в ее глазах настороженность и беспокойство.

– Я в порядке. – Лоретта ободряюще улыбнулась дочери. – То дело, над которым я работала... В следующий четверг его будет разбирать большое жюри.

– Это... благодаря тебе?

– Отчасти.

– Что ж, это отлично! Значит, ты все еще в форме! Ну пока, мам. Увидимся утром.

Бев ушла, а Лоретта еще некоторое время смотрела игровое шоу. Наконец она встала и, продолжая поглядывать на экран, прошла по комнате из угла в угол, пытаясь справиться с внезапным приступом беспокойства.

Отчего-то ей вдруг стало не по себе в квартире, которая, хотя и не была особенно просторной, еще вчера казалась достаточно большой. Несколько минут Лоретта раздумывала о том, чтобы выйти в город, но вскоре отказалась от этой мысли. Ее друзья были такими же алкоголиками, как и она сама, а места, куда могли занести ее непослушные ноги, были полны соблазнов. Одной рюмки могло оказаться достаточно, чтобы положить конец всему, чего Лоретта достигла за по-

следнее время.

Ей было искренне жаль, что сотрудничество с Хэммондом завершилось так быстро. И дело было не только в деньгах, хотя они и не были лишними. Лоретте нужно было работать – делать то, что она знала и умела. Когда голова ее была занята, она забывала о своем пристрастии.

И вдруг Лоретте пришло в голову, что ведь Хэммонд не требовал от нее прекратить расследование. Это была хорошая мысль, и Лоретта с жадностью ухватилась за нее. В самом деле, когда она передала ему информацию о Юджин Кэрти, Хэммонд только и успел сказать, что должен сначала как следует все обдумать, после чего вылетел из забегаловки, словно кот, которому подожгли хвост. Очевидно, добытые ею сведения оказались весьма ценными, и Хэммонду не терпелось начать действовать. Правда, Лоретта не ожидала, что вопрос о предъявлении обвинения решится так скоро, но это вовсе не означало, что дополнительные улики ему не понадобятся. Насколько Лоретте было известно, в работе прокурора просто не существовало таких вещей, как лишние доказательства. Следовательно, она может попытаться продолжить расследование самостоятельно и, если Хэммонд снова обратится к ней, будет готова предложить ему то, о чем он только собирался попросить.

Оставалось только решить, с чего начать.

Сначала Лоретта хотела снова связаться с Харви и попытаться вытрясти из него то, о чем он умолчал. Правда, Хэм-

монд, похоже, не обратил никакого внимания на ее слова о том, что Харви обманул ее, утверждая, будто она была единственной, кто просил его собрать сведения о докторе Кэрти, но это ничего не значило. Ведь попытаться-то она может?

Она уже готова была снять телефонную трубку и назначить Харви встречу, но вспомнила сегодняшнее телеинтервью Хэммонда. В нем он сказал, что появление Бобби Тримбла стало поворотным пунктом в расследовании дела. «У нас имеются его показания, – решительно заявил Хэммонд, – которые дают основания предположить, что большое жюри предъявит доктору Кэрти официальное обвинение». Напротив, адвокат обвиняемой, с которым, кстати сказать, Лоретте никогда не приходилось сталкиваться лично, заявил, что обвинение, выдвинутое против его клиентки, может стать самой большой и самой скандальной ошибкой, совершенной когда-либо чарлстонским управлением полиции и специальным помощником окружного прокурора Кроссом. Он выразил уверенность, что, когда он обнародует все известные ему факты, доктор Кэрти будет оправдана, а полиции к тому же придется принести ей публичные извинения. Кроме того, адвокат был готов подать встречный иск о диффамации своей клиентки.

«Адвокатские штучки!..» – с неодобрением подумала Лоретта, не без оснований считавшая, что неплохо разбирается в приемах, к которым прибегают защитники. Голос, которым Фрэнк Перкинс сделал свое заявление, звучал совершенно

бесстрастно, и Лоретта решила, что либо этот парень – прирожденный оратор, либо он действительно убежден в невиновности своей подзащитной. Если последнее верно, подумала она с некоторой тревогой, тогда Хэммонд, возможно, где-то ошибся.

Но это означало, что Кросс сядет в лужу, а Лоретта прекрасно понимала, что дело Петтиджона имеет для него колоссальное значение. Очень может быть, что другого такого дела у него никогда больше не будет.

«Чем я могу ему помочь?» – задумалась Лоретта.

Она смутно помнила вскользь оброненную Хэммондом фразу о том, что представленное Юджин Кэрти алиби представляется ему довольно сомнительным. Что-то там было такое, что он никак не мог проверить и...

Минут на пять Лоретта застыла перед телевизором. Потом ее осенило.

Ярмарка в Бьюфорде!

Вскочив с дивана, Лоретта поспешила на кухню, где лежали старые газеты. Бев выбрасывала их, только когда у нее накапливалась порядочная стопка (ради которой стоило дойти до угла соседней улицы, где стоял бак для бумажных отходов), и Лоретта была уверена, что сумеет найти субботний номер «Чарлстон пост энд курьер».

Раскрыв газету на страницах, посвященных досугу, она быстро просмотрела их и сразу нашла то, что искала. В газете сообщалось о месте проведения ярмарки, часах работы,

входной плате и был помещен полный перечень работающих аттракционов. Но больше всего Лоретту заинтересовало сообщение, набранное жирным шрифтом: «Ярмарка работает каждый четверг, пятницу и субботу с 1 августа до 1 сентября».

Через несколько минут Лоретта уже ехала в Бьюфорд в старенькой «Хонде», взятой ею напрокат на следующий же день после того, как Хэммонд поручил ей сбор информации о Юджин Кэрти. Что она будет делать, когда окажется на месте, Лоретта пока не знала – во всяком случае, никакого определенного плана у нее не было. «Там видно будет», – рассудила она в конце концов, ибо давно привыкла полагаться на свою интуицию.

Гораздо приятнее Лоретте было думать о том, что будет, если ей повезет и она сумеет найти доказательства, опровергающие алиби Юджин Кэрти. Она была уверена, что в этом случае Хэммонд будет благодарен ей по гроб жизни. Но даже если она наткнется на свидетелей, которые подтвердят алиби этой дамочки, тогда по крайней мере Хэммонд будет предупрежден и ему не придется краснеть в суде.

Словом, как ни крути, он окажется ее должником, а сейчас Лоретте больше всего хотелось отплатить Хэммонду за добро, которое он для нее сделал. Она даже позволила себе помечтать о том, в каких огромных формах может быть выражена его благодарность. Может статься, убедившись, что Лоретта не растеряла ни своего чутья, ни оперативных на-

выков, он даже возьмет ее на работу в прокуратуру, и тогда она утрет нос Смайлоу.

Впрочем, она надеялась, что в любом случае Хэммонд будет ей благодарен.

* * *

– Сержант Бассет?

Полицейский за конторкой отложил газету. Увидев Хэммонда, он вскочил.

– Здравствуйте, прокурор. Распечатка, которую вы просили, готова.

Склад вещественных доказательств управления полиции Чарлстона был вотчиной сержанта Гленна Бассета, который был полномочным хозяином этого лабиринта запыленных стеллажей, несгораемых шкафов и штабелей картонных ящиков, где хранились самые разные вещи – от ножей с засохшими пятнами крови до компьютерных дискет с банковскими шифрами.

Прежде чем явиться в управление, Хэммонд лично позвонил сержанту и попросил об одолжении, которое Бассет был рад исполнить. Теперь, протягивая Хэммонду компьютерную распечатку, он улыбнулся и сказал:

– Возьмите это, сэр. Правда, вы дали мне не так уж много времени, но работа оказалась совсем пустяковой. Мне надо было только свести все сведения о выдачах вещдоков в один

файл и распечатать. Здесь информация за последние четыре недели, но, если хотите, я могу проверить данные и за прошлый месяц.

– Спасибо, пока не надо, – ответил Хэммонд, просматривая список сотрудников полиции, которые получали что-либо со склада вещественных доказательств. Он надеялся, что сразу Наткнется на знакомое имя, но, не найдя того, что искал, разочарованно вздохнул и убрал бумаги в кейс.

– У вас найдется для меня минутка времени, сержант? – спросил он.

Сообразив, что Хэммонд хочет поговорить с ним один на один, Бассет обратился к девушке, работавшей за соседним столом:

– Эй, Ди, мне надо отлучиться ненадолго. Присмотри тут, ладно?

– О'кей, – откликнулась Ди, не отрывая взгляда от экрана компьютера. – Это будет стоить тебе одну булочку.

– Договорились. – Сержант указал Хэммонду на дверь небольшой комнаты, где сотрудники оставляли верхнюю одежду и пили в перерыв чай и кофе.

– Кстати, сэр, не хотите кофе с пирожным? Моя жена испекла чудесные берлинские пирожные с глазурью, – предложил Бассет, доставая из своего шкафа внушительных размеров термос. Насколько было известно Хэммонду, сержант не признавал кофе из автоматов; что касалось выпечки, то его жена снабжала сладкими булочками половину управления.

– Нет, спасибо, – отказался он, и Бассет налил кофе себе.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить, сэр?

– Я хотел задать вам один весьма деликатный вопрос,

Гленн, – начал Хэммонд. – Поверьте, мне очень не хотелось бы этого делать, но я вынужден...

– Какой вопрос? – насторожился Бассет.

– Скажите, возможно ли, чтобы офицер полиции... гм-м... позаимствовал что-либо со склада вещественных доказательств без вашего ведома? Хотя бы чисто теоретически.

– Нет, сэр.

– То есть вы утверждаете, что это невозможно?

– Я очень аккуратно веду записи, мистер Кросс. И ни для кого не делаю никаких исключений.

– Что ж, я так и думал... – пробормотал Хэммонд, снова просматривая распечатку, которую перед этим извлек из кейса.

– А в чем, собственно, дело? – взволнованно поинтересовался Бассет.

– Видите ли, сержант, мне не дает покоя оружие, из которого застрелили Петтиджона.

– Да-да, я помню, – кивнул Бассет. – Револьвер калибра 38 мм. Его ведь убили выстрелом в спину?

– Двумя выстрелами, – уточнил Хэммонд.

– У нас на складе сотни полторы стволов, в которых используются патроны этого калибра.

– Это я и имел в виду.

– Послушайте, мистер Кросс, я дорожу своим местом и регистрирую движение вещественных доказательств самым аккуратным образом. Вы можете проверить: моя работа никогда не вызывала никаких...

– Я знаю, сержант, знаю, – поспешил успокоить его Хэммонд. – И я вовсе не подозреваю вас ни в небрежности, ни в злом умысле, просто мне хотелось исключить все возможности. Понимаете, что я имею в виду? К примеру, простой сотрудник подразделения охраны ядерного арсенала может знать такие способы украсть атомную бомбу, о которых неизвестно самому высокому начальнику, но это вовсе не означает, что он каждую пятницу приносит домой по боеголовке. – Хэммонд несколько искусственно рассмеялся. – Вот почему я сразу предупредил, что мне неловко спрашивать вас об этом, но и вы должны меня понять. Я не обвиняю лично вас, я спросил, есть ли теоретическая возможность...

– Такой возможности нет, – почти сердито перебил Бассет, отодвигая в сторону кофе, к которому он так и не приоткрылся. – Я один здесь за все отвечаю, и у меня нет даже заместителя, который мог бы распоряжаться важными вещдоками в мое отсутствие.

– Понятно, понятно, значит, вещественные доказательства выдаете вы...

– Только я, – подтвердил Бассет. – Это делается по запросу. Правда, – добавил он, слегка нахмурившись, – чисто теоретически полицейский детектив или следователь может по-

лучить что-либо под выдуманнным предлогом, но даже в этом случае он должен расписаться в журнале выдачи.

– Хорошо. Огромное вам спасибо, сержант.

С этим Хэммонд и покинул полицейское управление. Компьютерную распечатку, приготовленную сержантом, он забрал с собой, хотя никакой пользы она ему не принесла и вряд ли могла принести в будущем. Единственным успехом, которого Хэммонд добился, было признание Харви Дубба, сообщившего, что сведения о Петтиджоне он собирал для Стефи и для Смайлоу. Но в этом-то как раз не было ничего удивительного. Харви только подтвердил то, о чем Хэммонд догадался сам.

Вот только что это доказывало? Пожалуй, только то, что Стефи и Смайлоу были не меньше его заинтересованы в том, чтобы Лют Петтиджон в конце концов получил по заслугам.

«Стоп, – остановил себя Хэммонд, – так дело не пойдет». Ему так сильно хотелось, чтобы Юджин оказалась невиновна, что он был готов подозревать в убийстве своих коллег, которые, если уж говорить начистоту, сделали для торжества правосудия куда больше, чем он. По крайней мере – в данном конкретном случае. Итак, если он хочет чего-то добиться, ему необходимо успокоиться и начать действовать спокойно и методично...

Но как раз на это у него совсем не оставалось времени.

Вернувшись домой, Хэммонд бросил пиджак на стул и, устроившись на диване в гостиной, включил телевизор. Он

попал на выпуск новостей и со сладострастием мазохиста принялся слушать, как молодая дикторша с изумрудно-зелеными контактными линзами рассказывает о главной теме дня – интервью прокурора Кросса, расследующего убийство «известного предпринимателя» Люта Петтиджона. Ее повествование то и дело прерывалось кадрами видеозаписи, и Хэммонд увидел на экране себя.

Собственная внешность произвела на Хэммонда гнетущее впечатление. Рука на перевязи (слава богу, под пиджаком не видно было бинтов), восковая, как у покойника, кожа, запавшие глаза, отросшая темная щетина и суетливые, как у курицы, движения наводили на мысль о том, что накануне прокурор Кросс устроил где-то пьяный дебош. Впрочем, само интервью оказалось на удивление пристойным. Ловко уклонившись от вопроса о том, что у него с рукой (Хэммонд помнил, что хотел отшутиться, сказав, что пострадал в схватке с дюжиной бандитов, и лишь в последний момент сдержался), он поблагодарил управление полиции Чарлстона за профессионально и быстро проведенное расследование и выразил уверенность в том, что, имея на руках показания Бобби Тримбла, сумеет доказать виновность человека, который в настоящее время подозревается в совершении этого преступления.

При этих словах Стефи, стоявшая чуть позади него, улыбнулась и кивнула в знак согласия, и Хэммонд машинально отметил, что на экране она выглядит куда лучше, чем он. Ее

темные глаза сверкали, щеки слегка разругались, а лицо дышало энергией и решимостью.

Смайлоу тоже попал в объективы видеокамер, однако – в отличие от той же Стефи – держался скованно. Отвечая на вопросы корреспондентов, он старался отделяться фразами вроде «Я сообщу это только суду» или «Я пока не уполномочен об этом говорить», проявив себя еще большим дипломатом, чем Хэммонд.

Запечатлели камеры и Фрэнка Перкинса, который с непроницаемым лицом вел Юджин к автомобилю. Смотреть на нее Хэммонду было тяжелее всего, поскольку он хорошо представлял себе, что она должна была испытывать в эти минуты.

В телевизионном сюжете Юджин описали как тридцатипятилетнюю незамужнюю женщину, преуспевающего врача-психотерапевта, авторитетного специалиста в области психологии. Корреспондент упомянул также о ее активном участии в общественной и благотворительной деятельности – в частности, о том, что она пожертвовала крупные суммы нескольким приютам для сирот. Соседи и коллеги, которых журналисты успели опросить, в один голос заявляли, что «испытывают шок», что «этого не может быть», однако это, к сожалению, не могло отменить того факта, что Юджин оказалась в роли подозреваемой в совершении самого громкого за последние два десятка лет преступления.

Когда дикторша заговорила о других новостях дня, Хэм-

монд выключил телевизор и отправился на кухню приготовить себе ужин.

Но голова его гудела от тревожных мыслей. К тем, что мучили его после рассказа Юджин и ее братца, добавились и мрачные предчувствия после разговора с отцом. Как бы он ни противился этому, но приходилось признать, что во многом отец был прав. Он открыл глаза Хэммонду на то, что сам Хэммонд предпочитал не замечать. Яичница, как нарочно, вышла пересоленной и подгорела, и Хэммонд отправил ее в мусорный контейнер и налил себе кружку кофе. Но отделаться от навязчивых и тревожных мыслей было непросто.

Ему хотелось выпить, но он боялся, что виски только усилит слабость и головокружение, не избавив его от беспокойства.

Ему хотелось, чтобы раненая рука перестала наконец болеть и дергать, словно гнилой зуб.

Ему хотелось найти выход из создавшегося положения, угрожавшего его будущему, которое Хэммонд для себя спланировал.

Но больше всего ему хотелось, чтобы Юджин оставили в покое. Если бы он мог, то спрятал бы ее куда-нибудь надежно, как в банковский сейф.

Сейф... Сейф, полный наличных в доме самой Юджин. Пустой сейф в номере Петтиджона.

Сейф, спрятанный в платяном шкафу, за пустой вешалкой, где не было ничего, кроме халата и тапочек, все еще

упакованных в прозрачные пластиковые чехлы.

Стоп!

Хэммонд подпрыгнул, как от удара электрическим током, потом замер неподвижно, стараясь успокоиться. «Не торопись, – сказал он себе. – Обдумай все как следует». Но, как он ни старался, ему так и не удалось найти ни малейшего изъяна в своих рассуждениях. Похоже, он нашел то, что искали все!

Правда, радости от своего открытия Хэммонд не испытал, но у него не было времени, чтобы предаваться бесплодным раздумьям. Ему необходимо было действовать, действовать, не теряя ни минуты.

Оглядевшись по сторонам с видом человека, который каким-то образом оказался в совершенно незнакомом ему месте, Хэммонд схватил попавшийся ему на глаза телефон-трубку и по памяти набрал номер.

– Коммутатор отеля «Чарлстон-Плаза», – ответил в трубке приятный женский голос.

– Соедините меня, пожалуйста, с фитнес-залом.

– Сожалею, сэр, но фитнес-зал уже закрыт. Но если вы хотите записаться, то...

Хэммонд перебил телефонистку и, представившись, сказал, с кем бы он хотел поговорить.

– Это срочно, мисс, – заявил он. – Постарайтесь найти его для меня. А пока соедините меня с менеджером кастелянкой службы отеля.

Лоретте понадобилось совсем немного времени, чтобы понять: эта мысль о поездке на ярмарку была не самой удачной.

Неприятности начались с той самой минуты, когда она подъехала к пыльному пастбищу, временно превращенному в автостоянку. Несмотря на внушительные размеры, свободных мест здесь почти не было, и лишь с большим трудом Лоретте удалось припарковать свою машину в дальнем конце. Остаток пути она принуждена была пройти пешком, что заняло у нее не меньше четверти часа, так что, когда Лоретта наконец попала на территорию ярмарки, пот катился с нее градом.

На ярмарке ей не понравилось. Здесь было слишком много детей, шумных, надоедливых, постоянно что-то жующих и пускавших липкие, сладкие слюни. Обслуживающий персонал – все эти билетеры, служители, уборщики и продавцы – тоже не вызвали у Лоретты симпатии, но их-то она могла понять: как можно проработать несколько часов в самом настоящем пекле и остаться вежливым и любезным?

Сама она готова была заложить душу дьяволу, лишь бы очутиться в прохладном полутемном баре, где приятно пахнет пивом и застарелым табачным дымом. Чтобы не плюнуть на все и не свернуть к ближайшему навесу, где торгова-

ли пивом, джином с тоником и легкими коктейлями, Лоретте приходилось постоянно напоминать себе, что она должна помочь Хэммонду.

Она была просто обязана сделать это и не просто для того, чтобы реабилитировать себя за давнишний провал. Хэммонд был единственным, кто поверил в нее, дал ей еще один шанс, и Лоретта не могла обмануть его ожиданий.

Она вполне отдавала себе отчет, что несколько дней, в течение которых она не пила, еще ничего не значат и что она может снова сорваться, однако сейчас у нее была цель, была работа и была Бев, которая смотрела на нее без прежнего презрения и горечи. И за это Лоретта была бесконечно благодарна Хэммонду.

Медленной, шаркающей походкой она переходила от аттракциона к аттракциону и расспрашивала служителей и билетеров.

– Простите, вы не припомните эту молодую леди? – спрашивала она, показывая фото, сделанное ею возле дома Юджин. – Она была здесь в прошлую субботу.

– Да вы что, рехнулись? – отвечали ей. – Через наш аттракцион каждый день проходят тысячи людей – разве всех упомнишь? А теперь проходите, проходите, не задерживайте очередь...

Примерно такие ответы она получала у каруселей, у «чертова колеса», в палатках и ларьках. Некоторые откровенно грубили ей, другие просто качали головой и говорили: «Нет,

извините, не припоминаю», даже не особенно вглядываясь в фотографию, но Лоретта не теряла надежды.

Однако несколько часов спустя, когда солнце село и москиты вылетели на ночную охоту, единственным результатом, которым Лоретта могла похвастаться, были распухшие, налитые свинцом ноги.

В конце концов Лоретта сдалась, решив, что либо она с самого начала задумала глупость, либо Юджин Кэрти солгала, сказав, что была в тот день на ярмарке. А если все же и была, то вероятность того, что ей удастся найти человека, который не только видел, но и запомнил одну из сотен и тысяч посетительниц, побывавших здесь неделю назад, практически равнялась нулю. «Пожалуй, пора мне возвращаться», – решила она. Она как раз мечтала о том, как вернется домой, выгребет из холодильника все запасы льда, побросает в таз с холодной водой и опустит туда натруженные ноги, когда ей на глаза попался просторный парусиновый шатер прямоугольной формы с высокой конической крышей, украшенный электрическими гирляндами. Над входом горела неоновая надпись: «Ресторан. Дансинг». Из шатра действительно доносились звуки музыки; две боковые стены были подняты, однако внутри все равно было жарко и душно, поскольку пары в центре зала не столько танцевали, сколько обмахивались бумажными веерами и картонными подставками от пива. Между терявшимися в полутьме столиками сновали официанты и оставшиеся без пары посетители, дожидавши-

еся конца музыкального номера.

Лоретта также обратила внимание, что среди посетителей было довольно много военных. Молодые солдаты с базы ВМС и курсанты Цитадели, которых легко было различить по коротким стрижкам, с увлечением ухаживали за девушками, галлонами поглощали пиво и распространяли резкий запах пота и одеколona.

Лоретта хотела уже пройти мимо, но остановилась. Что, если она выпьет бокал пива? Уж, конечно, он ей не повредит. С одного бокала она не опьянеет, зато наверняка победит ужасную жажду и сухость в горле, с которой не смогли справиться ни лимонад, ни приторно-сладкая пепси-кола. Кроме того, она сможет предъявить фото Юджин Кэрти и здесь – авось кто-нибудь да вспомнит, что она побывала здесь в прошлую субботу. Военные, как она давно заметила, всегда отличались большей наблюдательностью, чем гражданские, в особенности если дело касалось красивых молодых женщин, а Юджин Кэрти была красива – этого Лоретта отрицать не могла, хотя к этому моменту она воспринимала ее почти как личного врага.

И, убедив себя, что ей просто необходимо зайти в этот ресторан, Лоретта захромала по направлению к заменявшему дверь брезентовому пологу.

Глава 32

Когда Фрэнк Перкинс открыл дверь своего дома, его приветливая улыбка исчезла, словно в рождественскую ночь к нему вместо Санта-Клауса явился налоговый инспектор.

– Хэммонд?! – воскликнул он удивленно и без особого радушия.

– Можно мне войти, Фрэнк?

Прежде чем ответить, адвокат немного подумал.

– В любое другое время я бы сказал: «Конечно», но в данных обстоятельствах это может быть не совсем удобно.

– Я хотел поговорить с тобой об одном важном деле.

– У меня есть приемные часы, Хэммонд. К тому же дома я предпочитаю не говорить о делах. Можешь зайти ко мне в контору завтра.

– Я не могу ждать, Фрэнк. Даже до завтра. Вот, взгляни... – Хэммонд достал из внутреннего кармана пиджака обычный почтовый конверт и протянул адвокату. Тот осторожно заглянул в него и обнаружил внутри долларовую купюру.

– Что это?

– Я хочу нанять тебя. Это – аванс.

– И что ты натворил?

– Много чего. Для начала я хотел сообщить, что в тот день, когда убили Петтиджона, я провел с Юджин весь вечер. И

ночь тоже. А теперь можно мне войти?

Как он и ожидал, его заявление повергло адвоката в немое изумление. Он был так поражен, что даже не пытался протестовать, когда Хэммонд протиснулся мимо него в прихожую.

Наконец адвокат пришел в себя и, закрыв входную дверь своего загородного коттеджа, обрушился на Хэммонда со всем пылом.

– Ты ставишь меня в неловкое положение, Хэммонд! – воскликнул он. – Ты хоть представляешь, сколько профессиональных и общечеловеческих этических норм ты сейчас нарушил? И на что ты толкаешь меня?

– Ты прав. – Хэммонд машинально взял у адвоката доллар, который тот протягивал ему, и принялся вертеть в руках. – Ты не можешь стать моим адвокатом из-за конфликта интересов. Но на протяжении тех двух минут, пока ты все-таки был моим адвокатом, я сообщил тебе нечто важное, что ты обязан хранить в секрете в соответствии с теми же правилами профессиональной этики. Не так ли, Фрэнк?

– Ты настоящий сукин сын, Хэммонд! – сердито сказал Перкинс. – Я не знаю, что ты задумал, – не знаю и не хочу знать. А теперь будь добр: покинь мой дом немедленно.

– Ты что, не слышал, что я тебе сказал? В субботу вечером я был с...

Он неожиданно осекся, увидев в дверях за спиной Фрэнка каких-то людей, которые выглядывали в прихожую, недоумевая, что происходит. Но единственным лицом, которое

приковало все внимание Хэммонда, было лицо Юджин.

Перкинс, проследив за взглядом Хэммонда, пробормотал:

– Ты ведь помнишь Хэммонда Кросса, Мэгги...

– Конечно, – откликнулась жена адвоката. – Добрый вечер, Хэммонд.

– Добрый вечер, – машинально откликнулся он. – Простите, что явился так поздно, но у меня было действительно срочное дело. Надеюсь, я не помешал?

– Вообще-то мы ужинали. Если хочешь, можешь присоединиться... – сказал Перкинс не очень уверенно.

– Да-да, Хэммонд, – величественно согласилась Мэгги, кладя руки на плечи своих десятилетних сыновей-близнецов. – Проходи, не стесняйся. Мы очень рады тебя видеть, – добавила она, приветливо улыбнувшись.

Хэммонд наконец-то стряхнул с себя оцепенение и, оторвав взгляд от Юджин, посмотрел сначала на Мэгги, потом – на ее супруга.

– Спасибо за предложение, – сказал он, – но я, пожалуй, все же откажусь. Мне нужно только переговорить с Фрэнком. Мэгги кивнула.

– Хорошо, что ты зашел, я была рада тебя видеть. – С этими словами она повернулась и, увлекая за собой обоих близнецов, скрылась в комнате. В дверях осталась только Юджин.

– Я не знал, что ты здесь, – сказал ей Хэммонд.

– Фрэнк был так добр, что пригласил меня поужинать с

его семьей.

– Я думаю, он понял, что после сегодняшнего тебе не хотелось оставаться одной.

– Да, не хотелось...

– Я рад, что ты тоже здесь. Я хотел бы, чтобы и ты услышала то, что я собирался рассказать Фрэнку.

– Поскольку теперь меня все равно лишат права выступать в суде, – вмешался Фрэнк, – надо дать барристерской комиссии как можно больше поводов сделать это. Мне необходимо выпить. Кто со мной?

Хэммонд и Юджин утвердительно кивнули, и адвокат махнул им рукой, приглашая пройти с ним в кабинет, расположенный в глубине дома. Там висели на стенах многочисленные фотографии, дипломы, благодарственные письма именитых людей и вставленные в рамки газетные вырезки с отчетами о выигранных процессах, наглядно свидетельствовавшие, что Фрэнк Перкинс был незаурядным человеком и в личном, и в профессиональном плане. В другое время это безобидное тщеславие позабавило бы Хэммонда, но сейчас ему было не до того. Отказавшись от предложенной адвокатом выпивки, он опустился на диван. Юджин устроилась в кресле в углу, а сам адвокат, налив в бокал сразу на четыре пальца крепкого бренди, уселся за массивным рабочим столом красного дерева.

– Так это правда? – спросил он наконец, посмотрев сначала на Хэммонда, потом – на Юджин. – Вы были вместе в

субботу? И ты переспала с нашим уважаемым специальным помощником окружного прокурора?

– Послушай, Фрэнк, вовсе не обязательно было...

– Помолчи-ка! – осадил его адвокат. – На твоём месте я бы вообще старался не сердить меня, пока я не отправил тебя исповедоваться Монро Мейсону. Если только ты ещё у него не побывал.

– Нет, Мейсон пока ни о чём не знает.

– Так вот, Хэммонд, единственная причина, которая мешает мне вышвырнуть тебя вон, – это уважение к частной жизни моей клиентки, – свирепо сказал Перкинс. – И до тех пор, пока я не выясню все факты, ты должен сидеть и молчать... Или по крайней мере не произносить ничего такого, что может смутить Юджин ещё больше, понятно?

– Не сердись на Хэммонда, Фрэнк, – неожиданно подала голос Юджин. В её голосе была неподдельная усталость, которой Хэммонд раньше не слышал и которая не на шутку его встревожила. А может, то была покорность судьбе или даже облегчение от того, что истина, которую ей так долго приходилось скрывать, наконец-то выплыла наружу.

– Не сердись на него, – повторила Юджин. – Во всем, что случилось, я виновата не меньше, чем он. Мне давно следовало сказать тебе, что я... знала его.

– В интимном смысле?

– Да.

– И как долго ты собиралась молчать? Неужто ты собира-

лась позволить ему предъявить тебе обвинение, выступать против тебя в суде и в конце концов отправить тебя в тюрьму, а может быть, даже в камеру смертников?

– Не знаю! – с мукой в голосе воскликнула Юджин и, вскочив с кресла, отошла к окну. Минуту или две она молчала, словно собираясь с силами, потом снова повернулась к ним. – По правде говоря, я виновата даже больше, чем Хэммонд, – сказала она. – Когда мы встретились, он даже не догадывался, кто я такая, но я твердо знала, что за человек передо мной и для чего он мне нужен. Я намеренно выслеживала его. Я сделала так, что наша встреча выглядела случайной, но на самом деле она была подготовлена. Ничто из того, что произошло в тот вечер, не было случайным.

– И когда произошла эта ваша «неслучайная» встреча? – уточнил Перкинс.

Юджин смело встретила его взгляд.

– В прошлую субботу. Вечером. Правда, Хэммонд подошел ко мне первым, но я использовала все известные мне женские уловки, чтобы заставить его провести со мной ночь. Я не буду сейчас пускаться в подробности, – добавила она чуть более хриплым голосом, – поскольку это неважно. Мои уловки сработали. – Юджин посмотрела на Хэммонда. – Только в ловушку попались мы оба.

Фрэнк одним глотком осушил бокал и поперхнулся, когда крепкий напиток обжег ему горло. Откашлявшись, он спросил, как именно все происходило, и Юджин подробно рас-

сказала ему, где они были и что делали, начав со встречи в ресторане и закончив поездкой в загородный дом Хэммонда.

– В воскресенье утром я уехала, – закончила она. – Уехала, не попрощавшись, даже не назвав ему своего имени. Я считала, что никогда больше не встречу с ним, но судьба распорядилась иначе.

Фрэнк покачал головой с таким видом, словно никак не мог сопоставить друг с другом те противоречивые факты, которые стали ему известны.

– Я не совсем понял, Юджин. Ты переспала с ним, но не назвала ему своего имени, чтобы никогда больше не встречаться. Но почему?

– Я был ее страховкой, – пояснил Хэммонд. Ему все еще тяжело было думать о том, что Юджин все подготовила и рассчитала заранее и что в их встрече не было ровным счетом ничего от романтического приключения, каким поначалу казалась ему их встреча. – Если бы ей понадобилось алиби, она могла указать на меня, и должен сказать, что лучшего алиби она не могла бы желать. Ведь я не мог разоблачить ее, не разоблачив одновременно себя.

Фрэнк удивленно вытаращился на него.

– Ты, часом, не хочешь объяснить поподробнее? – спросил он. Хэммонд кивнул.

– Юджин следила за мной от самого отеля «Чарлстон-Плаза», – продолжал он. – В тот день я тоже встречался там с Лютом Петтиджоном.

Адвокат несколько мгновений смотрел на него, потом повернул голову к Юджин, словно прося подтвердить это сногшибательное заявление. Юджин коротко кивнула, и Перкинс встал, чтобы снова наполнить бокал. Пока он возился у бара, Хэммонд бросил на Юджин быстрый взгляд. Ее глаза были влажны, но она крепилась и не плакала, и Хэммонду захотелось прижать ее к себе, чтобы успокоить. Или схватить за плечи и трясти до тех пор, пока она не выложит всю правду.

Нет, не всю... Он по-прежнему боялся признания Юджин в том, что она виновна ничуть не меньше тех молодых парней и стариков, которые платили Бобби за удовольствие побыть с ней наедине и насладиться видом стройного девичьего тела.

Если он действительно любит ее, решил Хэммонд, он должен забыть об этом раз и навсегда.

Фрэнк тем временем вернулся на свое место за столом.

– Ну-с, – спросил он, – кто будет рассказывать первым? Только, пожалуйста, по порядку. У меня от ваших признаний и так голова кругом идет.

– Хорошо, я постараюсь рассказать по порядку, – вызвался Хэммонд. – Я действительно договорился с Петтиджоном о личной встрече. Точнее, это он пригласил меня к себе. Я не хотел идти, но он настоял, уверяя меня, что встретиться с ним – в моих интересах.

– Ты готов рассказать, о чем вы говорили? Хэммонд кив-

нул.

– Как помощник окружного прокурора по особым поручениям, я возглавил тайное расследование деятельности Петтиджона, которое проводилось по инициативе генерального прокурора штата. Мне удалось многое узнать, и Петтиджон об этом пронюхал.

– Как?

– Об этом позднее. Пока же я только скажу, что собранных мною фактов должно было с избытком хватить для большого жюри любого состава.

– Так-так... – Перкинс пробарабанил пальцами по столу. – Как я понимаю, Петтиджон хотел предложить тебе сделку?

– Совершенно точно.

– И что он предлагал в обмен за твое молчание?

– Не за молчание. Я должен был доложить генеральному прокурору, что никаких нарушений закона мне обнаружить не удалось, что в действиях Петтиджона отсутствует состав преступления и что, следовательно, о каком-либо судебном преследовании не может идти и речи. За это Петтиджон обещал организовать мое избрание на пост окружного прокурора после отставки Мейсона, что, в частности, подразумевало щедрые финансовые пожертвования на мою избирательную кампанию. Он также предложил продолжить наше взаимовыгодное сотрудничество уже после того, как я окажусь в кресле Мейсона. Иначе говоря, Петтиджон собирался платить мне, чтобы я и дальше закрывал глаза на все его махи-

нации.

– Как я понимаю, ты это предложение отверг?

– Да, причем мне, видимо, удалось сделать это настолько убедительно, что Петтиджон пустил в ход тяжелую артиллерию. Мой собственный отец был одним из самых крупных партнеров Петтиджона в его афере с островом Спаркл. Лют показал мне документы, которые полностью это подтверждали.

– И где эти документы сейчас?

– Я забрал их с собой, когда уходил.

– Они... подлинные?

– Подлинней не бывает.

– То есть, – уточнил адвокат, – если бы ты начал судебное преследование Петтиджона, то в процессе расследования непременно всплыло бы имя твоего отца.

– Да, – подтвердил Хэммонд. – Об этом он и хотел меня предупредить.

– Мне жаль, – проговорил Перкинс негромко. – Действительно жаль, но...

– Ты хочешь знать, что было дальше? – Хэммонд усмехнулся. – Я не стал убивать его, Фрэнк. Я просто сказал Петтиджону, что он может убираться со своим предложением куда подальше и что я исполню свой долг. После он разразился проклятиями и угрозами, но я просто повернулся и ушел. Петтиджон серьезно разозлился, и, боюсь, именно мои слова спровоцировали удар, который... В общем, я не знаю.

Больше я туда не возвращался. В его номере я пробыл десять минут.

– Во сколько это было?

– Мы договаривались встретиться в пять. Если я и опоздал, то на минуту или на две, не больше.

– Ты видел Юджин?

Они одновременно покачал головами.

– Нет, – сказал Хэммонд. – Петтиджону удалось вывести меня из себя, поэтому, когда покидал отель, я был в ярости и не видел ничего вокруг. Я заметил Юджин только на ярмарке, когда немного успокоился.

Хэммонд ненадолго замолчал, чтобы перевести дух, потом добавил неожиданно тихим голосом:

– Сначала я собирался поехать в мой загородный дом и переночевать там, но по дороге увидел объявление о том, что в Бьюфорде проводится ярмарка, и мне захотелось немного развеяться. Точнее, мне это было необходимо. Там я и увидел Юджин. Мы сидели в одном ресторане и... – Он посмотрел сначала на Фрэнка, потом на Юджин, которые слушали очень внимательно. – Тут все и началось, – вздохнул он.

На несколько минут в кабинете воцарилась полная тишина, которую нарушало только тиканье часов на столе адвоката. Перкинс первым нарушил молчание:

– Ответь мне на один вопрос, Хэммонд... Чего ты рассчитываешь добиться, рассказывая обо всем этом?

– Чего? – Хэммонд как будто даже удивился. – Все это

лежало на моей совести слишком тяжким грузом, и я...

– Но я не священник, я не отпускаю грехов, – едко сказал адвокат.

– Да, это верно, – согласился Хэммонд.

– Кроме того, – добавил Перкинс, – в этом деле об убийстве мы с тобой находимся по разные стороны баррикады.

– Это так.

– Тогда какого черта ты явился ко мне? – спросил он уже сердито.

– Потому что я знаю, кто убил Петтиджона, – ответил Хэммонд.

Глава 33

Это заявление настолько потрясло Перкинса и Юджин, что они снова замолчали, но на этот раз тишина длилась всего несколько секунд. Потом оба засыпали Хэммонда вопросами. Фрэнк, в частности, хотел знать, почему все-таки он пришел с этим к нему, почему не отправился в полицию.

– Я сделаю это позднее, – ответил Хэммонд. – Прежде чем предпринять дальнейшие шаги, я хотел бы выслушать тебя, Юджин. – Он повернулся к ней. – Расскажи мне все. Только прошу тебя: ничего не скрывай, это может быть важно.

Но прежде чем она успела что-либо сказать, Перкинс остановил ее, подняв вверх руку.

– Ты, наверное, меня за идиота держишь, – сказал он сердито. – Я не позволю моей клиентке рассказывать тебе что-либо. Я вообще не хочу, чтобы она участвовала в этом разговоре, который ты навязал нам обоим. Ты ведешь себя в высшей степени непрофессионально и безответственно и подвергаешь мою клиентку опасности. Я не могу этого допустить...

– Ты же только что сказал, что ты – не священник, так что не надо читать мне проповедей, Фрэнк, – перебил его Хэммонд. – Ты не священник, не учитель воскресной школы и не мой отец... Мы оба – и я, и Юджин – признались в том, что вели себя не самым разумным образом, чего же тебе еще?

– «Не самым разумным образом» – это еще мягко сказано, – проворчал Перкинс. – Чего вы от меня ждете? Совет-та? Я пока могу сказать только одно: ваша интимная близость может иметь поистине катастрофические последствия для всех, включая меня.

– А при чем здесь ты? – искренне удивилась Юджин.

– Меньше пяти минут назад ты призналась, что сделала все, что могла, чтобы уложить Хэммонда с собой в постель, – сварливо сказал адвокат. – И если существует какой-то способ спасти тебя от тюрьмы, так это объявить на суде о том, что вечер и ночь субботы ты провела с Хэммондом. Но подумай сама, как ты будешь выглядеть в глазах присяжных в свете показаний Бобби Тримбла?

– Не понимаю, – пожала плечами Юджин, – при чем тут это! Ведь прошлое – это прошлое. Я больше не та двенадцатилетняя дурочка, у которой к тому же не было иной альтернативы, кроме голодной смерти. Я – совсем другая... – Она посмотрела сначала на Перкинса, потом перевела взгляд на Хэммонда. – Показания Бобби правдивы за одним-единственным исключением. Я позволяла им только смотреть на меня, и не больше.

Ни Хэммонд, ни адвокат ничего не сказали, и Юджин с самым категорическим видом покачала головой.

– Никогда ни один из них не прикоснулся ко мне, не говоря уже о большем. Это было для меня особенно важно, поскольку я продолжала надеяться, что когда-нибудь у меня

будет другая жизнь. Я сознательно прочертила для себя эту границу, за которую не должна была переходить ни при каких обстоятельствах. Слава богу, что мне хватило ума сделать это!

Разумеется, Бобби эксплуатировал меня самым подлым, самым бесчестным образом, но мне потребовалось много лет, прежде чем я перестала винить себя в том, что случилось. Я сама поверила в то, что я – плохая, развратная, испорченная, и избавиться от этого оказалось невероятно трудно. Я целиком зависела от Бобби и ужасно боялась, что он бросит меня и убежит, а ведь на целом свете у меня не было ни одной родной души, кроме него. – Юджин печально улыбнулась. – Вот так я сама стала своей собственной пациенткой. Мне пришлось серьезно лечиться, и знаете, что оказалось самым трудным? Научиться любить себя, ведь только человек, который любит себя в достаточной степени, может считать себя достойным любви окружающих. К счастью, мне повезло: супруги Карта, которые удочерили меня за год до моего совершеннолетия, научили меня тому, что в мире существует нерассуждающая, безоговорочная любовь. Когда я поняла, что эти бесконечно порядочные и честные люди любят меня такой, какая я есть, любят вопреки моему прошлому, о котором, кстати, я сама им рассказала, – только тогда мне стало окончательно ясно, что я не только могу, но и должна похоронить свое прошлое.

– Ты была тогда совсем ребенком, – мягко сказал Фрэнк.

– Тогда – да, – согласилась Юджин. – Но когда я обманом заставила Хэммонда лечь со мной в постель, я была вполне взрослой женщиной. Я сознательно устроила эту встречу в уверенности, что он отреагирует именно так, как я ожидала. – Она повернулась к Хэммонду и сказала с горячностью:

– Пожалуйста, прости меня за все зло, которое я тебе причинила. С самого начала я боялась именно этого – того, что случилось. Я не убивала Люта Петтиджона, но боялась, что меня в этом обвинят. Я знала, что меня сочтут виновной из-за моего прошлого – так оно и случилось. На самом деле я пришла к Петтиджону, чтобы...

– Постой, Юджин! – снова вмешался адвокат. – Я должен тебя предупредить: в твоём положении лучше молчать. Никаких признаний в присутствии третьего лица!

– Нет, Фрэнк... – Юджин печально улыбнулась. – Хэммонд прав. И он, и ты должны выслушать мою историю.

Адвокат нахмурился, но она больше не обращала на него внимания.

– Все началось несколько недель назад, – проговорила Юджин. – Именно тогда Бобби снова появился в моей жизни...

И, ничего не скрывая, не утаив ни собственного ужаса, ни стыда, ни отчаяния, она рассказала им о том, как Бобби собирался шантажировать Петтиджона и какая роль отводилась в его плане ей.

– Я сразу предупредила Бобби, – говорила она, – что Пет-

тиджон выступает в более тяжелой весовой категории и что Бобби с ним лучше не тягаться, но он не захотел меня слушать. Он вбил себе в голову, что его схема безупречна, и был полон решимости довести дело до конца. Со мной он справился очень легко, пригрозив разоблачить перед всем светом и в первую очередь – перед моими пациентами. Мне стыдно признаться в этом сейчас, но я испугалась. Если бы Бобби остался таким, каким я его помнила – мелким негодяем, наглым и нахрапистым, – я бы просто высмеяла его и захлопнула дверь перед самым его носом, но за двадцать пять лет Бобби стал другим, и это сбilo меня с толку. У него появился кое-какой внешний лоск, кое-какие манеры, кое-какие новые повадки, которых я не знала, – вот я и вообразила себе невесту что. Знать бы мне, что он остался таким же, каким был всегда, и я бы позвонила в полицию, не откладывая. Но я этого не сделала.

Тем временем Бобби начал осуществлять свой план. Я не знаю в точности, что именно он сказал Петтиджону, однако его слова, по-видимому, возымели действие, поскольку Лют согласился выплатить ему сто тысяч долларов наличными в обмен на обещание молчать...

– Ни один человек, который знал Петтиджона, не поверит этому, Юджин, – негромко вставил Хэммонд.

– Как это ни печально, но я вынужден согласиться, – поддакнул Перкинс.

– Я и сама не очень-то в это поверила, – кивнула Юджин. –

Что касалось самого Бобби, то, как мне кажется, даже у него при всей его самонадеянности возникли какие-то сомнения, поскольку он потребовал, чтобы за деньгами к Петтиджону отправилась я. И я согласилась...

– Почему, ради всего святого?! – не выдержал адвокат.

– Быть может, с моей стороны это было глупо, – улыбнулась Юджин, – но ведь утопающий хватается за соломинку, правда? Я увидела в этом свой шанс отделаться от Бобби раз и навсегда. Я решила, что пойду к Петтиджону, но, вместо того чтобы забрать деньги, объясню ему ситуацию и попрошу обратиться в полицию.

– Почему ты не обратилась в полицию сама?

– Теперь-то я понимаю, что это было разумнее всего, но тогда... – Юджин вздохнула. – Я слишком боялась, что мое имя будет упоминаться в связи с ним. Бобби как-то похвастался, что сумел натянуть нос каким-то криминальным структурам во Флориде, и хотя он утверждал, что замел все следы, я в этом очень сомневалась. Это была одна из причин, чтобы держаться от Бобби как можно дальше.

– Итак, ты поехала в отель и встретила там с Петтиджоном?

– Да.

– Почему ты не позвонила ему по телефону?

– Я до сих пор жалею об этом, Фрэнк, но тогда мне казалось, что личная встреча произведет большее впечатление.

– Что же случилось, когда ты вошла в его номер?

– Ничего особенного. Петтиджон был вежлив, он внимательно выслушал меня... – Юджин ненадолго замолчала, чтобы вытереть лоб, внезапно заблестевший от испарины.

– И?

– Он высмеял меня! – воскликнула Юджин. – Мне следовало сразу догадаться, что дело нечисто, едва только я переступила порог его номера. Петтиджон ожидал Бобби и должен был хотя бы удивиться при моем появлении, однако он отреагировал так, словно мы с ним сто лет знакомы. К сожалению, я поняла это слишком поздно.

– Итак, он знал, что к нему приедешь ты, а не Бобби, и, когда ты рассказала ему свою историю, он высмеял тебя?

– Да... – Юджин долго молчала, словно собираясь с силами, потом продолжила:

– Бобби меня перехитрил. Он позвонил Петтиджону и сказал, что его сообщница, то есть я, решила надуть обоих. Бобби предупредил, что я, скорее всего, постараюсь вызвать его сочувствие при помощи какой-нибудь жалостливой истории, а когда он размякнет – лягу с ним в постель, чтобы впоследствии иметь возможность самой шантажировать его.

– Вообще-то, – заметил Хэммонд мрачно, – твой братец не выглядит особо умным. Как он мог додуматься до такого?

– Он не умен. Просто он... хитрый. Изворотливый. Бобби судит о людях по себе, и это делает его даже в какой-то мере опасным. Когда он видит – или думает, что видит, – реальную возможность, он идет на риск, на какой не отважил-

ся бы человек более разумный, и иногда Бобби везет. Кроме того, он знает, какое преимущество получает тот, кто наносит удар первым, и старается этим пользоваться.

Короче говоря, мне не удалось убедить Петтиджона в том, что я говорю совершенно искренне и что у меня нет никакого дьявольского плана, включающего секс и шантаж. Впрочем, он был не прочь переспать со мной, так как заявил, что раз уж я явилась к нему с намерением уложить его в постель, то он готов пойти мне навстречу. В общем, вы понимаете...

– Он приставал к тебе? – уточнил Фрэнк.

– Да. Мне даже пришлось его оттолкнуть. Должно быть, именно тогда почка гвоздики и попала ему за обшлаг рукава. Как раз в то утро я начиняла гвоздикой апельсины у себя дома, и одна почка, наверное, осталась у меня в руке или попала в складки кардигана. Как бы там ни было, мое сопротивление разозлило его, и Петтиджон принялся угрожать. Он, в частности, сказал, что у него назначена встреча с важным сотрудником прокуратуры. С тобой, Хэммонд... – Юджин быстро взглянула на него. – Петтиджон назвал тебя по имени и прибавил, что ты наверняка заинтересуешься Бобби и мной.

Юджин немного помолчала, словно собираясь с мыслями или пытаясь восстановить в памяти дальнейшие события.

– Я запаниковала, – сказала она наконец. – Моя жизнь, карьера – все рушилось у меня на глазах. Я подумала и о том, что моя история, если она станет достоянием гласности,

способна очернить даже память моих приемных родителей – людей, которые бесконечно в меня верили. Даже мои исследования – и те могли оказаться никому не нужными, если бы выяснилось, что я совсем не такая, какой мне всегда хотелось казаться.

Вот почему я обратилась в бегство. В лифте меня затрясло, а спустившись в вестибюль, я вынуждена была зайти в бар и присесть, потому что ноги не держали меня. Только немного успокоившись, я поняла, что действовала неразумно и нерационально. Всего за несколько секунд я вернулась в далекое прошлое, когда Бобби управлял и подавлял меня полностью. Но в баре я пришла в себя. Я напомнила себе, что прошлое осталось далеко позади, и что теперь я – полноценный член общества. Я сумела добиться успеха в своей области – успеха и уважения. Чего я боюсь? Ведь я не сделала ничего плохого! Я была почти уверена, что, если бы мне удалось убедить нужного человека в том, что мой сводный братец снова пытается использовать меня в своих целях, я, возможно, сумела бы отделаться от Бобби. И я даже знала, кто был этим подходящим человеком!

– Хэммонд Кросс, помощник окружного прокурора, – догадался Фрэнк.

– Совершенно верно. – Юджин кивнула. – Вот почему я вернулась на пятый этаж, но когда я подошла к номеру, то увидела, что дверь «люкса» слегка приоткрыта. Я прислушалась, но ничего не услышала. Тогда я открыла ее пошире и

заглянула внутрь. Из коридора мне видна была часть гостиной. Петтиджон лежал там лицом вниз, возле кофейного столика.

– Ты поняла, что он мертв? Юджин покачала головой.

– Он не был мертв, – ответила она, и Хэммонд с адвокатом потрясение переглянулись. – Мне не хотелось прикасаться к нему, но я все-таки подошла, чтобы проверить пульс. Петтиджон был без сознания, и я снова испугалась: мне не хотелось, чтобы меня застали с ним, когда он был в таком состоянии, ведь мой брат пытался шантажировать его! Вот почему я снова выбежала из номера, только на этот раз спустилась на первый этаж по лестнице. Мы едва не разминулись, – добавила она, посмотрев на Хэммонда. – Когда я спустилась в вестибюль, то увидела, как ты выходишь из отеля через главную дверь.

– Как ты меня узнала? Она улыбнулась.

– Я несколько раз видела тебя по телевизору. Только в тот день ты выглядел очень расстроенным, и я подумала...

– Что с Петтиджоном расправился я?

– Что-то в этом роде. Я подумала, что Петтиджон заслуживал хорошего пинка, и если твоя встреча с ним протекала столь же бурно, как и моя... – Она улыбнулась. – Было вполне логично предположить, что ты нокаутировал его. Как бы там ни было, меня это устраивало, и я пошла за тобой. Я рассуждала, что если впоследствии Петтиджон заявит в полицию на меня и Бобби и если в результате я окажусь в опас-

ности, то специальный помощник окружного прокурора, который к тому же сам повздорил с Петтиджоном, будет для меня самым лучшим алиби. – Тут Юджин опустила голову и посмотрела на свои руки. – Я понимала, что поступаю не очень хорошо, но я слишком боялась... К тому же, Хэммонд, ты помнишь, что, когда мы уже познакомились, я несколько раз пыталась попроситься с тобой... и не смогла.

Хэммонд сокрушенно кивнул и посмотрел на Фрэнка.

– Это все? – спросил Фрэнк строго.

– Почти. – Юджин кивнула. – Мне было так стыдно перед Хэммондом, что я не выдержала и сбежала от него, пока он еще спал. В тот же день Бобби явился ко мне за деньгами, которых у меня, разумеется, не было. Но, к моему огромному удивлению, он поздравил меня с тем, что я прикончила единственного свидетеля нашего преступления.

– До этого момента ты не знала, что Петтиджон мертв?

– Нет. По дороге домой я слушала компакт-диски, а не радио, к тому же у меня нет обыкновения смотреть телевизор днем. В любом случае я была слишком взволнована всем происшедшим – между мной и Петтиджоном, между мной и Хэммондом. Но когда я узнала, что Петтиджон убит, я заподозрила самое худшее.

– Ты решила, что его убил я, – сказал Хэммонд. – Что я ударил его слишком сильно, и он умер.

– Да. И продолжала так считать до тех самых пор...

– Пока Смайлоу не сообщил тебе, что его застрелили, –

догадался Хэммонд. – Вот почему ты так поразилась, когда услышала о подлинной причине смерти Петтиджона!

Юджин кивнула.

– Так ты не прикасался к Петтиджону?

– Нет. Я выбежал вон, хотя, признаться, желание врезать ему у меня было.

– Тогда, наверное, он упал, когда с ним случился инсульт. Он потерял сознание и рухнул.

– Я тоже так думаю, – согласился Хэммонд. – Падая, Петтиджон ударился об угол кофейного столика – очевидно, так появилась ссадина у него на виске.

– Я ее не заметила, – призналась Юджин. – И вообще, мне даже не пришло в голову, что ему может быть плохо. Теперь я до конца жизни буду жалеть, что не осталась с ним, не позвала к нему врача. Возможно, это спасло бы ему жизнь, – добавила она с искренним раскаянием.

– Но вместо этого ты поспешила догнать Хэммонда, а в это время в номер вошел кто-то еще. Вошел, увидел лежащего на полу Петтиджона и хладнокровно выстрелил ему в спину.

– Получается так, Фрэнк, – подтвердила Юджин. – Именно поэтому я так и не воспользовалась своим алиби.

– И именно поэтому я приехал сегодня сюда, – подхватил Хэммонд. Адвокат озадаченно посмотрел сначала на него, потом на Юджин.

– Я что-то не улавливаю связи... – начал он.

– Я объясню, – сказала Юджин. – Теперь благодаря настойчивости Смайлоу и усилиям прессы о том, что в субботу вечером я побывала в номере Петтиджона, знают буквально все. Но единственным человеком, который совершенно точно знает, что я не убивала его, является настоящий убийца.

– И вчера вечером этот человек уже попытался отделаться от Юджин, – добавил Хэммонд.

Перкинс изумленно качал головой, слушая рассказ Хэммонда о его столкновении с неизвестным в темной аллее.

– Это не был обыкновенный налетчик или грабитель, – закончил он. – Прежде чем напасть на Юджин, он назвал ее по имени, следовательно – он ее знал.

– Но почему ты так уверен, что это был убийца Петтиджона?

– Я этого не говорил, – возразил Хэммонд – Человек, который напал на Юджин возле «Тенистой пещеры», мог быть наемным убийцей, к тому же не очень опытным. Чего не скажешь об убийце Люта.

– И ты уверен, что разгадал эту загадку?

– Да, – кивнул Хэммонд. – Сейчас я вам все расскажу, только не падайте со стульев...

Его рассказ занял около четверти часа, на протяжении которых никто его не прерывал. Наконец Хэммонд закончил, и Фрэнк с трудом перевел дух.

– Ты уже разговаривал с персоналом гостиницы? – спросил он.

– Да, я побывал там перед тем, как приехать сюда. Их показания вполне согласуются с моей гипотезой.

– Что ж... – Адвокат задумчиво покачал головой. – Твоя версия выглядит довольно обоснованной и логичной, но доказать ее будет трудновато. И положение твое легким не назовешь. Любая ошибка может дорого обойтись и Юджин, и тебе самому. Что ты собираешься предпринять?

– Для начала я должен окончательно убедиться в том, что я прав. – Хэммонд повернулся к Юджин:

– Скажи, Петтиджон не упоминал, что ждет еще кого-нибудь, кроме меня? Мне известно, что на шесть часов у него была назначена еще одна встреча, но я еще не знаю – с кем.

– Нет. Он сказал только, что встречается с тобой.

– Тебе никто не встретился в коридоре или в лифте?

– Нет, я видела лишь того мужчину из Мейкона, который меня и опознал.

– А когда ты спускалась по лестнице? Может быть, кто-то спускался впереди тебя или поднимался навстречу?

– Нет.

Хэммонд посмотрел на нее пристально, и Юджин воскликнула с горечью:

– Ты рискуешь из-за меня своей карьерой, положением, всем! Неужели ты думаешь, что я могу солгать тебе теперь?!

– Я-то тебе верю, но убийца все равно будет сомневаться. И для него не будет иметь никакого значения, видела ты кого-то или нет, пока существует хоть малейшая возможность,

что ты можешь быть для него опасна.

– Хэммонд прав, – кивнул Фрэнк с самым мрачным видом.

– А мы знаем, – добавил Хэммонд, – наш преступник не из тех, кто допускает промахи и оставляет следы. Место преступления было тщательно убрано. Убийца не оставил ни одного годного для идентификации отпечатка пальцев, так неужели он будет мириться с существованием человека, способного его разоблачить?

– Что ты предлагаешь? – спросил адвокат. – Нанять телохранителей?

– Нет, – твердо возразила Юджин. – Я не стану ходить с охраной.

– Конечно, я предпочел бы, чтобы тебя охраняли, – вздохнул Хэммонд, – но боюсь, что из этого все равно ничего не выйдет. Во-первых, мне кажется, что я знаю тебя достаточно, чтобы понять: если ты сказала, что чего-то не хочешь, то тебя уже не переспорить. Ну и потом, появление охранника будет для убийцы сигналом тревоги.

– Сколько времени тебе понадобится, чтобы собрать недостающие улики?

– Хотел бы я это знать! – вздохнул Хэммонд.

– Меня беспокоит такая неопределенность, – нахмурился адвокат. – Пока ты собираешь доказательства, Юджин угрожает опасность. Тебе следует что-то сделать, чтобы ускорить процесс. Может быть, стоит обратиться за помощью к офи-

циальным структурам?

– Да, – согласился Хэммонд, – я сам об этом думал. Но вопрос в том, кому я могу доверять? И кто поверит мне? Кто воспримет мой рассказ всерьез, особенно если узнает, что мы с Юджин знакомы так близко? В лучшем случае, моя версия будет выглядеть просто как попытка любой ценой выгородить себя или спасти от тюрьмы женщину, с которой я встречаюсь.

– Встречаешься? – Брови адвоката поползли вверх. – Ты хочешь сказать, что вы виделись... гм-м... в интимной обстановке и после субботы?!

Должно быть, выражения их лиц выдали ему правду, поскольку Перкинс затряс головой и замахал руками.

– Нет, ничего мне не говорите! Это не мое дело, я ничего не хочу знать!

– Теперь ты понимаешь, – продолжил Хэммонд, – что мне придется действовать в одиночку и действовать быстро, поскольку опасность для Юджин возрастает с каждым днем. Вот мой план...

В нескольких словах он изложил им свои соображения и с надеждой посмотрел на Фрэнка.

– Ну, что скажешь?

Адвокат долго обдумывал ответ и наконец сказал:

– Мне всегда хотелось, чтобы мое имя ассоциировалось у людей с честностью и порядочностью. Во всяком случае, я старался, чтобы так оно и было. Сегодня я впервые престу-

пил многие этические законы, которые казались мне незыблемыми. Если ты ошибся, то для тебя это будет настоящей катастрофой, для меня же дело, скорее всего, закончится грязным пятном на некогда безупречной репутации. Иными словами, мне нечего тебе сказать: ты рискуешь своей шеей, не моей. Что касается существа дела, то у твоего плана шансов не больше, чем у сосульки в печке.

– Это еще почему?

– Потому что для того, чтобы он сработал, тебе придется хотя бы отчасти довериться Стефи Манделл.

– Да, боюсь, это и есть то неизбежное зло, которого нельзя избежать, прости за тавтологию.

– Именно это я и хотел сказать.

Адвокат хотел добавить что-то еще, но как раз в этот момент у Хэммонда на поясе запищал пейджер, и он достал его, чтобы проверить номер.

– Странно, – пробормотал он. – Какой-то незнакомый номер. Или телефон-автомат...

Сунув пейджер обратно в футляр, он снова повернулся к Фрэнку и спросил, есть ли у него еще какие-нибудь вопросы.

– Ты это серьезно? – с иронией осведомился тот. Хэммонд ухмыльнулся.

– Не волнуйся ты так! Какая тебе, в конце концов, разница, вздернут ли меня как грешника или распнут как святого?

– Я бы предпочел, чтобы тебя не распинали и не вешали.

– А ты что скажешь? – Хэммонд повернулся к Юджин.

Она пожала плечами:

– Разве я могу что-то сделать?

– Сделать?..

– Да. Я хотела бы помочь, но ты не оставил мне такой возможности.

– Это исключено, Юджин! – в один голос воскликнули Хэммонд и адвокат.

– Но ведь вся эта каша заварилась из-за меня! – возразила она, растерянно переводя взгляд с одного на другого.

– Петтиджона убили бы в любом случае, – сказал Хэммонд. – Я же, кажется, уже объяснил, что ты была здесь совершенно ни при чем. Тебе просто не повезло, что ты решила навестить его именно в субботу.

– И все равно, я не хотела бы оставаться сторонней наблюдательницей.

– Наоборот, ты должна держаться от всего этого как можно дальше, чтобы убийца не заподозрил подвоха.

– Он прав, Юджин, – поддакнул Перкинс. – Хэммонду придется действовать в одиночку, чтобы не насторожить преступника.

– Неужели нет никакого другого способа, другого пути?! – с тревогой воскликнула Юджин. – Ведь так Хэммонд может распрощаться со своей карьерой!

– А ты можешь погибнуть, – возразил Хэммонд. – Поверь, Юджин, твоя жизнь значит для меня гораздо больше, чем должность окружного прокурора.

С этими словами он наклонился и взял ее за руку. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза и молчали. Наконец Перкинс кашлянул и зашаркал ногами.

– У меня есть предложение, – сказал он. – Ты, Юджин, останешься сегодня ночевать у меня.

– Я согласен, – быстро сказал Хэммонд.

– А ты отправишься домой, – строго добавил Перкинс, глядя в глаза Хэммонду.

– Что ж, с этим я тоже соглашусь, хотя и без особой охоты.

– Гостевая спальня готова, Юджин. Это вторая дверь направо по коридору, как поднимешься по лестнице.

– Спасибо, Фрэнк.

– Ступай. Уже поздно, а мне еще нужно о многом подумать. Адвокат встал из-за стола и направился к дверям кабинета, осторожно держа перед собой бокал с бренди, из которого он сделал только один маленький глоток. На пороге он вдруг остановился.

– Сначала я хотел спросить вас обоих, – начал он смущенно, – стоила ли субботняя ночь всего, что за ней последовало... Но теперь ответ мне очевиден. Спокойной ночи.

С этими словами он вышел в коридор, и Хэммонд и Юджин остались одни. Довольно долго они молчали, испытывая странную неловкость и напряжение, которое нельзя было объяснить одной лишь неуверенностью и страхом перед тем, чем, быть может, грозил им день завтрашний.

Хэммонд первым нарушил молчание.

– Это не имеет никакого значения, Юджин, – сказал он.

– Нет, имеет, – возразила она, без лишних слов поняв, что он имеет в виду. – Имеет, и огромное...

Хэммонд снова потянулся к ней, но Юджин уклонилась и встала. Сделав несколько шагов, Юджин остановилась перед старинным книжным шкафом темного дерева.

– Мы только зря обманываем себя и друг друга, – промолвила она, не оборачиваясь, и ее голос прозвучал глухо и отстранение.

– В каком смысле? – не понял Хэммонд.

– У этой истории не может быть счастливого конца.

– Но почему?!

– Не будь ребенком! Ты прекрасно понимаешь – почему.

– Нет, не понимаю! – с горячностью возразил он. – Тримбл – дерьмо, его показания гроша ломаного не стоят. К тому же все, о чем он рассказал, – это такая древняя история, что вспоминать о ней может только глупец или человек предвзятый. Я узнал о твоём прошлом уже давно, еще до того, как признался тебе в любви... – Он улыбнулся. – И сейчас я готов повторить то же самое.

– Наши отношения начались с обмана. Я поступила по отношению к тебе подло, просто подло...

– Я бы не назвал подлостью ту удивительную ночь, которую мы провели вместе в моем загородном доме. Она упрямо покачала головой.

– Все равно, я солгала тебе, и ты никогда об этом не за-

будешь. Эта мысль останется у тебя в подсознании, и ты никогда не сможешь доверять мне полностью. Что касается меня, то и я тоже не хотела бы связать себя с человеком, который будет постоянно сомневаться во мне, в моих словах и поступках. Для меня это будет вечная мука, ведь я так люблю тебя, Хэммонд!

– Так ты любишь меня?! – перебил ее Хэммонд. – Правда, любишь?!

Неосознанным жестом Юджин прижала руку к сердцу.

– Да, люблю, хотя у меня болит вот здесь. Болит все сильнее... Хэммонд хотел что-то сказать, но как раз в этот момент его пейджер снова запищал, и он, негромко выругавшись, выключил его. На все это потребовалось всего секунды три, однако он успел сообразить, что их с Юджин все еще разделяет слишком многое и что форсировать события и стараться преодолеть эту пропасть именно сегодня было бы неверно. Он должен дать ей время.

– Я хочу поцеловать тебя, – сказал он. Юджин кивнула.

– Но если поцелую, я захочу заниматься с тобой любовью... И снова она кивнула, и они обменялись долгим красноречивым взглядом.

– Тебе пора идти.

– Да, – сказал он хрипло. – Завтра рано вставать... – Хэммонд неожиданно нахмурился и посмотрел на нее исподлобья. – Признаться по совести, Юджин, я не знаю, как обернется моя затея, но... я обязан попробовать. Я буду держать

тебя в курсе, только... Только пообещай, что с тобой все будет в порядке.

– Обещаю.

Хэммонд шагнул к двери.

– Спокойной ночи, Юджи...

– Спокойной ночи, Хэм...

* * *

– Проклятье! – воскликнула Лоретта Бут, со злобой глядя на телефон-автомат, который продолжал упорно молчать. Не сумев связаться с Хэммондом ни по его домашнему, ни по сотовому телефону, она дважды позвонила ему на пейджер, но он так и не перезвонил.

– Проклятье. . – повторила она чуть тише и посмотрела на свои наручные часы. Времени было почти два часа ночи. Где, черт побери, его носит?

Она выждала еще минуту, потом опустила в прорезь еще один четвертак и набрала домашний номер Хэммонда.

– Слушай меня внимательно, – сказала Лоретта, услышав сигнал включившегося автоответчика. – Не знаю, что на меня нашло, но сегодня я побывала на этой чертовой ярмарке в Бьюфорде и нашла важного свидетеля. Перезвони мне как можно скорее и скажи, что делать. Этот парень какой-то дерганый, а у меня кончаются и деньги, и обаяние.

– Миссис Бут?!

Она быстро повесила трубку и обернулась к человеку, который сидел в ее машине.

– Потерпи немного, дружок, он сейчас перезвонит! – откликнулась Лоретта без особой уверенности.

Этого человека она нашла в ресторане. Сначала он был очень рад поболтать с ней о деле Петтиджона и об аресте Юджин Кэрти, но, когда Лоретта сообщила, что он может оказаться важным свидетелем, ее новый знакомый несколько сник и стал отрабатывать задний ход. Участвовать во всем этом ему явно не хотелось, хотя он и считал себя порядочным и законопослушным гражданином.

Лестью и уговорами Лоретте удалось вырвать у него согласие сотрудничать, но она не особенно доверяла его слову. Этот человек готов был изменить свое решение в любой момент, а Хэммонда, как назло, нигде не было. Что она будет делать, если ценный свидетель сбежит от нее или, к примеру, «забудет» все, о чем всего два часа назад рассказывал ей с таким жаром?

– Миссис Бут!

С досады щелкнув по автомату, Лоретта вернулась к машине.

– Зови меня просто Лореттой, – сказала она терпеливо. Эту просьбу она повторяла уже в пятый раз. – Хочешь еще пива?

– Да нет... – Лицо свидетеля выразило нерешительность и сомнение. – Я тут подумал... Мне, знаете, что-то совсем

не хочется лезть в это дело. В конце концов, я ведь мог и ошибиться. Каждый человек может...

– Ну конечно, ты отлично ее помнишь! – уверенно проговорила Лоретта. – Ведь у тебя уникальная память на лица... и на все остальное. Говоришь, у нее были красивые ноги?

«Где этот чертов Хэммонд?!» – мысленно возвала она к небесам.

Пятница

Глава 34

Стефи Манделл отворила дверь кабинета и вздрогнула, увидев Хэммонда, который стоял с поднятой рукой, очевидно, собираясь постучать.

– У тебя есть для меня пара минут времени?

– Вообще-то нет. Я как раз собиралась...

– Я уверен, что это может подождать, – решительно сказал Хэммонд. – Мое дело поважнее. Он вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

– В чем дело, Хэммонд? – раздраженно спросила Стефи.

– Присядь-ка...

Весьма озадаченная, она подчинилась. Хэммонд выглядел немногим лучше, чем вчера. Рука по-прежнему висела на перевязи, а волосы стояли торчком. Бреясь, он порезался, и сейчас засохшая капелька крови у него на подбородке напомнила Стефи о результатах анализа, которые она несколько минут назад получила из больничной лаборатории.

– Ты сегодня какой-то вздрюченный, – заметила она. – Признавайся, сколько чашек кофе ты выпил утром?

– У меня и крошки во рту не было с утра.

– Но выглядишь ты так, словно тебе всю ночь вводили

кофеин через капельницу, – сказала Стефи. – Мне кажется, что...

– Послушай, Стеф, ведь мы с тобой все еще друзья? – вдруг резко перебил ее Хэммонд.

– В каком смысле? – подозрительно прищурилась Стефи.

– Но ведь мы не просто коллеги, верно? Когда мы... когда мы были вместе, я делился с тобой всеми своими секретами. Могу я надеяться, что наши отношения остались по крайней мере такими же доверительными? – Несколько секунд он пристально смотрел на нее, потом негромко выругался и попытался кое-как пригладить торчащие во все стороны волосы. – Господи, какой кошмар! – пробормотал он.

– Что происходит, Хэммонд? Что с тобой?!

– Сейчас скажу... Но прежде мне хотелось бы решить с тобой один принципиальный вопрос.

– Все в прошлом, Хэммонд. Мне не нужен мужчина, который...

– Я понимаю. Но я хотел поговорить с тобой не об этом. Не о нас. Скажи, ты обращалась к Харви Дуббу?

Это имя прозвучало для Стефи как удар грома. Первым ее побуждением было все отрицать, но по глазам Хэммонда она поняла, что собственное лицо выдало ее.

– Значит, ты знаешь... – проговорила она. – Да, я просила его добыть для меня кое-какую информацию о Петтиджоне. Все это неофициально, конечно, но...

– Зачем ты это сделала?

Стефи некоторое время играла со скрепкой для бумаг, раздумывая, стоит или не стоит отвечать откровенно. Наконец она сказала:

– Петтиджон вышел на меня несколько месяцев назад. Поначалу он вел себя довольно сдержанно, и я не сразу сообразила, что у него на уме. Некоторое время он обхаживал меня то так, то эдак, заходил то с одной, то с другой стороны. В конце концов он открытым текстом заявил, что хотел бы видеть меня в кресле окружного прокурора. По его словам, это было бы выгодно для нас обоих. Петтиджон обещал мне всяческое содействие, если я...

– Если ты – что?

– Если я буду держать открытыми глаза и уши и своевременно информировать его обо всем, что происходит в прокуратуре. Особенно его интересовала возможность расследования некоторых его афер.

– И что ты сказала ему на это?

– Боюсь, мой ответ нельзя цитировать в приличном обществе. Это было нечто настолько неженственное, что даже Петтиджон удивился. После этого он от меня отстал, но теперь уже я заинтересовалась, что такое он может скрывать. Конечно, кроме любопытства, меня гнало и честолюбие. Согласись, что, если бы Стефи Манделл сумела разоблачить самого крупного в штате мошенника, она бы заработала несколько зачетных очков, которые могли бы очень ей пригодиться перед грядущими выборами. Вот почему я об-

ратилась к Харви... – Она согнула скрепку в виде буквы S и отбросила в сторону. – Но когда я получила эти сведения...

– То увидела на документах имя моего отца.

– Да, Хэммонд, – подтвердила она.

– И ты промолчала?

– Да, я никому ничего не сказала. В конце концов, это было его преступление, его, а не твое. Но наказать Престона, не скомпрометировав тебя, было практически невозможно. Я такого способа не видела и поэтому ничего не предприняла, хотя – видит бог! – мне очень хотелось получить место окружного прокурора.

– Но не настолько, чтобы ради этого лечь в одну постель с Петтиджем, – констатировал Хэммонд. Стефи с отвращением передернулась.

– Ты имеешь в виду – в переносном смысле?

– Да, конечно. – Он помолчал. – Спасибо, что рассказала мне, Стефи...

– Я сама рада, что ты наконец узнал. Мне тяжело было носить это в себе. – Она подняла голову и посмотрела на него. – Ну а теперь, может быть, ты наконец скажешь, что привело тебя ко мне?

Хэммонд опустился на краешек кресла напротив ее стола и наклонился вперед.

– То, что я собираюсь тебе сказать, должно остаться строго между нами, – сказал он, понизив голос. – Могу я тебе довериться?

– Ну конечно.

– Хорошо. – Он набрал полную грудь воздуха. – Видишь ли, Юджин Кэрти не убивала Петтиджона!

Стефи слегка приподняла брови. Она ожидала от него совсем другого – быть может, даже признания в их противозаконной интрижке и просьбы о прощении, но это?.. Неужели Хэммонд действительно надеется, что ему удастся выгородить свою подружку?

У нее уже готов был резкий ответ, но она сдержалась. Откинувшись на спинку кресла, Стефи скрестила руки на груди и сказала как можно спокойнее:

– Что с тобой происходит? Еще вчера ты готов был выйти с этим делом на большое жюри, а уже сегодня утверждаешь, что и дела-то никакого нет. Что заставило тебя передумать, да еще так быстро?

– Я понимаю, что тебе мое решение действительно может показаться неожиданным, но для меня это не так. С самого начала я чувствовал, что доктор Карта – не тот человек, который нам нужен. Слишком многое не укладывалась в схему, которую предложил Смайлоу.

– Но Тримбл...

– Тримбл – просто сутенер, который спасал свою шкуру.

– Возможно, он и сутенер, но она была его девкой, – резко сказала Стефи. – И, похоже, не только была, но и осталась, если он решил подложить ее Петтиджону.

– Послушай, – миролюбиво сказал Хэммонд, – давай не

будем начинать все сначала, ладно?

– Хорошо, – вздохнула Стефи. – Об этом и так уже достаточно говорено. Попробуй предложить другую версию.

– Петтиджона убил Смайлоу.

– Что-о?! – Стефи даже привстала в кресле, но тут же рухнула обратно на сиденье. Лицо ее выражало крайнюю степень недоумения и растерянности, словно она не была уверена, что правильно его расслышала.

– Это что, шутка? – произнесла она наконец упавшим голосом.

– Нет.

– В таком случае объясни.

– Я сказал: Петтиджона убил Смайлоу. У меня есть свои соображения по этому поводу. Выслушай меня и скажи, что ты думаешь. Сама понимаешь, что ошибиться мне бы не хотелось.

– Я уже сейчас могу сказать, что я думаю. Ты просто спятил!

– И все-таки выслушай меня, – повторил Хэммонд упрямо, и было в его голосе что-то такое, отчего Стефи невольно умолкла. В субботу, в больнице, она сама спросила Смайлоу, не он ли прикончил своего бывшего зятя, но это была просто шутка, хотя, быть может, и не особенно удачная. Но Хэммонд был чертовски серьезен, и Стефи поняла, что у него, очевидно, были достаточно веские основания считать детектива убийцей.

– Ладно, – сказала она, пожимая плечами. – Выкладывай.

– Место преступления... – начал Хэммонд. – Оно было практически стерильным. Если помнишь, Смайлоу сам несколько раз заметил, что преступник не оставил нам никаких следов. Но кто мог так умело уничтожить улики, как не детектив, который всю жизнь только и занимался тем, что искал самые невероятные следы в самых невероятных местах?

– Натяжечка, Хэммонд, – возразила Стефи. – Преступники тоже читают специальную литературу, да и Смайлоу – не единственный детектив в Чарлстоне.

Ей было совершенно очевидно, что Хэммонд старается ради своей новой любовницы, и она почувствовала себя уязвленной. Все, что он наговорил об их «особенных» отношениях и о доверии, – все это было просто чепухой. Хэммонд пытался использовать ее, чтобы спасти свою смазливую шлюху.

Стефи очень хотелось сказать Хэммонду, что ей все известно об их грязной интрижке, но это было бы глупо. Конечно, можно было унижить его, швырнув обвинение ему в лицо прямо сейчас, но Стефи решила дождаться, пока подобный жест принесет ей не только моральное удовлетворение, но и вполне ощутимые карьерные дивиденды. То, что она знала о Хэммонде и Юджин Кэрти, было ее главным козырем, который следовало пускать в ход в строго определенный момент времени.

Пусть говорит, решила она про себя. Быть может, он вы-

болтает еще что-то, что может пригодиться ей в дальнейшем. Она использует против него его же собственные слова и сядет в кресло прокурора округа, а Хэммонд пусть убирается ко всем чертям!

– Впрочем, не буду тебя перебивать, – добавила она, стараясь ничем не выдать себя. – Надеюсь только, что твоя теория основывается все же на конкретных уликах, а не на их отсутствии на месте преступления, – Смайлоу ненавидел Петтиджона.

– Мы, кажется, уже установили, что Петтиджон не пользовался особой любовью. Абсолютное большинство тех, кто имел с ним дело, ненавидели его и боялись.

– У Смайлоу были свои причины. Несколько раз он почти в открытую угрожал отомстить Люту за свою сестру, которую тот довел до самоубийства. У меня есть сведения, что однажды Смайлоу набросился на Петтиджона с кулаками и убил бы его на месте, если бы их не разняли.

– Кто тебе рассказал об этом?

– У меня есть свои источники, – спокойно ответил Хэммонд, пропустив мимо ушей явственно прозвучавшую в его голосе насмешку. – Главное, что в случае необходимости этот человек готов дать показания под присягой, однако сейчас я не хотел бы называть его имени.

– Послушай, Хэммонд, ты уверен, что твои личные отношения со Смайлоу не повлияли на твою объективность?

– Я действительно его не люблю, но я никогда не заявлял,

что убью его.

– Насколько я знаю, Смайлоу угрожал прикончить Люта в приступе гнева, под влиянием минуты. Обычно подобные угрозы никто не принимает всерьез.

– Смайлоу часто посещает бар в вестибюле отеля «Чарлстон-Плаза».

– Там бывают сотни других людей, в том числе ты и я.

– Но Смайлоу к тому же ходит в отель чистить ботинки.

– Потрясающе, Хэммонд! – Стефи хлопнула ладонью по краю стола. – Теперь он у нас в руках. Это, бесспорно, железная улика. Получше даже, чем револьвер с его отпечатками!

– Ты права, – спокойно кивнул Хэммонд. – Сейчас я перейду к оружию.

– К оружию?!

– Да, к револьверу, из которого убили Петтиджона. У Смайлоу есть доступ к полицейскому складу вещественных доказательств. Примерно половина хранящихся там стволов нигде не зарегистрированы И проследить их невозможно.

Эти слова заставили Стефи задуматься. Недоверчивая улыбка сползла с ее лица, и она выпрямилась в кресле.

– Ты хочешь сказать, что Смайлоу...

– Да. Большинство револьверов валяются там, пока их не спишут и не отправят в утиль или на перепродажу. Смайлоу вполне мог воспользоваться одним из них.

– Но насколько я знаю, чтобы получить что-то со склада вещественных доказательств, необходимо предъявить соот-

ветствующий документ. Кроме того, выдача должна быть соответствующим образом отражена в журнале, который ведет этот толстый капрал.

– Бассет не капрал, а сержант, – поправил ее Хэммонд. – Кроме того, Смайлоу, очевидно, знает, как обойти обычную процедуру. Он мог взять один револьвер, а вернуть другой, ведь номера на многих спилены. Наконец, он мог воспользоваться оружием, конфискованным совсем недавно и не успевшим еще попасть на склад. В общем, возможностей здесь много.

– Кажется, я начинаю тебя понимать, – задумчиво сказала Стефи. – И все же твоя теория все еще кажется мне притянутой за уши. Сам посуди: мы не можем утверждать, что Юджин Кэрти убила Петтиджона, потому что не нашли оружия, но точно так же мы не можем обвинить в убийстве Смайлоу, поскольку оружия у нас опять-таки нет. Одни только твои предположения.

Хэммонд вздохнул и посмотрел сначала в пол, потом снова поднял взгляд на нее.

– Есть еще кое-что. Еще один мотив, Стефи. И он кажется мне гораздо более убедительным, чем месть за сестру.

– Какой же?

– Я не могу обсуждать это сейчас.

– Но почему?

– Я не хотел бы нарушить право одного человека на анонимность.

– Разве не ты десять минут назад говорил о необходимости доверять друг другу и о наших с тобой «особых» отношениях?

– Дело не в том, что я не доверяю тебе, Стефи. Дело в том, что этот человек доверился именно мне, а я не хотел бы обмануть его. Я назову его имя, только когда полученные от него сведения понадобятся для предъявления обвинения.

– Обвинения? – с насмешкой повторила Стефи. – Никакого обвинения не будет, потому что нет никакого дела против Смайлоу.

– Я думаю, что дело будет.

– Ты серьезно решил пойти этим путем?

– Я понимаю, что это будет нелегко. Смайлоу, безусловно, не самый симпатичный человек, но в управлении его уважают и побаиваются, так что я готов столкнуться с определенным сопротивлением...

– «Сопротивление» – это еще мягко сказано, Хэммонд. Ни один полицейский в городе не станет добровольно помогать тебе в этом расследовании, потому что оно направлено против одного из своих. А Смайлоу для копов – свой.

– Я это понимаю, как понимаю и то, что мне это обойдется недешево. И все же я готов действовать. Кстати, одного этого должно быть достаточно, чтобы ты убедилась, как глубоко я убежден в своей правоте.

«Или насколько сильно вскружила тебе голову твоя новая подружка», – подумала Стефи, а вслух сказала:

– А что насчет Юджин Кэрти? Ты снимешь с нее все обвинения и отпустишь на все четыре стороны? Может, нам еще и извиниться перед ней?

И снова Хэммонд услышал саркастические нотки в ее голосе.

– Этого делать нельзя. Пока нельзя, – объяснил он спокойно. – Если отпустить ее сейчас, Смайлоу может настроиться. Я планирую пока продолжать в том же духе, но, даже если большое жюри предъявит ей обвинение, это дело нам все равно не выиграть. Мы просто не сможем этого сделать, – поспешно добавил он, увидев, что Стефи готова возразить. – Бобби Тримбл – обыкновенный мерзавец, и присяжные быстро его раскусят. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: он оговорил сестру, чтобы спасти себя. Ему просто никто не поверит, хотя бы время от времени он и говорил чистую правду. Кроме того, доктор Кэрти уже несколько раз официально заявила нам, что не делала ничего предосудительного.

– Они все так говорят, – буркнула Стефи.

– Но присяжные скорее поверят ей, чем этому мелкому паразиту – ее брату.

Его решимость защищать Юджин Кэрти произвела впечатление даже на Стефи, хотя она и знала теперь об их интрижке. Несколько мгновений она внимательно разглядывала Хэммонда, даже не пытаясь скрыть разочарования, потом спросила:

– Это все? Все, что ты хотел мне сказать?

– Вообще-то нет. Вчера вечером я кое-что проверил, но улики, которые мне удалось найти, нельзя пока назвать железными.

– Что же тебе удалось найти?

– Я не хочу говорить об этом, пока у меня не будет сто-процентной уверенности в своей правоте. Сама понимаешь, ситуация довольно щекотливая.

– Ты чертовски прав, Хэммонд! – сердито возразила Стефи. – Ситуация очень сложная. Я только никак в толк не возьму, зачем ты вообще пришел ко мне, если не можешь или не хочешь сказать всего? Что тебе от меня-то нужно?..

* * *

Меньше всего Дэви Петтиджон ожидала увидеть на пороге своего дома женщину, которую подозревали в том, что она сделала ее вдовой. Тем не менее она изобразила доброжелательность и с улыбкой поздоровалась с ней, когда Сара Берч провела гостью в малую приемную, где Дэви пила кофе. Даже если бы экономка не назвала ее по имени, Дэви непременно узнала бы Юджин Кэрти, хотя, на ее взгляд, фотокорреспонденты и телевизионщики обошлись с ней не слишком любезно. На первой полосе утренней газеты вид у доктора Кэрти был откровенно удрученный, а на телевизионной картинке она вообще была не похожа на себя. Зато в жизни она

была довольно мила и хороша собой.

– Спасибо, что согласились принять меня, – сказала Юджин, опускаясь в кресло.

– Я приняла вас не столько из любезности, сколько из любопытства, – откровенно заявила Дэви. – Выпьете кофе?

– Спасибо, с удовольствием.

Пока Сара ходила за чашкой и сливками, две женщины сидели молча и мерили друг друга оценивающими взглядами. Наконец кофе прибыл, и, поблагодарив Сару и сделав из своей чашки крошечный деликатный глоток, Юджин сказала:

– В субботу вечером я встречалась с вашим мужем в его номере в отеле. Некоторые газеты, – она указала на разбросанные по ковру утренние выпуски «Геральд» и «Пост энд курьер», – позволили себе намекнуть, что нас якобы связывали близкие отношения...

– У моего мужа была вполне определенная репутация, которую он считал нужным поддерживать, – вставила Дэви, лучезарно улыбнувшись.

– Тем не менее я хотела сказать, что для подобных заявлений нет никаких оснований. До субботней встречи я даже не была знакома с ним лично. Впрочем, когда вы услышите показания моего сводного брата, вы можете решить, что я лгу.

– Я читала про вашего брата, – заявила Дэви. – Судя по газетным отчетам, Бобби Тримбл – та еще задница.

– Вы ему льстите.

– Возможно. – Дэви рассмеялась. – К счастью, я не имела удовольствия знать его лично, а вот вам родство с этим мелким негодяем может обойтись довольно дорого. Скажите... – Она помедлила, заметив по лицу Юджин, что эта тема ей неприятна, но все же продолжила:

– Скажите, вам тяжело пришлось в детстве?

– Достаточно тяжело, миссис Петтиджон. Но я справилась. Дэви кивнула.

– Прошу вас, называйте меня просто Дэви, – сказала она. – Что касается моего вопроса, не считите его бестактным, просто... Просто почти у всех нас есть свои неприятные воспоминания, оставшиеся с тех давних времен, которые почему-то принято называть счастливым и беззаботным детством.

– Совершенно с вами согласна, Дэви, – кивнула Юджин. – В своей работе я постоянно сталкиваюсь с подобными явлениями. Порой бывает просто удивительно, как глубоко люди ухитряются запрятать воспоминания, которые мешают им жить нормальной жизнью. Требуется помощь психоаналитика, чтобы извлечь их из подсознания и освободить человека от их влияния.

– То есть ваша помощь. – Дэви долго рассматривала Юджин, потом неожиданно сказала:

– А вы совсем не такая, какой я вас представляла по газетным отчетам. Мне представлялось, что вы грубее, циничнее, хитрее. Может быть, даже коварнее. – Она рассмеялась

негромко. – В общем, мне казалось, что вы больше похожи на меня.

– У меня тоже есть свои недостатки, – улыбнулась Юджин. – И, уверяю вас, их немало. Но я клянусь, что встречалась с вашим мужем только однажды и это было в прошедшую субботу. Вскоре после этого он был убит, но я не убивала его. И я пришла в его номер в отеле не для того, чтобы переспать с ним. Прошу вас, Дэви, поверьте мне – для меня это важно.

– Я склонна верить вам, – кивнула Дэви. – Во-первых, придя ко мне с этим заявлением, вы ничего не выигрываете. Во-вторых, не сочтите за обиду, но вы вряд ли понравились бы моему благоверному. Вы не в его вкусе.

Юджин улыбнулась и тут же, не в силах побороть своего любопытства, поинтересовалась:

– А почему я не в его вкусе?

– Во всяком случае, не с точки зрения внешности, – успокоила ее Дэви, окинув Юджин критическим оком. – Опять же не сочтите за оскорбление, но Лют был готов трахнуть любую женщину, лишь бы она еще не остыла. Все дело в вашем характере, дорогая. Люту нужно было, чтобы женщина, с которой он собрался переспать, была от него в восторге. Он любил покорных и глупых баб и предпочитал, чтобы они побольше молчали, за исключением, быть может, самой кульминации, во время которой его пассия просто обязана была орать во всю глотку, чтобы Лют почувствовал себя еще

большим кобелем, чем он был на самом деле. Что касается вас, моя дорогая, то вы могли понравиться ему внешне, однако я продолжаю придерживаться мнения, что для Люта вы были чересчур умны и уверены в себе.

Дэви снова наполнила свою чашку из серебряного кофейника и бросила в нее два крошечных кусочка сахара.

– Знаете, Юджин, мне кажется, что некоторые из тех, кто обвиняет вас в убийстве Люта, сами не верят в это.

– Вот как? – удивилась Юджин. – Вы что, говорили с Хэммондом?

– Да нет, мне просто... – Она внезапно остановилась, пораженная внезапной догадкой. – Вы сказали «с Хэммондом»?! Означает ли это, что вы так близко знакомы с человеком, который ведет ваше дело, что называете его просто по имени?

Смутившись, Юджин опустила свою чашку на блюдечко.

– Извините меня, миссис Петтиджон... Дэви, – сказала она. – Я не хотела бы отнимать у вас время. Спасибо, что согласились встретиться со мной. По правде говоря, я не была уверена, что вы захотите меня видеть...

Дэви неожиданно перегнулась через столик и положила руку на плечо Юджин. Та в ответ подняла голову и ответила ей взглядом, полным спокойного достоинства. Несколько секунд они просто молча смотрели друг на друга, но этот обмен взглядами сказал обоим больше, чем любые слова. Все защитные барьеры были сняты. И этого оказалось достаточ-

но, чтобы понять и принять...

– Так вот вы какая... – негромко проговорила Дэви, выпрямляясь. – Теперь я понимаю, что имел в виду Хэммонд, когда сказал: «Это не просто сложно, а очень сложно»...

Юджин открыла рот, чтобы что-то сказать, но Дэви опередила ее.

– Нет, ничего не говорите мне сейчас, – быстро сказала она. – Я не хочу забегать вперед – это будет все равно что заглянуть на последнюю страницу увлекательного романа. Что мне действительно хочется узнать, это как вы оба влипли в эту захватывающую историю? Надеюсь, начало было столь же интригующим, какой обещает быть развязка? – Она озорно улыбнулась. – Бедняга Хэммонд! Зная его, я могу представить, в какой невообразимой ситуации он оказался!

– Ему действительно пришлось нелегко, – согласилась Юджин. – И, насколько мне известно, он все еще пытается найти выход.

– А разве вы не будете осуждены? – спросила Дэви, сразу становясь серьезной.

– Этого я пока не знаю, – покачала головой Юджин, – но дело не во мне. Дело в Хэммонде. Очень скоро ему могут понадобиться друзья. Будьте его другом, Дэви, пожалуйста!

– Я всегда была его другом и останусь им.

– Он так мне и говорил. – Юджин накинула на плечо рюкзак сумки и встала. – А теперь извините, мне действительно пора.

Дэви тоже поднялась, чтобы самой проводить гостью до дверей.

– Вы не сказали, как вам понравился мой дом, – сказала она, когда они вышли в прихожую. – Большинство гостей, которые впервые попадают в этот дворец, просто не могут удержаться, чтобы не похвалить его. А вы что скажете, Юджин?

Юджин быстро огляделась.

– Честно?

– Ну разумеется.

– У вас есть несколько очень милых вещей, но, на мой взгляд, дом слишком роскошный. И не очень уютный. Во всяком случае, на мой вкус...

Дэви фыркнула.

– Никто и не собирался тут жить – этот дом был перестроен специально, чтобы им хвастаться. Ну ничего, теперь, когда Лют умер, я все здесь сделаю по-своему.

И Дэви улыбнулась Юджин. Она редко испытывала расположение к другим женщинам и теперь со свойственной ей прямоотой сказала:

– Мне все равно, спали вы с Лютом или нет. Вы мне нравитесь, Юджин.

– Вы тоже понравились мне, Дэви. Юджин была уже на половине пути к воротам, когда Дэви окликнула ее.

– Как я поняла, вы встречались с Лютом незадолго до его смерти? – спросила она.

– Да, верно, – подтвердила Юджин, останавливаясь.

– Я должна вас предупредить... Убийца может думать, что вы что-то скрываете. Может быть, вы что-то видели или слышали? – спросила Дэви, спускаясь с крыльца на одну ступеньку.

– Давайте оставим эти вопросы полиции, хорошо? – Юджин улыбнулась и пошла дальше. Отворив небольшую калиточку рядом с воротами, она вышла на улицу, и вскоре Дэви услышала шум отъезжающего автомобиля.

Дэви еще немного постояла на крыльце, потом вернулась в прихожую и закрыла дверь. Когда она повернулась, то увидела Сару Беря, которая неслышно подошла к ней сзади.

– Что-нибудь случилось, милая? – ласково спросила Сара и, подняв руку, погладила Дэви по лбу, словно хотела стереть появившиеся между ее бровями озабоченные морщинки.

– Нет, все в порядке, Сара, – рассеянно пробормотала Дэви. – Ничего не случилось. Абсолютно ничего.

Глава 35

Рано утром, до того как отправиться на работу и переговорить со Стефи, Хэммонд проверил свою телефонную почту, но ответил только на одно сообщение. Набрав знакомый номер, он в свою очередь наткнулся на автоответчик и сказал: «Лоретта, это Хэммонд. Я получил твои сообщения только сегодня утром. Извини, что разозлил тебя, но меня сбил номер на пейджер. Я не знал, что это ты. Я благодарен тебе за то, что ты сделала, но, к сожалению, человек, которого ты нашла на ярмарке, может мне только повредить; во всяком случае, сейчас его появление нежелательно. Поверь, у меня есть веские основания утверждать так. Возможно, впрочем, его показания мне все же понадобятся в будущем, так что не теряй его из виду. Пока же... В общем, я хотел сказать, что, если у тебя есть на примете какая-то другая работа, можешь ей спокойно заниматься. Если ты мне понадобишься, я с тобой свяжусь. Еще раз спасибо. Лори, ты отлично поработала... В ближайшие дни я вышлю тебе чек за твою вчерашнюю работу. Ты превзошла самое себя. А теперь – до свидания, мне пора бежать».

Бев Бут прослушала это сообщение дважды и долго стояла в раздумье, не зная, как поступить. Если бы Хэммонду Кроссу случилось сейчас оказаться поблизости, она бы не постеснялась посоветовать ему засунуть свое сообщение се-

бе в задницу (то, что поступить подобным образом со словами было бы затруднительно, ее не смущало – для хорошего дела не жаль было и автоответчика), однако Хэммонд был теперь неизвестно где, и Бев могла только либо стереть запись, либо оставить ее для матери.

После сегодняшнего дежурства Бев была раздражена сильнее обычного. За всю ночь она так ни разу и не прилегла, к тому же кто-то поцарапал ей машину, оставленную на больничной стоянке для сотрудников. Как и всегда после двенадцатичасовой ночной смены, голова у Бев раскалывалась от боли, а в доме не оказалось аспирина, хотя она отчетливо помнила, что положила флакончик в аптечку в ванной. Но больше всего Бев переживала из-за матери, чья комната оказалась пуста, а постель – аккуратно застелена. Интересно, где Лоретта сейчас и где она была всю ночь?

Бев припомнила, что, когда она уходила на работу, мать показалась ей озабоченной и подавленной. Обнаруженное ею на автоответчике сообщение означало, что всю ночь – или, по крайней мере, часть ее – Лоретта потратила, выполняя для помощника окружного прокурора какую-то грязную работу, а он, судя по его голосу, был как будто не особенно ей благодарен.

И, преисполнившись раздражения, Бев нажала кнопку на наборной панели телефона, стирая запись.

Через десять минут, когда, приняв две таблетки аспирина (который нашелся на кухне в шкафчике, куда она сама его

положила), Бев выходила из душа, она услышала голос матери.

– Бев, это я! – крикнула Лоретта. – Я дома.

Завернувшись в простыню, Бев прошла по коридору и заглянула в спальню матери. Лоретта сидела на краешке кровати и снимала сандалии, оставившие на ее распухших ногах глубокие ярко-багровые следы.

– Привет, мам, наконец-то... – поздоровалась Бев. Лоретта была трезва, и она постаралась ничем не выдать своего облегчения. – А я, признаться, уже начинала беспокоиться. Где ты была?

– Это долгая история, которую лучше всего рассказывать после того, как мы обе поспим минуточек шестьсот, – заявила Лоретта. – Я чувствую себя так, словно всю ночь грузила вагоны. Ты проверила автоответчик? Мне никто не звонил?

– Нет, мам, никто, – неуверенно ответила Бев после некоторых колебаний.

– Странно... – пробормотала Лоретта, стаскивая через голову платье. – Я тут на части разрываюсь, а Хэммонд, как назло, куда-то пропал.

Раздевшись до белья, она стащила с кровати покрывало и улеглась. Казалось, она заснула еще до того, как ее голова коснулась подушки, и Бев вернулась к себе в комнату. Надев ночную рубашку, она завела будильник, отрегулировала кондиционер, чтобы воздух был попрохладнее, и тоже забралась под одеяло.

На этот раз Лоретта вернулась трезвой, хотя лицо ее казалось просто серым от усталости. Но что будет в следующий раз? Бев видела, что ее мать очень старается, чтобы не сорваться, однако это вовсе не означало, что пагубная привычка окончательно побеждена. Лоретта нуждалась в постоянном ободрении и похвалах, но – самое главное – ей просто необходимо было ощущать себя нужной кому-то.

Последнее, о чем подумала Бев, прежде чем успела заснуть, – это о том, что работа – пусть даже на прокурора Кросса – нужна была Лоретте просто позарез. Но Хэммонд Кросс как раз и звонил, чтобы сказать ее матери, что больше не нуждается в ее услугах.

«Нет уж, – решила Бев, – если мистер Кросс решил дать маме отставку, пусть сделает это лично, а не при помощи чертова телефона...»

* * *

– Что это? – спросил Рори Смайлоу, поднимая голову от коричневого конверта, который Стефи с торжествующим видом бросила перед ним на стол.

– Это – результаты одного лабораторного исследования, – ответила она. – Очень любопытного исследования.

Расставшись с Хэммондом, Стефи сразу же поехала в полицейское управление, чтобы сообщить детективу обо всем, что ей довелось узнать. Ни сожалений, ни угрызений сове-

сти она не испытывала – равно как и жалости к своему бывшему любовнику. Если у Хэммонда и были с ней «особые» отношения, то для нее они были пустым звуком. Начиная с сегодняшнего утра Стефи решила играть только за себя.

Прежде чем Смайлоу успел прикоснуться к конверту, Стефи снова схватила его и прижала к груди, словно любимое дитя.

– Может, поговорим у тебя в кабинете?

Придя в управление, она застала Смайлоу в просторном помещении отдела по расследованию особо опасных преступлений, где детектив сидел за столом, заваленным бумагами и бланками, и пил кофе.

– Что ж, идем! – Смайлоу залпом допил кофе, бросил пустой стаканчик в мусорную корзину и поднялся. – Только недолго, – раздраженно бросил он. – У меня уйма дел.

– Ты сам будешь решать, как долго мы будем об этом разговаривать, – самодовольно откликнулась Стефи, лавируя между беспорядочно составленными столами сотрудников отдела. – Но мне почему-то кажется, что это дельце тебя очень и очень интересует.

Наконец они вошли в крошечный кабинет Смайлоу. Там детектив сразу уселся на край стола, который в отличие от большинства рабочих столов в управлении был девственно чист.

– Ну, что там у тебя? – буркнул он.

– Помнишь пятна крови на простынях мисс Кэрти?

– Допустим. Кажется, она сказала, что порезала ногу, когда брилась.

– Это ложь. Впрочем, может, она действительно порезалась, только эта кровь – не ее. Я заставила Андерсона сравнить эту кровь по группе еще с одним образцом. Группы крови совпали, причем оба образца принадлежат к довольно редкой, четвертой группе. Для страховки нужно бы провести более подробное исследование, но я уже сейчас на сто процентов уверена, что не ошиблась. Я знаю, кто побывал у мисс Кэрти той ночью и испачкал ей простынку кровью и спермой... – Стефи торжествующе рассмеялась. – Кровь и сперма! По-моему, неплохо звучит, а? Как название настоящего детективного романа.

– Так чья же это кровь? – нетерпеливо прервал ее Смайлоу.

– Хэммонда – вот чья!

Пожалуй, впервые за все время их знакомства, Стефи удалось удивить Смайлоу. Во всяком случае, детектив лишился дара речи и молчал почти целую минуту. Стефи воспользовалась этим обстоятельством, чтобы кое-что объяснить.

– В тот вечер, когда на него напал грабитель, Хэммонд поехал домой, а не в больницу. Там ему оказал помощь какой-то неизвестный доктор, которого, кстати, не мешало бы найти. Как бы там ни было, врач оставил в коридоре целый мешок окровавленных полотенец и салфеток, и я этим воспользовалась. – Стефи перевела дух. – Понимаешь, на сле-

дующее утро я приехала к Хэммонду, чтобы сообщить ему про Тримбла, и тут на меня словно что-то нашло! Я просто почувствовала, что Хэммонд что-то скрывает, хотя поначалу решила, что он ведет себя странно из-за болеутоляющего лекарства. И тогда я потихоньку вытащила из пакета одно полотенце и припрятала.

Смайлоу постепенно пришел в себя.

– Что побудило тебя сравнить кровь на полотенце именно с образцами крови на простыне? – спросил он. – Почему ты решила, что мужчина, который побывал у доктора Кэрти ночью – именно Хэммонд?

– Называй это чудом, женской интуицией, как угодно! Но, по-моему, достаточно просто приглядеться, как он себя ведет, чтобы все стало ясно! – торжествуя воскликнула Стефи. – Наш Хэммонд просто порхает вокруг этой смазливой докторши. По временам у него бывает такое лицо, словно он вот-вот облизнется. Да ты и сам наверняка это заметил – заметил, только не понял... Я – и то не сразу сообразила, что к чему.

Смайлоу потер ладонью шею.

– Господи, какой стыд! – пробормотал он. – Просто стыд и срам!

– Почему? – не поняла Стефи.

– Ты права: я сам должен был до этого додуматься, ведь все это происходило у меня на глазах. Я действительно чувствовал, что между ними что-то происходит, но мне и в го-

лову не пришло... не могло прийти, а ведь ответ лежал на поверхности. Я передумал обо всем, включая какой-то сложный и запутанный заговор с участием отца Хэммонда, но об обычном сексуальном влечении даже не подумал!

– Не казни себя, Смайлоу, – великодушно сказала Стефи, чувствуя, что сейчас, в момент своего торжества, она может позволить себе немного снисхождения. – Женщины обычно более чувствительны к таким вещам. Там, где мужчины пускают в ход логику, женщины полагаются на интуицию и оказываются правы.

Смайлоу усмехнулся.

– Кроме того, у тебя в этом плане есть передо мной еще одно преимущество.

– Какое же?

– Ты спала с Хэммондом.

Он снова усмехнулся, но Стефи не находила в этом заявлении ничего смешного.

– Я хотела сказать вот что, – заявила она холодно. – Не имеет особого значения, кто первым почувствовал и кто первым догадался, что происходит между ними двумя. Суть в том, что Хэммонд Кросс переспал с этой женщиной уже после того, как его назначили государственным обвинителем по делу, в котором она является главным подозреваемым. – С этими словами она подняла конверт высоко над головой, словно это был скальп поверженного врага. – И мы можем это доказать!

– Но для этого нужны доказательства, добытые законным путем, – напомнил Смайлоу.

– Это чисто технический вопрос, – отмахнулась Стефи. – Мы решим его в рабочем порядке, а сейчас я предлагаю взглянуть на общую картину. Кстати, еще одно... Помнишь, эта мисс Кэрти пыталась соврать нам насчет соседских подростков, которые якобы вломились к ней в дом? Так вот, я уверена, что замок на ее кухонной двери тоже сломал Хэммонд. Он проник к ней в дом, а теперь....

– Интересно зачем? – перебил Смайлоу. – Чтобы украсть ее столовое серебро?

Стефи нахмурилась – ей не понравилось, что он шутит в то время, как она говорит такие серьезные вещи.

– Я готова биться об заклад, что их отношения начались еще до того, как мы начали подозревать мисс Кэрти в убийстве. Они наверняка встречались раньше, а на допросе притворились, будто не знают друг друга. Мне кажется, им нужно было сговориться, какой линии придерживаться дальше, вот Хэммонд и отправился навестить свою подружку. Если я не ошибаюсь, это было вечером во вторник, после того, как мы поймали мисс Кэрти на лжи. Очевидно, Хэммонд опасался, что мы могли установить наблюдение за домом, вот почему он решил зайти с заднего крыльца. Наверное, она не ждала его. Дверь оказалась закрыта, он стал ломать замок и порезал палец. Я, во всяком случае, хорошо помню, что на следующий день у Хэммонда был заклеен палец.

Кроме того, Юджин Кэрти наверняка была с ним, когда на него напал этот непонятный грабитель. Это объясняет, почему он не обратился в больницу. Наверняка его раны обработала сама мисс Кэрти – ведь она все-таки врач.

– Она не совсем такой врач, какой нужен был Хэммонду в тот вечер, – пробормотал Смайлоу задумчиво.

– Но у нее наверняка есть знакомые хирурги, – не сдавалась Стефи. – Она могла попросить кого-то из своих друзей приехать и оказать Хэммонду помощь, чтобы все было шито-крыто.

– Что ж, возможно, ты права... – протянул Смайлоу, все еще сомневаясь. – Как бы мне ни хотелось, чтобы этот чистюля-бойскаут хотя бы раз приземлился лицом в грязную лужу, я все же не могу поверить, чтобы Хэммонд Кросс допустил что-нибудь столь серьезное. Ведь если все, что ты говоришь, правда, то это граничит с должностным преступлением. И не только с должностным... Кстати, ты не намекала ему, что тебе все известно?

– Нет. Я старалась не насторожить его, пока не получила этот отчет из лаборатории. Но теперь Хэммонд по уши в дерьме!

– Совпадение группы крови, какой бы редкой она ни была, еще ни о чем не говорит.

– Если дело дойдет до доказательств его преступления, мы сможем провести сравнительный анализ ДНК.

– Что ж, – заметил Смайлоу, – я не утверждаю, что ты

права во всем, но твои слова по крайней мере объясняют его бурную реакцию на показания Тримбла.

Стефи фыркнула.

– Кому приятно узнать, что твоя подружка – заурядная шлюха.

– Была...

– Ну, была или есть – вопрос спорный. В любом случае это объясняет, почему Хэммонд так резко возражал против того, чтобы мы использовали показания ее единоутробного брата. Что еще у тебя на уме? – досадливо спросила она, увидев, что Смайлоу снова нахмурился.

– Вообще-то в этом вопросе я вполне согласен с Хэммондом, – сказал Смайлоу. – Тримбл – слишком явный мерзавец. Он не только не способен внушить присяжным ни капли доверия, но – еще хуже – может вызвать в них сочувствие к самой мисс Кэрти. Она как-никак известный психолог, человек, занимающий видное положение в обществе, а он?.. Наркоман, сутенер, самодовольный альфонс, который считает, что нравиться старым девам – это особый дар. Такой тип, если только мы отважимся вытащить его пред очи присяжных, скорее повредит нашему делу, чем поможет ему, в особенности если в составе присяжных будет достаточно много женщин. По-моему, было бы куда лучше, если бы Бобби фигурировал на суде только в виде собственных показаний, да и то письменных, а не записанных на пленку.

– Но если дать волю Хэммонду, никакого суда вообще не

будет. Он развалит дело Юджин Кэрти еще на этапе предъявления обвинения.

– Ну, в данном случае не все зависит только от него. Скажи, он не собирается...

– Я знаю, что он собирается повесить убийство Петтиджона на кого-то другого.

– Что-что?

– Я вижу, ты меня совсем не слушаешь, Смайлоу. Ведь я же сказала тебе, что Хэммонд готов зайти сколь угодно далеко, лишь бы защитить эту женщину. Я разговаривала с ним сегодня утром. Он одним махом отмел все улики, которые ты собрал против этой женщины, и предложил начать дело против кое-кого другого. И надо сказать, что он не терял времени даром:

Хэммонд уже нашел человека, у которого, по его мнению, была достаточно сильная мотивация и, главное, возможность совершить это преступление. Лично я не сомневаюсь, что этого человека Хэммонд Кросс отправит за решетку с огромным удовольствием. Ты спросишь меня, кто этот человек? – Стефи вызывающе рассмеялась. – Можешь отгадывать до трех раз, Смайлоу...

* * *

– Хэммонд, я ищу тебя все утро!

– Добрый день, мистер Мейсон.

Хэммонд поморщился и отодвинул трубку подальше от уха. Он знал, что шеф разыскивает его, но надеялся избежать разговора с ним. На это у него просто не было времени.

– Я был очень занят, шеф, – добавил он. – Вы застали меня случайно. Я заскочил к себе буквально на минутку и собирался снова уйти.

– В таком случае не стану тебя задерживать.

– Спасибо, шеф, – поблагодарил Хэммонд, берясь за ручку двери. – Я свяжусь с вами попозже, как только выдаться свободная минутка.

– Собственно говоря, я хотел поговорить с тобой о пресс-конференции.

– О какой пресс-конференции? – Хэммонд замер.

– О той, которая состоится сегодня в мэрии в пять часов. Все местные телевизионные станции будут вести репортаж в прямом эфире.

– И чему она будет посвящена? – насторожился Хэммонд.

– Я хотел официально объявить о своей отставке, – сообщил Мейсон. – О ней и так всем известно, так что я решил больше не тянуть. Заодно я планировал сообщить корреспондентам, что считаю тебя своим преемником. Считай, парень, что на ноябрьских выборах один голос Ты уже заработал.

– Я... я просто не знаю, что и сказать... – Хэммонд переложил трубку в другую руку, поскольку его ладонь вдруг оказалась влажной от пота.

– Ничего не надо говорить! – прогрохотал Мейсон. – Побереги силы для пресс-конференции.

– Но...

– Я уже сообщил твоему отцу. Он и Амелия тоже собираются прийти.

«О господи!»

– Вы же знаете, шеф, я просто зашиваюсь с этим делом об убийстве Петтиджона. Мне сейчас совсем не до пресс-конференций.

– Поверь, сынок, более удобного момента нельзя и представить. Кстати, можешь сказать пару слов и о своем расследовании. Это сделает тебя героем домохозяек всего Чарлстона.

Хэммонд на секунду прикрыл глаза.

– Я вижу, вы с Престоном неплохо пообщались, – сказал он, постаравшись придать своему голосу самый ироничный оттенок.

Мейсон расхохотался так, что у Хэммонда чуть не лопнули барабанные перепонки.

– Ты же знаешь своего отца, он умеет быть настойчивым. Например, вчера вечером он угощал всех в нашем клубе и.

– Понимаю, – сердито пробормотал Хэммонд. – Вы бы хоть обо мне подумали!

Впрочем, он знал, что сам во всем виноват. Хэммонд совершенно забыл о недавнем разговоре с отцом, а между тем ему следовало задуматься еще тогда. Престон никогда не

позволял картам ложиться как попало и старался снять колоду так, чтобы все тузы достались ему. Его маневр с раздачей денег жителям острова Спарккл выбил из рук Хэммонда главное оружие, так что теперь Престона было практически невозможно привлечь к ответственности. Он и сам прекрасно это понимал, но, как видно, все же решил подстраховаться на случай, если Хэммонд все же начнет расследование. Престону очень хотелось, чтобы его сын оказался в кресле окружного прокурора. Очевидно, он рассчитывал, что Хэммонд не захочет скомпрометировать себя, публично объявив преступником родного отца.

Что ж, с каждым днем ставки росли, но теперь Хэммонд был готов принять вызов.

– Ладно, шеф, мне действительно нужно бежать, – сказал он. – Еще раз извините.

– Извиняю. Только не забудь про пять часов.

– Не забуду, шеф.

Глава 36

Лоретта слегка пошевелила ногами. Вот уже полчаса она держала их в тазу с холодной водой, но отек даже не думал спадать.

– Старость – не радость... – проворчала она недовольно, хотя никогда не считала себя старой. Просто она слишком долго пила и испортила себе сердце, сосуды и печень. И еще, возможно, почки, но сейчас ей не хотелось об этом думать. Проще было свалить все на возраст. Стариков все жалеют. Пьяниц – презируют.

– Ты уже встала, мама? – спросила Бев, заглядывая в комнату. – Я думала, ты поспишь подольше.

– Просто у меня еще много всякого на уме, – отозвалась Лоретта и пристально посмотрела на дочь. – Ты уверена, что утром на автоответчике не было никаких сообщений? – спросила она. – Может быть, он испортился?

– Нет, он не испортился, – ответила Бев с виноватым видом. – Мистер Кросс оставил для тебя сообщение, но я не захотела передавать его тебе.

– Что он сказал?! – Лоретта так и подскочила.

– Он сказал, что человек с ярмарки ему не нужен.

– Ты уверена? – Лоретта уставилась на дочь с явным недоверием.

– Да, он так и сказал «с ярмарки».

– Нет, я имела в виду, что он ему не нужен.

– Он так и сказал, – подтвердила Бев. – Именно это меня и обидело. Ты пропадала где-то всю ночь, работала для него, а ему, видите ли... Эй, мама, осторожнее! Ты зальешь водой ковер!

Но Лоретта уже стояла, уперев руки в бока и широко расставив ноги.

– Да он что, с ума сошел?! – воскликнула она.

* * *

Бобби Тримблу очень не хотелось в тюрьму. Попадать туда не входило в его планы. В тюрьме было паршиво. Тюрьма – это место для неудачников. Быть может, она худо-бедно годилась для прежнего Бобби, но нынешнему мистеру Тримблу в ней было не место.

Всю ночь он делил камеру с каким-то пьяницей, который оглушительно храпел и так часто портил воздух, что Бобби едва не задохнулся. Единственное, что хоть как-то его поддерживало, – это надежда, что утром его отпустят. Так, по крайней мере, обещали Бобби детектив Смайлоу и та чернявая сука из прокуратуры. Только одна ночь, сказали они ему, и ты выйдешь на свободу.

Но утро наступило, а за ним так никто и не пришел. Бобби, однако, не собирался сносить все это спокойно. Он выражал свои жалобы часто и громко, он ругался и тряс решетку,

но это ни к чему не привело. Между тем часы шли, и Бобби все больше поддавался унынию.

Похоже, ему не удалось добиться своего. Эти двое его попросту надули.

Теперь Бобби понимал, что дела с самого начала пошли не лучшим образом. Кто-то весьма некстати пришел Петтиджона, на что он, честно говоря, не рассчитывал. Разумеется, Бобби никогда не считал себя святым, но никакого отношения к убийству он иметь не хотел. То, что он выставил Юджин виновной, его ни в малейшей степени не беспокоило. Главное, чего он хотел добиться, – это вырваться на свободу. Правда, Смайлоу предупредил его, что до суда над Юджин он должен оставаться в городе, ежедневно отмечаться в полицейском участке и вообще вести себя тише воды ниже травы. Никаких женщин. Никаких вечеринок. Никаких наркотиков. Никаких развлечений...

Но и это было значительно лучше, чем тюрьма, к тому же у Бобби не осталось ни цента, поскольку он так и не получил причитающихся ему ста тысяч, которые Юджин успела забрать у Петтиджона. А если и не успела, лично ему не было до этого никакого дела. Бобби нужны были его деньги – и точка!

При мысли об этом Бобби стало так жалко себя, что он соскочил с койки и, прижавшись лицом к решетке, крикнул в пространство:

– Эй, какого черта они там копаются?!

Но, как и час, и два часа назад, на этот крик души никто не обратил внимания. Охранники оставались совершенно невосприимчивы к его жалобам. Они даже не смотрели в его сторону, а этого Бобби вынести уже не мог.

– Вы все здесь просто с ума посходили! – заявил он надзирателю, который полчаса спустя наконец-то сообразоволил подойти к дверям его камеры. – Я не какой-нибудь там обыкновенный заключенный. Я вообще не должен здесь находиться! Вы должны выпустить меня немедленно, иначе вы за все ответите!..

– Если бы мне платили хотя бы по пять центов за каждый раз, когда я слышу подобные речи, я бы уже давно был миллионером и отдыхал где-нибудь на Багамах, – насмешливо откликнулся надзиратель. – Ну-ка, Бобби, отойди от двери на пять шагов – к тебе посетитель.

И действительно, в коридоре, сопровождаемый рослым охранником, появился мужчина в легком полотняном костюме и галстук. Выглядел он вполне прилично, однако Бобби сразу почувствовал в его облике что-то необычное. Приглядевшись, он понял, в чем дело: правая рука незнакомца висела на черной повязке.

Подойдя к решетке камеры, молодой мужчина представился как Хэммонд Кросс.

– Вы ведь из прокуратуры, мистер? – уточнил Бобби, произвольно делая шаг вперед, и охранник поспешно поднял дубинку.

– Специальный помощник окружного прокурора, – отрекомендовался тот.

– О, прошу прощения, сэр, – проговорил Бобби, к которому мгновенно вернулась вся его самоуверенность. – Впрочем, кто бы вы ни были – мне все равно. Лишь бы вы вытащили меня отсюда.

– Ах да, вытащить тебя... Ведь, кажется, об этом ты договаривался с детективом Смайлоу, не так ли?

Этот ответ не понравился Бобби. Человек, назвавшийся Кроссом, был непрост. «С таким надо держать ухо востро!» – с опаской подумал Бобби.

Тем временем Хэммонд сделал надзирателю знак открыть камеру, и Бобби слегка воспрянул духом. Однако вместо канцелярии, где он должен был получить свои вещи и документы, охранник и надзиратель почему-то доставили Бобби в комнату, предназначенную для встреч заключенных с адвокатами. Затем они удалились, оставив его один на один с Кроссом.

– Я не считаю это освобождением, мистер Кросс, – развязно заявил Бобби, оглядываясь по сторонам. – Я договаривался с вашими коллегами вовсе не об этом. Или они предпочли позабыть о нашем уговоре?

– Я знаю, о чем ты с ними договаривался.

– Так в чем же дело? Скажите, пусть меня выпустят отсюда, и точка!

– Сначала нам надо поговорить.

– Я буду разговаривать с вами только в присутствии адвоката.

– Я – дипломированный адвокат, Бобби. Бобби недоверчиво посмотрел на него.

– Вы же сами сказали, что вы этот... специальный окружной помощник...

– Сядь и заткнись!

Бобби посмотрел на него оценивающим взглядом. Этот Кросс был достаточно высок и широкоплеч, но не производил впечатления силача, к тому же правая рука у него почти не действовала. Это последнее наблюдение придало Бобби уверенности или, лучше сказать, наглости. Картинно выпрямившись, он расправил плечи.

– Не слишком ли ты крут для однорукого? – нахально спросил он.

В глазах Кросса появился жесткий стальной блеск, совсем как у Смайлоу. Правда, Бобби никогда нельзя было напугать одним взглядом, однако отчего-то ему вдруг стало неуютно.

– Ладно, я сел... – проворчал он, плюхаясь на стул возле привинченного к полу стола. – Что дальше?

Кросс прошелся по камере, потом остановился прямо напротив Бобби.

– Ты даже представить себе не можешь, как мне хочется превратить тебя в отбивную, Бобби, – сказал он самым проникновенным голосом.

Бобби несколько раз моргнул и уставился на него в еще

большей тревоге. Губы Кросса едва двигались, а голос звучал очень негромко, но было в нем что-то такое, отчего у Бобби зашевелились волосы на голове. Он заметил также, что Кросс весь подобрался, словно пантера перед прыжком, и это поубавило в нем спеси.

– Я не знаю, что вы от меня хотите, – пробормотал Бобби, снова переходя на «вы». – Мы с детективом Смайлоу заключили договор...

– Так то с детективом Смайлоу!.. – Прокурор Кросс широко улыбнулся, но эта улыбка Бобби совсем не понравилась. – Но ведь я не детектив Смайлоу, не так ли? И я тебе ничего не обещал. Зато я заключил очень любопытную сделку с одним из бывших пайщиков компании под названием «Остров Спаркл»... Ну что, Бобби, ты еще не догадался, о чем идет речь?

Хэммонд немного помолчал, давая Бобби время подумать.

– Так вот, – продолжил он некоторое время спустя. – Этот человек согласен свидетельствовать против тебя, лишь бы на процессе к нему отнесли помягче. Список преступлений, совершенных тобой на острове Спаркл, похож на счет из прачечной – он такой же длинный, только в графе «Стоимость услуг» стоят не доллары, а годы. Десятилетия, Бобби! Мне недосуг перечислять все, что ты там натворил, скажу только, что одно только «умышленное уничтожение чужого имущества путем поджога» потянет на двадцать пять лет

минимум. Но самое главное, что список твоих походов не имеет никакого отношения к вашей сделке с детективом Смайлоу. Он занимается совсем другим делом, а ты, судя по этому списку, мой клиент. Итак, Бобби, с чего мы начнем? С поджогов или с твоих расистских выходов?

Бобби машинально вытер вспотевшие ладони о штаны.

– Послушайте, прокурор, я расскажу вам о моей сестре все, что вы хотите знать, и даже больше! – предложил он.

– Не поможет, – отмахнулся от него Кросс. – Да это и ни к чему. Юджин Кэрти не убивала Петтиджона.

– Но ведь детектив Смайлоу говорил мне...

– Она этого не делала, – повторил Кросс с неприятной улыбкой. – Так что, Бобби, твои дела плохи. Придется тебе некоторое время посидеть в одной из наших тюрем. А когда штату надоест одевать и кормить тебя бесплатно, мы передадим тебя во Флориду – наши коллеги из Майами очень интересуются твоей персоной.

– Да плевать мне на это! – не выдержал Бобби. – И на тебя плевать, пижон чертов! Позови сюда моего адвоката и живо, не то пожалеешь!

С этими словами он вскочил и шагнул к Кроссу, угрожающе сжимая кулаки. Но тот только поднял левую руку и с такой силой толкнул Бобби в грудь, что он не только упал обратно на стул, но и едва не опрокинулся навзничь. Прежде чем Бобби успел опомниться, прокурор Кросс склонился над ним и, приблизив свое лицо к лицу Бобби, сказал чуть слыш-

НЫМ, но ясным шепотом:

– Еще одно, мразь: если ты хоть когда-нибудь приблизишься к своей сестре – только приблизишься, Бобби! – я сверну тебе шею голыми руками. Или лучше измордую так, что ты сам себя не узнаешь, и тогда твои счастливые деньки дамского любимчика будут кончены. Если женщины и будут смотреть в твою сторону, то только с жалостью и отвращением. Ты понял?

В первое мгновение Бобби был потрясен, но потом все встало на свои места: и угрозы прокурора, и его неожиданное заявление о невинности Юджин. И Бобби рассмеялся.

– Теперь я понял! – воскликнул он. – Ты сохнешь по моей сестричке! И Бобби игриво ткнул Кросса пальцем в грудь.

– Ну, я угадал, специальный помощник Кросс? Ладно, можете не отвечать – я знаю, что прав. Так вот, мистер Кросс, как только вам захочется трахнуть Юджин – обращайтесь ко мне, я все устрою в лучшем виде. Хотите спереди, хотите сзади, хотите сбоку или «шестьдесят девять» – пожалуйста! Все будет зависеть от суммы, с которой вы готовы расстаться!

Как будто порыв ураганного ветра внезапно сбросил его со стула, и Бобби полетел на пол, болезненно треснувшись скулой о бетонный пол. В следующий момент перед его глазами возник занесенный для удара каблук прокурорского ботинка. Он был очень твердым на вид, с почти не стоптанным краем, и Бобби понял, что если каблук опустится, то его пе-

реносица может оказаться вмята до самого затылка.

– Мистер Кросс, не надо!.. – в ужасе завопил Бобби. Как сквозь вату, до него донесся топот башмаков в коридоре, лязг железной двери и голос охранника:

– Все в порядке, мистер Кросс? Прокурор убрал ногу.

– Да, благодарю вас, все в порядке, – ответил он спокойно. – Мистер Тримбл упал со стула. Боюсь, ему может понадобиться помощь.

Глава 37

– Это очень интересно... – Стефи прижала трубку плечом. – Ты сейчас где?

– Я звоню из тюрьмы, – ответил Хэммонд. – Думаю, Бобби Тримбл пробудет здесь еще некоторое время.

– А как насчет нашего с ним договора?

– За ним числится еще немало подвигов, кроме вашего фальшивого изнасилования, так что пока ему придется посидеть. Если тебя интересуют подробности, то я введу тебя в курс дела позднее.

– Отлично. Что-нибудь еще?

– Да. Ты, кажется, говорила, что знаешь сержанта Гленна Бассета?

– Лично я с ним незнакома – так, видела несколько раз... Это который заведует полицейским складом вещественных доказательств – такой полный, лысый, с усами?..

– Точно. Так вот, у него, оказывается, есть шестнадцатилетняя дочь, которую в прошлом году арестовали за хранение наркотиков. Это ее первый арест. Вообще-то она неплохая девушка, просто поддалась влиянию сверстников и попала в плохую компанию. Ей грозит большой срок...

– Понятно. И что дальше?

– Как мне удалось выяснить, Бассет обратился к Смайлоу за советом и помощью. Смайлоу вмешался, и девчонку вы-

пустили на поруки.

– Понятно. Ты хочешь сказать, что этот... Бассет и Смай-лоу обменялись любезностями?

– Это пока только предположение.

– Почему – предположение?

– Потому что все это пока на уровне сплетен. Я, правда, пытаюсь добыть что-нибудь конкретное, но копы не очень охотно дают показания на других копов. Я даже еще не разговаривал с самим Бассетом.

– Мне хотелось бы самой посмотреть на этого мужика. Сообщи мне, когда будешь готов, ладно? Ну а сейчас что собираешься делать?

– В данную минуту я еду в «Чарлстон-Плаза».

– Зачем?

– Помнишь те красивые купальные халаты, которыми снабжены все номера в гостинице?

– Белые, пушистые?

– Да. Так вот, я узнал – многие надевают их, когда идут в фитнес-зал.

– Ну и что?

– А ты можешь ответить мне, где халат Петтиджона?

– Что? Я не понимаю...

– Утром в день убийства Петтиджон побывал в фитнес-зале, где ему делали массаж. После массажа он принял душ, но одеваться не стал. Я расспросил массажиста, и он подтвердил, что Петтиджон пришел в гостиничном халате

и в нем ушел, следовательно, у него в номере должен быть использованный халат и тапочки. Но среди изъятых с места преступления улик их не было. Куда же они подевались?

– Хороший вопрос, – медленно сказала Стефи.

– Я знаю еще кое-что, – добавил Хэммонд. – Оказывается, Смайлоу регулярно бывает в фитнес-зале отеля, где ему делают массаж и педикюр. Понимаешь? Человек в таком халате может свободно расхаживать по всему отелю, и никто не обратит на него внимания – слишком много постояльцев бродит по коридорам в таком виде. – Смайлоу умен, он мог этим воспользоваться. Так вот, я намерен еще раз проверить номер Петтиджона и хотел поставить тебя в известность. Кстати, ты видела сегодня Смайлоу?

Стефи помедлила секунду, потом сказала:

– Нет, а что?

– Если случайно встретишься с ним, постарайся занять его чем-нибудь, чтобы я мог действовать спокойно.

– Хорошо, Хэммонд, конечно. Сообщи, если что-нибудь обнаружишь.

– Уверен, что обнаружу. И обещаю: ты узнаешь об этом первая. Хэммонд закрыл дверь отдельного кабинета и сел на стул напротив Дэви.

– Что-нибудь случилось? Ты сказала, что нам нужно срочно встретиться.

– Хочешь что-нибудь съесть или выпить?

– Нет, спасибо, ничего в горло не лезет. Впрочем, содовой

я бы выпил.

Дэви звонком вызвала официанта и, продиктовав ему заказ, достала из сумочки сигареты.

– Ты снова начала курить? – удивился Хэммонд. – Давно?

– Час назад.

– Что же все-таки случилось, Дэви? У тебя вид расстроенный.

Она отпила глоток из бокала, который, как подозревал Хэммонд, был далеко не первым. Дэви вызвала его в этот ресторан тридцать минут назад, и, поскольку Хэммонд направлялся в центр города, короткая встреча с ней не могла помешать его планам.

– Вчера ночью мне звонил Смайлоу, – сказала Дэви. – У нас было свидание... Увы, не романтическое.

– Тогда зачем вы встречались?

Она выпустила к потолку тонкую струйку ароматного дыма.

– Рори засыпал меня вопросами о тебе и о Люте... – Дэви подождала, пока официант поставит на стол содовую для Хэммонда и новый коктейль для нее. – Он знает, что в субботу ты тоже встречался с ним, только я не понимаю – откуда. Я, во всяком случае, ничего ему не говорила. Клянусь!

– Я верю тебе, Дэви.

– Он сказал, что тебя видели в отеле. Из этого Рори заключил, что ты встречался с моим мужем. Детектив Смайлоу, как ты знаешь, наделен совершенно нечеловеческой ин-

туицией...

– Ну, интуицию к делу не пришьешь.

– Может быть, но... Есть еще одна вещь, которую ты должен знать. – Дэви поднесла сигарету к губам, но рука ее дрожала.

– Говори, я слушаю.

– Я все знаю о тебе и Юджин Кэрти.

В первое мгновение Хэммонд опешил. Потом он решил все отрицать, но сообразил, что кого-кого, а Дэви ему вряд ли удастся провести.

– Откуда? – только и спросил он.

– Она приходила ко мне, и я догадалась. А она не стала отрицать. – Дэви вздохнула. – Разумеется, я не знаю ни обстоятельств, ни подробностей вашей первой встречи. Они мне ни к чему, так что я не стала допытываться. Кстати, твоя Юджин Кэрти совершенно очаровательна.

– Да, – согласился Хэммонд. – Я тоже так думаю.

– Ты, несомненно, понимаешь и то, что ваш роман чреват крупными неприятностями для вас обоих.

– Это я тоже хорошо знаю.

– Но почему из всех женщин Чарлстона, которые сохнут по тебе денно и ночью, ты выбрал именно ее?

– Разве это можно объяснить? – Хэммонд вздохнул и бросил взгляд на часы. – Извини, Дэви, у меня еще уйма дел, так что если ты ничего больше не хочешь мне сказать, то я, пожалуй, поеду. Что касается твоего последнего вопроса, то в

свое оправдание я могу сказать только одно: я вовсе не планировал ни в кого влюбляться ни на этой неделе, ни даже в этом месяце. Это случилось, вот и все. Ну а неприятности... Неприятности мы переживем. – Он улыбнулся. – Мы виноваты только в том, что наши отношения не укладываются в общепринятые представления о том, как должны вести себя прокурор и подозреваемая. Но разве не ты, Дэви, говорила, что правила и условности только для того и существуют, чтобы их нарушать?

– Но ты – не я, а что позволено старой распутной корове, то не позволено Юпитеру. – Дэви улыбнулась. – Не обижайся, Хэммонд, я просто хотела предупредить, чтобы ты был поосторожнее. Если судить по тому, как мисс Кэрти производила твое имя, она серьезно в тебя влюблена. И любой человек, который увидит вас вместе, сразу это заметит. В особенности если этот человек – женщина. Думаю, даже Смайлоу способен уловить кое-что, хотя он никогда не был особенно чувствителен к таким вещам.

Ее глаза неожиданно наполнились слезами, и Хэммонд не на шутку встревожился, потому что Дэви никогда не имела привычки плакать.

– Что с тобой?! – воскликнул он.

– Я боюсь, – выдавши она. – Боюсь за нее и за тебя.

– Но почему?

– Я почти уверена, что Люта убил Смайлоу, а такой человек, как он, вполне способен убить еще кого-то. Ради того,

чтобы обезопасить себя. Хэммонд долго смотрел на нее, потом улыбнулся.

– Спасибо, Дэви.

– За что?

– За то, что ты думаешь обо мне. И за это я тебя люблю.

Но еще больше я люблю тебя за то, что ты беспокоишься о Юджин. Надеюсь, вы станете друзьями.

С этими словами он встал и, наклонившись, поцеловал Дэви в щеку.

– Не волнуйся, все будет в порядке.

Он сделал движение, чтобы уйти, но Дэви удержала его.

– Ты... обещаешь? – спросила она с какой-то странной робостью, которая совершенно не вязалась с тем, что он о ней знал.

– Обещаю, – твердо ответил Хэммонд. – Тебе не о чем волноваться.

Из ресторана он выбежал почти бегом. Запрыгнув в машину, Хэммонд поехал к отелю, на ходу набирая номер домашнего телефона Юджин.

* * *

Замок на задней двери все еще был сломан, и он подумал, что с ее стороны было весьма неосторожно до сих пор не привести его в порядок. Сама кухня, однако, была точно такой, какой он помнил ее по прошлому разу – чистой, акку-

ратной и уютной, и только из крана над мойкой мерно капала вода – очевидно, какой-то из вентилях разболтался.

Он как раз вступил в коридор, когда на тумбочке рядом с ним зазвонил телефон, и он вздрогнул. К счастью, Юджин ответила на звонок в другой комнате, и он остановился, прислушиваясь к разговору, доносившемуся из приоткрытой двери в конце коридора.

Она была в своем кабинете и сидела в кресле спиной к выходящей в коридор двери. В кабинете прямо пахло утыканными гвоздикой апельсинами, красиво уложенными в хрустальную вазу на кофейном столике. На приставном столе рядом с креслом он разглядел несколько папок, очевидно – историй болезни, а одна такая папка была раскрыта у нее на коленях. Яркие лучи солнца били прямо в окна и горели медью и золотом в ее волосах, которые как будто притягивали их.

– Не беспокойся обо мне, – говорила она в трубку. – Нет, со мной все в порядке. А кто такой этот сержант Бассет?.. Аа, теперь понимаю. Значит, ты был прав. Что ж, в какой-то мере мне его даже жаль. Должно быть, на него было оказано сильное давление... Хорошо, я буду осторожна. Позвони мне, как только сможешь.

Она дала отбой, положила беспроводной телефон-трубку на приставной столик и неожиданно обернулась, очевидно, заметив что-то боковым зрением. От резкого движения раскрытая папка с историей болезни соскользнула с ее колен,

и листки бумаги разлетелись по пестрому ковру восточной работы.

– Детектив Смайлоу?! – ахнула Юджин. – Как же вы меня напугали!

* * *

Смитти был занят с клиентом, когда Хэммонд прошел мимо его стула к лифтам.

– Привет, Смитти, – окликнул он чистильщика. – Ты случайно не видел сегодня детектива Смайлоу?

– Нет, сэр, мистер Кросс, не видел.

Обычно дружелюбный и общительный, сегодня Смитти даже не поднял головы, продолжая сосредоточенно полировать туфли сидевшего на стуле клиента, но Хэммонд не обратил на это никакого внимания. Сейчас он думал только о том, что он может обнаружить в «люксе» на пятом этаже.

Дверь номера Петтиджона все еще была крест-накрест заклеена желтой полицейской лентой. Сорвав ее, Хэммонд открыл замок ключом, который вчера вечером он получил у управляющего отелем, и вошел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Жалюзи на окнах были опущены, поэтому в номере было полутемно, и засохшее пятно на ковре в гостиной казалось черным. Хэммонд знал, что менеджер уже распорядился заменить ковер новым, но это указание еще не было ис-

полнено. Глядя на пятно, Хэммонд попытался отыскать в душе хоть каплю сочувствия к Петтиджону, но так ничего и не нашел. Этот человек был порядочным мерзавцем при жизни и даже после смерти ухитрился отравлять существование окружающим.

Из гостиной Хэммонд перешел в спальню и заглянул в шкаф, где по-прежнему не было ничего, кроме упакованного в пластик и перевязанного поясом махрового халата и тапочек. Это был точно такой же халат, в каком Лют Петтиджон спускался в фитнес зал и поднялся обратно, чтобы переодеться в обычную одежду.

– Я бы, наверное, никогда не подумал о халате, если бы ты не заговорила об этом, когда мы сидели в баре, – сказал он негромко и, повернувшись, оказался лицом к лицу со Стефи, которая бесшумно появилась у него за спиной. Как она вошла, Хэммонд не слышал, но он ждал ее. – Тогда ты спросила, могу ли я представить себе Петтиджона расхаживающим по вестибюлю в халате и шлепанцах, – продолжал он. – Разумеется, это был чисто риторический вопрос. Я действительно не мог представить его в таком виде, но только до вчерашнего вечера. Когда я узнал, что он спустился в фитнес-зал в халате и в халате оттуда ушел, я спросил себя, откуда об этом стало известно тебе. И куда девался использованный халат... – Хэммонд задумчиво посмотрел на нее. – Должно быть, ты накинула его на себя поверх повседневной одежды и в таком виде вышла из номера. На тебя никто не

обратил внимания...

– Я была в костюме для джоггинга. Мне казалось, что это – отличная идея. Кому придет в голову, что человек, одетый в спортивный костюм, задумал совершить убийство? Но халат... Это была просто идеальная маскировка.

– Ты оставила его в фитнес-зале?

– Да. Вместе с полотенцем, которое я намотала на голову, как чалму. В этом наряде – да еще в солнечных очках – меня бы не узнала и родная мать. Все это я бросила у бассейна и отправилась на пробежку. Когда я вернулась, тело уже обнаружили и в отеле было полно полиции.

– Отличный план.

– Я и сама так думала, – кивнула Стефи и ухмыльнулась. Хэммонд кивком головы указал на револьвер, который она держала в руке:

– Это тот самый?

– Конечно, нет. Неужели ты думаешь, что я настолько глупа, чтобы использовать одно и то же оружие дважды? Когда я вернула на место ствол, который помог мне избавиться от Петтиджона, я взяла другой. Просто на всякий случай.

– Сержант Бассет может покаяться. Он, в общем-то, неплохой человек, а больная совесть уже давно не дает ему покоя.

– Я скажу, что он все выдумал. И почему-то я уверена, что мне поверят скорее, чем ему. В конце концов, я никогда не расписывалась в его дурацком журнале, а Бассет... Бассет

может наговаривать на меня просто из мести. Скажем, он злится на меня за то, что я не согласилась с ним переспать.

– Но Смайлоу просил тебя помочь его дочери.

– В первый раз я действительно ей помогла. Не моя вина, что она снова попала на том же самом. Ее дело будет слушаться через пару недель.

– И что ты пообещала Бассету?

– Что потребуую условного приговора с испытательным сроком.

– Или?..

– Или его маленькая Аманда отправится в тюрьму на пять лет. В настоящую тюрьму для взрослых – ведь она уже совершеннолетняя. Бассет понимает, что это значит. Он выбрал первое.

– Ты круто берешь, – вздохнул Хэммонд.

– Когда меня вынудят.

– И что вынудило тебя убить Петтиджона?

– Он обманул меня! – выкрикнула Стефи пронзительным голосом, в котором Хэммонду почудились истерические нотки. Похоже, Стефи была близка к отчаянию и не отдавала себе отчета в своих действиях. – Я шпионила для него, – продолжала она. – Я консультировала его по самым разным вопросам, я готовила для него схемы, которые позволяли ему подставить партнеров, а самому выйти сухим из воды. Однажды он сказал мне, что готовит компромат на Престона, чтобы вывести из игры вас обоих. После этого Пет-

тиджон собирался посадить меня в кресло окружного прокурора, но что-то заставило его передумать. Несомненно, во всем виновато это ваше идиотское южное чванство! Ему загорелось склонить тебя на свою сторону, потому что ты – лучший юрист, чем я. Мне же он открытым текстом заявил, что ему не нужен второсортный товар и что он не нуждается в моих услугах. И это после всего, что я для него сделала!

– И что ты для него сделала?

– Много чего... Например, пока я жила с тобой, я передавала ему наши с тобой разговоры, касающиеся тайного расследования его деятельности – расследования, которое ты вел по поручению прокурора штата. Правда, ты не посвящал меня в детали, но для Петтиджона достаточно было самого факта.

– Но в субботу ты явилась к Петтиджону, чтобы убить его?

– У меня не осталось другого выхода, Хэммонд. Я долго играла по правилам, но все, решительно все было против меня! С тех пор, как я поступила в прокуратуру, я пахала, как лошадь. Я из кожи вон лезла, но – как бы я ни старалась – ты всегда получал самые выигрышные дела и самые выигрышные должности тоже. В отчаянии я кинулась к Петтиджону, но этот мерзавец ловко использовал меня. Он долго водил меня за нос, обещая всяческую помощь и поддержку, но в конечном счете не дал ни того, ни другого.

Стефи перевела дух, но взгляд ее стал еще суровее, еще беспощаднее.

– Ты даже не можешь представить, каково это – пережить подобное разочарование. Ведь тебе все доставалось легко, – сказала она. – Мне же приходилось всего добиваться самой, я знала удачи и падения, но еще никогда я не испытывала ничего подобного этому крушению всех надежд. Петтиджон был для меня живым напоминанием о том, какой непроходимой дурой я была, когда поверила ему, да и он, наверное, смотрел на меня как на легковерную бабенку, которую можно легко обвести вокруг пальца. А я не могла этого допустить. Что-то во мне сломалось, и я решила, что ему это так просто не сойдет с рук. Я должна была отомстить.

Новость о моей «отставке» Петтиджон сообщил мне по телефону, но я настояла на личной встрече. Мы договорились встретиться в отеле в шесть, но я пришла на четверть часа раньше и увидела его лежащим вниз лицом на ковре. Первое, о чем я подумала, это о том, как мне не везет. Я решила, что кто-то опередил меня и лишил удовольствия расправиться с ним лично.

– Возможно, это была Юджин. А может быть, и я... – встал Хэммонд.

– Тогда я ничего не знала о Юджин, – нетерпеливо бросила Стефи. – Во всяком случае, до тех пор, пока не объявился этот засранец из Мейкона. Сначала я испугалась. Я боялась, что этот человек мог видеть меня. Я сделала все, что было в моих силах, чтобы Смайлоу заподозрил в убийстве мисс Кэрти. Когда же нам подвернулся еще и Тримбл со своими

показаниями, я готова была поверить в существование ангела-хранителя.

Она нервно рассмеялась, но Хэммонд покачал головой.

– Ты покушалась на ее жизнь, – сказал он жестко.

– Я совершила ошибку, – признала Стефи. – Не следовало доверять важное дело кому попало.

– Кто был этот человек?

– Один парень, который попал в поле зрения полиции несколько месяцев назад. Псих, по-моему... Впрочем, для меня это не имело особенного значения. Главное, что на нем висело обвинение в избиении и нанесении тяжких телесных повреждений. Он показался мне достаточно агрессивным, поэтому, когда его адвокат потребовал условного приговора, я согласилась. Мне уже тогда казалось, что иметь в резерве такого человека, который к тому же тебе кое-чем обязан, может быть полезно. – Она ухмыльнулась. – Должно быть, я чувствовала, что мой союз с Петтиджоном ничем хорошим не кончится.

– И что же было дальше? – поинтересовался Хэммонд, видя, что Стефи замолчала.

– Дальше? Его выпустили, но я продолжала поддерживать с ним связь. Он согласился перерезать горло твоей мисс Кэрти за пару сотен долларов, но, как ты знаешь, у него ничего не вышло. Он скрылся из города с той сотней, которую я вручила ему в качестве аванса. Эта сволочь до того перетрусил, что даже не позвонил мне и не предупредил, что случи-

лось... – Стефи провела рукой по лбу. – До сих пор не могу простить себе, как я не сообразила, что в тот вечер с Юджин Кэрти был ты. Мне и в голову не приходило, что мой человек и напавший на тебя грабитель – это одно и то же лицо. Только когда я узнала, что мисс Кэрти жива и здорова, я начала понемногу прозревать.

– Ты боялась, что она могла видеть тебя в отеле?

– Я не знала наверняка, но думала, что это вполне возможно. Еще во время первого допроса я почувствовала, что она что-то скрывает, и испугалась. Я думала, что Кэрти опознала меня и теперь ждет подходящего момента, чтобы сообщить об этом тебе или Смайлоу. Признаться, я была поражена, когда узнала, что за секрет она хранит на самом деле... Кстати, где ты увидел ее в первый раз?

Хэммонд ничего не ответил, только покачал головой.

– Да, – кивнула Стефи. – Ты прав – это не имеет никакого значения. Теперь. – Она выделила голосом последнее слово и посмотрела на пистолет в своей руке. – Признаться, мне было обидно, когда ты бросил меня. Кроме того, я всегда завидовала твоим успехам и той легкости, с какой ты добивался чего бы ни пожелал, и все же я не питаю к тебе ненависти... Я слишком далеко зашла, и ты – последнее препятствие на моем пути. Прости... И прощай.

– Постой, Стефи! – воскликнул Хэммонд. – Не спеши! Я... Он шагнул к ней, но опоздал. Стефи выстрелила в него в упор.

Выстрел с короткого расстояния отбросил Хэммонда к окну. Он скорчился там бесформенной массой, и Стефи, круто повернувшись, бросилась к выходу из спальни. Схватившись за ручку, она распахнула дверь и... остолбенела. На пороге стояли детектив Майкл Коллинз и двое полицейских в форме с револьверами наготове.

– Вы арестованы, мисс Манделл. Бросайте оружие, – командовал Коллинз.

– Эй, ты в порядке? – спросил Коллинз, глядя куда-то за спину Стефи, и она обернулась. Хэммонд сидел на полу у окна и потирал рукой грудь. В том месте, куда попала пуля, рубашка была разорвана, и в прореху виднелась ткань кевларового бронежилета, который спас ему жизнь.

– Ты... обманул меня? – спросила Стефи слабым голосом. Майк Коллинз уже надел на нее наручники и теперь зачитывал права, но Стефи не слушала его – она смотрела только на Хэммонда.

– Извини, пришлось. – Хэммонд поднялся с пола и снова потер грудь. – Я догадался обо всем только вчера и сразу помчался к Смайлоу. Я рассказал ему о своих подозрениях, и мы всю ночь совещались. В конце концов мы решили поставить этот небольшой спектакль... Смайлоу предложил поделиться с тобой некоторыми моими соображениями, ко-

торые я якобы считал уликами против него, но которые на самом деле вели к тебе. Он считал, что это заставит тебя занервничать и выдать себя. Смайлоу также настоял, чтобы я положил в карман диктофон и надел бронежилет, и я рад, что мне хватило ума последовать его советам...

Теперь и лицо, и даже поза Стефи буквально излучали ненависть. Хэммонду с трудом верилось, что эта чужая, ставшая почти уродливой женщина когда-то была его любовницей, и все же в его голосе звучала искренняя грусть и сожаление.

– Я знал, что ты считаешь меня своим конкурентом, но мне и в голову не приходило, что ты попытаешься убить меня.

– Ты всегда недооценивал меня, Хэммонд! – прошипела Стефи. – Ты всегда считал меня глупее себя.

– Что ж, в конце концов так и оказалось, – покачал головой Хэммонд.

– Так вот, ты заблуждаешься! – крикнула она. – Я кое-что про тебя знаю! И не пытайся отпираться: у меня есть доказательства твоей интрижки! Тебе плохо придется!

Хэммонд кивнул Майклу Коллинзу, и тот подтолкнул Стефи к выходу, но, прежде чем полицейские вывели ее, она обернулась и повторила свою угрозу:

– Я разоблачу тебя, Хэммонд!

Юджин негромко рассмеялась.

– Я ждала вас, детектив, но я не слышала, как вы вошли.

Смайлоу покачал головой.

– Мы не знаем, когда Стефи нанесет удар и кого она выберет первой жертвой. На всякий случай я проверил ваш сад и вошел через заднюю дверь, потому что так было ближе. Вы до сих пор не починили замок, доктор Кэрти. Это... неблагоприятно.

– Я знаю, но у меня было слишком много других дел.

– Да, для всех нас эта неделя была не из самых легких.

– Это еще мягко сказано.

Смайлоу опустился на колени, чтобы помочь ей собрать рассыпавшиеся по полу бумаги.

– Простите, я случайно подслушал ваш разговор с Хэммондом, – сказал он. – Он ведь рассказал вам о Бассете?

– Да.

– С его стороны это была поистине гениальная догадка.

– Ну, он ненамного вас опередил. Хэммонд говорил мне, что, когда сегодня утром разговаривал с вами, вы признались, что у вас тоже были подозрения относительно причастности мисс Манделл к этому убийству.

– Действительно, – согласился Смайлоу, – подозрения у меня были, но я отбросил их как невероятные. Возможно, я

был слишком рад смерти Петтиджона, чтобы нормально рассуждать. – Он перестал собирать бумаги и посмотрел Юджин прямо в глаза. – Я никогда не верил, что вы настоящий убийца, мисс Кэрти. Прошу вас, простите меня за некоторые вопросы...

Она коротко кивнула.

– Всем нам бывает непросто отказаться от некоторых наших решений, от чего-то, что мы полагаем правильным, – сказала она. – Я была очень удобным подозреваемым – мне приходилось скрывать слишком многое, чтобы вы поверили в мою версию.

– Я не просто оказался не способен признать свою ошибку, мисс Кэрти. Сознаться в собственных промахах неприятно всегда, но мне к тому же очень не хотелось, чтобы прав оказался Хэммонд.

Последовала неловкая тишина, и Смайлоу с облегчением вздохнул, когда зазвонил его сотовый телефон.

– Алло?

Некоторое время он молча слушал, и лицо его оставалось бесстрастным.

– Хорошо, сейчас еду, – сказал он наконец и дал отбой.

– Стефи стреляла в Хэммонда, – промолвил он и, увидев, как изменилось лицо Юджин, поспешно добавил:

– Нет, с ним все в порядке. Главное, она призналась в убийстве Петтиджона, а Хэммонд сумел записать ее слова на диктофон. Стефи Манделл арестована.

Юджин со вздохом облегчения откинулась на спинку кресла. Только теперь ей стало понятно, в каком напряжении она находилась все это время.

– Вы... уверены, что он не пострадал?

– Абсолютно.

– Значит, все позади... – тихо произнесла она. Смайлоу неловко улыбнулся.

– Не совсем. Через полчаса Хэммонд будет участвовать в пресс-конференции. Хотите, я подвезу вас?

Глава 38

Временная штаб-квартира окружной прокуратуры располагалась в совершенно непригодном здании, поэтому Монро Мейсон решил провести пресс-конференцию в одном из залов мэрии Чарлстона.

Слухи о том, что произошло в отеле, уже успели просочиться, и зал взволнованно гудел. Первые ряды в зале были оккупированы репортерами и операторами. Следующие три ряда были зарезервированы для официальных лиц и администрации округа и членов городского управления, остальные места предназначались для гостей, среди которых Хэммонд заметил своих родителей. В ответ на его кивок Амелия Кросс приветливо помахала сыну рукой. Престон же сидел с каменным лицом, он явно пребывал не в самом лучшем расположении духа, и Хэммонд знал почему. Сегодня рано утром он позвонил отцу и предложил ему сделку – ту самую, о которой упоминал в разговоре с Бобби Тримблом. Хэммонд сказал, что, если отец согласится дать показания против Бобби, он порекомендует генеральному прокурору штата не выдвигать против него обвинений, и Престон скрепя сердце согласился. Иного выхода у него не было; правда, он дистанцировался от аферы Петтиджона с островом, но сделал это недостаточно быстро, что позволяло привлечь его к ответственности. Кроме того, зная о хулиганских выходках

Тримбла, он ничего не сделал, чтобы прекратить это, и не сообщил властям, кто является главным виновником необъявленной войны против населения острова.

«Хочешь соглашайся, отец, хочешь – оставим все как есть. Только в последнем случае тебе придется отвечать по всей строгости закона», – сказал ему Хэммонд.

«Это что, ультиматум?» – холодно осведомился Престон. «Нет, просто деловое предложение. Тебе решать, отец: либо ты во всем признаешься, либо будешь продолжать отрицать свою вину и отправишься в тюрьму».

Хэммонд дал отцу три дня, чтобы обдумать свое положение и посоветоваться с адвокатом. Он готов был поклясться, что Престон в конце концов согласится на его предложение, и сейчас, увидев, как отец, случайно встретившись с ним глазами, поспешно отвел взгляд, еще больше укрепился в своем мнении.

На мгновение ему даже показалось, что Престон испытывает угрызения совести. Это было маловероятно, но все-таки возможно, и Хэммонд позволил себе надеяться, что когда-нибудь они с отцом смогут по крайней мере уважать друг друга.

Дэви тоже была здесь и выглядела как настоящая кинозвезда. Увидев, что Хэммонд смотрит на нее, Дэви послала ему воздушный поцелуй. Он собирался кивнуть в ответ, но в это время какой-то репортер сунулся к Дэви с микрофоном, и Хэммонд увидел, как ее губы произнесли: «Пошел в

задницу, козел!» При этом Дэви продолжала ослепительно улыбаться.

Но он тут же забыл о Дэви, увидев в дверях Смайлоу и Юджин. Они шли по проходу, и Хэммонд не отрываясь смотрел на Юджин, любуясь ее лицом и природной грацией движений. Пока Смайлоу вез ее в мэрию, Хэммонд успел перебраться с ней несколькими словами по телефону.

Усадив Юджин на свободное кресло рядом с Фрэнком Перкинсом, который тепло обнял свою клиентку, Смайлоу двинулся дальше. Подойдя к трибуне, он сделал знак Хэммонду, и тот, извинившись перед Мейсоном, спустился к нему.

– Отличная работа, Хэммонд, – сказал ему Смайлоу. Хэммонд знал, что Смайлоу требовалось сделать над собой усилие, чтобы, поступившись самолюбием, произнести подобные слова, поэтому он сказал:

– Я просто сделал, как ты советовал. Ты составил весь этот план от начала и до конца – без тебя у меня ничего бы не получилось. К тому же ты спас мне жизнь, когда настоял, чтобы я надел бронежилет... – Он немного помолчал и добавил:

– Мне до сих пор не верится, что Стефи действительно хотела меня убить. Откровенно говоря, я думал, что она сразу сдастся...

– Ты плохо ее знал.

– Теперь я это понимаю, – кивнул Хэммонд. – Как говорится, лучше поздно, чем никогда... В общем, спасибо тебе

за все, что ты сделал.

– На здоровье. – Смайлоу ухмыльнулся и, поглядев в зал, неожиданно увидел Дэви, которая смотрела на него. Лицо детектива сразу сделалось печальным, но Хэммонд, который внимательно за ним наблюдал, был готов поклясться, что заметил на щеках Смайлоу легкий румянец.

– Это тебе, – сказал он, передавая Хэммонду плотный конверт из коричневой бумаги. – Это результаты лабораторного анализа. Стефи принесла их мне сегодня утром. Ей известно, что кровь на простыне мисс Кэрти принадлежит тебе.

Хэммонд открыл рот, но Смайлоу покачал головой:

– Ничего не говори, Хэммонд. И не надо меня благодарить. Просто возьми этот конверт и уничтожь. Без этого, какие бы заявления ни делала Стефи, доказать что-либо будет невозможно. Впрочем, поскольку мисс Кэрти больше не является подозреваемой, не имеет никакого значения, спал ты с ней или нет.

– Но это будет... не правильно, – искренне возразил Хэммонд.

– Как бы не так... – Смайлоу понизил голос. – Мы оба друг друга недолюбливаем, и для этого у нас обоих были основания. В работе мы пользуемся слишком разными методами, но мы по крайней мере сражаемся по одну сторону баррикады. И для того, чтобы закон всегда торжествовал, мне лично нужно, чтобы окружную прокуратуру возглавлял такой

человек, как ты, – решительный и бескомпромиссный. Став окружным прокурором, ты принесешь гораздо больше пользы, чем если останешься на своей нынешней должности. А это, без сомнения, произойдет, если ты признаешься в своем романе с мисс Кэрти, на который, кстати, большинству наплевать.

Хэммонд не успел ничего ответить – в это время Монро Мейсон окликнул его, так как пора было начинать.

– Сейчас иду, еще минутку, шеф! – откликнулся Хэммонд, не оборачиваясь.

Смайлоу посмотрел ему прямо в глаза.

– Иногда, – сказал он медленно, – нам приходится нарушать правила, чтобы лучше выполнить свою работу. Это был веский аргумент. Хэммонд взял конверт.

* * *

Монро Мейсон заканчивал свою речь, но многие репортеры уже закрыли блокноты, а операторы сняли с плеч громоздкие видеокамеры. Рассказ о покушении на жизнь специального помощника прокурора Кросса и об аресте Стефи Манделл совершенно их загипнотизировал, но сейчас представители прессы явно демонстрировали признаки усталости.

–..И хотя мне горько сознавать, что один из моих подчиненных находится под арестом и вскоре предстанет пе-

ред судом по обвинению в серьезном преступлении, – говорил Мейсон, – я горжусь, что мистер Кросс, мой помощник по особым поручениям, способствовал его раскрытию. Сегодня он продемонстрировал настоящую храбрость, мужество и верность долгу. И это – только одна причина, по которой я хотел бы видеть его моим преемником на посту прокурора округа.

Это заявление заставило репортеров проснуться, и по рядам собравшихся пробежал недоуменный шум. Потом раздались громкие аплодисменты – это отреагировали те, кто был в курсе грядущей отставки Мейсона.

Конверт с доказательствами его падения жег Хэммонду руки. Присутствующие и коллеги смотрели на него с уважением, а кое-кто с завистью, но ему казалось, что в их глазах он читает сомнение в его честности.

– Ну, не стану вам больше надоедать, – со свойственной ему прямолинейностью прогремел Мейсон. – Позвольте мне представить вам героя сегодняшнего дня мистера Хэммонда Кросса.

Зал снова отозвался аплодисментами, операторы взялись за свои камеры, репортеры открыли блокноты.

Положив конверт перед собой на стол, Хэммонд поднялся и слегка откашлялся. Он едва успел поблагодарить Мейсона за теплые слова в свой адрес, как в дверях зала возникло какое-то смятение, и Хэммонд, подняв голову, увидел в проходе Лоретту Бут.

Сердце подпрыгнуло у него в груди, а слова, которые он собирался произнести, напрочь вылетели из головы.

Сначала Лоретту заметили только те, кто стоял в дверях и кого она энергично расталкивала, прокладывая себе путь. Когда Хэммонд неожиданно замолчал, головы всех присутствующих одна за другой повернулись в ее сторону. Она же, никак не реагируя на то, что стала центром всеобщего внимания, продолжала настойчиво пробираться вперед, изо всех сил размахивая руками и делая Хэммонду знаки.

За сегодняшний день в жизни Хэммонда произошло так много событий и разворачивались они так быстро, что он просто забыл созвониться с Лореттой. Он хотел предупредить ее, что все подозрения с Юджин Кэрти сняты, но он упустил время. Лоретта наверняка притащила с собой одного или всех трех бравых морских пехотинцев, с которыми неделю назад он едва не повздорил, и избежать этой встречи было нельзя.

Не обращая внимания на недоуменный ропот вокруг, Хэммонд торопливо спустился с трибуны и зашагал по проходу навстречу Лоретте.

– У тебя что-то важное. Лори? – негромко спросил Хэммонд, останавливаясь перед женщиной.

– Да. Я разыскиваю тебя уже почти сутки, черт побери, – ответила она, даже не пытаясь скрыть свое раздражение.

– Я был очень занят, прости.

– Я тоже. – Она взяла его за рукав и повлекла за собой к

выходу. – Я хочу, чтобы ты поговорил с одним человеком.

И Хэммонд позволил ей тащить себя, хотя и был уверен, что за дверями его ждут субботние пехотинцы, которые, увидев его лицо, воскликнут: «Вот же он, этот парень! Это он был в ресторане с той девчонкой!»

Почти поддавшись панике, Хэммонд готов был вырваться из цепких пальцев Лоретты, но она, выглянув в коридор, уже махала кому-то рукой.

Но, к его удивлению, в дверях показался отнюдь не морпех-новобранец и даже не курсант Цитадели, а маленький, сморщенный негр в очках в тонкой металлической оправе.

– Смитти?! Что ты тут делаешь? – удивленно воскликнул Хэммонда.

– Как поживаете, мистер Кросс? Извините, я говорил миссис Бут, что нам лучше подойти к вам потом, но она не захотела меня слушать.

Хэммонд перевел недоуменный взгляд на Лоретту. – Я считал, что ты ездила на ярмарку, – сказал он. – По крайней мере, так ты сказала, когда оставляла свое сообщение...

– Да, я была именно на ярмарке и там встретила Смитти. Он сидел в ресторане и слушал, как играет оркестр. Мы разговорились, и Смитти упомянул, что теперь он чистит ботинки в отеле «Чарлстон-Плаза»...

Смитти смущенно погладил себя по лысой голове.

– Извините, сэр, что не объяснил вам... Дело в том, что мне было стыдно...

– Почему? Разве ты что-нибудь натворил?

– Он не рассказал вам о странном поведении Стефи Манделл, – вставила Лоретта. – В прошлую субботу она появилась в вестибюле отеля сначала в спортивном костюме, потом – в белом гостиничном халате, а чуть позже снова в спортивном костюме для бега.

– Я тогда не придавал этому значения, мистер Кросс, – сказал Смитти виновато. – Только в четверг, когда мисс Манделл показали по телевизору, я вспомнил, как она несколько раз переодевалась.

– Смитти не хотелось, чтобы из-за него у кого-то были неприятности, – пояснила Лоретта, – поэтому он никому об этом не сказал. За исключением Смайлоу...

– Смайлоу?!

Детектив, который успел подойти к Хэммонду, поспешил вмешаться.

– Когда ты сказал, что видел в субботу одного из заместителей окружного прокурора, – обратился он к Смитти, – я решил, что ты имеешь в виду Хэммонда!

– Нет, сэр, мистер Смайлоу. Я имел в виду это чудо в перьях – мисс Стефи Манделл. Извините, если я что-то вам напортил. Хэммонд положил руку на плечо Смитти:

– Спасибо, что сказали нам об этом сейчас. Позднее мы запишем ваши показания официально. – Он повернулся к Лоретте и добавил:

– И тебе тоже огромное спасибо.

Лоретта нахмурилась.

– Ты сцапал Стефи и без моей помощи, – проворчала она. – Но все равно ты должен мне выпивку. И массаж ног в придачу.

Хэммонд вернулся на свое место на трибуне. Видеокамеры продолжали жужжать, свет юпитеров слепил глаза, но на сердце у него теперь было легко. Напряжение, стальными обрубками стискивавшее его грудь, исчезло.

Ни один человек не знал правды о нем и Юджин! Даже Лоретте не удалось найти ни одного свидетеля, который мог неожиданно возникнуть ниоткуда и под присягой показать, что в субботу вечером видел их с Юджин вместе. Никто ничего не знал, за исключением Фрэнка Перкинса, Рори Смайлоу, Дэви, Юджин и... и его самого.

Когда Хэммонд вернулся на свое место на трибуне-возвышении, Монро Мейсон показал ему поднятые вверх большие пальцы. Даже Престон Кросс одобрительно улыбнулся сыну со своего места в зале. Он, несомненно, согласился бы со Смайлоу и сказал бы сыну: «Забудь о пустяках. Протяни руку и возьми, что тебе причитается».

Хэммонд тяжело вздохнул. На грядущих выборах он был единственной проходной кандидатурой. Помешать ему не могла никакая, даже самая дикая случайность. По всей видимости, даже конкурентов у него не будет. Но стоила ли любая, самая высокая должность того, чтобы поступаться ради нее честью и уважением к себе? Простит ли он себе соб-

ственное малодушие?!

Радость и облегчение разом улетучились. Он бросил взгляд на Юджин и по выражению ее глаз мгновенно понял, что она знает, о чем он думает. Во всем зале она была единственным человеком, который мог разгадать его мысли. В понимающей улыбке Юджин Хэммонд прочел ответ на все свои вопросы.

В эти секунды он понял, как сильно любит ее.

–..Прежде чем я продолжу, – сказал Хэммонд, вставая, – я хотел бы обратиться к человеку, чья жизнь подверглась непозволительному вмешательству со стороны властей. И теперь я приношу мисс Юджин Кэрти самые глубокие и искренние извинения как от лица своих коллег, так и всего округа в целом...

Хэммонд сделал паузу и обвел взглядом зал.

– Но это еще не все, – добавил он после секундного колебания. – Я должен также лично извиниться перед мисс Кэрти. Дело в том, что с самого начала расследования по этому делу я знал, что она не убивала Люта Петтиджона. Она признала, что в тот день побывала в его номере, но это было задолго до установленного следствием часа смерти. Кое-какие материалы, добытые полицией в лице мистера Смайлоу, указывали на то, что у нее мог быть мотив для убийства, и мисс Кэрти подверглась унижительным допросам. И я допустил это, хотя твердо знал, что она ни в чем не виновата. Дело в том, что у мисс Кэрти было совершенно неопровержи-

мое, как мы говорим – железное алиби...

«Не будь дураком, никто никогда не узнает... Это сущий пустяк... Мы должны иногда нарушать правила, чтобы лучше сделать свою работу.» – все эти мысли пронеслись в голове Хэммонда в какую-то долю секунды, но он заставил себя закончить фразу и с облегчением произнес:

– Этим алиби был я...